

А.А.Чеченов

**Историческая
фонетика
карачаево-балкарского
языка**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.А.Чеченов

**Историческая
фонетика
карачаево-балкарского
языка**

Москва - 1996

Печатается по решению Ученого совета
Института языкознания РАН
и Бюро Российского комитета тюркологов

Ответственный редактор:

член-корреспондент РАН, академик РАЕН

Э.Р.Тенишев

Рецензенты:

член-корреспондент НАНИ Чувашской Республики,

доктор филологических наук, профессор

Н.И.Егоров;

член-корреспондент НАН Республики Казахстан,

доктор филологических наук, профессор

К.М.Мусаев.

В монографии решается задача - проследить отражение пратюркских гласных и согласных в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах. Закладывается фундамент для дальнейших монографических исследований по всем уровням карачаево-балкарского языка на основе сравнительного и сравнительно-исторического методов.

Книга рассчитана на научных работников, аспирантов и студентов, занимающихся вопросами тюркологии.

ISBN 5-88766-025-02

© Институт языкознания РАН, 1996

© Чеченов А.А., 1996

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы истории карачаево-балкарского языка и, в частности, его сравнительно-исторической фонетики, до сих пор остаются наименее изученными в тюркологии, хотя многими поколениями исследователей уже накоплено достаточно фактов по многим вопросам истории и диалектологии карачаево-балкарского языка и большинство из них опубликовано. В настоящее время назрела необходимость в обобщении имеющегося репрезентативного эмпирического материала и его компаративистической интерпретации. Среди работ, посвященных сравнительно-исторической фонетике карачаево-балкарского языка, важное место занимают труды Ш.Х.Акбаева (1963), А.М.Аппаева (1960), А.Ю.Бозиева (1965), А.К.Боровкова (1935), Н.А.Караулова (1908), М.А.Хабичева, Х.И.Хаджилаева (1970), Дж.М.Гузеева (1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1981), А.Ж.Будаева (1968, 1975, 1964), Б.Чобан-заде (1931), С.Я.Байчорова и др. Важное место принадлежит также компаративистическим трудам отечественных и зарубежных тюркологов, посвященным сравнительно-историческому изучению фонетики тюркских языков. Изучение вопросов сравнительно-исторической фонетики карачаево-балкарского языка облегчается ныне наличием соответствующих разработок как в плане общей тюркологии, так и по конкретным тюркским языкам. В методологическом отношении чрезвычайно важны основополагающие работы классиков тюркской компаративистики В.В.Радлова (Radloff, 1882), В.Гренбека (Grönbech, 1902), Х.Педерсена (Pedersen, 1903), П.М.Мелиоранского (Melioranskiy, 1904), Г.И.Рамстедта (Ramstedt, 1957), Н.Н.Поппе (Poppe, 1960), В.Банга (Bang, 1924), В.А.Богородицкого (1933, 1953), Е.Д.Поливанова (1927, 1968), М.Рясянена (1955), Дж.Эмре (Emre, 1949), Л.Лигети (Ligeti, 1938), К.Г.Менгеса (Menges, 1968), А.М.Щербака (1970), Б.А.Серебренникова и Н.З.Гаджиевой (1979), А.Н.Кононова (1980), Э.А.Груниной (1992) и др. Все то, что было сделано в области сравнительно-исторической фонетики тюркских языков до настоящего времени, представляет собой надежную основу для дальнейших компаративных исследований по конкретным тюркским языкам.

В тюркской компаративистике в настоящее время существует множество теорий, предположений о причинах и направлениях фоне-

тических корреляций и изменений, предложено несколько вариантов реконструкций вокализма и консонантизма для различных диахронических уровней. В 1984 году вышла в свет коллективная монография "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика", в которой рассмотрены все основные научные направления в изучении тюркской исторической фонетики, и это освобождает нас от подробного обзора существующей литературы по данному вопросу.

Карачаево-балкарский язык принадлежит тюркской семье алтайских языков и, разумеется, сравнительно часто фигурирует в алтаистических и общетюркологических компаративистических штудиях. В значительной части компаративистических исследований карачаево-балкарский материал приводился как иллюстративный. Давно известно, что только обобщение большого количества лингвистических фактов, относящихся к современному состоянию и к истории родственных тюркских языков, а также учет историко-культурологических и этногенетических данных позволяет восстановить полную и достаточно адекватную картину исторического развития каждого отдельного тюркского языка.

В связи с задачами разработки истории карачаево-балкарского языка в последние годы среди языковедов усилился интерес к изучению фонетических, грамматических и лексических особенностей данного языка и его диалектов путем сравнения с данными живых тюркских языков, а также с памятниками древних и средневековых тюркских языков. Однако история формирования и развития карачаево-балкарского общенародного языка и его диалектной системы, а также его соотношений с другими тюркскими языками, как древними и средневековыми, так и современными на широком сравнительно-историческом фоне еще не стали предметом специального исследования.

В настоящей монографии, после краткого обзора истории изучения карачаево-балкарского языка и его диалектов, освещаются проблемы становления и развития карачаево-балкарского общенационального языка и его диалектной системы в тесной связи с ходом формирования и дальнейшего исторического развития карачаево-балкарского народа, на основе историко-лингвистических данных древнебулгарских, средневековых печенежско-огузских, кыпчакско-половецких и кыпчакско-огузских памятников языка в их соотношении и сравнении с диалектными данными карачаево-балкарского литературного и народно-разговорного языка. В работе также уделяется внимание соотношению фонетических данных близкородственных кумано-кыпчакских: кумыкского, караимского, крымско-татарского,

канглыйско-кыпчакских: казахского, каракалпакского, ногайского, а также урало-поволжских кыпчакских: татарского и башкирского языков и освещаются вопросы фонетических соответствий между карачаево-балкарским языком и более отдаленными тюркскими языками, включая и памятники древнетюркской, орхон-енисейской письменности. При воссоздании истории отдельного тюркского языка необходимо подкрепить факты современного языка сравнительно-историческими данными других родственных языков, по возможности соотносить и увязывать этапы развития языка с этапами истории носителей этого языка. Поэтому в первой части исследования пришлось подробно остановиться на узловых проблемах этно- и лингвогенеза карачаевцев и балкарцев, в частности, на вопросах взаимоотношений пратюрков - далеких предков карачаевцев и балкарцев, исторических взаимоотношениях последних с древними булгарами Юго-Восточной Европы: с хазарами, печенегами, тюрками-огузами, половцами, кыпчаками и т.д. Для разработки проблем этногенеза и истории народа важное значение имеют лингвистические данные. Одной из целей сравнительно-исторического языкознания является пополнение наших знаний об истории народа посредством лингвистических данных. Поэтому там, где позволяет сохранившийся скудный, в основном ономастический и титулатурный, языковой материал, мы стремились привести его для документирования и иллюстрации исторических взаимоотношений карачаево-балкарского языка с языками древних булгар, хазар, печенегов, кумано-половцев, золото-ордынских кыпчаков и др.

В тюркологии все еще продолжает оставаться слабо разработанной проблема периодизации истории как отдельных тюркских языков (частная периодизация), так и всех тюркских языков в целом (общетюркская периодизация). В работе на основе критического изучения существующих в научной литературе общих и частных периодизаций, впервые разработана периодизация истории карачаево-балкарского языка, начиная с пратюркской эпохи и кончая современным его состоянием.

Выделенные последовательные диахронические страты истории карачаево-балкарского языка служат необходимым инструментом для историко-лингвистических исследований и позволяют более или менее тесно локализовать в пространстве и во времени языковые инновации и более адекватно интерпретировать их природу, причину появления.

Установление соответствующих диахронических стратов позволило в последующем выявить и локализовать основные этноязыковые субстраты Юго-Восточной Европы в той или иной мере участво-

вавшие в процессе исторического формирования карачаево-балкарского языка. Основными субстратами представляются наиболее ранние иранские и наслоившиеся на них относительно поздние тюркские. В свою очередь в иранском субстрате выделяются последовательно накладывавшиеся друг на друга киммерийский, скифский, савроматский, сарматский, аланский и осетинский диахронические страты, а в тюркском субстрате - древнебулгарский, гуннский, хазарский, печенежский и огузско-тюркский (гузский) страты.

Изложенные в этой части исследования основные научно-методологические предпосылки в дальнейшем послужат теоретической и методической основой для исследований по конкретным отраслям истории карачаево-балкарского языка.

Вторая часть исследования посвящена сравнительно-историческому изучению фонетической системы карачаево-балкарского языка, одного из кумано-кыпчакских языков.

В последние годы в тюркологии появилось немало исследований по исторической фонетике и грамматике тюркских языков, направленных на выявление причин диахронических звуковых изменений и реконструкции вокализма и консонантизма на разных диахронических срезах. Основные достижения в области тюркской исторической фонетики и фонологии обобщены и освещены в последней по времени в коллективной монографии. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. "Фонетика" (М., Наука, 1984), выполненной под общим руководством Э.Р. Тенишева. В отечественной тюркской компаративистике был поднят и успешно разрешен целый ряд проблем, касающихся особенностей исторического развития различных уровней языков тюркских народов, литературных традиций средневекового "тюрки", характера письменности и литературных языков тюркоязычных народов раннего и позднего средневековья, специфики межтюркских этнокультурных и лингвистических взаимоотношений и т.д. и т.п. Успешному развитию тюркской компаративистики в целом способствовали фундаментальные труды таких представителей отечественной и зарубежной тюркологии, каковыми, по общему признанию тюркологической научной общественности, являются В.В.Радлов, С.Е. Малов, Е.П.Мелиоранский, Н.И.Ашмарин, Н.Ф.Катанов, А.Н. Кононов, А.К.Боровков, К.К.Юдахин, И.А.Батманов, В.М.Насилов, Н.А.Баскаков, В.Г.Егоров, М.Р.Федотов, Э.Н.Наджиб, Э.Р.Тенишев, А.М.Щербак, С.Н.Иванов, Л.С.Левитская, В.Г.Кондратьев, А.М.Габен, М.Рясянен, Г.Й.Рамстедт, В.Томсен, Н.Н. Поппе, О.Притцак, К.Броккельман, Л.Лигети, Т.Текин, Е.Д.Поливанов, В.А.Богородицкий, Н.К.Дмитриев, С.К.Кенесбаев, Э.В.Севортян,

Б.А.Серебренников, Н.З.Гаджиева, Е.И.Убрятова, Дж.Г.Киекбаев и другие, которые заложили прочный научно-теоретический фундамент для дальнейшего изучения истории развития фонетической, а также лексико-грамматической системы конкретных тюркских языков. Вопрос об историческом развитии фонетической системы отдельных тюркских языков отражен также в работах тюркологов Ф.А.Абдуллаева, Ф.Г.Исхакова, Л.С.Левитской, Н.Д.Дьячковского, А.Мамедова, Е.З.Кажимбекова, Т.Талипова, А.Джунисбекова, М.И.Трофимова, В.И.Рассадиной, М.А.Черкасского, Л.А.Аганиной, И.В.Кормушина, Ш.Х.Акбаева, В.И.Асланова, У.Ш.Байчуры, П.П.Барашкова, З.А.Биишева, А.Ж.Будаева, Т.М.Гарипова, Ж.М.Гузеева, И.Г.Добродомова, Н.И.Егорова, В.И.Золхоева, Ф.Г.Исхакова, П.С.Кузнецова, Л.Т.Махмутовой, К.М.Мусаева, В.В.Решетова, Д.Г.Тумашевой, М.Р.Федотова, Ф.С.Хакимзянова, А.М.Щербака, А.А.Юлдашева и др.

Работы тюркологов-исследователей карачаево-балкарского языка старшего поколения Ш.Х.Акбаева, У.Б.Алиева, А.М.Аппаева, А.М.Байрамкулова, П.И.Балтина, А.К.Боровкова, А.Ж.Будаева, Ж.Гузеева, М.К.Милых, В.П.Сухотина, Х.Суюнчева, В.И.Филоненко, М.А.Хабичева, Х.-М.Хаджилаева и др. представляют собой серьезный вклад в изучение диалектных, в первую очередь, фонетических особенностей карачаево-балкарского языка. Эти труды позволяют установить случаи междиалектных фонетических корреляций, различия между диалектами и говорами карачаево-балкарского языка, вскрыть общие внутренние законы развития карачаево-балкарского языка в целом, а также в определенной степени решить вопрос об истории сложения общенационального литературного языка.

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных вопросам сравнительно-исторического, диахронического и синхронического аспектов фонетики тюркских языков, многие из кардинальных проблем фонетики и фонологии все еще остаются нерешенными, что отрицательно сказывается на осмыслении и критическом анализе, а также теоретическом обобщении ряда фонетических явлений карачаево-балкарского языка и его диалектов. Трудность решения всех вопросов исторического развития фонетической структуры карачаево-балкарского языка, охватывающих значительный диахронический период, объясняется, с одной стороны, отсутствием обобщающих исследований по истории развития не только карачаево-балкарского, но и других родственных, этно- и лингвогенетически близких к карачаево-балкарскому кумыкского, караимского, крымско-татарского и других кыпчакских языков, а с другой - спецификой самой фонетики как

лингвистической науки, опирающейся на достижения в этих областях тюркской компаративистики.

Всесторонний охват процесса исторического развития возможен лишь при глубокой и тщательной разработке теории и методологии фонетического, фонологического, фонематического, а также морфологического анализа не только чисто звуковых, но и грамматических и лексических уровней карачаево-балкарского, а также близкородственных, в первую очередь кумано-кыпчакских языков, а также языковых особенностей письменных памятников западно-кыпчакского региона. Для отчетливого представления истории развития отдельных фонетических явлений, образования новых фонем, а также для иллюстрации процесса активизации функциональной нагрузки отдельных фонем в истории кумано-кыпчакских и, конкретно, карачаево-балкарского языка, мы предприняли в данной работе экскурс в историческую фонетику, а по мере возможности и необходимости также и в компаративистическую морфологию и лексику карачаево-балкарского языка, что позволило нам сепарировать внутриязыковые и внеязыковые фоногенные факторы, разработать периодизацию истории карачаево-балкарского языка, а также стратификацию содержащихся в нем иноязычных субстратных, суперстратных, адстратных и инстратных явлений и фактов.

Развитие любого языка теснейшим образом связано с многовековой историей народа-носителя данного языка. Формирование национального языка, существенные сдвиги в его общественной функции находятся в определенной зависимости от развития, социально-экономической и историко-политической жизни общества. Все основные процессы, происходящие в составе речевых средств общения и в нормах их употребления в общенациональном разговорном и литературном языке, в той или иной степени связаны с изменениями в материальной и духовной культуре народа, вызванными как изменением этнолингвистического окружения, так внутренним социально-экономическим прогрессом данного общества. Проблема общественной функции языка является одной из кардинальных теоретических проблем, в которой перекрещиваются собственно лингвистические, социологические, гносеологические и иные аспекты исследования языка и речи. Ускоренное функциональное развитие языка, отмечаемое исследователями в переломные моменты развития общества, вызывает не только количественный рост разных лингвистических фактов, явлений, различных способов, форм, типов их взаимосочетаний. Все это обуславливает постепенные качественные сдвиги, видоизменения, преобразования в разных сферах структуры языка. Однако, воздей-

ствие изменений социальной действительности на язык никогда не бывает деструктивным, то есть не может разрушить языковую систему в целом. Внешние факторы никогда не отменяют действия внутренних законов языка. Они способны только ускорить или замедлить действие отдельных тенденций развития языковой системы или же предоставить новый материал, который подвергается воздействию внутриязыковых факторов и законов. Из этого следует, что все то, что связано с проявлением тех или иных тенденций и с изменениями в фонетической структуре языка, осуществляется не хаотично, а в строгом соответствии с действием законов внутреннего развития языка. В своей работе мы попытались показать взаимодействие внутриязыковых и внешняязыковых факторов на историческое развитие фонетической системы карачаево-балкарского языка после его выделения из кумано-кыпчакского праязыка.

В истории развития звукового строя карачаево-балкарского языка, как и других близкородственных языков, есть ряд спорных моментов, встречаются различные трактовки отдельных фонетических явлений. Разумеется, наличие разных мнений по некоторым частным вопросам, не подкрепленных достаточным репрезентативным эмпирическим материалом, вполне допустимо. Однако, разноречия в трактовке основополагающих проблем, для решения которых вполне достаточно языкового материала, отрицательно сказывается на теоретической разработке кардинальных вопросов истории развития фонетической системы современного карачаево-балкарского языка. Без глубокого осмысления и критического анализа различных высказываний ученых невозможно предпринимать какие-либо серьезные выводы и теоретические высказывания.

Такой экскурс в историю карачаево-балкарского языка принят нами в специальном первом разделе, а также, в конкретных случаях, попутно, по ходу разработки того или иного вопроса в соответствующих параграфах второго раздела.

Цель настоящего исследования - заложить фундамент для дальнейших монографических исследований по всем уровням карачаево-балкарского языка на основе сравнительного и компаративистического методов. Мы поставили перед собой задачу - проследить отражение в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах фонетических фактов и явлений, унаследованных от исходной пратюркской системы и кумано-кыпчакского языка-основы и путем сравнения с близкородственными тюркскими языками выявить основные тенденции и закономерности развития этих явлений в современном карачаево-балкарском языке, установить самобытность ряда фонетических

явлений и выявить причины и механизмы их возникновения, и пересмотреть, таким образом, отдельные мнения ученых по тем или иным вопросам исторического развития фонетической структуры карачаево-балкарского языка. В связи с этим в работе разрабатываются такие острые вопросы, как иноязычные субстратные, адстратные, суперстратные, интерстратные и др. влияния и явления межъязыкового и междиалектного взаимодействия.

В заключение считаю своим долгом выразить признательность коллегам по Институту языкознания РАН, и в особенности по отделу урало-алтайских языков, которые своими советами и рекомендациями, неоднократными коллективными обсуждениями оказали неоценимую помощь.

Пользуясь случаем, выражаю благодарность докторам филологических наук А.В.Дыбо, Г.Ц.Пюрбееву, Е.З.Кажобекову и Н.И.Егорову, которые прочитали работу в рукописи и сделали ряд ценных замечаний и рекомендаций.

Особую благодарность адресую своему учителю - члену-корр. РАН, доктору филологических наук, профессору Эдхаму Рахимовичу Тенишеву, чью постоянную и бескорыстную помощь испытывал весь период работы над монографией. Приношу также благодарность Э.С. и А.Э.Скворцовым, без технической помощи которых я не смог бы справиться с подготовкой данного издания.

ГЛАВА I. Обще­теоретические вопросы истории карачаево-балкарского языка

§1. Историография изучения карачаево-балкарского языка

Карачаево-балкарский язык - язык народа, включающего две этнически и лингвистически родственные группы - балкарцев (малкъарлы, таулу) и карачаевцев (къарачайлы), расселенных волей исторических судеб в основном в двух смежных государственных образованиях - Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской Республиках. Кроме того, небольшие группы балкарцев и карачаевцев проживают в Казахстане, Киргизии и других республиках Средней Азии. Карачаевцы и балкарцы проживают также в Турции (около 30 тыс. человек), Иордании, Сирии, США и некоторых странах Западной Европы. По данным переписи 1989 года, в бывшем СССР проживало около 156 тыс. карачаевцев и около 85 тысяч балкарцев. Основной этнической территорией, на которой в исторически обозримое время сформировался единый карачаево-балкарский народ, являются отроги Северного Кавказа, точнее, территории, на которых позднее возникли Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республики.

В существующей литературе в разное время язык балкарцев и карачаевцев обозначался различными терминами. В литературе XIX - начале XX вв. у разных авторов можно выявить термины "горско-татарский язык", "татарско-джагатайский язык", "горско-тюркский язык", "карачаевский язык", "балкарский язык" и т.п., однако все они не прижились. Начиная с конца 1950-х годов окончательно утвердилось название "карачаево-балкарский язык".

Карачаевцы и балкарцы в зависимости от их расселения имели свои различные самоназвания. Наиболее популярными местными народными названиями карачаево-балкарского языка являются: таулу тил - "горский язык" или "язык горцев", къарачайтил "язык карачаевцев", малкъар тил - "балкарский язык" или "язык балкарцев".

В настоящее время карачаево-балкарский язык является одним из государственных языков Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии, на нем издаются газеты и журналы, ведутся радио- и телепередачи, ведется преподавание в школах, язык этот является предметом изучения в вузах и научных центрах.

Первые сведения о балкарцах и карачаевцах и их языке стали достоянием науки уже в начале XIX века в трудах известного немец-

кого путешественника и исследователя И.Клапрота. Его перу принадлежит первый список племен и народов Кавказа и первый глоссарий карачаево-балкарского языка (Klaproth, 1814; 1832). В основу этой работы были положены языковые материалы, собранные И.Клапротом во время его путешествия по Кавказу и Грузии в 1807 - 1808 годах.

Уже в конце XIX века Р.Эркерт представил научной общест-венности систематический обзор народов Кавказа и их языков (Erckert, 1888). Здесь он уделит внимание карачаевцам и балкарцам.

Первый краткий очерк грамматики карачаево-балкарского язы-ка на русском языке был составлен Н.А.Карауловым (Караулов 1912: 1-169). Его грамматика "горского языка болкар" состоит из четырех разделов: собственно грамматического очерка, небольшого балкар-ского текста - образца балкарской устной словесности и двух неболь-ших глоссариев - русско-балкарского и балкарско-русского.

Первый очерк грамматического описания балкарского языка был замечен крупнейшими тюркологами и вскоре появились обстоя-тельные рецензии отечественного тюрколога А.Н.Самойловича на страницах "Записок Восточного отдела русского археологического общества" (СПб., 1913. Т. 21. С. 0152-0162) и венгерского тюрколога Ю.Немета на страницах издававшегося в Лейпциге немецкого журна-ла "Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft" (Leipzig, 1913. Bd. 67). Таким образом работа Н.А. Караулова стала своеобраз-ным событием в мировой тюркологии. Несмотря на некоторые неточ-ности в описании строя балкарского языка, работа Н.А.Караулова впервые ввела в научный оборот достаточно полные сведения о ха-рактере данного языка, о его фонетической структуре, граммати-ческом строе, словарном составе и диалектном членении. Сведения, приведенные в грамматическом очерке Н.А.Караулова, впоследствии были использованы многими тюркологами для подтверждения выво-дов и обобщений своих исследований.

В области исторической фонетики карачаево-балкарского языка представляет определенный интерес высказанное Н.А.Карауловым предположение об историческом воздействии осетинского языка на развитие некоторых диалектных особенностей карачаево-балкарской фонетики. Н.А.Караулов определил наличие двух основных диалектов карачаево-балкарского языка: *c/z* -диалекта и *č/ž* ~ *ž* -диалекта, до-вольно близко к действительному положению вещей объяснял разви-тие "цокающе-зокающего" диалекта под влиянием осетинского языка. Это высказывание Н.А.Караулова перекликается с аналогичными предположениями Вс. Миллера (Миллер 1881 - 1887; 1894: 814-818),

также находившего историческое влияние осетинского языка на карачаево-балкарский.

Важным вкладом в дело изучения карачаево-балкарского языка являются труды венгерского ученого В.Преле, содержащие более точные и подробные сведения по фонетике, грамматике и лексике, а также довольно точные записи фольклорных текстов. В специальных работах, посвященных отдельно балкарскому (Pröhle 1914-1915: 164-276; 1915-1916: 104-243) и отдельно карачаевскому языкам (Pröhle 1909: 215-304; 1909: 83-150), В.Преле установил генетическую связь между карачаевским и балкарским языками, с одной стороны, и с кыпчакским (куманским или половецким) - с другой. В 1911 году другой венгерский тюрколог Ю.Немет выпустил сравнительное исследование кумыкской и карачаево-балкарской лексики (Nemeth 1911: 91-153), где он пришел к выводу о ближайшем родстве между ними и, в свою очередь, о родстве этих языков с кыпчакским.

После появления этих работ было однозначно установлено место карачаево-балкарского языка среди языков тюркской системы: он, по единодушному мнению тюркологов, принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков. Однако кыпчакские языки сами составляют довольно разветвленную систему и предстоит определить истинное место карачаево-балкарского языка внутри кыпчакской группы языков. В дооктябрьский период систематическое изучение истории карачаево-балкарского языка находилось в зачаточном состоянии.

Появление новой отрасли лингвистической науки - карачаево-балкарского языкознания относится к послеоктябрьскому, советскому периоду, когда в связи с необходимостью разработки норм литературного языка, его алфавита, орфографии, грамматики, словарей, терминологии и учебников начинается усиленная работа в этом направлении.

В связи с национальным этнополитическим размежеванием и образованием национальных республик и областей в 1924 году разрабатывается новый алфавит на латинизированной основе, создаются первые школьные учебники родного языка, составляются систематические очерки грамматики, появляются исследования по карачаево-балкарскому языку, организуются научные экспедиции по сбору лингвистического материала и изучению диалектного членения языка. В 1937 году был составлен новый проект национального алфавита на основе кириллицы и правила орфографии.

Параллельно с разработкой первоочередных практических проблем, связанных с установлением норм карачаево-балкарского литературного языка и созданием норм его письменного функционирова-

ния в конце 20-х - начале 30-х годов разворачивалась работа по планомерному изучению основных вопросов фонетики, грамматики, лексикологии, диалектологии и истории, организуются систематические экспедиции для изучения языка и фольклора. Наряду с местными научными силами в исследование карачаево-балкарского языка включались лучшие силы отечественной тюркологической науки из Москвы и Ленинграда. Большой интерес к изучению карачаево-балкарского языка был проявлен зарубежными учеными.

В 20-30 годы XX века практически за короткий срок разработаны основы карачаево-балкарской письменности и орфографии, составлена и опубликована наиболее полная грамматика карачаево-балкарского языка, написанная носителем языка У.Д.Алиевым (Алиев 1930: 6), появилась грамматика карачаевского языка У.О. Байрамкулова (Байрамкулов, 1931; Bajramqullanъ, 1930; 1936; 1935; 1931; 1936), несколько работ по карачаево-балкарскому языкознанию опубликовал известный тюрколог А.К.Боровков (Боровков 1932: 37-55; 1935: 290; 1937: 480-481; 1935: 11-40). К этому периоду относятся работы А.М.Аппаева (Аппаев, 1941), В.И.Филоненко (Филоненко, 1940), Р.Шаумяна (Шаумян, 1935), В.П.Антонова-Саратовского (Антонов-Саратовский, 1930), Н.Я.Марра (Мarr 1929: 45-46), Р.О.Шор (Шор, 1930), В.И.Абаева (Абаев 1933: 71-89). В начале 40-х годов появляются работы Х.О.Лайпанова (Лайпанов, 1941), У.Б.Алиева (Алиев, 1959), А.Д.Жарахина, У.Ш.Байрамкулова, А.К.Чанкаева (Жарахин, 1941) и других исследователей, посвященные различным аспектам карачаево-балкарского языка.

Однако о целенаправленном изучении истории языка в 1920-1940 годы не могло быть и речи. Как показывает обзор основных работ этих лет по карачаево-балкарскому языку, все силы исследователей были направлены "на языковое строительство" - на создание учебных грамматик, словарей, справочников и т.п. В период становления национального литературного языка такое положение вещей вполне понятно, но в те же годы в советском языкознании господствовало "новое учение о языке" и сравнительно-историческое языкознание находилось под запретом, вместо него искусственно насаждалась пресловутая яфетическая теория о стадийном развитии языка, утверждавшая, что все слова во всех языках мира происходят из четырех элементов. В условиях господства марризма сравнительно-историческое карачаево-балкарское языкознание так и не состоялось, но описательная прикладная лингвистика развивалась позитивно.

Этот позитивный процесс развития карачаево-балкарского языкознания был приостановлен начавшейся в 1941 году Великой Отече-

ственной войной. В 1943 году карачаевцы, в 1944 году балкарцы были депортированы со своей исторической родины и процесс развития карачаево-балкарского языкознания был искусственно прерван. В результате проведения политики репрессий и геноцида по отношению к карачаевцам и балкарцам, как сами народы, так и их язык были преданы уничтожению и забвению. Таким образом, с середины 1940-х годов вплоть до конца 1950-х годов карачаево-балкарский язык перестает быть объектом исследования на территории СССР.

В годы репрессий центр тяжести по изучению карачаево-балкарского языка переместился за рубежи бывшего Советского Союза. В эти годы карачаево-балкарским языком достаточно активно занимались иностранные тюркологи Х.Эрен (Eren, 1961), Р.Рахмети Арат (Rahmeti Arat R.), О. Притцак (Pritsak, 1959), Р.Карча (Karça, 1954), А.Джафероглу (Caferoglu, 1943 - 1947), М.Рясянен (Räsänen, 1957; 1949), И.Бенцинг (Benzing, 1953) и др. Зарубежные исследователи предприняли попытки изучения вопросов исторической фонетики и грамматики, определения места карачаево-балкарского языка в системе тюркских и алтайских языков.

Систематическое изучение карачаево-балкарского языка возобновилось лишь в 60-х годах после восстановления карачаевцев и балкарцев в правах и возвращения их на свою историческую родину. С конца 50-х - начала 60-х годов переиздаются наиболее важные работы по грамматике карачаево-балкарского языка, создаются новые учебники и методические пособия, возобновляется научное изучение языка, фольклора, истории и этнографии карачаевцев и балкарцев. Это стало возможным благодаря подготовке национальных кадров исследователей из среды самих носителей языка в ряде важнейших тюркологических центров страны.

Благодаря усилиям исследователей нескольких поколений, в 60-90 годы были созданы большие словари - русско-карачаево-балкарский (Русско-карачаево-балкарский словарь. Около 35000 слов. // Под. ред. Х.И. Суюнчева и И.Х. Урусбиева. М.: Сов. Энциклопедия, 1965. - 744 с.) и карачаево-балкарско-русский (Карачаево-балкарско-русский словарь, 1989), обстоятельная грамматика карачаево-балкарского языка (Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика. Морфология. Синтаксис // Под общ. ред. проф. Н.А.Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. - 571с.), были исследованы практически все уровни языка. Значительный вклад в изучение карачаево-балкарского языка внесли У.Б.Алиев (Алиев, 1959; 1963; 1958; 1960; 1960), А.М.Аппаев (Аппаев, 1960), А.Ж.Будаев (Будаев, 1964; 1968; 1970; 1973), А.Х.Соттаев (Соттаев, 1968; 1960 и др.),

А.М.Байрамкулов (Байрамкѳулланы, 1958; Байрамкулов, 1965; 1967 и др.), Ш.Х.Акбаев (Акбаев 1971: 98-101; 1963 и др.), М.А.Хабицев (Хабицев, 1961; 1971: 126-129; 1970: 64-69; 1974; 1967; 1975; 1978; 1981; 1982 и др.), И.Х.Ахматов (Ахматов, 1968; 1970; 1972; 1980 и др.), С.Я.Байчоров (Байчоров, 1989; 1978; 1981: 348-355; 1982: 114-139; 1982: 44-62; 1986: 16-52; 1987: 41-64; 1989: 5-26 и др.), Х.С.-А. Джанибеков (Джанибеков, 1987: 86-95; 1988: 103-114 и др.), И.Х.Урусбиев (Урусбиев, 1964; 1967; 1963 и др.), Х.М.Хаджилаев (Хаджилаев, 1962; 1970; 1961; 1979 и др.), М.Ж.Гузеев (Гузеев, 1972; 1973: 59-63; 1975: 87-90; 1974: 62-66; 1974: 62-66; 1986: 34-36; 1984; 1985 и др.), М.З.Улаков (Улаков 1977: 124-128; 1977: 119-123; 1982; 1982; 1994 и др.), И.М.Отаров (Отаров, 1978; 1979), М.М.Текуев (Текуев, 1979; 1979; 1982 и др.), Х.И.Суюнчев (Суюнчев, 1977), Л.Ж.Жабелова (Жабелова, 1986) и другие.

Аналитический обзор историографии карачаево-балкарского языкознания показывает, что сравнительно-историческое направление в основном начало складываться только во второй половине 70-х годов и проделало первые шаги в области компаративной лексикологии (см. работы И.М.Отарова, А.А.Джаппуева, М.З.Улакова), а другие уровни в этом направлении или еще вообще не затрагивались, или же находятся в зачаточном состоянии. Так, в области исторической фонетики предприняты только первые пробные шаги в самом первом приближении к этой отрасли лингвистики. Это, в основном, работы, посвященные фонетическим отличиям диалектов карачаево-балкарского языка и проблемам междиалектного ряда взаимных соответствий $\check{z} \sim \tilde{z} \sim z$, $\check{c} \sim c$ и их связи с иранским (аланско-осетинским) субстратом.

Первая серьезная попытка исторического освещения звукового строя карачаево-балкарского языка была предпринята в начале 60-х годов И.Х.Акбаевым (Акбаев, 1963.)

В отношении сравнительно-исторического аспекта изучения карачаево-балкарского языка в целом могут быть указаны только общие тюркологические и кавказоведческие исследования, в которых карачаево-балкарский язык как один из полноправных представителей тюркских языков, непременно привлекался для сравнения и сопоставления с другими тюркскими языками, а в типологических и контрастных исследованиях - также с кавказскими и другими контактирующими и неродственными языками.

Тем не менее нельзя сказать о достаточной степени сравнительно-исторической изученности ни одного из уровней карачаево-балкарского языка - фонетики, морфологии, грамматики, лексики,

синтаксиса, хотя целенаправленная работа в этом направлении ведется в основных научных центрах - Кабардино-Балкарском и Карачаево-Черкесском НИИ, Институте письменных памятников (г. Карачаевск), на филологических кафедрах Кабардино-Балкарского и Карачаево-Черкесского университетов. В настоящее время в России основные научные центры по изучению карачаево-балкарского языка сосредоточены в городах Нальчике, Карачаевске, Черкесске, Москве и Санкт-Петербурге. Подготовкой кадров лингвистов-компаративистов высшей квалификации занимаются Институт языкознания АН России, АН Азербайджана, АН Казахстана. В странах дальнего зарубежья центры по изучению карачаево-балкарского языка находятся в Калифорнийском, Колумбийском, Висконсинском, Блумингтонском университетах США, в Стамбульском, Анкарском, Газийском университетах Турции.

Общие сведения об истории карачаевцев и балкарцев, а также их языке, об отношении их к другим тюркским и кавказским языкам можно обнаружить во многих обобщающих трудах отечественных (Яковлев, 1930; Алиев, 1917; Лавров, 1969) и зарубежных авторов (Distel 1914: 336-369; Dirr, 1920; 1925; Tobchibachi 1948: 176-177; Kantemir, 1951; Eren, 1961; 1962: 319-357), посвященных истории, этнографии, фольклору, культуре кавказских и тюркских народов.

§ 2. Место карачаево-балкарского языка в системе тюркских языков

Карачаево-балкарский язык как один из кыпчакских языков занимает свое законное место в различного рода сравнениях и сопоставлениях в обобщающих исследованиях, посвященных сравнительно-историческому изучению всех тюркских языков, истории отдельных тюркских языков и в классификациях тюркских языков и народов. Сведения о месте карачаевцев и балкарцев, а, следовательно, о месте их языка в системе тюркских языков и народов можно найти в трудах Й.Х.Аделунга (Adelung, 1806), Ф.П.Аделунга (Adelung 1815: 32-35; 1815), Г.Ю.Клапрота (Klaproth, 1823), А.Бальби (Balbi, 1826), А.Палмблада (Palmblad 1827: 225-240), И.Хаммера-Пургеталля (Hammer 1825: 364-365; 1827: 16-17; 1836: 189-191), И.Н.Березина (Berezin 1849: 1-93), В.В.Радлова (Radloff 1882-1883: 280-291), Г.Вамбери (Vambery, 1885), Н.Ф.Катанова (Катанов 1894: 186-206; 1903), Н.А.Аристов (Аристов 1896: 452-456), Л.Джахуна (Cahun 1896: 34-35), Ф.Е.Корша (Корш 1910: 114-127), Г.И.Рамстедта (Ramstedt

1938: 292-295; 295-297). (Подробное изложение на немецком языке см.: Jyrkänkallio P. Übersicht über die türkischen Völker unzerer Zeit // *Studia Orientalia*. 1950. XIV. 10. S. 3-30; А также: Ramstedt 1957: 18-25), Ю.Немета (Nemeth 1917: 7), П.А.Фалева (Фалев, 1922), А.Е.Крымского (Крымский, 1930), А.Н.Самойловича (Самойлович 1922: 3-15; краткое изложение на немецком языке см.: *Islamica*. Leipzig, 1924. Т. 1. S. 134; 1926. № 2; краткое изложение см.: *Encyclopedic de l'Islam*. Leyden; Paris, 1934. IV. P. 956-957; 1926. № 2), Б.Чобан-заде (Чобан-заде 1927: 19-49), Ж.Дени (Deny, 1924; 2-е изд. Paris, 1952), А.Е.Крымского (Крымский, 1930), В.А.Богородицкого (Богородицкий, 1933; 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1953), Д.Синора (Sinor 1939: 393), А.Джафероглу (Caferoglu, 1943-1947), А.Дж.Эмре (Emre, 1949; 1942), М.Рясненена (Räsänen 1949: 26-31; 1953: 92-104; 1955: 28-32), Н.А.Баскакова (Баскаков 1952: 121-134; 1960; 1969; 1994), А.М.Габен (Gabain 1950: 3-8; 1988), С.Е.Малова (Малов 1952: 135-143), Р.Р.Арата (Arat 1953: 59-139; 1987: 69-149; 1929: 321-324), М.Бенцинга, К.Г.Менгеса (Benzing, Menges 1959: 1-10), Б.А.Серебренникова (Серебренников 1961: 60-73), Дж.Клосона (Clauson, 1962; 1972), А.Дилячара (Dilaçar, 1964), Н.Поппе (Porpe, 1965), К.Менгеса (Menges 1968: 59-66), Г.Дерфера (Doerfer, 1971; 1978: 15), А.Караманлыоглу (Karamanlioglu, 1972), Т.Текина (Tekin 1991: 5-18; 1976), Н.З.Гаджиевой (Гаджиева 1980: 100-126), А.М.Щербака (Щербак 1994: 12-42) и др. Уже беглый обзор существующих в литературе классификаций тюркских языков показывает, во-первых, их чрезвычайную пестроту и множество различных принципиальных подходов в зависимости от преследуемых их авторами целевых установок. По подсчетам Г.Дерфера, общее число классификаций тюркских языков приближается к шести десяткам (Doerfer, 1971: 1; 1978: 15). Поражает и количество предложенных классификаций, и многообразие их типов. Одни классификации охватывают практически все тюркские языки в целом, другие - часть их; одни ориентированы на современное состояние системы тюркских языков, другие - на тот или иной диахронический срез, третьи - на разработку классификационных принципов и приемов; существуют и обобщающие обзоры и работы, объединяющие ряд перечисленных аспектов в той или иной композиции.

Обзору имевшихся в их распоряжении опытов классификации тюркских языков посвящены работы И.Н.Березина (Berezin, 1848: 1-93), Ф.Ф.Арата (Arat 1953: 59-139), Й.Бенцинга и К.Г.Менгеса (1959: 1-10), разделы в книгах Б.Чобан-заде (Чобан-заде 1927: 19-49), Н.А.Баскакова (Баскаков 1969: 210-354), А.М.Щербака (Щербак 1994: 12-42), а также статья Н.З.Гаджиевой (Гаджиева 1980: 100-126). Мно-

гие ранние работы трудно еще относить в разряд собственно научных лингвистических классификаций, на самом деле они скорее представляют перечни тюркоязычных народов, составленные с учетом их этнической принадлежности и географического размещения. Тем не менее они представляют значительный интерес для исследования истории карачаево-балкарского языка как одни из ранних упоминаний и локализаций его носителей в тюркоязычной ойкумене.

Интересным нам представляется размещение карачаевцев и балкарцев (под их грузинским названием "басиян") в группе "северных татар", "настоящих татар" ("чагатайское, старо-татарское наречие") в классификационной схеме Й.Х.Аделунга (Adelung, 1806). Здесь под рубрикой "А. Чистые татары" перечислены в нижеследующем порядке. (Здесь и далее ради экономии места ограничимся цитированием только того фрагмента классификации, где упоминаются карачаевцы и балкарцы или карачаевский и балкарский языки):

А. Чистые татары

1. Ногайцы и крымские татары
 - a. Монкаты (мангыты - А. Ч.)
 - b. Кундур(ов)цы
 - 1) Буджакцы (Бесарабия)
 - 2) Иедсан
 - 3) Йанбойлук
 - 4) Кубанцы
 - d. Мансуровцы
 - e. Терские татары
 - f. Басиане (балкарцы. - А. Ч.)
 - g. Кумыки
 - h. Карачаевцы
 - в. Дагестанские татары
 - h. Ширванские татары
1. Уйтигур
2. Кумане (кыпчаки или половцы. - А. Ч.)
3. Казанские татары
4. Оренбургские татары
 - 1) Уфимские татары
 - 2) Мишари
 - 3) Башкиры
 - 4) Кара-калпаки
5. Киргизы (казахи. - А. Ч.)
Буруты, Большая, Средняя и Малая Орды

6. Туринцы и сибирские татары
 - 1) Туринцы (туринские татары. - А.Ч.)
 - 2) Тобольские татары
 - 3) Тарльки (тарские татары. - А.Ч.)
 - 4) Томские татары
 - 5) Обские татары
 - 6) Барабинцы
 - 7) Верхотурские татары
 - 8) Екатеринбургские татары
 - 9) Чазовцы
 - 10) Цеухтинцы
 - 11) Ясачные татары

Практически мало чем отличается также классификация Ф.Аделунга. Можно было бы привести соответствующий ее фрагмент полностью, но в этом нет особой необходимости. Ограничимся только указанием некоторых принципиальных отличий: под рубрикой I. у него отсутствуют крымские татары, а стоят только ногайцы; вместо басиан (балкарцев), кумыков и карачаевцев у Ф.Аделунга находим исчезнувших было крымских татар и еще караимов-иудеев; после "киргизов", (т.е. казахов) и бурутов Большой Орды (Малая и Средняя Орды не упоминаются) у него добавлены "нижегородские татары", под которыми, по всей вероятности, скрываются касимовские татары. Вот и все различия (Adelung 1815: 32-35; Adelung, 1815).

Чрезвычайно показательно, что уже в первом опыте классификации тюркских "языков" балкарцы, кумыки и карачаевцы упомянуты в одной связке (что, конечно, скорее всего объясняется их географическим соседством) и включены в один ряд с теми тюркскими языками и наречиями, которые даже самые новейшие авторы объединяют в одну большую группу родственных языков, называемую кыпчакской. В более позднем по времени списке тюркоязычных "языков" Х.Ю.Клапрота упоминаются рядом карачаевцы и кумыки, но балкарцы в этот список не попали, что, очевидно, связано с недостаточной осведомленностью автора об этнической ситуации на Кавказе (Klaproth, 1823).

А.Бальби упоминает "настоящих басиан или балкарцев", "карачаевцев" и "черкесов или чегемцев", объединяя их под общим названием "басиане", т.е. балкарцы, которые, в свою очередь, вместе с ногайцами и кумыками объединены в целую группу, названную "Кавказско-Дунайской" (Balbi, 1826).

Несколько своеобразно и оригинально построена классификационная схема И.Ф.Палмблада; он различает “собственно тюрок”, “несобственно тюрк” и “не тюрк, говорящих по тюркски” или, выражаясь несколько иной терминологией, на “чистых”, “смешанных” и “оттореченных” тюрк (Palmbiad 1827: 225-240). Карачаево-балкарцы у него представлены под рубрикой “смешанные тюрки” (для наглядности этот раздел приводим полностью):

II. Смешанные тюрки

1. Ногайцы

а. Чистые ногайцы (ак-ногайцы? - А.Ч.)

1. Вуджук

2. Кундур

3. Касбулат

4. Наурус

б. Басиане или Куча татары

1) Карачаевцы

2) Черекцы (жители Черекского ущелья. - А.Ч.)

3) Басиане или Балкарцы

с. Кумыки

2. Башкиры

а. Ногайцы

б. Сибирские башкиры

с. Казанские башкиры

д. Осинские башкиры

3. Мишари

4. Киргизы (казахи. - А.Ч.)

а. Большая Орда

б. Средняя Орда

с. Малая Орда

5. Чулымцы.

Надо заметить, что несмотря на некоторую парадоксальность принципов, классификация В.Ф.Палмблада довольно точно отражает истинное положение вещей и объединяет в одну группу в основном те тюркские народы, которые в современном научном мире принято называть кыпчакскими. Что же касается карачаевцев и балкарцев, то они в первую очередь объединены вместе в одну подгруппу и, уже на более высоком таксономическом уровне сближены, с одной стороны, с кумыками, а с другой - с ногайцами, что тоже в принципе никаких возражений не вызывает.

Первую собственно лингвистическую научную классификацию тюркских языков предложил в 1848 году профессор Казанского университета И.Н.Березин (Berezin 1848: 25-83). Опираясь на чисто языковые признаки, он подразделил известные тогда тюркские языки на три большие группы:

1) **чагатайскую или восточную (туркестанскую)**, куда он отнес языки уйгурский, команский, чагатайский, узбекский, туркменский (туркестанский) и литературный (письменный) казанско-татарский;

2) **татарскую или северную (кыпчакскую)** группу с языками киргизским (казахским. - А.Ч.), башкирским, ногайским, кумыкским, карачаевским, мишарским, сибирским (сибирско-татарским диалектами. - А.Ч.);

3) **турецкую или западную**, куда относил языки дагестанский, азербайджанский, крымский (крымскотатарский. - А.Ч.), анатолийский и румелийский.

Каждая классификационная группа предварялась И.Н.Березиным подробным перечнем отличительных языковых особенностей.

Взгляды И.Н.Березина на распределение тюркских языков по родственным группам для своего времени были весьма значительными и интересными. Дальнейшее развитие они получили в трудах В.В.Радлова, который, опираясь на дифференциальные фонетические признаки, перераспределил тюркские диалекты (термин "диалект" у В.В.Радлова соотносится с термином "язык" в современной лингвистике) на четыре группы, которые он назвал по географическому признаку **восточной, западной, среднеазиатской и южной**. Карачасво-балкарский язык, как и другие тюркские языки Северного Кавказа, для В.В.Радлова был малоизвестным и он не нашел прямого отражения в его классификации, хотя в составе южной группы он упомянул "кавказские наречия" (Radloff 1882: 280-291), но что под этим термином скрывается - трудно установить. В составе южной группы в основном перечислены огузские языки, а кыпчакские языки отнесены к западной группе.

В классификации Г.Вамбери карачаевский язык наряду с крымским, ногайским, кундуrowsким (Карагачским), кумыкским и др. отнесен к четвертой группе, названной по географическому признаку **понтийской** (ср. названия других групп: **сибирская, среднеазиатская, волжская и южная**) (Vamberi, 1885).

По единодушному мнению отечественных и зарубежных тюркологов, одной из лучших в мировой тюркологии является лингвистическая классификация тюркских языков А.Н.Самойловича. Опираясь на положительный опыт В.В.Радлова (Radloff 1882: 280-291), Ф.У.Корша

(Корш 1910: 114-127) и основываясь исключительно на фонетические признаки, ему удалось выявить следующие группы тюркских языков:

1) **булгарскую**, или **ротацирующую** с древнечувашским и чувашским языками;

2) **уйгурскую**, или **северо-восточную**, куда объединены языки уйгурской и орхоно-енисейской письменностей, карагасский (тофаларский. - А.Ч.), тувинский, саларский (подгруппа "д" - диалектов); кой-бальский, кюзерикский, кызыльский сагайский, шорский, язык желтых уйгуров (подгруппы "з" - диалектов); якутский (подгруппа "т" - диалектов);

3) **кыпчакскую**, или **северо-западную**, объединяющую языки алтайский, балкарский, карачаевский, барабинский, башкирский, казахский, караимский (за исключением османизированных говоров), киргизский, крымскотатарский (за исключением османизированных южнобережных говоров), кумандинский, кумыкский, мешерский (мишарский. - А.Ч.), ногайский, телеутский, язык татар "внутренней России", язык тобольских татар.

4) **чагатайскую**, или **юго-восточную**, включающую чагатайский, узбекский, уйгурский (собственно чагатайская подгруппа) и чулымский, абинский языки и язык черневых татар (чулымско-абинская подгруппа);

5) **кыпчакско-туркменскую**, или **среднюю**, объединяющую хивинско-узбекское и хивинско-сартское наречия;

6) **туркменскую**, или **юго-западную**, включающую азербайджанский, гагаузский, турецкий, туркменский языки и южнобережные наречия крымско-татарского языка (Самойлович 1922: 3-15).

В более позднем варианте, предложенном для обсуждения на I Всесоюзном тюркологическом съезде в Баку, А.Н.Самойлович расставил выделенные им группы языков в иерархическом порядке по нисходящим таксономическим уровням (у А.Н.Самойловича - по планам, или уровням) и соответственно переименовал их: группа, подгруппа, отдел, подраздел, подподотдел. В обновленном варианте классификационная схема А.Н.Самойловича выглядит следующим образом:

первый таксономический уровень - две группы: 1) булгарская, 2) все остальные тюркские языки;

второй таксономический уровень - две подгруппы: уйгурская, или северо-восточная группа, 2) все остальные языки неротацирующего типа;

третий таксономический уровень - вторая подгруппа подразделяется на два отдела: 1) огузские, или юго-западные языки, 2) все остальные языки второй подгруппы;

четвертый таксономический уровень - второй отдел подразделяется на два подотдела: 1) кыпчакские, или северо-западные языки, 2) чагатайские, или юго-восточные языки;

пятый таксономический уровень - из второго подотдела выделяется подподотдел - переходное кыпчакско-туркменское наречие (Самойлович 1926: 1).

Классификационная схема А.Н.Самойловича была поддержана и развита Г.И.Рамstedтом, классификация которого также основывается на фонетических критериях, но состоит из шести групп:

- 1) чувашский язык;
- 2) якутский и долганский языки;
- 3) северная группа с тремя подгруппами: а) д - языки (адак "нога"); б) з - языки (азак); д) j - языки (ажак);
- 4) западная группа, куда входят языки: кумыкский, башкирский, караимский, каракалпакский, карачаево-балкарский, кумыкский, киргизский, ногайский, татарский;

5) восточная группа, объединяющая чагатайский, узбекский и уйгурский языки;

6) южная группа, включающая в себя азербайджанский, гагаузский, турецкий, туркменский языки и южный диалект крымскотатарского языка (Ramstedt 1938: 292-295; 1938: 295-297; 1957: 18-25).

Классификацию Г.И.Рамstedта поддержали и развили М.Рясянен и Н.Поппе, но принципиальных изменений не внесли.

Предложенная впервые в 1952 году классификация Н.А. Баскакова отличается от предыдущих преимущественно оригинальными названиями таксономических уровней, групп и подгрупп, а также привлечением древних тюркских языков. Н.И.Баскаков впервые ввел подразделение тюркских языков на две ветви - западно-хуннскую и восточно-хуннскую.

В западнохуннскую ветвь он включает четыре группы тюркских языков: 1) **булгарскую** (с булгарским, хазарским и чувашским языками); 2) **огузскую** (с древними огузским, печенежским, сельджукским, староосманским, узским и новыми - азербайджанским, гагаузским, турецким, туркменским языками); 3) **кыпчакскую** (с древними - западным золотоордынским, половецким или куманским и новыми - башкирским, татарским, казахским, караимским, каракалпакским, кумыкским, ногайским и татарским языками);* 4) **карлукскую** (с

* Отсутствие в этом перечне кыпчакских языков карачаево-балкарского языка, очевидно, следует объяснить запретом на его упоминание, негласно существовавшим вплоть до 1957 года.

древними - восточно-золотоордынским, караханидским, и новыми - узбекским и уйгурским языками.

В восточнохунскую ветвь Н.А.Баскаков включает две группы: 5) **уйгурскую** (с древнеогузским языком орхоно-енисейских надписей, древнеогузским и новыми - долганским, камасинским, карагасским, кюэриксским, сарыг-уйгурским, тувинским, хакасским, шорским, якутским языками и северными диалектами алтайского языка (Баскаков 1952: 121-134).

Н.И.Баскаков работал над усовершенствованием классификации тюркских языков в течение длительного времени. Окончательный вариант классификации, признанный практически всеми отечественными и многими зарубежными тюркологами, вошел в его учебник для вузов "Введение в изучение тюркских языков" и до самого последнего времени оставался непревзойденным (Баскаков 1969: 350-354). Эта классификация является общеизвестной и нет никакой необходимости останавливаться на ней подробно.

К. Мснгес построил оригинальную классификацию тюркских языков на географической основе. Это классификационная схема выглядит следующим образом:

А. Центральные и юго-западные, или тюркютские языки;

1) **центральноазиатская группа:** язык орхоно-енисейских памятников, древнеуйгурский язык, языки среднетюркского периода, чагатайский, киргизский, узбекский, уйгурский;

2) **юго-западная, или огузская группа:** сельджукский, староосманский, азербайджанский, гагаузский, турецкий, туркменский языки;

В. Северо-западные, или кыпчакские, языки:

3) **северо-западные языки среднетюркского периода:** куманский, старокыпчакский;

4) **пonto-каспийские языки (тесно связанные с куманским):** балкарский, карачаевский, караимский, кумыкский, собственно крымско-татарский;

5) **волго-камско-западно-сибирские языки:** барабинский, башкирский, западно-сибирские диалекты татарского языка, кюэриксский, татарский;

6) **арало-каспийские языки:** казахский, каракалпакский, кыпчакские говоры узбекского языка, ногайский язык;

С. 7) алтайский язык и его диалекты;

Д. 8) центрально-южносибирская, или хакасская, группа: бельтирский, качинский, койбальский, кызыльский и сагайский диалекты хакасского языка, шорский язык;

9) восточная или тувинская, группа: карагаский (тофаларский), тувинский языки;

Е. 10) северо-восточная, восточно-сибирская, или якутская, группа: якутский и долганский языки)

А. Волжско-булгарские, или гунно-булгарские, языки:

11) волжско-булгарская группа (отдельные фрагменты и элементы);

12) чувашский язык (Menges 1959: 5-8).

Й. Бенцинг предложил несколько другое распределение кыпчакских языков. В составе западных, или кыпчакско-куманских языков он выделяет:

а) понто-каспийскую подгруппу, охватывающую балкарский, карачаевский, кумыкский и караимский языки;

б) уральскую подгруппу, объединяющую татарский и башкирский языки;

в) арало-каспийскую подгруппу, включающую ногайский, казахский, каракалпакский и киргизский языки.

Выделяя особую группу северных языков, И. Бенцинг подразделяет ее на две подгруппы:

а) алтайско-саянскую - с алтайским, тувинским и шорским языками;

б) северосибирскую - с якутским и долганским языками (Benzing 1959: 3-4).

Классификационная структура и принципы ее построения у Р.Р. Арата и Т. Текина принципиально мало чем отличаются от классификации тюркских языков, предложенных А.Н. Самойловичем, но являются более детальными. К новым моментам в классификации Р.Р. Арата, построенной с учетом традиционной турецкой терминологии с ее подразделениями *lehçe* "диалект" и *zive* "наречие", следует отнести его трактовку различий между тюркскими языками на уровне "диалектов" и "наречий". К разряду *lehçe* Р.Р. Арат относил чувашский (р - группа) и якутский (т - группа) языки. В разряде *zive* он выделяет тувинский (Д - группа), хакасский (З - группа), северную тав - группу, таглы - группу, восточную таглык - группу и южную даглы - группу. Таким образом, все тюркские языки у Р.Р. Арата распределяются в общей сложности по 6 группам (Arat 1953: 138).

В классификации Т. Текина тюркские языки подразделены на 12 групп и, далее, на ряд подгрупп и более мелких подразделений:

1) r / l - группа: чувашский язык;

2) hadag - группа: халаджский язык;

3) atax - группа: якутский язык;

- 4) *adag* - группа: тувинский, тофаларский языки;
- 5) *azag* - группа : хакасский, верхнетомский, мрасский, сарыг-уйгурский, среднечулымский;
- 6) *tayliŋ* - группа: кондомский, нижнетомский, северные диалекты алтайского языка;
- 7) *tūlu* - группа: южные диалекты алтайского языка;
- 8) *tölü* - группа: киргизский язык;
- 9) *taylıq* - группа: узбекский, уйгурский языки;
- 10) *tawlı* - группа: башкирский, татарский, барабинский, карачаево-балкарский, кумыкский, караимский, крымско-татарский (северный диалект), ногайский, казахский, каракалпакский языки, хорезмско-кыпчакский (говор узбекского языка);
- 11) *taylı* - группа: саларский язык;
- 12) *daylı* - группа: туркменский, турецкий, гагаузский, азербайджанский, хорасанский языки, хорезмско-огузский говор узбекского языка (Tekin 1991: 5-18; 1976).

В последнее время А.М.Щербак предложил новую классификацию тюркских языков, им "в соответствии с разработанной тюркологами оптимальной классификации и на основе введения дополнительных разграничительных признаков" (Щербак 1994: 27). В сжатом изложении классификация А.М.Щербака выглядит следующим образом:

1. Чувашский язык.

2. Огузская группа: азербайджанский язык и относимые к числу его диалектов огузские языки Ирана и Афганистана: кашкайский, айналлу, сонкорский, тебризский, урмийский, афшарский; гагаузский, турецкий; туркменский и близкий к нему хорасанский язык, который условно рассматривается как диалект туркменского языка; халаджский язык, южный диалект крымско-татарского языка. При этом огузскую группу А.М.Щербак подразделяет на:

а) **восточно-огузскую подгруппу** с туркменским и хорасанским языками;

б) **западно-огузскую подгруппу** с турецким, гагаузским, азербайджанским, халаджским языками и южным диалектом крымско-татарского языка.

3. Кыпчакская группа: барабинский, башкирский, казахский, караимский, карачаево-балкарский, киргизский, кумыкский, ногайский, татарский языки, южные диалекты алтайского языка. Кыпчакские языки подразделяются на:

а) **периферийную подгруппу** с киргизским языком и южными диалектами алтайского языка;

б) куманскую, или понто-каспийскую с карачаево-балкарским, кумыкским и караимским языками и северным диалектом крымско-татарского языка;

в) татаро-башкирская, или уральская с башкирским, татарским и барабинским языком;

г) канглыйская, или арало-каспийская с казахским, каракалпакским и ногайским языками.

4. Карлукская, или чагатайская, группа с узбекским, уйгурским и саларским языками.

5. Урянхайская группа с тувинским, тофаларским и уйгуро-урянхайским языками.

6. Смешанная группа с северными диалектами алтайского языка, сарыг-югурским, хакасским, чулымским и шорским языками.

7. Якутский язык с примыкающим к нему долганским языком (Щербак 1994: 12-42).

По сравнению с громоздкой и сложной классификацией Н.А.Баскакова, не очень удобной для практического использования, разработанная А.М.Щербаком классификация подкупает своей простотой и изяществом, точностью и недвусмысленностью терминологии, а также, что важнее всего, удобством практического применения. Так, например, в соответствии с классификационной схемой Н.А.Баскакова и ее терминологией при указании точного места, занимаемого карачаево-балкарским языком в системе тюркских языков приходится прибегать к такому громоздкому и не совсем удобному терминологическому выражению: "карачаево-балкарский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы западно-хуннской ветви тюркской семьи языков", тогда как по А.М.Щербаку получается достаточно лаконично: "карачаево-балкарский язык относится к куманской (понто-каспийской) подгруппе кыпчакской группы тюркских языков".

§ 3. Проблемы этно- и лингвогенеза карачаевцев и балкарцев

Каждый этнос, прежде чем окончательно оформиться в современный народ, прошел чрезвычайно сложный путь своего исторического развития, последовательно входя в различные геополитические образования - объединения родов, союзы племен, государственные образования более высоких порядков и уровней и, сталкиваясь в процессе своего развития и формирования с множеством разнообразных родственных и неродственных этнических образований. Поэтому про-

блемы этно- и лингвогенеза, проблемы происхождения каждого народа и языка, являются чрезвычайно сложными, многоплановыми и многоаспектными. Обычно существует столько теорий этнолингвогенеза конкретного народа, сколько основных этнических компонентов ее составляют, ну а всяких гипотез и предположений - и того больше. Всевозможные комбинации этнолингвогонических компонентов, вошедших в состав данного народа или же хотя бы имевших какие-либо заметные исторические контакты, способны увеличить количество научных гипотез и околonaучных спекуляций практически до бесконечности.

Если рассмотреть историографию изучения проблемы происхождения карачаево-балкарского народа, то можно встретить самые различные предположения, мнения, гипотезы и теории. Были приняты попытки связать происхождение карачаевцев и балкарцев со славянами (Бутков 1822: 191; Гильденштедт 1809: 384), татаро-монголами (Леонтович 1882: 274), турками и крымскими татарами (ОПБК 1960: 70, 154), воинами Аксак Тимура (Тамерлана) (ОПБК 1960: 154), отороченными кавказцами (Марр 1937: 197), кыпчаками-половцами (Баскаков 1962: 237; Лайпанов 1957: 20), гуннами (Шарден 1900: 88; Ламберти 1913: 192), булгарами (Караулов 1908: 132-133; Миллер 1837: 104), хазарами (Лайпанов 1957: 9; Тамбиев 1928: 62; Чобан-заде 1931: 31), ираноязычными аланами (Алексеева 1963: 11-16; Кокиев 1941), тюркоязычными аланами (Алиев 1972: 6-7; Карачаевцы, 1978: 18-19; Лайпанов 1967: 207-214; ОПБК 1960: 251; Хабичев 1970: 69; 1977: 75-89; 1980: 109-117; Хаджилаев 1970: 7-14) и т.д. и т.п. Внимательный анализ существующих гипотез в свете новых историко-этногенетических исследований показывает, что в каждой из них заложена определенная доля истины, разве что за исключением гипотезы П.Буткова о родстве карачаево-балкарцев со славянами. В статье "О имени Казак", опубликованный в 1822 году в "Вестнике Европы", П.Бутков писал буквально следующее: "В Кабарде обитали... теперешние коренные жители ея Чегемы и балкары, или... Чехи и Болгары, слабые остатки многочисленных славянских племен, изшедших из Кавказа в Европу" (Бутков 1822: 191). Внимательный читатель сразу же заметил, что это фантастическое предположение зиждется на ничем не обоснованном внешнем звуковом сходстве этнических названий "Чегем" (ср. совр. кб. чегемли - "чегемцы") и "чехи" и "балкар" (ср. совр. кб. малкъарлы - "балкарец") и "Болгар" (имеются в виду дунайские болгары, говорящие на южнославянском языке). Тем не менее, и в этой, в общем то явно надуманной, гипотезе можно найти толику истины, заключающейся в том, что как балкарцы, так и дунайские бол-

гары имеют далекие исторические родственные связи с древними булгарами, создававшими на Северном Кавказе и Приазовье государственное объединение, вошедшее в историю под звонким именем Великая Золотая Булгария. В настоящее время в основном доминируют теории о местном кавказском, болгарском, кумано-половецком, золотоордынском, кыпчакском происхождении карачаевцев и балкарцев. В самое последнее время были предприняты довольно смелые попытки связать карачаево-балкарский язык, а через него и его носителей с древними языками и культурами Передней Азии, в частности - с шумерским (Мизиев, 1986; Мизиев, Джуртубаев, 1994; Байчоров, 1993: 5-16; 1993: 16-56), но эти экстравагантные гипотезы имеют мало общего с подлинной наукой и отвергаются как псевдонаучные (Щербак 1989: 150-161; 1994: 147).

В научных кругах идет полемика по поводу того, какой из существующих теорий о происхождении карачаево-балкарского этноса и, соответственно, языка следует отдавать приоритет. В вопросах этно- и лингвогенеза карачаевцев и балкарцев среди научных работников нет еще общепризнанного единого мнения, что свидетельствует, на наш взгляд, о динамическом, прогрессирующем состоянии самой науки. Если в какой-то отрасли науки прекратятся дебаты, то это означает только одно - данная отрасль науки впала в стагнацию. Вместе с тем, следует отметить одно немаловажное обстоятельство методологического характера. В этнолингвонических исследованиях постановка вопроса должна располагаться несколько в ином ракурсе, отличной от реально существующих и явно ошибочных. Традиционно усилия исследователей проблем этнолингвогенеза направляются по какому-то одному руслу - на поиски единого и единственного исторического предка языка и его носителя - народа. На самом же деле история не знает чистых этносов. Практически все современные этносы мира сложились в результате самых разнообразных и многократных перекрещиваний, слияний, контактов различного характера (включая субстратно-адстратные взаимоотношения) со многими родственными и неродственными народами, с которыми их сводила общность исторической судьбы. Поэтому вопросы этнолингвонических проблем должны быть поставлены не в плоскости "или А, или Б" ..., а скорее всего в плоскости "и А, и Б, и В" ... Такое решение проблемы, по нашему твердому убеждению, наиболее адекватно соответствует реальным историческим процессам, имевшим место в бесконечно долгом и длительном пути формирования этносов и их языков.

Хочется особо подчеркнуть еще одно положение. И в этнологии, и в языкознании существует не совсем корректное положение, соглас-

но которому народы и языки подразделяются на старые, архаичные и молодые, причем первые по традиции, восходящей еще к весьма удаленным от нас временам господства мифологического способа мышления, считаются более престижными, чем вторые. Остается не понятным, почему, допустим, старый язык древнетюркских памятников или шумерских клинописей должен обладать более высокой ценностью, чем современный, живой и крайне необходимый нам в повседневном общении, скажем, карачаево-балкарский? По какой такой логике одни живые, современные языки относятся в разряд древних, а другие в разряд молодых. По нашему твердому убеждению, все современные живые языки столь же молоды и одновременно столь же стары, как сама жизнь. Язык - живое явление и, разумеется, он изменяется в истории. Чем дальше мы углубляемся в историю, тем более и более находим отличия от современного состояния, поэтому при историческом изучении языка пользуемся разными диахроническими срезами и уровнями.

Современный карачаево-балкарский язык бесспорно является тюркским и доступный обозрению с вершин современного состояния тюркской компаративистики его самый архаический диахронический уровень теряется в глубинах истории за тем условным диахроническим срезом, который принято назвать прототюркским состоянием. Соответственно и история одного из важнейших этнических компонентов карачаево-балкарского народа в конечном итоге восходит к прототюркам. Однако это ни в коей мере не означает, что современные карачаево-балкарцы имеют своим предком только прототюрков, на своем долгом историческом пути предки карачаевцев и балкарцев приняли в свой состав многие и многие безвестные и известные племена, постепенно ассимилировали их, освоили и усвоили, сделали своими и, наконец, превратили в самих себя - карачаевцев и балкарцев. Задача современных историков-этнологов и лингвистов-компаративистов заключается именно в выявлении тех этнических и языковых компонентов, которые исторически вошли в состав изучаемого ими этноса или языка, установить время и место многократных и различных этноязыковых контактов, выявить характер, внутреннюю динамику, направленность, интенсивность взаимовлияний и на их основе построить или, вернее, восстановить реальные исторические события и этнолингвистические процессы.

§ 4. Прототюрки и прототюркский язык

Историю карачаево-балкарского языка и его носителей логичнее начинать с прототюркского состояния. Современное состояние изученности прототюркской проблемы позволяет локализовать прародину прототюрков в Центральной Азии в районе Саяно-Алтайского нагорья, Прибайкалья и Забайкалья и Монголии. Археологи связывают с прототюрками так называемую культуру плиточных могил (Новгородова, 1980). Прототюрки были охотниками-собираателями и не были еще знакомы с земледелием и скотоводством. На рубеже II - I тысячелетий до н.э. в Центральную Азию с запада вторгаются какие-то кочевые племена, оставившие на скалах "колесничные изображения". На крайнем востоке они доходят до Центральной Монголии. Исследователи петроглифов Центральной Азии считают, что петроглифы были оставлены древними индоевропейскими племенами скифо-сибирского круга (Шер, 1980), скорее всего - исчезнувшими восточноиранскими племенами. На рубеже II - I тысячелетий до н.э. прототюрки вступили в контакт с индоевропейскими восточноиранскими кочевниками и постепенно начали осваивать от них навыки кочевого скотоводства. Об этом свидетельствуют, в частности, общетюркские названия домашних животных, заимствованные, по мнению ряда исследователей, из индоевропейских языков (Щербак 1961: 82-172; Pedersen 1903: 561; Munkacsy 1905: 376-379; Rona-Tas 1974: 499-504).

В связи с переходом от потребляющей системы экономики к производящей, значительно улучшилась материальная основа жизнеобеспечения, что в свою очередь привело к стабильному росту численности населения. Историками и этнологами установлено, что охотнику-собирателю для нормальной жизнедеятельности требуется не менее 10 км² на душу населения, а скотоводу-кочевнику необходимо минимум 1 км². К тому же надо заметить, что жизнь охотника-собирателя во многом зависит от случая и удачи, а номад постоянно и гарантированно обеспечен высококалорийной белковой пищей.

Переход от экстенсивной экономики к интенсивной в жизни прототюрков имел чрезвычайно важное значение и привел к революционным изменениям во всем жизненном укладе. Охотники-собиратели вышли из леса в степи и стали номадами, демографический взрыв превратил Центральную Азию в "вулкан народов" и вызвал Великое переселение народов. Уже в середине I тысячелетия до н.э., а скорее всего даже несколько раньше, в поисках удобных пастбищ прототюркские племена волна за волной начали покидать свою

прародину и выходить на широкие степные просторы. К III веку до н.э. они усилились настолько, что создали огромную Хуннскую (сюннускую) империю, способную противостоять Китаю. В состав хуннской конфедерации племен вошли многие центрально-азиатские племена и народы, в том числе и древние индоевропейцы, они постепенно ассимилировались и превращались в тюрков. Тюрками (< др. - иран. *turyaka* - "туранцы") первоначально назывались жители центрально-азиатских степей - кочевые племена восточноиранского круга, а прототюрки, точнее - их восточная ветвь, носили самоназвание огуз, т.е. огузы. Впоследствии огузы ассимилировали собственно туранцев (*turyaka*), но восприняли от них аллоэтноним *türk*. Таким образом охотничьи племена огузов превратились в кочевников тюрков, причем огузский (тюркский) язык вышел победителем над восточноиранским ("туранским").

Первыми экстенсивное скотоводство начали осваивать огузско-тюркские племена, населявшие западную периферию прототюркской ойкумены. Оказавшись в близком соседстве с восточноиранскими кочевниками, они первыми усвоили их систему ведения хозяйства и кочевническую культуру, вскоре превзошли их в численности и начали их ассимилировать. Таким образом сформировались огуру-булгарские племена. В годы усиления Хуннской (сюннуской) империи огуру-булгарское племенное объединение из Западной Монголии через Джунгарские ворота вышла с степные просторы Восточного Казахстана. Уже в первых веках н.э. огуру-булгарские и сабирские племена были отмечены в районе Семиречья, но вскоре оттуда были отброшены в Западные районы Казахстана, в Приаралье и, наконец, в IV веке огуру-булгарские племена (оногуры, сарыгуры, утригуры, кутригуры, булгары и т.п.) появились в Восточной Европе, где в районе южнорусских степей в VII веке образовали свое государственное объединение - Великую, или Золотую Булгарию. Это была первая волна тюрков, проникшая в Восточную Европу из Центральной Азии (Егоров 1992: 29-32).

Вслед за огуру-булгарами в западном направлении продвигались тюрки-огузы. Часть огузских тюрков обосновалась в Приаралье, другая часть ушла в Малую Азию, вторглась в пределы Кавказской Албании. Таким образом сформировались туркмены, турки и азербайджанцы. Другая ветвь тюрков-огузов вторглась в Восточную Европу. Это прежде всего хазары, а также печенегы, гузы или узы, торки, караклобуки, берендеи, ковуши и другие тюркские племена, которых русские летописи зафиксировали в южнорусских степях начиная с IX века.

К проблеме происхождения карачаевцев и балкарцев непосредственное отношение имеют булгары, хазары и другие ранние тюрки, появившиеся в степях Юго-Восточной Европы и Предкавказья в VI - IX вв.

§ 5. Древние булгары и древне-булгарский язык

Первое упоминание булгар на Кавказе содержится в анонимном латинском хронографе 354 года (Mommсен, 1850). Основная масса булгар в степях Юго-Восточной Европы и на Северном Кавказе появилась перед гуннским нашествием. Судя по сообщениям ранних средневековых авторов, булгары в середине I тысячелетия н.э. проживали в степях Предкавказья, включая нижнее Приуралье. На этой территории обитал основной массив булгарских племен, и уже в VI в. булгары имели военные столкновения с аварами и ненадолго подпали под их подчинение (ОИ СССР III - IX вв. 1958: 589). Уход аварской орды на запад освободил булгар от зависимости. Однако в 60-х годах VI в. в Предкавказье появились новые пришельцы из Азии - тюрки Тюркского каганата. В 576 году тюрки вторгаются на Таманский полуостров, переправляются через Керченский пролив и овладевают Боспором. С этих пор приазовские булгары оказываются в составе Тюркского каганата (ОИ СССР III - IX вв., 1958: 589-590).

В 580-590-х годах в Великом Тюркском каганате разгорается междоусобная война, вызванная решением военачальника Кара-Чурина отделить западную часть империи и создать самостоятельный каганат. Пользуясь этим правители булгарских племен смогли обратиться с силами и добиться упрочения своего положения внутри Западнотюркского каганата. Булгар поддержала Византия, заинтересованная в освобождении своих восточных земель. Византийские войска изгоняют тюрков из Боспора, к 590 году он же управляется херсонским стратилатом Евпатерием (Чичуров 1980: 160-162; Куликовский, 1896: 1-17). Общность интересов в совместной борьбе против Тюркского каганата способствовала сближению Византии и булгар и политическому объединению булгарских племен. По свидетельству патриарха Никифора, в 619 году в Константинополь прибыл правитель сабир Органа со свитой и женами и принял там крещение, получив при этом сан патрикия (Артамонов 1962: 158, 161-162). Он принял этот смелый шаг с далеким расчетом на упрочение союза с Византией, направленного на борьбу против Тюркского каганата.

Наибольшего могущества Великая Булгария достигла при царствовании племянника Органы - хана Кубрата. По свидетельству Иоанна Никиусского, царь булгар и племянник Органа в юности был

крещен в Константинополе и вырос в царском дворце. Опираясь на дружеские отношения с императором Ираклием, Кубрат победил своих врагов и освободился от тюркского владычества.

Около середины VII века булгарские племена были объединены ханом Кубратом в государство, названное византийцами Великой, или Золотой Булгарией. После смерти Кубрата, в Булгарии началась междоусобная борьба, которая привела к распаду государства. Часть булгар во главе с ханом Аспарухом ушла на Дунай и, подчинив местные славянские племена, положила начало Дунайской Болгарии. Эти булгары, однако, быстро слились с более многочисленным местным славянским населением и приняли их язык. Вторая часть булгар, называемых черными булгарами, во главе с Батбаяном осталась в Приазовье-Прикубанье, переселившись впоследствии под давлением хазар в горные и предгорные районы Кавказа. Они же послужили в дальнейшем тюркоязычным ядром в формировании карачаево-балкарского этноса, о чем, в частности, свидетельствует и отражение современным этнонимом *балкар* древнего *булгар*, а также наличие на территории нынешней Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии археологических находок, относимых к булгарскому наследию (АИНКБ, 1984; Алексеева, 1971; Байчоров, 1989 и др).

Наконец, третья часть булгар передвинулась на север к Дону, а оттуда в Волго-Камье, положив тем самым начало Волжско-Камской Булгарии (Мерперт 1957: 14).

Оставшиеся в Предкавказье древние булгары, по всей вероятности, были впоследствии ассимилированы хазарами, печенегами, кыпчаками и другими тюркскими народами, последовательно занимавшими южнорусские степи и предгорья Северного Кавказа. Это тем более вероятно, что близкородственные языки часто и очень быстро заменяют друг друга. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Северо-Кавказском регионе древнебулгарский язык не сохранился. Тем не менее в современном карачаево-балкарском языке можно выявить сравнительно небольшое число лексических единиц, отмеченных фонетическими признаками древнебулгарского языка. Булгарский язык резко отличается от стандартного общетюркского языка по целому ряду фонетических признаков (Федотов, 1996), которые дают возможность почти безошибочно узнать их даже в каком-либо другом близкородственном тюркском языке. Наиболее важными специфическими признаками булгарского языка принято считать ротацизм (общетюрк. *z* ~ булг. *r*, чув. *ʀ*) и ламбдаизм (общетюрк. *š* ~ булг. *l*, чув. *l*), появление протетических согласных в начале общетюркских слов на гласные, причем протеза *v*- появляется перед губными (тюрк. *orman*

“лес” ~ чув. *varman*), а протеза *j* - перед негубными (тюрк. *at* “имя” чув. *jat*; тюрк. *el* “деревня” ~ *jal* и т.д.) гласными. Древние булгары имели тесные контакты с предками венгров. В современном венгерском языке ученые выявили около 400 древнебулгарских слов, заимствованных от древних булгар именно в Предкавказье. Они дают достаточно ясное представление о фонетической и морфологической структуре древнебулгарского языка.

Практически во всех работах, посвященных истории карачаевцев и балкарцев, а также их языка, разными авторами приводятся разные слова, являющиеся, по мнению авторов, древнебулгарским наследием в современном карачаево-балкарском языке. Правда, многие из них требуют детальной проверки и верификации. Однако дело даже не в этом. Практически все авторы пишут о том, якобы древнебулгарские слова сохранились в современном карачаево-балкарском языке непосредственно от древнебулгарского состояния, что, конечно, не совсем корректно. Такой прямой и непосредственной исторической преемственности между языком древних булгар IV - VIII веков и современным карачаево-балкарским не было и не могло быть. Исторические факты говорят о том, что оставшаяся в Предкавказье, Приазовье, в южнорусских степях сравнительно небольшая часть древних булгар уже в конце VIII века вошла в состав Хазарского каганата и в значительной степени была ассимилирована хазарами. Несколько позднее, с IX века, интересующие нас территории были заняты печенегами, что, по всей вероятности, привело к последующему смешению народов и смене языка. В середине XI века в Предкавказье и прилегающих южнорусских степях появляются половцы, или кыпчаки, или куманы, которые также должны были поглотить близкородственное аборигенное, теперь уже печенежское население. В золотоордынский период в Предкавказье появляется вторая волна кыпчаков из Средней Азии. Пользуясь терминологией А.М.Щербака, первую волну кыпчаков можно было бы назвать куманской (хотя куманский тип кыпчакского языка фактически сложился в результате скрещивания печенежского языка с собственно кыпчакским, или половецким), а вторую, золотоордынскую - канглыйской (ср. ногайский язык). Прежде чем стать достоянием современного карачаево-балкарского языка, древнебулгарские слова должны были пройти хотя бы через хазарский и печенежский, или, что менее всего вероятно, сами древние булгары должны были пережить хазар и печенегов и влиться в состав куманских кыпчаков. Древние булгары скорее всего были практически полностью ассимилированы уже хазарами, а печенегам пришлось скрещиваться только с последними. Об этом как будто говорит тот факт,

что булгаризмы в хазарском представлены (не случайно хазарский язык до последнего времени относили к булгарской группе), а в печенежском - нет (или, по крайней мере, никто их там не искал и, разумеется, не находил).

Итак, мы полагаем, что булгароидная лексика карачаево-балкарского языка к древнебулгарскому состоянию восходит через ряд диахронно-топологических уровней: куманско-кыпчакский, печенежский и хазарский. Это положение подтверждается наличием ряда булгаризмов в другом куманско-кыпчакском - кумыкском языке.

Однако сказанное полностью не исключает возможности непосредственных карачаево-балкарско-булгарских контактов, хотя вероятность этого минимальна. Дело в том, что имеется достаточно оснований предполагать, что в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа, до поры до времени не представлявших особого интереса для кочевников, могли сохраниться отдельные небольшие локальные группы булгар вплоть до постзолотоордынского периода. Данная гипотеза не нова (Бутков, 1822: 191; Ходнев, 1867), но все же нуждается в дальнейшей разработке и аргументации, хотя имеющиеся археологические материалы во многом ее подтверждают (Кузнецов 1963: 298-305; 1974: 76-94; Биджиев, 1983; Биджиев, 1979; Байчоров, 1989).

§ 6. Хазары и хазарский язык

Во второй половине VII века возникшей между сыновьями Кубрата междоусобицей воспользовались хазары, пришедшие в Юго-Восточную Европу из Приаральских степей, и завоевали земли булгар. На развалинах Великой Булгарии образовался Хазарский каганат - мощное политическое объединение, сложившееся в середине VII века в Приморском Дагестане и Восточном Предкавказье. В орбиту созданного хазарами государства были втянуты не только народы Кавказа, но и многочисленные кочевые племена, последовательно сменявшие друг друга на обширных степных просторах от Прикаспия до Причерноморья. Хазария просуществовала более 300 лет - от середины VII века до второй половины X века. Древнебулгарские племена вошли большей частью в Хазарский каганат и не случайно арабские авторы ал-Истахри (Ал-Истахри 1870: 222) Ибн-Хаукаль (Ибн-Хаукаль, 1838-1839) отмечали, что язык булгар подобен языку хазар (Ибн-Хаукаль, 1839: 396). В другом месте Ибн-Хаукаль отмечает, что хазарский язык отличается от тюркского (Ибн-Хаукаль, 1839: 393). По-видимому, здесь следует усматривать наметившую уже в X веке слияние древнебулгарского и хазарского языков. Очевидно, под влиянием субстрат-

ного болгарского языка стандартный тюркский язык огузского типа (П. Голден) на каком ранее говорили хазары, начал претерпевать определенные изменения, все далее удивившую его от исконного состояния. Для сравнения представляет значительный интерес синхронное высказывание ал-Бируни о языке жителей волжскобулгарских городов Булгара и Сувара: "Они не говорят по-арабски, но их язык - смесь тюркского и хазарского" (Ал-Бируни 1876-1878: 42). Из этого высказывания вытекает, что хазарский и болгарский языки отличаются друг от друга, так как болгарский представляет смесь хазарского с тюркским. Итак, выходит, что арабские авторы различали три различных друг от друга языка: болгарский, хазарский и тюркский. Однако мы не знаем, в чем заключалась разница между этими тремя языками и какой характер она носила. Сравнивая три приведенные выше высказывания можно резюмировать, что все три языка были тюркскими и различие между ними было примерно таковым, каковое мы наблюдаем между родственными языками или же диалектами. Очевидно также, что жители Хазарского каганата в этнолингвистическом отношении представляли скорее всего конгломерат различных этносов и языков. В составе хазарского союза племен по сохранившимся источникам можно выделить следующие племена и роды: собственно хазар (козары в русских летописях), авары (варианты: авыр, аваз, абаз) болгары, сабиры (савиры), огузы (угуз), тарна, тилмац (таллис), таврис, йанур, бизал, акациры, алтциагиры, а также печенеги (пацинак) и др.

Язык хазар сохранился чрезвычайно фрагментарно. В дошедших до наших дней письменных памятниках представлена в основном ономастическая лексика.

Долгое время в отечественной тюркологии бытовало мнение о родстве хазарского языка с болгарским и чувашским, впервые высказанное, насколько нам известно, Н.И.Ашмариным (Ашмарин, 1902). Позднее это мнение было поддержано целым рядом тюркологов. В классификации тюркских языков хазарский язык вместе с древнеболгарским и чувашским включен в болгарскую группу (Баскаков 1962: 237-238), хотя приведенный материал не даст для этого особо веских фактов (нет, например, ни одного слова с ротацизмом и ламбдаизмом). Н.А. Баскаков и сам это заметил: "Что же касается остальных слов, - пишет он, - то они, за некоторым исключением, относятся уже по своей фонетической структуре к языку северных огузов (печенегов и узов)" (Баскаков 1962: 238), но удержал себя в рамках принятой в тюркологии традиции. Подробный историко-филологический анализ практически всей сохранившейся в скрижалях истории лексики хазар-

ского языка был проведен П.Гольденом (Golden, 1980). Он пришел к однозначному выводу о том, что хазарский язык в своей основе является стандартным тюркским языком огузского типа, но содержит некоторое число возможных булгарских заимствований (например, Шаркел), но это сути дела не меняет. Поэтому хазарский язык нами в булгарскую группу не включается, а рассматривается отдельно как самостоятельный язык огузского типа.

В принципе о хазарском слое в карачаево-балкарском языке можно было бы и не говорить, но вопрос этот впервые был поставлен еще в 1931 году проф. Б.Чобан - заде (Чобан-заде, 1931) и поддержан И.Тамбиевым, который писал, что в пользу гипотезы о хазарско-балкарских генуинных связях "имеются некоторые исторические данные...", которые "дают основание думать, что балкарцы и карачаевцы свое родословное ведут от хазаров - турок". Он считал, что город Маджар был возведен хазарами, и что предки карачаевцев и балкарцев пришли из Маджара и заняли современную территорию. Для подкрепления своих мыслей он приводил лишь некоторые фольклорные материалы. Из поздних историков хазарскую теорию происхождения карачаевцев и балкарцев поддерживает Х.О.Лайпанов. В заключительной части своего монографического исследования он приходит к такому выводу: "Основой карачаево-балкарской этнической группы являются кыпчаки (половцы) и хазары", но также важнейшим компонентом считаем кубанских булгар (Лайпанов 1957: 24). И.М. Мизиев также считает, что "гунно-болгарские и хазарские племена являлись одной из составных частей в сложении карачаево-балкарского народа" (Мизиев 1994: 62).

Проблема участия хазарских племен в этнолингвогенезе карачаевцев и балкарцев только поставлена и еще нуждается в фактологическом подкреплении и дальнейшей аргументации с привлечением более весомого и бесспорного материала.

§ 7. Печенеги и печенежский язык.

Печенеги и родственные им другие тюркские племена - торку, узы, берендеи, боуты, ковуи, турпей, каепичи и др., появились в Юго-Восточной Европе в середине IX века. Племена печенежского круга составляли западное крыло огузов, основная часть которых еще с VIII века находилась в Мавсранныхе и Приаралье.

Союз тюркских племен, получивший название печенегов, сложился в VIII - IX веках. Основу его составляли тюркские племена, говорившие на языке, близком к огузским языкам. До IX века печенеги

кочевали между Аральским морем и Волгой, вели борьбу с хазарами, огузами и кыпчаками. В конце IX века под давлением огузов печенеги перешли Волгу и заняли территорию южнорусских степей, доходя до Северного Причерноморья и до Дуная. По сведениям русского летописца, в 915 году печенеги впервые подошли к границам Руси.

Более ста лет господствовали печенеги в южнорусских степях. Русь вела с ними постоянную изнурительную борьбу. Только в 1036 году Ярославу Мудрому удалось разбить подошедшее к Киеву печенежское ополчение и фактически уничтожить печенежскую опасность для Руси. Основная масса печенегов после этого разгрома откочевала к границам Византии и там печенеги были поселены в приграничных степях в качестве наемников, охранявших византийские рубежи. Оставшиеся в южнорусских степях печенеги частью перекочевали к границам Руси и нанялись на пограничную службу, другие остались в степи и присоединились к подошедшим с востока гузам и торкам (черным клобукам).

Слияние близкородственных печенегов и гузов (огузов) началось еще в заволжских степях - не все печенежские племена ушли тогда на запад, часть из них осталась в непосредственном соседстве с огузами, подчинившись им. К середине XII века печенеги, торки, берендеи, и другие близко родственные племена образовали в Поросье новый союз, получивший название черных клобуков, но в эти годы уже начался процесс ассимиляции печенегов половцами.

Северо-западные группы приаральских огузов в поисках лучших пастбищ продвинулись далеко на запад - в Северное Причерноморье до Дуная и смешались там с остатками булгарских и хазарских племен и постепенно ассимилировали их. Махмуд Кашгарский, характеризуя язык тюркских племен, в своем "Диване" указывал, что печенеги занимают крайне западное положение, то есть проживают около границы Византии, а язык их близок к языку булгар и суваров. По всей видимости, языки древних булгар и хазар на ранних порах оказывали довольно сильное влияние на язык печенежских племен, что ко времени составления словаря Махмуда Кашгарского значительно отличался от языка среднеазиатских огузов. Таким образом печенеги в процессе своего продвижения на запад и освоения южнорусских степей в значительной степени изменили свой этнический, родо-племенной состав, что непременно должно было привести и приводило к изменениям в языке.

Основным материалом по истории печенежского языка могут служить только отдельные слова: собственные имена, названия племен

и родов, номенклатура титулов и т.п., т.е. главным образом ономастическая лексика.

Названия печенежских этнонимов, как правило, представляют собой антропоэтнонимы, т.е. имена племен по собственному имени вождя племени (Баскаков, 1977). Таким образом, по существу все печенежские этнонимы и антропонимы, сохранившиеся в исторических хрониках и летописях, сводятся собственно к мужским именам (Баскаков 1985: 50). Судя по одной только ономастической лексике трудно и рискованно предпринимать далеко идущие выводы, так как ономастикон развивается по своим собственным законам, значительно отличающимся от законов развития апеллятивной лексики. Так, например, по экстралингвистическим причинам, антропонимикон того или иного этноса очень часто состоит сплошь из заимствований. Так, современный русский антропонимикон в большей своей части заимствован из греческого, а личные имена тюрков - мусульман большей частью восходят к арабскому антропонимикону и т.д. Лексика древнего языка, следы которой ограничены только ономастикой, может и не отражать достаточно адекватно собственный разговорный язык его носителей. Тем не менее, сохранившийся тонкий слой лексики печенежского языка убедительно показывает, что это безусловно был тюркский язык огузского типа. Тюркологи однозначно относят печенежский и примыкающие к нему родственные родо-племенные языки и диалекты к огузской (или, по Н.А.Баскакову, к огузо-булгарской подгруппе) группе тюркских языков.

Если и не идентичными, то, по крайней мере, близкородственными с печенежским представляются нам и языки целого ряда узких (огузских) племен IX - X веков - собственно узов, торков, турпей, берендеев, боутов // могутов, каепичей, ковуев и др., обычно объединенных русскими летописцами под собирательным названием клобуков.

Восточная Европа была крайней западной окраиной обширной Евразийской аридной зоны, поэтому здесь в основном прерывались пути миграции кочевников, поэтому здесь оседали последовательно все племена, откочевавшие сюда с востока. В степях Юго-Восточной Европы сконцентрировались многочисленные этноязыковые отношения эмигрировавших с востока на запад кочевников. В XI веке сюда начинают проникать в восточную тюркоязычные кочевники, говорившие на языке кыпчакского типа. Кыпчакский язык половцев или куманов постепенно насаждался на огузско-печенежский субстрат и уже с XI века начал господствовать в южнорусских степях.

Но язык западных кыпчаков - половцев или куман, - благодаря огузско-печенежскому, или, точнее, болгарско-хазарско-печенежскому субстрату, начал приобретать специфические черты, отличающие его от восточно-кыпчакского языка. Западный вариант кыпчакского языка, выросший на печенежском субстрате, мы называем кумано-кыпчакским.

Позднее, в постзолотоордынский период кумано-кыпчакский язык распался на ряд близкородственных, но вполне самостоятельных языков - карачаевский, балкарский, кумыкский, караимский и крымскотатарский (северный вариант).

§ 8. Кыпчаки и кыпчакские языки.

В IX-X веках в южнорусских степях господствовали кочевые племена печенегов и торков или узов (византийские источники). Земли восточного Приазовья между нижним Доном и Кубанью занимали так называемые "хазарские печенеги".

В середине XI века из Заволжья в Восточную Европу вторглись новые кочевые тюркоязычные племена - кыпчаки (в восточных источниках, **половцы** - в русских и **куманы** - в западных источниках), впервые упомянутые Ипатьевской летописью под 1055 годом, когда они вышли на берега Днепра (ПСРЛ, 1923: 150). С этих пор кыпчаки стали непосредственным соседом Руси.

Кыпчаки как самостоятельная народность тюркской семьи сложились в недрах Центральной Азии. В X веке кыпчакские родоплеменные объединения занимали степные территории Северо-Западного Казахстана, гранича на востоке с кимаками, на юге - с огузами, на западе - с хазарами. Кыпчаки распадались на целый ряд племен и вели кочевой образ жизни. Уже в середине X века наиболее западная группа кыпчаков перешла вслед за тюрками-огузами Волгу и хлынула в степи Кавказа и Северного Причерноморья, но она, по всей видимости, растворилась среди печенегов и огузов-торков.

Огромная территория, занятая кыпчаками от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная, в XI-XV веках носила название Дешт-и-Кыпчак или Половецкая земля. Кыпчаки не создали какого-то единого централизованного государства, но уже в XI - начале XIII веков кыпчаки имели отдельные племенные союзы во главе с ханами. Основным занятием всех кыпчакских племен было кочевое скотоводство, хотя уже в XII веке в Половецкой земле существовали и города, в состав населения которых, по всей вероятности, наряду с булгарами, аланами, хазарами, славянами и др., безусловно, входила и часть половцев.

Восточные кыпчаки, оставшиеся в заволжских степях Западного Казахстана и Приаралья, имели тесные связи со Средней Азией и особенно с Хорезмом. Западные кыпчаки половцы или куманы, поддерживали связи с Русью, Византией, Болгарией, Венгрией.

Письменный, а также археологический материал свидетельствует о том, что кыпчаки заняли на Северном Кавказе огромные пространства равнинного Предкавказья - от Нижнего Дона до Дербента.

Половецкая, или куманская, эпоха (середина XI - начало XIII веков) имеет чрезвычайно важное значение в истории западнокыпчакской или куманской (по терминологии А.М.Щербака) подгруппы кыпчакских языков. Именно в эту эпоху в результате конвергенции огузского в своей основе языка печенегов, торков, узов (огузов) и более мелких их подразделений - берендеев, ковуев, могутов и т.п. - с кыпчакским в своей основе языком половцев-куман сложился так называемый куманский (или кумано-кыпчакский, западнокыпчакский) язык, легший в дальнейшем в основу современных карачаево-балкарского, кумыкского, караимского и северного диалекта крымско-татарского языков. Этим и объясняется наше особо пристальное внимание к половецкой эпохе. Включив в свой состав основную массу обитавших в обширных просторах аридной полосы Восточной Европы печенегов, огузов, торков и их родоплеменных подразделений, половцы, или куманы, сохранив кыпчакскую основу своего языка, приобрели также некоторые черты огузских языков. Печенежско-половецкие языковые взаимосвязи местами имели, скорее всего, субстратно-адстратный, а местами - контактный характер. Если взять печенежско-половецкие взаимоотношения в целом, то приходится констатировать, что в это время происходило буквальное скрещивание двух близкородственных языков - печенежского языка огузского типа и половецко-куманского языка кыпчакского типа. В процессе конвергенции этих двух языков печенежско-огузский язык в определенной степени выступал в качестве субстрата. Однако пристальное изучение специфических особенностей строя кумано-кыпчакских языков наглядно демонстрирует, что в их формировании печенежский язык сыграл значительную роль. Поэтому мы не можем характеризовать взаимоотношения между огузско-печенежскими и кыпчакско-половецкими языками и диалектами сугубо субстратно-адстратными или только контактными; отношения между этими близкородственными языками имели более тесный и более глубокий характер и взаимопроникновения между ними носят очевидный конвергентный характер и по традиционной терминологии могут быть названы языковым скрещением. В ходе конвергенции между огузско-

печенежскими и кыпчакско-половецким языками доминирующая роль принадлежала кыпчакскому, или куманскому, языку.

Поэтому то языковое состояние, которое сложилось в результате конвергенции, принято называть кумано-кыпчакским языком. Кумано-кыпчакский язык как таковой не сохранился в самостоятельном виде, в постзолотоордынский период он распался на ряд близкородственных языков - карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымско-татарский, южнобережная часть последнего, имевшая тесные и долговременные контакты в Османской империей, в последующем была османизирована.

В начале XIII века в Центральной Азии произошли события, сыгравшие огромную роль в истории народов Азии и Восточной Европы, наложившие отпечаток на судьбы многих стран и областей - образовалось Монгольское государство, превратившееся вскоре в огромную империю.

К планомерному завоеванию Северного Кавказа монголо-татары приступили в 1237 году. Персидский историк Рашид ад-Дин свидетельствует, что осенью этого года монголо-татарские царевики "Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукара" (Рашид ад-Дин 1960: 39). Осенью 1238 года возобновились военные действия в Предкавказье, на этот раз монголо-татары нанесли удар по аланам, обитавшим в центральной части Северного Кавказа, этот поход длился до сентября 1239 года.

В общей сложности монголо-татарам понадобилось четыре года для завоевания ключевых позиций в предгорной полосе Северного Кавказа, однако нашествие 1237-1240 годов не привело к повсеместной покорности населения Северного Кавказа и прилегающих с севера степных территорий.

Татаро-монгольское нашествие в первой половине XIII века в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этно- и лингвогенеза многих народов региона.

Исторические события монгольской эпохи приводили к значительным перемещениям и смещениям различных этнолингвистических групп населения Предкавказья и южнорусских степей. В монгольскую, или золотоордынскую эпоху произошла вторичная кыпчакизация кумано-половецкого населения; конвергенция двух близкородственных языков - кумано-кыпчакского (западнокыпчакского, огузо-кыпчакского) и канглыйско-кыпчакского (восточнокыпчакского) языков особенно массовый и повсеместный характер принял в эпоху становления и расцвета Золотой Орды. Именно в эту эпоху окончательно сформирова-

ровался кумано-кыпчакский язык - общий предок карачаево-балкарского, кумыкского, караймского и крымско-татарского языков.

Предполагается, что кумано-половецкие предки карачаевцев и балкарцев именно в эпоху монголо-татарских завоеваний покинули просторы южнорусских степей и укрылись в ущельях Кавказских гор. В горах Центрального Кавказа в процессе ассимиляции местного аланского населения пришлыми половецкими племенами, по мнению ряда историков, и сформировались карачаевская и балкарская народности, слившиеся впоследствии в единый народ.

Предложенная Л.И.Лавровым такая этногенетическая концепция с некоторыми оговорками и дополнениями принята ныне многими кавказоведами, в том числе и авторами сводных коллективных работ по истории Балкарии и Карачая (ОИБН 1961: 24; ОИКЧ 1967: 118; ИКБ 1967: 74-75; Лавров 1959: 65-77; Лавров 1960: 63-69; 1964: 60-77; ОПБК 1960: 9-37, 63-126; Минаева 1964: 189-190; Алексеева 1963: 31-41, 51-52; 1971: 170-174; Чеченов 1969: 115-116; Мизиев 1970: 48; Федоров 1973: 220-225; ИНСКДВ 1988: 196-197).

Версия о генетическом родстве некоторых тюркоязычных народов Северного Кавказа с половцами возникла и появилась в научной литературе в самом начале XIX века. Так, в специальной инструкции, выданной Академией наук немецкому исследователю Генриху Юлиусу Клапроту (1783-1835), перед его поездкой на Кавказ для изучения языка и этнографии адыгов, абазин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, грузин и др. в 1807-1808 годах, находим такую запись; "К наиболее старинным жителям гор относятся карачаевцы, балкарцы и чегемы..., возможно..., что это остатки половцев" (Клапрот 1967: 106-107). Вероятность исторической преемственности между половцами и карачаево-балкарцами отмечалась впоследствии рядом исследователей (Мерцбах 1905: 99; Дьячков-Тарасов, 1929: 329-330; Самойлович 1926: 4; Иессен 1941: 29-30), однако остается спорным вопрос конкретной датировки и выяснение обстоятельств проникновения половцев в высокогорные районы Кавказа.

Попытку решения этих сложных и проблемных вопросов впервые предпринял в своих работах Л.И.Лавров. Он пришел к выводу, что какая-то часть половцев, обитавших в степном Предкавказье и разбитых в 1222 году монголо-татарами, укрылась от врагов в горных ущельях Центрального Кавказа и здесь, в процессе ассимиляции местного аланского населения сформировалась карачаево-балкарская народность (Лавров 1959: 3-7; 1960: 63-69; 1969: 60-77).

Мнение Л.И.Лаврова о решающей роли половцев в окончательном формировании карачаевцев и балкарцев представляется вполне убедительной и с историко-лингвогенетической точки зрения, однако трудно согласиться с предположением автора, будто начало этому процессу было положено событиями 1222 года. Первые походы монголо-татар имели лишь разведывательный характер и не привели к господству завоевателей в степях Предкавказья и, разумеется, не могли привести к существенным изменениям этнолингвистической ситуации в крае.

Обсуждению проблемы тюркизации средневековой Балкарии посвящена специальная работа В.М.Батчаева (Батчаев 1980: 79-95), которая освобождает нас от подробного обзора событий начала XII века в аспекте этнолингвистической истории края. Поэтому ограничимся приведением основных выводов из этой работы. В результате подробного анализа нарративных, этнографических, археологических, краниологических свидетельств и иных источников, В.М.Батчаев вполне обоснованно пришел к следующему выводу: "Резюмируя все вышеизложенное, приходится констатировать, что в настоящее время мы не располагаем сколь-либо убедительными аргументами в пользу традиционной версии о проникновении в горы именно в 1222 году. Нет никаких доказательств и относительно предшествующего времени (XI-XII века). Вместе с тем не вызывает сомнения и общепринятая в кавказоведческой литературе установка, согласно которой основные изменения, связанные с формированием современной этнической карты Северного Кавказа, были обусловлены эпохой монгольского владычества вообще (XIII-XIV века)" (Батчаев 1980: 84).

В XIV веке основным языком Золотой Орды становится тюркский язык кыпчакского типа. На этом языке общалось основное население Золотой Орды, на этом языке велась деловая и политическая жизнь, этот язык, известный под названием "тюрки", становится официальным литературным языком государства. Ибн-Батута, посетивший Сарай и другие города Орды при хане Узбеке (1312-1342 годы), называет ее жителей тюрками.

Достаточно полные сведения о кыпчакском языке золотоордынской эпохи содержатся в тюркско-арабском словаре "Китаб-и маджму-и таржуману турки ва аджами ва могули ва фарси", составленном в Египте в 1245 году (Houtsma, 1894), к этой же эпохе относятся отрывки половецко-русского словаря, опубликованные М.А.Оболенским (Оболенский, 1850) и В.Бангом (Bang, 1911). Крупнейшим памятником куманско-кыпчакского, или половецкого, языка является латино-персидско-кыпчакский словарь, составленный в конце XIII ве-

ка в Италии и предназначенный для европейских купцов, торговавших с Золотой Ордой. Этот словарь более известен в научных кругах под латинским названием "Codex Cumanicus" (Radloff, 1887; Grönbech, 1936; Kuun, 1880). Наконец, созданные в XIV веке литературные памятники Золотой Орды, такие, как "Гюлистан бит-тюрки" Сейфа Сарайи (Наджип, 1975) и "Мухаббат-наме" ал-Хорезми (Наджип, 1961), были написаны также на языке "тюрки", то есть огузо-кыпчакском языке. Тот факт, что кыпчакский язык стал официальным языком Золотой Орды, имел чрезвычайно важное значение в судьбах тюркоязычных народов, проживавших на ее территории или находившихся в зависимости от Орды. Это привело в XIV веке к унификации и своеобразной нивелировке всех тюркских языков и наречий, оказавшихся в сфере влияния Золотой Орды.

Суммируя изложенные выше суждения, и частично солидаризируясь с выводами историка В.М.Батчаева (Батчаев 1980: 95), мы предполагаем, что тюркизация Центрального Кавказа имела место в самом конце XIV века и связана с той группой предкавказских половцев, которая в период монгольского владычества была вытеснена из степи в предгорья Кавказа и перешла к оседло-земледельческому образу жизни на территории плоскостной Алании. В период распада Золотой Орды, а точнее - в ходе завоевания Аксак Тимуром Северного Кавказа и в последующее время, эта группа седентизированных половцев, в результате наплыва новой волны кочевников, вынуждена была покинуть свои территории и уйти в ущелья Центрального Кавказа. В конце XIV - начале XV веков оседлые половцы были частично ассимилированы адыгами, а частью отошли в горные районы, где в процессе их смешения с местным населением начала складываться карачаево-балкарская народность. Такое предположение складывается в результате подробного анализа письменных источников в синтезе с данными лингвистики, археологии, этнографии, антропологии и других смежных дисциплин и наиболее адекватно соответствует исторической действительности.

Только исходя из сравнительно поздней датировки распада куманско-кыпчакского языка - основы (в начале XV века), можно объяснить поразительную материальную близость между его потомками - карачаево-балкарским, кумыкским, караимским, северным вариантом крымско-татарского, а также в определенной степени - казанско-татарским (в отличие от близкородственного ему башкирского), с одной стороны, и с языком памятников кыпчакского языка XIII-XIV веков - с карачаево-балкарским и его ближайшими родственниками - с другой.

§ 9. Формирование карачаево-балкарского языка и его диалектных особенностей

Одним из главных компонентов в процессе сложения современного карачаево-балкарского языка был кумано-кыпчакский язык золотоордынской эпохи, непосредственный общий предок близкородственных кумыкского, караимского и северного варианта крымскотатарского языков. Окончательный распад кумано-кыпчакского на четыре близкородственных языка произошел в конце золотоордынской эпохи и непосредственно связан с распадом Орды в ходе военных походов Аксак Тимура в конце XIV века.

Однако при этом надо иметь в виду, что еще до монголо-татарского нашествия кумано-кыпчаки или половцы в течение почти двухсотлетнего пребывания в степной полосе Юго-Восточной Европы ассимилировали остатков булгар, хазар, печенегов, торков, узов и ряд других родственных им тюркоязычных племен огузской группы. Таким образом, в результате скрещивания огузских племенных языков с половецким (или куманским) языком кыпчакской группы сложился своеобразный западный вариант кыпчакского языка, который мы, вслед за А.М.Щербаком, называем кумано-кыпчакским (в отличие от восточного варианта, получившего в науке название канглыско-кыпчакского). Поэтому в потомке кумано-кыпчакского языка - в современном карачаево-балкарском языке, при внимательном сравнительно-историческом анализе его уровней, на каждом из них можем выделить определенную группу специфических особенностей, восходящих к булгарскому, хазарскому, печенежскому или огузскому (торкскому) субстратам.

Помимо этого ко времени появления ранних торков, а также всех последующих тюркских наплывов последующих эпох, вплоть до последней половецко-кыпчакской, в горной и предгорной зоне Центрального Кавказа проживали местные автохтонные племена - ираноязычные аланы (Кузнецов 1962: 130-131; 1975: 21-34; Минаева 1971: 58-227; Абаев 1949: 271-290) и носители аборигенной кавказской речи. В языке карачаевцев и балкарцев прослеживается довольно значительный пласт субстратной и заимствованной лексики аланского или осетинского (Абаев 1960: 127-134), а также кавказского (например, адыгского, сванского (Робакидзе 1960: 135-152) и др. происхождения. По всей вероятности, численность ираноязычного аланского населения в горах, принявших участие в этнолингвогенезе карачаевцев и балкар-

цев, увеличивалась также за счет дополнительного притока алан, бежавших в эти же районы из степных предгорий во время походов Тамерлана и в последующие годы. Надо также иметь в виду и то, что алано-кыпчакские контакты начались еще в половецкую эпоху и значительная часть алан, проживавших в степях Предкавказья, постоянно вливалась в половецко-кыпчакскую среду.

Особенно усилился этот процесс в золотоордынскую эпоху. Доля аланского компонента в окончательном формировании карачаево-балкарского этноса была весьма значительной. Только этим можно объяснить тот факт, что карачаевцы и балкарцы - тюркские по языку народы - называют себя этнонимом иранского происхождения *alaṇ* (<др. - иран. *aṛjāna* "арийский", "ариец") (Абаев 1958: 47; 1949: 153). Этим же этнонимом называют карачаевцев и балкарцев ментрелы и ногайцы. Осетины - прямые потомки ираноязычных алан - именуют балкарцев асами (*asy, asi*). По мнению В.И.Абаева, под этнонимом асы или ясы в средние века был известен именно тот северокавказский народ, который обычно называли аланами (Абаев 1958: 79). В работах, посвященных проблемам карачаево-балкарского этнолингвогенеза, аланская проблема является весьма полемичной, хотя, на наш взгляд, тут нет никакой почвы для дискуссии. Если и говорить о тюркоязычных аланах, то под последними скорее всего следует понимать потомков ираноязычных алан, ассимилированных кумано-кыпчаками в половецкую эпоху в степях Предкавказья. Эти кыпчакизированные аланы впоследствии влились в состав складывающегося карачаево-балкарского народа, сохранив при этом свое традиционное этническое самоназвание *alaṇ*.

И наконец, определенный отпечаток на процесс этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев наложили тесные контакты и взаимовлияния с соседними кавказскими народами на протяжении всего позднего средневековья и в последующие периоды.

Все эти сложнейшие этнолингвогонические процессы, связанные с происхождением и окончательным формированием современных карачаевцев, балкарцев, кумыков, крымских татар, а также караимов, нашли отражение в специфических особенностях языка, антропологического типа, материальной и духовной культуры тюркоязычных народов кумано-кыпчакской группы. Несмотря на многовековые и многократные наслоения и смешения, современный карачаево-балкарский язык является прямым потомком кумано-кыпчакского, или половецкого, языка с выраженными огузо-кыпчакскими чертами в своем строе. Вместе с тем в языке карачаевцев и балкарцев имеются существенные следы субстратно-контактного влияния иранского (алан-

ского или осетинского), болгарского, хазарского, печенежского и автотонных кавказских (например, сванского, адыгейского и др.) языков.

Автономное развитие карачаево-балкарского языка, по нашему убеждению, начинается со времени начала распада Золотой Орды и ухода части кыпчаков-половцев из степной зоны Предкавказья в ущелья Центрального Кавказа, а это, как показывает всестороннее комплексное изучение нарративных, археологических и др. источников, могло иметь место только после завоевательных походов Аксак Тимура 1395-1396 годов в Предкавказье и связанного с ним невиданного геноцида местного населения (ИНСК 1988: 214-217).

В процессе своего автономного развития карачаево-балкарский язык как под воздействием внутренних законов развития, так и благодаря воздействию внешних субстратно-адстратных и контактных факторов образовал несколько диалектов и говоров, каждый из которых отличается специфическими чертами и особенностями. Следует, однако, заметить, что различие между диалектами карачаево-балкарского языка весьма незначительны и носители разных диалектов при разговоре прекрасно понимают друг друга. Основные междиалектные отличия касаются, главным образом, лишь уровня фонетики, на других языковых уровнях они минимальны и не имеют решающего значения в диалектном членении языка. Все это также красноречиво показывает, что автономное развитие карачаево-балкарского языка началось в сравнительно недавнем историческом прошлом и происходило в условиях достаточно тесных взаимосвязей между различными локальными группами носителей языка.

Современный карачаево-балкарский язык разделяется на два основных диалекта - цокающий (ц-з - диалект) и чокающий (ч-дж - диалект).

В цокающем диалекте различают два говора - черекский, с последовательно выраженным цоканьем (ц<*ч) и зоканьем (з<*дж/ж) и хуламо-безенгийский смешанный говор, в котором определяющим признаком является чоканье и жоканье (ж - вместо литературного дж), но в этом говоре параллельно употребляется также и произношение ц (вместо стандартного ч) и з (вместо литературного дж-).

В чокающем диалекте также различаются два говора - карачаевский, с характерным джоканьем в анлауте (дж) и баксано-чегемский, характерный употреблением в той же позиции звука ж- (наряду с дж-). В основу карачаево-балкарского литературного языка положен чокающий диалект (с произношением дж-/ж- в анлаутной позиции), ко-

торый по существу объединяет и карачаевцев, и балкарцев (ГКБЯ 1976: 9-10).

При изучении истории младописьменного языка, каковым является и современный карачаево-балкарский, важное место отводится данным диалектов и междиалектным взаимоотношениям, чередованиям, соответствиям и различиям. С учетом чрезвычайной важности фонетических корреляций между диалектами и говорами для реконструкции различных диахронических уровней языка, считаем уместным более подробно остановиться на наиболее ярких отличительных признаках диалектов и говоров карачаево-балкарского языка.

Цокающий диалект, представленный черекским и отчасти смешанным хуламо-безенгийским говорами, характеризуется следующими основными чертами в области фонетики:

1. Произношением свистящей аффрикаты с (ц) во всех позициях в слове вместо праязыкового *č (ч). Под праязыком мы здесь подразумеваем кумано-кыпчакский (западнокыпчакский) язык - основу современного карачаево-балкарского и близкородственных ему кумыкского, караимского и северного диалекта крымскотатарского языков. Фонетические особенности кумано-половецкого языка принципиальных расхождений с пратюркским языком не имеют, поэтому считаем уместным в данном случае использование этого термина в узком значении. - с (č): *ačlyq* (<* *ačlyq*) "голод", *byçaq* (**byçaq*) "нож", *u' ci' psi'* (**u'ci'psi'*) "третий"; *caŋ-* (**čar-*) "бежать"; *ku'c* (<**küc*) "сила" и т.п.

2. Произношением в анлаутной позиции свистящего звонкого проточного z (з) вместо ž/ž (дж/ж) другого диалекта и праязыкового *j- (* й-): *zol* (<* *jol*) "дорога", *zyl* (<* *jyl*) "год"; *zyr* (<* *jyr*) "песня"; *zawıgun* (<* *jaıyryn*) "лопатка" и т.п.

3. Переходом праязыковых взрывных губных согласных *b и *p во всех позициях в слове в проточный глухой f (ф), полностью отсутствующий в другом диалекте, сохраняющем практически без изменения праязыковую ситуацию: *caŋ-* (<**čar-*) "бежать"; *ceŋxen* (<**čekpen* < **čekmen*) "сукно"; *qaŋcyq* (<* *qarčyq*) "мешок (из меха"; *zaŋxyc* (<* *jaŋqyč*) "вьюшка, задвижка печи" и т.п.

4. Произношением более заднего непалатализованного k в позиции перед передними гласными i, e, ü, ö, по сравнению с более палатализованным в чокающем диалекте: *kim* (<* *kim*) "кто", *kijiz* (<* *kejiz*) "войлок", *keŋ* (<* *keŋ*) "широкий"; *kelin* (<* *kelin*) "сноха"; *kól* (<* *köl*) "озеро", *kün* (<* *kün*) "день" и т.п.

Перечисленные признаки в смешанном хуламо-безенгийском говоре бытуют параллельно с фонетическими особенностями, типичными для чокающего диалекта.

Чокающий диалект, представленный карачаевским и чегемо-баксанским говорами, по своим характерным признакам противопоставит цокающему диалекту последовательным сохранением в более чистом виде праязыковых (кумано-кыпчакских) фонетических особенностей.

В чокающем диалекте праязыковой *č сохраняется без изменения, *j- переходит в ž/ž (дж-/ж), праязыковые b и p сохраняются, в переднерядных словах употребляется палатализованный k.

Различие между карачаевским и чегемо-баксанским говорами заключается, главным образом, только в наличии аффрикаты - (дж-) на месте праязыкового анлаутного *j- в карачаевском, который противопоставляется ž - в чегемо-баксанском говоре.

Что же касается других дифференциальных признаков, то они носят единичный и спорадический характер и существенного значения не имеют (Филоненко, Сухотин, Аппаев 1962: 9-20; Аппаев, 1960; Акбаев, 1963).

Из других более частных признаков расхождения двух диалектов заслуживают упоминания высокая частотность стяженных форм глагола типа *barɣɣɯm da* (вместо стандартного *barɣɯn edim da*) "сходи и...", наличие желательной формы первого лица на -п (вместо стандартного -m): *barajɯn* (вместо *baraɣɯm*) "пойду-ка я", наличие носового п (вместо ɲ) во втором лице прошедшего времени: *suxɣɯn* (вместо *suxɣɯɲ*) "ты вышел" и проч. в цокающем диалекте.

В чокающем диалекте спорадически наблюдается выпадение латерального l перед согласным в ауслауте: *o keče* (вместо стандартного *ol keče*) "в ту ночь"; *boɣandy* (вместо *bolɣandy*) "он был" и еще реже - выпадение г в указанной позиции: *baɣɯnɕɯn* (вместо *barɣɯnɕɯn*) "пока пойдет". В цокающем диалекте такие явления не отмечены.

Внимательный сравнительно-исторический анализ фонетических различий, существующих между диалектами и говорами карачаево-балкарского языка показывает, что основные дифференциальные признаки между ними минимальны, и появились они лишь на поздних этапах истории и не имеют глубокой хронологической перспективы. В лучшем случае можно допустить, что диалектное членение карачаево-балкарского языка началось максимум 500-600 лет назад, но никак не раньше. Следовательно, и причины появления междиалектных различий нужно искать на местной почве. Развитие в цокающем диалекте таких нетипичных для стандартного тюркского языка звуков, како-

выми являются свистящая аффриката с (ц), свистящий звонкий проточный z-(з-) в абсолютном начале слова, проточный губно-зубной глухой f (ф), не до конца последовательное выдерживание закона сингармонизма звуком k (наличие непалатализованного k в позиции перед переднерядными гласными), скорее всего свидетельствуют об активном участии иносистемного субстрата в складывании этого диалекта. Исторические, ареально-географические, этнокультурологические, да и сами лингвистические факты в совокупности указывают, что поддерживающим фактором кыпчакского колебания *č > c* на Центральном Кавказе мог быть только алано-осетинский субстрат.*)

Это предположение, высказанное много лет тому назад Н.А.Карауловым (Караулов 1912: 2) и поддержанное впоследствии В.И.Абаевым (Абаев 1948: 274; 1964: 116; 1960: 127-134), несмотря на затянувшуюся полемику (Акбаев 1971: 98-101), за исключением явления цоканья, остается в силе. Это тем более очевидно, что цокчающий диалект карачаево-балкарского языка в географическом отношении расположен на крайнем востоке Кабардино-Балкарии, то есть на территории непосредственно граничащей с Северной Осетией. Однако, тем не менее, следует особо оговорить, что влияние алано-осетинского субстрата было минимальным и его воздействие не затронуло структуры карачаево-балкарского языка в целом, оно проявилось только на самых последних этапах лингвогенеза в складывании весьма незначительных фонетических особенностей цокчающего диалекта. В цокчающем же диалекте влияние осетинского языка проявляется только на уровне наиболее легко взаимопроникающего уровня лексики, а на других уровнях языка оно практически не выявлено. Вернее будет сказать, что алано-осетинский субстрат проявляет себя только на уровне фонетики цокчающего диалекта, а выявленные В.И.Абаевым около 200 осетинских слов в лексике карачаево-балкарского языка большей частью имеют контактный или заимствованный характер.

§ 10. Периодизация истории карачаево-балкарского языка

Все языки мира имеют очень сложную историю и многосторонние связи как с родственными, так и с исторически контактировавшими иносистемными языками. Задача историка языка состоит в первую очередь в установлении времени, места и причин, вызвавших те или иные сдвиги на разных уровнях языка в ходе его исторического

*) Цоканье мы считаем наследием общекыпчакского//пракыпчакского языка.

развития. Для этого надо в первую очередь установить хронотопологические таксономические уровни или страты и определить место локализации того или иного исторического среза в геополитическом пространстве или воссоздать хронотопологическую сетку периодизации истории языка. Все исследователи истории карачаево-балкарского языка отмечают чрезвычайную сложность и многокомпонентность процессов лингвогенеза.

Комплексное изучение разнообразных исторических источников по тюркским народам в сопоставлении с компаративистическими исследованиями в области тюркских и, шире, алтайских языков дают возможность устанавливать шесть основных этапов в развитии тюркских языков и основных языковых общностей, в которые эти языки входили в процессе длительного исторического развития от древнейших языков с примитивным грамматическим строем до современного совершенного их состояния. В развитии тюркских языков компаративисты обычно выделяют:

- 1) Алтайскую эпоху;
- 2) Хуннскую эпоху (до V века н.э.);
- 3) Древнетюркскую эпоху (V-X века);
- 4) Среднетюркскую эпоху - эпоху формирования и развития языков основных тюркских племен (X-XV века);

5) Новотюркскую эпоху - эпоху формирования и развития языков народностей (XV-XX века) и

6) Новейшую эпоху - эпоху развития тюркских языков после Великой Октябрьской революции (Баскаков 1969: 147-148).

Эта периодизация истории тюркских языков, разработанная Н.А.Баскаковым на основе анализа работ своих предшественников М.А.Кастрена, В.В.Бартольда, В.В.Радлова, Н.Ф.Катанова, П.Г.Мелиоранского, С.Е.Малова, Б.Я.Владимирцова, Г.Й.Рамстедта, Н.Н.Поппе, М.Рясянена, К.Гренбека, А.Джафероглу и других, часто приводится в обобщающих тюркологических работах, но, к сожалению, в конкретных сравнительно-исторических изысканиях проблема периодизации историко-лингвистических явлений часто игнорируется и многие тюркологические исследования в результате этого страдают панхроничностью и выводы ученых-компаративистов редко дают возможность проследить историко-диахроническую ретроспективу развития исследуемого языка или лингвистического явления.

Периодизация истории языка в диахронической лингвистике является важным практическим средством, позволяющим систематизировать и локализовать в пространстве и во времени все важнейшие исторические изменения в языке, имевшие место в многовековом его

развитии. Поскольку язык постоянно изменяется и не наблюдается резких скачков или застоя в историческом развитии языка, нам кажется, лучше всего построить периодизацию на основе специфических внутренних черт исследуемого предмета. Расчленение непрерывного течения времени на те или иные хронологические периоды и отрезки, в которые имели место те или иные сдвиги и изменения в языке, зависит от нашей концепции понимания внутренней и внешней языковой ситуации в тот или иной диахронический период, от методов лингвистической реконструкции, а также от характера располагаемых нами источников.

В настоящее время тюркологическая наука располагает разнообразными историко-топологическими и лингвистическими периодизациями. Наиболее удачной и детально проработанной, на наш взгляд, представляется периодизация истории чувашского языка, разработанная венгерским тюркологом А.Рона-Ташем (Рона-Таш 1980: 3-13; Rona-Tas 1982: 113-169), поддержанная и развитая Н.И.Егоровым (Егоров 1990: 128-145; 1992: 32-70). Им же была предложена подробная периодизация истории татарского и башкирского языков (Егоров 1991: 134-138).

А.Рона-Таш в истории тюркских языков выделяет следующие эпохи и периоды:

- 1) Ностратический;
- 2) Урало-алтайский;
- 3) Алтайский;
- 4) Пратюркский, с подразделением на раннепратюркский (3000 год до н.э.) и позднепратюркский (300-0 годы до н.э.);
- 5) Древнетюркский, с подразделением на раннедревнетюркский (0-600 годы н.э.) и позднедревнетюркский, причем последний дифференцируется на I (552 г. - VII век), II (VII-IX века) и III (IX-XIII века) этапы;
- 6) Среднетюркский, с подразделением на раннесреднетюркский (XIII-XV века) и позднесреднетюркский (XV-XVI/XVII века);
- 7) Новотюркский, с подразделением на ранненовотюркский (XVIII век) и поздненовотюркский (XIX век) и
- 8) Современный тюркский (с 1917 года) (Рона-Таш 1980: 9).

В настоящее время проблема об отдаленных связях тюркского языка является остро дискуссионной, оспаривается даже возможность генетического родства тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. В последние десятилетия большинство алтаистов как у нас в стране, так и за его рубежами все более склоняется к мысли о

приобретенном, взаимозаимствованном и перезаимствованном характере монголо-тюркских лексических сходжений (Щербак 1994: 147-185). Поэтому в предлагаемой ниже периодизации истории карачаево-балкарского языка мы оставляем в стороне ностратический, урало-алтайский и алтайский диахронические уровни, как не имеющие прямого и непосредственного отношения к теме нашей монографии и открываем свою периодизацию пратюркской эпохой.

Что же касается чисто терминологической стороны вопроса, то терминология, предложенная А.Рона-Ташем нам кажется слишком тяжеловесной и громоздкой, а также не очень удобной для практического применения (в особенности при переводе на тюркские языки). Видимо, по этим же соображениям она была изменена в периодизациях Н.И.Егорова, предложенных для чувашского, татарского и башкирского языков. Так, например, периодизация истории татарского языка, генетически наиболее близкого карачаево-балкарскому и тем самым представляющего для нас особый интерес, у него выглядит следующим образом:

1. Прототюркское состояние (около 2000 года до н.э.);
2. Раннепратюркский период (2000-500 годы до н.э.);
3. Позднепратюркский период (500 год до н.э. - 0);
4. Раннедревнетюркский период (0 - VI век н.э.);
5. Среднедревнетюркский период (VII-IX века);
6. Позднедревнетюркский (древне-кыпчакский период (X-XII века);
7. Раннесреднетюркский (средне-кыпчакский) период (XIII - первая половина XV века);
8. Позднесреднетюркский (старотатарский) период - вторая половина XV - первая половина XVI веков);
9. Ранненовотюркский (ранненовотатарский) период (вторая половина XVI - XVII веков);
10. Поздненовотюркский (поздненовотатарский) период (XVIII-XIX века);
11. Современный татарский язык (XX век) (Егоров 1991: 136-138).

В основу своей периодизации истории карачаево-балкарского языка мы положили указанные выше разработки А.Рона-Таша и Н.И.Егорова, однако, исходя из специфических особенностей лингвогенеза кумано-кыпчакских языков, легших в свое время на многослойный тюркский и дотюркский субстрат, сочли уместным дополнить эту периодизацию хронологической стратификацией доступных обозрению с современного состояния компаративистики разновременных

языковых напластований степной полосы Восточной Европы, в той или иной степени оказавших влияние на формирование карачаево-балкарского языка и его кумано-кыпчакской основы.

Прототюркская эпоха - эпоха первоначального диффузного состояния родоплеменных тюркских говоров и наречий, легших впоследствии в основу современных болгарских, огузских, карлукских, кыпчакских, а также смешанных северо-восточных (сибирских) языков. Иными словами, под "прототюркским состоянием" понимается существование гипотетического единого тюркского праязыка, являющегося общим предком всех современных тюркских языков. Наиболее отдаленная нижняя хронологическая граница прототюркского состояния на современном уровне развития тюркской компаративистики не поддается точному определению. Верхняя, наиболее близкая к нашим дням, хронологическая граница датируется серединой I тысячелетия до н.э. В прототюркскую эпоху сложилось основное словарное ядро современных тюркских языков. Прототюркский язык локализуется в Центральной Азии, в районе Забайкалья и Монголии. В середине I тысячелетия до н.э. прототюркский праязык распадается на две ветви или, точнее, из прототюркского языка вычленяется огурский язык - язык булгаро-чувашского типа с характерным ротацизмом и ламбдацизмом.

Историю карачаево-балкарского языка и его носителей логичнее начинать с пратюркского языка.

Пратюркская эпоха (500 год до н.э. - 0) - эпоха первоначального диффузного состояния общего предка так называемых стандартных тюркских языков, характерных общими признаками зетацизма и сигматизма. К концу пратюркской эпохи единый язык начинает расподаться на отдельные наречия, из которых впоследствии формируются древнеогузский, древнекыпчакский, древнекыргызский, карлукский и другие языки.

Древнетюркская эпоха (0 - начало XIII века н.э.) - эпоха отделения, формирования и консолидации самостоятельных тюркских языков - общих предков различных групп современных тюркских языков - огузского, кыпчакского, карлукского (чагатайского), урянхайского и других. Древнетюркская эпоха подразделяется на два периода: раннедревнетюркский и позднедревнетюркский.

Раннедревнетюркский период (0 - VI век н.э.) - это период до образования Восточного и Западного тюркских каганатов. О самостоятельных тюркских языках этого периода достоверных сведений наука пока не имеет, раннепратюркский язык восстанавливается на основе сравнительно-исторических исследований.

Позднедревнетюркский период (VI-VII века) охватывает время существования Первого Тюркского каганата (552-630 годы). В середине VI века в степях Центральной Азии происходят коренные перемены в политической обстановке. Алтайские племена тюрков (тупо-китайских источников) во главе с каганом Бумынем в союзе с теле и другими племенами разгромили жужаней и образовали Тюркский каганат, объединивший большое число разноразличных племен Алтая и Центральной Азии. Ядро каганата составляли алтайские тюрки-тугю.

В период возвышения Первого Тюркского каганата далекие предки карачаевцев и балкарцев, говорившие на языке кыпчакского типа, входили в его состав и кочевали в степях Центральной Азии и Северного Казахстана.

Н.А.Баскаков древнетюркскую эпоху разделяет на три периода: тукуюский (V-VIII века), древнеуйгурский (VIII-IX века) и древнекиргизский (IX-X века) (Баскаков 1969: 157). А.Рона-Таш древнетюркскую эпоху подразделяет также на три этапа: первый (552-VII век), второй (VII-IX века) и третий (IX-XIII века). Такое подразделение древнетюркской эпохи на периоды в принципе верно и приемлемо с общетюркологической точки зрения, но мало чего дает для истории конкретного тюркского языка, в частности - карачаево-балкарского, так как следы его исторических предков теряются в общетюркском массиве.

В VII-VIII веках восточная ветвь тюркских племен распалась на две большие группы. Первая - западнотюркская, или огузско-карлукско-кыпчакская, группа, в которой соответственно отразились три основных компонента восточной ветви, дифференцировавшаяся позже на огузские, кыпчакские и карлукские племена, которые и составили основу носителей современных тюркских языков, относящихся к западной ветви. Вторая, более сложная - восточнотюркская, или, по терминологии Н.А.Баскакова, тукуюско-(огузско)-уйгурско-киргизская, группа, состоящая из тех же трех основных компонентов, также дифференцировавшаяся в исторической последовательности на тукуюскую (огузскую), уйгурскую и киргизскую, из которого в ходе сложного исторического процесса образовались две основные подгруппы: 1) урянхайская (А.М.Щербак), или тувинско-карагасско-якутская (Н.А.Баскаков) и 2) хакасско-киргизская (Н.А.Баскаков), представленная в свою очередь двумя подразделениями: а) хакасским (хакаский, шорский или мрасский, саларский, сары-уйгурский, кондомский, чулымский языки и северные диалекты алтайского языка) и б) киргизско-алтайским (киргизский и южные диалекты алтайского языка) (Баскаков 1964: 1-2).

Для истории карачаево-балкарского языка, входящего в западно-кыпчакскую группу, особый интерес представляет история западнотюркской, или огузско-карлукско-кыпчакской группы. Поэтому мы сосредоточимся в дальнейшем на периодизации истории именно этой группы.

Дифференциация западнотюркской общности на огузский, карлукский и кыпчакский языки происходила в ходе многовековой истории тюркских народов, наполненной многими политическими событиями. Распад первоначальной общности на ряд языковых групп можно, на наш взгляд, отнести к среднетюркской эпохе.

Среднетюркская эпоха (VIII-XVI века) охватывает огромный период истории, в которой происходила дифференциация, становление и распад отдельных тюркских языков - огузского, карлукского (чагатайского), кыпчакского, а также вычленение из последних современных тюркских языков, объединяемых в одноименные группы. Среднетюркскую эпоху по отношению непосредственно к карачаево-балкарскому языку можно разбить на пять периодов: кимакский VIII-X века), кыпчакский (X-XI века), куманский (половецкий) (середина XI начало XII веков), золотоордынский (1223-1396 годы) и постзолотоордынский (1396 год - XVI век) периоды.

Кимакский период (вторая половина VIII-X века) охватывает время выделения, возвышения и распада Кимакского объединения, из которого впоследствии вышли кыпчаки.

Во второй половине VIII века после ожесточенной борьбы с другими родственными тюркскими племенами, в том числе с карлуками, значительная часть огузов оставила Семиречье и откочевала в районы нижнего течения Сырдарьи и Приаральской низменности (Агаджанов 1969: 128; Кляшторный 1964: 163-167; Кумеков, 1978).

Сведений о кимаках в письменных источниках сохранилось относительно немного. На основе подробного анализа китайских источников, Ю.А.Зуев пришел к выводу, что племена яньмо китайских авторов можно отождествлять с йемеками арабских источников (Зуев 1962: 118-119). Йемеки - основное племя, название которого идентично этнониму кимаки, - в VII веке входили в Западнотюркский каганат и кочевали севернее Алтая, в Прииртышских степях. После падения Западного тюркского каганата в 656 году кимаки обособились и основали кимакский племенной союз, первоначально объединивший семь племен, а впоследствии, в середине IX века, количество их федератов возросло до двенадцати (Кумеков 1978: 46-47).

Большую роль в усилении кимакской федерации сыграл разгром Уйгурского каганата в середине IX века. Территория кимакской феде-

рации занимала Верхнее и Среднее Прииртышье в пределах Северо-Восточного Казахстана. К концу IX века владения кимаков распространились на Алакольскую котловину и Северо-Восточное Семиречье до Джунгарского Алатау. До начала XI века кимако-кыпчакские племена занимали обширные пространства от Иртыша до Южного Урала и на юго-западе, в степях Приаралья, граничили с печенегами и огузами. Восточная граница кимакской федерации четко не определена. Вероятно, они кочевали вплоть до степных предгорий северо-западного Алтая и левобережья Оби, где контактировали с древними кыргызами. Кимакским племенам принадлежала значительная часть степных просторов, раскинувшихся между Обью и Иртышом.

О языке собственно кимаков сведений осталось мало, но есть основания считать его языком кыпчакского типа. Это тем более очевидно, что из кимакской федерации впоследствии на арену истории вышли именно кыпчаки.

На рубеже X и XI веков "Кимакский каганат" прекратил свое существование, входившие в его состав кыпчаки усилились и фактически получили самостоятельность; с начала XI века они двинулись к западу. Начался новый период в истории кыпчакских языков.

Кыпчакский период (первая половина XI века) - период самостоятельного развития общекыпчакского языка - основы всех современных тюркских языков кыпчакской группы.

В конце I и особенно в начале II тысячелетия происходят значительные перемещения кочевников азиатских степей в направлении с востока на запад. Тенденция движения кимаков, родственных с ними кыпчаков, также огузов на запад, юго-запад и, отчасти, на северо-запад наметилась уже во второй половине X века.

Именно в этот период, во второй половине X века, часть кимакского объединения племен, в основном кыпчаки, продвинулась в западном направлении и дошла до правобережья Сырдарьи (Кумекон 1978: 67). В конце X века в результате консолидации отдельных групп племен в пределах большой кимакской федерации выделилось несколько самостоятельных племенных областей, в том числе западная - "Андар-аз-кыпчаг". В первой трети XI века под ударами кочевников Центральной Азии "Кимакский каганат" распался, а этноним "кимаки" сошел со страниц исторических источников. Главенство в североказахстанских степях перешло в руки кыпчаков.

В середине XI века кыпчаки вытеснили огузов из бассейна Сырдарьи. В XI веке таджикский писатель и путешественник Насир-и Хусрау называет приаральские степи уже кыпчакскими (Бартольд 1968: 550). В это время кыпчаки захватили обширные степные просторы

ры от Среднего Прииртышья, Центрального Казахстана к северу от Балхаша, Приаралья и Западного Казахстана до Урала и Поволжья.

В кыпчакский период в основном завершилось окончательное формирование общекыпчакского языка - общего предка современных понто-каспийских (куманских), арало-каспийский (канглыи) и урало-поволжских кыпчакских языков.

В середине XI века кыпчаки из североказахстанских степей хлынули в степную зону Юго-Восточной Европы и начался новый период в их истории, который мы условно называем куманским или половецким.

Куманский (половецкий) период (середина XI - начало XIII веков) охватывает историю половецких племен в Восточной Европе до времени монголо-татарского завоевания. В этот период складывается куманский, или западный, вариант кыпчакского языка, из которого потом выделились самостоятельные карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымско-татарский языки.

В середине XI века в сильно опустевшие степи Подонья и Приазовья хлынули с востока новые кочевые орды половцев (восточные авторы называли их кыпчаками, западные - команам). Половцы были прямыми потомками кыпчаков, входивших в IX - начале XI веков в Кимакский каганат. В 1055 году они впервые подошли к юго-восточным границам русских княжеств.

История половцев периода пребывания их в днепровских и донских степях достаточно хорошо освещена как источниками, так и в научной литературе, посвященной их анализу (Голубовский, 1883; Расовский, 1935-1938; Плетнева, 1958; 1974; 1990; Федоров-Давыдов, 1966), поэтому здесь нет особой необходимости на них подробно останавливаться. Источники по изучению половецкого языка также были перечислены выше. Здесь скажем только одно: в результате слияния огузско-печенежского языка с кыпчакско-половецким в южнорусских степях сложился западный вариант кыпчакского языка, который мы называем кумано-кыпчакским.

Сведения о языке кумано-половцев до монгольской эпохи, которыми располагает в данное время наука, весьма скудны. Науке неизвестны письменные литературные памятники на языке кыпчаков, относящихся непосредственно к периоду домонгольского завоевания. Все значительные по объему и содержанию письменные памятники языка западных кыпчаков дают нам относительно полное представление только о языке монгольского и послемонгольского периода, который в результате смешения племен, вызванного нашествием, мог в значительной степени видоизмениться.

Золотоордынский период (начало XIII - конец XIV веков) охватывает значительный хронологический отрезок, когда западнокыпчакский, или половецкий, язык в течение длительного времени развивался в составе государства Золотая Орда и в результате смешения главным образом с восточно-кыпчакским мог в значительной степени видоизмениться.

Надо подчеркнуть, что основную военную силу монгольской армии во время завоевания Восточной Европы составляли не сами монголы, а главным образом среднеазиатско-казахстанские кыпчаки. Однако и после окончательного завоевания южнорусских степей монголо-татарами основная масса половецкого этноса осталась на прежних своих кочевьях, правда несколько потесненная из некоторых наиболее удобных и богатых областей, занятых собственно монголами. Это были прежде всего районы, важные в стратегическом отношении, в которых золотоордынские ханы начали активное строительство городов.

Самым западным государством, возникшим в эпоху после монгольского завоевания, была Золотая Орда Джучиева улуса со ставкой хана на Нижней Волге. Золотой Орде к концу XIII века были подчинены Русь, Волжская булгария, практически вся территория Дешт-и Кыпчака, Северный Кавказ, Крым, Хорезм. Время расцвета Золотой Орды падает на XIII-XIV века. После включения Северного Кавказа в состав Золотой Орды плодородные долины и степи Предкавказья превратились в кочевья золотоордынских ханов, которые строго следили за сохранностью этих угодий и своего скота. По свидетельству Гильома Рубрука (1254 год), каждый пятый из воинов золотоордынского хана должен был охранять от горцев выходы из ущелий, чтобы горцы не сжигали пастбища и не угоняли скот. С этой же целью золотоордынские ханы в предгорьях Кавказа строили свои города-крепости. Такие города были возведены у входа в Эльхотовские ворота - Татартуп, у современного города Майский в Кабардино-Балкарии, такие же пограничные посты и остроги были у села Лячинкая, на реке Подкумок известный золотоордынский город Маджары и т.п.

Половцы стали главным податным населением степи, только в них вместо своих половецких феодалов появились новые монгольские.

Язык Золотой Орды как народный, так и литературный не был однородным. На востоке основным народно-разговорным языком был канглыско-кыпчакский. В Хорезме, основную часть населения которого составляли огузо-кыпчакские племена, язык литературных памятников характеризуется наличием большого количества огузских и в меньшей степени кыпчакских элементов. На западе, ближе к цент-

ральной ставке золотоордынских ханов, где господствовали половецко-кыпчакские племена, народный и литературный язык отражал в большей степени кыпчакские элементы, хотя в западнокыпчакском языке прослеживаются отчетливые следы влияния огузско-печенежского субстрата и поздние огузские веяния.

В Золотой Орде исторически сложились три культурных центра - северный (Волжско-булгарский), восточный (Хорезмский) и западный. Исходя из этого все письменные памятники этого периода подразделяются на три группы: поволжско-булгарские с явно выраженными булгаро-чувашскими чертами; восточные, относящиеся к Хорезму и смежным с ним областям; и западные, территориально примыкающие к Поволжью, южнорусской степной полосе, районам Крыма и далее на запад от него, а также к Египту, куда в большом количестве эмигрировали кыпчаки-половцы из южнорусских степей во время монголо-татарского завоевания и впоследствии образовали государство мамлюков.

Для истории карачаево-балкарского языка основной и непосредственный интерес представляют сохранившиеся памятники письменно-литературного и устно-разговорного языка кыпчаков, относящихся к западной части Золотой Орды, то есть к району Поволжья, южнорусских степей и Крыма, хотя значительная часть из них написана в Египте выходцами из половецких степей.

Хранителями традиций и основных строевых компонентов западнокыпчакского языка в настоящее время в большей или меньшей мере можно считать носителей кумыкского и крымско-татарского языков, сохранивших во многом общую с кумано-кыпчаками лексику, а также фонетические особенности. Основа карачаево-балкарского языка окончательно сформировалась и отшлифовывалась в золотоордынскую эпоху, когда на кумано-кыпчакскую основу накладывались некоторые специфические особенности восточнокыпчакского (канглыйско-кыпчакского) языка, принесенные новой волной кыпчаков.

Однако надо заметить, что отличия между западным и восточным вариантами кыпчакского языка в то время были незначительными и существенного влияния на кумано-половецкий язык они не оказали. Однако следует обратить внимание на одну важную фонетическую особенность карачаево-балкарского языка, выделяющего его из среды близкородственных кумано-кыпчакских языков. В то время, когда все кумано-кыпчакские языки, за исключением карачаево-балкарского, являются йокающими (ср.: коман. *jaw*, кар., кумык. *jaw* "масло"), карачаево-балкарский язык является джокающим (ср.: кб. *žaw/žaw/žaw* "масло"). Выше мы отметили, что, по свидетельству

Махмуда Кашгарского, уже в X-XI веках язык кыпчаков характеризовался джоканьем. Однако сведения Махмуда Кашгарского относятся к восточным кыпчакам, западных кыпчаков в то время еще просто не было. Судя по свидетельству письменных памятников кумано-половецкого языка, западный вариант кыпчакского языка был в основном йокающим.

Показательно, что все восточнокыпчакские языки - казахский, каракалпакский, ногайский (за исключением кара-ногайского диалекта) являются джокающими. Этот фонетический показатель сближает карачаево-балкарский язык с восточными канглыйско-кыпчакскими языками. Карачаево-балкарское джоканье, на наш взгляд, было поддержано и закреплено в золотоордынский период второй волной кыпчаков, занесенных в половецкие степи из восточнокыпчакского региона монголо-татарскими завоевателями. В свою очередь этот факт дает возможность предполагать более тесные контакты между кумано-половецкими предками карачаево-балкарцев и золотоордынскими кочевниками. Интенсивные и долговременные контакты между этими двумя различными кыпчакскими племенами, по всей видимости, складываются в оседлых поселениях или золотоордынских городах. Об активном участии золотоордынских кыпчаков восточного происхождения в этнолингвогенезе карачаевцев и балкарцев говорит также значительный пласт лексики монгольского происхождения в современном карачаево-балкарском языке. Все это дает нам право говорить о скрещивании кумано-кыпчакского предка карачаево-балкарского языка с канглыйско-кыпчакским языком ногайского типа.

В остальных кумано-кыпчакских языках, по всей вероятности, доля воздействия восточнокыпчакского джокающего диалекта была относительно небольшой. Разумеется, все эти предположения требуют дальнейшего комплексного изучения с привлечением широких историко-культурологических, а также лингвистических и, прежде всего, лексических фактов. Но уже сейчас с достаточной уверенностью можно сказать, что эти факты свидетельствуют о сравнительно позднем уходе предков карачаевцев и балкарцев из предкавказских степей в горные ущелья Центрального Кавказа. Эту версию впервые в очень осторожных тонах высказал В.М.Батчаев. По его выводам, "в конце XIV - начале XV веков оседлые половцы частью были ассимилированы адыгами, а частью отошли в горные районы, где в процессе их смешения с местным населением начала складываться балкарская народность".

Лингвистический материал находится в полном соответствии с этим положением и свидетельствует о приходе карачаевцев и балкар-

цев в ущелья Центрального Кавказа именно в начале постзолотоордынского периода.

Походы Аксак Тимура, предпринятые им против золотоордынского хана Токтамыша в 1395-1396 годах завершили золотоордынский период истории карачаево-балкарского языка. Обескровленные в ходе разорительных походов Тимура остатки половцев уже не в состоянии были оказать сопротивление появившимся в южнорусских степях ногайским и другим кочевым ордам, и они были вынуждены оставить свои земли и в поисках укрытия от внешних врагов, ушли в горные ущелья Центрального Кавказа.

Таким образом, в конце XIV - начале XV веков предки карачаевцев и балкарцев окончательно оторвались от остальных подразделений кумано-половцев и положили начало новой самостоятельной карачаево-балкарской народности.

Постзолотоордынский период (XV-XVI вв.) в истории карачаево-балкарского языка является периодом его самостоятельного формирования и дальнейшего развития в новых геополитических условиях.

В XV веке Золотая Орда перестает существовать, она распадается на три самостоятельных ханства: Крымское (с 1420 года), Казанское (с 1445 года) и Астраханское (с 1466 года). В XVI веке довольно значительная часть ногайцев откочевала в степные районы Северного Кавказа и Крыма. Здесь они встретились со складывающимися этносами: кумыками, балкарцами, карачаевцами, караймами и крымскими татарами.

Конец среднетюркской эпохи характеризуется сложением в общих чертах всех основных современных тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарского, и их относительной стабилизацией.

В постзолотоордынский период завершается окончательная дифференциация и формирование специфических особенностей карачаево-балкарского языка в результате интеграции местных субстратных языков и остатков половцев, очевидно, сохранивших еще некоторые родо-племенные диалектные элементы. В этот период приобретают свои основные черты также близкородственные кумыкский, караймский и крымско-татарский языки, также развившиеся из других осколков половецко-кыпчакского языка.

В постзолотоордынский период, с одной стороны, происходит интеграция языка карачаевцев и балкарцев в один общенародный, а с другой - дифференциация диалектных особенностей. На востоке карачаево-балкарской этноязыковой территории довольно отчетливо прослеживается влияние алано-осетинского субстрата. Наиболее ярко следы осетинского языкового воздействия можно проследить в Че-

реком ущелье, в Холамском и Безенгийском ущельях следы осетинского субстрата постепенно сходят на нет и в других местах практически не прослеживаются. В результате победы карачаево-балкарского языка над алано-осетинским субстратом сложились современные диалекты карачаево-балкарского языка. В цокающем диалекте под влиянием осетинского языка удержалось кыпчакское цоканье, то есть фонетический сдвиг $\check{x} > c$ (ср.: **küčük > kücük* “щенок”; **bučaq > bycaq* “нож” и др.); на месте анлаутного исторического джоканья появилось зоканье, то есть произошел переход более раннего j в z (ср.: *züz* вместо *jüz* “сто”; *zyl* вместо *jyl* “год” и др.); произошла спирантизация звуков $b/p > f$ (ср.: *uruf* вместо *urup* “ударив”; *caf* вместо *čar* - бегать и др.), а также $j/q > x$ ср.: *ax cexen* вместо *aq čerpen* “белое сукно” и др.

В холамо-безенгийском говоре, называемом переходным или смешанным, эти фонетические сдвиги носят уже не глобальный характер, а часто смешиваются со стандартными карачаево-балкарскими формами, легшими в основу литературного языка. Следовательно, зону холамо-безенгийского говора следует считать зоной вибрирования между двумя основными диалектами. Ареальное исследование диалектных особенностей карачаево-балкарского языка, как уже писалось, однозначно показывает, что цокающий диалект сложился на месте и непосредственно под катализирующим влиянием осетинского субстрата, причем проявление последнего усиливается в районах непосредственно примыкающих к Северной Осетии.

Влияние осетинского субстрата даже в Черекском ущелье, непосредственно граничащем с Северной Осетией, было весьма незначительным и поверхностным и оказало воздействие на произношение только некоторых, не характерных для осетинского произносительно-го узуса, фонем карачаево-балкарского языка. Поэтому сложно говорить о сколько-нибудь значительном осетинском влиянии на формирование карачаево-балкарского языка.

Очевидно, что ко времени заселения карачаевцами и балкарцами горные ущелья Центрального Кавказа практически были свободны от местного населения. По всей вероятности аборигенное население горных ущелий Центрального Кавказа было практически уничтожено или депортировано во время завоевательных походов Тимура 1395-1396 годов.

О проникновении басиан (балкарцев) в горы рассказывает грузинская надпись XV века. Басианами грузины называли часть балкарцев, которые населяли собственно Балкарское ущелье. Именно здесь, согласно дошедшим до нас преданиям, возникли наиболее ранние поселения балкарцев, а затем они заняли и другие ущелья.

Надо полагать, что названия эти означали не только место жительства отдельных групп карчаевцев и балкарцев. Под этими названиями подразумевалось некоторое общественное объединение. Очевидно, это были самоуправляющиеся полунезависимые сельские общины, представляющие собой раннефеодальные образования с определенными чертами государственности (Карачаевцы, 1978: 24).

С конца XV - начала XVI века вместе с крымско-турецкой агрессией на Северном Кавказе усиливается распространение ислама. Мусульманство привнесло в карачаево-балкарский язык арабскую и персидскую лексику, способствовало распространению письменности на арабографической основе.

Таким образом, к концу среднетюркской эпохи карачаевцы и балкарцы выступают уже как вполне самостоятельный народ со своими общественно-политическими институтами и единым языком.

Новотюркская эпоха (XVII - начало XX века) характеризуется окончательным формированием и стабилизацией всех основных черт современного карачаево-балкарского языка. Особенностью развития тюркских языков в новотюркскую эпоху является всевозрастающее взаимодействие с русским языком, оказавшим сильное влияние на их развитие - на обогащение лексики, совершенствование фонетической структуры и грамматического строя.

Русско-северокавказские отношения имеют достаточно глубокую историю, но регулярный характер они приняли в золотоордынскую эпоху - в XIII-XIV веках, а в XV-XVI веках был заложен фундамент для дальнейшего укрепления экономических, политических и культурных взаимоотношений между народами Северного Кавказа и России.

Новотюркскую эпоху истории карачаево-балкарского языка можно подразделять на **ранненовотюркский** и **поздненовотюркский** периоды, границу между которыми логичнее всего провести по времени присоединения Карачая и Балкарии в состав России.

По отношению к собственно карачаево-балкарскому языку первый период можно назвать **раннекарачаево-балкарским** (или **старокарачаево-балкарским**)*, а второй - **новокарачаево-балкарский**. В дальнейшем мы будем пользоваться в основном терминами раннекарачаево-балкарский и новокарачаево-балкарский.

* За верхнюю хронологическую границу раннего периода истории собственно карачаево-балкарского языка следует признать время окончательного присоединения карачаевцев к России, то есть 1828 год.

Раннекарачаево-балкарский период (XVI-XVII века - 1828 год) охватывает период дальнейшей консолидации карачаевцев и балкарцев в единый народ и складывания единого общенационального языка на основе интеграции диалектов карачевского и балкарского языков и окончательной ассимиляции иноязычных вкраплений на их этноязыковой территории.

По свидетельству исторических источников XVII века, карачевцы и балкарцы занимали территорию, смежную с отрогами Эльбруса. Карачевцы к 30-40 годам XVII века прочно обосновались в верховьях Баксана. На географической карте А.Ламберти, составленной в середине XVII века, карачиоли (то есть карачевцы) помещены на территории современного Карачая (Ламберти 1913: 2, 191-192 и карта). В первой половине XVII века часть карчаевцев из-за феодальных раздоров выселилась в верховья Кубани.

В первой половине XVII века балкарцы были расселены по Балкарскому (Малкарскому) ущелью вдоль реки Черек (КРО 1957: Т.1 С. 120-121, 125; ПСТ 1926: 32-36, 52-54.). Местоположение балкарских поселений кардинально не изменилась и во второй половине XVII века.

Впервые в русских документах имя балкарского народа появляется в 1629 году в связи с поисками серебряных руд в горской "землице Табыста", находившейся на территории Кабарды и Балкарии. В январе 1629 года терский воевода И.А.Дашков сообщает в Москву, что в местности, где живут балкары имеются залежи серебряной руды и владеют этой землей сыновья сестры кабардинского князя Пшимахо Камбулатовича Черкасского. Этот документ позволяет датировать нижнюю границу новотюркской, или собственно карачаево-балкарской эпохи 1629 годом. Вместе с тем данный документ свидетельствует о традиционных кровнородственных связях между карачевцами и балкарцами, с одной стороны, и кабардинцами - с другой: сестра Пшимэхо Камбулатовича была замужем за балкарским владельцем. Местностью "балкар" владели ее сыновья - Апши и Абдулла (КРО 1957: 113-114, 120-123, 226, 228-229, 232).

Эти и другие документы свидетельствуют о неуклонной активизации русско-балкарских отношений в XVII веке. Присоединение Кабарды к России еще больше упрочили связи народов Северного Кавказа с Россией.

Раннекарачевско-балкарский период характеризуется постепенным прогрессированием русского влияния на язык карачевцев и балкарцев. Этому в значительной мере способствовало присоединение Карачая и Балкарии к России. Прогрессирующее развитие русско-

балкарских отношений привело к тому, что в 1781 году балкарцы, соседствующие с осетинами-дигорцами, вместе с жителями 47 дигорских селений приняли российское подданство. Однако не все балкарцы тогда согласились принять российское подданство. Балкарские ущелья продолжали служить убежищем для многих кабардинцев и представителей иных народов, не согласных с колониальной политикой России на Северном Кавказе.

В XVII-XVIII веках в дипломатических сношениях с Россией карачаевцы и балкарцы в основном использовали с помощью местных и русских толмачей и писцов русский язык и русскую письменность. Вместе с тем в связи с активизировавшимся процессом исламизации карачаевцев и балкарцев в предгорья стала проникать арабская письменность, получившая более широкое распространение в XVIII веке. В XVIII-XIX веках ислам уже начинает господствовать в религиозной и общественной жизни карачаевцев и балкарцев. С усилением позиций ислама в карачаево-балкарский язык проникли в довольно большом количестве слова арабского, а также персидского происхождения. Арабская письменность в основном обслуживала лишь нужды религии и отчасти делопроизводства, официальной и частной переписки.

В ранний период новотюркской эпохи карачаево-балкарский язык обогащал свою лексику заимствованиями из местных кавказских языков, а также из русского языка, с распространением ислама начинают проникать слова персидского и арабского происхождения. Однако следует отметить, что в раннекарачаево-балкарский период доля иноязычных заимствований была незначительной, язык карачаевцев и балкарцев в это время развивался в основном за счет внутренних ресурсов.

Позднекарачаево-балкарский период (1828-1917 годы) характеризуется дальнейшей консолидацией языка балкарцев и карачаевцев в составе централизованного многонационального государства - России. Первый зафиксированный письменный памятник карачаево-балкарского языка относится еще к 1715 году.

В XIX веке в Балкарии и Карачае довольно широкое распространение получила письменность на арабской графической основе. В позднекарачаево-балкарский период новотюркской эпохи еще более усилились связи между русским языком и языками горцев Центрального Кавказа. Первые поселения русскоязычных терских казаков стали возникать в левобережье реки Терек уже в середине XVI века, однако основная масса русских поселений в крае возникла во второй половине XVIII - первой половине XIX века в связи с созданием так называемой "Кавказской линии". Первоначально это были казачьи

укрепления и крепости, где, кроме военных гарнизонов, поселились также переселившиеся из России крестьяне.

Карачаевцы и балкарцы издавна находились в общении с жителями русских поселений. В конце XVIII-XIX веках в связи с ухудшением положения крестьян учащаются их побег от князей и дворян. Очень часто русские беглые крестьяне устремляли свои взоры на Кавказ, здесь они находили защиту от преследования крепостников и останавливались на поселение в русских крепостях и городах.

Общение карачаевцев и балкарцев с русскими поселенцами происходило также путем торговли и товарообмена, что вместе с другими связями приводило к взаимодействию культур, быта и хозяйства, а также взаимной дивергенции и обогащению языков. Вместе с русскими поселенцами на Северный Кавказ пришло садоводство и огородничество, значительно улучшилась технология обработки земли, совершенствовались и изготовление орудий труда. Общение с русскими сказалось и на быте карачаевцев и балкарцев. К ним стала проникать домашняя утварь русского образца, посуда, столы и кровати, начал видоизменяться тип жилищ и т.д. Все это получило отражение в карачаево-балкарском языке прежде всего на лексическом уровне, а значительное накопление русских по происхождению слов в свою очередь начало сказываться и на фонетическом уровне - в язык стали проникать новые, доселе не характерные фонемы.

Начиная с 20-х годов XIX века в Карачае и Балкарии начинает развиваться просвещение. До 20-х годов XIX века единственными учебными заведениями, доступными для карачаево-балкарских детей были мектебы и медресе при мусульманских мечетях, где преподавались арабский язык и основы ислама. Только богатые местные князья имели возможность отправлять своих детей на учебу в Ставрополь, Владикавказ, а также в Москву и Петербург, но это были единицы и образование они получали на русском языке. В 20-х годах XIX века в крепостях Нальчик, Прохладная, Моздок открываются школы для аманатов, в 40-х годах в Нальчике были сделаны попытки открыть училище на несколько десятков детей. В 1851 году в Нальчике начинает работать первая школа для детей русских офицеров и местной знати, а в 1860 году открывается "Нальчикская окружная горская школа" на 65 учащихся. Эти школы в основном предназначались для детей князей и таубиев. Тем не менее первые школы сыграли важную роль в распространении передового русского просвещения среди карачаевцев, балкарцев и других горцев Северного Кавказа.

После революции 1905-1907 годов среди народов России развернулась борьба за национальное равноправие. Царское правительство

вынуждено было признать, что начальное обучение в нерусских школах необходимо вести на родном языке, а на учительскую работу должны назначаться лица, владеющие родным языком учащихся. Результатом этой национальной политики явилось создание первых национальных букварей. Первым среди балкарских деятелей просвещения был Сафар Урусбиев, однако его попытка создать балкарскую грамматику в те годы не имела успеха.

С начала XX века в связи с революционными событиями растет тяга к образованию. В 1901 году в Нальчикском округе действовали 30 школ, а в 1914 году - уже 112. В этих школах преимущественно обучались в основном сыновья состоятельных людей. В 1909 году, после тридцатилетних перипетий, "Нальчикская окружная горская школа" была преобразована в реальное училище, тем не менее число грамотных среди коренных жителей Северного Кавказа оставалось ничтожным и к 1914 году не превышало и 2 процентов всего населения.

Могучий рост русской культуры в XIX веке дал толчок к изучению самобытной культуры, языка и истории горских народов Кавказа. Немало русских ученых побывало в указанный период среди карачаевцев и балкарцев, которые описывали народные обычаи, фольклор и язык и знакомили с ними мировую научную общественность. Таким образом в конце XIX века карачаево-балкарский язык выходит на мировую арену и становится предметом изучения.

Первым русским исследователем, обратившим внимание на карачаево-балкарский язык, следует считать автора краткого очерка грамматики балкарского языка Н.А.Караулова (Караулов 1912: 1-169). Важным событием в истории карачаево-балкарского языка является появление в 1916 году книги учебного характера "Ана тили" ("Родной язык"), принадлежащий перу И.А.Акбаева, которую можно считать первым букварем карачаево-балкарского языка (Акбаев, 1916).

Систематическое изучение карачаево-балкарского языка, разработка его литературных норм, создание алфавита, терминологии, грамматики, словаря, а также инфраструктуры его нормального функционирования относятся уже к новейшей эпохе.

Новейшая эпоха (с 1917 года) истории карачаево-балкарского языка характеризуется разработкой национальной письменности, созданием нормативного литературного языка и приданием ему статуса государственного, обогащением словарного состава (главным образом за счет русских и опосредованных последним интернациональных заимствований), совершенствованием грамматического строя и т.д.

Изменения, происшедшие в карачаево-балкарском языке в новейшую эпоху, следует, разумеется, рассматривать не как образование какого-то нового языка с новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем, а как совершенствование традиционно-го языка, расширение его общественных функций и превращение языка карачаевской и балкарской народностей в общенациональный язык с богатой лексикой и гибкой терминологией.

Новые социальные и политические условия, бурное развитие экономики и культуры, резкое повышение грамотности и мощное воздействие русского языка на развитие карачаево-балкарского языка в связи с прогрессированием школьного образования, развитием прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы, средств массовой информации способствовали ускоренному развитию национального языка, расширению и усложнению его функций и социального статуса.

В новейшую эпоху вместе со значительным обогащением лексики карачаево-балкарского языка происходит и частичное перераспределение лексики между основным словарным фондом и словарным составом. Словарный состав представляет собой как бы первый план движущегося в своем развитии языка, вместе с которым приходит в движение и изменяется, но значительно медленными темпами и основной словарный фонд и еще более замедленное - грамматический строй языка.

Важное значение в становлении общенационального карачаево-балкарского языка имело политическое обустройство горских народов и создание их национальной государственности. 20 января 1921 года была образована Горская АССР, куда вошли Карачай и Балкария как самостоятельные национальные округа. 1 сентября 1921 года ВЦИК принял декрет о выделении Кабарды из Горской республики и преобразовании ее в самостоятельную Кабардинскую автономную область, непосредственно вошедшую в состав РСФСР. Спустя год и Балкария выделилась из состава Горской республики и преобразовалась в Балкарский национальный округ. В 1922 году эти два политических образования воссоединились в Кабардино-Балкарскую автономную область. 12 января 1922 года ВЦИК утвердил декрет об образовании автономной области карачаевского, черкесского, ногайского и абазинского народов как составной части РСФСР. В 1936 году Кабардино-Балкарская автономная область была преобразована в АССР. Образованная в 1922 году Карачаево-Черкесская АО в 1926 году распалась на Карачаевскую АО и Черкесский национальный округ. В на-

чале 1957 года был издан закон о восстановлении Карачаево-Черкесской автономной области.

В результате сложения национальных государственно-политических образований создается благоприятная почва для сближения диалектных вариантов народно-разговорного языка и приближения их к нормам общенационального литературного языка. Карачаевская и балкарская народности, получившие право национального самоопределения, вырастают в самостоятельные нации, создают общенациональный язык и на его основе развивают новые национальные литературы, школьное преподавание, прессу, театр, государственное делопроизводство. Прогрессирование промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки, техники, развитие социально-политических институтов требуют от языка нового пополнения и дальнейшего развития его словарного состава, терминологии, усовершенствования графики, орфографии и орфоэпии, а в связи с развитием различных стилей и требованием большей гибкости языка и дальнейшего развития грамматического строя.

Новейшую эпоху истории карачаево-балкарского языка можно разбить на четыре периода: *раннесоветский* период (1917-1943 годы); период депортации (1944-1956 годы); *позднесоветский* период (1957-1990 годы) и *постсоветский* (с 1991 года).

Раннесоветский период (1917-1943 годы) в истории карачаево-балкарского языка был периодом прогрессивного развития национально-языкового строительства в Кабардино-Балкарской АССР и Карачаево-Черкесской автономной области. В довоенные годы происходит становление письменно-литературного языка и его норм, развитие национальной культуры и национальной школы, начинается планомерное научное изучение языка. В 1926 году создан научно-исследовательский институт, было организовано Северо-Кавказское краевое национальное издательство, начавшее выпуск литературы на национальных и русских языках. До 1926 г. карачаевцы и балкарцы пользовались арабским письмом, в 1926 году она была переведена на латинский алфавит, а с 1938 года - на современную систему письма, основанную на кириллице. Создание своей национальной письменности дало возможность карачаевцам и балкарцам издавать учебники и обучаться на своем родном языке, способствовало росту числа учащихся в школах и повышению уровня грамотности. В результате введения родного языка в национальную школу, в 1940 году Карачай и Балкария стали областью сплошной грамотности.

В 1937 году начало работать национальное радио, с 1924 года начала издаваться первая национальная газета на карачаево-балкарском языке "Карахалк".

С 1923 года в республике работает педтехникум, еще в 1924 году преобразованный в целый учебный комбинат по подготовке национальных кадров - Ленинский учебный городок (ЛУГ), в который входили педагогический, кооперативный, сельскохозяйственный, кустарно-ремесленный техникумы, фельдшерско-акушерские курсы, дом пионеров и совпартшколы. В 1936 году на базе ЛУГа создали самостоятельные высшие и средние учебные заведения. В 1935 году создан Карачаевский научно-исследовательский институт языка и письменности, в 1938 году открыт Черкесский государственный институт.

В раннесоветский период создавалась национальная литература, театр, пресса, на родных языках выходили газеты (например "Таулу джашау" - "Горская жизнь"). Этот позитивный процесс были прерван в середине 40-х годов XX века: в ноябре 1943 года карачаевцы, а в марте 1944 года балкарцы были выселены со своей исторической родины и депортированы в республики Средней Азии и Казахстан.

Период депортации (1943-1956 годы) в истории карачаево-балкарского языка зияет грозной пугающей пустотой. В результате проведения ничем не оправданной политики репрессий карачаево-балкарский язык предается забвению вплоть до 1957 года, когда карачаевцам и балкарцам было разрешено вернуться на свою историческую родину. В этот период центр исследования карачаево-балкарского языка перемещается за пределы Советского Союза.

Позднесоветский период (1957-1990 годы) характеризуется новым подъемом в развитии карачаево-балкарского языка. В 1957 году были восстановлены Карабдино-Балкарская АССР и Карачаево-Черкесская автономная область. С 1960 года используется единый карачаево-балкарский алфавит на основе русской графики.

В позднесоветский период в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии получает массовое распространение национально-русское двуязычие. Согласно переписи 1989 года, свободно владеют русским языком 80,3 % балкарцев, считающих родным язык своей национальности до 95,3 % и 79,8 % карачаевцев, признающих родным язык своей национальности до 97,7 %.

В 60-е годы XX века возобновилось систематическое изучение карачаево-балкарского языка, открываются научные центры, готовятся кадры языковедов с высшим образованием из среды самих носителей национального языка.

Постсоветский период (с 1991 года) характеризуется повышением социального статуса карачаево-балкарского языка и дальнейшим расширением его социальных функций. В 1991 году провозглашены Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская республики в составе Российской Федерации, а карачаево-балкарскому языку придан статус одного из государственных языков этих республик.

Восстанавливаются утраченные в период депортации и позднесоветские годы функции карачаево-балкарского языка и, в первую очередь, - обучение в национальных школах на родном языке. Так, например, в 1992/93 учебном году балкарский язык стал языком обучения в 1-4 классах более 30 общеобразовательных школ Балкарии. Карачаевский и балкарский варианты литературного языка изучаются как учебный предмет в более чем 150 общеобразовательных школах Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республик.

§ 11. Проблемы стратификации этноязыковых субстратов Юго-Восточной Европы и этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев

1. Иранские субстратные пласты

Еще в прошлом веке известный исследователь народов Северного Кавказа В.Миллер в "Осетинских этюдах" писал: "Кавказский хребет - это гора языков - представляет капитальный интерес для этнографии. Нет другой местности на земном шаре, где бы на сравнительно небольшом пространстве скупивалась такая масса разноплеменных и разноязычных народов" (Миллер 1887: 3).

Современный Кавказ населен людьми разного антропологического типа, относящимися ко многим языковым группам, с присущими каждому из этносов культурными особенностями. Народы Кавказа прошли разный исторический путь, но их объединяет не только географическое соседство, связь намного глубже, она внутренняя, и корни ее уходят в "доисторические" времена и составляет так называемый "кавказский субстрат". Этот "кавказский субстрат" крайне неоднороден как в генетическом, так и в хронологическом аспектах и у разных этнических образований он проявляет себя в совершенно разном облике. В этой связи интересно отметить, что Страбон насчитывал на Кавказе 70 различных племен, а Ибн-Хаукаль говорил даже о 360 языках. Вместе с тем этот пресловутый "кавказский субстрат" представляет некое многокомпонентное диффузное целое и вычленяется современными исследователями у нынешних этнических обра-

зований в их антропологическом облике, материальной и духовной культуре, в языке и нартском эпосе, особенностях домостроительства или зооморфной пластике, в кавкасионском антропологическом типе и характере погребальных сооружений, орнаментации архаической керамики и древних культах. Именно в этом своеобразном кавказском общем знаменателе коренится определенное родство между ирано-язычным осетином и вайнахоязычным ингушем, представителем автохтонной кавказской семьи языков - сваном и тюркоязычным балкарцем и карачаевцем. Что же касается непосредственно карачаевцев и балкарцев, то кавказский субстрат в их языке и культуре является относительно новым приобретением и его хронологизация не вызывает особых споров.

Более животрепещущей и остро полемичной является проблема иранско-карачаево-балкарских этнокультурных и языковых взаимоотношений.

Иранский субстрат в Юго-Восточной Европе является наиболее древним из всех доступных обозрению с вершины современного уровня компаративистики. В диахронотопологическом аспекте иранский субстрат является многослойным и многокомпонентным, в нем можно выделить последовательные киммерийский, скифский, савроматский, сарматский, аланский и осетинский дихронические страты.

Степная полоса Юго-Восточной Европы была крайне западной частью бескрайней Евразийской аридной полосы и сюда волна за волной накатывались орды кочевников, зародившихся в центре азиатских степей и последовательно волна за волной останавливались и оседали в районе южнорусских степей, проникая далеко в предгорья Кавказа.

Наиболее древним народом в степях Юго-Восточной Европы, судя по дошедшим до наших времен древнеисторическим источникам, следует признать киммерийцев. В древнегреческой литературе этническое название киммерийцев (греч. *Κιμμεριοι*) ранее всего появляется в "Одиссее" Гомера и у Каллина в VII веке до н.э. и относится к племенам Северного Причерноморья. По сообщению "отца истории" Геродота и ряда других древних авторов, киммерийцы жили в Северном Причерноморье вплоть до Фракии и были изгнаны оттуда скифами. Надо, однако, заметить, что греческие историки и географы часто путают киммерийцев и скифов, нередко оба наименования применялись к одним и тем же киммерийско-скифским племенам (Латышев, 1947-1949; Дьяконов, 1956; Крупнов, 1958; 1960; Ельницкий, 1949; 1961; Петеножкин, 1976; Артамонов, 1973; Киммерийцы и скифы, 1974; Куклина, 1981).

Сведения о языке киммерийцев не сохранились, но в науке существует, наряду с другими, и мнение об их генетическом родстве со скифами.

В конце VII века до н.э. в степях Северного Причерноморья киммерийцев окончательно сменили скифы, которые благополучно просуществовали до III века до н.э. По единодушному мнению исследователей, скифы (греч. *Σκυθαι*) состояли из родственных племен северо-иранской языковой группы индоевропейской семьи. По принадлежности к одной языковой группе, а также по общности материальной и духовной культуры, скифы были родственны савроматам (сарматам), сакам, массагетам. Одни исследователи считают скифов потомками создателей и носителей срубной культуры эпохи бронзы, продвигавшихся начиная с XIV века до н.э. с территории Поволжья на запад. Другие полагают, что основное ядро скифов вышло из Средней Азии и смешалось с местным населением Северного Причерноморья. Начало истории скифов отмечено их войной с киммерийцами. С 70-х годов VII века до н.э. скифские племена вторгаются через Кавказ в Малую Азию, завоевывают Мидию, Сирию, Палестину, 28 лет господствуют в Передней Азии, но в начале VI века до н.э. изгоняются оттуда мидийцами. Основная территория расселения скифов - степи между Доном и Дунаем, включая степной Крым. Северная граница проникновения скифов недостаточно ясна, но скорее всего дальше границ лесостепной зоны не простиралась. Последнее скифское царство с центром в Крыму просуществовало до второй половины III века н.э. и было уничтожено готами. Скифы окончательно потеряли свою самостоятельность и этническую самобытность, растворившись среди племен Великого переселения народов, в первую очередь - среди европейских гуннов и их наследников (Латышев, 1893-1906. Т. 1-2; Ростовцев, 1925; Смирнов, 1966; Греков, 1947; Артамонов, 1974; Бессонова, 1983; Ельницкий, 1977; Жебелев, 1953; Ильинская, 1983; Киммерийцы и скифы, 1987; Куклина, 1985; Мелпокова, 1979; Пяньков, 1975; Раевский, 1985; Рыбаков, 1979; Скифы Северного Причерноморья, 1987; Топоров, Трубачев, 1962; Трубачев, 1968; Хазанов, 1975; Черненко, 1984; Нейхардт, 1982; Агбунов, 1989; Есаян, Погребова, 1985).

Близкими родственниками скифов являются савроматы (греч. *Σαυρομάται*, лат. *Sauromatae*) - кочевые племена, жившие в VII-IV веках до н.э. в поволжско-приуральских степях. По своему происхождению, культуре и языку савроматы были очень близки к скифам и сакам. С конца V и в IV веках до н.э. савроматы начали теснить скифов и переходить Дон.

В IV-III веках до н.э. у савроматов сложились новые союзы племен, куда вошли и родственные им племена, откочевавшие с востока. Начиная с III века до н.э. эти новые родо-племенные группировки выступают в античных источниках под общим названием сарматы (Смирнов, 1964; 1957: 3-19; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963 (САИ. Д 1-9); Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975; Машкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохаровской) культуры. М., 1974; Кавказ и Дон в произведениях античных авторов, 1990).

Сарматы (греч. *Σαρμάται*, лат. *Sarmatae*) - многочисленные ираноязычные племена, расселившиеся с III века до н.э. по IV век н.э. в степных просторах от Тобола на востоке и до Дуная на западе. Ранняя история сарматов тесно связана с савроматами, в среде которых, вероятно, и вывелись наиболее крупные союзы сарматских племен во главе с языгами, роксаланами, сираками, аорсами и аланами.

Широкое расселение сарматов на юге Евразии было вызвано необходимостью приобретения новых пастбищ при экстенсивном кочевом скотоводстве. Со II века до н.э. сарматы становятся гегемонами в степях Юго-Восточной Европы: одни из сарматских племен - сираки и аорсы - прочно освоили предкавказские равнины, а другие - языги и роксаланы, перейдя Дон, установили свое господство в степях Северного Причерноморья. В конце II века до н.э. сарматы выступают союзниками скифов. С I века до н.э. бывшая территория Скифии на античных картах (например на карте, составленной Випсанием Агриппой) начинает называться Сарматией. Восточная, или азиатская, группа сарматов экономически и политически была тесно связана с государствами Средней Азии, особенно с Хорезмом.

В первые века н.э. среди сарматских племен особенно усиливаются аланы. Политическая гегемония сарматов в Северном Причерноморье была подорвана в III веке нашествием готов, а в IV веке сарматско-аланские племена были покорены гуннами. Часть сарматских и аланских племен вместе с готами и гуннами стали активными участниками Великого переселения народов. Сохранившиеся на юге современной России группы сарматских племен в раннее средневековье смешались с другими народами Восточной Европы - северокавказскими и в большей степени с тюркоязычными племенами - булгарами, хазарами, печенегами, половцами и др. Часть сарматских племен, в основном аланы - сумела сохранить основу своего языка и составила ядро осетинского народа (Алексеева, 1976; Артамонов, 1962; Виноградов, 1963; 1972; Крупнов, 1960; Доватур, Каллистов, Шишова,

1982; Раевский, 1977; Нейхардт, 1982; Смирнов, 1975; 1984; 1971; ССВ, 1989; СЕЧ СССР, 1989; СПАЧ СССР, 1992).

Проблема этнокультурных взаимоотношений между тюркоязычными и ираноязычными этническими образованиями в древности в свете историко-археологических и нарративных источников кажется столь очевидной, так как огромная степная полоса Евразии, населенная еще в раннем средневековье ираноязычными племенами буквально на глазах истории в основном стала тюркоязычной. Однако, как это не парадоксально, ни в отечественной, ни в зарубежной иранистической и тюркологической науках эта проблема практически и не поставлена на строго научную основу. Исключением можно считать фундаментальный четырехтомный труд Г.Дерфера "Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском", (Doerfer, 1963-1967) но он посвящен в основном тюркско-иранским заимствованиям более поздней эпохи, хотя исследователь может найти в нем достаточно много сведений о более ранних этапах тюркско-иранских языковых взаимоотношений. В последние годы некоторые тюркологи не совсем корректно ставят вопрос о тюркоязычности скифов, сарматов, алан и родственных им древних племен (Закиев, 1995; Мизиев, 1986). Скорее всего вопрос должен быть поставлен в другом ключе: поиски тюркских элементов в скифо-сарматских наречиях явно обречены на неудачу, а суть проблемы заключается в выявлении следов древнеиранского языкового субстрата в современных тюркских языках.

Тюркско-иранские языковые взаимоотношения имеют огромную хронологическую протяженность, охватывающую, по крайней мере, двухтысячелетнюю историю Евразийских степей. Известно, что огромные просторы Центральной и Средней Азии, Казахстана, аридной зоны Юго-Восточной Европы в древности были населены ираноязычными племенами скифо-сакского круга. Известно также, что народы, их языки и культуры не исчезают бесследно. Не исчезли бесследно и скифы, савроматы и сарматы, саки, массагеты, усунь, согдийцы, хорезмийцы и другие родственные им этнические образования. Ираноязычные племена аридной зоны Евразии внесли заметный вклад в языки и культуры многих народов - славянских, финно-угорских, кавказских, среднеазиатских и, конечно, тюркских. Помимо того, большинство древних ираноязычных народов в I-II тысячелетиях н.э. в основном влились в состав многих тюркоязычных народов. Более того, многие тюркские народы в своей основе восходят к древним иранцам, причем ряд из них неоднократно скрещивался с различными хронотопологическими образованиями ираноязычных этносов. Чтобы выяснить и оценить вклад ираноязычных народов в этнолингвогенез

того или иного современного тюркоязычного народа в полном объеме, надо приложить все усилия к лучшему познанию скифо-сарматосакского и вообще древнего восточноиранского мира.

Исторические контакты далеких кимакско-кыпчакских предков карачаевцев и балкарцев начались еще в Центральной Азии. Сакско-масагетские диалекты Восточного Туркестана и согдийские Средней Азии издавна находились в тесном контакте с тюркскими языками, и лексическое взаимодействие между ними было, по-видимому, достаточно интенсивным. Процессы проникновения тюркоязычных племен в Среднюю Азию отчетливо наблюдаемые уже в эпоху господства Тюркского каганата (VI-VII века н.э.), продолжались и впоследствии. В результате тысячелетних тюркско-иранских контактов значительный слой иранской лексики вошел в основной словарный фонд многих и многих тюркских языков и, наоборот, многочисленные тюркские заимствования проникали в иранские языки и диалекты.

Вытеснение древних иранских диалектов из огромных степных территорий, очевидно, происходило через стадию иранско-тюркского двуязычия, послужившей переходным этапом в процессе полного или частичного вытеснения иранских языков Восточного Туркестана, Казахстана, Средней Азии и Юго-Восточной Европы тюркскими языками и диалектами. В зонах непосредственных тюркско-иранских языковых контактов это двуязычие широко представлено и в наши дни.

Переходя на новый для него тюркский язык, ираноязычное население привносило в него некоторые фонетические, лексические, грамматические и синтаксические элементы своего языка. На значительной части Средней Азии и Юго-Восточной Европы, занятой в настоящее время исключительно или преимущественно тюркскими или славянскими языками, отчетливо прослеживаются значительные пласты иранской по происхождению топонимики. В южнорусских степях к таковым относятся названия Дона (< авест. *danu* - "река"; осет. *don* - "вода", "река"), Днепра (< осет. *don* = *arf* "глубокая река"; др. иран. * *dan-apr*), Днестр (< др.-иран. *dan* + *istr* - "река Истр"); Вардана (древнее название реки Кубани (< др. = иран. *varu-danu* "широкая река"), Пантикапея (название реки в Скифии; < др. - иран. *panti-kapa* "рыбный путь"), города Кафы (< алан. *kafa* "рыба"), реки Прута (< алан. *ford* "большая река") и т.д., которые многими исследователями справедливо относятся к скифско-сарматскому наследию (Абаев, 1965; Топоров, Трубаев, 1962; Трубаев, 1968; Смирнова, 1960).

Таким образом, чисто гипотетически можно допустить значительное влияние древнего восточноиранского субстрата на кумано-кыпчакские языки и, в частности, на карачаево-балкарский. При этом

разумеется, что воздействие скифо-сарматских языков и наречий на кумано-половецкую основу карачаево-балкарского языка было не прямым, а опосредованным через гунно-булгарские, хазарские, печенежские и тюркско-огузские языки - посредственники.

Следовательно, в современном карачаево-балкарском языке теоретически можно выделить следующие последовательные диахронические древнеиранские субстратные пласты: 1) восточноиранский (сакско-масагетский (I-IX века); 2) киммерийский (до VII века до н.э.); 3) скифский (VII-IV века до н.э.); 4) савроматско-сарматский (VII-IV века до н.э.) и 4) аланский.

Однако надо иметь в виду, что древние скифо-сарматские наречия документированы весьма слабо, от них в совокупности сохранилось в разных письменных источниках не более 200 лексических единиц в основном ономастического характера. Они в последнее время были сведены и систематизированы В.И.Абаевым (Абаев 1979: 272-364; Vasmer, 1923; Harmatta, 1952; Zgusta, 1955; Yusti, 1895).

Выявленный исследователями скифо-сарматский языковой материал вполне достаточен, чтобы распознать в нем иранские элементы, но слишком беден, чтобы можно было представить скольконибудь полную лингвистическую картину этого мира, раскинувшегося на обширном пространстве от Центральной Азии до Дуная и состоявшего, как можно предполагать, из многих наречий, диалектов и языков. К сожалению, до нас не дошли связные тексты этих языков и наука пока не в состоянии стратифицировать их в хронотопологическом плане. На данном этапе изучения истории тюркских языков строгое выделение различных диахронических и диатопических стратов древнеиранских элементов отдельных языков не имеет большой релевантности и поэтому вполне можно ограничиться объединением их под собирательным термином "скифо-сарматский субстрат".

Элементы этого субстрата стали достоянием современного карачаево-балкарского языка только проходя через многослойную толщу поздних тюркских наслоений и проявляют себя в нем в минимальной степени.

Более актуальной для истории карачаево-балкарского языка является проблема иранско-тюркских этноязыковых взаимоотношений раннего и позднего средневековья, в частности проблема тюркско-аланских взаимоотношений. Особенно животрепещущей стала аланская проблема в свете появившихся в последние годы работ историка И.М. Мизиева (Мизиев, 1986; 1994: 7-104), в которых автор, пытается обосновать гипотезу о родстве карачаево-балкарского языка с шумерским, с одной стороны, и тюркоязычности скифов и алан - с другой.

Надо для справедливости заметить, что аланская проблема в вопросах этнолингвогенеза карачаевцев и, в особенности, балкарцев стоит давно и остро, и это вынуждает нас остановиться на нем более подробно.

В мировой и отечественной науке давно сложилось довольно хорошо аргументированное положение, что аланы (ясы русских источников, по-грузински осы или овсы) являются ираноязычным этносом скифо-сарматского происхождения. Аланы под названием роксалан (греч. < иран. *rauка* "свет", "светлый" + *alan*, буквально "светлые аланы") известны со II века до н.э. В первых веках нашей эры аланы обитали в Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, Подонье, Северном Прикаспии, Предкавказье и в южных районах Северного Причерноморья до Днепра. В это время начинается вторжение алан на юг, в пределы Северного Кавказа, что хорошо прослеживается археологически по распространению характерного для алан катакомбного обряда захоронения.

По свидетельству Иосифа Флавия, Тацита и других византийских хронистов, сильные и воинственные аланские племена совершали успешные военные походы в Закавказье, вторгались в Мидию, Малую Азию и в пределы Римской империи. Первоначально основой хозяйства степных алан было кочевое скотоводство в сочетании с земледелием, позднее высокого развития достигло гончарство, ювелирное дело и металлургия.

К IV веку н.э. аланы в этническом отношении были неоднородны и состояли из разных племен, в число которых вошли и тюркоязычные булгары. Крупные племенные объединения алан в IV веке разгромили гунны, в VI веке - авары. Часть аланских племен была захвачена волной Великого переселения народов и откатилась далеко на запад, где они впоследствии рассеялись в Галлии, а некоторые группы очутились даже в Северной Африке, где вместе с вандалами образовали государство, просуществовавшее до VI века.

Аланская культура IV-V веков представлена городищами и могильниками предгорной зоны Северного Кавказа и богатыми Керченскими склепами Крыма. В VII-X веках значительная часть аланских территорий, простиравшихся от Дагестана до Прикубанья, входила в состав Хазарского каганата. Все эти события сопровождались повсюду частичной этнокультурной и лингвистической ассимиляцией алан и их тюркизацией.

В течение длительного времени северокавказские аланы вели упорную борьбу с арабским халифатом, Византией, Хазарским каганатом за свою независимость. Представление о богатой и высокоразвитой для своего времени культуре алан VIII-XI веков дают знамени-

тые катакомбные могильники и исследованные городища на Северном Донце, названные археологами памятниками Салтово-Маяцкой культуры, а также городища и могильники на Северном Кавказе, такие, как Верхне- и Нижне-Джулатское, Архызское городища, могильники Архон, Балта, Галиат, Гинегид, Былым, Змейское, Рутка, Чми и другие. Ряд аланских памятников этого времени содержит инвентарь, общий с синхронными булгарскими и хазарскими памятниками и нередко интерпретируется как общее алано-булгарское и алано-хазарское наследие.

Инвентарь алано-булгаро-хазарских археологических памятников свидетельствует о широких международных связях их создателей с народами Закавказья, Византией, Киевской Русью и даже с Сирией.

После ослабления и распада Хазарского каганата в IX-X веках у алан складываются раннефеодальные отношения. Уже с VII века в Алании начинает распространяться христианство, проникшее из Византии и Грузии.

В условиях разложения патриархально-родовых отношений и дифференциации различных этнических и родо-племенных групп населения в X веке образовался крупный племенной союз авар, который вскоре приобрел черты примитивного государства с выделением царей-"багатаров", возникли крупные поселения городского типа, такие, как Дедаков. Аланская государственность и высокая культура пришли в упадок после монголо-татарского нашествия на Кавказ в 1222 году. В золотоордынскую эпоху среди алан стал распространяться ислам.

Аланы являются прямыми предками осетин, они сыграли известную роль в этнолингвогенезе и складывании культуры и других коренных народов Северного Кавказа. Довольно значительная часть алан влилась в средние века в состав кумано-половецкого этноса, а начиная с конца XIV - начала XV веков также в состав складывающегося карачаево-балкарского этноса (Миллер, 1881-1887; Кулаковский, 1889; Абаев, 1949; ИСО, 1959; Абрамова, 1972; 1978; Алексеева, 1963; 1971; 1976; Артамонов, 1962; Атаев, 1963; Виноградов, 1974; Гаглойти, 1966; Гадло, 1979; Дюмезиль, 1976; Ковалевская, 1984; 1981: 83-93; 224-228; Кузнецов, 1962; 1973; 1974; 1984; 1992; 1993; Минаева, 1971; Плетнева, 1967; Чеченов, 1969).

Аланы известны в Юго-Восточной Европе на протяжении более 2000 лет, причем большую часть этого времени они имели самые тесные контакты с различными тюркоязычными этносами в той или иной степени имеющих прямое отношение к этнолингвогенезу карачаевцев и балкарцев. В эпоху Великого переселения народов аланы столкнулись с пришедшими с востока гуннами, которые сдвинули с

насиженных мест сармато-аланские племена, перекроив таким образом, карту Юго-Восточной Европы. Вслед за гуннами, а по некоторым источникам и несколько ранее гуннов, мы видим в степях Предкавказья болгар, затем авар, торков, огузов, печенегов, мадьяр, половцев...

Эпоха раннего средневековья на Северном Кавказе - это время кипучей военно-политической жизни, перемещения больших масс ираноязычных и тюркоязычных племен из Причерноморских степей, Средней и Центральной Азии, что привело к сложению тех народов Северного Кавказа, которых мы знаем сегодня. Для выяснения места и роли иранско-аланского и тюркско-кыпчакского компонентов в современном карачаево-балкарском этносе и языке необходимо упорядочить в пространственно-временном континууме все имевшие место в реальном историческом процессе важнейшие события и факты. В эпоху раннего средневековья в Юго-Восточной Европе последовательно сменялись одни за другим периоды аланско-гуннских, аланско-булгарских, аланско-аварских, аланско-хазарских, аланско-печенежских, аланско-тюркских, алано-огузских, алано-половецких контактно-субстратно-суперстратных взаимоотношений, причем каждый из них в той или иной степени косвенно, опосредованно или прямо отразился на процессе сложения карачаево-балкарского этноса и языка. Наиболее ранние алано-тюркские связи не могли оказывать прямого влияния на этнолингвогенез балкарцев и карачаевцев, но проникнув через все последующие периоды, они все же в той или иной мере сказались на фонетическом облике и грамматическом строе карачаево-балкарского языка, особенно на лексическом уровне.

Тюркологи на современном уровне развития науки еще не в состоянии выделить все имевшие место пространственно-хронологические уровни и диахронические страты в карачаево-балкарском языке, но уже сейчас теоретически можно обосновать правомерность выделения следующих хронотопологических страт алано-тюркских субстратно-суперстратных взаимоотношений: 1) аланско-гуннская страта (IV-VIII века); 2) аланско-булгарская страта (IV-VIII века); 3) аланско-аварская страта (V-VI века); 4) аланско-хазарская страта (VII-X века); 5) аланско-печенежская страта (X-XI века); 6) аланско-тюркско-огузская страта (X-XI века); 7) аланско-половецкая (кумано-кыпчакская) страта (XI-XIII века) и 8) аланско-кыпчакская (золотоордынская) страта (XIII-XIV века).

На современном уровне изученности аланско-тюркских этноязыковых взаимоотношений нижние стратиграфические уровни еще не могут быть наполнены сколько-нибудь достоверным фактическим

материалом, да и для изучения истории карачаево-балкарского языка скупые факты ранних стратиграфических уровней, прошедших через ряд поздних языковых наложений, вряд ли могут иметь принципиальное значение. Поэтому более приемлемо с практической точки зрения перераспределение перечисленных выше диахронических уровней по рубрикам:

1) раннеаланский субстрат и 2) позднеаланский субстрат.

Под раннеаланским субстратом мы понимаем все возможные следы отражения аланского языкового субстрата в современном карачаево-балкарском языке, восходящие к эпохе до появления половцев в степях Юго-Восточной Европы. Разумеется, говорить о прямом влиянии аланского субстрата на карачаево-балкарский или его кумано-половецкий период не приходится, так как все раннеаланские страты могли оказать на изучаемый язык только опосредованное, а в подавляющем большинстве случаев - многократно опосредованное воздействие. Раннеаланские страты, проходя через ряд языков-посредников, на фонетическую систему карачаево-балкарского языка могли оказать только минимальное воздействие и ими можно пренебречь.

Под термином "позднеаланский субстрат" мы понимаем все возможные следы отражения аланского языка в кумано-половецком, начиная со времени появления половцев в степях Юго-Восточной Европы и до распада Золотой Орды после погромов Тимура (Тамерлана) в 1395-1396 годах. Алано-тюркские этноязыковые взаимоотношения в этот период были достаточно активными и воздействие аланско-иранского субстрата на половецко-кыпчакский было прямым и непосредственным. В ходе крупных исторических событий многие аланские племена сливались с кумано-половцами и переходили на кыпчакский язык, но при этом сохраняли некоторые элементы своего языка. Престижность кыпчакского языка как официального языка правящих элитных слоев особенно возросла в золотоордынский период. Очевидно, что в период расцвета монгольской империи в центральных регионах Золотой Орды, особенно в городских центрах, оседлые аланы и воины были двуязычными и постепенно переходили на кыпчакский язык. Примечательно, что тюркские языки в средние века во всех регионах, куда бы их не забрасывала судьба, выходили победителями. Выживаемость тюркского языка в иноязычном окружении по всей вероятности обусловлена относительной простотой его грамматического строя по сравнению с другими (например, флективными) языками.

Позднеаланский субстрат в кумано-половецких языках до последнего времени не изучен ни тюркологами, ни иранистами. Тем не

менее его наличие в карачаево-балкарском языке не вызывает никаких сомнений и он оказал, пусть и незначительное, влияние и на фонетическую структуру.

Аланский субстрат следует отграничить от родственного ему, но хронологически более позднего, осетинского субстрата, который датируется постзолотоордынским периодом (XV-XX века). Этнолингвогенез осетин тесно связан со скифами, сарматами (VII-I века до н.э.) и аланами (I-XIII века н.э.), проживавшими в аридной полосе Юго-Восточной Европы, с одной стороны, и с древним аборигенным населением Северного Кавказа, куда предки осетин переселились в средние века.

Путь исторических миграций предков осетин, таким образом, лежит с севера на юг, в места теперешнего их расселения. От аланских предков осетин, осевших в области Центрального Кавказа, автохтонное население восприняло язык и многие черты материальной и духовной культуры. Сложившийся в предгорьях Центрального Кавказа могущественный союз аланов в 1222 году был разгромлен монголо-татарскими завоевателями, а немногочисленные остатки его вынуждены были укрываться в горных теснинах Кавказа. В XV веке возобновился прерванный монголо-татарским нашествием процесс формирования осетинской народности, продолжавшийся до XVIII века. К этому же времени восходит освоение предками осетин южных склонов главного Кавказского хребта. Появившись на Северном Кавказе, аланы подвергались культурному воздействию местных кавказских этнических культур. Осетины в течение многих веков тесно общались с грузинами, кабардинцами, ингушами, балкарцами и другими кавказскими народами, что нашло отражение в их быте, культуре и языке (ПОН 1967; Гутнов, 1993; Кузнецов, 1974; 1992; Техов, 1993; Дюмезиль, 1976; Абаев, 1949; 1958-1995; Миллер, 1881-1887; Исаев, 1974; Крупнов, 1953; 1960).

В современном карачаево-балкарском языке и, в особенности, в его малкарском (цокающем) диалекте встречается значительное число (еще В.И.Абаев выявил более 200 лексических единиц) слов осетинского происхождения, что свидетельствует о значительном влиянии осетинского субстрата, воздействие которого началось не ранее конца XIV - начала XV веков. Осетинский языковой субстрат оказал влияние и на складывание фонетических особенностей малкарского (цокающего) диалекта. Однако не следует преувеличивать его влияние на складывание карачаево-балкарского языка в целом, как это делают некоторые исследователи.

2. Тюркские субстратные языковые пласты в карачаево-балкарском языке

Структура современного карачаево-балкарского языка преимущественно сложилась в XIII-XIV веках в ходе распада Золотой Орды на общей кыпчакско-половецкой основе. Это положение достаточно хорошо обосновано в предыдущих разделах работы и нет необходимости еще раз возвращаться к данному вопросу. Однако исторические корни карачаево-балкарского языка уходят далеко в глубь истории. В сложении исторической основы карачаево-балкарского языка принимал самое непосредственное участие целый ряд древне- и среднетюркских языков. Окончательное сложение исторической основы карачаево-балкарского языка происходило на территории Юго-Восточной Европы, крайне западной территории проникновения многих тюркских народов. Выбрасываемые на арену истории центрально-азиатским "вулканом народов" все новые и новые орды тюркоязычных кочевников докатывались одна за другой до самых западных окраин евразийской аридной зоны - Балкан. Идти дальше на запад, за пределы степной зоны не имело смысла, поэтому приходящие с востока волны тюркских кочевников последовательно оседали в степях Юго-Восточной Европы.

Таким образом, Юго-Восточная Европы оказалась своеобразным резервуаром, консервирующим многочисленные этнолингвистические отложения эмигрировавших с востока на запад кочевников. Основной целью исследователей истории тюркоязычных народов Восточной Европы и их языков является раскрытие основных черт племенных языков всей цепи племенных союзов и выявление в языках более поздних родоплеменных союзов субстратные отложения языков более ранних в хронологическом плане родоплеменных образований. Это общее для всех тюркоязычных этносов Восточной Европы имеет особую актуальность при изучении истории младописьменного карачаево-балкарского языка, ибо только последовательное выделение страты за стратой разновременных диахронических и диатопических субстратных пластов даст исследователям возможность проникнуть в глубинные исторические уровни.

Первой исторически засвидетельствованной волной, состоявшей в основном из тюркоязычных племен, были многочисленные родоплеменные группы огуро-булгарского круга: собственно огуры, оногуры, сарагуры, кутригуры, утригуры, сабиры, булгары и др., единственными прямыми наследниками которых, сохранившими в относительной чистоте языковые особенности своих предков, признаются

современные чуваша. Племена огуро-булгарского круга появились в Юго-Восточной Европе в IV веке, непосредственно перед гуннским нашествием, и удержались до X века; возможно, некоторые родоплеменные группировки булгар сохранились здесь и в более позднее время в составе Хазарского каганата и впоследствии слились с печенегами и половцами (Смирнов, 1940; Греков, 1945; Ашмарин, 1902; Алексеева Е.П. 1971; Байчоров, 1989; Бешевлиев, 1984; Тихомиров, 1946; Федоров, 1978; Чичуров, 1980; Бенцинг 1986: 11-28; Димитров, 1987).

Второй исторически засвидетельствованной волной кочевников, содержавшей значительную прослойку тюркских племен, были гунны, оставившие после своего распада племена, консолидировавшиеся позднее в булгарский и хазарский союзы племен. К сожалению, исторических памятников языков гуннских племен осталось ничтожно мало, а сохранившаяся лексика в основном ономастического и титулатурного характера мало что даст для выяснения истинного положения языковой ситуации в обширной гуннской конфедерации племен. Среди сохранившихся гуннских глосс многие имеют иранскую, германскую и другую этимологию. Это и не удивительно, так как личные имена и титулатура, по сакрально-табуистическим соображениям, во многих известных языках мира являются заимствованиями из исторически контактировавших и окружающих языков.

Такое положение вещей делает практически неразрешимой задачу по выявлению собственно гуннского пласта субстратной лексики в тюркских и иных языках Восточной Европы. Надо также иметь в виду, что термин "гунны" в византийских и других исторических сочинениях носит не этнический или этнолингвистический характер, а скорее всего является этнополитическим, а даже шире, геополитическим, объединяющим многие и многие родственные и неродственные племена, волею исторической судьбы вовлеченные в гуннскую конфедерацию.

С учетом этого было бы не совсем корректным вести речь о каком-то едином "гуннском языке", которого в то время, по всем соображениям, скорее всего просто не могло быть в такой обширной империи. Поэтому логичнее говорить о множестве "гуннских языков", вкладывая в этот термин геополитический смысл. В отношении Юго-Восточной Европы одними из таких "гуннских языков", по всей очевидности, были близкородственные языки многочисленных племен огуро-булгарского круга, таких, как акациры, алпидзуры, алтциагиры, алцилдзуры, ангискиры, аугары, ангуры, баланджары, банджары, банджары, беленджеры, бетуриги (<*бетугиры), беттогуры, бургары,

венендеры, гугары, гуннугцыдуры, гуннугуры, забендеры, кабары, караджуры, кердары, котзагары, котраги, котрагиры, котригуры, куригиры, куртогары, кутригуры, кутургуры, огуры, огхондоры, оногуры, оногундуры, отуругы, пугуры, садгари, арагуры, семендеры, сиригуры, тогозгары, угуры, ултзингуры, учтзингуры, унногундуры, унногуры, ургеры, урягиры, уроги, утигуры, хайландуры, хацыры, хунугуры, чунгары, юрегиры и т.д.

В основе всех этих племенных этнонимов выделяется родовая родовая основа ОГУР (в различных модификациях, отражающих, в частности, диалектные различия внутри огуро-булгарской языковой семьи, но большей частью возникших в языках-посредниках; например, в абхазско-адыгских языках тюркский *γ* переходит в *дж* или *дз*, аналогичный процесс характерен для классического арабского и др., а также в языках-реципиентах - византийско-греческом, сирийском, арманском и т.д.,* что красноречиво доказывает о причастности выше-названных этнических групп к р-язычным огуро-булгарским племенам. Следовательно, так называемый "гуннский субстрат" в языках Юго-восточной Европы, по всей видимости, идентифицируется с булгарским, но при этом надо иметь в виду, что в составе гуннской конфедерации были и многие другие, в частности ираноязычные племена (Дерфер 1986: 71-134; там же подробная библиография; Dabrowski, 1975).

Третьей по счету тюркской волной, нахлынувшей на степи Юго-Восточной Европы с территории Средней Азии следует считать вторжение хазар во второй половине VII века на территорию Великой Булгарии. Хазарское нашествие сильно изменило этноязыковую ситуацию в Юго-Восточной Европе - с этого времени ротацированный огуро-булгарский тюркский язык постепенно сдает свои позиции и в эпоху расцвета Хазарского каганата на смену ему приходит стандартный тюркский язык огузского типа.

Хазарское государство просуществовало свыше 300 лет до второй половины X века. Древнебулгарские племена постепенно растворялись в составе хазар или уходили на сторону. Таким образом в конце X века булгарский язык в степях Юго-Восточной Европы постепенно сошел с исторической арены, однако сумел оставить здесь, в первую очередь в языке хазар, довольно мощный субстратный пласт, по всей вероятности, отразившийся на всех уровнях хазарского языка.

* Среди перечисленных этнонимов много различных фонетических и графических вариантов одного и того же этнонима, но их идентификация требует специального изучения и в нашу задачу не входит.

Так же очевидно, что небольшие группы болгарских племен продолжали кочевать в Восточной Европе и после падения Хазарского каганата и впоследствии влились в состав печенегов и огузов (узов). В свою очередь хазарский язык также оставил значительный субстрат, внесший определенные специфические черты в языки тюркских племен, появившихся в этом регионе в последующие периоды истории. В частности, хазарский язык через печенежское посредство внес в половецко-кыпчакскую основу карачаево-балкарского языка определенные огуро-болгарские и огузские черты.

Четвертая волна, состоящая в основном из северных и западных племен огузского круга, появилась в Юго-Восточной Европе в середине IX века. Ее возглавлял мощный союз тюркских племен, получивший название печенегов. Печенеги осели в Восточной Европе на болгаро-хазарский субстрат и постепенно ассимилировали языки своих предшественников. Булгарские и хазарские племена оказали соответствующее воздействие на огузский в своей основе язык пришлых печенегов. В результате скрещения сложился язык печенегов, имевший смешанный болгаро-хазарско-огузский характер, однако с преобладанием огузских черт. Влияние опосредованного хазарским болгарского субстрата сказалось в значительном проявлении булгарских элементов в фонстической структуре, лексике и в грамматическом строе печенежского языка. Эти черты печенежский язык впоследствии передал кумано-половецкому языку, - историческому предку карачаево-балкарского и других кумано-кыпчакских языков.

Вместе с печенегами и несколько позднее их переселились с востока в степи Юго-Восточной Европы и другие племена огузского круга - торки, узы (то есть огузы), берендеи, турпеи, каепичи, боиты и др., но их языковая история совпала с печенежской и нет никакой необходимости выделять их в самостоятельную страту.

Таким образом под печенежским субстратом мы понимаем некий "среднеарифметический" язык тюрков-огузов, обитавших в степях Юго-Восточной Европы до появления здесь кыпчакоязычных половцев. Сведения о языке огузоязычных тюрков печенежского круга достаточно скупы и не позволяют реконструировать сколько-нибудь четкой картины строевых элементов языка.

Тем не менее, компаративистическое изучение западнокыпчакских языков сравнительно с восточнокыпчакскими, позволяет достаточно полно восстановить общую картину строя печенежского языка и его значительную роль в окончательном формировании как северо-западных, так и юго-западных кыпчакских языков. В современном карачаево-балкарском языке выявляется достаточно мощное воздей-

ствие огузско-печенежского субстрата, донесшего также достаточно яркие фрагменты строевых элементов булгарского и хазарского языков.

Пятой крупной волной, пришедшей из Азии в Юго-Восточную Европу, были кыпчакоязычные половцы, или куманы, которые покорили обосновавшихся там печенегов и, отчасти, сохранившиеся еще небольшие группировки булгар и хазар, образовали новые родоплеменные формирования.

Появившись в Юго-Восточной Европе в XI веке, кыпчаки включили в свой состав основную массу обитавших там печенегов с мелкими их подразделениями торков, ковуев, берендеев и прочих огузских племен, приобрели некоторые черты огузских языков, но сохранили кыпчакскую основу своего языка. Сохранившиеся памятники кыпчакского языка отмечают наличие ряда диалектов в кумано-половецком языке, характеризующихся как собственно кыпчакскими, так и огузскими чертами. В XIII-XIV веках кыпчаки составили основное ядро населения Золотой Орды. Наиболее ранним периодом в развитии куманско-кыпчакских языков следует считать дозолотоордынских период, когда типология, лексика и другие строевые элементы складывались и определялись главным образом на основе взаимодействия различных групп тюркских языков. Именно в этот период сложилась основа современного карачаево-балкарского языка, получившая в тюркологической литературе название западнокыпчакского, кумано-половецкого, или кумано-кыпчакского, языка.

Кумано-кыпчакский для карачаево-балкарского, как и для других тюркских языков западнокыпчакской группы - кумыкского, караймского, северных диалектов крымско-татарского, а также для татарского и башкирского (в известном смысле) является общим предком и языком-основой и в разряд субстрата не может быть отнесен.

Таким образом в истории карачаево-балкарского языка можно выделить три основных тюркоязычных субстратных пласта: булгарский, хазарский и печенежский.

Булгарский субстрат (IV-XI века) непосредственного влияния на карачаево-балкарский или его кумано-кыпчакский предок не мог оказать, так как ко времени появления в Юго-Восточной Европе половцев булгар здесь уже практически не оказалось, они частью ушли далеко на север и обосновались в Среднем Поволжье, частью были ассимилированы хазарами, а затем печенегами. Следовательно, можно говорить только об опосредованных хазарским и печенежским языками булгарском субстрате в карачаево-балкарском языке. Однако нельзя исключать и того факта, что часть булгар могла обосноваться

в ущельях Кавказских гор еще в период расцвета Великой Булгарии или несколько позднее, в период разгрома этого государственного образования хазарами. Византийские исторические источники, в частности, "Хронография" Феофана и "Бревиарий" Никифора вроде бы дают достаточно оснований для такого предположения. В этом направлении следует вести дальнейшие углубленные исследования. Но уже сейчас выявленные нами несколько десятков отсутствующих в других кумано-кыпчакских языках слов карачаево-балкарского языка с явно выраженными булгаро-чувашискими фонетическими признаками позволяют с достаточной уверенностью говорить о довольно мощном местном, северокавказском булгарском субстрате.

Отсутствие соответствующих слов в других западнокыпчакских языках, а также наличие в осетинском языке определенного числа булгаризмов, с одной стороны, и аланизмов в чувашском - с другой, красноречиво свидетельствуют о существовании на территории Балкарии булгарского населения вплоть до заселения этой территории кыпчакоязычными предками карачаевцев и балкарцев. Однако материальную структуру строевых элементов современного карачаево-балкарского языка определили не аборигенные булгары, а пришедшие сюда кыпчакоязычные потомки кумано-половцев.

Хазарский субстрат (VII-X века) существенного влияния на строй карачаево-балкарского языка не оказал. Это и не удивительно, так как к моменту выделения из кумано-кыпчакского языка - основы собственно карачаево-балкарского языка хазарский язык давно уже прекратил свое существование. Роль хазарского языка в основном сводится к трансляции булгарского субстрата через себя в печенежский. Основные строевые черты собственно хазарского языка, как выявили последние тотальные исследования сохранившихся памятников этого вымершего уже в X веке языка, во всех отношениях были стандартно огузскими и вряд ли могли внести какие-нибудь существенные сдвиги в строй печенежского языка. Надо отдать должное хазарам в том, что они помогли передать определенный объем булгарского субстрата через посредством печенегов кыпчакам.

Печенежский субстрат (IX-XII века) имеет непосредственное и прямое отношение к окончательному формированию кумано-кыпчакского языка - общей основе всех западно-кыпчакских тюркских языков в целом. Чрезвычайно велика роль печенежского субстрата в складывании основных отличительных особенностей всех строевых уровней кумано-кыпчакских языков. Основная роль печенежского субстрата заключается в привнесении в складывающейся западный вариант кыпчакского языка определенных огузских элементов в фоне-

тической структуре, а также в передаче заимствованных непосредственно или через хазарский язык болгарских строевых особенностей.

Отличительные особенности западно-кыпчакских, или кумано-половецких, языков сложились именно благодаря влиянию печенежского субстрата. Благодаря огузско-печенежскому или, шире, болгаро-хазарско-печенежскому субстрату язык западных кыпчаков-половцев, или куман, приобрел специфические черты, отличающие его от восточно-кыпчакского языка.

Кыпчакизация тюркских языков Юго-Восточной Европы явилась решающим этапом в их развитии. Скрещивание огузско-печенежского языка с кумано-половецким, а точнее - ассимиляция огузского кыпчакским определила всю последующую классификационную характеристику. Начавшись с появлением в бассейнах Урала и Волги крупных масс кочевников-печенегов с VIII века, половцев с XI века, - кыпчакская этнолингвистическая экспансия все усиливалась и достигла своего апогея в XIII-XIV веках, то есть в первые столетия монголо-татарского господства. Именно этим временем может быть датирована кардинальная перестройка местных тюркских наречий на кыпчакской основе, что привело их к окончательной консолидации в конце XIV - начале XV веков в общенародные карачаево-балкарский, кумыкский, караймский и крымско-татарский языки.

ГЛАВА II. Репрезентация пратюркских гласных в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах

§ 1. Система вокализма современного карачаево-балкарского языка

В современном карачаево-балкарском языке в позиции максимальной дифференциации гласных звуков и их наименьшей позиционной обусловленности, т.е. в начальных слогах, различаются восемь фонем: [a], [e], [o], [ö], [y], [i], [u], [ü].

Гласные современного карачаево-балкарского языка классифицируются исходя из трех основных физиологических признаков:

- а) по месту подъема языка;
- б) по степени подъема языка;
- в) по участию или неучастию губ.

По месту подъема языка, т.е. в зависимости от движения языка по горизонтали, различаются: а) передние гласные, или гласные переднего ряда: [e], [ö], [i], [ü]; б) задние гласные, или гласные заднего ряда: [a], [o], [y], [u].

По степени подъема языка, т.е. в зависимости от движения языка по вертикали, гласные подразделяются: а) на гласные верхнего подъема (узкие): [y], [i], [u], [ü]; б) на гласные нижнего подъема (широкие): [a], [e], [o], [ö].

По участию или неучастию губ гласные делятся на огубленные (лабиальные, лабиализованные): [o], [ö], [u], [ü] и неогубленные (нелабиальные, нелабиализованные): [a], [e], [y], [i].

Структура гласных современного карачаево-балкарского языка отличается строго выдержанной симметричностью.

В общих чертах любая из восьми гласных фонем современного карачаево-балкарского языка характеризуется комплексом трех вокалических признаков: ряда, раствора и огубленности.

В исследованиях по фонетике тюркских языков для графического изображения системы гласных звуков используются различные геометрические фигуры, в частности - квадрат (Radloff 1901: 428), треугольник (Батманов 1946: 25; СКЯ 1962: 23-24 и др.) и куб (Deny 1955: 57; Черкасский 1965: 14; Мельников 1962: 33; Гарипов 1979; ГКБЯ 1976: 34).

Для графического изображения основных признаков карачаево-балкарских гласных наиболее подходит куб. На восьми вершинах куба размещаются символы гласных современного карачаево-балкарского языка и каждое из трех взаимно перпендикулярных ребер куба соответствует одному из признаков оппозиции. При этом члены оппозиции по одному признаку находятся на вершинах, примыкающих к одному и тому же ребру куба, напр.:

- [a] - [e] - оппозиция по ряду;
- [a] - [o] - оппозиция по огубленности;
- [a] - [y] - оппозиция по раствору и т.д.

Члены оппозиции по двум признакам располагаются на концах диагоналей граней куба, напр.:

- [e] - [y] - оппозиция по ряду и раствору;
- [a] - [ö] - оппозиция по ряду и огубленности;
- [i] - [ö] - оппозиция по раствору и огубленности и т.д.

Члены оппозиций по трем признакам размещаются на концах диагоналей куба, напр.:

- [a] - [ü] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности;
- [y] - [ö] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности;
- [u] - [e] - оппозиция по ряду, раствору и огубленности и т.д.

Гласные звуки карачаево-балкарского языка имеют следующие характеристики:

- [a] - широкий заднерядный неогубленный;
- [e] - широкий переднерядный неогубленный;
- [o] - широкий заднерядный огубленный;
- [ö] - широкий переднерядный огубленный;
- [y] - узкий заднерядный неогубленный;
- [i] - узкий переднерядный неогубленный;
- [u] - узкий заднерядный огубленный;
- [ü] - узкий переднерядный огубленный.

В непервых слогах могут встречаться все гласные за исключением широких огубленных o и ö. Закономерным для карачаево-балкарского языка является соблюдение сингармонизма по ряду и лабиальности. После лабиальных гласных первого слога последующие узкие гласные также, как правило, бывают огубленными. Исключения очень редки - обычно это суффикс 3 лица -y/-i и несколько особых основ.

Гласные непервых слогов обладают минимальной дифференциацией. Из трех дифференциальных признаков гласных начального

слога здесь фонематическое значение имеет только признак раствора, остальные признаки несущественны и зависят от гласных предыдущего слога в силу гармонии гласных. Поэтому в неначальных слогах современного карачаево-балкарского языка насчитывается две вокалические единицы: одна “широкая” и одна “узкая” гласные фонемы. Аффиксальные гласные, отличаясь от гласных начальных слогов фонематически, в каждом конкретном случае материально совпадают с одним из гласных звуков начального слога. Поэтому при дальнейшем описании исторического развития карачаево-балкарского вокализма можно ограничиться рассмотрением восьми гласных начального слога и отметить особенности развития аффиксальных гласных лишь в необходимых случаях.

В литературе, посвященной карачаево-балкарскому языку, отдельные авторы, ссылаясь на факты некоторых тюркских языков, различают долгие и краткие гласные, а также восходящие и нисходящие дифтонги (См., напр.: Pröhle 1909: 216; 1914-1915: 167-169; Караулов 1912: 5; Филоненко 1940: 7-9; Акбаев 1963: 29). Однако в современном карачаево-балкарском языке исследователи не отмечают количественного противопоставления гласных и не отмечают наличия дифтонгов как особых фонем, противопоставляемых простым гласным (ГКБЯ 1976: 30-31). Поэтому при описании исторического развития гласных карачаево-балкарского языка проблемы количественного противопоставления гласных и вопросы развития дифтонгоидных сочетаний звуков будут рассматриваться лишь в необходимых случаях.

Историческое развитие карачаево-балкарского вокализма в настоящей работе прослеживается, начиная с пратюркского состояния. Для позднего пратюркского состояния обычно реконструируется система вокализма из 16 гласных:

<i>a</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>y</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>ü</i>
<i>ā</i>	<i>ē</i>	<i>ō</i>	<i>ō̄</i>	<i>ȳ</i>	<i>ī</i>	<i>ū</i>	<i>ū̄</i>

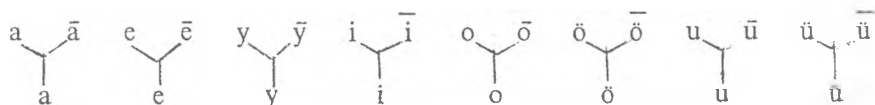
Долгие гласные в позднепратюркском состоянии, по-видимому, уже имели тенденцию к сужению и совпадению с соответствующими гласными нормальной длительности. На этой стадии развития праязыка имело место позиционное и комбинаторное варьирование гласных, которое пережиточно сохраняется и в современных языках и диалектах. Исходная пратюркская система вокализма иногда пережиточно сохранялась в ареалах, рано обособившихся от основной массы диалектов. Исходная система вокализма, состоявшая из 16 членов, после совпадения долгих и кратких трансформировалась в систему “стандартного” типа из восьми членов, представленную в современ-

ном карачаево-балкарском и ряде тюркских языков. В ряде языков эта “стандартная” система вокализма видоизменялась под влиянием позднейших фонетических процессов, вызванных внутренними и внешними языковыми и неязыковыми факторами.

§ 2. Отражение пратюркского вокализма в современном карачаево-балкарском языке

В современном карачаево-балкарском языке практически без изменения сохранилась система вокализма, сложившаяся в позднепратюркский период после совпадения долгих гласных с их соответствиями нормальной длительности. Репрезентация пратюркских гласных в современном карачаево-балкарском языке схематически представляется в следующем виде:

Пратюркское состояние

Карачаево-балкарский вокализм

Разумеется, данная схема отображает длительную историю развития гласных звуков в карачаево-балкарском языке и его исторических предшественников в самых общих чертах и требует детального анализа исторического развития каждого гласного индивидуально.

В настоящее время тюркология располагает несколькими реконструкциями праязыкового состояния. В большинстве из них система гласных тюркского праязыка реконструируется как восьмичленная а, ā, у, ī, о, ö, и, ü с соответствующими долгими коррелятами (Щербак 1963: 24-40; 1970; Серебrenников, Гаджиева 1978; 1986; СИГТЯ 1984 и др.). В истории тюркологии были и другие предложения. Особый спор вызывал вопрос о наличии в праязыке так называемого закрытого ё, рефлексы которого некоторые исследователи видели в азербайджанском, туркменском, чувашском и якутском языках (Radloff 1911: 427; Поппе 1925: 9-11; Poppe 1925; 1960; Владимирцов, Поппе 1924; Németh 1939: 515-531; Németh 1964: 3-19 и др.). Вместе с тем, в литературе подчеркивалось отсутствие фонологических функций ё (Bazin 1959). Исходя из этого, мы в своей работе будем придерживаться последних точек зрения о восьмичленной системе позднепратюркского вокализма.

Вместе с тем, признавая важность положения А.М.Щербака о том, что “формирование фонетических соответствий между разными языками, входящими в одно генетическое подразделение, может быть по-настоящему полезным только в том случае, если оно будет проводиться с учетом единой праязыковой системы звуков и особенностей ее проецирования в каждом конкретном языке (Щербак 1963: 24), мы в данном разделе попытаемся осветить причинно-следственные отношения (связи) между праязыковой и современной карачаево-балкарской народно-разговорной фонетической системами, а также дать пространственно-временное определение каждому отдельному факту соответствия с пониманием факта наличия внутренних и внешних факторов развития языковой системы. Важным является определение как архаизмов, аномалий, являющихся реликтовыми явлениями в диалектах карачаево-балкарского языка, инноваций, появившихся в период формирования и становления карачаево-балкарского языка в нынешнем облике. Выявление инноваций, в свою очередь, позволит более контрастно осветить вопрос о типе языка, дать его характерологическое обоснование, что само по себе является одной из важнейших задач современного тюркского языкознания, если учесть то, что тюркология до сих пор не имеет общепринятой однозначной классификационной схемы тюркских языков.

Система вокализма современного карачаево-балкарского языка включает восемь гласных. В целях рассмотрения развития праязыковой системы вокализма считаем необходимым рассмотреть репрезентацию этих гласных в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах. Для этого наиболее показательным является вокализм первого слога или односложных корней-основ, так как “определяющее значение имеет учет гласных, выступающих в сильной позиции, т.е. в условиях, в которых менее всего сказывается влияние позиционных и комбинаторных факторов” (Щербак 1970: 26).

Пратюркский *а

Пратюркский *а, как и в большинстве тюркских языков, в карачаево-балкарском языке сохраняется без изменений. Ср. ПТ *aj- ~ кб. aj- “кружиться”, “крутиться”, “вертеться”, “крутящийся”, “вертящийся”; ПТ *aδ- ~ кб. aj “отделять”, “разделять”; ПТ *aj-//ajt- ~ кб. aj- “говорить”, “называть”, “зов”, “клич”; ПТ *aja ~ кб. aja “ладонь”, “поверхность ладони”; ПТ *al- ~ кб. al- “опешить”, “испугаться”, “смутиться”; ПТ *jaγ // *jaq- ~ кб. jaq- “мазать”, “намазывать”, “натирать”, “втереть”, “втирать”, ПТ *jaz- ~ кб. jaz-

“писать письмо”; ПТ **jaj-* ~ кб. *jaj-* “растилать”, “подстилать”, “рассеивать”, “подстилка”; ПТ **jaš* ~ кб. *jaš* “молния”, “вспышка”, “зарница”; ПТ **qaj-* ~ кб. *qaj-* “обратиться”, “повернуть(ся)”, “оборачиваться”; ПТ **qaq-* “вбить”, “набить”, “забить”, “бить” ~ кб. *qaq-*; ПТ **qal* ~ кб. *qal* “быть многочисленным”, “толстый”, “густой”; ПТ **saq-* ~ кб. *saq-* “ожидать”, “стеречь”, “беречь”, “хранить”; ПТ **san*, ~ кб. *san* “бедро”, “ляжка”, ПТ **sap* ~ кб. *sap* “нитка”, “ручка”; ПТ **say* “здоровье”, “здоровый” (ЩФ, 196) ~ кб. *saw* “здоровье”, “здоровый”, “целый”; ПТ **sat-* “продавать” (ЩФ, ??? 196) ~ кб. *sat-* “продавать” и т.д.

Пратюрский **a-* в абсолютном начале слова

Пратюрский **a* в абсолютном начале дву- и многосложных слов в карачаево-балкарском языке как и в большинстве кыпчакских языков сохранился без изменений.

ПТ **aδyʁ* “жеребец”: кб. *ažir*, *aʃyʁ*, алт. *aʃyʁ* “жеребец”, каз. *aʃyʁ* “жеребец”, кк. *aʃyʁ* (ККРС, 221), кар. h.k. *aʃyʁ* (КРПС, 52), ног. *aʃyʁ*, кум. *aʃyʁ*, чув. *aʃār*, *ažir* “жеребец”, *aʃyʁ* “самец”.

ПТ **altyn* (ЩФ, 145) “золото”: дт. *altun* (ДТС, 40), пол. *altun* (Гр., 36), алт. *altyn* (АРС, 211), каз. *altyn* (РКС 1, 281), кк. *altyn* (ККРС, 289), ног. *altyn*, кум. *altyn*, кар. th.k. *altyn* (КРПС, 65), чув. *ylDān* ~ кб. *altyn* “золото”;

ПТ **ajyt-* “говорить”: дт. *ajyt-* “позволять говорить”, “расспрашивать” (ДТС, 29), пол. *ajyt** *ajt-* “рассказывать”, “говорить” (Гр., 32), алт. *ajt-* “говорить” (АРС, 108), каз. *ajt-* “говорить” (КРС, I, 160), кк. *ajt-* “говорить” (ККРС, 169), ног. *ajt-* “говорить”, кум. *ajt-* “говорить”, кар. *ajt-* “говорить”, “сообщать” (КРПС, 55), чув. *ujt-*, диал. *it-* “спрашивать” ~ кб. *ajt-* “говорить, рассказывать”, “сообщать”;

ПТ **ašyq* “лодыжка”: дт. *ašiq* “лодыжка”, “лодыжечная кость” (ДТС, 64), кар. *ašyq* “бабка (для игры в кости)” (КРПС, 93), каз. *ašyq*, кк. *ašyq*, ног. *ašyq* “шиколотка”, “бабка”, “альчик”, кум. *ašyʁq*, “альчик”, чув. *ažāk* ~ кб. *ašyq* - “лодыжка”, “бабка”, “альчик”;

ПТ **aʃaq* “нога”: дт. *aʃaq* “нога” (ДТС, 27), *adag* “нога” (ДТС, 8), пол. *aʃaq* “нога”, “стопа” (Гр., 31), алт. *aʃaq* “младший”, каз. *aʃaq* “последствие”, “конец” кк. *aʃaq* “конец”, “окончание”, “завершение”, кар. к. *aʃaq* “нога” (КРПС, 51), чув. *ura* “нога” ~ кб. *aʃaq* “нога”, “конец”, “низовье”;

ПТ **aδyʁ-* “отделять”, “разделять”: дт. *adyr-* “разделять”, “отделять друг от друга”, “разлучать”, “различать”, “понимать” (ДТС, 11), *aδyʁ* “раздвоенный”, “разветвленный” (ДТС, 15), пол. *aʃyʁ-*

“разделять”, “различать”, “отделять” (Гр., 33), алт. *ajryp salar* “отделить” (АРС, 431), каз. *ajyr-* “отделить” (ОКС, II, 15), кк. *ajyr-* “отделить” (ККРС, 599), ног. *ajyr-* “отделить”, кум. *ajuk-* “отделить”, кар. *thk ajyr-* “делить”, “назначать”, “разлучать”, “лишать” (КРПС, 56), чув. *ujār* ~ кб. *ajyr-* “отделять”, “разделять”, “разлучать”, “выбирать”, “понимать”, “осознать”;

Праторукский *а в инлауте и ауслауте

Этимологический *а внутри и в конце многосложного слова в диалектах карачаево-балкарского языка в основном не подвержен изменениям. Ср.:

ПТ **baqyr* “медь”: дт. *baqyr* “медь”, пол. *baŷyr* (Гр., 47), каз. *baqyr*, алт. *baqras* “медь”, кк. *baqyr*, ног. *baqyr*, кар.к. *baqyr* “красная медь”, “полированная медь” (КРПС, 100) ~ кб. *baŷyr* “медь”

ПТ **baŷaq* “оставленные на полях отдельные колосья”, “колос”, алт. *taŷaq* “колос” (АРС, 250), алт. *paŷaq* (Верб., 248), каз. *masaq*, кк. *masaq*, ног. *masaq*, кар. т. *baŷaq* ~ кб. *taŷaq* “оставленные на полях отдельные колосья”, “клубни”, “колос”

ПТ **jaqa* “воротник”, “край”, “грива”, “шея”, пол. *jaŷa* “край” (Гр., 110), алт. *jakka*, дт. *aka* “край”, каз. *ŷaŷa* “ворот”, кк. *ŷaŷa* “ворот”, кум. *jaŷa* “край”, “берег” (Жеримов, 316, 368), кар.к. *jaqa* “воротник”, кар. h. *jaka* ~ кб. *ŷaŷa*, *ŷaŷa*, *zaŷa* “ворот”, “грива”, “край”, “берег”

ПТ **ŷajna-* “жевать”: пол. *ŷajna-* “жевать” (Гр., 72), алт. *ŷajnaar-* “жевать”, каз. *ŷajna-* “жевать”, кк. *ŷajna-* “жевать” кар. h. *ŷajna-* “жевать”, кар. h. *ŷajna-* “жевать”, *ŷejna-* “жевать” ~ кб. *ŷajna-*, *ŷajna-* “жевать”

ПТ **qaja* “скала”: дт. *qaja* (ДТС, 406), пол. *qaja* “скала” (Гр., 190) алт. *qaja taŷ* “скала” (АРС, 692) кар. к. *qaja* “утес”, “скала” (КРПС, 357), кк. *quja* (ККРС, 1059) ~ кб. *qaja* “скала”, “утес”;

ПТ **qanŷuq* “собака”, “сука”: дт. *qanŷuq* (ДТС, 418), пол. *qanŷuq* “сука”, каз. *qanŷuq* “сука” (КРС, II, 398), кк. *qanŷuq* “сука” (ККРС, 987), ног. *qanŷuq* “сука” ~ кб. *qanŷuq*, *qanŷuq* “сука”, “женщина легкого поведения”;

ПТ **paqana*/**baqana* “столб”, “кол”, “бревно”: алт. *baŷan* “столб”, каз. *baŷana* “столб для привязи лошадей”, кк. *baŷana* “столб” (ККРС, 978), ног. *baŷana*, кум. *baŷana* “столб”, кар. *thk. baŷana* “столб”, “шест в юрте”, “колонна”, “опора” (КРПС, 95) ~ кб. *baŷana* “брус, бревно, свая, столб”;

ПТ **butaq* “ветвь”: дт. *butaq* “ветвь” (ДТС, 129), пол. *butaq-* (Гр., 70), алт. *budaq* “ветвь” (АРС, 49), каз. *butaq* (КРС, I, 90), кк. *putaq*

“ветвь” (ККРС, 83), кум. *butaq* “ветвь”, кар. h. *butak* “ветвь” (КРПС, 143) ~ кб. *butaq* “ветвь” и т.п.

Пратюркский **a* > кб. *y*

В ограниченном количестве многосложных слов современного карачаево-балкарского языка отмечается соответствие пратюркского широкого **a* первого слога узкому гласному *y*:

ПТ. **tajan*-“опираться”: туркм., тур., аз., гаг. *dajan*-, тув. *dajan*-, кт., кум., узб., уйг., с.-юг., алт., хак., якут. *tajan*- ~ кб. *tajan*//*tyjan*-“опираться”;

ПТ. **tajaq* “опора”, “посох”: тур., аз. *dajaq*, тоф. *dajaq*, кум., узб., уйг., лобн., дт. *tajaq*, чув. *tuja* ~ кб. *tajaq*//*tyjaq* “палка”, “посох”, “опора”;

ПТ **januq* < **jaɪnuq* “подбородок”, “щека”: туркм., дт., уйг., чаг., тур., тат., башк. *janaq*, сал. *yaŋax*, гаг., кар., кт., тур. *janaq*, узб. *jaʼnaʼq*, кар. *jaŋaq*, кум. *jajaq*, кар. *jaŋak*, *jajax*, алт. *jāq*, кир. *žāq*, каз., кк. *žaq*, тоф. *ñāq*, шор. *nāq*, хак. *nāx*, тув. *čaq*, с.-юг. *jinaq*, *jynag*, *žīŋaq*, якут. *synax* ‘щека’, ‘челюсть’ ~ кб. *zajaq*//*zyjaq*.

Приведенные примеры показывают, что сужение **a* > *y* в карачаево-балкарском языке произошел перед среднеязычным *j* в безударном положении, т.е. является позиционно обусловленным. Переход **a* > *y* в определенных позициях наблюдается почти во всех тюркских языках (СИГТЯ 1984: 57-65).

Анализ примеров соответствия *a* ~ *y* показывает, что в большинстве случаев сужение *a* > *y* наблюдается перед и после среднеязычного *j*, а также в первом слоге в соседстве с последующими переднеязычными сонорными *l*, *r*, *n*. Как известно, сонорные согласные стоят близко к гласным и, следовательно, могут принять на себя некоторые артикуляционные особенности гласных. В результате этого в соседстве с сонорными гласные подвергаются количественным и качественным изменениям в сторону сужения и редукции. Наиболее близок к гласным среднеязычный *j*, иногда называемый “полугласным”, поэтому он наиболее часто вызывает сужение смежных гласных.

Можно считать установленным, что переход широкого гласного *a* в узкий *y* в карачаево-балкарском языке вызвано воздействием последующего среднеязычного *j*. Такое явление характерно для целого ряда древних и современных тюркских языков.

Появление *y* (в результате сужения *a* > *y*) как комбинаторно-позиционного варианта *a* в безударном слоге двусложного и много-

сложного слова перед и после среднеязычного *j*, а также перед другими переднеязычными сонорными *r*, *l*, *n* представляет собой явление общетюркского характера.

Кроме того, в отдельных современных тюркских языках встречается межъязыковое соответствие древнетюркскому широкому **a* узкого *y*. Явление это довольно широко распространено в чувашском (тур., тат. *sar-* ~ чув. *ſyr-* “окружать”; туркм. *jaδ-*, тур., тат. *yaz-*, кб. *žaz-*, *žaz-*, *zaz-* ~ чув. *ſyr-* “писать”; туркм. *qap-*, тат. башк., кб. *qap-* ~ чув. *xup-* “хватать ртом”), якутском (туркм. *daŋ*, с.-юг., тат., кб. *taŋ*, тур. *taŋ* ~ якут. *tuŋ* “заря”; туркм., тур., тат., кб. *taj*, тув. *daj* ~ якут. *tuŋ*, чув. *tiha* (< **tyjha*) “жеребенок”; туркм., тур., тат., кб. *al-*, тув., тоф. *al-* ~ якут. *yl-*, чув. *il-* (< **jyl-*) “брать”), а также в тувинском и тофаларском (туркм. *jat-*, кир. *žat-*, кб. *žat-*, *žat-* ~ тув. *čyht-*, тоф. *hſyt-*, куманд. *dyt-*, якут. *syт-*, чув. *syт-* “лежать” - в составе *ſyDar* “подушка”; туркм., тур., кб., тат. *tart-*, якут. *tart-*, чув. *turt-* ~ тув., тоф. *tyrt-* “тянуть”; туркм. *qap-*, тат., башк. *qap-* ~ тув. чув. *xup-*, тоф. *qu^hp-* “загораться”) языках. Кроме того, отмечены междиалектные соответствия *a* ~ *y* внутри туркменского, азербайджанского, якутского и некоторых других тюркских языков. Соответствие *a* ~ *y* в первом слоге двусложных и многосложных основ зафиксировано и в “Древнетюркском словаре” (дт. *aŋa* ~ *yŋa* “низкий, подлый”; *qajaq* ~ *qujaq* “сливки, пенка”; *alytŋa* ~ *ylytŋa* “писец”; *qarŋa-* ~ *qyrŋa-* “ругать” и др.), и у Махмуда Кашгари (*bačyŋ* ~ *byčyŋ* “клятва”, *qarŋij* ~ *qyrŋij* “ястреб”, *talqyt-* ~ *tylqyt-* “отталкивать”, *jara-* ~ *jyra-* “отдаляться”, *saryčŋa* ~ *syryčŋa* “саранча” и др.).

Природа указанных межъязыковых соответствий *a* у иная, чем в приведенных выше случаях в карачаево-балкарском. Как правило, исследователи без всякой дифференциации рассматривают различные случаи соответствия *a* ~ *y* в односложных и многосложных основах, а также не учитывают позиции гласного в слове и различные комбинаторно-позиционные условия.

Это явление представляет значительный интерес в изучении исторического развития вокализма тюркских языков и привлекло внимание многих исследователей. Причины настоящего перехода не нашли однозначного своего решения, хотя важность их выяснения подчеркивалось еще В.А.Богородицким. Он писал, “на этом вопросе, настоятельно требующем детального изучения по тюркским языкам, исследователи, за редким исключением, пока или совсем не останавливаются, или же останавливаются сравнительно мало: между тем здесь имеем один из пунктов для сравнительной характеристики тюркских языков и их “диалектов” (Богородицкий 1953: 96). Это явле-

ние впервые было отмечено В.В.Радловым (Radloff 1882). Дискутируя своими предшественниками, Э.В.Севортян считает возможным существования третьего источника чередования *allu* в тюркских языках, предполагая древний характер данного явления (Севортян 1974: 27). В своей рецензии на монографию А.М.Щербака Э.В.Севортян писал, что “несмотря на аргументы А.М.Щербака, приводимые им в пользу эволюции слов с узким корневым гласным в тувинском языке из формы с широким гласным, вопрос, например, об [a] - [ы] далек от своего решения и допускает возможность иного направления поисков” (Севортян 1973: 140). Как видим, в обоих случаях Э.В.Севортян избегает дать свою интерпретацию данного явления. А.М.Щербак считает, что данное чередование не является инновацией в тюркских языках, и что его “невозможно объяснить ни характером вокализма непервых слогов, ни особенностями непосредственного фонетического окружения: изменение *a* в *y* наблюдается в начале слова после любых согласных и перед любыми согласными, независимо от качества гласных последующего слога” (Щербак 1970: 145). Исходя из этого, А.М.Щербак считает, что представленное явление отражает диалектный континиум тюркского праязыка и является “особенностью одной из диалектных групп праязыка”. Наличие этого явления дало основание А.Н.Кононову предложить новую классификационную основу для тюркских языков. Он считает, что “деление древнетюркского языка следует дополнить делением по очень важному признаку, проходящему красной линией по всей истории тюркских языков и являющемуся характерным классификационным признаком, который проявляется в чередовании узких и широких, передних и задних гласных в корнях-основах” (Кононов 1980: 36). Наличие этих признаков в одном и том же языке вызвано взаимодействием их и смещением этнического характера носителей этих признаков (Кононов 1980: 37). Что касается аффиксальных морфем, то, по мнению А.Н.Кононова, носителями *a*-диалекта, по мнению А.Н.Кононова, могли быть тюркюты, аргу, чигили, кыпчаки и, отчасти, современные чуваша и якуты. Наследниками *y*-диалекта являются древнеуйгурский и большинство современных тюркских языков. А. фон Габэн чередование *a* ~ *y* считает одним из признаков диалектного членения древнетюркского (Gabain 1974: 49).

Н.З.Гаджиева полагает, что неустойчивость безударного *a* связана с перемещением первоначального ударения с первого слога на последующие, которое сопровождалось нарушением оппозиции по ряду, фонологической неопределенностью оппозиции *y* ~ *a*, что в свою очередь “приводило к ослаблению противопоставления гласных фонем по ряду и к возникновению десингармонизированных рядов”

(Гаджиева 1976: 89-90). В другой своей работе, развивая вышеприведенное мнение, Н.З.Гаджиева неустойчивость *a* связывает со склонностью *a* к опереднению, с этим же, по ее мнению, связан процесс оканья. "Неустойчивость безударного гласного *a* и характерная для него тенденция ко всякого рода позиционным изменениям, в частности, к опереднению-умлауту, последнее, вероятно, вследствие скрещения старой тюркской уйгурской системы вокализма с новой узбекской, утратившей различие двухрядности, - являются процессами сопряженными, которые могли привести к ослаблению противопоставления гласных фонем по ряду" (Гаджиева 1976: 6).

Фонетическое соответствие *a ~ y* является распространенным явлением в якутском языке. Рассматривая такого рода соответствие Н.Д.Дьячковский считает, что "для того, чтобы произошло фонематическое неразличие, т.е. свободное варьирование гласных.... должны наличествовать определенные фонетические или иные условия". Таковыми он считает, во-первых, безударное положение, где они более подвержены всякого рода изменениям в силу своего слабого положения, во-вторых, условием для варьирования гласных является ослабление ясной осознанности морфемной расчлененности слова" (Дьячковский 1971: 43-45). При этом он опирается на положение, высказанное Б.А.Серебренниковым об аксиальной структуре парадигмы в агглютинативных языках, которая могла оказать воздействие на фонетические процессы, происходящие в языках (Серебренников 1963: 43).

"Исследование в абсолютном большинстве современных тюркских языков так называемых древних тюркских долгот при сохранении их только в немногих, появление вместо них специфических дифтонгов в якутском, а также соответствие в значительном количестве общетюркских слов в тувинском, якутском и чувашском языках гласному *a* узкого гласного *y*, - по мнению Ф.Г.Исхакова, - следует рассматривать, как исторические результаты явления редукции гласных в тюркских языках, а в данном случае - редукции гласного *a* в определенных позициях" (Исхаков 1955: 68). В данном случае не раскрыто, в каких позициях происходит редукция.

По мнению Э.В.Севортяна "в изменениях гласного *a* и *э* наиболее регулярно проявляется действие среднеязычного сонанта *й*, когда он следует за названными гласными. Под влиянием этого "консонантного *и*" гласные *a* и *э* подвергаются в некоторых языках ассимиляции по подъему языка и заменяются собственно *y* и *и*" (Севортян 1974).

В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка Ш.Х.Акбаев отмечает комбинаторные случаи перехода $a > y$: а) $a > y$ совершается в деепричастных аффиксах настоящего времени, если такое деепричастие предшествует глаголу *есе* (необходимым условием перехода $a > y$ при этом является произношение деепричастия на - *a* и *есе* одной интонацией, без внутренней паузы): *таба есе > табыйисе > табыйисе* “если находит”, *чаба есенг > чабыйисенг > чабыйисенг* “если ты бегаешь”; б) $a > y$ происходит также в условном аффиксе -*са* перед глаголом *еди*: *табсакъ еди > табсьйсек* “если бы мы нашли”, *барса еди > барсьйид* “если бы он пошел”; в) $a > y$ происходит в аффиксе -*гъан* причастия прошедшего времени перед глаголом *е*: *алгъан еди > алгъыйид* “он взял”, *салгъан еди > салгъыйид* “поставил он”; г) $a > y$ в указательном местоимении *алай* “так” перед глаголом *е*: *алай еди > алыйид* “было так”, *алай есе > алыйисе* “если так” (Акбаев 1963: 34-36).

Причину перехода $a > y$ в указанных случаях Ш.Х.Акбаев, на наш взгляд, совершенно справедливо, объясняет сужающим воздействием протетического или этимологического *j* на предыдущий *a* (Акбаев 1963: 34-36).

Пратюркский **ā*

Для пратюркского состояния реконструируется долгий негубной широкий гласный **ā* в первом слоге слова.

Пратюркский **ā* > кб. *a*

Пратюркский долгий гласный **a* как и в большинстве тюркских языков, в односложных корнях-основах в карачаево-балкарском дает рефлекс *a*. Ср.: ПТ **āy* // *āw* ~ кб. *aw* “сеть/сети”, ПТ **āy*-// **āw*- ~ кб. *aw*- “переходить”, “переваливать”, ПТ **āq* ~ кб. *aq* “белый(цвет)”, “близна”; **āl* ~ кб. *al* “перед”, “передняя часть”; ПТ **āz*-// *ār*- ~ кб. *ar*-// *az*- “худеть”, “исхудать”; ПТ **āz*- ~ кб. *az* - уменьшаться”, “малое количество”; ПТ **jāz* ~ кб. *jaz* “весна”, “лето”; ПТ **jār*- ~ кб. *jar*- “рассекать”, “расскалывать”, “разбивать”, “разрубать”, “расщелина”, “крутой обрыв”; ПТ **āč* “голодный” ~ кб. *ač* “голод”, “голодный”, ПТ **āčy* “горький”, “кислый”, ~ кб. *ačy* “горький”, “кислый”; ПТ **bāj* “богатый” ~ кб. *baj* “богатый”; ПТ **bār* “есть”, “имеется”, “факт наличия” ~ кб. *bar* “есть”, “имеется”; ПТ **bās*- “давить”, “ступать” ~ кб. *bas*- “давить”, “ступать”; ПТ **āj* “луна” “месяц”, ~ кб. *aj* “луна”, “месяц”; ПТ **ār* “чистый” (ЩФ, 193) ~ кб. *ar* “чистый”, “красивый”; ПТ **ār*- “уоставать”, “худеть” (ЩФ, 193) ~ кб. *ar*- “уоставать”, “худеть”; ПТ **āy* -// **āw*- “подниматься”, “восходить”, “переваливать”, “переход” ~ кб. *aw*- “переваливать”, “восходить”; ПТ **āy* // **āw* “место

разъединения, расхождения (схождения линий), “промежность” ~ кб. *aw* “промежность”; ПТ **āt* “имя” ~ кб. *at* “имя”; ПТ **āq* “белый” ~ кб. *aq* “белый”, “белизна”; ПТ **bāt*- “увязывать”, “тонуть” ~ кб. *bat*- “тонуть”; ПТ **jāy* “масло”, “жир” ~ кб. *jaw* “масло”, “жир”; ПТ **jās* “год”, “возраст” ~ кб. *žas, žas, zas* “год”, “возраст”; ПТ **jāla*- “лизать”, “облизывать” ~ кб. *žala-, žala-, zala-* “облизывать”; ПТ **jār*- “рубить”, “рассекать”, “раскалывать”, “разбивать”, “разрубать” ~ кб. *žar-, žar-, zar-* “рубить”, “рассекать”, “раскалывать”, “разрубать”; ПТ **jar*- “закрывать”, “покрывать”, “затворить”, “закрыть” ~ кб. *žar-, žar-, zar-* “закрывать”; ПТ **qās* “бровь” ~ кб. *qas* “бровь”; ПТ **qān* “кровь” ~ кб. **qan* “кровь”; ПТ **ċāt* “промежность” ~ кб. *ċat* “промежность”; ПТ **jāz*- “промахиваться” ~ кб. *žaz-, žaz-, zaz-* “промахиваться” (Корень *žaz*- в карачаево-балкарском языке самостоятельно не употребляется, значение “промахиваться” проявляется в выражениях типа *Аны огъу жазмайды* “Его пуля не промахивается); ПТ **jāj* // **jāy* // **jāq* “лук” (оружие) ~ кб. *žaja, žaja, zaja* “лук” (оружие); ПТ **sān* “число” ~ кб. *san* “число”, “количество”; ПТ **sāy*- “доить” ~ кб. *sa-wa* “доить”; ПТ **bāy* “завязывать” ~ кб. *baw* “веревка”, “шнур” и т.д.

ПТ **āṇ* “сознание”: дт. *aṇa*- “понимать, разуме́ть”, кт. *aṇ* “сознание”, кир. *aṇ*, кар. *aṇ*, кк. *aṇ*, тат. *aṇ*, башк. *aṇ*, ног. *aṇ*, узб. *aṇ*, тур. *aṇ*, чув. *aṇ* ~ кб. *aṇ* “сознание”, “мысль”, “понимать”,

ПТ **āṣ* “голодный”: дт. *aṣ* “голодный” (ДТС, 3), гаг. *aṣ* “голодный”, тур. *aṣ*, кт. *aṣ*, кар. *aṣ*, кум. *aṣ*, кир. *aṣ*, каз. *aṣ*, кк. *aṣ*, ног. *aṣ*, якут. *as*, башк. *as* ~ кб. *aṣ*,

ПТ **āj* “луна”: дт. *aj* “луна, месяц” (ДТС, 25), пол. *aj* (Гр., 30) кум. *aj*, кар. *aj*, каз. *aj*, кк. *aj*, ног. *aj*, тат. *aj*, башк. *aj*, алт. *aj*, кир. *aj* ~ кб. *aj* “луна, месяц”,

ПТ **ār*- “уставать”: дт. *ar*- “уставать” (ДТС, 50), тур. *ar*- “уставать”, кум. *ar*-, кар. *ar*-, кир. *ar*-, каз. *ar*-, ног. *ar*-, башк. *ar*-, тат. *ar*- ~ кб. *ar* (-*yra*) “уставать”,

ПТ **āy*- “подниматься”, “восходить”, “переваливать”: дт. *ay*- “подниматься”, “восходить” (ДТС, 16), тур. *aw*-, *ay*- ~ кб. *aw*- “переваливать”, “подниматься”,

ПТ **āq* “белый”: дт. *aq* “белый” (ДТС, 48), пол. *aq* “белый” (Гр., 39), кам. *aq*, кум. *aq*, каз. *aq*, кк. *aq*, ног. *aq*, тур. *aq*, гаг. *aq*, аз. *aq*, кир. *aq*, тат. *aq*, башк. *aq* ~ кб. *aq* “белый”, “бельмо”, “чистый”,

ПТ **āt* “имя”: дт. *at* “имя” (ДТС, 64), пол. *at* (Гр., 37), каз. *at*, кк. *at*, ног. *at*, тат. *at*, башк. *at*, кум. *at/ad* ~ кб. *at* “имя”,

ПТ **bās*- “давить”: дт. *bas*- “давить” (ДТС, 85), пол. *bas*- (Гр., 51-52), кар. *bas*-, кум. *bas*-, кир. *bas*-, каз. *bas*-, ног. *bas*-, тат. *bas*-, башк. *bas*-, туркм. *bas*- ~ кб. *bas*- “давить”, “ступать”;

ПТ **bāt*- “тонуть”: дт. *bat*- “тонуть” (ДТС, 89), пол. *bat*-, (Гр., 53), аз. *bat*-, тур. *bat*-, кт. *bat*-, кар. *bat*, ног. *bat*, каз. *bat*-, кк. *bat*-, ног. *bat*-, тат. *bat*, кум. *bat*- ~ кб. *bat*- “тонуть”, “погружаться”;

ПТ **jāš* “год”, “возраст”: дт. *jaš* “возраст” (ДТС, 245), пол. *jaš* (Гр., 117), каз. *žas*, кк. *žas*, ног. *žas*, кар. *jaš*, кир. *zaš*, тат. *jāš*, башк. *jāš*, кум. *jaš* ~ кб. *žaš*, *žaš*, *zaš* “возраст”, “молодой”, “сырой”, “слеза”;

ПТ **jār*- “рассекать”, “раскалывывать”, “разбивать”, “разрубить”: дт. *jar*- (ДТС, 239), пол. *jar*- (Гр., 114), кум. *jar*-, гаг. *jar*-, кар. *jar*-, ног. *jar*-, каз. *zar*-, кк. *zar*-, алт. *d’ar*-, чув. *sur*- ~ кб. *žar*-, *žar*-, *zar*- “рассекать”, “раскалывать”, “разрывать”;

ПТ **jāz*- “промахиваться”: дт. *jaz*- (ДТС, 250), пол. *jaz*- (Гр. 119), каз. *žaz*-, кк. *žaz*-, ног. *jaz*, тат. *jaz*-, алт. *das*- ~ кб. *žaz*-, *žaz*- “промахиваться” (Аны *orǵu* жазмайды);

ПТ **jār*- “закрывать”, “покрывать”, “затворить”, “закрыть”: дт. *jar*- 235), пол. *jar*-, (Гр. 113), каз. *žar*-, узб. *jar*-, тат. *žar*-, хак. *šar*-, якут. *sar*- ~ кб. *žar*-, *žar*-, *zar*- “закрывать”, “покрывать”, “затворить”, “затыкать”;

ПТ **qān* “кровь”: дт. *qan* “кровь” (ДТС, 416), пол. *qan* (Гр., 113), кар. *qan*, кум. *qan*, каз. *qan*, кк. *qan*, ног. *qan*, кир. *qan*, тат. *qan*, башк. *qan* ~ кб. *qan* “кровь”;

ПТ **qāš* “бровь”: дт. *qaš* “бровь” (ДТС, 431), пол. *qaš* (Гр., 93), кум. *qaš*, ног. *qas*, кир. *qaš*, каз. *qas*, кк. *qas*, кар. *qaš*, тат. *qaš*, тур. *qaš* ~ кб. *qaš* “бровь”;

ПТ **čāt* “промежность”: дт. *čat* (ДТС, 141), пол. *čat* “промежность”, каз. *šat*, кк. *šat*, кум. *čat* ~ кб. *čat* “промежность”;

ПТ **bāγ*- “завязывать”: дт. *baγ*- “оковы”, “узы”, “повязка”, “узел” (ДТС, 77), туркм. *baγ*-, уйгур. *baγ*-, кум. *baw*-, каз. *baw*-, кт. *baw*-, алт. *pu*-, кар. *baw*-, с.-юг. *paγ*- ~ кб. *baw* (-*la*) “завязывать” и т.п.

Следует отметить, что в единственном случае пратюркский **ā* в диалектах карачаево-балкарского языка дает рефлекс *y*. Ср. ПТ **tāš* “внешний”, “наружность” ~ кб. *tuš* “внешний”, “наружный”.

Причины перехода этимологического **ā* пратюркского корня **tāš* в *y* в некоторых современных языках и диалектах авторы “Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков” пытаются объяснить двояко: либо как результат выделения новой основы *tuš* из формы *tušaru* (< *tašary*), либо как результат регрессивной ассимиляции: *tušaru* > *tašaru* (СИГТЯ 1984: 62).

Нам представляется, что в данном конкретном случае объяснить переход *a* > *y* комбинаторными условиями невозможно. Скорее всего это следует отнести к пратюркской вариативности основ, отражающей диалектную расчлененность праязыка.

Пратюркский $*\bar{a} >$ кб. *а*

В говорах карачаево-балкарского языка пратюркский долгий $*\bar{a}$ как и нормальный после аффрикат $\bar{c}$, $\bar{z}$ рефлексируется как гласный $\bar{a}$, занимающий промежуточное положение между *а* и $\bar{a}$, на что в свое время совершенно справедливо указывал В.Преле (Pröhle 1914-1915: 216). Ш.Х.Акбаев отмечает, что “мягкий вариант имеет место в большинстве случаев после *l*, если в этом слове до *l* есть шипящие *дж* или *ш*” (Акбаев 1963: 24). Отмеченное опереднение *а* после *l* происходит в дву- и многосложных словах. В положении после аффрикат $*\bar{a}$ реализуется регулярно в виде $\bar{a}$ в баксано-чегемском говоре и sporadически в речи карачаевцев. Опереднение вызывается, как уже отмечалось в тюркологической литературе, палатализирующим влиянием предшествующих аффрикат, восходящих к пратюркскому палатальному согласному $*j$ или же к аффрикате $*\bar{c}$ (Богородицкий 1928: 113; Севортян 1955: 47; Абдуллаев 1967; Акбаев 1963: 39; Щербак 1970: 38 и др.). Ср. 1) пратюрк. $*j$: ПТ $*j\bar{a}\bar{s}$ “год”, “возраст” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}\bar{s}$ “год”, “юноша”; ПТ $*j\bar{a}r$ “рассекать”, “раскалывать”, “рубить” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}r$ “раскалывать”, “рассекать”, “рубить”, “разбивать”, “разломать”; ПТ $*s\bar{a}\bar{c}$ “волос” ~ кб. $\bar{c}\bar{a}\bar{c}$ “волос”; ПТ $*j\bar{a}z$ “весна” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}z$ “весна” (лего); ср.: ПТ $*j\bar{a}\bar{j}$ “лето” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}j$ “лето”; ПТ $*j\bar{a}j$ // $*j\bar{a}r$ // $*j\bar{a}d$ ~ $*j\bar{a}t$ // $*j\bar{a}s$ “расстилать”, “подстилать”, “подстилка”, “расстиланье” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}j$ “расстилать”, “рассеивать”, кб. $\bar{z}\bar{a}s$ “подстилать”, “подстилка”; ПТ $*j\bar{a}q$ // $*j\bar{a}r$ “зажигать”, “поджигать”, “разжигать”, “разводить огонь” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}q$ “искриться”, “искра”, “высекать”, “разжигать”; ПТ $*j\bar{a}l$ “грива” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}l$; ПТ $*j\bar{a}p$ “покрывать” ~ кб. $\bar{z}\bar{a}p$ “покрывать”, “закрыть”, “укрыть”; 2) пратюрк. $*\bar{c}$: ПТ $*\bar{c}\bar{a}l$ “точить” ~ кб. $\bar{c}\bar{a}l$ “косить”; ПТ $*\bar{c}\bar{a}qyr$ “звать, приглашать” ~ кб. $\bar{c}\bar{a}qyr$ “звать”, “приглашать”; ПТ $*\bar{c}\bar{a}p$ “бежать” ~ кб. $\bar{c}\bar{a}p$ “бежать”; ПТ $*\bar{c}\bar{a}jq\bar{a}$ “трясти”, “мешать”, “качать” ~ кб. $\bar{c}\bar{a}jq\bar{a}$ “мешать”, “трясти”, “качать” и т.д.

Хронологически опереднение $*\bar{a}$ в указанной позиции, видимо, следует отнести к периоду аффрикатизации пратюркского $*j$ (см. аффрикаты), т.е. частичная палатализация $*\bar{a}$ в карачаево-балкарском является следствием развития фонетической системы всего языка. По этому поводу А.М.Щербак пишет: “тот факт, что переход гласных от одного ряда к другому почти во всех случаях происходит в виде превращения слов с твердым вокализмом в слова с палатальными гласными (но не наоборот) свидетельствует о связи рассматриваемого на-

ми перехода с общей эволюцией звуков. Все звуки тюркских языков на протяжении большого периода времени эволюционировали в направлении опереднения артикуляции". Таким образом, можно заключить, что тенденция к опереднению заднерядных, заложенная в самой системе языка, катализируется в данном случае фонетическим окружением, возникшим как следствие общей перестройки фонетической структуры того или иного языка. Следовательно, в результате всего движения системы появляются варианты слов с заднерядными и переднерядными гласными, т.к. "появление "мягкого" варианта необязательно ведет к исчезновению "твердого". "Твердый" вариант может существовать и обычно существует наравне с "мягким" (Щербак 1957: 25), что в свою очередь "создает почву для изыскания дополнительных возможностей выражения лексических и грамматических значений" (Щербак 1957: 26). Такая неустойчивость гласных в слове, как отмечает А.М.Щербак, является характерной для большинства тюркских языков, особенно для языков более древнего периода, когда был сильно развит диалектный словарь в силу значительной диалектной расчлененности языков. Процесс опереднения гласного *a* - "фонетический процесс, обозначаемый в общелингвистической литературе термином "умлаут" (Щербак 1957: 26). Рассматривая опереднение *a* в тюркских языках среднеазиатского ареала Н.З.Гаджиева полагает, что зоной источника такого рода фонетического процесса, связанного с умлаутом, для среднеазиатских тюркских языков является уйгурский язык и карлуко-чигиле-уйгурская группа. Она также придерживается точки зрения, что случаи неустойчивости *a* в системе, его тенденции к изменениям в *e*, *o*, *ы* способствовали уничтожению противопоставленности гласных по ряду. Внешним фактором, усугубившим дальнейшее расшатывание противопоставленности "заднерядные" - "переднерядные" в узбекском языке, послужил субстратный таджикский язык. В результате чего в узбекском языке появились несингармонистические говоры (Гаджиева 1975: 37-38).

Нам представляется, что опереднение *a* и его неустойчивость связана с общей тенденцией к опереднению заднерядных, которая существует в многих тюркских языках. Влияние внешних факторов в данном случае является лишь катализирующим.

Пратюркский $*\bar{a} > \text{кб. } e > i$

Пратюркский $*\bar{a}$ в диалектах карачаево-балкарского языка в нескольких случаях дает рефлекс *e*.

Ср. ПТ $*\bar{c}\bar{a}q$ "время" ~ кб. $\bar{c}aq$, $\bar{c}ek$ "время", "промежуток"; ПТ $*\bar{a}l-$ "вздрыгнуть", "опешить", "растеряться" ~ кб. $al-lel-$ (алындым,

елгендим) “вздрогнуть”, “растеряться”, “испугаться”. Переход пратюркского $*\bar{a}$ в e связан с тенденцией к опереднению заднерядных, со склонностью a к всякого рода трансформациям. Следует полагать, что данный переход осуществился через ступень $\bar{a}$, т.е. $*\bar{a} > \bar{a} > i$.

Аналогичное развитие отмечено во многих тюркских языках (Гаджиева 1975: 35; 1979: 17). Переход $*a > e$ является одной из характерных черт тракайского диалекта караимского языка; ср. $*\bar{c}\bar{a}jna > \bar{c}ejna/\bar{c}ajna > \bar{c}ejna$ “жевать”, $qajra (< *qaj-) > kejra$ “куда” (Мусаев 1964: 55). Этот же процесс наблюдается в аральском говоре казахского языка, в западной группе говоров того же языка, в языке казахов Чуйской долины, Кустанайской области, в киргизском подговоре илийско-семиреченского говора уйгурского языка, а также в диалектах киргизского, каракалпакского, туркменского и др. языков (Нурмагамбетов 1974; Найлебеков 1963; Кайдаров 1969: 314; СИГТЯ 1984: 67; Талипов 1987: 82-83).

Пратюркский $*\bar{a}$ в одном слове в карачаево-балкарском языке рефлексируется как i . Ср.: ПТ $*\bar{a}l-$ “вздрогнуть”, “растеряться”, “опешить” ~ кб. $al-lel-lil-$ “вздрогнуть”, “испугаться”, “растеряться”. Сужение $*\bar{a} > \bar{a} > i$ зарегистрировано и в других языках. Этот процесс связан с тенденцией к опереднению заднерядных. По мнению Н.З.Гаджиевой, данный процесс нашел наибольшее распространение в среднеазиатском ареале-уйгурском языке и диалектах узбекского языка.

Пратюркский $*\bar{a} > \text{кб. } a$

Пратюркский долгий $*\bar{a}$ в карачаево-балкарском языке и его диалектах в полисилабах репрезентируется как гласный a нормальной длительности. Ср.:

ПТ $*j\bar{a}la-$ ($< *j\bar{a}l\bar{y}a-$) “лизать”, “облизывать”: пол. $jala-$ “лизать” (Гр., 110), алт. $jalaar-$ “лизать” (АРС, 277), каз. $\bar{z}ala-$ “лизать” (КРС. I, 381), кум. $jala$, ног. $\bar{z}ala$, кк. $\bar{z}ala$, кар. thk. $jala-$ ~ кб. $\bar{z}ala-$, $\bar{z}ala-$, $zala-$ “облизывать”.

ПТ $*q\bar{a}nat$ “крыло”, “оперение”: дт. $qanat$ “крыло”, алт. $qanat$ “крыло” (АРС, 268), каз. $qanat$ “крыло”, кк. $qanat$, ног. $qanat$, кум. $qanat$, кар. к. $qanat$ (КРПС, 261) ~ кб. $qanat$ “крыло”, “оперение”;

ПТ $*j\bar{a}r\bar{y}un$ “спина” ~ кб. $\bar{z}awrun$, $\bar{z}awrun$, $zawrun$ “лопатка”;

ПТ $*j\bar{a}ra\bar{s}$ “подходить”, “смириться” ~ кб. $\bar{z}ara\bar{s}$ ~ $\bar{z}ara\bar{s}$ “помириться”, “смириться”;

ПТ $*j\bar{a}r\bar{y}uq$ “платок” ~ кб. $\bar{z}awluq$, $\bar{z}awluq$, $zawluq$ “платок”;

ПТ $*\bar{a}r\bar{y}u\bar{c}$ “можжевельник”, кб. $arti\bar{c}$ “можжевельник”;

ПТ **āqmaq* “глупый”, “глупец”, “дурак” ~ кб. *aqmaq* “дурак”, “глупый”;

ПТ **qājyn* “береза” ~ кб. *qajyn* “береза”;

ПТ **qātyn* “жена”, “женщина” ~ кб. *qatyn* “женщина”, “жена”;

ПТ **bāqta* “хвалить” ~ кб. *maxta* “хвалить”, “расхваливать”;

ПТ **sājla* “выбирать” ~ кб. *sajla* “выбирать”;

ПТ **sāqal* “борода” ~ кб. *saqal* “борода”;

ПТ **tālaq* “селезенка” (ИЦР, 197) ~ кб. *talaq* “селезенка”;

ПТ **bāldyr* “оловко” ~ кб. *baldyr* “оловко”;

ПТ **bālyrvan* “лопух” ~ кб. *baldyrvan* “лопух”;

ПТ **qālqan* “щит” ~ кб. *qalqan* “щит”;

ПТ **qālyn* “густой”, “толстый” ~ кб. *qalyn* “густой”, “толстый”, “жирный”;

ПТ **āqa* “хромать” ~ кб. *axsa/asxa* (метатеза) “хромать” и т.д.

Таким же образом отражен пратюркский долгий **ā* и в других сравниваемых языках. Все сравниваемые тюркские языки, за исключением туркменского, якутского и халаджского, утратили долгие гласные.

Исходя из вышеприведенных материалов, мы можем заключить, что этимологический долгий **ā* в диалектах карачаево-балкарского языка отражается как нормальный (краткий) *a*. Вместе с тем, мы далеки от утверждения об окончательности наших выводов. Допускаем, что последующие изыскания в области реконструкции слов с долгим **ā* и последующее прослеживание эволюции праязыкового **ā* в карачаево-балкарском и других сравниваемых языках могут внести качественные и количественные коррективы в наши выводы, т.к. мы располагаем лишь ограниченным числом реконструированных полисиллабов (около 200) с рассматриваемым гласным в первом слоге.

Иные позиции в слове мы в своей работе не рассматриваем, т.к. в других слогах не можем уверенно восстановить долгие гласные, хотя в тюркологической литературе существует мнение об их наличии в непервых слогах и в аффиксах (см. Серебренников, Гаджиева 1986: 14).

Если обобщить все вышеприведенные факты, то напрашиваются следующие выводы:

1) в истории карачаево-балкарского языка в позднепратюркский период произошло падение “первичных” долгих гласных и их слияние с соответствующими гласными нормальной длительности, в частности - слияние долгого **ā* с соответствующим гласным *a* нормальной длительности;

2) $*\bar{a} / *a > a$: в карачаево-балкарском языке праязыковой a ($< * \bar{a}$ и $*a$) (за исключением поздних позиционно-комбинаторных изменений) практически сохраняется во всех позициях в слове: в абсолютном начале, между согласными в первом слоге, во втором и последующих слогах;

3) $*a > y$: в диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается позиционно обусловленное сужение гласного a первого слога в дву- и многосложных основах перед последующим среднеязычным j ; переход $*a > y$ в окружении j и перед сонорными l, n, r имел место в ряде тюркских языков, начиная с древнетюркских памятников, в т.ч. и в древне-булгарском;

4) $*a > \bar{a} > i$: в диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается комбинаторно-позиционная палатализация $*a > \bar{a} > i$, обусловленная влиянием смежных палатальных аффикат этимологического среднеязычного j - и его поздних рефлексов $\check{z}, \check{z}, z$; опереднение $*a > \bar{a} > i$ под воздействием смежных палатальных согласных - среднеязычного j и аффикаты $\check{c}$ (и их коррелятов) - отмечается во многих тюркских языках, включая древнетюркские памятники.

Пратюркский $*\bar{a}$

В пратюркском языке была представлена широкая негубная гласная фонема переднего ряда $\bar{a}$.

В карачаево-балкарском языке и его диалектах, как и в большинстве живых тюркских языков, рефлексом праязыкового $*\bar{a}$ является полуширокий e . Ср.: ПТ $*t\bar{a}ŋ$ “равный” ~ дт. $teŋ$ (ДТС, 551), пол. $teŋ$ (Гр., 241), каз. $teŋ$ (РКС, 222), кк. $teŋ$ (КРС, 831), кар. $teŋ$ (КРПС, 521), алт. $teŋ$ (АРС, 620), кум. $teŋ$ (КРС,), Ат-Тухфа $teŋ$ (ИДТЯ, 379), чув. tan ~ кб. $teŋ$;

ПТ $*kal-$ “приходить”: дт. $kel-$ “приходить”, пол. $kel-$ “приходить”, “приближаться” (Гр., 136), кир. $kel-$ “приходить”, алт. $kel-$ “прийти”, кк. $kel-$ “прийти” (КРС, 772), каз. $kel-$ “прийти” (ОКС, II, 174), кум. $kel-$ “приходить”, ног. kel “прийти”, кар. $kel-$ “приходить” (КРС, 390), чув. $kil-$ ~ кб. $kel-$ “приходить”;

ПТ $*\bar{a}l$ ($< *e\bar{i}lig$) “рука”: дт. el “рука”, “кисть руки” (ДТС, 169), пол. el “рука” ~ чув. al ($\bar{a}$) ~ кб. el “рука”, “палец” (единица измерения);

ПТ $*\bar{a}r$ “мужчина”: дт. er “муж”, “мужчина” пол. er “мужчина” (Гр. 89), алт. er (АРС, 306), каз. er (ОКС, I, 428), ног. er , кк. er (КРС, 444), кум. er , кар. er (КРПС, 665), чув. ar ~ кб. er “мужчина”, “муж”;

ПТ $*k\bar{a}r-$ “растягивать”, “раздвигать” дт. $ker-$ “растягивать”, “натягивать” (ДТС, 300), пол. $ker-$ “растягивать”, каз. $ker-$ (ОКС, II,

266), алт. *ker-* (АРС, 653), ног. *ker-*, кум. *ker-*, чув. *kar-* ~ кб. *ker-* "раздвигать", "растягивать";

ПТ **kač* "вечер", "поздно", "долго": дт. *keč* "поздно", "долго" (ДТС, 290), пол. *keč* "поздно", кк. *keč* "поздно", "поздний" (ККРС, 709), каз. *keš* "поздно", "поздний", кар. *keč* "поздно", "допоздна", "ночь", чув. *kaç-* ~ кб. *keč* "поздно";

ПТ **bak* "крепкий", "прочный", "укреплять", "запирать": пол. *berk* (Гр., 56), алт. *bek* (АРС, 264), каз. *bek* (ОКС, I, 246), кк. *bek* "закрепить", "закрепиться", ног. *bek* "закрепить", кар. *bek* "крепкий", "закрепить", "крепко", "сильно" (КРПС, 148), чув. *parga* ~ кб. *bek* "крепко", "сильно", "закрепить";

ПТ **sar-* "сыпать, рассеивать": каз. *seb-* "рассеивать", "сыпать", (ОКС, I, 259), кк. *sep-* (ККРС, 865), кар. *sep-* "сыпать", "посыпать", "рассыпать" (КРПС, 499), кум. *sep-*, ног. *sep-*, чув. *sar-* ~ кб. *sep-* "рассеивать", "сыпать", "поливать";

ПТ **tar* "пот": дт. *ter* "пот" (ДТС, 553), пол. *ter* (Гр., 242), алт. *ter* (АРС, 551), каз. *ter* (ОКС, I, 150), кум. *ter*, ног. *ter*, кар. *t. ter* (РКПС, 521), чув. *tar* ~ кб. *ter* "пот";

ПТ **at* "мясо": дт. *et* "мясо" (ДТС, 186), пол. *et* (Гр., 95), алт. *et* (АРС, 309), каз. *et* (ОКС, I, 432), кк. *et* (ККРС, 448), ног. *et*, кар. *et* (КРПС, 671), кум. *et*, чув. *üt* ~ кб. *et* "мясо";

ПТ **käs-* "резать": дт. *kes-* "резать", "делить" (ДТС, 302), пол. *kes* (Гр., 141), алт. *kez-* (АРС, 660), каз. *kes-* (ОКС, II, 275), кк. *kes-* (ККРС, 880), кар. *kes-* "резать", "сечь", "рассеить", (КРПС, 308), кум. *kes-*, ног. *kes-*, чув. *kas-* ~ кб. *kes-* "резать", "рассекать";

ПТ **kärt-* "надрезать", "делать зарубку": дт. *kert-* "надрезать", "делать метку" (ДТС, 301), пол. *kert-* "надрезать" (Гр., 140), алт. *kertik* (АРС, 190), каз. *kert-* (ОКС, I, 260), кк. *gert-* "делать зарубку" (ККРС, 264), ног. *kert-*, кум. *kert-//gert-*, кар. *k. kertik* "зарубка", "делать надрез", "выемка" (КРПС, 392), чув. *kart-* ~ кб. *kert-* "делать надрез", "зарубка";

ПТ **ām-* "сосать": дт. *em-* "сосать" (ДТС, 172), пол. *em-* (Гр., 87), алт. *em-* (АРС, 719), каз. *em-* (ОКС, II, 365), кк. *em-* (ККРС, 961), ног. *em-*, кум. *em-*, кар. *em-* (КРПС, 660), чув. *ām-* ~ кб. *em-* "сосать" и т.д.

В современных тюркских языках огузской группы представлена трехчленная оппозиция негубных гласных переднего ряда по уровню подъема: широкий *ā*- полуширокий *e*- узкий *i*, т.е. огузские языки имеют дополнительную промежуточную ступень, состоящую из полуширокого гласного *e*. С конца прошлого века в тюркологии остро стоит вопрос, является ли на самом деле система с многоступенчатым противопоставлением гласных переднего ряда по признаку раствора

исконной или же она приобретена языками огузской группы на поздних этапах их развития.

Эта проблема возникает при реконструкции пратюркского вокализма, а ее однозначное решение предопределяет и то, как решается вопрос о количестве основных пратюркских гласных - восемь или девять? Было высказано много гипотез, и они уже обсуждались в специальной литературе. Подробный анализ почти всех выдвинутых гипотез можно найти в трудах А.М.Щербака (Щербак 1970: 28-33) и Г.Дерфера (Doerfer 1971: 240-247), что освобождает от обзора литературы. Мнения разных ученых сводились в основном к констатации одного из нижеследующих гипотетических предположений:

1) в пратюркской системе вокализма были представлены широкий *a* и узкий *e* негубные гласные переднего ряда;

2) в пратюркском негубные гласные переднего ряда противопоставлялись как по количеству, так и по качеству: широкий краткий *a* - узкий долгий *ẽ*;

3) в пратюркском наличествовали долгий *ã* и краткий *a*; если учесть, что фонетически долгий гласный уже краткого, то это предположение практически близко подходит к предыдущей гипотезе;

4) в пратюркском существовали широкий долгий *ã* и узкий краткий *e*;

5) в пратюркском были представлены широкие долгий *a* и краткий *a* и узкие долгий *ẽ* и краткий *e*;

6) на ранней стадии пратюркского были *ã*, *a*, *ã* и *e*, *ẽ*, *e*; в общетюркском (после выделения языка чувашского типа) *ã* и *ẽ* совпали в *ã*, соответственно *a* и *e* совпали в *a*, этот последний вывод напоминает предыдущую гипотезу.

В последнее время О.А.Мудрак предложил трехступенчатую реконструкцию палатальных нелабиальных гласных в пратюркском по уровню подъема: нижний *e*, средний *ẽ* и верхний *i* (Мудрак 1993: 126-127).

Однако на основании анализа фактического материала всех тюркских языков, ученые с наибольшей достоверностью говорят о существовании в пратюркском краткого *a* и долгого *ẽ* и о комбинаторном варьировании *a* (*e*, *ẽ*) в разных фонетических окружениях на поздней стадии праязыка и на разных этапах истории современных тюркских языков вплоть до настоящего времени (СИГТЯ 1984: 23).

Мы разделяем вывод А.М.Щербака о том, что "противопоставление *a* /*ä* в огузских языках является преобразованным фонологическим противопоставлением пратюркских **a* и **ã*, и, следова-

тельно, обнаруживаемая в них трехступенчатая оппозиция нелабиализованных гласных мягкого ряда по признаку раствора ($\bar{a}$ / $\bar{a}''$ / i) не может рассматриваться как исходная" (Щербак 1970: 33). Исходной для тюркских языков скорее всего является система из восьми кратких и восьми долгих фонем с бинарной оппозицией гласных по признаку раствора: широкие - узкие. Поэтому мы придерживаемся строгого бинарного соответствия долгих и кратких гласных в количественном отношении.

Пратюркский $*\bar{a}$

Для пратюркского состояния исследователи истории тюркской фонетики реконструируют в первую очередь, опираясь на свидетельства туркменского, халаджского, якутского и некоторых других новых и древних языков, долгий широкий неогубленный гласный переднего ряда $*\bar{a}$.

Еще в позднепратюркский период долгий $*\bar{a}$ и краткий $*\bar{a}$ слились в гласном $\bar{a}$ нормальной длительности, поэтому в современном карачаево-балкарском языке рефлексы долгого $*\bar{a}$ практически ничем не отличаются от рефлексов краткого $*\bar{a}$. Как и в ряде других тюркских языков, в карачаево-балкарском пратюркский долгий широкий $\bar{a}$ репрезентируется как "краткий" полуширокий e .

Ср.: ПТ $k\bar{a}\eta$ "широкий": дт. $ke\eta$ "широкий", "обширный", пол. $ke\eta$ "широкий", "обширный" (Гр., 138), алт. $ke\eta$ (АРС, 846), каз. $ke\eta$ (ОКС, II, 530), кк. $ke\eta$ (ККРС, 1104), ног. $ke\eta$, кум. $ke\eta$, кар.т. $ke\eta$ "широкий" ~ кб. $ke\eta$;

ПТ $*k\bar{a}\eta$ (ЩФ, 195) "шаблон", "форма", "оболочка": дт. $ke\eta$ "форма", "оболочка" (ДТС, 298), алт. $ke\eta(-er)$ (АРС, 813), кум. $ke\eta$, ног. $ke\eta$, чув. $kar, rak\eta rek$ ~ кб. $ke\eta$ "форма", "шаблон";

ПТ $*j\bar{a}\eta$ "рукав": дт. $je\eta$ "рукав" (ДТС, 256), пол. $je\eta$ (Гр. 122), алт. $je\eta$ (АРС, 670), каз. $ze\eta$ "рукав" (ОКС, II, 290), кк. $ze\eta$ (ККРС, 893), ног. $ze\eta$, кум. $ze\eta$, чув. $san\bar{a}, sa\eta\bar{e}$ ~ кб. $ze\eta, ze\eta$ "рукав";

ПТ $*\bar{a}z-$ (ЩФ, 194) // $\bar{a}z-$ "давить": каз. $ez-$ (ОКС, I, 174), кк. $ez-$ "угнетать" (ККРС, 174), кар. $ez-$ "давить", "толочь", "мять", "приплюсывать" (КРПС, 655), чув. $ir-$ ~ кб. ez "мять", "выжимать", "раздавить", "давить", "толочь";

ПТ $*\bar{a}l$ (ЩФ, 193) "народ", "люди", "племенной союз", "мир", "согласие": дт. el "племенной союз", племенная организация" (ДТС, 168), пол. el "народ", "провинция" (Гр. 86), алт. el "племя" (АРС, 491), кар. el "люди", "народ" (КРПС, 658), чув. jal "деревня" ~ кб. el "народ", "люди".

В карачаево-балкарском языке данное слово в значении “народ”, “люди” самостоятельно не употребляется. Указанное значение просматривается в следующем предложении: *Анга эл не айтыр?* “Что ему народ скажет?”.

Пратюркский $*\bar{a}$, $*\bar{a} > \text{кб. } i$

Праязыковой $*\bar{a}$ в малкарском диалекте в ограниченном числе многосложных слов трансформируется в ($*\bar{a} > i$).

Сужение $*e > i$, как справедливо отмечают Ш.Х.Акбаев и А.М.Щербак, наблюдается в первом слоге полисиллабов и является присущей малкарскому диалекту (Акбаев 1963: 33; Щербак 1970: 153). Ср.: ПТ $*\bar{a}sit$ - “слышать” ~ кб. *išit*-; ПТ $*\bar{a}mdi$ “теперь” ~ кб. *indi*; *adi* “был” ~ кб. *idi*; ПТ $*k\bar{a}jik$ “зверь” ~ кб.. *kijik*; *am* “самый” ~ кб. *iv*; ПТ $*\bar{a}tik$ “обувь” ~ кб. *icik* ~ *itik*; ПТ $*b\bar{d}oik$ “высокий”, “большой” ~ кб. *bijik* (вместе с тем как географическое название сохранилось *Bedik*); ПТ $*t\bar{a}gim$ “кусок”, “часть” ~ кб. *tigim* “доля”, “часть”, “подношение”; ПТ $*t\bar{a}girmen$ “мельница” ~ кб.. *tirmen*; ПТ $*t\bar{a}g$ “касаться” ~ кб.. *tij*; *bog* “вождь”, “князь”, “правитель” ~ кб. *bij* и т.д.

Трансформация $*\bar{a} > e > i$ - распространенное явление в тюркских языках и диалектах. Оно отмечается начиная с древних письменных памятников. В татарском, башкирском и хакасском языках рефлекс пратюркского $*\bar{a} / \bar{a}$ тотально сузился до *i*, хотя в башкирском и хакасском имеются исключения. Сужение $*\bar{a} > e > i$ отмечен в галицком диалекте караимского языка (Мусаев 1964: 39), в различных говорах казахского языка (Аманжолов 1959; Байжолов 1964: 8), в кыпчакских диалектах узбекского языка (Данияров 1955: 5), в диалектах уйгурского языка (Кайдаров, III, 76), алтайского (Баскаков, I, 1958), азербайджанского (Ширалиев, 57), хакасского и др. языков. Кроме того, варьирование $e \sim i$ обнаруживается как на мезоязыковом, так и на внутриязыковом междиалектном уровнях. Однако до сих пор тюркологическая наука не имеет однозначного определения причин, вызвавших настоящее сужение. Первым свое суждение по этому вопросу высказал В.В.Радлов. По его мнению переход $\bar{a} > e > i$ совершился следующим образом: “сначала *a* корня тюркских языков (как он еще и теперь выговаривается в алтайском, крымском, азербайджанском наречиях) в западных и киргизских наречиях перешел в *e*, произносимый при большем небном сужении, как мы теперь его слышим в киргизском и абаканских наречиях (подобно немецкому *e* в слове *Sehen*). В последствии сужение небное увеличилось, так что во всех ураловолжских наречиях он является как *i*, выговариваемый при очень энергичной небной артикуляции” (Радлов, I: 25). В.В.Радлов хронологиче-

ски начало процесса $\bar{a} > e > i$ относил к периоду не ранее XIV в. Ареал распространения $e > i$ он ограничивал регионом Поволжья, В казанско-татарском и бапкирском языках сужение гласных получило глобальный характер передвижения. В.А.Богородицкий передвижение $e > i$ и $i > e$ считал результатом сокращения сонорной длительности и как следствие ослабления безударного гласного (Богородицкий 1953: 85-87). Иную точку зрения высказал Г.Шараф, по мнению которого причина поволжского перебоя заключается в особенностях акцентуации (Шариф, 1928).

Особое положение занимает туркменское сужение. В туркменском языке долгий $*\bar{a}$ отразился в i и очень редко в $\bar{a}$; ср. туркм. *il* "страна" < $*\bar{a}l$; *in* "ширина" < $*\bar{a}n$; *giŋ* "широкий" < $*k\bar{a}ŋ$, но *gāp* "модель, форма" < $*k\bar{a}p$, *bāš* "пять" < $*p\bar{a}š$ и т.д. (Щербак 1970: 153).

В малкарском диалекте балкарского языка сужение $*\bar{a}$ до i происходило обычно в многосложных словах с гласным i во втором слоге.

Надо еще отметить, что в карачаево-балкарском языке в абсолютном начале слова гласный e в той или иной мере дифтонгизируется, ср.: кб. *iendi* "теперь", *iešit* "слышать", *iešik* "дверь", *iedi* "было" и т.д. В этом отношении карачаево-балкарский сближается с ногайским, казахским и каракалпакским языками, с одной стороны, и с гагаузским - с другой.

Обобщая вышеприведенные факты, можно сделать следующие выводы:

- 1) еще в позднепратюрский период слились долгий $\bar{a}$ и краткий $\bar{a}$ в $\bar{a}$ (e) нормальной длительности;
- 2) широкий негубной гласный переднего ряда $\bar{a}$ в истории карачаево-балкарского языка несколько сузился и развился в полуширокий e ;
- 3) в малкарском диалекте полуширокий e в многосложных словах с гласным i во втором слоге подвергся дальнейшему сужению. и трансформировался в i ;
- 4) в абсолютном начале слова гласный e в определенной степени дифтонгизировался.

Пратюрский $*o$

В пратюрском языке существовал широкий губной гласный заднего ряда $*o$.

Пратюркский *о > кб. о

Пратюркский широкий губной заднерядный гласный *о в одно-сложных корнях-основах диалектов карачаево-балкарского языка в основном сохраняется без изменений.

Ср.: ПТ *оq “стрела”: дт. оq “стрела”, алт. оq (АРС, 615) “пуля”, каз. оq “стрела”, “пуля” (ОКС, II, 216, 392), кк. оq “стрела”, “пуля” (ККРС, 982), кум. оq, ног. оq, кар. ок “стрела” (КРПС, 426), чув. иһә “лук” (для стрельбы) ~ кб. оq “пуля”, “стрела”;

ПТ *от “трава”: дт. от “трава”, “зелень”, пол. от (Гр., 180), алт. от (АРС, 762), каз. от “трава”, “зелень” (АТК, 266), кк. от “трава” (ККРС, 1015), кар. от “трава”, ног. от, кум. от, чув. ирә, верх. иДә ~ кб. от “трава”;

ПТ *ор- “жать”, “косить” (ЩФ, 195): дт. ор- “косить”, “жать” (ДТС, 370), кар. ор- (КРПС, 430), кум. ор- (ОКС, I, 217), кт. ор- “собирать урожай”, чув. vур-, диал. верх. vir- ~ кб. ор- “жать”, “собирать урожай”;

ПТ *qojn “овца”: дт. qoj (ДТС, 453), пол. qoj (Гр., 198), алт. qoj (АРС, 394), каз. qoj (ОКС, I, 539), ног. qoj, кк. qoj (ККРС, 560), кар. qoj (КРПС, 329), чув. хuj, хи ~ кб. qoj;

ПТ *qoj- “класть, оставлять”: дт. qoi- “класть, помещать” (ДТС, 453), пол. qoj- (Гр. 198), алт. koj- (АРС, 536), каз. qoj- (АТК, 244), кар. qoj- “помещать, ставить, решать” (КРПС, 329), ног. qoj-, кум. qoj-, чув. хир-, хув- “класть”, хәвар- “оставить” ~ кб. qoj-;

ПТ *qol “русло реки”, “долина”: дт. qol “долина” (ДТС, 453), каз. qol “речная долина, русло реки, долина” (АТК, 245), алт. qool “русло”, кум. qol “русло”, “ущелье” ~ кб. qol “русло”, “долина”, “овраг”, “ущелье”;

ПТ *bod // bod “рост”, “тело”, “длина”, “туловище”, “стан”, “фигура”: дт. bod (ДТС, 107), пол. boj (Гр., 63), каз. boj “корпус, тело, стан, рост” (АТК, 194), кар. boj “рост” (КРПС, 127), кум. boj “рост”, чув. ри, рәв ~ кб. boj “стан, рост”, фигура”;

ПТ *qor- “подниматься, вставать”, “набухать”: дт. qor- “подниматься, всходить вверх, вставать, подниматься” (ДТС, 456), пол. qor- (Гр., 200), каз. qor- “взбухать, вздуться, растопыриваться” (АТК, 247), кар. qor- “вставать”, “подниматься” (КРПС, 333), ног. qor- “вставать”, чув. хәр- ~ кб. qor- “вставать”, “подниматься”, “набухать”;

ПТ *toq “сытый”: дт. toq “сытый” (ДТС, 576), алт. toq “сытый” (АРС, 746), кар. t. tox “сытый” (КРПС, 539), каз. toq “сытый, насы-

тившийся”, “насыщенный” (АТК, 285). Корень *toq* “сытый” гомогенно **toj* // **tod* ~ чув. *tāran* - “насыщаться”, “насытиться”, а также с **toj* ~ чув. *tuj* “празднество”, “пир” ~ кб. *toq* ~ *toj* “сытый”, “насыщаться”, “наестся”, “пир”, “празднество”, “свадьба”;

ПТ **soq*- “бить, ударять”: дт. *soq*- “бить”, “ударять” (ДТС, 508), пол. *soq*- (Гр., 221), алт. *soq*- “ударять”, “бить” (АРС, 30), каз. *soq*- “ударить”, “бить”, “ковать” (АТК, 274), кум. *soq*, ног. *soq*, кар. *sok*, чув. *sāx*- ~ кб. *soq-id*.

ПТ **sor*- “спрашивать”, “выспрашивать”, “распрашивать”: дт. *sor*- “спрашивать”, “распрашивать”, “искать” (ДТС, 509), пол. *sor*- “спрашивать, допрашивать” (Гр., 222), алт. *sur*- (АРС, 726), каз. *sor*-, кум. *sor*, кар. *thk. sor* “спрашивать”, “требовать” (КРПС, 479) ~ кб. *sor*- “спрашивать”, “выспрашивать”, “распрашивать” и т.п.

Пратюркский **o* в составе дву- и многосложных слов в карачаево-балкарском языке в абсолютном большинстве сохранился без изменений. Ср:

ПТ **qora*- “уменьшаться”: дт. *qora* “терпеть убыток”, “иметь потери”, “уменьшаться, убывать” (ДТС, 458), алт. *korodoor*- “убыль” (АРС, 755), кар.к. *qora*- “скончаться”, “умереть” (КРПС, 371) ~ чув. *xār*- ~ кб. *qora*- “убывать”, “уменьшаться”, “скончаться”, “умереть”;

ПТ **qoɣur* “коричневый”: дт. *qoɣur* “рыжеватый”, “каштановый”, “коричневый”, “каурый” (ДТС, 456), каз. *qoɣur*, *qotur* “коричневый”, чув. *xātār* ~ кб. *qoɣur* “коричневый”, “рыжеватый”;

ПТ **bojuŋ* “шея”: дт. *bojuŋ* “шея” (ДТС, 110), пол. *bojuŋ* “шея”, алт. *mojuŋ* “шея” (АРС, 845), каз. *mojuŋ* “шея” (КРС, II, 529), кк. *mojuŋ* “шея” (ККРС, 1103), ног. *mojuŋ* “шея”, кум. *bojuŋ*, *bojuŋ* “шея”, кар. *thk. bojuŋ* “шея” (КРПС, 127), чув. *māj*, диал. *tuŋ* ~ кб. *bojuŋ* “шея”, “горло”;

ПТ **bolča* “назначать срок”, “срок”, каз. *bolža* “предвидеть”, “предполагать”, кк. *bolža* “предвидеть”, “предполагать”, кб. *bolža* ~ *bolžal* ~ *molžan* “срок”, “назначать срок”, “уговариваться”, “улаживать” (← монг.).

Пратюркский **o* > кб. *u*

Пратюркский широкий губной гласный заднего ряда **o* в ограниченном числе слов карачаево-балкарского языка сужается и переходит в узкий губной гласный заднего ряда *u*. Сужение губного гласного наблюдается как в односложных корнях-основах, так и в дву- и многосложных словах.

1) в односложных корнях-основах:

В нескольких корнях пратюркский **o* трансформируется в *u*: ПТ **boɣ*- “душить”, “чувствовать удушье” ~ кб. *buw-id*;

ПТ **boq-* “подкарауливать”, “подкарауливать кого-либо”, “прятаться”, “быть в засаде”, “засада”, “находящийся в засаде” ~ кб. *biq-* “прятаться”, “быть в засаде”, “подкарауливать”;

ПТ **jol-* “вырывать”, “рвать”, “выдерживать”, “выщипывать”/ “ощипывать”, “забирать”/ “отбирать”, “выхватывать”/ “вырывать”/ “отнимать себе”, чув. *sol-* ~ кб. *žul-* ~ *zul-* “выщипывать”, “выдергивать”, “рвать”;

ПТ **or* “ров”, “яма” ~ кб. *ur* “ров”, “яма”, “яма для хранения овощей”, ср. дт. *oru* “яма для хранения овощей”;

ПТ **qob* “о чем-либо полом”, “пустой внутри” чув. *xāvāl* “полый” - кб. *qiw* “безлюдный (о жилище)”; *qiwīš*.

ПТ **soq-* “совать”, “всовывать” ~ кб. *siq-* “засунуть”, “втыкать”, “совать” и др.

Настоящий переход Ш.Х.Акбаев не считает характерным для диалектов карачаево-балкарского языка и утверждает, что он отмечен только в двух случаях. Как видно из вышеприведенного, число корней, где трансформируется праязыковой **o* гораздо больше. Их число, возможно, будет возрастать с увеличением числа реконструированных корней-основ.

2) в двусложных словах:

Этимологический **o* в некоторых дву- и многосложных словах карачаево-балкарского языка так же дает рефлекс *u*. Ср.:

ПТ **boɣdaj* “пшеница”: дт. *buɣdaj* “пшеница” (ДТС, 120), пол. *boɣdaj*, *buɣdaj*, *bodaj* “пшеница” (Гр., 62), алт. *biuɣdaj* “пшеница” (АРС, 817), каз. *buɣdaj*, *bidaj* (КРС, II, 367), кк. *bijɗaj* “пшеница” (ККРС, 828), ног. *bijɗaj*, кар.к. *bogɗaj* (КРПС, 126), чув. *pāri* ~ кб. *budaj* “пшеница”.

ПТ **oɣlan* “ребенок”, “мальчик”: дт. *oɣlan* “мальчик”, “ребенок” (ДТС, 363), пол. *oɣlan* “юноша”, “ребенок” (Гр., 173), алт. *iuɣlan* “юноша” (АРС, 859), *iuɣlan*, кк. *uɣlan* “юноша”, кум. *ulan* “сын”, “юноша”, кар.к. *oɣul* “сын”, кар. thk. *ulan* “ребенок”, “мальчик”, “парень”, “молодой человек” (КРПС, 576), чув. *uɣal*, *ul* ~ кб. *ulan* “сын”, “юноша”, “наследник”;

ПТ **oɣlaq* “ягненок”, “козленок”: дт. *oɣlaq* “козленок” (ДТС, 363), алт. *iuɣlak* “козленок” (АРС, 248), каз. *ulaq* “козленок” (ОКС, I, 339; Щерб. ИРЛТЯ, 119), кк. *ulaɣ* “козленок” (Щерб. ИРЛТЯ, 119), ног. *ulaq* “козленок” (Щерб. ИРЛТЯ, 119), кар. t. *ulaoh* “козленок”, “молодняк у животных” (КРПС, 577), кар.к. *ulaq* (КРПС, 576) ~ кб. *ulaq* “козленок”;

ПТ **oqša-* “быть похожим”: дт. *oqša-* “быть похожим” (ДТС, 370), пол. *oxša-* ~ *oqša-* “быть похожим”, “подходить для чего-либо”, (Гр., 174), алт. *oškoš* “похожий” (АРС, 555), каз. *uqsa-* “похожий”, кк.

uqsa - "похожий", ног. *uqsa* "похожий", кар.к. *oxša* - "походить", "быть похожим" (КРПС, 436), чув. *āzā* - (←тат.) ~ кб. *uša* - "походить", "быть похожим";

ПТ **oryu* "вор": дт. *oryu* "вор", "грабитель" (ДТС, 369), пол. *oryu* ~ *oryr* "вор" (Гр., 163-164), алт. *uwrču* "вор" (АРС, 68), каз. *ūry* "вор" (КРС, I, 113), кк. *ury* "вор" (ККРС, 109), ног. *ury* "вор", кар.к. *oryu* "вор" (КРПС, 424), кар. *h.oryi-ig*, чув. *vārā* ~ кб. *uri* "вор", "воровство", "кража", "хищение":

ПТ **boyaz* "беременная": дт. *töl boyaz* "беременная" (ДТС, 579) ~ кб. *biwaz* "беременная";

ПТ **boyin* "сустав": дт. *boyin* "сустав", "сочленение" (ДТС, 109), кар. *th. buyin* "часть тела", "сустав" (КРПС, 136), чув. *pāvāt* ~ кб. *biwin* "сустав", "локоть". На наш взгляд, сужение праязыкового широкого гласного заднего ряда **o* (**o > u*) в подобных случаях А.М.Щербак совершенно справедливо связывает с преобразованием двумерного *y* или утратой его" (Щерб. ИРЛТЯ, 119).

В целом ряде тюркских языков, в том числе и в карачаево-балкарском представленный в праязыке заднеязычной спирант *y*, как слабо артикулируемый, не удержался. Благодаря ассимиляторному воздействию окружающих его гласных способствовавших большей степени раскрытия смычки, он как правило, в окружении губных гласных изменяется в билабиальный щелевой сонорный *w*, ср.: дт. *jaŋiq* ~ кб. *žiwiq*, *žiwiq*, *ziwiq* "близкий"; дт. *soŋiq* ~ кб. *siwiq* "холод, мороз"; дт. *boyaz* ~ кб. *biwaz* "беременная" и т.д. Таким же образом ведет себя в карачаево-балкарском языке и вторичный *y*, исторически возникший в результате озвончения интервокального или конечного **q*.

Билабиальный щелевой сонорный *w* по своим артикуляционным особенностям напоминает губные гласные и не случайно иногда называется лабиальным полугласным. Благодаря своей специфике, этот согласный может принимать на себя некоторые артикуляционные особенности окружающих гласных и тем самым привести к их количественным и качественным изменениям, в частности, вызвать огубление, сужение и относительную редукцию. Фонема *w* сама по себе является слабой и в определенных позициях она может слиться со смежным гласным и выпасть.

Все эти случаи позиционно-комбинаторных изменений наблюдаются в приведенных выше примерах.

Итак, следует считать установленным, что в карачаево-балкарском языке имело место не простое сужение широкого заднего губного **o* в узкий *u*, а довольно сложный исторический про-

цесс слияния этимологических звуковых комплексов $*oq > *o\gamma > *ow > *uw > uw$ в один узкий заднеязычный губной u , ср.: ПТ $*oq\dot{s}a- > *o\gamma\dot{s}a- > ow\dot{s}a- > *uw\dot{s}a >$ кб. $u\dot{s}a-$ “быть похожим”; ПТ $*o\gamma lan (< *o\gamma ul < *oq)$ “юноша” $> *owlan > *uwlan > *uwlán >$ кб. $ulan$ “сын” и т.д.

В чувашском, а также в татарском и башкирском языках имела место тотальная редукция всех гласных и сужению подвергся всякий этимологический o независимо от позиционных и комбинаторных условий. В карачаево-балкарском языке так называемое “сужение” $*o > u$ имеет ярко выраженный позиционно-комбинаторный характер.

Пратюркский $*o >$ кб. $\acute{o}$

Пратюркский этимологический $*o$ в карачаево-балкарском языке после палатальной аффрикаты $\check{z}$ -палатализуется и отражается как $\acute{o}$, ср.: ПТ $*jol$ “дорога” ~ карач. $\check{z}\acute{o}l$ “дорога”; ПТ $*joq$ ~ кб. $\check{z}\acute{o}q$ “нет”; ПТ jol ~ кб. $\check{z}\acute{o}l$ “удача”; ПТ $jomaq$ ~ кб. $\check{z}\acute{o}maq$ “сказка”; ПТ $j\acute{o}n-$ ~ кб. $\check{z}\acute{o}n-$ “тесать” и др.

Относительное опережение стандартной формы в указанных словах вызвано палатализирующим влиянием этимологического среднеязычного j и его репрезентаций в карачаево-балкарском языке.

Пратюркский $*o >$ кб. a

В современном карачаево-балкарском языке встречается междialeктное соответствие $boj\acute{a}w \sim bajaw$ “краска”. Пратюркская форма восстанавливается в виде $*boda\gamma l / *bo\delta a\gamma < *bod- // *bo\delta-$ “красить”.

Междialeктное соответствие $boj\acute{a}w \sim bajaw$ “краска” образовалось в результате делабиализации исконного $*o$ первого слога под ассимилирующим влиянием широкого гласного a второго слога, чему в немалой степени способствовало и наличие между первым и вторым гласными среднеязычного сонанта $-j-$. Как уже отмечалось, “полугласный” $-j-$ по своим артикуляционным характеристикам чрезвычайно близко стоит к обычным гласным. В звуковом комплексе $-oja-$ второй гласный имеет более широкий характер, чем первый и, следовательно, находится в более сильной позиции; к тому же второй гласный находится под ударением, что еще более усиливает его позицию. В потоке речи гласные, находящиеся в более сильной позиции имеют тенденцию ассимилировать смежные гласные, находящиеся в менее слабой позиции, что и наблюдаем мы в данном конкретном случае.

Обращает на себя внимание единичность случая ассимиляции губного широкого гласного o первого слога под влиянием широкого

негубного гласного *a* второго слога. Однако нетривиальность развития звукового комплекса *-aja-* > *-ajä-* находит вполне приемлемое объяснение. В случаях, когда между этими гласными находятся другие согласные, например, смычные, регрессивная (равно как и прогрессивная) ассимиляция затруднена, ибо воздействие второго гласного на первый (или наоборот) задерживается интервокальным сильным согласным. В данном случае среднеязычный сонант является самым слабым из всех других согласных, поэтому у него слишком слаба сопротивляемость ассимилятивному воздействию смежных гласных. Благодаря этой специфической особенности “полугласного” *-j-* смежные согласные могут относительно свободно взаимодействовать.

В данном случае мы наблюдаем пример регрессивной ассимиляции второго сильного гласного на первый относительно слабый, возможный только при наличии между ними слабого среднеязычного сонанта *-j-*.

Пратюркский **o* > кб. *ü*

В единичных случаях наблюдается межъязыковое соответствие пратюркского широкого заднерядного губного **o* карачаево-балкарскому узкому переднерядному губному *ü*, ср.: пратюрк. **joru-* / **jori-* ~ кб. *žürü-*, *žürü-*, *zürü-* “ходить”. Примеры на такое соответствие единичны. Нетривиальность соответствия пратюрк. **o* ~ кб. *ü* требует детального и углубленного анализа этого явления с привлечением возможно большего числа межтюркских соответствий.

Первое поверхностное знакомство с межтюркскими соответствиями карачаево-балкарского слова *žürü-* показывает, что для тюркских языков можно реконструировать, по крайней мере, пять вариантов архетипа, различающихся по качеству гласного первого слога:

1) архетип с широким губным гласным заднего ряда *o* в первом слоге: **jor(u/y)-*;

2) архетип с узким губным гласным заднего ряда *u* в первом слоге: **jur(u/y)-*;

3) архетип с широким губным гласным переднего ряда *o* в первом слоге: **jör(ü/ile)-*;

4) архетип с узким губным гласным переднего ряда *ü* в первом слоге: **jür(ü/ile)-*;

5) архетип с широким негубным гласным переднего ряда *a* в первом слоге: **jār(i)-*.

Сравнительный и историко-этимологический анализ фактического материала показывает следующую пространственно-хроноло-

гическую картину распределения выявленных архетипических форм и их реальных репрезентаций:

1) **jor(uly)-*: представлена главным образом в древнетюркских письменных памятниках *jory-* (см.: ДТС, 274; Мал ПМК, 96; *Ork.*, 145; *An.Zn.*, 516; ТТ, VIII, 104; *Pel.*, 272; *Brok.*, 94; *Kasg.*, 805; *Diz.*, 154; *Ateb LXXV*; *Erg.*, 339) *ljoru-* (см. Мал., 389; *Ros.*, 354; *Qarh.*, 12) *ljor-ljoru-* (см.: *Carh.* 20) *ljor-* (см.: ДТС, 274; *Brock.*, 94; *Kasg.*, 802; *Diz.*, 154; *KW*, 126; Хор П., I, 540; *Qutb*, 83) и в некоторых современных тюркских языках, удержавших архаические фонетические особенности: тув., тоф. *čoru-*, *čori-*, тув. *čor-*, с.-юг. *žor-*, алт. (сой.) *dor-* “идти”, “ходить”;

2) **jur(uly)-*: отмечена в кум. (диал.) *juru-* (см. также Schütz АК, 303; *Hik.*, 34), кар. т.к. *juru-*, *juju-* (< **juru-*), пол. *juru-* (< **jury-*) (Грун., 396); узб., уйг. (диал.) *jur-*, лобн. *jū-* (**juj-* < **jur-*), узб. (диал.) *žur-* “идти”, “ходить”;

3) **jör(ülile)-*: представлена главным образом в языках огузского типа и в сибирских тюркских языках, сохранивших архаические фонетические черты, ср.: туркм. *jöre-*, туркм. (диал.) *jöra-*, гаг., уйг., тур. (диал.), уйг. (диал.) *jörü-*, аз., тур. (диал.) *jöri-*, туркм., с>-юг. *jör-*, кач. *jör-*, хак., шор., саг., чулым. *čor-*, кыз. *sör-* (в *söregä*) “идти”, “ходить”;

4) **jür(ülile)-*: представлена в языках древнетюркских памятников: *jüri-* (см.: ДТ, 286; Мал., 391; Мал. ЕПТ, 106; БорЛТ, 167, МА, 565; *Houtsma*, 109; ХорП, I, 560; *Qutb*, 54, *Ros.*, 354; *jürü-* (см.: ДТС, 286-7; Мал., 391; *Ateb.*, LXXVI; БорЛТ, 168; МА, 565; *KW*, 131; *AbuH.*, 131; *Ettyh.*, 291; *Tel.*, 313; АФ, 0116; *Ibnu M*, 93; Бор Бад., 261; *Sey.*, 107; *TS*, VI, 4775-7), а также в ряде современных тюркских языков: уйг. (диал.) *jüri-*, *jüre-*; тур., аз., кар. т.к., кум., уйг. (диал.), чагат. *jürü-*, башк. *jürü-*; лобн. *žürü-*, кб. *žürü-*, кар. т. *ür'ü-* (< **jürü-*) “идти”, “ходить”; ног., узб. (диал.), уйг. (диал.) *jür-*, с.-юг. *jür-*, салар., алт., тел. леб., тоб., тар. *jür-*, уйг. *jü(r)-*, уйг. (диал.) *jüj-* (< **jür-*), лобн. *jüj-*, уйг. (диал.) *jü-* (< **jür-*), кир. *žür-*, кб., каз., кк. *žür-*, алт. *dür-*, шор. *čür-*, якут. *sür-* “идти”, “ходить”.

Чувашское *šure-* “идти, ходить” в этом отношении мало показательно, ибо оно может восходить к формам как с переднерядным, так и с заднерядным широким губным вокализмом, так как палатальный *š-* (< **j-*) в чувашском обладает опередняющим влиянием, ср., пратюрк. **jory-* > **jöri-*, чув. *šure-* “ходить”. Учитывая, что в чувашском явление редукции гласных имело тотальный характер, чувашское *sure-* нельзя выводить из форм с узкими гласными **jüri-* или **jury-*.

Татарские и башкирские формы с редуцированными гласными (ср. тат. *jür-*, башк. *jürü-*, тат. диал. *jir-*) восходят к архетипам с узким переднерядным гласным типа **jür(ü)-*.

5) **jar(i)-*: имеет очень ограниченный ареал распространения и охватывает отчасти огузские и караимский языки, ср.: аз., тур. (диал.) *jeri-* (*Aks. Gaz.*, 752; *Ed. Urfa*, 143); аз. *jari-*; кар.г. *jiri-*, *iri-* "идти, ходить".

Эти формы явно вторичны и в дальнейшем анализе ими можно пренебречь.

Внимательное исследование приведенного материала позволяет констатировать следующее:

1) в пратюркском была представлена форма с долгой широкой губной фонемой заднего ряда в первом слоге **jōri-* (долгота сохранилась в якутском), которая зафиксирована ранними письменными памятниками и относительно хорошо сохранена языками, удержавшими архаичные фонетические особенности;

2) второй узкий гласный в ряде языков по закону губной гармонии, подвергая лабиализации, а во многих языках подвергся редукции и выпадению;

3) под влиянием палатально-среднеязычного сонанта *j-* гласные основы подвергались палатализации; процесс этот начался уже в древнетюркский период и достиг апогея в среднетюркскую эпоху;

4) широкий гласный первого слога *o ~ ō* в положении между двумя сонорными в ряде тюркских языков, начиная с древнетюркского периода стал редуцироваться и перешел в узкий губной переднего ряда *u ~ ü*;

5) опереднение **o > ō* и его дальнейшее сужение *ō > ü* не является специфической особенностью карачаево-балкарского языка, эти процессы происходили задолго до выделения карачаево-балкарского как самостоятельного языка в его историческом предшественнике еще в древнетюркскую эпоху.

Пратюркский **ō*

В системе вокализма пратюркского языка исследователи, опираясь на данные в первую очередь туркменского и якутского языков, реконструируют заднерядный долгий широкий губной гласный *ō*. В большинстве современных тюркских языков долгий *ō* и краткий *o* совпали в гласном *o* нормальной длительности и рефлексы позднепратюркских *ō* и *o* ничем друг от друга не отличаются. Падение долгих гласных происходило в позднепратюркский период и в истории собственно карачаево-балкарского языка количественное противопоставление гласных не имело места.

Пратюркский долгий широкий губной гласный заднего ряда **ō* за редкими исключениями проявляет себя так же, как и пратюркский

о нормальной длительности. Ср.: ПТ **ōl* “огонь”: дг. *ot* “огонь” (ДТС, 373), пол. *ot* “огонь” (Гр., 180), алт. *ot* “огонь” (АРС, 396), каз. *ot* (АТК, 266), кк. *ot* (ККРС, 561), кум. *ot*, ног. *ot*, кар. *ot* (КРПС, 434) чув. *uit*, верх. *voDa* ~ кб. *ot* “огонь”;

ПТ **ōj*- “долбить” (ЩФ, 195): алт. *oj*- (АРС, 141), пол. *oj* (Гр., 175), каз. *oj*- (АТК, 265), кк. *oj*- ККРС, 201), ног. *oj*-, кар.к. *oj*- “выдалбливать, делать дыру” (КРПС, 424), чув. *vāj*- ~ кб. *oj*- “ломать”, “выдалбливать”, “крушить”;

ПТ **ōj*- “мысль”, “дума”; “намерение” (ЩФ, 195): каз. *oj* “дума”, “мысль”, “помысел” (АТК, 265), кк. *oj* (ККРС, 212), ног. *oj*, кум. *oj* чув. *uj* (<тат) ~ кб. *oj* (*ojut*) “мысль”, “дума”; “намерение”;

ПТ *jōl* “путь, дорога”: дг. *jol* (ДТС, 270), пол. *jol* (Гр., 125), алт. *jol* (АРС, 145), каз. *žol* “дорога, путь”, “линия”, “строка” (АТК, 215), кк. *jol* (ККРС, 205), ног. *žol*, кум. *žol*, *jol*, кар. *tkh. jol* (КРПС, 247), чув. *sul* ~ кб. *žol*, *žol* “путь, дорога”;

ПТ **qōn*- “останавливаться на ночлег”, “оседать” (ЩФ, 194): дг. *qon*- “опускаться, садиться”; “оседать”, “поселяться”, “избирать место жительства” (ДТС, 455), пол. *qon*- (Гр., 199), алт. *qon*- (АРС, 689), каз. *qon*- “спускаться”, “приземляться”, “садиться”, “остановиться на ночлег” (АТК, 246), ног. *qon*-, кк. *qon*- (ККРС, 898), кар. *tk. qon*- “останавливаться”, “располагаться”, “поселяться”, “оседать”, “ночевать”, “переночевать”, “жить, проживать”, “опускаться”, “садиться” (КРПС, 331), кум. *qon*-, чув. *xān*- (в составе *xāna* “гость”) ~ кб. *qon*- “приземляться”, “оседать”;

Пт **qōj* “пазуха” (ЩФ, 194) (< **qōjin/m*): дг. *qojun* “пазуха” (ДТС, 453), алт. *qojun* (АРС, 454), каз. *qoj* “лоно”, “пазуха”, “объятие”, “грудь” (АТК, 244), кк. *qojun* (ККРС, 626), ног. *qojun*, кум. *qojun*, кар. *qojun* (КРПС, 389), чув. *xāvā*, верх. *xūt* ~ кб. *qojun* “пазуха”, “грудь”;

ПТ *tōn* “халат”, “одежда” (ЩФ, 197): алт. *ton* “шуба” (АРС, 849), пол. *ton* (Гр., 249), каз. *ton* “одежда”, “одеяние”, “шуба”, “тулуп” (АТК, 286), кк. *ton* (ККРС, 1026), кар. *thk. ton* “одежда” (КРПС, 537), ног. *ton*, кум. *ton*, чув. *tut* ~ кб. *ton* “шуба”, “тулуп”;

ПТ **tōl*- “наполняться”: дг. *tol*- (ДТС, 672), пол. *tol*- (Гр., 248), алт. *tol*- (АРС, 326), каз. *tol*- (АТК, 285), кк. *tol*- (ККРС, 472), кар. *tol*- (КРПС, 536), ног. *tol*-, кум. *tol*-, чув. *tul*- ~ кб. *tol*- “наполняться”;

ПТ **qōš* “пара” (ЩФ, 194): дг. *qoš* (ДТС, 194), пол. *qoš* (Гр., 261), алт. *qoz* АРС, 584), каз. *qos* (АТК, 248), кк. *qos* (ККРС, 782), ног. *qos*, кум. *qoš*, чув. *xāvāl* (в составе топонима *xāvāl syrma* ~ тат. *quš iyl̥a*), кар.к. *qoš* “пара” ~ кб. *qoš* “пара”, “соединяться”;

ПТ **jōn-* “строгать”: дт. *jōn-* “строгать”, “тесать” (ДТС, 272), пол. *jōn-* (Гр., 126), каз. *žon-* (АТК, 215), алт. *jōn-* (АРС, 738), кар. *thk. jōn-* (КРПС, 249), чув. *sun-* ~ кб. *žon-*, *žon-*, *zon-* “строгать”.

Пратюркский **ō > кб. о > и*

В диалектах современного карачаево-балкарского языка в ограниченном числе односложных корней наблюдается репрезентация пратюркского **ō* и продолжающего его литературного *о* в виде узкого губного гласного заднего ряда *и*; ср.: ПТ **tōγ-* ~ кб. *tuw-* “рожать”; ПТ **qōγ-* ~ кб. *quw-* “гнать”; ПТ **bōγ-* ~ кб. *biw-* “связывать” и др.

Сужение **ō > и* в данном случае в карачаево-балкарском языке является позиционно-комбинаторным и вызвано ассимилятивным влиянием последующего билабиального щелевого сонорного *w* (об этом см. выше).

Пратюркский **ō > кб. у*

В современном карачаево-балкарском языке встречаются на уровне диалектов две параллельные формы одного и того же слова: лит. *byrų* “труба”, “водосточный желоб”, “водопровод”, “водосточная труба”; “дуло, ствол (ружья)”, балк. “дымоход” ~ диал. (баксан.) *borų* “труба”, “желоб”, “канавы”, “водосток”. В данном случае наблюдается нетривиальное соответствие гласных первого слога: в первом случае представлен узкий неогубленный гласный заднего ряда *у*, а во втором - широкий губной гласный заднего ряда *о*. Как видим, соответствующие гласные отличаются друг от друга одновременно двумя признаками: узкий - широкий и негубной - губной. Внимательный исследователь сразу же замечает разительное различие между ними. Нельзя однозначно уверенно объяснять это соответствие прямым развитием как в одном (*у > о*), так и в другом (*о > у*) направлениях, не помогает и обращение к позиционно-комбинаторным изменениям, хотя наличие в анлауте губного смычного согласного *b-* вроде бы дает основание предполагать о вторичном огублении узкого *у*, но расширение гласного и при таком подходе остается необъяснимым. Такое положение вещей вынуждает исследователя обратиться к этимологическому анализу обеих форм.

В современных тюркских языках действительно представлены формы как с широким губным, так и с узким негубным гласными в первом слоге. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения их ареально-географических особенностей.

Формы с широким губным гласным *о* в первом слоге отмечены в следующих языках: тур., аз., гаг., *boru*; кт. *bori*, вост.-тюрк. *mori*.

сельдж. *borgu*, узб. *buru*, чагат., вост.-тюрк. *burgu*, кар.к. *boru*, *bory*, тув. *muru*; МК. *borguj*, башк. *buru* “труба” (в разных значениях).

Формы с узким негубным гласным у в первом слоге отмечены в следующих языках: с.-юг. *pyra*, алт. *pyra*, кар.т.г., кум., кб., тат., тоб., чаг., *byru* алт. *pyru*, бар., шор., койб., кач., саг. *pyru*, кум. диал. *pyru*, хак. *myru* “труба” (в разных значениях).

Чувашская форма *paraх* мало показательна, так как скорее всего является татарским заимствованием.

Формы с широким губным гласным о представлены в основном в огузских языках, в карлукских языках произошло сужение *o > u*. Формы с нелабиальным узким гласным у характерны для языков сибирской и кыпчакской групп. Негубные гласные первого слога, представленные в языках указанных групп, очевидно, образовались в результате делабиализации узкого губного и после инициального губного смычного *p-/b-* и являются относительно поздними, восходящими ко времени не далее XIV века.

Показательны формы монгольских языков: п.-монг. *bürje* “большая труба” (музыкальный инструмент), *bürege*, *bürj-e(n)*, *bürē* “труба”, “духовой музыкальный инструмент”, которые недвусмысленно указывают на губной характер первого гласного корня, хотя переднерядная огласовка монгольских слов требует специального объяснения.

Отмеченные в персидском “труба”, “охотничий рог” (Гаффаров 1976: 111), *buri* “труба”, “трубка”, “тростник” (Миллер 1953: 74) и арабском мн. “рог”, “труба”, “паяльная трубка” (Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985: 92) тюркизмы также указывают на губной гласный первого слога.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью констатировать, что исконной карачаево-балкарской является форма с узким нелабиальным гласным у в первом слоге, т.е. *byru*, а форму с широким губным гласным о в первом слоге *boru* следует отнести к заимствованиям из языков огузско-карлукского типа. Наиболее близкие формы представлены в языке турецких письменных памятников (*borgu* - TS, I, 539), в сельджукских диалектах (*borgu* - Tarih-i âl-i selçuk tercümesi - XV в.), в словаре Ибн-Муханны (*borgu* - Ibnü M., 21) и др. Наиболее полный свод тюркских форм приводится в “Этимологическом словаре тюркских языков” Э.В.Севортяна (1973: 194-196), в трудах Г.Дерфера (Doerfer 1965) и Г.Клоусона (Clauson 1979).

Исходя из приведенных материалов, можно вывести следующее заключение. В пратюркском языке, очевидно, бытовала форма **boryu*

или **bory*, которая в огузско-карлукских языках развивалась следующим образом: **bory* > **bory* > *boru* > *boru* > *buru* > *buru*, т.е. по пути лабиализации последующих гласных в результате ассимиляции по первому губному гласному. В языках сибирской и кыпчакской групп, наоборот, происходила регрессивная ассимиляция и гласный первого слога уподобился последующему нелабиализованному узкому гласному *y*: **bory* > **bory* > **buru* > *byru*, т.е. последовательно происходил процесс делабиализации первого гласного *o* через его сужение в *y*. В хронологическом отношении этот процесс относительно можно датировать временем после выделения из общетюркского массива огузско-карлукской общности, т.е. среднетюркской эпохой. Следовательно, говорить о переходе *o* > *y* в собственно карачаево-балкарском языке не приходится, просто здесь сошлись два хронологических варианта одного слова - исконно кыпчакский и заимствованный огузский или карлукский (слово *borya* могло быть привнесено на Кавказ обратными переселенцами из Средней Азии).

Суммируя добытые в результате предыдущего анализа репрезентаций пратюркских долгого **ō* и краткого **o* в современном карачаево-балкарском языке, можно утверждать следующее:

- 1) в позднепратюркском начался процесс слияния долгого **ō* и "краткого" **o* в гласный *o* нормальной длительности;
- 2) гласный *o* в историческом развитии карачаево-балкарского языка (за исключением позиционно обусловленных и комбинаторных изменений) практически сохранился;
- 3) перед последующим билабиальным щелевым сонантом *w* гласный первого слога *o* подвергался слиянию с последующим *w* и сужению: *ow* > *uw* > *uw* > *u*;
- 4) после анлаутного этимологического среднеязычного сонанта *j*- и его репрезентаций в современном карачаево-балкарском языке (ǰ ~ ǰ- ~ ǰ- ~ ǰ-) на уровне диалектов наблюдается относительная палатализация *o* > *ö*;
- 5) в благоприятной фонетической позиции (при наличии слабого сонанта *j*- в интервокальной позиции) возможна ассимиляция *o* первого слога последующим широким *a*, т.е. возможна трансформация комплекса - *oja*- > -*a**ja* на диалектном уровне внутри карачаево-балкарского языка.

Пратюркский **ō*

В пратюркском языке был представлен широкий губной гласный переднего ряда **ō*, который встречался в основном в первом слоге слова.

В современном карачаево-балкарском языке пратюркский **ö* в односложных словах сохраняется в первозданном виде, в малкарском диалекте несколько продвигается в задний ряд и отражается в виде широкого губного среднего ряда *o*, ср.:

ПТ **öl*- “умирать” (ЩФ, 195): дт. *öl*- “умирать” (ДТС, 383), пол. *öl*- “умирать” (Гр., 182), алт. *öl*- “умереть” (АРС, 790), каз. *öl*- “умирать”, “умереть” (АТК, 267), кк. *öl*- “умереть”, ног. *öl*- “умирать”, “умереть”, кум. *öl*- “умирать”, кор. *th. öl*- “умирать” (КРПС, 440), чув. *vil*- ~ кб. *öl*- “умереть”, “умирать”, “погибать”;

ПТ **ös*- “расти” (ЩФ, 195): дт. *ös*- “расти” (АТС, 331), пол. *ös*- “расти” (Гр., 184), алт. *öz*- “расти” (АРС, 652), каз. *ös*- “расти”, “возрастать” (АТК, 268), ног. *ös*- “расти”, кум. *ös*- “расти”, кар. *t. ös*- “расти”, “подниматься” (КРПС, 443), чув. *üs*- ~ кб. *os* “расти”, “возрастать”, “подниматься”;

ПТ **ot*- “проходить” (ЩФ, 195): дт. *ot*- “проходить”, “кончаться” (ДТС, 391), алт. *ot*- “пройти”, “проходить” (АРС, 597), каз. *ot*- “проходить”, “пройти” (АТК, 268), кк. *ot*- “пройти” (ККРС, 799), кум. *ot*- “пройти”, ног. *ot*- “пройти”, кар. *tk. ot*- “проходить”, “пролезать”, “проникать”, “пронизывать” (КРПС, 444), чув. *vit*- ~ кб. *ot*- “пройти”, “проходить”, “проникать”, “пролезать”;

ПТ **köç*- “кочевка”, “переходить с места на место”, “кочевать” (ЩФ, 195): дт. *köç*- “кочевка”, “кочевье”, “переходить”, “передвигаться”, “кочевать” (ДТС, 311), пол. *köç*- “кочевать”, “переходить”, “переезжать” (Гр., 149), алт. *köç*- “кочевать” (АРС, 262), каз. *köç*- “кочевка”, “перекочевка”, “кочевье”, “кочующий караван”, “кочевать”, “перекочевать”, “перекочевывать” (АТК, 230), кк. *köş*- “кочевать”, “кочевье”, “перекочевывать”, ног. *köş*- “кочевать”, кум. *köç* “кочевать”, “перекочевывать”, “переезжать”, “кочевать”, “переселяться”, “трогаться”, “отправляться” (КРПС, 341), чув. *kuş*- ~ кб. *köç*-, малк. *kös*- “кочевать”, “переселяться”, “трогаться”;

ПТ **köl* “озеро” (ЩФ, 195): дт. *köl* “водоем, озеро” (ДТС, 313), пол. *köl* “озеро” (Гр., 150), алт. *köl* “озеро” (АРС, 403), каз. *köl* “озеро” (АТК, 228), кк. *köl* “озеро”, ног. *köl*, кум. *köl* “озеро”, чув. *külä* ~ кб. *köl*, малк. *köl* “озеро”;

ПТ **kör* “много”, “множество”: дт. *kör* “много” (ДТС, 317), пол. *kör* “много” (Гр., 153), каз. *kör* “много”, “множество”, “масса” (АТК, 289), кк. *kör* “много”, кум. *kör* “много”, ног. *kör* “много”, кар. *k. kör* “много”, “многочисленный” (КРПС, 339) ~ кб. *kör*, малк. *kör* “много”, “множество”;

ПТ **kör*- “видеть”: дт. *kör*- “видеть”, “смотреть” (ДТС, 317), пол. *kör*- “видеть”, (Гр., 153), алт. *kör*- “видеть” (АРС, 54), каз. *kör*-

“видеть”, “смотреть”, “обозреть”, “созерцать” (АТК, 229), ног. *kör* “видеть”, кк. *kör*- “видеть”, “смотреть”, кум. *kör*- “видеть”, кар. к. *kör*- “посмотреть”, чув. *kur*-, “видеть”, “посмотреть” ~ кб. *kör*-, малк. *cór* “видеть”, “созерцать”, “посмотреть”;

ПТ **kōm*- “закапывать”, “зарывать”, “погружать во что-либо”: дт. *kōm*- “погркжать во что-либо” (ДТС, 314), пол. *kōm* “закапывать”, “зарывать” (Гр., 151), алт. *kōm*- “закапывать” (АРС, 178), каз. *kōm*- “закопать” (ОКС, I, 245), кк. *kōm*- “закопать”, “докопаться” (ККРС, 247), кум. *kōm*- “закопать”, ног. *kōm*- “закопать” ~ кб. *kōm*-, малк. *kōm*- “закопать”, “зарывать”, “погружать”;

ПТ **tōš* “подъем”, “склон горы” (ЩФ, 197): дт. *tōš* “грудь”, пол. *tōš* “грудь” (Гр., 251), каз. *tōš* “грудинка”, “грудь” (АТК, 287), алт. *tōš* “грудь”, “грудинка” (АРС, 118), кар. к. *tōš* “грудь”, “вымя” (КРПС, 541), кум. *tōš* “грудь”, чув. *tūš*, *tūžə* ~ кб. *tōš*, малк. *tōš* “грудь”, “грудинка”;

ПТ **sōk*- “распарывать”, “рвать” (ЩФ, 197): дт. *sōk*- “рвать”, “отпарывать”, “отрубать” (ДТС, 510), *sōk*- “распарывать”, “рвать” (Гр., 223), алт. *sōg*- “распороть”, “распороться” (АРС, 646), каз. *sōk*- “распороть”, “распарывать (одежду)” (АТС, 275), кк. *sōg*- “распороть”, “распороться (ККРС, 863), ног. *sōk*- “распороть”, кум. *sōk*- “распороть”, “распарывать”, кар. к. *sōk*- “распарывать” ~ кб. *sōk*-, малк. *sōk* “пороть”.

Пратюркский **ö* > кб. *ü*

В диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается сужение широкого губного гласного переднего ряда *ö* > *ü*, ср.:

ПТ **kōg* “мелодия”, “напев”, “звук”, “голос”: дт. *kōg* “мелодия”, каз. *küj* “мелодия, исполняемая на домбре и других музыкальных инструментах” (АТК, 230), алт. *kuiže* “мелодия”, (АРС, 201), чув. *kěv̄ə* ~ кб. *küj* “мелодия”;

ПТ **ōg* “дом”, “жилище” (ЩФ, 195): дт. *üj* “дом” (ДТС, 623), каз. *üj* “дом”, “жилище”, “юрта”, “жилье” (АТК, 295), кар. к. *üj* “дом” (КРПС, 589), кум. *üj* “дом”, тат. *üj* “дом”, кб. *üj* “дом”, “жилище”, “жилье”. Пракыпчакская форма должна быть реконструирована в виде **üj*.

Приведенные примеры показывают, что виновником сужения широкого *ö* в карачаево-балкарском языке является вторичный среднеязычный сонант *j*, который “берет на себя” часть раствора *ö* и тем самым вызывает переход *ö* > *ü*. Такое действие связано с физиологическими и артикуляционными особенностями произношения среднеязычного щелевого сонанта *j*. Дело в том, что уже при произношении

широкого гласного язык начинает подниматься вверх, готовясь к произношению щелевого *j* и, естественно, раствор полости рта сужается, в результате чего вместо широкого гласного произносится узкий.

Аналогичное явление наблюдается и при произношении широких гласных перед переднеязычной глухой аффрикатой, ср.: пратюрк. **öč*- “гаснуть” (ЩФ, 195): дт. *öč*- “гаснуть, исчезать, останавливаться” (ДТС, 376), каз. *öš*- “гаснуть”, “потухать”: (АТК, 268), кк. *öš*- “гаснуть” (ККРС,), алт. *öč*- “гаснуть” (АРС, 101), кум. *öč*- “гаснуть”, “потухать”, ног. *öš*- “гаснуть”, чув. *ěš*- (в составе *ězer*- “гасить”, “потушить” ~ кб. *öč*-, *йč*-).

Сужение *ö* > *й* в данном случае также объясняется влиянием последующего переднеязычного смычно-щелевого согласного *č*, физиологические условия произношения которого уже при произношении предыдущего широкого гласного требуют сужения полости рта. Сужение широких гласных в карачаево-балкарском языке, таким образом, не является закономерностью, а представляет собой скорее всего исключение из правил, вызванное позиционно-комбинаторными условиями.

Пратюркский **ö* > кб. *и*

В карачаево-балкарском языке в единичных случаях наблюдается соответствие пратюркскому широкому губному гласному переднего ряда *ö* узкого губного заднего ряда *и*, ср.: пратюрк. **ör*- “целовать”: туркм., тур., аз., кар. к.т., кир., каз., ног., кк., уйг. *ör*-, узб. *ör*-, кт. *ör*-, тат., башк. *ир*-, гаг. *jör*- “целовать”, кум. диал. (кайтак.) *ор*- ~ кб. *ир*-. Примечательно, что заднерядный вариант этого слова представлен и в кумыкском, ср.: кум. диал. (кайтак.) *ор*- “целовать”, что указывает на явно ареальный характер инновации, вызванной, скорее всего, влиянием субстрата.

Показательно соответствие карачаево-балкарских слов *ирра* “поцелуй”, *ирра-šирра* “поцелуй” - с одной стороны, и чувашского *šир*, *šирра* “поцелуй” - с другой, хотя предпринимать какие-либо далеко идущие выводы из одного этого, к тому же весьма экспрессивного, слова вряд ли следует. Экспрессивная эмоционально окрашенная лексика очень часто выходит за рамки тривиальных фонетических закономерностей и представляет исследователям трудно разрешимые задачи.

Пратюркский **ö*

Опираясь на свидетельства туркменского, халаджского, якутского, чувашского и некоторых других тюркских языков, для пра-

тюркского состояния реконструируется долгий широкий лабиальный гласный переднего ряда **ō*. Однако надо отметить, что так называемые “первичные” долгие гласные еще в позднеспратюркский период совпали с соответствующими гласными нормальной длительности. Не был исключением и гласный **ō*, хотя в чувашском он давал интересные репрезентации, в карачаево-балкарском, как и в большинстве современных тюркских языков, ведет себя как обычный *ō* нормальной длительности.

Ср.: ПТ **bōl*- “разделять”, “отделять”, “выделить”: дт. *bōl*- “делить”, “разделять” (ДТС, 117), алт. *bōl*- “разделить”, “разделиться” (АРС, 629), каз. *bōl*- “делить”, “разделять”, “отделять”, “перегораживать”, “перегородить”; “разбивать”, “разбить” (АТК, 196), кк. *bōl*- “разделить”, “раздвоить”, “отделять” (ККРС, 844), ног. *bōl*- “разделить”, кум. *bōl* “разделить”, “выделять”, чув. *pul*- ~ кб. *bōl*- “делить”, “разделять”, “раздвоить”, “перегораживать”, “разбить”;

ПТ **kōk* “небо”, (ЩФ, 195); дт. *kōk* “небо” (ДТС, 312), ног. *kōk* “небо”, “небосвод” (АТК, 227), кк. *kōk* “небо”, кум. *kōk*, ног. *kōk*, кар.к. *kōk* “небо”, (КРПС, 387), чув. *kěvak* ~ кб. *kōk*, малк. *kōk* “небо”;

ПТ **kōz* “глаз” (ЩФ, 195): дт. *kōz* “глаз” (ДТС, 320), пол. *kōz* (Гр. 156), алт. *kōz* “глаз” (АРС, 105), каз. *kōz* “глаз”, “глаза”, “око” (АТК, 227), кк. *kōz* “глаз”, кум. *kōz*, ног. *kōz*, кар.к. *kōz* “глаз”, “око” (КРПС, 336), чув. *kus*’ ~ кб. *kōz*, малк. *kōz* “глаз”, “око”;

ПТ **ōc* “мести”, “ненависть”, “злоба” (ЩФ, 195): дт. *ōc* “мести”, “гнев” (ДТС, 376), пол. *ōc* “мести” (Гр. 181), каз. *ōc* “злость”, “мести”, “имеющий вражду, злость на кого-л.” (АТК, 268), кар. th. *ōc* “вражда”, “мести”, “кара” (КРПС, 444), кум. *ōc* “мести”, ног. *ōc* “мести”, “злоба”, “ненависть”; кб. *ōc* “мести”.

ПТ **sōk*- “ругать”, “бранить” (ЩФ, 196): дт. *sōk*- “ругать”, “бранить”, “порицать” (ДТС, 510), пол. *sōk*- “ругать”, “бранить” ~ кб. *sōk*- “критиковать”, “порочить”, “хулить”, “чернить”;

ПТ **kōl*- “озеро” (ЩФ, 195), *kōl* “озеро” (Мудрак, 169): туркм. *kōl*, якут. *kuol*, чув. *kul*, уйг., аз., кум., кир., каз., кк., ног., алт., хак. *kōl*, узб. *kūl*, тур. *göl*, тув. *xöl* ~ кб. *kōl* “озеро”, “пруд”;

ПТ **ōc* “сам”, “существо”, “сущность”, “жизнь” (ЩФ, 195), *ōl* “сам”, “середина” (Мудрак, 172): туркм. *ōz*, якут. *uos*, чув. *var*, тур., узб., аз., кар.к., кум., кир., каз., ног., кк., уйг., лобн. *ōz*, кар. *ōz*, кт. *ōz*, газ. *jōz*, тат. *uz*, башк. *ūd* ~ кб. *ōz* “сам”, ср., *ōz* *iš* “свое дело”, “собственное дело”;

ПТ **ōt* “желчь” (ЩФ, 195; Мудрак, 173): туркм. *ōt*, хак. *ōt*, аз. *ōd*, тур., кар.к.т., кум., кир., каз., кк., ног., уйг., сал., алт., тув. *ōt*, гаг., с.-

юг. *jōt*, кт. *ōt*, кум. (диал.) *ōt*, саг. *ūt*, тат., башк., хак. *ūt*, чув. *vat* ~ кб. *ōt* "желчь";

ПТ **tōrt* "четыре" (ЩФ, 197); **tōrtA* "четыре" (Мудрак, 180): туркм. *dört*, диал. *tōrt*, як. *tuort*, тур., гаг., кт., кап.т., кум., ног. *dört*, аз. *dörd*, тув. *doort*, кир., каз., ккалр., уйг., алт., хак., кыз., саг., чаг., шор. *tōrt*, тур. диал. *duord*, *duot*, тат. *dürt*, башк. *dürt*, чув. *tāvat* ~ кб. ~ *tōrt* "четыре" и т.д.

Пратюркский **ō* > кб. *ā*

В единичных словах наблюдается нерегулярное соответствие пратюркскому долговому широкому губному гласному переднего ряда *ō* карачаево-балкарского краткого широкого негубного гласного переднего ряда *ā*, ср.: пратюрк. **ōt-* "петь (о птицах)" ~ кб. *āt-* "петь (о птицах)", "куковать (о кукушке), ср. *чыбычкь*, *манга ата* "птичка, пой мне".

Необычное соответствие **ō* > *ā*, наблюдаемое в карачаево-балкарском языке, требует обращения к этимологическому объяснению.

В тюркских языках в этом слове представлены как огубленные, так и неогубленные широкие гласные переднего ряда, что позволяет вывести, по крайней мере, два архетипа: **ōt-* и **āt-*, ср.: тур., аз., лобн., кт. *ōt-*, гаг. *jōt-*, дт. *ōt-* (см.: ДТС, 391-2; Мал., 407; Brock., 136; АФ, 073; Qutb, 124, PavC., 45): но **āt-*: тув. *e't-*, якут. *āt-*, чув. *avāt-*, дт. *at-* (ДТС, 186; Мал., 366) "петь (о птицах)"; издавать звуки".

Чувашская форма *avāt-* "петь (о птицах), дает возможность восстановить для прототюркского состояния прформу **ābūt-* // **āwūt-* "издавать звук" (не о людях), которая в результате стяжения звукового комплекса **āwūt* преобразовался в одних языках в **ōt-*, а в других - в **āt-*. Причины двоякого отражения архетипа в современных тюркских языках обусловлены прогрессивным (*āt-*) или регрессивным (*ōt-*) направлением ассимиляционных процессов.

Обобщая факты репрезентаций пратюркского *ō* и *ō* в современном карачаево-балкарском языке, можно привести следующие положения:

1) пратюркские долгий **ō* и краткий *ō*, очевидно, еще в поздне-пратюркский период слились в одном гласном нормальной длительности *ō*;

2) в современном карачаево-балкарском языке широкий губной гласный переднего ряда *ō* сохраняется практически без изменения с позднепратюркского периода;

3) в диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается сужение широкого губного гласного переднего ряда *ö* с его трансформацией в узкий губной гласный переднего ряда *y* в позиции перед среднеязычным шелевым сонантом *j*, вызванное артикуляционными особенностями последнего;

4) соответствие пратюркского *ö* карачаево-балкарскому *y* в экспрессивном слове *ыр-* “целовать” не является закономерным и требует специального объяснения;

5) нестривальное соответствие пратюркского **ö* (? < **äwüli-*) карачаево-балкарскому *ä-* (кстати, представленное одним единственным, причем небесспорным примером), скорее всего, объясняется двояким отражением звукового комплекса **äwü-* в различных группах тюркских языков двояким образом из-за прогрессивного или регрессивного характера направленности ассимиляционных процессов.

Пратюркский **y*

В пратюркском языке в первом слове слов был достаточно широко представлен узкий негубной гласный заднего ряда *y*, который во многих современных тюркских языках сохранился без изменения (Серебренников, Гаджиева 1979; 23, СИГТЯ 1986: 21; Щербак 1970: 152).

В современном карачаево-балкарском литературном языке пратюркский этимологический краткий **y*, как правило, сохраняется без каких бы то ни было количественных и качественных изменений, но в диалектах наблюдается относительная редукция этого звука и его репрезентация как сверхкраткого *y*.

К сожалению, мы не имеем возможности говорить о количественной характеристике узкого *y* в пратюркском, однако, судя по тому, что в большинстве современных тюркских языков гласный *y* является сверхкратким (Щербак 1970: 152; Серебренников, Гаджиева 1986: 21), можно с известной долей уверенности полагать, что уже в пратюркском соответствующий гласный обладал минимальной количественной характеристикой и в соответствующих позициях имел тенденцию к редукции.

Пратюркский **y* в современном карачаево-балкарском языке регулярно соответствует *y* (орфографически *ы*).

Ср.: ПТ **qys-* “сжимать” (ШФ, 194; Серебр., 21), пол. *qys-* (Гр., 207), кар.к. *qys-* “стискивать” (КРПС, 381), каз. *qys* “жать”, “сжимать”, “давить”, “стеснять”, “притеснять” (АТК, 256), кум. *qys-*, ног. *qys-* чув. *xäs-* ~ кб. *qys-*, “давить”, “жать”, “сжимать”, “стеснять” и т.д.;

ПТ **qyl* (< **qylq*) “волос”: дт. *qyl* “волос” (ДТС, 442), алт. *qyl* (АРС, 66), каз. *qyl* “волос (хвоста, гривы)”; “волосок”, “шерстинка” (АТК, 254), кк. *qyl* (ККРС, 106), ног. *qyl*, кум. *qyl*, кар.к. *qyl*, чув. *xäläx* ~ кб. *qyl* “волос (хвоста, гривы)”;

ПТ **qyr-* “скоблить” (ЩФ, 152): дт. *qyr-* “соскребать”, “соскабливать”, “царапать” (ДТС, 445), пол. *qyr-* (Гр., 207), каз. *qyr-* “скоблить”, “соскабливать”, “уничтожать”, “бриться” (АТК, 256), алт. *qyr-* (АРС, 719), кк. *qyr-* (ККРС, 961), кум. *qyr-*, ног. *qyr-*, кар.-th. *qyr-* “скрести”, “скоблить”, “сдирать”, чув. *xyr-* ~ кб. *qyr-* “скрести”, “скоблить”, “уничтожать”, “счищать”;

ПТ **qyr* “степь”, “горное плато” (ЩФ, 194): дт. *qyr* “плато”, каз. *qyr* “возвышенность”, “холмистая степь”, “горный хребет” (АТК, 255), алт. *qyr* “горная цепь” (АРС, 823), кк. *qyr* “горная цепь” (ККРС, 1082), кум. *qyr* “хребет”, ног. *qyr* чув. *xir* ~ кб. *qyr* “плато”, “горный хребет”;

ПТ **syz-* ~ *syj-* “чертить”, “проводить черту” пол. *syz-* (Гр., 229), каз. *syz-* “чертить”, “проводить линию”, чув. *šajä r-* ~ кб. *syz-* “чертить”.

Пратюркский *у > кб. ү

В современном карачаево-балкарском языке пратюркскому узкому негубному заднерядному *у в позиции после закономерных репрезентаций этимологического среднеязычного щелевого сонанта *j-*, как правило, соответствует узкий негубной гласный среднего ряда *i*, что бесспорно объясняется палатализирующим влиянием *j-* и его соответствий в карачаево-балкарском языке, представленных на уровне диалектов фонемами *ǰ-* ~ *ž-* ~ *z-*, ср.:

ПТ **jyy* // *jay-* (< **aiyy-*) “плакать”, (< **aiyy*) “плач”: дт. *jyy* “плач”, “рыдание” (ДТС, 265), каз. *zy-* “плач”, “рыдание” (АТК), кар. *thk. jyl-* “плакать”, “стонать”, кум. *jyl-* “плакать”, “рыдание”, ног. *jyl-* “плакать” ~ кб. *žil-* “плач”, “рыдание”, “стонать”;

ПТ **jyy* // **jyj-* // **jyq-* “собирать”, “накапливать”, “копить”, “сосредотачивать”: дт. *jyy-* “собирать”, “сосредотачивать” (ДТС, 265), алт. *jy-* (АРС, 705), кар. *žyj-* “много” (скопление людей) (АТК, 218), кар. *jyj-* “собираться” ~ кб. *žij-*, *žyj-*, *zyj-* “собирать”, “сосредотачивать”, “копить”;

ПТ **jyq-* “свалить”, “повалить”, “низвергнуть”, “сваленный”, “поваленный”: дт. *jyq-* “валить”, “разрушать” (ДТС, 268), алт. *jyq-* (АРС, 42), каз. *žyq-* “валить”, “свалить”, “повалить”, “побороть”, “разбирать” (АТК, 218), кк. *zyq-* “валить”, “побороть” (ККРС, 72),

ног. *žyq-* “валить”, “повалить”, кум. *žyq-, jyq-* “валить”, “повалить”, кар.к. *jyq-* “валить”, “сваливать” (КРПС, 263) ~ кб. *žiq-, žyq-, zuq-* “валить”, “свалить”, “побороть”;

ПТ **jyl-* “ползать”, “извиваться”, “то, что ползет”: дт. *jyl(an)* “змея” (ДТС, 266), пол. *jyl(an)* (Гр., 132), алт. *jyl(an)* (АРС, 209), каз. *žyl-* “сползать”, “скользить по поверхности” (АТК, 218), кк. *žyl(an)* “змея”, кум. *jyl(an)*; ног. *žyl(an)*, кар. *thk. jyl(an)* “змея”, “гадюка” (КРПС, 263), чув. *šal-en* “змея” ~ кб. *žil-(an)* “змея”, “гадюка”;

ПТ **jyl* “тепло”, “теплота”: дт. *jyl* “теплый” (ДТС, 266), пол. *jyl* “тепло”, “теплота” (Гр., 133), алт. *jyl* “тепло”, “теплота”, (АРС, 753) каз. *žyl* “тепло”, “теплота” (АТК, 219), кар. *jyly* “чуть теплый” (КРПС, 264), кк. *žyl* “теплый”, “теплота” (ККРС, 1002), ног. *žyl* “теплый” ~ кб. *žil, žyl, zyl* “тепло”, “теплота” и др.

Поскольку в говорах карачаево-балкарского языка отмечены и случаи полной палатализации или опереждения заднеязычного этимологического *у в *i*, то прежде чем предпринимать какие-либо выводы о переходе пратюркского *у в *i* современном карачаево-балкарском, следует остановиться на случаях полной палатализации, т.е. перехода этимологического *у в современный *i*.

Пратюркский *у > кб. *i*

В диалектах современного карачаево-балкарского языка выявляется тенденция исторического развития пратюркского узкого негубного гласного заднего ряда у в узкий негубной гласный переднего ряда *i*. Этот переход является позиционно обусловленным и имеет место перед последующими щелевыми и смычными переднеязычными и среднеязычными согласными, ср.:

ПТ **byč-* “резать”, “разрезать”, “срезать”, “вырезать”, “кроить”, “косить”: дт. *bič-* “срезать” (ДТС, 98), пол. *byč-* “резать”, “кроить” (Гр., 67), алт. *byč-* (АРС, 365), каз. *piš-* (АТК, 269), кум. *byč-*, кк. *pyš-* (ККРС, 529), кар.к. *bič-, h.bič-* “кроить” (КРПС, 125), чув. *pəštəx* “угол сруба” (< **pəš-* “резать”, “рубить”) ~ кб. *bič-* “кроить”, “разрезать”, “вырезать”, “срезать”;

ПТ **byš-* “созревать”, “свариться”, “печься”: дт. *biš-* “зреть” (ДТС, 103); пол. *biš-* “созревать”, “варить”, “готовить”, “зреть” (Гр., 60), алт. *byz-* “созреть”, “созревать” (АРС, 714), кк. *pis-* (ККРС, 955), кум. *biš-*, ног. *pis-*, каз. *pis-* “созревать”, “поспевать”, “быть готовым к еде” (АТК, 269), кар. *biš-* “вариться”, “готовиться”, “печься” (КРПС, 125), чув. *piš-* “вариться”, *pəzer-* “сварить” ~ кб. *biš-* “вариться”, “печься”, “созревать”, “поспевать”;

ПТ **суѝ*- “испражняться” (ЩФ, 196): дг. *суѝ*- “испражняться” (ДТС, 502), каз. *туѝ*- “испражняться” (АТК, 292) ~ кб. *сѝѝ*, *сѝу* “испражняться”.

Праязыковой *у в диалектах карачаево-балкарского языка, как и в подавляющем большинстве тюркских языков, в определенных благоприятных позициях имеет тенденцию к палаталазации. Эта тенденция заложена в самой физиологической основе артикуляционных особенностей гласных у и *i*, противопоставляемых только по признаку рядности. В определенных позиционно-комбинаторных условиях, а конкретнее - рядом с палатальными согласными, гласный у переходит в передний ряд. Это явление отмечается многими исследователями и не требует особого объяснения.

Что же касается конкретного материала карачаево-балкарского языка, то, по мнению Ш.Х.Акбаева, “переход *ы* > *и* широко распространенное явление в диалектах как карачаево-балкарского, так и азербайджанского языков”. Данный переход “происходит большей частью или в непосредственном, или в дистанционном соседстве с шипящими и в непосредственном соседстве с среднеязычными”, т.е. объясняется смягчающим влиянием шипящих. В целом, соглашаясь с утверждением Ш.Х.Акбаева о регулярности перехода у > *i* до или после шипящих корня, следует заметить, что смягчающее воздействие шипящих на у полностью нейтрализуется, если в корне, независимо от положения, присутствует заднеязычный смычный глухой *q*. Например, ПТ **сѝуq*- “выходить” ~ кб. *сѝуq*-“выходить”; ПТ **сѝуу*- // *сѝуq*- “отсыреть”, “намокать”, “быть сырым”, ПТ **сѝуу* // *сѝуq* “сырой”, “влажный”, “сырость”, “роса”, “влага”, “недоваренный” ~ кб. *сѝуq* “роса”, при *сѝу* “сырой”, “недоваренный”, “влажный”, “быть сырым”.

Пратюркский *ӯ

По недвусмысленным свидетельствам туркменского, якутского, а также диалектных данных ряда тюркских языков, исследователи исторической фонетики и фонологии тюркских языков для раннепратюркского состояния убедительно восстанавливают долгий узкий негубной гласный заднего ряда *ӯ. Уже в среднепратюркский период, по всей вероятности, в основном ядре пратюркской общности долгий гласный ӯ начал терять свою количественную характеристику и совпал с соответствующим гласным нормальной длительности.

Рефлексы пратюркского долгого *ӯ в современном карачаево-балкарском языке практически ничем не отличаются от репрезентаций соответствующего гласного у нормальной длительности.

Ср.: ПТ **qūn* “ножны”: дт. *qun* “ножны” (ДТС, 444), пол. *qun* “ножны”, “футляр”, “форма” (Гр., 206), каз. *qun* “ножны” (АТК, 255), алт. *qun* “ножны” (АРС, 365), кум. *qun* “ножны”, ног. *qun* “ножны”, кар. *qun* “ножны” (КРПС, 880), чув. *jəṇə* ~ кб. *qun* “ножны”, “футляр”;

ПТ **sūn* “проверка” (ЩФ, 196): дт. *suṇa-* “проверять”, “испытывать” (ДТС, 504), пол. *sun* “проверка”, *suṇa-* “испытать” (Гр., 228), каз. *sun* “оценка достоинства”, “определение достоинства”, *suṇa-* “испытывать”, “экзаменовывать”, “проверять”, “критиковать” (АТК, 278), кар. *thk. suṇa-* “испытывать”, “пробовать”, “наблюдать”, “изучать” (КРПС, 432), кк. *sun* “проверка”, “испытание”, “экзамен” (ККРС, 791), кум. *suṇa-* “проверить”, “испытать”, чув. *səṇa-* (← тат.) ~ кб. *sun-a* “проверка”, “проверить”;

ПТ **sū-* “ломать”, “разбивать” (ЩФ, 196): дт. *suṇ-* “ломаться”, “переламываться”, “разламываться”, “разбиваться”, “побеждаться” (ДТС, 503-504), пол. *suṇ-* “ломать”, “разбивать”, “разламываться” (Гр., 228), алт. *suṇ-* “ломать”, “ломаться” (АРС, 280), каз. *suṇ-* “ломаться”, “переламываться”, “биться”, “разбиваться” (АТК, 278), кк. *suṇ-* “ломать”, “разрушать” (ККРС, 400), кум. *suṇ-* “ломать”, “разбивать”, ног. *suṇ-* “ломать”, кар. *thk. suṇ-* “ломать”, “ломаться”, “разрушаться”, “уничтожаться” (КРПС, 492) ~ кб. *suṇ-* “ломать”, “разрушать”, “уничтожаться”, “разбивать”, “разламываться”, “оскорблять”;

ПТ **qūrt* “ястреб” (ЩФ, 194), каз. *qartšyṇa* “ястреб” (ОКС, II, 555), алт. **qart(ḡaṇa)* (АРС, 863), кк. *qartšaṇa* (ККРС, 1123), чув. *xurḡa-Ga* “ястреб” ~ кб. *qurt(ḡaṇa)* “ястреб”;

В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка в первом слоге этого слова представлен *a*, однако в литературном языке на его месте выступает, как и в казахском, каракалпакском и алтайском языках, узкий гласный *y*, ср. кб. *qurtḡaṇa* “ястреб”, но карач. *qartcyṇa* “ястреб”. На фонетическом уровне такое нетривиальное соответствие трудно объяснимо и требует историко-этимологической интерпретации. Кстати, такая работа уже проделана на достаточно квалифицированном уровне (см. Егоров, Петров 1982: 70-76), что освобождает нас от экскурса в эту область.

ПТ **tūn* “жизнь”, “дыхание”, “дышать” (ЩФ, 197): дт. *tun-* “дышать”, “отдыхать”; “успокаиваться”, “обретать покой”, “останавливаться”, “прекращаться” (ДТС, 567), каз. *tun-* “дыхание”, “вдох”; “вздых”//“выдохнуть”; “затихать”, “успокоиться”; “приостановиться” (АТК, 291), пол. *tun* “спокойный”, “отдыхать” (Гр., 262), кар. *thk. tun-* “дышать”, “успокоиться”, “утихнуть”, “отдыхать”, “замолкать”

(КРПС, 557), чув. *sət* ~ кб. *tyn*- “успокоиться”, “отдыхать”, “замолчать”, “утихнуть”, “остановиться”.

Пратюркский * $\bar{y}$ > кб. *i*

Межязыковое соответствие * $\bar{y}$ ~ *i* прослеживается в крайне ограниченном круге слов карачаево-балкарского языка. Мы пока нашли только один убедительный пример, подтверждающий это соответствие: ср.: ПТ **tyl̄*- “перебирать”, “трепать”, “разрывать на части”, “вычесывать (шерсть)” (ЩФ, 197); **tyl̄*- (RasEWb, 482): уйг. *tüt*-/*tyt*-, ср.-тюрк. *tyt*-/*tüt*-, туркм. *dīt*-, тур. *dīt*-, чаг., бар. *tīt*-, тат. *t* t-, якут. *tīt*-, чув. *tāt*-, п.-монг. *čiči*- (< **titi*-) ~ кб. *tüt*- “вычесывать, перебирать (шерсть)”.

Пратюркский **i*

В системе пратюркского вокализма была представлена узкая нелабиализованная гласная фонема переднего ряда *i*.

Праязыковой узкий негубной переднерядный *i* в составе односложных корневых слов в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах в основном сохраняется без каких бы то ни было изменений. Ср.:

ПТ **ič* “нутро, чрево” (ЩФ, 194): дт. *ič* “внутренность” (ДТС, 201), пол. *ič* “внутренность” (Гр., 104), алт. *ič* (АРС, 60), ног. *iš*, кум. *ič*, кар. h. *ič*, кар. t. *ič* (КРПС, 210), чув. *əš* ~ кб. *ič* “внутренность”;

ПТ **ič*- “пить” (ЩФ, 194): дт. *ič*- (ДТС, 201), пол. *ič*- “пить” (Гр., 104), алт. *ič*- “пить” (АРС, 488), каз. *iš*- “пить”, ног. *iš*- “пить”, кум. *ič*, кар. *ič*- (КРПС, 210), чув. *əš*- ~ кб. *ič*- “пить”;

ПТ **kir* “грязь” (ЩФ, 195): дт. *kir* “грязь, сор” (ДТС, 308), пол. *kir* (Гр., 148), алт. *kir* (АРС, 119), каз. *kir* (РКС, 172), кк. *kir* (ККРС, 178), ног. *kir*, кум. *kir*, кар. thk. *kir*, “грязь, нечистоты, сор”, чув. *kirək* ~ кб. *kir*- “грязь”, “нечистоты”.

Пратюркский **i* > кб. *ĩ*

Узкий нелабиализованный гласный переднего ряда *i* в диалектах карачаево-балкарского языка, как и в некоторых тюркских языках, подвергается определенной количественной редукции и переходит в сверхкраткий *ĩ*. Это изменение является позиционно обусловленной. Ш.Х.Акбаев отмечает, что редукция узкого гласного *i* наблюдается главным образом в соседстве с сонорными согласными, между двумя смежными звонкими, между звонким и глухим, а также между двумя глухими согласными (Акбаев 1963: 26).

ПТ **tik-* “пришить, сшить”; “пришитый, сшитый”: дт. *tik-* (ДТС, 558), пол. *tik* (Гр., 244), алт. *tig-* (АРС, 846), каз. *tik-* (АТК, 292), кк. *til-* (ККРС, 1104), ног. *tik-*, кум. *tik-*, кар. *thk tik-* (КРПС, 527), чув. *čik-* ~ кб. *tik-* “шить”, “пришить”;

ПТ **tyq-/ltik-* “втыкать”, “ставить”, “колоть”, **tika* “воткнутий”, “посаженный”, “отвесный, вертикальный”: дт. *tik-* “устанавливать, втыкать”, “водружать”, “сажать”, “ставить” (ДТС, 558), пол. *tik-* “сажать” (Гр., 244), каз. *tik-* “отвесный, крутой, вертикальный”, “ставить, посадить, поставить вертикально” (АТК, 292), кар. к. *tik-* “сажать, насаждать” (КРПС, 527), кк. *tik* “вертикаль” (ККРС, 81), ног. *tik-*, кум. *tik-* ~ кб. *tik* “вертикальный, отвесный, крутой”;

ПТ **sij-/siδ-/syt* “мочиться”, “моча”: дт. *sik* (ДТС, 499), пол. *sij* (Гр., 219), алт. *sij-* (АРС, 305), каз. *sij-* (АТК, 274), кк. *sij-* (ККРС, 442), ног. *sij-*, кум. *sij-*, кар. *thk sij-* (КРПС, 473) ~ кб. *sij-* “мочиться”;

ПТ **sik-* “совершать coitus”; “penis”: дт. *sik* “penis”, “совокупляться” (ДТС, 499), пол. *sik* “penis” (Гр., 219), каз. *sik-* “совокупляться”, кк. *sik-*, ног. *sik-*, кар. *sik-* ~ кб. *sik-* “совокупляться”;

ПТ **til-* “разрезать”, “резать (продольными линиями)”; “ломтик”, “ломоть”: дт. *til-* “разрезать на узкие полосы” (ДТС, 560), пол. *til* (Гр., 244), каз. *til-* (АТК, 292) ~ кб. *til* “ломтик, ломоть”.

Редукция тюркских узких гласных имеет универсальный типологический характер и охватывает ряд современных языков. Так, в чувашском, татарском, башкирском, хакасском, казахском и каракалпакском языках пратюркский *i* репрезентируется кратким и более широким вариантом *ɛ* или *ĩ* (СИГТЯ 1984: 68). В современном карачаево-балкарском языке процесс редукции узкого нелабиального гласного переднего ряда *i* столь далеко не зашла, здесь редукция *i* носит позиционно обусловленный спорадический характер.

Пратюркский **i*

Материалы туркменского, якутского и, отчасти, ряда других тюркских языков показывают, что в раннепратюркском существовало противопоставление долгого *i* и краткого *i*, однако в среднепратюркский период это противопоставление было устранено и долгий и краткий *i* и *i* слились в один звук *i* нормальной длительности. В пракрыпчакском - историческом предке современного карачаево-балкарского языка - противопоставления долгих и кратких гласных уже не было. Поэтому в современном карачаево-балкарском языке рефлекс пратюркского долгого *i* ничем не отличаются от репрезентаций *i* нормальной длительности, ср.:

ПТ **bīr* “один” (Мудрак, 174); **pīr* “один” (ЩФ, 195): дт. *bir* (ДТС, 101), алт. *bir*, каз. *bir*, ног. *bir*, кк. *bir*, кум. *bir*, туркм. *bīr*, якут. *bir*, чув. *pər* ~ кб. *bir*, *bīr* “один”;

ПТ **bin-*, ср. **pīn-* “садиться верхом” (ЩФ, 195): дт. *bin-* “садиться верхом” (ДТС, 100), пол. *min-* (Гр., 165), кум. *min-*, ног. *min-*, кар. *min-* “вскочить”, “сесть”, “ехать верхом”, “взбираться, влезать, залезать” ~ кб. *min-* “взбираться”, “садиться”;

ПТ **īl-* “вешать”, “цеплять”, “зацеплять” (ЩФ, 194), **il-* “вешать”, “висеть” (ЭСТЯ, 757): дт. *il-* “цеплять”, “подцеплять”, “зацеплять”, “ловить” (ДТС, 207), пол. *il-* “вешать” (Гр., 105), алт. *il-* “вешать” (АРС, 50), каз. *il-* “вешать” (ОКС, I, 90), кк. *il-id* (ККРС, 84), ног. *il-*, кум. *il-*, кар. h. *il-* “повесить, привесить” (КРПС, 197), чув. *jāl-* (в составе *jālā* “петля” ~ кб. *il-* “вешать”, “повесить”, “привесить”, “петля”);

ПТ **tiš* “зуб”: дт. *tiš* (ДТС, 563), пол. *tiš* (Гр., 246), алт. *tiš* (АРС, 212), каз. *tis* (АТК, 293), ног. *tiš*, кум. *tiš*, кар. *tiš* (КРПС, 532), чув. *sāl* ~ кб. *tiš id*;

ПТ **kīr-* “входить” (ЩФ, 195); **kir-* “входить” (Мудрак, 169): туркм. *gir-*, якут. *kīr-*, дт., уйг., чаг., тур. *kīr-*, аз. *kīr-*, хак. *kīr-*, тур. *gir-*, тат. *kār-*, чув. *kār-* ~ кб. *kīr-* “входить”, “проникать” и др.

Пратюркский **ī* ~ кб. у

В единственном слове карачасво-балкарского языка репрезентом пратюркского долгого узкого нелабиального гласного переднего ряда **ī* выступает узкий нелабиализованный гласный нормальной длительности у, ср.: ПТ **jīr-/i/*ār-* “прорывать, разрывать”, “рассекать” (ЩФ, 197) ~ кб. *žyr-*, *žyr-*, *zyr-* “разрезать”, “рассекать”. Это нетривиальное фонетическое соответствие требует сравнительно-исторического анализа с привлечением возможно большего количества межтюркских соответствий.

Данное слово в тюркских языках представлено в двух фонетических вариантах - переднерядном и заднерядном:

ПТ **jīr-*: дт. *jir-* (Kašg., 793; Dir., 152); туркм., гаг., узб., уйг., чаг., тур. диал. *jir-*, уйг. *žir-*, тув. *čir-*, хак. *čir-*, якут. *sir-* “порвать”, “рассекать”; кб. *žyz-*, *zyr-* “порвать”, “рассекать”.

ПТ **jyr-*: кум., тур. диал., уйг. диал. *jyr-*, дт. *jyr-* (Kašg., 786; Ettuh., 285; ZajSt., II, 86), кир. *žyr-*, каз. кк. *žyr-*, *jyr-*, тат. *žyr-*, башк. *jīr-* “порвать”, “прорывать”, “разрывать”, “рассекать”.

Чувашское *šat-* (< **šart-* < **jyrt-/jirt-*) “порвать”, “разорвать”, “износить” в данном случае не показательно, ибо оно может отражать

как переднерядную, так и заднерядную праформу (с вторичным опереднением заднерядной формы под влиянием анлаутного среднеязычного *j*- и его чувашского рефлекса *š*-).

Анализ собранного материала показывает, что обе формы, возможно, восходят к пратюркскому состоянию и отражают чередование заднерядного *y* с переднерядным *i*, широко распространенное еще в праязыковом состоянии.

Итоги исследования репрезентаций пратюркских *i* и *ī* в современном карачаево-балкарском языке дают следующие выводы:

- 1) еще в среднепратюркскую эпоху истории карачаево-балкарского языка долгий *i* и краткий *i* совпали в одном узком переднерядном неогубленном гласном нормальной длительности;
- 2) узкий нелабиальный гласный переднего ряда *i* в первом слоге карачаево-балкарских слов сохранился практически без изменений;
- 3) в карачаево-балкарском языке отмечается тенденция к редукции узкого гласного *i* в первых слогах в определенной позиции до сверхкраткого *i̇*;
- 4) в современном карачаево-балкарском прослеживаются рудименты пратюркского чередования заднерядного *y* с переднерядным *i* в единичных словах, или, вернее, недифференцированности этих и близких по месту образования звуков в праязыке.

Пратюркский *и

В системе пратюркского вокализма была представлена узкая губная гласная фонема заднего ряда *и, которая не имела никаких позиционных изменений.

В большинстве случаев пратюркский *и в современном карачаево-балкарском языке сохраняется практически без изменений, ср.:

ПТ **qiš* “птица”: дт. *qiš* (ДТС, 471), каз. *qis* “птица”, “пернатые” (АТК, 253), алт. *qiš* (АРС, 615), кк. *qis* (ККРС, 824), кар. ht. *qiš* “птица”, “пернатые”, кум. *qiš*, ног. *qys* ~ кб. *qiš* “орел”, “птица”;

ПТ **uq*- // **uγ*- “тереть”, “растереть”, “растирать”, “втирать”; гомогенно **uγ*- “молоть”, кар. th. *uγ*- “месить”, “мять”; “дробить”, “мельчить” ~ кб. *uw*- “мельчить”, “растирать”, “тереть”;

ПТ **ur*- “плодиться”, “оплодотворяться”, “дитя”, “детеныш”: дт. *ury*- “мужское потомство, мальчик” (ДТС, 614), кар. h. *uri* “семья”, “потомство” (КРПС, 580) ~ кб. *ur*- “семья”, “детеныш”

ПТ **juq*- “прилипать”, “прилипнуть”, “приставать” (к чему-либо): дт. *juq*- “прилипать”, “приставать” (ДТС, 281), пол. *juq*- (Гр.,

129), кар. *h.juq-* “присоединять” (КРПС, 255) ~ кб. *žiq-, žuq-, zuq-* “прилипать”, “прилипнуть”, “приставать” (к чему-либо);

ПТ **jūt-* “закрывать”, “зажимать”, “зажать”, “сжимать”: дт. *jūt-* (ДТС, 279), пол. *jūt-* (Гр., 129), каз. *zūt-* (АТК, 216), кар. *thk. jūt-* (КРПС, 257), кум. *jūt-*, *žūt-*, ног. *žūt-*, кб. *žūt-*, *žūt-*, *zūt-* “закрывать”, “зажимать”, “зажать”, “сжимать”;

ПТ **qut* “жизнь”, “счастье”, “душа” (ЩФ, 194): дт. *qut* (ДТС, 471), пол. *qut* (Гр., 204), каз. *qut* (АТК, 253), кар.к. *qut*, чув. *xət* ~ кб. *qut* “счастье”;

ПТ **qus-* “рвать”, “блевать” (ЩФ, 194): дт. *qys-* “рвать”, “изрыгать” (АТК, 470), пол. *qus-* (Гр., 204), каз. *qus-* (ДТС, 253), ног. *qus-*, кум. *qus-*, кар.к. *qus* (КРПС, 376), чув. *xâs* ~ кб. *qus* “изрыгать” и др.

Репрезентация пратюркского краткого узкого губного гласного заднего ряда *u* в карачаево-балкарском языке однозначна и не требует особых комментариев.

Пратюркский **ū*

Исследователи исторической фонетики тюркских языков, основываясь на свидетельствах туркменского, якутского и, отчасти, некоторых тюркских языков, для пратюркского состояния восстанавливают долгий узкий лабиальный гласный заднего ряда **ū*. Однако следует отметить, что уже в позднепратюркском долгие гласные сливались с соответствующими гласными нормальной длительности и поэтому в современном карачаево-балкарском языке рефлекс пратюркского долгого **ū* практически не отличаются от рефлексов соответствующего краткого гласного *u*, ср.:

ПТ **quūč-* “обнимать” (ЩФ, 194) дт. *quč-* (ДТС, 463), каз. *qus-* (АТК, 254), кар.к. *quč-* (КРПС, 377), ног. *qus-*, кк. *qus-*, кум. *quč-* ~ кб. *quč-* “обнимать”;

ПТ **būz* “лед”: дт. *buz* (ДТС, 120), пол. *bus* (Гр., 69), кар. *thk. buz* (КРПС, 136), кум. *buz* ~ чув. *pâr*, кб. *buz* “лед”;

ПТ **biū* “бедро”, “ляжка”, “нога”: дт. *bit* “бедро”, “нога” (ДТС, 129), пол. *but* (Гр., 70), алт. *but* (АРС, 365), кум. *bit*, ног. *bit*, каз. *but*, кк. *bit*, кар. *tkk. bit* (КРПС, 142) ~ кб. *bit* “бедро”, “ляжка”, “нога”;

ПТ **qūr-* “сохнуть”, “высохнуть”: дт. *qur(-u)-* (ДТС, 469), пол. *qur-* (Гр., 204), кар.к. *qury* (КРПС, 375), кум. *qury-*, ног. *qur-*, каз. *qur-* (АТК, 252), кар.к. *quru-* (КРПС, 375), чув. *xâr-* “сохнуть” ~ кб. *qur-* “сохнуть”; “сухой”;

ПТ **jūt*- “глотать”, “проглатывать”: дт. *jut*- “глотать” (ДТС, 282), алт. *jud*- (АРС, 106), каз. *žut*- (АТК, 217), кум. *žut*-, ног. *žut*-, кар. thk. *jut*- (КРПС, 260) ~ кб. *žut*-, *žut*-, *zut*-;

ПТ **qūrt* “насекомое”, “червь”: дт. *qurt* (ДТС, 468), пол. *qurt* (Гр., 204), алт. *qurt* (АТС, 833), каз. *qurt* (АТК, 253), кар. k. *qurt* “насекомое” (КРПС, 375) ~ кб. *qurt* “червь”;

ПТ **ūr*- “бить”, “ударить”, “драться”: дт. *ur*- (ДТС, 614), пол. *ur*- (Гр., 266), алт. *ur*-, каз. *ur*- (АТК, 204), кар. kht. *ur*- (КРПС, 508), кум. *ur*-, ног. *ur*- ~ кб. *ur*-;

ПТ **tūz* “соль”: алт. *tuz* (АРС, 716), каз. *tuz*, кк. *tuz*, ног. *tuz*, кум. *tuz*, чув. *təvar* (ср. кб. *tuwar tuz* “каменная соль”) ~ кб. *tuz* “соль” и др.

Пратюркский **ū* ~ кб. *o*

В единичных словах карачаево-балкарского языка репрезентом пратюркского долгого узкого лабиального гласного заднего ряда **ū* выступает широкий лабиальный гласный заднего ряда *o* нормальной длительности, ср.:

ПТ **ūl* “основание”, “подошва” (ЩФ, 198); *ūltan* “подошва” ~ кб. *oltan* “подошва”, “подметка”.

Этот случай нерегулярного фонетического соответствия требует специального объяснения с привлечением широкого круга сравнительного материала.

В тюркских языках представлена главным образом корневая основа с узким гласными, ср.: дт. *ūl* “основание” (см. ДТС, 608; Atebet., LXIX-LXX; Мал.6 438; ИбнМ., 232; Ibnū M., 79; Qutb, 197; Kaşg., I, 48 и др.); уйг. диал. *ul* “основание”, “земляной пол”, “низ”, “почва”; ср., также п.-монг. *ula* “подошва ноги или обуви”, “основа”, “фундамент”, “основание” (Lessing, 868).

В производном *ūltan* “подошва” представлены формы как с широким, так и с узким гласными, ср.:

ПТ **ōltan* // **ūltan* “подошва”: туркм., тур. диал. *oltan*, тур.диал. *oltan* < туркм. диал. *olton*, дт. *oldan* (ДТС, 366; Kaşg., 437); кир. уйг., чаг., вост.-тюрк., алт., кюзр. *ultan*, кум. *ultan*, ног., ккалк., алт., каз. *ultan*, каз., тат., башк. *ultan*, узб. *ultaʻn*, каз. *yltan*, алт. диал. *ildan*, дт. *uldan* (ДТС, 609; Kaşg., 689), алт. *iltan*, хак. *ultun*, тув. *uldun*, якут. *ullun* “подошва”.

Показательно, что уже в древнетюркских памятниках отмечено междialeктное чередование широкого *o* и узкого *u*, а в современных языках формы с широким гласным *o* тяготеют к огузским языкам. Очевидно, что в карачаево-балкарском сохранился один из вариантов

древнетюркской или даже праязыковой пары, состоявший в бинарной оппозиции по признаку широкий (*o*) - узкий (*u*). В карачаево-балкарском представлена форма с широким гласным *oltan*, характерная для огузских языков. Кстати, аналогичная форма с первым широким гласным зафиксирована и в кайтакском диалекте кумыкского языка в виде *ortan* "подошва (обуви)".

Кумыкская и карачаево-балкарская формы явно свидетельствуют о былой ареальной общности этих двух близкородственных языков.

Обращает на себя внимание отсутствие широкого гласного *o* в формах корневого слова *ul*, что наводит на мысль об ассимилятивном расширении начального *o* под влиянием второго широкого гласного *a* в производной основе *ultan*. Очевидно, расширению первого узкого гласного *u* в *o* в какой то мере способствовал иноязычный, скорее всего иранский, субстрат.

Сравнительное изучение репрезентаций пратюркского **u* в современном карачаево-балкарском языке показывает:

1) пратюркские долгий **ū* и краткий *u* совпали уже в позднепратюркскую эпоху и в современном карачаево-балкарском языке практически отражаются одинаково;

2) гласный *u* первого слога в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах в основном сохраняется в неизменном виде;

3) единичные случаи соответствия общетюркскому узкому губному гласному заднего ряда *u* широкого губного гласного заднего ряда *o* носят, скорее всего, общетюркский характер и не являются собственно карачаево-балкарскими инновациями.

Пратюркский **ū*

В пратюркском языке был представлен узкий лабиальный гласный переднего ряда **ū*, который не имел каких-либо позиционных ограничений.

Праязыковой *ū* в основном диалекте карачаево-балкарского языка во всех позициях в слове сохраняется практически без изменений. В малкарском говоре отмечается относительно небольшая редукция гласного (*ū*) и относительно слабое озаднение его в определенных фонетических позициях, т.е. исходный *ū* переходит в несколько задний ряд и отражается как губной гласный *ū*, занимающий среднее между *ū* и *u* положение. В отличие от чистого *ū*, гласный *ū* малкарского (цокающего) диалекта характеризуется более задней, приближенной к и артикуляцией, ср:

ПТ **üz-* “рвать”, “отрывать”, “разрывать”; “разрыв”, “отрыв”: дт. *ъz-* “рвать”, “отрывать”, “вырывать”, “прерывать” (ДТС, 629), пол. *üz-* “рвать”, “отрывать” (Гр., 271), алт. *üz-//üs-* “отрывать” (АРС, 443), каз. *üz-* “порвать”, “прерывать”, “обрывать”, “оторвать” (АТК, 295), кк. *üz-* “отрывать” (ККРС, 613), кум. *üz-*, ног. *üz-*, кар. tk. *üz* “отламывать”, “отрывать”, “вырывать” (КРПС, 528) ~ кб. *üz-*, малк. *üz* “рвать”, “вырывать”, “отрывать”;

ПТ **üč* “три”: дт. *üč* “три”, пол. *üč* (Гр., 268), алт. *üč* (АРС, 766), каз. *üš*, ног. *üš*, кк. *üš*, кар. *üč//üs*, чув. *viž* ~ кб. *üč* “, малк. *üs* “три”;

ПТ **üst* (ЩФ, 198) “верх”, “поверхность”: дт. *üza* “вверху”, “сверху” (ДТС, 629), пол. *üs* (Гр., 271), алт. *üst* “верх”, “поверхность” (АРС, 679), каз. *üz* “верх”, “поверхность” (АТК, 295), кар. k. *üst* “верх”, “верхняя часть”, “поверхность” (КРПС, 591) ~ кб. *üs*, малк. *üs* “верх”, “поверхность”;

ПТ **ürk-* “бояться”, “пугаться” (ЩФ, 198): дт. *ürk-* “пугаться”, “страшиться” (ДТС, 626), алт. *ürk-* “пугаться” (АРС, 615), каз. *ürk-* “пугаться”, “бояться” (ОКС, II, 216), кум. *ürk-* “пугаться”, кк. *ürk-* “пугаться”, “пугать” (ККГС, 825), кар. k. *ürk-* “пугаться”, “пугливо”, “отскакивать”, “взрагивать” (КРПС, 690), чув. *əɾəx-* кб. *ürk-*, малк. *ürk-* “пугаться”, “вздрогнуть”, “отскакивать”;

ПТ **ül-* “выделять”, “отделять”, “доля”, “часть”: дт. *yla-* “делить”, “доля”, “часть”, “распределять”, “разделить” (ДТС, 624), пол. *ül-* “делить”, “разделять”, “доля” (Гр., 269-270), алт. *ülü* “доля” (АРС, 142), каз. *ül* “часть”, “доля” (АТК, 295), ног. *ül-* “часть”, “доля”, кк. *ül-* “доля”, “часть”, “разделить”, кум. *ül* “доля”, кар. t. *ül-* “часть”, “доля”, “надел” (КРПС, 589), чув. *valə* ~ кб. *ül(-üš)*, малк. *ül-* “доля”, “часть”, “надел”, “делить”, “разделить”, “распределять”;

ПТ **tür* “степь”, “равнина”, “поле”, гомогенно **tüz-* “равнять”, “ровный”: дт. *tüz* “ровный”, “плоский” (ДТС, 602), алт. *tüs* “равнина” (АРС, 620), каз. *tüz* “равнина”, “поле”, “степь” (АТК, 289), кар. k. *tüs* “прямой”, “гладкий”, “ровный” (КРПС, 552), кб. *tüz//tüz*, малк. *tüz* “степь”, “равнина”, “поле”, “прямой”, “гладкий”, “ровный”;

ПТ **tür* “дно”, “основание”: дт. *tür* “дно”, “основание”, “низ”, “подножие”, “корень”, “основа” (ДТС, 598), пол. *tübl//tür* “основа”, “низ”, “подножие” (Гр., 259), алт. *tür* “дно”, каз. *tür* “дно”, “днище”, “нижняя часть”, “низ”, “основа” (АТК, 290), кк. *tür* “дно” (ККРС, 193), кум. *tür*, ног. *tür*, кар. k. *tür* “основание”, “почва”, “дно”, “низ” (КРПС, 554), чув. *tər* ~ кб. *tür*, малк. *tür* “дно”, “основание”, “низ”, “подножие”, “корень”, “основа”;

ПТ **tür* “вид”, “внешняя сторона”, каз. *tür* “вид”, “облик”, “форма”, “внешность” (АТК, 290), кар. k. *tür* “наружность”, “вид”,

“лицо”, “изображение”, “портрет” (КРПС, 554), кум. *tür* “вид”, “форма”, “внешняя сторона” чув. *ek* ~ кб. *tür//tür*, малк. *tür* “форма”, “внешность”, “облик”, “вид”;

ПТ **tüs* “масть”, “цвет”, “окраска”, каз. *tüs* “цвет”, “масть”, “окраска”, “оттенок”, “цвет лица”, “вид”, “облик” (АТК, 290), кар.к. *tüs* “цвет”, “окраска” (КРПС, 554), ног. *tüs* “цвет”, “масть”, кум. *tüs* “цвет”, “окраска”, чув. *ey* ~ кб. *tüs//tüs*, малк. *tüs* “масть”, “окраска”, “цвет”;

ПТ **tüş* “сходить”, “слезать”, “падать”: дт. *tüş*- “падать на землю”, “валиться на землю”, “ниспадать” (ДТС, 600), пол. *tüş*- “сходить”, “слезать”, “падать” (Гр., 260), кк. *tüş*- “сходить”, “слезать”, ног. *tüş*- “слезать”, “падать”, кум. *tüş*- “падать”, “сходить”, “слезать”, кар.к. *tüş*- “падать”, “упасть”, “сходить” (КРПС, 555), кб. *tüş*-, малк. *tüş*- “падать”, “слезать”, “сходить”, “приземлиться”, “ниспадать”;

ПТ **tük* “волос”, “шерсть”, “пух”, “перья”: дт. *tüg* “волосы”, “шерсть” (ДТС, 595), пол. *tük* “волосы”, “шерсть” (Гр., 258), алт. *tük* “шерсть”, каз. *tük* “шерсть”, “волосной покров” (АТК, 290), кк. *tük* “шерсть”, “волос”, ног. *tük* “волос”, “шерсть”, кум. *tük* “волос”, чув. *tək* ~ кб. *tük*, малк. *tük* “шерсть”, “волос”;

ПТ **küt*- “беречь”, “наблюдать”, “присматривать”, “стеречь”, “ухаживать”: дт. *küt*- “пасти”, “ожидать” (ДТС, 330), пол. *küt*- “пасти” (Гр., 160), алт. *küt*- “пасти”, каз. *küt*- “ждать”, “поджидать”, “ожидать”, “заботиться”, “присматривать за кем-л.”, “оберегать”, “охранять” (АТК, 233), кар.к. *küt*- “беречь”, “оберегать”, “сохранять”, “пасти” (КРПС, 354), чув. *kät*- ~ кб. *küt*, малк. *küt*- “пасти”.

Некоторые исследователи отмечают, что относительное озаднение праязыкового *й* и его перенос в среднюю между *й* и *и* позицию имеет позиционную обусловленность и наблюдается главным образом в соседстве со смычными *к, г, ɣ*; аналогичное явление наблюдается и в близкородственном караимском языке (Мусаев 1964: 48-49, Аппаев 1960; Акбаев 1963: 25.)

Следует заметить, что такое ограничение (после *к, г*), новейшими исследованиями отвергнуты. Полемизируя с утверждениями В.И.Филоненко, А.М.Аппаева, В.П.Сухотина о нарушении сингармонизма в словах *көппе, көрүф* в малкарском диалекте (Материалы 1962), Ж.М. Гузеев отмечает, что никакого нарушения законов в сингармонизма нет, т.к. “малкарец не скажет *körif*, а скажет *körüp*, то есть вместо литературного *о* он обычно произносит гласный, средний между *о* и *ö*, а вместо *й* - гласный, средний между *й* и *и*”. Далее он совершенно справедливо указывает, что реализация литературных *ö, й*, со-

ответствующих этимологическим **ō* и **ū*, в виде *ó*, и в малкарском диалекте не имеет ограничений (Гузев 1974:).

Таким образом, по своей артикуляции и по месту образования малкарские *ó*, *ū* соответствуют типологическим дистинктивным признакам кыпчакских языков: татарского, казахского, каракалпакского, кумыкского языков.

В единичных словах современного карачаево-балкарского языка наблюдается нетривиальное соответствие переднрядного узкого губного *ū* заднерядному *u*, ср.: ПТ **ük*-. **üg*- "молотѹ", "крошитѹ", "измельчать" ~ кб. *uw*- "мять", "разминать", "тереть", "крошить", "рушить".

Такое нетривиальное фонетическое соответствие требует специального этимологического и хронотопологического анализа сопоставляемых слов. Собранный фактический материал показывает довольно широкий спектр фонетических вариантов начального гласного в анализируемом слове; по крайней мере можно реконструировать четыре архетипа, отличающиеся по качеству первого гласного: **oγ*-, **uγ*-, **ög*-, **üg*-.

Такой широкий разброс фонетических вариантов несколько настораживает и требует углубленного исследования каждого из архетипов в этимологическом аспекте с обязательным привлечением ареально-географических и хронологических данных, что здесь и принимается.

1) **oγ*-. туркм. *ow*-, тур., аз. *oγ*-, кт. *oγ*-, тур. *o*- (<*ow*- < **oγ*-), чаг., хак., с.-юг. *ūγ*- (< **oγ*-), гаг. *ū*- (< **ow*- < **oγ*-) "растирать", "крошить", "мять", "размельчать", "месить";

2) **ūγ*-. тув. *ū*- (в составе *ūl*- < **ūγ*-*ūl*- "ломаться", "дробиться"), саг., койб., кач. *ū*- (< **ūγ*-), тур. *ūγ*-, кум., кб., кар.т. *ūw*-, башк. *uw*-, тат. *ū*- (< **ūw*- < **ūγ*-); тур. д. *ūγ*- (в составе *ūγ*-*at*- "раздроблять", "измельчать");

3) **ög*-. вост.-тюрк. *ög*-, тур. диал. *ōγ*-, туркм. *ōwe*-, тур. диал. *ōye*-;

4) **üg*-. кк. *ügi*-, дт. *ügi*-; саг. *ū*-; кир., каз., кк., уйг. (хотан.) *ük*-, тат. диал. *ük*- (в составе *üg*-*il*- "крошиться"); узб. диал. *uq*- (в составе *uq*-*ala*- "крошиться"); ср. также производные формы: тур. диал. *ügüt*-, дт. *ügiüt*- (Каšg., 709); туркм. *ūwüt*-, тур.д. *ūγüt*-, аз. *ūjüt*-, гаг. *ūt*-, тур. *ojüt*-, *ovüt*- "размалывать"; тур. диал. *ügün*-, аз. *ūjün*-, узб. д. *ūwün*- "размалываться", "крошиться".

В чувашском представлена заднерядная форма *äw*- "мять, тереть"; *ū*- (в составе *äna*- "катать хлебы" < **äw*-*äna*-), ср. также: *van*- "ломаться" (< *äw*-*an*-), *γat*- "ломать" (< *äw*-*at*-), а также *jäwan*- "валиться" (< *jäw*-*an*-) и т.п. Однако чувашские формы малопоказательны, хотя

форма *vak* “мелкий” (< **âv-a-k*) скорее всего указывает на переднерядный широкий губной гласный в праформе, т.е. **ög-*. Вместе с тем в чувашском *uqala-* “тереть” (< **ov-qala-*) прослеживается заднерядный гласный праформы.

Таким образом напрашивается вывод, что уже в пратюркских диалектах существовало междиалектное соответствие заднерядного (**oɣ-*) и переднерядного (**ög-*) вариантов корня.

Варианты с широкими гласными **o* и **ö* в основе, очевидно, следует признать наиболее архаичными, т.к. сужение инициального широкого губного перед последующим билабиальным щелевым сонорным, развившимся из **ɣ* и **g*, является широко распространенным в тюркских языках процессом.

Анализ межтюркских лексических соответствий показывает также, что уже на позднепратюркском хронологическом уровне существовали междиалектные варианты, отличавшиеся друг от друга противопоставлением по ряду.

Следовательно, следует признать, что в пратюркском бытовали формы **oɣ-* и **ög-*, которые потом соответственно трансформировались в древнетюркском в формы с узкими гласными **uɣ-* и **üg-*. В отличие от ряда других тюркских языков, карачаево-балкарский удержал форму с заднерядным гласным, характерную для огузской группы языков.

Пратюркский **ı̄*

Опираясь на свидетельства туркменского, якутского, чувашского и, отчасти, других тюркских языков, для пратюркского состояния исследователи восстанавливают долгий узкий переднерядный губной гласный **ı̄*. Этот долгий **ı̄* уже на позднепратюркском этапе начал терять свою количественную характеристику и постепенно совпал с соответствующим гласным *ı̇* нормальной длительности. Количественная оппозиция гласных сохранялась частично лишь в периферийных языках огузского типа.

В истории собственно карачаево-балкарского языка противопоставление гласных по количественному признаку не отмечено, поэтому исторически долгий **ı̄* в современном карачаево-балкарском языке отражается совершенно идентично с нормальным гласным *ı̇*. В основном диалекте карачаево-балкарского языка исторически долгому **ı̄* соответствует *ı̇* нормальной длительности, который в малкарском диалекте принимает несколько более заднюю огласовку и реализуется как губной гласный среднего ряда *ı̄*, занимающий среднее между *ı̇* и *ı* положение, ср.:

ПТ **üz-* “рвать”, “разрывать” (ЩФ, 198): дт. *üz-* “рвать”, “отрывать”, “вырывать” (ДТС, 629), пол. *üz-* “рвать”, “отделять”, “отрывать”, каз. *üz-* “порвать”, “прервать”, “обрывать”, “оторвать” (АТК, 295), алт. *üz-* “порвать” (АРС, 542), кк. *üz-* “порвать”, “прервать” (ККРС, 733), кум. *üz-*, ног. *üz-*, кар. *tk.üz-* “отламывать”, “отрывать”, “вырывать” (КРПС, 588) ~ кб. *üz-*, малк. *üz-* “рвать”, “отрывать”, “вырывать”;

ПТ **küz* “осень”: дт. *küz* “осень” (ДТС, 331), пол. *küz* “осень” (Гр., 160), алт. *küs* “осень” (ПРС, 419), каз. *küz* “осень”, “осенняя пора” (АТК, 230), ног. *küz* “осень”, кум. *küz* “осень”, кар.к. *küz* “осень”, чув. *kär* ~ кб. *küz*, малк. *küz* “осень”.

ПТ **ür-* “лаять”: дт. *ür-* “лаять” (ДТС, 626), пол. *ür-* “лаять” (Гр., 270), алт. *ür-* “лаять” (АРС, 273), каз. *ür-* “лаять” (ОКС, I, 376), кк. *ür-* “лаять”, ног. *ür-* “лаять”, кум. *ür-* “лаять”, чув. *vər-*~, кб. *ür-*, малк. *ür-* “лаять”;

ПТ **küč* “сила”: дт. *küč* “сила” (ДТС, 323), пол. *küč* “сила” (Гр., 157), алт. *küč* “сила” (АРС, 690), каз. *küš* “сила”, ног. *küš*, кк. *küš*, кар. *küč/üküč*, чув. *käslä* ~ кб. *küč*, малк. *küč* “сила” и др.

Обобщая рассмотренный фактический материал, можно привести следующие выводы:

1) пратюркские долгий **ü* и краткий *ü* совпали в позднепратюркский период в одном гласном нормальной длительности *ü* и в современном карачаево-балкарском языке дали практически идентичные рефлексy;

2) узкий губной гласный переднего ряда *ü* в карачаево-балкарском языке практически сохранился без изменений, а в малкарском диалекте несколько продвинулся в задний ряд и отражается в виде *ü*;

3) случаи нетривиального соответствия *ü* ~ *u* единичны и имели место уже в диалектах пратюркского языка, поэтому не могут быть квалифицированы как специфическая особенность собственно карачаево-балкарского языка.

ГЛАВА III.

Реперезентация прататюркского консонантизма
в современном карачаево-балкарском языке

В основу описания исторического развития пратюркских согласных в карачаево-балкарском языке положена классификация их по месту образования. Близкие по месту образования согласные в тюркских языках, как правило, претерпевали аналогичные исторические и позиционно-комбинаторные изменения. В историческом развитии языка обычно отмечается историческое чередование близких по месту образования согласных и их полная или частичная взаимозаменяемость. Такое положение вещей не только оправдывает, но скорее требует совместного рассмотрения истории близких по месту образования согласных и часто раскрывает причины имевших место исторических фонетических чередований, изменений или трансформаций.

Исходя из этого, совместно разбираются отдельно губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные и увулярные. При этом в основу такой классификации полагается не современная система консонантизма карачаево-балкарского языка, а состав согласных звуков общетюркского праязыка, поскольку представляется гораздо более логичным и удобным вести исследование эволюции согласных звуков, исходя из уже восстановленных пратюркских звуков.

Состав согласных фонем карачаево-балкарского языка

В современном карачаево-балкарском языке различаются 25 согласных фонем: *p, b, t, d, k, g, s, z, č, ž, š, ž, j, w, q, ɣ, r, l, m, n, ŋ, x, v, f* и *c*. В некоторых работах, посвященных фонетике и фонологии карачаево-балкарского языка, встречаются указания на наличие мягких согласных *l', n', č', k', g'*, но фонематического значения они не несут, а выступают палатализованными лишь в силу действия закона палатального сингармонизма (подробнее см. Будаев, 1968, 87-88).

Согласные карачаево-балкарского языка классифицируются по трем физиолого-акустическим характеристикам:

- 1) по месту образования шума;
- 2) по способу образования шума и
- 3) по участию голоса и шума.

По месту образования шума, т.е. по артикуляции активных органов звукообразования - губ и языка, согласные подразделяются на губные (= лабиальные) и язычные (= лингвальные).

В свою очередь губные согласные подразделяются на губно-губные (= билабиальные), которые образуются смыканием губ: *p, b, m, w*; и губно-зубные (= лабиодентальные), которые образуются смыканием нижней губы к верхним зубам: *v, f*.

Язычные согласные также подразделяются на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные. Среди переднеязычных (или корональных) различаются зубные (= дентальные): *t, d, c, s, z, n, l*, которые образуются смыканием или сближением кончика и передней части спинки языка с верхними зубами; и небно-зубные (= палатодентальные): *ɕ, ʝ, ʑ, ʒ, r*, при образовании которых язык загнут вверх и назад, образуя преграду в области альвеол. Среднеязычные (или дорсальные) *k, g, j* образуются движением средней части спинки языка к средней части верхнего неба. Заднеязычные (или постдорсальные) *q, ɣ, ɟ, x* образуются движением задней части языка к задней части неба.

По способу образования шума согласные подразделяются на щелевые, смычные, смычно-щелевые, смычно-проходные и дрожащие.

ЩЕЛЕВЫЕ (или фрикативные, спиранты) согласные *s, z, ʃ, ʒ, j, x, ɣ, v, w, f* образуются в результате сближения активных и пассивных органов образования звуков.

СМЫЧНЫЕ (или затворные) согласные *p, b, t, d, k, g, q* образуются при полном смыкании органов произношения.

СМЫЧНО-ЩЕЛЕВЫЕ (или аффрикаты) образуются в результате скользящей артикуляции, когда смычка органов звукообразования переходит в щель.

СМЫЧНО-ПРОХОДНЫЕ согласные образуются при полном смыкании или затворе органов произношения, когда часть воздуха проходит через полость носа и образуются носовые (= назальные) *m, n, ɲ*, или же через полость рта и образуются ротовые (= оральные) или боковые (= латеральные) *l*.

ДРОЖАЩИЕ (ВИБРАНТЫ) -*r*- образуются, когда поднятый к альвеолам и слегка загнутый кончик языка при прохождении выдыхаемого воздуха дрожит, последовательно размыкаясь и смыкаясь.

Смычные и смычно-щелевые согласные произносятся мгновенно. Щелевые, смычно-проходные и дрожащие произносятся более протяжно.

По участию голоса и шума согласные подразделяются на глухие, которые образуются без участия голоса - *p, t, k, q, č, c, s, š, x, f*; звонкие, которые образуются при незначительном участии голоса - *b, d, g, ž, ž, z, ɣ*; сонорные, которые образуются при помощи голоса и незначительного шума: *r, l, m, n, ŋ, j, v, w*.

Описание согласных фонем.

1. Смычные.

1.1. Фонема *p* - губно-губной глухой смычный согласный.

В современном карачаево-балкарском языке встречается во всех позициях в слове: в анлауте - главным образом только в составе заимствованной (ср. *pil* "слон" ← перс.; *pajda* "выгода" ← перс.; *paɣur* "бедный" ← араб.; *papros* "папироса" ← рус.; *parta* "парта" ← рус.), имитативной (ср. *para-čara at-* "разорвать в клочья", *puf* — подр. звуку, возникающему при вспышке) и экспрессивной (ср. *rox* "плохой", "мерзкий" < **boq*) лексики; в инлауте и ауслауте - также в составе исконных слов, причем в непосредственном соседстве со всеми гласными, а также с согласными *p, m, l, s, n, r, d, č, x*, ср.:

torpe "макушка", *appa* "дед", "дедушка", *bappaɣan* "одуванчик"; *sampal* "курок", *gampik* "кривобокий", *žamraq* "наклонный"; *qaplan* "тигр", *čaplek* "вид лепешки"; *tepse-* "танцевать", *apsin* "жена деверя", *žapsar-* "успокаивать"; *torpi* (вин.п.) "мяч"; *teršek* "блюдец", "тарелочка", *žeršoqa* "назв. игры"; *čapraq* "лист", *papros* "папироса"; *qaptal* "чекмень", *qupty* "ножницы", *šaptal* "абрикос"; *qarɣan* "капкан", *žarɣaq* "лопатка", *qarɣaq* "косогор", *arču-* "понести урон", *korček* "подушка седла", *torča* "как пушка" и т.п.

В позиции перед согласными глухой *p* встречается главным образом только в составе иноязычных заимствований.

1.2. Фонема *b* - губно-губной звонкий смычный согласный.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *b* употребляется в анлаутной и инлаутной позициях как в составе исконных, так и заимствованных слов. В абсолютном конце слова фонема *b* запрещена, в иноязычных заимствованиях звонкий билабиальный смычный реализуется в глухом варианте, ср.: *tor* "мяч" ← перс. *tob*, *klup* "клуб" ← рус. *klub* и т.д., но в интервокальном положении при прибавлении аффиксов, начинающихся с гласных звуков, переходит в звонкий *b* (*tor + um* → *tobum* "мой мяч").

Фонема *b* в определенных случаях под влиянием аккомодации в анлаутной и инлаутной позициях может переходить в глухую пару *p*, ср.: *puṣaq* “нож” < **būṣaq*; *putaq* “ветка” < **butaq* и др.

Фонема *b* употребляется в непосредственном соседстве со всеми гласными, а из согласных - после *w*, *v*, *m*, *t*, *s*, *z*, *n*, *l*, *č*, *š*, *r*, *k*, *g*, *ŋ*, *j* только в личном окончании 1 л.мн.ч.

sawbuz “мы живы”,
adambyz “мы люди”,
Petrovbuz “мы Петровы”,
qartbyz “мы старые”,
azbyz “нас мало”,
ajitxanbyz “мы сказали”,
xalalbyz “мы добрые”,
dosbuz “мы друзья”,
ačbyz “мы голодные”.

В непосредственном соседстве перед согласными фонема *b* в исконных словах не употребляется.

1.3. Фонема *t* - переднеязычный дентальный глухой смычный согласный.

В современном карачаево-балкарском языке употребляется во всех позициях в слове без ограничений: в анлауте (*tamaq* “горло”, *tok* “лить”, *tunč* “смирный”); инлауте (*ata* “отец”, *batuq* “вмятина”, *žatažaq* “лежебока”) и ауслауте (*at* “лошадь”, *koget* “плод”, *qart* “старик”). Фонема *t* встречается в непосредственном соседстве со всеми гласными, причем в интервокальной позиции не переходит в соответствующую звонкую пару *d*. Может стоять непосредственно перед согласными *m*, *d*, *t*, *s*, *n*, *l*, *č*, *x* главным образом на стыке корня и аффиксов, ср.:

atma “не бросай”, *žatma* “навес”, *žetmiš* “семьдесят”, *ketmen* “тляпка”,

atdan “с лошади”, *atdaš* “тезка”, *batdyr* “топить”, *bytdyr* “пуще”,
qayytsyz “без бумаги”, *betsin* “стесняться”, *etsiz* “постный”,
atnu (вин.п.) “лошадь”, *pitna* “интрига”,
sayatla “часы” (мн.ч.), *betle* “спрягать”, *žatlama* “пологий”, *atlam* “шаг”,

sayatča “как часы”, *žitča* “мясо”, *qytčas* “петля”, *mytču* “влажный”,

qayyту (дат.п.) “на бумагу”, *žitxana* “больница”, *mutxuz* “тусклый” и т.п.

В позиции после согласных фонема *t* может встречаться непосредственно за звуками *t*, *s*, *n*, *l*, *r*, *j*, *q*, *p*, *s*, *x*, *č*, *š*:

atta “дед”, *güttü* “лепешка”, *žittaj* “хануга”, *qyttaj* “петух”;

basta “каша”, *žastyq* “подушка”, *qysta-* “выгонять”;
anı “клятва”, *gyntdy* “каприз”, *žantaqqaı* “косой”, *keptin* “в обход”;
balta “топор”, *altyn* “золото”, *altu* “шесть”, *žiltin* “искра”, *öltür-*
 “убивать”;
qart “старик”, *bürtük* “зерно”, *gyrt* “кусок”, *girtči* “сырой”;
ajt- “говорить”, *quıtyq* “кривой”, *quıtху* “борона”;
aqtıjaq “белоногий”, *žıqtıjmez* “недотрога”;
aptıjek “начальное религиозное учебное пособие”, *qaptal*
 “чекмень”;
asta “неужели”, *bystyr* “тряпка”, *qystu* “растрескавшийся”, *qast*
 “цель”;
axtiger “балаган”, *axtijar* “кошма”, *axtyn-* “вздыхать”, *maxta-*
 “хвалить”;
ašteper “жадный”;
ašteper, *aštırхан* “обжора”, *bušto* “тюря”, *buштуq* “тряпка”, *kištik*
 “кошка” и т.п.

1.4. Фонема *d*- переднеязычный зубной звонкий смычный согласный

В современном карачаево-балкарском языке фонема *d* встречается в любой позиции в составе слова, однако в анлауте употребляется главным образом в составе заимствованной иноязычной лексики (ср. *darman* “лекарство” ← перс.; *dunija* “мир”, “вселенная” ← араб.) и ауслауте (ср. *zavod* “завод” ← рус.).

Чаще всего фонема *d* встречается на стыке основы и аффиксальной морфемы в начале аффикса, ср.: *oram-da*, *al-dan* “из села”, *bar-dym* “я пошел”, *keldi* “он пришел” и т.д.

Непосредственно сочетается со всеми гласными без ограничений, встречается в непосредственном соседстве перед согласными *d*, *s*, *n*, *m*, *l*, *ç* на стыке основ и аффиксальных морфем.

Фонема *d* может выступать непосредственно после согласных *j*, *l*, *n*, *s*, *t*, *w*, *x*:

ajda- “гнать”, *ajdaš* “дужка”, *ajdaš* “норов”, *žajda* “летом”;
alda “вперед”, *aldawuq* “обман”, *aldyr* “льстец”, *žaldat* “палач”;
andyz “девясил”, *gonda* “дылда”, *žandawur* “помощь”, *žandet*
 “рай”;
asdyr- “велеть повесить котел”, *basdyryq* “заплата”, *bysdyr-*
 “всовывать”;
atdaš “тезка”, *atdyryw* “взрыв”, *žatdyr-* “положить спать”, *žetdir-*
 “доносить”;
awdur- “валить”, *žawdur-* “вызывать дождь”, *qawdan* “сухая тра-
 ва”;

axdugar “балаган”.

1.5. Фонема *k*- среднеязычный смычный глухой согласный.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *k* употребляется без позиционных ограничений в начале, в середине и в конце слова: *kak* “мамалыга”, *kekel* “чуб”, *kolak* “рубашка”; *okül* “защитник”, *kukuk* “кукушка”, *uki* “сова”; *kyrдыk* “травa”, *kindik* “пупок” и т.п.

Сочетается практически со всеми гласными, но в исконных словах употребляется главным образом с современными и историческими гласными переднего ряда.

Фонема *k* находится в непосредственном соседстве с ограниченным количеством согласных и встречается перед *b, m, t, d, s, n, l, č, g, k*:

karakbiz “мы нужны”;

čalakmi “ведро ли”;

ijnakdan “от коровы”;

akt “акт”;

kuraksiz “без грабарки”;

kolakni (вин.п.) “рубашку”;

tarakla (мн.ч.) “деревья”;

končakča “как брюки”;

čalakgä “в ведро”,

gokka “цветок”...

После согласных звуков фонема *k* встречается очень редко и употребляется непосредственно после *p, w, n, r, k, s, č, l*

tapka “полка”; *täpkir* “молитва”;

čawka “галка”;

sasky “комар”, *äski* “старость”;

terk “быстро”, *ärka* “баловень”, *ärkak* “самец”;

äčki “коза”; *üčkül* “треугольник”;

ülkü “куст”, *ilkär* “Плеяды”, *ilkič* “жердь”;

akkyl-täkkil at- “сомневаться”;

tänkä “столбняк”.

1.6. Фонема *g*- среднеязычный звонкий смычной согласный

В современном карачаево-балкарском языке данная фонема употребляется без позиционных ограничений - в начале (*gabaš* “чувяк”, *geten* “лен”, *göländir* “петрушка”), в середине (*bägäzin* “свинья”, *bölgüč* “запятая”, *žägil-* “запрягаться”, *žügen* “узда”, *nägä* “почему”) и редко в конце слов (*miting* “митинг”).

Однако в абсолютном конце исконных тюркских слов фонема *g* в современном карачаево-балкарском запрещена и вследствие этого

подвергается оглушению, хотя при наращивании аффикса, начинающегося с гласного звука, оказавшись в интервокальном положении, ауслаутный *k* озвончается и реализуется как *g*, ср. *kōlāk* “рубашка” - но: *kōlāg-i* (3 л.) “его рубашка”.

Фонема *g* сочетается со всеми гласными, но в исконных словах главным образом с переднерядными. Данная фонема может сочетаться непосредственно с предстоящими согласными *w, m, v, t, s, z, l, ċ, š, r, k, j* главным образом на стыке основы и аффиксальной морфемы и в зависимости от характера предшествующего гласного реализуется в звонком или глухом вариантах. Фонема *g* непосредственно перед согласными в исконных словах не встречается.

1.7. Фонема *q*- глубокозаднеязычный глухой смычный согласный

В современном карачаево-балкарском языке фонема *q* встречается во всех позициях заднерядных слов без ограничения - в абсолютном начале слова (*qara* “черный”, *qorqaq* “трусливый”, *qaqla-* “вялить”, *qalqan* “пит”), в середине слова (*biqu* “пыль”, *žaqla-* “защищать”, *naqyrda* “шутка”, *oqa* “мишура”, “канитель”) и в абсолютном конце слова (*bulaq* “родник”, *oq* “пуля”, *saq* “осторожный”, *aq* “белый”).

Данная фонема употребляется только в словах с гласными заднего ряда, она может выступать непосредственно перед согласными *b, m, s, n, l, ċ, ɣ* главным образом на стыке корня и аффиксов, ср.: *xalqbyz* “мы - народ”, *qonaqtu* “гость ли”, *qylyqsyz* “недисциплинированный”, *tabaqtu* (вин.п.) “тарелку”, *qulaqla* (мн.ч.) “уши”; *čapraqča* “как лист”, *uzaqqa* (дат.п.) “вдаль”.

Данная фонема может употребляться в постконсонантной позиции только после сонорных *l, r, ɣ* и *j*, ср:

xalq “народ”, *alqyn* “пока”, *balqawuz* “вошина”;
qorq- “бояться”; *arqa* “спина”, *arqan* “веревка”;
čajqa- “взбалтывать”; *bajquš* “домосед”;
manqa “сап, ринит”; *žanqoz* “подснежник”;
žanqylyč “радуга” и т.п.

2. Щелевые

2.1. Фонема *s*- смычный переднеязычный щелевой глухой согласный

В современном карачаево-балкарском языке фонема *s* встречается в любой позиции слова - в анлауте (*sāgiz* “восемь”, *sāmiz* “жирный”, *sapyn* “мыло”), в инлауте (*aslam* “больше”, *aslan* “лев”, *basma* “печать”, *basym* “давление”) и в ауслауте (*bas-* “давить”, *kes-* “резать”, *us* “нрав”, *as-* “вешать”).

В конце аффиксальных морфем фонема *s* не встречается.

Данная фонема сочетается со всеми гласными, встречается в непосредственном соседстве с последующими согласными *b, m, t, d, s, n, l, ĉ, k, x*:

basma “печать”; *asmaq* “виселица”;
qysta- “выгонять”;
qysdy “прижал”; *asdyr-* “заставить, повесить”;
bassa “если наступит”; *assa* “возглас при танцах”;
tasny “у потерянного”, *aslan* “лев”; *asly* “настоящий”;
sasky “комар”; *askār* “войско”,
asxaq “хромой”; *qysxa* “короткий” и т.п.

В позиции после согласных фонема *s* может сочетаться с любыми согласными за исключением только *b, ĉ, ʒ, ʒ̣* и *ɣ*. Непосредственное соседство данной фонемы с другими согласными имеет главным образом место на стыке основы и аффиксальных морфем.

2.2. Фонема *z* - переднеязычный целевой звонкий согласный. При произношении данного звука кончик языка упирается в нижние зубы и струя воздуха, проходя через узкую щель, образованную передней частью языка и твердым небом, создает резкий свистящий шум.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *z* встречается во всех позициях - в абсолютном начале слова (*zaman* “время”, *zat* “вещь”, *zaja* “испорченный”), в середине слова (*qazyq* “кол”, *ʒazyq* “несчастный”, *qyzyl* “красный”) и в абсолютном конце основ (*az* “мало”, *qyz* “девушка”, *qalmaz* “не остается”), однако в праязыке в анлаутной позиции фонема *z* была запрещена, не встречается она и в начале аффиксальных морфем.

Фонема *z* сочетается со всеми гласными. Она может стоять в непосредственном соседстве с согласными *b, m, d, s, p, l, ĉ, ɣ*, ср.: *azbyz* “нас мало”; *tazmy* “тазик ли”; *tazdan* “из таза”; *qazsyz* “без гуся”, *qyzla* “девушки”, *qyzʒyq* “девочка”, *qozɣa-* “копаться” и т.д.

2.3. Фонема *ʒ* - переднеязычный целевой глухой согласный. При произношении этого звука кончик языка поднимается и заворачивается немного назад, образуя щель с альвеолами и началом зубной части неба. При этом одновременно поднимается к мягкому небу и задняя часть спинки языка, поэтому его называют двухфокусным.

Фонема *ʒ* в современном карачаево-балкарском языке встречается во всех позициях слова без всяких особых ограничений: в анлауте (*ʒiʒ* “вертел”, *ʒym* “тишина”, *ʒyqart* “костер”), в инлауте (*baʒlyq* “башлык”, *ʒyʒa* “бутылка”, *qaʒxa* “плешь”) и в ауслауте (*baʒ* “голова”,

taš “камень”, *üliš* “доля”) и т.д. Она сочетается как с гласными заднего, так и переднего ряда.

Описываемая фонема сочетается и с рядом согласных и может стоять непосредственно перед согласными *m, d, s, n, l, ċ, x*, ср.: *bašmaq* “башмак”, *bašda* “выше”, *ašsyž* “без пищи” *tašny* “камня”, *qyšlyq* “зимовье”, *žašcyq* “мальчик”, *bašxa* “другой, иной” и т.д. Однако в постпозиции фонема *š* может сочетаться только с согласными *n, r* и *x* *xonšu* “сосед”, *qaršu* “против”, *žaхšu* “хорошо”. Обычно фонема *š* сочетается с согласными на морфемных стыках.

2.4. Фонема *ž* - щелевой переднеязычный звонкий согласный. По способу артикуляции и активному произносительному органу приближается к *š*. Различие между *ž* и *š* заключается лишь в том, что первый из них звонкий, а второй - глухой.

Фонема *ž* встречается только в составе иноязычных заимствований и не характерна для карачаево-балкарского языка, поэтому малоупотребительна. В живой речи данная фонема, как правило, реализуется как переднеязычная смычнопроходная звонкая аффриката *ž*.

Как фонема, вошедшая в карачаево-балкарский язык в составе заимствований, звук *ž* встречается в ограниченном числе слов, но практически во всех позициях слова: в анлауте (*žurnal* - “журнал”, *žuri* “жюри”, *žilka* “пачка махówki”) в инлауте *abažur* “абажур”, *ažiw* “припев”, и в ауслауте *adažž* “вести на поводу” и др.

2.5. Фонема *x* - заднеязычный щелевой глухой согласный, он образуется при трении выдыхаемого воздуха о щель, образованную поднятием задней спинки языка к мягкому небу. В заимствованиях из арабского и кабардинского языков представлены вариации данной фонемы *h* и *x'*, но они фонематического значения не имеют.

Фонема *x* в современном карачаево-балкарском языке встречается во всех позициях слова без ограничений: в анлауте (*xajyr* “польза”, *xotux* “ленивый”, *xuner* “дар”), в инлауте (*xurxur* “бас”, *asxaq* “хромой”, *ašxu* “хороший”) и в ауслауте (*gerox* “револьвер”, *nartux* “кукуруза”, *patčax* “царь”). Сочетается как с гласными заднего, так и переднего ряда. Встречается непосредственно перед согласными *m, d, s, n, l, ċ, x, s* (ср.: *Axmat* “Ахмат”, *palaxsyž* “без беды”, *čarxdan* “от колеса”, *nartūxnü* “кукурузу”, *xotuxla* “ленивые”, *patčaxča* “по-царски”, *aхšu* “хорошо”), а также в постпозиции рядом с *p, v, f, d, t, s, ċ, š* (ср.: *kitarxa* “книге”, *Čečenovxa* “Чеченову”, *telgrafxax* “в телеграф”, *zavodxa* “в завод”, *artxa* “назад”, *basxa* “грабли”, *qašxa* “лысый”).

Фонема *x* чаще всего сочетается с другими согласными на стыке основы и аффикса.

2.6. Фонема γ - щелевой заднерядный звонкий согласный, образуется путем взрыва преграды, создаваемой полным смыканием задней части спинки языка и задней части мягкого неба; при этом голосовые связки напрягаются и начинают колебаться.

Фонема γ в современном карачаево-балкарском языке встречается главным образом только в середине слова, в анлауте и ауслауте она встречается очень редко. В абсолютном начале слова фонема γ отмечается только в составе некоторых специфических звукоподражательных слов (в основном перед гласным y), ср.: *yyzt* - подражание звуку, получающемуся при откусывании чего-либо; *yyzyda* - "скрежетать"; *yyrt* - подражание звуку, возникающему при хлопанье дверью; *yyrylda* - "скрипеть, тарыхтеть". В конце слова фонема γ реализуется в глухом варианте q ; но озвончается при присоединении аффиксов, начинающихся с гласного звука, ср.: *baɣalyq* "дороговизна", но *baɣalyɣu* "его ценность"; *tawuq* "курица", но *tawuɣu* "его курица"; *qulaq* "ухо", но *qulaɣu* "его ухо" и т.д.

Фонема γ в современном карачаево-балкарском языке употребляется только в составе заднерядных слов, причем она запрещена в позиции непосредственно перед последующими согласными. В постпозиции фонема γ может стоять непосредственно после согласных z, j, q, l, r, m, n, w , ср.: *tazɣa* "в таз"; *aɣa* "за месяц", *qulaɣa* "в уши", *ɕaɣu* "коса", *qarɣa* "ворона", *adamɣa* "человеку", *tawɣa* "к горе" и т.д.

2.7. Фонема f - щелевой губной глухой согласный. При образовании данной фонемы нижняя губа сближается с верхними зубами, образуя щель. Воздушная струя проходит через щель с силой и не сопровождается голосом.

Для карачаево-балкарского языка фонема f является новой и встречается только в составе заимствованных слов без особых позиционных ограничений, ср.: *fajda* "польза", *fajɣambar* "пророк", *faqyr* "бедный", *kofe* "кофе", *telegraf* "телеграф", *tif* "тиф" и т.д.

В живой речи карачаевцев и балкарцев старшего поколения фонема f относится к числу малоупотребительных и чаще заменяется на p , ср. *panar* "фонарь", *perma* "ферма", *pajda* "польза", *pajɣambar* "пророк" и т.д.

В постпозиции непосредственно за предыдущими согласными фонема f в современном карачаево-балкарском языке не встречается. На стыке основы и аффиксальных морфем непосредственно после f могут встречаться согласные $d, l, m, n, s, ɕ, x$; ср.: *tifdān* "от тифа", *telegrafla* "телеграфы", *telegraftu* "телеграф ли", *telegraftan* "из телеграфа", *telegraftsyz* и т.д.

Фонема *ʃ* сочетается практически со всеми гласными без ограничений.

2.8. Фонема *ʋ* - щелевой губной звонкий согласный. При произношении звука *ʋ* нижняя губа сближается с верхними зубами и образует щель, воздушная струя, проходя через эту щель, образует шум, сопровождающийся голосом.

Для карачаево-балкарского языка фонема *ʋ* является относительно новой и встречается в речи не часто. Она встречается главным образом в составе заимствований из русского языка. Позиционных ограничений в использовании фонемы *ʋ* в карачаево-балкарском литературном языке не наблюдается (ср.: *vagon* “вагон”, *vaza* “ваза”, *varvar* “варвар”, *čuvašča* “по-чувашский”, *Žappujev* “Жаппуев” и т.д.).

В живой речи карачаевцев и балкарцев старшего поколения фонема *ʋ* обычно реализуется как билабиальный звонкий *b*, ср. *bagon* “вагон”, *zabod* “завод”, *barbar* “варвар” и т.п.

Фонема *ʋ* сочетается с ограниченным числом гласных и в карачаево-балкарском не отмечены сочетания данной фонемы с гласными *o*, *u*, *ü*. Это обусловлено, как уже отмечалось, заимствованным характером фонемы *ʋ*.

Фонема *ʋ* может стоять непосредственно перед согласными *d*, *l*, *m*, *n*, *s*, *ʃ*, *x* на стыке корневой и аффиксальной морфемы.

В позиции непосредственно после согласных фонема *ʋ* в современном карачаево-балкарском языке не отмечена.

3. Аффрикаты

3.1. Фонема *č* - переднеязычная глухая аффриката. При произношении этой фонемы самая передняя часть спинки языка смыкается с верхними зубами и при последующем переходе этого смыкания в щель, воздушная струя проходит через эту щель спокойно, голосовые связки не напряжены и не колеблются. Звук *č* содержит элементы *t* и *ʃ*, которые произносятся слитно, единым артикуляционным усилием.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *č* встречается во всех позициях и сочетается со всеми гласными.

В разговорной речи карачаевцев-балкарцев фонема *č* в положении непосредственно перед последующим переднеязычным согласным трансформируется в щелевой *ʃ*, ср.: *čašdy* < **čačdy* “разбросал”, *kōšdu* < **kōčdu* “перекочевал”, *āgāščigim* < **āgāččyigim* “моя сестренка”, *čašly* < **čačly* “волосатый” и т.д. Следовательно, фонема *č* в карачаево-балкарском исключена перед переднеязычными, а также после согласных *b*, *c*, *ʒ*, *ɣ*, *g*, *č*. Она возможна в непосредственном соседстве перед следующими согласными: *b*, *d*, *l*, *m*, *p*, *s*, *x*; ср.: *tynčbyz* “мы спокойны”,

qylyčdan “от сабли”, *qyzyňçlyq* “жадность”, *kāčmāz* “не переселится”, *ačsa* “если откроет”, *qačxunčy* “беглец” и др.

3.2. Фонема *ž* - переднеязычная смычно-проходная звонкая аффриката. Артикуляция *ž* идентична артикуляции глухой аффрикаты *č*, но отличается от последней тем, что полоса касания языка при произношении *ž* уже, чем при произношении глухой аффрикаты *č*. Надо еще отметить, что аффрикаты *ž* и *č* отличаются друг от друга соответственно по звонкости и глухости.

В современном карачаево-балкарском языке звонкая аффриката *ž* возможна только в начале и в середине слов, в ауслаутной позиции она запрещена. В анлауте и инлауте фонема *ž* может комбинироваться со всеми гласными, ср.: *žaya* “берег”, *žeti* “семь”, *žon* “диафрагма”, *žip* “аркан”, *žol* “дорога”, *žyl* “год”, *ž irt* “родина”, *žün* “шерсть”; *ažal* “смерть”, *qizir* “странный”, *žuzum* “веревка”, *žüžek* “цыпленок”, *ginži* “кукла” и т.д.

Фонема *ž* в карачаево-балкарском языке в непосредственном содействии перед согласными не встречается, в постпозиции возможны сочетания только с *l* и *n*, ср.: *žalžar* “сарай”, *alža-* “сбиваться”, *bolžal* “срок”, *ginži* “хрусталик”, *žanžal* “мелочь”, *qanžal* “жесть” и т.д.

В диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается междиалектное чередование *ž ~ ž̇ ~ z* (см. ниже).

3.3. Фонема *s* - переднеязычная зубная глухая аффриката. Фонема *s* образуется путем смыкания самой передней части спинки языка с верхними зубами и при последующем переходе образовавшейся смычки в щель. Воздушная струя при произношении данной фонемы спокойно проходит через образовавшуюся щель, голосовые связки не напрягаются и не колеблются. Звук *s* содержит артикуляционные особенности фонем *t* и *s*, однако при произношении этого звука специфические характеристики *t* и *s* сливаются воедино и выступают как одна цельная артикуляторная единица.

В современном карачаево-балкарском литературном языке фонема *s* является новоприобретением и встречается только в составе заимствованных из русского языка слов. В живой речи карачаевцев и балкарцев, особенно в устах старшего поколения, фонема *s* часто трансформируется в *č* (*čirk* < *cirk* “цирк”) или *s* (*sement* < *cement* “цемент”).

В цокающем диалекте карачаево-балкарского языка звук *s* выступает и в исконных словах и замещает звук *č* литературного языка (*суфсуq* < *čурčур* “птичка”, “воробей”; *bicen* < *bičen* “сено”, *calju* < *čalju* “коса”; *cydamly* < *čydamly* “терпеливый” и др.).

Звук с чокающего диалекта не противопоставляется звуку *ç* литературного языка и поэтому квалифицируется как вариант фонемы *ç* литературного языка.

4. Сонорные

4.1. Носовые

4.1.1. Фонема *m* - губной смычнопроходной носовой согласный.

При произношении звука *m* нижняя губа движется к верхней и смыкается с ней, голосовая щель сужается, голосовые связки натягиваются. Часть воздуха при этом быстро размыкает затвор и создает слабый шум, а другая часть воздуха проходит через носовую полость. Колесование голосовых связок при произношении данной фонемы создает определенный музыкальный тон.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *m* встречается во всех позициях в слове без каких бы то ни было фонетических и морфологических ограничений, ср.: в анлауте (*muju* “мозг”, *mal* “скот”, *mijüz* “рог”), в инлауте (*kama* “корабль”, *xurmet* “уважение”, *xotix* “ленивый” и в ауслауте (*adam* “человек”, *xatam* “баня”, *kim* “кто”).

Фонема *m* сочетается со всеми гласными без исключения. Нет особых ограничений и в комбинаторике фонемы *m* с другими согласными.

В праязыке фонема *m* в анлаутной позиции практически не употреблялась.

4.1.2. Фонема *n* - переднеязычный смычнопроходной согласный.

При произношении звука *n* затвор, образованный передней частью спинки языка и верхними зубами, размыкается силой выдыхаемого воздуха, образуя слабый шум. При этом часть воздушной струи, попадая в полость носа, придает ей носовую окраску.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *n* употребляется без ограничений во всех положениях в слове, в анлауте (*nazik* “тонкий”, *naqut* “бриллиант”, *nege* “почему”), в инлауте (*ana* “мать”, *ant* “клятва”, *kende* “вдали”) и в ауслауте (*boran* “пурга”, *gurgun* “ящерица”, *žan* “душа”). Она может сочетаться со всеми гласными без исключения.

Фонема *n* в непосредственном соседстве встречается после всех согласных за исключением *ž*, *ž*, *č* и *r* главным образом не стыке основы и аффикса. В позиции перед согласными фонема *n* может стоять только рядом с последующими *b*, *d*, *l*, *m*, *n*, *s*, *ç*, ср.: *alyanbyz* “мы взяли”, *aŋtaxandy* “он сказал”, *senlaj* “такой, как ты”, *ynna* “бабушка”, *unsuz* “без муки”, *quzuŋač* “жадный” и др.

В зависимости от фонетического окружения количественная характеристика фонемы может колебаться в пределах от нормальной длительности до полного выпадения.

4.1.3. Фонема *ŋ* - заднеязычный смычнопроходной носовой согласный. При произношении звука *ŋ* задняя часть спинки языка полностью смыкается с задней частью неба, и струя воздуха из гортани проходит в носовую полость. По своим артикуляторным характеристикам фонема *ŋ* наиболее близко походит к фонеме *ɣ* и нередко в истории тюркских языков оба этих звука ведут себя во многих отношениях идентично.

В начале слов фонема *ŋ* не встречается, но в середине и конце слов употребляется достаточно широко, ср.: *aŋu* "сознание", *diŋiz* "пухлый", *dyŋyrda-* "постукивать", *žaŋur* "дождь"; *taŋ* "равный", *taŋ* "рассвет", *žeŋ* "рукав" и т.п.

Фонема *ŋ* употребляется как с гласными заднего, так и переднего ряда.

В позиции перед согласными *ŋ* сочетается с *b, m, p, n, l, s, č, ɣ*; ср., *tāŋbiz* "мы ровесники", *taŋmu* "значительно ли", *taŋda* "на рассвете", *tāŋsiz* "без ровесника", *tāgli* "столько же", *ataŋča* "как твой отец". Обычно фонема *ŋ* сочетается с согласными на стыке основы и аффиксальной морфемы. В позиции после согласных может сочетаться только с фонемой *n* и *ɣ*, ср.: *kālinŋa* "снохе", *taŋŋa* "к утру" и т.д.

4.2. Боковые

4.2.1. Фонема *l* - переднеязычный смычнопроходной сонорный согласный. При произношении этого звука задняя часть спинки языка и его кончик поднимаются вверх, образуя специфическую ложкообразную форму. Выдыхаемый воздух проходит по бокам языка и создает слабый шум, сопровождаемый голосом.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *l* встречается в любой позиции в слове, как в корневых, так и в аффиксальных морфемах без особых ограничений, ср.: *laŋum* "способ", *lākin* "однако", *lišon* "лишенец", *lapča* "плоский"; *aŋa* "вперед", *aldaw* "обман", *altyn* "золото", *bal* "мед", *böl-* "делить", *saŋal* "борода" и т.д.

В праязыке фонема *l* в абсолютном начале слов не употреблялась. В современном карачаево-балкарском языке в анлаутной позиции фонема *l* встречается в основном в составе заимствованной лексики.

Фонема *l* встречается в непосредственном соседстве со всеми гласными. Не встречается звук *l* после *č, ž, ȝ, ɣ*, ибо эти звуки в конце карачаево-балкарских слов запрещены. В препозиции фонема *l* спо-

собна сочетаться с широким спектром согласных: *b, γ, d, ž, q, l, m, n, p, s, t, č*, при том, как в составе корней, так и на морфемном стыке.

Фонема *l* в современном карачаево-балкарском языке иногда выпадает, ср. *bosun < bolsun* “пусть будет”.

4.3. Дрожащие

4.3.1. Фонема *r* - переднеязычный дрожащий сонорный согласный. Она образуется путем последовательного смыкания и размыкания щели между передней частью языка и средним небом.

В современном карачаево-балкарском языке фонема *r*, как и в праязыке, в ауслатной позиции в составе исконных слов не употребляется. В абсолютном начале слова она встречается только в составе небольшого числа поздних иноязычных заимствованных слов, ср.: *razy* “довольный”, *raxat* “спокойный”, *raxun* “калека”, *rejs* “рейс”, *rentgen* “рентген” и т.д.

В середине и конце слова в карачаево-балкарском языке фонема *r* является обычным звуком, ср.: *qara* “черный”, *sary* “желтый”, *burun* “прежде”, *gyzmar* “мелочный”, *žar* “овраг”, *žur* “серна”, *iñir* “вечер” и т.д.

Фонема *r* сочетается практически со всеми гласными, а также в препозиции встречается в непосредственном соседстве с большинством согласных. В постпозиции фонема *r* сочетается только с согласными *b, j, p, t*, причем главным образом в составе заимствованных слов, ср.: *pravitelstvo* “правительство”, *traktor* “трактор”, *brigadir* “бригадир”, *bajraq* “знамя”, *qajry* “куда” и т.д.

В современном карачаево-балкарском языке отмечаются случаи позиционного выпадения *r*, хотя в интервокальной позиции эта фонема довольно устойчива.

4.4. Щелевые

4.4.1. Фонема *w* - губной щелевой сонорный. При произношении этого звука губы округляются и немного вытягиваются вперед, образуя круглую щель, через которую плавно, без особого шума проходит струя воздуха.

В анлаутной позиции фонема *w* в современном карачаево-балкарском языке представлена только в составе служебного слова *wa*, употребляемого в качестве союза “а”, но только после слов с конечным гласным. Употребление данной формы объясняется стремлением языка устранить запретное стечение гласных вставкой согласного *w*. Следовательно, в строго фонематическом плане здесь следует говорить об интервокальном *w*, чем об анлаутном.

Фонема *w* достаточно широко представлена в середине и в конце исконных карачаево-балкарских слов, ср.: *awur* “тяжелый”, *awul* “село”, *tawuq* “курица”, *qiw* “труп”, *siw* “вода”, *taw* “гора” и т.д.

Фонема *w* оказывает ассимиляторное огубление на смежные и узкие негубные гласные как в препозиции, так и в постпозиции. Поэтому орфографические *ы* и *и* в современном карачаево-балкарском языке рядом с *w* произносятся соответственно как губные *и* и *й*, ср. орфогр. *Барыу* - орфоэп. *baruw* “хождение”, орфогр. *айтыуу* - орфоэп. *aġtuwu* “его высказывание”; орфогр. *беруу* - орфоэп. *bariūw* “давание”.

В абсолютном конце слова фонема *w* после гласных *и* и *й* подвергается сильной редукции, поэтому некоторые исследователи в таких случаях говорят о наличии долгих гласных, ср. *siw* > *sū* “вода”; *biw* > *bī* “олень” и т.д.

Фонема *w* способна сочетаться со всеми гласными карачаево-балкарского языка за исключением *о*, который рядом с *w* переходит в узкий гласный *и*.

Фонема *w* в непосредственном соседстве с предыдущим согласным не встречается. На стыке основы и аффикса после согласного *w* могут выступать следующие согласные: *b, g, v, d, l, m, n, s, č*, ср.: *sawbuz* “мы живы-здоровы”, *tawda* “на горе”, *aġtuwça* “высказыванию”, *kijāwga* “зятю”, *tawlu* “горец”, *tawmu* “гора ли”, *buzowču* “телятник” и т.д.

4.4.2. Фонема *j* - среднязычный щелевой сонорный согласный. При произношении звука *j* средняя часть спинки языка поднимается высоко к твердому небу, но не касается его, оставляя узкую щель, а кончик языка упирается в нижние зубы. Выдыхаемый воздух проходит через эту узкую щель и образует шум, сопровождаемый голосом.

Фонема *j* в современном карачаево-балкарском языке встречается только в инлауте и ауслауте; в абсолютном начале исконных слов звук *j*- не употребляется, ср.: *aġtuw* “предание”, *aġur* “стыд”, *kijim* “одежда”, *aġ* “месяц”, *bij* “князь”, *qoj* “овца” и др.

Звук *j* сочетается со всеми гласными, за исключением губного *о*.

В постпозиции непосредственно после согласных фонема *j* в карачаево-балкарском запрещена.

В препозиции фонема *j* сочетается с большинством согласных как в составе основ, так и на стыке морфем, ср.: *aġt* - “говорить”, *aġxaj* “конечно”, *aġdas* “норов”, *aġjur* “жеребец”, *aġmysa* “пусть”, *aġbat* “симпатичный”, *aġlan* - “ходить”, *aġnu* - “поправляться”, *bajču* “дух, приносящий счастье”, *bajsa* “дармояд”, *bajraq* “флаг”, *bijča* “княгиня”, *ġajraq* “отлогий” и т.д.

Система консонантизма пратюркского языка

Фонологические оппозиции согласных в пратюркском языке, как и в современных языках, группируются по следующим основным дифференциальным признакам: по основному и дополнительному активному органу, по участию голоса или силе артикуляционного напряжения и, наконец, по способу образования.

По основному активному органу согласные тюркских языков подразделяются на губные, губно-зубные, переднеязычные, заднеязычные, увулярные и фарингальные.

Типично тюркскими губными согласными являются *p, b, m*, они восходят к праязыковому состоянию. Другие губные, а также губно-зубные согласные *v, f*, встречающиеся в современных и, отчасти, древних тюркских языках, появились или в результате исторического развития других звуков, или вследствие заимствования в составе иноязычной лексики.

Характерными для тюркских языков переднеязычными согласными являются *s, z, t, d, l, r, n, c̣, ʃ, ṣ* и др., из которых исходными являются *s, z, t, d, l, r, n, c̣* и *ṣ*.

В тюркских языках среднеязычных согласных немного: *j, ɟ*, из них только *j* проецируется на праязыковую плоскость, а *ɟ*, очевидно, имеет комбинаторную природу (< *nj).

Группа заднеязычных состоит из *q, ɣ, k, g, x, ŋ*, которые, за исключением *x*, были представлены еще в пратюркском языке.

Представленный в некоторых современных тюркских языках и диалектах фарингальный *h* является явно вторичным и в раннедревнетюркскую эпоху не существовал вообще.

Дополнительным активным органом является мягкое небо, которое, преграждая в опущенном состоянии поток воздуха через ротовую полость, придает звукам особый тембр. Таким образом получают носовые или назальные согласные *m, n, ŋ, ɲ*. Носовые *m* и *n* являются древнейшими согласными, имевшими место уже в раннепратюркском, согласные *ŋ* и *ɲ* скорее всего развились в особых комбинаторных условиях соответственно из сочетаний *ng* и *nj, jn*.

Тюркские согласные дифференцируются также по признаку смычности/щелинности. Смычными являются согласные *p, b, t, d, m, n, ŋ, k, g, q* и др., а щелевыми - *s, z, ʃ, l, r, j, x, v, f* и др. Согласные *c̣* и *ʃ* относятся к смычно-щелевым, или аффрикатам. Для пратюркского состояния реконструируется только глухая аффриката *c̣*.

Таким образом, для пратюркского состояния реконструируется следующий состав согласных фонем:

- ПТ **p* - глухой губной смычный;
 ПТ **b* - звонкий губной смычный;
 ПТ **m* - плавный губной смычный сонорный;
 ПТ **t* - глухой переднеязычный смычный;
 ПТ **d* - звонкий переднеязычный смычный;
 ПТ **s* - глухой переднеязычный свистящий щелевой;
 ПТ **z* - звонкий переднеязычный свистящий щелевой;
 ПТ **ʃ* - глухой переднеязычный шипящий щелевой;
 ПТ **ç* - глухая переднеязычная аффриката;
 ПТ **l* - боковой переднеязычный сонорный;
 ПТ **r* - дрожащий переднеязычный сонорный;
 ПТ **n* - плавный переднеязычный сонорный;
 ПТ **j* - звонкий среднеязычный щелевой;
 ПТ **q* - глухой заднеязычный веларный смычный;
 ПТ **ɣ* - звонкий заднеязычный веларный щелевой;
 ПТ **k* - глухой заднеязычный смычный;
 ПТ **g* - звонкий заднеязычный смычный;
 ПТ **ŋ* - плавный заднеязычный смычно-щелевой сонорный.

Смычные согласные и спиранты

Пратюркский **p*

Для пратюркского состояния всеми исследователями однозначно реконструируется губно-губной смычный глухой согласный **p*. Однако уже в старых тюркских языках наблюдается ограниченный характер его употребления в анлаутной позиции. В большинстве современных тюркских языках в анлауте исконных тюркских слов употребляется главным образом звонкий губной смычной согласный *b*-. Сравнительно-исторический анализ, проведенный с привлечением широкого круга тюркских, а также других алтайских языков, позволяет исследователям восстановить для раннепратюркского состояния анлаутный глухой **p*-. Одним из доказательств того, что в анлауте тюркского праязыка были возможными только глухие согласные, является первоначальное полное отсутствие сонантов в анлауте исконно тюркских слов, а сонанты, как известно, ведут себя в языке как звонкие согласные.

Уже на позднем этапе праязыкового состояния шел интенсивный процесс озвончения анлаутного глухого губного смычного **p* в звонкий. Тенденция к озвончению анлаутных согласных наблюдается в самых разнообразных и разнотипных языках. Звонкие согласные развивались во всех тюркских языках, чему в немалой мере способ-

ствовали перемещение ударения с первого на последующие слоги, сопровождаемое явлением внешнего сандхи.

Пратюркский анлаутный *p-

В исторический тюркологии в последнее время окрепло и утвердилось мнение о том, что в раннепратюркском в анлаутной позиции был представлен глухой губно-губной смычный *p-. Однако же в позднепратюркский период начался интенсивный процесс озвончения и в большинстве древних и современных тюркских языков на месте анлаутного глухого *p- выступает звонкий вариант b-. Анлаутный глухой *p- озвончился довольно рано, соответственно звонкий b-, по крайней мере, появился раньше других звонких смычных.

Пратюркский анлаутный *p- > кб. b-

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах пратюркскому анлаутному глухому *p- регулярно соответствует губной звонкий смычный b-, ср.:

ПТ *pas- “наступать”, “становиться”: дт. bas- “наступать”, пол. bas- “наступать”, “давить”, каз. bas- “наступать”, “становиться”, кк. bas- “наступать”, “становиться”, кум. bas- “наступать”, ног. bas- “наступать”, “становиться” ~ кб. bas- “наступать”, “становиться”;

ПТ *bās “пять” (< **pāl): дт. beš “пять”, пол. beš “пять”, каз. bes “пять”, кк. bes “пять”, ног. bes “пять”, кум. beš “пять”, тур. beş “пять” ~ кб. beš “пять”;

ПТ *baš “голова” (< **pal’a): дт. baš “голова”, пол. baš “голова”, каз. bas “голова”, ног. bas “голова”, кк. bas “голова”, кир. baš “голова” ~ кб. baš “голова”; и т.п.

В диалектах карачаево-балкарского языка исконно тюркских слов с начальным праязыковым *p- насчитываются единицы. По материалам последнего словаря карачаево-балкарского языка нам удалось обнаружить единственное слово, которое сохранило праязыковой *p-. Ср.: *poql/*boq “испражнения”, “кал”, “экскременты”, “навоз”, “помет” дт. boq “экскременты” (ДТС, 112), пол. boq (Гр., 74), каз. boq, ног. boq, кк. boq, кум. boq, тат. biq, башк. biq, алт. boq, кир. boq, кар. h.k. boq “кал” ~ кб. pox (КБРС, 518).

В этом же словаре зафиксировано несколько звукоподражательных слов с начальным p-: *pyrs* подр. - о треске чего-л., *pyrx* подр. - о взрыве смеха, *pyrx-čyrx* подр. - о хихиканье, *pyc* подр. шипению, *pyx* - детск. “бобо”, *pyšt* - возглас, которым отгоняют теленка. В остальных случаях все слова с начальным p-, включенные в словарь карачаево-

балкарского языка являются заимствованиями из русского, арабского и персидского языков.

Русские заимствования: *павильон, падеж, пакт, помет, палата, палатка, партия, палуба, помещик, пан, панамка, панель, па-нер* (<фанера), *панкурт* (<банкрот), *папрос* (<папироса), *парафин, партия, пароход, парта, партизан, партер* и т.д. Арабо-персидские заимствования: *radšax*, “царь”; *пайда* “выгода”, “прибыль”, “польза”; *палах* “беда”, “несчастье”) *палау* “плов”; *паранджа* “паранджа”; *патар* “квартира”; *патауа* “доказательство, довод, подтверждение”; *патиха* “фатиха” (первая сура Корана); *пахму* “талант”; *пес* “Головной убор служителя мусульманского культа” и т.

Пратюркский анлаутный *р- > *b-> кб. т-

В ряде слов современного карачаево-балкарского языка пратюркскому глухому губному смычному *р соответствует носовой губной смычно-проходной сонорный т-; ср.:

ПТ **bašaq* “колос” (< **pašaq*): дт. *bašaq* (ДТС, 87), кт. *bašaq*, кар. *bašaq*, башк. *bašaq*, тат. *bašaq*, каз. *masaq*, кир. *mašaq*, узб. *mošoq*, тур. *bašsaq* ~ кб. *mašaq* “колосья, оставшиеся на поле”;

ПТ **baqta*- “хвалить” (< ***paqta*-): кк. *maqtaw*- (РККС, 1075), каз. *maqtaw*- (РКС 432), кум. *maqta*- (РКС, 1087), тат. *maqta*- ~ кб. *maxta* “хвалить”;

ПТ **baqa* “лягушка” (< ***paqa*): дт. *baqa* (ДТС, 82), кт. *baqa*, кар.к. *baqa*, алт. *baqa*, каз. *baqa*, кк. *baqa*, ног. *baqa*, тат.д. *maja* ~ кб. *maqa* “лягушка”;

ПТ **baγū* “вечный” (< ***paγū*): др.в. *beγū* (ДТС, 94), пол. *meγi* (Гр., 164), хак. *mōgā*, алт. *mōgū*, кт. *beγū*, алт. *mūgū* ~ кб. *miγi*;

ПТ **bin* “тысяча” (< ***pin*, ***piγ*): дт. *bin* (ДТС, 101), пол. *bin*, каз. *тул*, кк. *тул*, кум. *miγ* (РКС, 1035), кар. *miγ*, *bin* (КРПС, 407) ~ кб. *miγ* “тысяча”.

ПТ **biz* “шило” (***piž*), турк. *biz*, узб. *bijz*, каз. *bir*, с.-юг. *pyz*, тув. *bis*, кир. *miz*, алт. *mis* ~ кб. *miz* ~ *biz*.

Переход *b>t не является особенностью какого-либо из диалектов карачаево-балкарского языка (Акбаев 1963: 95).

Назализация анлаутного b- (< *р-) в карачаево-балкарском языке носит позиционно-комбинаторный характер и имеет место главным образом в словах с последующими назальными п, γ, т.

Историческое развитие пратюркского *р- через звонкий смычный b- в назальный сонант т- sporadически наблюдается во всех тюркских языках (Серебренников, Гаджиева 1986: 43-44, Рясянен 1955,

147; Щербак 1970; СИГТЯ 1984, 183-184) и обычно интерпретируется как результат ассимиляции под влиянием последующего носового, ср.:

ПТ **riŋ* "печаль", "грусть", "забота" (ЩФ, 196): уйг. *tiŋ* "забота" ~ кб. *tiŋ*;

ПТ **riŋ* "тысяча" (ЩФ, 196): уйг. *miŋ* ~ кб. *miŋ* "тысяча";

ПТ **riŋ*- "садиться верхом" (ЩФ, 195): уйг. *miŋ*-, *tiŋ*- "подниматься, взбираться" ~ кб. *miŋ*- "влезать", "забираться", "подниматься" и др.

Аналогичное развитие **b-* > *m-* наблюдается, однако, и перед другими сонорными, в частности, перед *j*, *r*, *l*, а также *z*, ср.: кб. *bijik* ~ *mijik* "высоко", *biz* ~ *miz* "шило", *balta* ~ *malta* "топор";

ПТ **pāz* "железа" ~ туркм. *māδ* "железа";

ПТ **buzaru* ~ уйг. *mozaj* "теленки";

ПТ **byjuq*: ног. *tujuq* "усы" ~ кб. *tujuq* "усы";

ПТ **balçuq* ~ хак. *malçax* "грязь" и т.д.

В данных примерах назализацию анлаутного **b-* (***p-* > **b-* > *m-*) нельзя объяснить ассимилятивным воздействием последующих носовых согласных, но, тем не менее, нельзя исключить определенную ассимиляторную роль сонорных согласных и звонкого щелевого *z*, которому, кстати, в чувашском регулярно соответствует дрожащий сонорный *r* (закон ротацизма).

Назализация начального *b-* в карачаево-балкарском языке, очевидно, имеет достаточно глубокую историю и не носит разовый характер.

Пратюркский инлаутный **-p-*

Глухой губной смычный **-p-* в инлаутной позиции был обычным согласным в пратюркском языке и мог встречаться как в интервокале, так и в положении перед и после смежных согласных. Рефлексы пратюркского инлаутного **-p-* в редких случаях сохраняются, но пратюркский **-p-* в карачаево-балкарском главным образом развивается в звонкий губной сычный *-b-*.

Пратюркский инлаутный **-p-* > кб. *-b-*

В современном карачаево-балкарском языке пратюркскому **-p-* в интервокальном положении, как правило, соответствует звонкий *-b-*, ср.:

ПТ **qariq* "кора" ~ кб. *qabiq* "кора", "кожица";

ПТ **tapar* "подошва", "основа", "низ" ~ кб. *tabar*;

ПТ **tōpa* "холм" ~ кб. *tōbe* "холм";

ПТ **kārān* “стог”, “копна”, “куча соломы или сена” ~ кб. *geben* “копна”, “стог сена”;

ПТ **toruq* “колени”, “лодыжка” ~ кб. *tobiq* “колени”;

ПТ **kōrük* “пена” ~ кб. *kōmük* < *kōbük* “пена”;

ПТ **qaruu* “ворота” ~ кб. *qabaq ešik* “ворота”;

ПТ **qorar-* “поднимать” ~ кб. *qobar-* “поднимать” и т.п.

В положении перед последующими назальными согласными *m*, *n*, *ŋ* интервокальный *-b-*, восходящий к праязыковому **p-*, переходит в губной носовой сонант *-m-*; иногда такое развитие наблюдается и в других позициях, ср.:

ПТ **tuban* “туман”: дт. *tuman* (ДТС, 585), пол. *tuban*, кум. *tuman* (PKC, 1033), кар. *tuman* (КРПС, 546), кк. *duman* (РККС, 1026), каз. *tuman* (ОКС, II, 440) ~ кб. *tuman*;

ПТ **kōrük*/**kōbük* “пена”: дт. *kōrük* (ДТС, 317), каз. *kōbik* (ОКС, II, 50), кк. *kōbik* (РККС, 636), кум. *gōbük* (PKC, 624), алт. *kōbük* (ДАС, 460) ~ кб. *kōmük* “пена”.

Озвончение интервокальных смычных в процессе исторического развития является общетипологическим явлением в тюркских языках. Процесс озвончения интервокального **p-* в карачаево-балкарском языке осуществлялся наиболее последовательно и в современном языке выявляются только единичные примеры на сохранение праязыкового глухого губного смычного **p-* в данной позиции, ср.: ПТ **kōpür* ~ кб. *kōpür* “мост”; но дт. *kōprük* “мост”; ПТ **topur- yaq* ~ кб. *topuraq* “глина, земля” и др.

Сохранение в интервокальной позиции пратюркского **p-* в карачаево-балкарском языке носит спорадический характер и это, очевидно, не случайно. Показательно, что в указанных словах в некоторых тюркских языках выступает на месте *-p-* нетривиальное соответствие *-f-*, ср. балк. *kōfür* “мост”, тур., вост.-тюрк. *tofrak* “земля”, “почва” и т.п., которое наводит на мысль о том, что в праязыке в этих словах был представлен скорее всего аспирированный смычный согласный *-p-*.

В соседстве с предыдущим или последующим глухими смычными согласными пратюркский глухой **p-* не озвончается, а сохраняется в первозданном виде.

Пратюркский ауслатный **p*

В пратюркском языке глухой губной смычный **p* был достаточно широко представлен в абсолютном конце односложных слов, ср. ПТ **ār* “ловкость, умение”: “слаженность, лад” (ЩФ, 194); **qar-* “сосуд”, “мешок”, “сумка”, “оболочка” (ЩФ, 194); **qar-* “хватать”,

“кусать” (ЩФ, 194); **qor*- “подниматься”, “вставать”; “набухать”; “разрываться” (ЩФ, 194); **kār* “шаблон”, “форма”, “оболочка”, “одежда” (ЩФ, 195); **kör* “много” (ЩФ, 195); **ör*- “глотать” (ЩФ, 195); **ör*- “целовать” (ЩФ, 195); **sār*- “сыпать”, “рассеивать” (ЩФ, 196); **jur* “веревка”, “нитка” (ЩФ, 197); **čör* “сор”, “соломинка”, “осадок” (ЩФ, 198) и др. Ауслутный **r* в абсолютном конце слов в большинстве современных тюркских языков сохраняется. Аналогичное явление наблюдается и в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах и говорах.

В ауслутном положении в абсолютном конце слов праязыковой глухой смычный **-r*, как правило, сохраняется, ср.:

ПТ **kār* “форма” ~ кб. *ker* “форма”;

ПТ **tar*- “находить” ~ кб. *tar*- “находить”;

ПТ **sār*- “рассеивать” ~ кб. *sep*- “рассеивать”, “сыпать”;

ПТ **qor*- “вставать”, “поднимать” ~ кб. *qor*- “вставать”;

ПТ **kör*- “распухать” ~ кб. *kör*- “распухать”;

ПТ **kār*- “сохнуть” ~ кб. *ker*- “сохнуть”;

ПТ **tür* “низ”, “основание”, “подошва” ~ кб. *tür* “основание”, “низ” и т.д.

При присоединении последующих аффиксов, начинающихся в согласных звуков, ауслутный праязыковой **-r* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах сохраняется, ср.:

ПТ **qar*- “кусать” ~ кб. *qar* + *dyr*- “заставить кусать”;

ПТ **kör*- “распухать” ~ кб. *kör-dür*- “заставить распухать”;

ПТ **sar*- “рассеивать”, “сыпать” ~ кб. *sep+dir*- “заставить рассейать”;

ПТ **sar* “рукоять”, “ручка чего-либо” ~ кб. *sar* + *la*- “заделать рукоять”;

ПТ **tär*- “шевелиться” ~ кб. *ter+le*- “наступать”;

ПТ **kör* “много” ~ кб. *kör+le*- “множить”;

ПТ **sar* “рукоять”, “ручка” ~ кб. *sar+suz* “без ручки”;

ПТ **kār* “форма” ~ кб. *ker+siz* “безформенный”;

ПТ **kār* “форма” ~ кб. *ker+lik* “предназначенный для изготовления формы”;

ПТ **tor* “шар” ~ кб. *tor+suz* “без мяча” и т.п.

Однако при присоединении последующих аффиксов, начинающихся на гласные звуки, пратюркский ауслутный глухой губной смычный **-r*, как правило, оказываясь в интервокальном положении, ведет себя как интервокальный **-p*-, т.е. озвончается, ср.:

ПТ **qar*- “кусать”, “откусывать” ~ кб. *qar+arğa* > *qabarğa*;

ПТ **sep*- “рассеивать” ~ кб. *seberge*;

ПТ **köp*- “распухать” ~ кб. *köberge*;

ПТ **töp*- “шевелиться” ~ кб. *teberge* и т.п.

Резюмируя приведенные выше суждения об отражении пратюркского губного глухого смычного **p* в современном карачаево-балкарском языке, можно привести следующие выводы:

1) реконструируемый для раннепратюркского состояния губной глухой смычный **p* очень рано начал озвончаться и уже в позднепратюркский период развился в звонкий губной смычный **b* во многих благоприятных положениях в слове;

2) анлаутный пратюркский **p*-, попав в общее русло тенденции к образованию звонкого анлаута, под влиянием внешнего сандхи очень рано начал озвончаться и в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах, за исключением редких случаев, отражается как звонкий губной смычный *b*-;

3) анлаутный вторичный звонкий *b*- (< **p*-) в благоприятных позиционно-комбинаторных условиях - обычно перед последующими назальными сонорными в результате дистантной регрессивной ассимиляции переходит в носовой сонант *m*-;

4) инлаутный пратюркский глухой смычный **p*- в интервокальном положении в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах озвончается и дает рефлекс в виде губного звонкого смычного *-b*-; в благоприятном фонетическом окружении (перед последующими назальными сонорными *m*, *n*, *ŋ*) звонкий *-b*- (**p* > *b*) спорадически может переходить в носовой сонант *m*;

5) пратюркский инлаутный глухой смычный **p*- в инлауте в непосредственном соседстве с предыдущими и последующими согласными оказывается в сильной позиции и сохраняется в низменном виде;

6) в абсолютном конце корневых слов пратюркский глухой смычный **p* в современном карачаево-балкарском сохраняется без изменений; при присоединении аффиксов аусллаутный **p* ведет себя совершенно идентично с инлаутным *-p*;

7) пратюркский анлаутный аффиксальный **p*- в современном карачаево-балкарском дает такие же рефлексы, как и исконный инлаутный **p*-: в интервокальной позиции озвончается; в соседстве с предыдущими и последующим согласными сохраняется; перед последующими носовыми *m*, *n*, *ŋ* назализируется.

Общей закономерностью исторического развития пратюркского глухого **p* в карачаево-балкарском языке является тенденция к озвончению. Случаи сохранения пратюркского **p* и назализации озвончен-

ного *b* (< **p*) являются позиционно обусловленными комбинаторными исключениями из общего правила.

Пратюркский **b*

Для пратюркского состояния многие исследователи допускают существование звонкого губного смычного **b*. В последнее время мнение тюркологов склоняется в сторону констатации глухого анлаута в пратюркском языке. Следовательно, если исходить из постулата о глухом анлауте тюркского праязыка, то звонкий губной смычный **b*- в абсолютном начале слова был невозможен. Представленный в большинстве из известных древних и новых тюркских языков инициальный звонкий губной смычный **b*- представляет результат озвончения раннепратюркского глухого **p*- (**p* > **b*). Процесс озвончения анлаутных смычных согласных начался уже в общетюркском праязыке и наиболее интенсивно происходил на позднепратюркском этапе.

Пратюркский анлаутный **b*-

Представленный в современном карачаево-балкарском языке анлаутный звонкий *b*- является результатом тотального озвончения начального глухого смычного **p*-, происходившего, очевидно, на всем протяжении истории карачаево-балкарского языка.

Как и в большинстве тюркских языков, в современном карачаево-балкарском анлаутный вторичный **b*- довольно устойчив. Ср.:

ПТ **baš* "голова" (< ***pal'č*): дт. *baš* "голова" (ДТС, 86), пол. *baš* "голова", тур. *baş*, каз. *baş* "голова", ног. *bas* "голова", кк. *bas* "голова", кир. *baš*, кт. *baš*, узб. *baš*, уйг. *baš*, тат. *baš*, башк. *baš*, кум. *baš*, алт. *baš*, чув. *pus* "голова" ~ кб. *baš* "голова";

ПТ **bačanaq* "свойк", турк. *bāža*, кг. *bažanaq*, кар. *bažanaq*, тув. *baža*, узб. *ba'ča*°, каз. *baža*, кк. *baža*, алт. *bad'a* ~ кб. *baža* "свойк";

ПТ **balyq* "рыба": дт. *balyq* (ДТС, 80), пол. *balyq* (Гр., 49), аз. *balyq*, тур. *balyq*, кар. *balyq*, уйг. *ba'lik*, гаг. *balyq*, ног. *balyq*, алт. *balyq*, тоф. *balyq*, тув. *balyq*, чув. *pulā* ~ кб. *balyq* "рыба";

ПТ **bār* "наличие ч-л.": дт. *bar* (ДТС, 83), пол. *bar* (Гр., 50), турк. *bār*, тур. *var*, кум. *bar*, кар. *bar*, кк. *bar* ног. *bar*, тат. *bar*, башк. *bar*, алт. *bar*, чув. *pur* ~ кб. *bar* "наличие ч-л.";

ПТ **bāldyz* "свояченица": дт. *baldyz* (ДТС, 80), тат. *baldyz*, ног. *baldyz*, кум. *baldyz*, каз. *baldyz*, кк. *baldyz*, кар. *baldyz* ~ кб. *baldyz* "свояченица" и др.

О рефлексах пратюркского **p* в современном карачаево-балкарском языке более подробно см. выше.

Пратюркский инлаутный *-b-

В пратюркском языке в инлаутной позиции, очевидно, был представлен билабиальный звонкий смычный *-b-, но, оказавшись главным образом в интервокальной слабой позиции, этот звук очень рано начал видоизменяться в зависимости от фонетического окружения.

Инлаутный пратюркский *-b- спорадически сохраняется в памятниках древнетюркской письменности и в современных северо-восточных тюркских языках. В огузских, карлукских и кыпчакских языках пратюркский *-b- не удержался.

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах пратюркский интервокальный губной звонкий смычный *-b- отражается двояко: в заднерядных словах, как правило, пратюркский *-b- трансформируется в билабиальный звонкий щелевой -w- (**abuṣ* > кб. *uwuṣ* "горсть"; **jabaṣ* > кб. *žuwaṣ* "кроткий, смирный"), а в переднерядных развивается в среднеязычный звонкий щелевой -j- (**taba* > *tuja* "верблюд"; **čābir-* > кб. *čūjūr-* "подвернуть"; **kabiz* > кб. *kūjüz* "ковер").

Спорадически возможны и другие нетривиальные репрезентации, но они требуют дополнительной этимологической верификации. Выявленные бесспорные материалы однозначно указывают, что в заднерядных словах интервокальный *-b- > -w-, а в переднерядных - *-b- > -j-, ср. подробнее:

ПТ *(h)*abuṣ* "горсть" (Ras EW, 3); **ab(u)čA* "горсть" (Мудрак, 105): узб. *havuṣ*, *havuṣ*, тур., аз. *aviṣ*, крым. *awuṣ*, туркм. *uvuṣ*, кар. *iwuṣ*, чув. *uvāṣ*, *uvzā*, *uzā* ~ кб. *uwuṣ* "горсть";

ПТ **čābir-* "крутить, вертеть, перевернуть" (Ras EW, 102); **c'ebyr-*/**c'ebur-*/**c'ebir-* "крутить" (Мудрак, 37, 160): уйг. *čābir-*, ср.-тюрк. *čāvūr-*, тур. *čavir-*, крым. *čawir-*, ком. *čāūr-*, кар.т. *čūwür-*, чаг. *čivūr-*, *čāvūr-*, чув. *savār-* ~ кб. *čūjūr-* "подвернуть (что-либо)";

ПТ **jabaṣ* "тихий, смирный" (Ras EW, 175): дт. *jabaṣ*, ср.-тюрк. *jawaṣ*, кач. *jabaṣ*, койб. *jabaṣ*, кыз. *čamaṣ*, хак. *čabaṣ*, тар. *jobaṣ*, узб. *jowaṣ*, ойр. *joboṣ*, шор. *čobaṣ*, койб. *jobaṣ*, чаг., туркм. *juwaṣ*, кир. *žōṣ*, каз. *žubas*, *žuas*, чув. *jāwaṣ* (← тат.) ~ кб. *žuwaṣ* "покорный", "кроткий", "смирный", "тихий";

ПТ **kābi(k)* "как", "подобно" (Ras EW, 244): дт. *kābi(k)*, ср.-тюрк. *kibi*, тур., крым. *gibi*, аз. *gūni*, кар.т. *kibik*, кум. *gimik*, *jimik*, тат. *kōj*, *kōjok*, коман. *bigew* (< **gibev*), чув. *pek*, *kap* "подобно" ~ кб. *kibik* "как", "подобно", "подобный";

ПТ **kabiz* "войлок", "ковер" (Ras EW, 244): дт. *kebiz*, ср.-тюрк. *kāvüz*, ср.-тюрк. *kövüz*, *küvür*, *kiviz* "ковер", "коман. *kövüz*, саг. *kobas*,

алт. *kabis*, тат. *kijiz*, каз. *kiz*, сой. *xevis*, чув. **kavâr* (← рус. ковер) ~ кб. *küjüz* “ковер”;

ПТ **kābuk* “шелуха”, полова” (Ras EW, 245): дт. *kebek*, *kevek* “солома”, “полова”, ср.-тюрк. *kāvük*, огуз. *küvük*, тат. *kibāk*, чув. *kiBek* (← тат.?), ср. чув. *хувăх* ~ кб. *kebek* “шелуха”, “полова”;

ПТ **quba* “светлокрасный” (Ras EW, 295): дт. *quba*, *quva*, тел. шор., сой. *kuba*, хак. *xuba* “бледножелтый”, тат. *kuwa*, ком., кар., алт., тел., саг., кач. *qū*, чув. **xova* (→ мар. *iva*) ~ кб. *quwa* “светлокрасный”;

ПТ **subur-* “веять” (Ras EW, 391): ср.-тюрк., чаг., тур., *savur-*, тел. *sobur-*, алт., тел., шор. *sabyr-*, чаг. *sovur-*, тат. *sawyr-*, *suwyr-*, *sawyr-*, чув. *sāvār-* ~ кб. *suwur-* “провеивать”, “веять”;

ПТ **säbin-/sābün-* “радоваться”: дт. *sābün-*, “радоваться”: уйг. *sābin-*, *sāwin-*, осм. *sevin-*, чув. *savān-* ~ кб. *sūjun-* “радоваться”, “восторгаться”, “умиляться”;

ПТ **tabar* “товар, имущество” (Ras EW, 451): дт. *tabar*, *tavar*, ср.-тюрк. *tavar*, алт. *tabar*, чаг., тур. *tavar*, туркм. *davar*, тар. *tabar*, кум. *tuwar*, кир. *tuwar*, тат. *tyvar* ~ кб. *tuwar* “скот”, “стадо”;

ПТ **tabyš* “звук”, “голос” (Ras EW, 453): дт. *tavuš*, *tavyš*, ср.-тюрк., чаг. *tavuš*, узб. *tavyš*, *taʻvush*, тур., тат., кюэр. *tauš*, туркм. *tovyš*, ног. *tavys*, кар.т. *tuwüş*, кир. *tōš*, *dobuš*, алт. *tabyš*, саг., койб., хак. *tabyš* “звук”, “голос” ~ кб. *tawuš* “звук”, “голос”;

ПТ **tabā* “верблюд” (Ras EW, 468); **t ebe* “верблюд” (Мудрак, 96, 178), уйг., сой. *tābā*, саг. *tebā*, чаг. *tāvā*, дт. *tabā*, *tāvā*, огуз. *tāvā*, *tāvi*, *tivi*, *tevej*, тур., кум. *deve*, коман. *tōvā*, кар. *tāwe*, *tevā*, туркм. *diye*, кум. *tūje*, каз. *tūjō*, тат. *dōjā*, *dōwā*, чув. *tāve* ~ кб. *tūjā*, балк. *tewe* “верблюд”;

ПТ **ubut* “стыд” (Ras EW, 508); **ubtan-* “стыдиться” (Мудрак, 61, 181): дт. *ubut*, *uvut* “стыд”, уйг. *ubat* “стыд”, *uwut*, ср.-тюрк. *uwut*, *uvut* “стыд”, туркм., кар., кум., кир., ног., к.-кал., узб., алт., хак. *ujat*, каз., тат., башк. *ujat*, тув. *ujat*, якут. *sāt*, чув. *vāDan-* “стыдиться” (< **āvāt-an-*) ~ кб. *ujat*, балк. *ujat* “стыд”, “совесть” и др.

Пратюркский ауслautный *-b

Вопросы о наличии в пратюркском ауслaute губного звонкого смычного является дискуссионным. Так, А.М.Щербак на месте **-b*, обнаруживаемом в древних текстах как после долгих, так и после кратких гласных, восстанавливает сонант **-β* (ЩФ, 97). М.Рясянен полагает, что представленный в древнетюркских языковых памятниках и древнейших уйгурских рукописях ауслautный **-b* постепенно превратился в *-v*, но из-за недостатка древнейших источников невозможно во всех случаях точно установить, имела ли современная форма этого звука первоначально **-b* или *-v(-y)*. Поэтому М.Рясянен не

дифференцирует их и рассматривает вместе (Ряс.Мат., 110). Б.А.Серебрянников и Н.З.Гаджиева пишут, что “можно с уверенностью предполагать, что в тюркском праязыке в абсолютном конце слова *b* не встречался” (Серебрянников, Гаджиева 1979: 41). Вместе с тем они отмечают, что в памятниках древнетюркской письменности встречаются слова с конечным *-b* типа *āb* “охота”, *ab* “дом” и т.д., и завершают абзац словами: “Четкую закономерность превращения конечного *b* в *v*, *w*, *j* проследить затруднительно” (Серебрянников, Гаджиева 1979: 41).

Выходит, что в пратюркском ауслаутный **-b* все таки был представлен и он в современных тюркских языках превратился в *v*, *w*, *j*. Реконструируемый А.М.Щербаком губной щелевой сонант **β* в принципе мало чем отличается от губного смычного звонкого *-b*, и скорее всего представляет ослабленный вариант последнего, возникающий в интервокальной позиции. Во всяком случае принципиальной разницы между звуками **-β* и **-b* не наблюдается и, судя по данным ранних памятников, они могли свободно чередоваться. С учетом общей тенденции системы консонантизма тюркских языков к развитию в сторону соноризации и ослабления, считаем вполне уместным для ранне-пратюркского состояния реконструировать ауслаутный звонкий губной смычный **-b*.

Ауслаутный **-b* находился в слабой позиции и, попадая при присоединении аффиксов в инлаутное положение, потерял смычку и превращался в щелевые *v*, *w*, *j*.

В словах с заднерядным гласным пратюркский ауслаутный **-b* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах отражается как губной звонкий щелевой *-w*, ср.:

ПТ **āb* (< **hab*?) “охота” (Ras EW, 1); **āβ* “охота” (ЩФ, 193): дт. *ab*, *av*, уйг. *ab*, *aw*, ср.-тюрк. *av*, туркм. *āv*, коман., каз., тат. *au*, узб., тур., крым., аз. *av*, кум. (*h*)*au*, тур. *hov* “охота”, ср. также монг. *aba* ~ кб. *uw* “охота”;

ПТ **sāb* “слово”, “голос” (Ras EW, 391): дт., уйг. *sab*, ср.-тюрк. *sav*, *sab* “слово”, ср. также: уйг. *sabčy*, *savčy* “посол”, ср.-тюрк. *savčy*, узб. *saučy*, туркм. *sāwčy*, чаг. *saužy* “свахы” ~ кб. *sawčy* “свахы”;

ПТ **sūb* “вода” (Ras EW, 431); **sūβ* “вода” (ЩФ, 196): дт. *sub*, *suv*, уйг. *sub*, *suw*, *suw*, ср.-тюрк. *sub*, туркм. *sūw*, кум., каз. кк. *sū*, чаг., тар., тур., аз. *su* (~ *su-j*), кар.т. *suw*, алт., тел. лб., кюэр. *su*, тат. *sū*, башк. *hуw*, шор., саг., койб. *su*, якут. *u*, чув. *šuv*, *šāv*, *šu* “вода” ~ кб. *suw* “вода” и др.

В словах с переднерядным вокализмом пратюркский ауслautный **b* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах переходит в среднеязычный *j*, ср.:

ПТ **ab* “дом, жилище” (*Ras EW*, 34); **eb* “дом” (Мудрак, 37, 163); **aβ* “дом, жилище” (ЩФ, 193): дт. *ab*, *av*, уйг. *ab*, *aw*, ср.-тюрк. *av*, куман. *ev*, *iv*, *ov*, саг., койб. *eb*, кюэр. *ap*, кыз. *eβ*, *ep*, *jer*, чаг., тур. *aw*, крым. *av*, аз. *ov*, саг. *op*, чаг., тар. *oj*, каз., алт., тел. *uj*, шор., сой. *iv*, бар. *ū*, кум. *ij*, тат., башк. *oj* кар. 1. *jiw*, *iw* кар. t. *jūw*, хак. *ib*; шор. *uy*, *ī* “дом”, “жилище”, “юрта”, чув. *av* (в составе *avlan*- “жениться”) ~ кб. *ij* “дом”, “жилище”;

ПТ **sāb*- “любить” (*Ras EW*, 406-407; Ряс.Мат., 113); **sāβ*- “любить” (ЩФ, 196): **seb*- “любить” (Мудрак, 37, 175): дт. *sāb*-, уйг. *sab*-, *saw*-, *sāf*-, ср.тюрк., чаг., тур. *sav*, крым. *saw*-, чаг., тар., ком. *sōj*-, ком. *sev*-, *sōv*-, каз. *sij*-, узб. *sev*-, *sow*-, *sij*-, туркм., крым., кар. *sōj*-, алт., тел. *sū*-, тат. *sōj*-, миш. *sū(w)*-, якут. *iāj*-, чув. *sāv*- “любить” ~ кб. *sij*- “любить” и др.

Примеров на ауслautный **b* немного, но, тем не менее они позволяют проследить довольно интересную закономерность развития билабиального звонкого смычного **b* в абсолютном конце слова.

Анализ конкретного фактического материала показывает, что пратюркский **b* в карачаево-балкарском языке претерпевал одинаковые изменения как в инлауте, так и в ауслaute. Весьма показательны позиционно обусловленные комбинаторные изменения смежных гласных, связанные с своеобразным историческим развитием праязыкового **b*. В соседстве с билабиальным звонким смычным **b* смежные широкие гласные, во-первых, сужались, во-вторых - лабиализовались, т.е. **a > u*, **ā > ū*. Сужение широких гласных, очевидно, происходило под влиянием звонких щелевых согласных *w* и *j*, развившихся из праязыкового **b*. Известно, что так называемые “полугласные” щелевые из-за своей артикуляционной специфики способны сужать смежные гласные.

Среднеязычный *j*, представленный в карачаево-балкарском на месте праязыкового **b*, безусловно развился из **w* (< **b*) в результате его делабиализации. Однако бытование на месте современного среднеязычного сонанта *j* губно-губного сонанта *w* засвидетельствовано историческим огублением смежных гласных. Таким образом проясняется следующая картина исторического развития пратюркского **b* в карачаево-балкарском языке:

1) **b > w*; процесс этот происходил во всех словах без исключения;

2) *Vb(V) > $\check{V}^{\circ}w(\check{V}^{\circ})$; под влиянием билабиального звонкого щелевого смежные широкие гласные подверглись сужению и огублению;

3) *w > j; в словах с переднерядным вокализмом билабиальный щелевой сонант w делябиализировался и перешел в среднеязычный щелевой сонант j, т.е. произошел своеобразный процесс палатализации w > j.

Эти диахронические и диатопические фонетические процессы достаточно хорошо поддаются хронотопологической стратификации.

Формы с *b объединяют древние тюркские языки с современными северо-восточными языками, т.е. с языками, сохранившими наиболее архаичные черты.

Формы с w в основном объединяют огузские и карлукские языки с языками среднетюркских памятников, с одной стороны, и с булгаро-чувашискими - с другой.

Формы с j объединяют главным образом кыпчакские языки.

Пратюркский *q

Для раннего пратюркского состояния реконструируется глубококозаднеязычный смычный *q, который в заднерядных словах употреблялся без каких бы то ни было позиционных ограничений. Смычный *q в пратюркском представлен во всех позициях в слове: в абсолютном начале (*qara "черный", *qy̆z "девушка"), в инлауте - в интервокальной позиции (*baqyr "медь", *soqyr "слепой"), перед согласным (*aqla- "испытывать отвращение", *aqryn "тихо"; *jaqtu "светлый") и после согласного (*abuċqa "старик"; *ajqyr- "кричать", *alqu "весь, целый", *arqa "спина", *atqan- "привязываться"), в составе аффиксов (*taš-qar- "уделять, устранять", *qorqluq "боязливый", "трус"), в абсолютном исходе слова (*aq "белый", *adaq "нога", balyq "рыба").

Вопрос о наличии глубококозаднеязычного *q- в анлауте тюркских слов столь очевидно, что ни у кого из исследователей сомнений не вызывает, все тюркологи-компаративисты в анлауте тюркских слов уверенно восстанавливают велярный *q- (Щербак 1970; Серебренников, Гаджиева 1986; СИГТЯ 1984).

Пратюркский *q- в анлаутной позиции в современном карачаево-балкарском языке, как правило, сохраняется без изменений, ср.:

ПТ *qora- "уменьшаться" ~ кб. qora-; ПТ *qoŋur "коричневый" ~ кб. qoŋur; ПТ *qaruу "ворота" ~ кб. qabaq; ПТ *qātun "женщина", "жена" ~ кб. qatun; ПТ *qaryу "часть руки" ~ кб. qary-(š) "единица измерения, равная длине руки ниже локтя"; ПТ *qyr- "измельчать", "стругать" ~ кб. qyr- "стругать", "измельчать", "уничтожать", "очищать", "скоблить"; ПТ *qum "песок" ~ кб. qum "песок"; ПТ

**qariq* // **qabiq* “кора” ~ кб. *qabiq* “кора”; ПТ **qar-* “кусать” ~ кб. *qar-* “кусать”; ПТ **qol* “рука” ~ кб. *qol* “рука”; ПТ **qiš* “птица” ~ кб. *qiš* “орел”, “птица”; ПТ **qoδ-* “класть” ~ кб. **qoj-* “оставлять”, “класть”; ПТ **qys-* “сжимать”, “давить” ~ кб. *qys-* “сжимать”, “давить”, “душить”; ПТ **qaja* “скала” ~ кб. *qaja* “скала”; ПТ **qančuyq* “собака”, “сука” ~ кб. *qančuyq* ~ *qančuyq* ~ “сука”, “женщина легкого поведения (проститутка)”; ПТ **qyl* “волос” ~ кб. *qyl* “волос”; ПТ **qyzyl* “красный” ~ кб. *qyzyl* “красный”; ПТ **qidruq* “хвост” ~ кб. *qijruq* “хвост”; ПТ **qurt* “червь” ~ кб. *qurt* “червь”; ПТ **qodɣan-* // **qodɣin* “заяц” (ЩФ, 136) ~ кб. *qojan* “заяц”; ПТ **qid-* // **qij* “лить”, “переливать” (ЩФ, 194) ~ кб. *qij-* “лить”, “переливать”, “наливать”; ПТ **qos* “орех” (ЩФ, 194) ~ кб. *qoz* “грецкий орех”; ПТ **quš* “зима” ~ кб. *quš* “зима”; ПТ **qoɣ-* “гнать”, “преследовать” ~ кб. *quw* “гнать”, “преследовать”; ПТ **qun* “ножны” ~ кб. *qun* “ножны”; ПТ **qoj* “овца” ~ кб. *qoj* “овца”; ПТ **qul* “раб” (ЩФ., 194) ~ кб. *qul* “раб”, “батрак”; ПТ **qor-* “подниматься”, “вставать”, “набухать” (ЩФ, 194) ~ кб. *qor-* “подниматься”, “вставать”, “набухать”; ПТ **qyrq* “сорок” (ЩФ, 194) ~ кб. *qyrq* “сорок”; ПТ **qyrt* “ястреб”, “сокол” (ЩФ, 194) ~ кб. *qyrt(-ču)* “ястреб”; ПТ **qara* “черный” ~ кб. *qara* “черный”; ПТ **qar* “снег” ~ кб. *qar* “снег”; ПТ **qač-* “убегать” ~ кб. *qač-* “убегать”; ПТ **qan* “кровь” ~ кб. *qan* “кровь”; ПТ **qat-* “слой”, “пласт”; “присоединять”, “добавлять”, “смешивать”, “складывать”, “скручивать” ~ кб. *qat* “слой”, “пласт”; “смешивать”, “добавлять”; ПТ **qur* “степь”, “горное плато” (ЩФ, 194) ~ кб. *qur* “степь”, “равнина”, “плато” и т.д.

Пратюркский начальный **q-* сохраняется в большинстве древних и современных тюркских языков. Ср.: дт. *qač-* “убегать”, “бежать” (ДТС, 400), *qaja* “скала” (ДТС, 406), *qalqan* “щит” (ДТС, 413), *qan* “кровь” (ДТС, 416), *qanat* “крыло” (ДТС, 417), *qaruɣ* “ворота”, “врата”, “дверь” (ДТС, 420), *qar* “сосуд”, “мех”, “бурдюк”, “мешок” (ДТС, 420), *qara* “черный” (ДТС, 422), *qat* “слой”, “пласт”, “ярус”, “ряд” (ДТС, 432); пол. *qabaq* “ворота”, “дверь” (Гр., 188), *qač-* “убегать”, “бежать” (Гр., 188), *qaja* “скала” (Гр., 190), *qan* “князь” (Гр., 192), *qan* “кровь” (Гр., 192), *qol* “рука” (Гр., 198), *qul* “раб”, “слуга” (Гр., 202), *qut* “песок” (Гр., 203), *qun* “ножны” (Гр., 206), *qys-* “сжимать” (Гр., 207), *quš* “зима” (Гр., 208), *quz* “девушка” (Гр., 208) и т.д.; кар. *qatču* “кнут”, “ногайка” (КРПС, 361), кар.к. *qanat* “крыло” (КРПС, 361), кар.к. *qandyr-* “убеждать”, “уговаривать” (КРПС, 361); алт. *qat-* “твердеть” (АРС, 427), *qan* “кровь” (АРС, 266), *qojonoq* “заяц” (АРС, 175), *qyrtyš* “кора” (АРС, 258), *qyzyl* “красный”; каз. *qač-* “убежать”, *qan* “кровь”, *qaz-* “копать” (АТК, 235), *qar* “корка”,

“слой”, “наслоение”, “кожура”, “луб”, “скорлупа” (АТК, 239), *qas* “бровь” (АТК, 241) и т.д.; кк. *quzyl* “красный”; *qar* “футляр”, *qaš* “убегать”.

Пратюркский анлаутный *q- > кб. x -

Глубокозаднеязычный *q- является трудным для произношения звуком и в некоторых тюркских языках, очевидно, не без влияния иноязычного фактора, происходило его ослабление и спирантизация, т.е. осуществлялся переход *q- в x-. В некоторых тюркских языках, например, в чувашском, хакасском, якутском, этот процесс охватил практически все слова, а в других тюркских языках, например, в тувинском и тофаларском, произошло только частичное изменение *q > x. В якутском языке исконный *q сохраняется только перед гласными у и и.

В начале нескольких заимствованных и исконно тюркских слов праязыковой анлаутный *q- в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка переходит в спирант x-. Ср.: **qıdıg* “колодец” ~ кб. *qıji*~ *хији* “колодец”; ПТ **qaya* “князь” ~ кб. *xap* “князь”; ПТ **qaj* “возвращаться”, “воротиться”, “кружиться” ~ кб. *xaj(nux)* “юла”; ПТ **qar*- “слой”, “пласт” ~ кб.ц. *xaplama, xatlama* “галушки из кукурузной муки” (< **qat (-lama)*, где в первой части - *qat* “слой”, “пласт”); ПТ **qar* “мех”, “футляр”, “мешок” ~ кб. *xap (çik)* “утварь”, “вещи”, “барахло”(?) ; ПТ **qor* “чувство страха”, “болезнь” ~ кб. *xor* “насилие”, “страх”; ПТ **qonşu* “сосед” ~ кб. *xonşı* “соседний”, “соседский”, ПТ **qur* “резьба” ~ кб. *xur- хыр(-ly)* “с резьбой”; ПТ **qur* “скоблить”, “соскабливать” ~ кб. *xurşu (*qur-şu)* “точило”, “наждак”; ПТ **qus-* “сжимать”, “зажимать” ~ кб. *xustu* (<*qus+tu*) “деревянная затычка для прохудившегося места бурдюка” и т.д.

Фонетический процесс *q > x (спирантизация) встречается во многих тюркских языках и диалектах.

По свидетельству Махмуда Кашгарского, переход q > x был характерен для языка огузов и кыпчаков (Divanu, 1939, 219). Однако замечание Махмуда Кашгарского не подтверждаются материалами текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. А.М.Щербак отмечает, что “в текстах восточнотуркестанского языка, написанных арабскими буквами x - чрезвычайно редкое явление”. По предположению А.М.Щербака - “это объясняется тем, что спирантизация к происходило только в уйгуро-огузском диалекте” (Щербак 1961: 45).

Заднеязычный глухой спирант x староузбекском языке “прослеживается только или почти только в заимствованных словах, полностью сохраняющих орфографические нормы тех языков, из которых они были заимствованы. Собственно тюркских слов со звуком

х в староузбекском языке не больше пяти-шести: *jaxshi* “хорошо”, *saxlar* “бережет”, *oxshar* “походить”, *hakhan* “каган”, *axtaribiz* “поищем” (ИЩербак 1962: 84). Б.А.Серебренников отмечает, что “в чувашском и азербайджанском языках звуку *q* других тюркских языков соответствует *x*” (Серебренников 1974:121). Спирантизация **q > x* регулярно встречается в якутском языке А.М.Щербак пишет, что “спирантизация охватила главным образом языки Сибири и Алтая” (ИЩербак 1970: 167). Переход **q > x* sporadически встречается и в других ареалах. Ср.: пол. *qatun* ~ *xatun* “женщина”, “жена”; *qoz* ~ *xoz* “орех”. По мнению Т.И.Грунина, частичный переход *q > x* в армяно-кыпчакском имел место во всех позициях в слове: *quz* > *xuz* “девушка”; *qol* > *xol* “рука”; *qulaq* > *xulax* “ухо”, а также отмечает, что процесс перехода *q > x* по времени создания рукописей уже завершен (Грунин 1967: 351-352).

Фонетический процесс **q > x* зарегистрирован в диалектах кумыкского языка: ПТ **qus* “птица” ~ кум. т. *xus*; ПТ **qar* “снег” ~ кум.т. *xar*; ПТ **qoðan* “заяц” ~ кум.т. *xojan*; ПТ **qaş* “бровь” ~ кум. *xaş*; ПТ **qos* “орех” ~ кум.к. *xoz* (Керимов 1967: 80, 79, 133, 134). Буйнакский диалект кумыкского языка сохранил этимологический **q*.

Переход **q > x* наблюдается в акногайском и караногайском диалектах ногайского языка (Баскаков 1940, 32-34; Калмыкова 1965: 9). Причину спирантизации (**q > x*) в ногайском языке Н.А.Баскаков объясняет влиянием “соседнего карачаевского языка” (Баскаков 1940: 32), хотя как уже было отмечено, переход **q > x* в карачаево-балкарском носит ограниченный характер.

Явление спирантизации начального **q* зафиксировано для восточного диалекта (Арсланов 1966), а также нурлато-койбицкого подговора татарского языка (Бурганова 1955: 32). В мишарских показывающих говорах есть тенденция к более активному использованию *x*, нежели *k* (Махмутова 1978: 89). Переход **q > x* зарегистрирован в тракайском диалекте караимского языка, а также в южном диалекте крымско-татарского языка. Переход **q > x* встречается в языке заболотных татар (Ахатов, 80). Из башкирских говоров переход **q > x* встречается в основном в демском и кызылском (Гарипов 1979: 165). Случаев спирантизации **q* в говорах казахского языка не отмечено.

Спирантизация **q > x* сближает язык каракалпаков с джекающими говорами узбекского языка и имеет место в любой позиции слова: *qatun* ~ *xatun* “женщина”; *toqsan* ~ *toxsan* “девяносто” (Насыров 1976: 305).

Явление спирализации характерно для тувинского языка: *хан* "кровь" < **qan*; *хар* "снег" < **qar*; *хон* "ночевать" < **qon* (Исхаков, Пальмбах, 1961: 79; Исхаков 1957: 95-96).

В якутском языке "заднеязычный глухой смычный *k* и увулярный глухой смычный *x* [*q*]" в начале слов дифференцированы перед различными гласными... В якутском языке произошло дальнейшее перераспределение позиций между *k* и *x*: первый выступает наряду с позицией начала мягкорядных слов и перед узкими гласными *ы*, *ыы*, *у*, *уу* и дифтонгами *ыа*, *уо*, а второй - только перед широкими гласными заднего ряда *а*, *аа*, *о*, *оо*" (Дьячковский 1977: 120).

За пределами тюркских языков спирализация *q* > *x* обнаруживается в тунгусо-маньчжурских (Цинциус 1949: 216-217) и монгольских языках. И.Д.Бураев отмечает, что в большинстве современных монгольских языков историческим **q* и **k* соответствуют шелевые *x* и *x'*. Праязыковые смычные сохранились в калмыцком и некоторых говорах бурятского языка (Бураев 1987: 60), о чем в свое время писал Н.Поппе (Porre 1955: 133).

Причины, вызвавшие данный переход (**q* > *x*) в тюркских и других алтайских языках, своего удовлетворительного объяснения не нашли. Б.А.Серебренников в своих ранних работах по вопросу о переходе пратюркского **q* > *x* в чувашском языке полагал, что употребление звука *x* вместо общетюркского **q* вызвано влиянием финно-угорского языкового окружения (Серебр. О некоторых следах., 217). Такое же объяснение спирализации в языке сибирских татар мы встречаем в работах Г.Х.Ахатова (Ахатов, 80). Причину перехода *q* > *x* в караимском языке К.М.Мусаев объясняет влиянием украинского языка. Он полагает, что в результате этого влияния караимский глубоководнеязычный *q* перешел в *k*, который в свою очередь переходит в *x*.

Спиранизацию (*q* > *x*) А.М.Щербак так же склонен объяснить влиянием языков другой системы. Он пишет, что "в рунических надписях *x* отсутствует вообще (правда, его отсутствие в этой группе памятников можно объяснить особенностями графики), тогда как в арабграфичных текстах XI в. встречается довольно часто, но главным образом в заимствованных словах" (Щербак 1970: 98). Оригинальную теорию на эволюцию задних согласных в последнее время высказал Н.А.Баскаков. В развитии этих согласных он выделяет несколько этапов (периодов). По мнению Н.А.Баскакова "задние согласные были представлены одной фонемой с множеством аллофонов, не имевших смыслоразличительной функции: [*k* (~*g*~*q*~*q̣*~*ɣ*~*x*~*h*)]. Фонематическое неразличение задних согласных в анлауте в первый период их

развития определялось корневой морфемой - передним или задним ее рядом. Аллофоны $k \sim g$ реализовались в корневой морфеме, характеризующейся передним рядом ее образования, а аллофоны $q \sim \dot{q} \sim \gamma \sim x \sim h$ - в корневой морфеме с согласными заднего ряда.

Таким образом, смысловозначительным фактором были не реализующие данную фонему аллофоны, а строение всей корневой морфемы" (Баскаков 1988: 105).

Второй период в развитии согласных Н.А.Баскаков характеризует выделением и фонематизацией в начальной позиции спиранта h , а состав фонем задних согласных определяет двумя фонемами:

1. $[k (\sim g \sim q \sim \dot{q} \sim \gamma \sim x)]$; 2. $[h (\sim \emptyset)]$.

Он считает, что "если фонема $[k (\sim g \sim q \sim \dot{q} \sim \gamma \sim x)]$ в пределе данных аллофонов остается без изменения, то аллофон $[h]$ выделяется в самостоятельную фонему, реализующуюся в анлауте слов, начинающихся в современных языках с гласного и представляющую собой субститут ранее более сильных согласных.

Реализация анлаутного консонанта $[h]$ в словах с начальным гласным в большинстве языков характерна для некоторых древних языков, например: h -халадж. *här* "мужчина", *hadaq* "нога", *hat* "лошадь", *huot* "огонь"; $\emptyset$ - для большинства языков: *at*, *adaq* $\sim$ *ajaq* $\sim$ *aḍaq* $\sim$ *ataq*, *ot* $\sim$ *ōt* и проч. Природа начального $[h]$ может быть различной. Весьма вероятной для фонематизации аллофона $[h]$ представляется гипотеза Рамстедта-Пелио, выраженная в известном законе $p \sim f \sim b \sim w \sim v > h \sim x \sim g \sim \gamma \sim q > \emptyset$. Третий период в развитии анлаутных задних согласных фонем характеризуется фонематизацией аллофона спиранта $[x]$, и, таким образом, общий состав определяется наличием трех фонем:

1. $[k (\sim g \sim q \sim \dot{q})]$; 2. $[h (\sim \emptyset)]$; 3. $[x]$.

Сохраняя те же закономерности, относящиеся к предыдущему периоду, анлаутные задние согласные третьего периода усложняются фонематизацией аллофона $[x]$ главным образом в заимствованных словах, например: дт. *xan* < кит. *xan* "государь"; дт. *xoṣ* > перс. "радостный"; *xalač* - древнетюрк. название племени; *xozar* - древнетюрк. название племени.

Наконец, четвертый и пятый периоды в развитии анлаутных задних согласных характеризуются фонематизацией всех существовавших ранее аллофонов одной фонемы. Состав согласных анлаута этих периодов определяется уже следующими шестью фонемами:

- IV-V. 1 $[k \sim q]$; 2 $[g]$; 3. $[h]$; 4. $[x]$; 5. $[q]$; 6. $[ɣ]$.

Каждая из указанных фонем в анлауте современных тюркских языков имеет дифференцированное значение, причем последние две

фонемы - [g] и [ɣ] - только в некоторых языках" (Баскаков 1988: 105-106).

Подобная точка зрения ранее была высказана некоторыми монголистами и тунгусо-маньчжуроведами, где общеалтайский *k в зависимости от ряда гласных в корнях-основах реализовывался в виде увулярного q или k. Первый согласный употреблялся в словах с твердоязычными гласными, а второй - с переднеязычными (Poppe. *Vergleichende Grammatik...*, s.16; Санжеев, I, 1953; Ramstedt 1957; Рясанен 1955: 159-167).

Б.Я.Владимирцов считал, что "в монг.-письм. q развился в x, по-видимому, в раннюю эпоху, во всяком случае квадратное письмо уже не знает знака, который бы обозначал смычный глухой, соответствующая буква квадратного алфавита служит для нотирования $\gamma \sim x$ " (Владимирцов 1989: 403). По его мнению, *q развился в $^kx > x$ таким же путем, как и $k > ^kx > x$, т.е., пройдя через стадии $k > x > x$. По всей вероятности развитие q в x произошло раньше всего в положении между гласными" (Владимирцов 1989: 404).

В последних своих работах Б.А.Серебренников изменил свою точку зрения. Он пишет, что велярный q с сильной задней артикуляцией исторически оказывается неустойчивым, в силу того, что "более глубокая артикуляция q по исполнению является более трудной сравнительно с менее глубокой" (Серебренников 1974: 121-122).

Фонетический процесс спирантизации $q > x$ Н.З.Гаджиева считает следствием тенденции к упрощению заднеязычного труднопроизносимого увулярного q (Гаджиева 1979: 47).

На наш взгляд, спирантизация $*q > x$ вызвана действием целого комплекса факторов. Представляется, существующая в языках тенденция к упрощению должна быть катализирована или инициирована со стороны, воздействием других языков или действием субстрата. Об этом могут свидетельствовать следующие факты. В карачаево-балкарском языке слова с начальным x в абсолютном своем большинстве являются заимствованиями из арабского, персидского, русского и окружающих кавказских языков.

Точно такое же положение мы обнаруживаем в половецком языке. В армяно-кыпчакских памятниках тюркский q везде заменяется x. Этот переход вызван особенностью языка составителей, т.е. армянского. Ведь, армяно-кыпчакский язык обслуживал армянские колонии на территории Украины (Дашкевич 1981; 1983; Грунин 1967). Иную точку зрения по этому вопросу отстаивает А.Н.Гаркавец (Гаркавец 1974).

Катализаторами процесса $q > x$ в сибирско-тюркских языках могли быть монгольские или тунгусо-маньчжурские языки. Для по-

волжско-тюркских таковыми выступали соседние финно-угорские языки, как это считал Б.А.Серебренников (1957, 39), а также большое значение имели интенсивные заимствования из арабского и персидского языков как следствие исламизации края.

Подтверждением этому могут служить факты языка эпитафий волжских булгар. В надписях, собранных Ф.С.Хакимзяновым употребление *q* зафиксировано только в двух словах, относящихся к *г*-диалекту, в остальных случаях отмечается употребление *x* вместо *q* (Хакимзянов 1978, 1987), такое же регулярное отражение праязыкового **q* мы встречаем в чувашском языке, наиболее близком к булгарскому.

Что касается случаев спирализации **q > x* в исконно тюркских словах карачаево-балкарского языка, то нам представляется возможным двойное объяснение. Во-первых, можно считать это явление результатом экономии произносительных усилий. Если принять эту точку зрения, то следует ответить на вопрос о причинах отсутствия перехода праязыкового *q* в *x* в других исконно тюркских словах.

Второе, историческое развитие **q > x* в карачаево-балкарском языке можно объяснить влиянием булгаро-хазарского субстрата, точнее, воспринимать такие слова как рудименты булгарского или хазарского языков. Как будто в пользу этого свидетельствуют наблюдения С.П.Толстова о том, что в Хазарском государстве, тесно связанном с булгарскими племенами, встречается последовательное чередование *q ~ x*; *qaxan ~ xaxan*, *qayap ~ xayap*, на основании чего он выдвинул идею о диалектном членении хазарского языка на *q*- (западный) и *x*- (восточный) диалекты (Толстов 1948: 139). В пользу этого якобы говорит и зона сгущения *q > x* в пределах Кавказа. По данным Н.З.Гаджиевой, зоной сгущения перехода *q > x* на Кавказе являются северо-восточные районы, т.е. кумыкский ареал (Гаджиева 1979: 45-46), а также северные районы нынешнего Азербайджана, где в конце первого тысячелетия (с VII в.) господствовал Хазарский каганат, в состав которого входили различные тюркоязычные (тюркюты, булгары, савиры) и иноязычные племена (Гумилев 1967, 50; Артамонов 1962; Мовсес Хоренацци 1993; Магомедов 1983; Биджиев 1983; Плетнева 1976 и др.).

Однако это направление поиска путей и возможностей решения проблем, связанных с переходом **q > x*, нуждается в очень серьезной аргументации, как с лингвистической точки зрения, так и с исторической. К сожалению, на нынешнем этапе из-за скудости лингвистического материала в гунно-хазаро-булгароведении мы не можем привести такие аргументы. Хотя по археологическим и историческим мате-

риалам участие гунно-булгаро-хазарских племен в этногенезе карачаевцев, балкарцев, кумыков, чувашей, татар и башкир вполне корректно допускается.

Кроме того, учитывая поволжско-(чувашско)-сибирские (включая показания хакасского, тофаларского, якутского, а также монгольских языков) фонетические корреспонденции, представляется возможным проецировать соответствие $q \sim x$ в позднепратюркскую языковую плоскость. Другими словами, вариация $q \sim x$ могла быть отражением праязыкового диалектного членения.

Тем более, что в последних работах по алтаистике для пратунгусо-маньчжурских языков аргументированно допускается наличие трех гуттуральных фонем k , x , g как в инлауте, так и в анлауте (Дыбо 1990, 51) и их вариация в лексемах.

Историческое развитие смычного $*q$ - в щелевой x - является типологическим и реализуется во многих тюркских языках в любом удобном случае.

Внешними катализаторами могли бы быть иносистемные языки: арабский, персидский, осетинский, кабардино-черкесский и др., о чем свидетельствуют многочисленные лексические заимствования из этих языков с анлаутным спирантом x .

Пратюркский инлаутный $*q$ -

Вопрос о наличии велярного $*q$ - в инлаутной позиции не вызывает сомнений. Наиболее часто он представлен в интервокальной позиции заднерядных слов и несколько реже встречается в непосредственном соседстве с предыдущим или последующим согласными. В положении между двумя согласными $*q$ -, как и другие согласные, не представлен, ибо стечение трех или более согласных тюркские языки не терпят.

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах глубокозаднеязычный смычный $*q$ праязыковой эпохи в некоторых словах сохраняется без изменений. Однако следует отметить, что в большинстве случаев в интервокальной позиции в карачаево-балкарском, как и в большинстве тюркских языков, велярный $-q$ - встречается сравнительно редко. Ср.:

ПТ $*bāqa$ "лягушка": дт. *baqa*, алт. *baqa* (АРС, 283), каз. *baqa* (КРС, I, 382), кк. *baqa* (ККРС, 405), кум. *baqa*, ног. *baqa*, кар. k. *baqa* (КРПС, 99) ~ кб. *maqa* "лягушка";

ПТ $*saqal$ "борода": дт. *saqal* (ДТС, 486), пол. *saqal* (Гр., 214), алт. *sagal* ($q > g$) (АРС, 24), каз. *saqal* (КРС, I, 66), кк. *saqal* (ККРС, 62),

ног. *saqal*, кум. *saqal*, кар. k. *saqal* (КРСП, 461) ~ кб. *saqal* “борода”, “челюсть”;

ПТ **soqyr* “слепой”: пол. *soqur* (Гр., 222), алт. *soqor* ~ *sokor* (АРС, 700), каз. *soqyr* (КРС, II, 341), кк. *soqyr* (ККРС, 939), кум. *soqur*, ног. *soqyr*, кар. *soqyr* (КРПС, 478) ~ кб. *soqur* “слепой”;

ПТ **ṣaqyr-* “звать”: дт. *ṣaqyr-* “звать”, “созывать” (ДТС, 140), каз. *ṣaqyr-* (КРС, I, 274), кк. *ṣaqyr-* (ККРС, 280), кум. *ṣaqyr-*, ног. *ṣaqyr-*, кар. k. *ṣaqyr-* “звать”, “призывать” ~ кб. *ṣaqyr-* *ṣaqyr-* “звать”, “призывать” и т.д.

Пратюркский инлаутный *-q- > кб. -γ-

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах интервокальный пратюркский велярный *-q- озвончается и переходит в звонкий заднеязычный спирант -γ-. Тенденция к озвончению интервокального *-q- в -γ- наблюдается во многих тюркских языках и представляет собой типологическое явление, ср.:

ПТ **paqana* “столб”, “бревно”, “кол”: алт. *baṣanallpaqana*, каз. *baṣana* “столб для привязи лошадей”, кк. *baṣana* “столб перед юртой для привязи лошадей”, кум. *baṣana* (ЭСТЯ, II, 42), кар. *baṣana* “опора”, “столб в юрте”, “опора”, “колонка” (КРПС, 95) ~ кб. *baṣana* “столб”, “деревянная колонна в доме”;

ПТ **jāqa* “ворот”, “край”, “берег”: дт. *jaqa* “ворот”, “воротник” (ДТС, 237), алт. *jaka* (АРС, 68), каз. *žaya* (КРС, 118), кк. *žaya* (ККРС, 109), кум. *jaṣa* (ЭСТЯ, II, 83), ног. *žaya* (ЭСТЯ, 83), кар. h. *jaka* (КРПС, 219) ~ кб. *žaya*, *žaya*, *zaṣa* “воротник”, “берег”;

ПТ **baqyr* “медь”: дт. *baqyr* (ДТС, 82), пол. *baṣyr-* “медь” (Гр., 47), алт. *baṣras* “медь” (ЭСТЯ, II, 45-46), каз. *baqyr* “медь” (КРС, I, 406), кк. *baqyr* (ЭСТЯ, II, 45; ККРС, 419), ног. *baqyr* (ЭСТЯ, II, 45), кар. h. *baqyr* (КРПС, 96) ~ кб. *baṣyr* “медь”, “медные деньги”;

ПТ **joqary* “верх”, “наверх”: дт. *joqaru* “вверх” (ДТС, 273), пол. *joxary* (Гр., 125), каз. *žoqary* (Аманж. 379), *žoqary* (ЭСТЯ, II, 213), кк. *žoqary*, кум. *joṣaru* (Керимов, 209, 342), кар. k. *joṣaryu* (КРПС, 246) ~ кб. *žoṣaryu* “верх”, “верхний”, “наверху”;

ПТ **toqyz* “девять”: дт. *toquz* (ДТС, 579), пол. *toṣuz* (Гр., 248), алт. *togus* (АРС, 127), кк. *toṣyz* (ККРС, 180), каз. *toṣyz* (КРС, 180), кум. *toṣyz*, ног. *toṣyz*, кар. th. *toṣuz* (КРПС, 533) ~ кб. *toṣuz* “девять”;

ПТ **buqa* “бык производитель”: дт. *buqa* (ДТС, 125), пол. *buṣa* (Гр., 67), алт. *buka* (АРС, 40), каз. *buqa* (КРС, I, 76), кк. *buṣa* (ККРС, 70), кум. *buṣa*, ног. *buṣa*, кар. k. *buṣa* “бычок”, “бык”, “телец” (КРПС, 136) ~ кб. *buṣa* “бык-производитель”.

Интервокальное положение для глухих согласных в тюркских языках является сравнительно слабой позицией, поэтому ослабление сильных согласных в данной позиции представляется вполне естественным.

Анализ рассмотренного материала наводит на мысль о том, что в случаях сохранения интервокального веларного **-q-* в интервокальной позиции в карачаево-балкарском языке мы наблюдаем не исконные слова, а относительно поздние заимствования из исторически контактировавших тюркских, монгольских, иранских и др. языков. Однако данное предположение требует дополнительных исследований соответствующей лексики в этимологическом, ареально-географическом, хронотопологическом и других аспектах.

Озвончение прязыкового **-q-* веларного в интервокальной позиции, как нам кажется, является специфическим явлением карачаево-балкарского языка и охватывает подавляющее большинство исконных тюркских слов.

Пратюркский инлаутный **-q-* > кб. *-x-*

В середине слова, главным образом, перед и после глухих щелевых согласных *s*, *ʃ* и аффрикаты с прязыковой глубокозаднеязычный смычной **-q-* в современном карачаево-балкарском языке в небольшом числе слов переходит в заднеязычный щелевой глухой согласный *x*, ср.:

ПТ **aqča* “деньги” ~ кб. *axča*, *ačxa* “деньги”; ПТ **boŋ(-ča)* “узел”, “кошелка” ~ кб. *bočxa*, *boxča*; ПТ **byç-(qy)* “инструмент для резания” ~ кб. *byxčy* ~ *byčxy* ~ *myčxy*; ПТ **ačqyç* “ключ” ~ кб. *ačxyç*, *axčyç*, *axxyc*; ПТ **jaqşy* “хорошо”, “хороший” ~ кб. *axşy*; ПТ **aqsaq* “хромой” ~ кб. *asxaq* ~ *axsaq* ~ *aqsaq*; ПТ **toqsan* “девяносто” ~ кб. *toxsan* “девяносто” и др.; ПТ **ačqyl* “кисловатый” ~ кб. *ačxyl*; ПТ **basqyç* “лестница” ~ кб. *basxyç*, *bačxyç*; ПТ **başqa* “иной, другой” ~ кб. *başxa*; ПТ **qaşqa* ~ кб. *qaşxa* “плешь”; ПТ **qoçqar* ~ кб. *qoçxar* “баран”; ПТ **atqyç* ~ кб. *atxyç* “метательное орудие”; ПТ **aqsam* ~ кб. *axsam* “вечер”; ПТ **busqul* “тряпье” ~ кб. *busxul* “тряпка” и т.д.

Однако следует отметить, что этот процесс не охватывает всех случаев, когда веларный **-q-* соседствуют с щелевыми *s*, *ʃ* и аффриктой *ç*. В подавляющем большинстве случаев в указанной позиции заднеязычный **-q-* сохраняется, что скорее свидетельствует не о глобальном, а об узкодialeктном характере данного явления. К тому же в диалектах карачаево-балкарского языка наблюдаются случаи перехода **-q-* > *-x-* и перед другими, и не только глухими, согласными. (**batqaq* ~ кб. *batxaq* “грязь”; ПТ **qarqaŋ* ~ кб. *qarxan* “капкан”; ПТ

**jatqan* ~ кб. *žatxan* прич. от *žat* “лежать”, **qarqaq* ~ кб. *qarxaq* “косогор”. Процесс этот находится в связи с озвончением *-q- > -γ- в интервокальной позиции, однако в соседстве с глухими смычными согласными полного озвончения не было, хотя тенденция к некоторому опереднению (глубокозаднеязычный перешел в заднеязычный) проявляется достаточно отчетливо. Описываемое развитие *-q- > -х- происходит в общем русле тенденции к опереднению в тюркских языках.

Пратюркский ауслатный *-q

В абсолютном конце слова пратюркский велярный *-q в карасово-балкарском, как и в большинстве тюркских языков, относительно хорошо сохранился, ср.: ПТ **qidruq* “хвост”: дт. *qidruq* (ДТС, 463), пол. *qıjruх* (Гр., 202), алт. *kuјruk* (АРС, 816), каз. *qıjruq* (КРС, II, 493), кк. *qıjruq* (ККРС, 1076), кум. *qıjruq*, ног. *qıjruq*, кар. к. *qıjruq* (КРПС, 373) ~ кб. *qıjruq*;

ПТ **qançuq* “собака”, “сука”: дт. *qançuq* “сука” (ДТС, 418) ~ кб. *qançuq*;

ПТ **qarıq* “кора” ~ кб. *qarıq*;

ПТ **balyq* “рыба” ~ кб. *balyq*;

ПТ **balaq* “нога” ~ кб. *balaq* “икры”;

ПТ **jaq*- “гореть”, “сверкать” ~ кб. *çaq*- “зажигать”, “гореть”, “сверкать”;

ПТ **başaq* “оставшиеся на полях отдельные колосья” ~ кб. *maşaq*;

ПТ **tyrnaq* “ноготь” ~ кб. *tyrnaq*;

ПТ **ađaq* “нога” ~ кб. *ajaq* “нога”;

ПТ **aşuq* “лодыжка” ~ кб. *aşuq* “альчик”, “лодыжка”;

ПТ **tajaq* “палка”, “посох” ~ кб. *tajaq*, *tuјak*, *tıjaq*;

ПТ **jaγaq* // **jaγaq* “щека” ~ кб. *žajaq*, *žajaq*, *žıjaq*, *žıjaq*;

ПТ **tyq*- “втыкать” ~ кб. **tyq*-;

ПТ **topraq* “земля”, “пыль” ~ кб. *topraq*;

ПТ **qulaq* “ухо” ~ кб. *qulaq* и т.д.

Случаи перехода ауслатного *-q в спигант -х, встречающиеся в некоторых языках, вызваны неустойчивостью конечного -q и его тенденцией к ослаблению (Серебрянников 1974: 121-122).

Изменения *-q на стыке корневой и аффиксальной морфемы

Пратюркский *-q- основы или корневой морфемы в случаях присоединения начинающихся с гласных звуков аффиксов принад-

лежности оказывается в интервокальном положении и в диалектах карачаево-балкарского языка регулярно переходит в -v-: ср.: *qulaq ~ кб. *qulaq*; *tajaq ~ кб. *tajaq*; *aşuq ~ кб. *aşuq*; *jaŋaq ~ кб. *ǰajau*, *ǰajau*; *tyrnaq ~ кб. *tyrnaq*; *topraq ~ кб. *topraqum*, *topraq*; *adaq ~ кб. *ajauum*, *ajau*, *ajau*; *başaq- ~ кб. *maşauum*, *maşauu*, *maşau* и др.

Такое явление характерно для большого круга тюркских языков (См. Гарипов, 1979; Омарбеков, 1987;).

Озвончение конечного *-q происходит и при присоединении к основе залоговых аффиксов. Ср.: *taq- ~ *taŋyl*-, *soq- “бить” ~ *soŋuŋ* “война”; *tyq- “втыкать” ~ *tyuŋuŋ*- “совокупляться”; *çuq- “выходить” ~ *çuŋuŋ* “выхожение”, “выход”; *suq- “втыкать” ~ *suŋul*- “проникать” и т.д.

В случаях присоединения к основе, оканчивающейся на *-q, аффикса сказуемости -*turur* > *tur* > *dur* > *du* > *tu* в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка *q переходит в x, ср.: ПТ *joq- “нет”, отсутствие чего-либо” ~ *ǰoxtu*; ПТ *qorq- “испугаться” ~ *qorxtu*; ПТ *aq- “течь” ~ *axtyla* “потекли”; ПТ *ajaq “нога” ~ *ajaxty*; ПТ *tajaq “посох” ~ *tajaxty*; ПТ *tyrnaq “ноготь” ~ *tyrnaxty*; ПТ *barmaq ~ *barmaxty*; ПТ *qyrq “сорок” ~ *qyrxty* и т.д.

В последних случаях глубокозадняязычный глухой смычный *q оказывается в середине слова в положении перед последующим глухим согласным и, естественно, ведет себя как любой другой велярный *q, оказавшийся в середине слова в соседстве с глухими согласными.

Аналогичный процесс отмечен исследователями в мишарском диалекте татарского языка при присоединении к основам на конечный *-q диминутивного суффикса -*çuq*; ср.: миш.-тат. *ajaq* “нога” + -*çuq* > *ajaxçuq* “ноженька”; *tajaq* “посох” + -*çuq* > *tajaxçuq* “посошок”; *baluq* “рыба” + -*çuq* > *baluxçuq* “рыбешка, рыбочка, рыбонька”; *tyrnaq* “ноготь” + -*çuq* > *tyrnaxçuq* “ноготок” (Акбаев 1963; ; Аппаев 1961,).

В карачаево-балкарском языке велярный *-q- переходит в -x- и в случаях, когда к основам, оканчивающимся на глухие согласные, присоединяется причастный аффикс -*qan* или, иными словами, начальный q аффикса в позиции после глухого согласного трансформируется в x, ср.: кб. *qaç*- “убегать” + -*qan* > *qaçxan* “убегший”; *ǰort*- “рысить” + -*qan* > *ǰortxan* “рысивший”; *kes*- “резать” + -*qan* > *kesxan* “отрезавший”, *bas*- “наступить” + -*qan* > *basxan* “наступивший” и т.д.

Обобщая вышеприведенные материалы, освещающие отражение пратюркского глубокозадняязычного пратюркского *q в современном карачаево-балкарском языке, можно привести следующие выводы:

1) в аңлауте пратюркский *q-, как правило, сохраняется без изменений; в цокающем диалекте наблюдается его ослабление и спира-

тизация, т.е. историческое развитие $*q > x$ -; спонантизация $*q > x$ - в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка имеет отличный, чем в других тюркских языках, характер, что свидетельствует о его автономном происхождении после обособления карачаево-балкарского языка, хотя основания для развития этого процесса были заложены уже в самом пратюркском языке;

2) в инлауте:

а) в интервокальной позиции пратюркский веларный $*q$ - в карачаево-балкарском языке, как правило, озвончается и дает рефлекс - γ - (среднеязычный смычный звонкий согласный); а в небольшом числе слов сохраняется;

б) в середине слова в позиции перед и после глухих согласных праязыковой веларный $*q$ - в карачаево-балкарском языке переходит в заднеязычный глухой щелевой - x -; в указанных позициях озвончению - x - > - γ - мешают смежные глухие согласные;

3) в ауслауте карачаево-балкарских слов праязыковой $*q$, как правило, сохраняется без изменений.

Пратюркский $*k$

Для пратюркского состояния уверенно восстанавливается среднеязычный глухой смычный $*k$ во всех позициях в слове (Рясянен 1955: 124). Этот согласный довольно устойчив и сохраняется практически без изменений, особенно в кыпчакских языках. Отличительной особенностью смычного $*k$ является его позиционная ограниченность: он встречается только в словах с переднерядными гласными. В словах с заднерядными гласными ему соответствует заднеязычный глухой смычный $*q$ (Рясянен 1955: 129-130, 132-137: Серебренников, Гаджиева 1979: 33-35; СИГТЯ 1984:193-199).

Пратюркский анлаутный $*k$ -

Широко представленный в абсолютном начале слов в пратюркском языке среднеязычный глухой смычный $*k$ - в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах сохраняется практически без изменений, как и в большинстве тюркских языков, ср.:

ПТ $*k\ddot{u}l$ “зола” ~ кб. $k\ddot{u}l$ “зола”;

ПТ $*k\ddot{a}m\ddot{u}r$ “грызть” ~ кб. $kem\ddot{u}r$ “грызть”;

ПТ $*ko\ddot{u}l$ “душа”, “сердце” ~ кб. $k\ddot{o}l$ “душа”;

ПТ $*k\ddot{o}k$ “синий”, “зеленый” ~ кб. $k\ddot{o}k$ “синий”, “зеленый”;

ПТ $*k\ddot{o}t$ “поднимать” ~ кб. $k\ddot{o}t$ “поднимать”;

ПТ **küz* "осень" ~ кб. *küz* "осень";

ПТ **künäš* "солнце" ~ кб. *kün* "солнце";

ПТ **kiši* "человек" ~ кб. *kiši* "человек", "мужчина";

ПТ **kičik* "маленький" ~ кб. *kiči* "маленький", "меньший";

ПТ **kāmik* "костный мозг" ~ кб. *kemik* "костный мозг";

ПТ **kör-* "видеть" ~ кб. *kör-* "видеть";

ПТ **kejik* "дикое животное" ~ кб. *kijik* "олень", "дикое животное";

ПТ **kāl-* "приходит" ~ кб. *kel-* "приходить";

ПТ **kükürt* "сера" ~ кб. *kukurt* "сера";

ПТ **käbi* "лодка" ~ кб. *keme* "лодка", "корабль";

ПТ **küč* "сила", "мощь" ~ кб. *küč* "сила", "мощь", "влияние", "возможность", "капризный";

ПТ **kir* "грязь", "грязный", "нечисть" ~ кб. *kir* "грязь", "грязный", "нечисть";

ПТ **kir-* "входить", "войти", "заходить" ~ кб. *kir-* "входить", "заходить", "войти";

ПТ **küt-* "ожидать", "ждать", "поджидать", "выжидать" ~ кб. *küt-* "стеречь", "ухаживать", "охранять", "пасти";

ПТ **kög* "молва", "слух" ~ кб. *küj* "мелодия", "настрой";

ПТ **kör* "много", "большое количество", "множество" ~ кб. *kör* "много";

ПТ **köt* "задняя часть", "низ", "нижняя часть", "сторона" ~ кб. *köt* "половые органы" (в основном в значении женских половых органов);

ПТ **köč-* "кочевать", "переходить с места на место", "перекочевка" ~ кб. *köč-* "переезжать", "кочевать";

ПТ **köl* "озеро" ~ кб. *köl* "озеро";

ПТ **kār-* "сохнуть" ~ кб. *ker-* "сохнуть";

ПТ **kās-* "резать", "разрезать", "разделить" ~ кб. *kes-* "резать", "разрезать".

Исследователи карачаево-балкарского языка отмечают, что "в малкарском диалекте артикуляция *k*, как и *g*, отодвигается назад по сравнению с *k* основного диалекта и литературного языка" (Акбаев 1963: 59). Кроме того, в цокающем диалекте отмечается весьма заметная лабиализация звука *k* в положении перед смежными губными гласными переднего ряда *ö* и *ü*. Ш.Х.Акбаев подчеркивает, что при произношении звука *k* в указанных позициях работа губ начинается уже во время экскурсии *k* и продолжается до экскурсии последующего губного гласного, вследствие чего взрыв ослабляется (Акбаев 1963: 59).

Эти утверждения Ш.Х.Акбаева вызывают возражения. Полемизуя с ним Ж.Гузеев пишет, что “артикуляция звука (*k*) в малкарском диалекте в соседстве с губными гласными (*i*, *ö*, *u*) является более задней, нежели (*k*) в литературном языке. Вместе с тем его произношение отнюдь не сближается с произношением литературного (*q*). С нашей точки зрения (*k*) в малкарском диалекте в указанной позиции реализуется точно так же как звук средний между (*k*) и (*k'*) литературного языка” (Гузеев 1974: 64). Наши наблюдения подтверждают выводы Гузеева, хотя следует отметить, что однозначно характеризовать реализацию этого звука в покающем диалекте можно лишь инструментально.

Лабиализация *k* и *g* отмечена также в хасавюртовском (Дмитриев 1954: 41) и терском диалектах (Керимов 1967: 114) кумыкского языка, что позволяет углубить историческую ретроспективу этого явления для карачаево-балкарского языка.

Пратюркский анлаутный **k*- > *g*-

Наиболее выраженным направлением развития пратюркского **k* в современных тюркских языках является его ослабление и озвончение (Щербак 1970: 166-167). В полном соответствии с этой основной закономерностью тюркских языков, в современном карачаево-балкарском языке наблюдается позиционно обусловленное озвончение инициального **k*- в ограниченном круге исконно тюркской лексики, ср.:

кб. *geben* “стог”, “копна” (< кб. **keb*- “сохнуть”);

кб. *gažaj*, *gaži* “сука” (< **qančyq*);

кб. *gebenek* “войлочная накидка с капюшоном” (< кб. *keb*- “сохнуть”; *keben*- “оставаться сухим”);

кб. *genža* (*taž*) “жеребенок” (от кобылы трехлетнего возраста)” (ср. *ginži* “кукла” < ПТ **kānč* “ребенок”, “детеныш животных”);

кб. *geten*/*keten* “лен” (← араб. *kattan*, перс. *keten*);

кб. *göbel* “изнеженный” (< кб. *kör*- “пухнуть” ср. *köbelek bol* “бояться”);

кб. *göbelek* “пушистый (снег)”; *göbelekke* “бабочка”, “мотылек”;

кб. *gögen* “кувшин” (< *kökān* > чув. *kâkân*/*kâGan* “ушко ведра или котла”; “ручка сосуда”);

кб. *gözen* “чулан”, *kozenek* “секция плетня”, “загон для скота” (< кб. *köz* “глаз(ок)”);

кб. *gözet* “ночное”, *gözetçilik* “охрана, дозор” (< кб. *köz* “глаз”);

кб. *gön* “сапетка”; “кожа, юфть”; (< **kön* “кожа”);

кб. *ginži* “кукла” (< **kānč* “ребенок”);

кб. *gütçelkiçi* “маленький”;

кб. *gyžaj* “беззубый”;

кб. *gül* "цветок" (< перс.);

кб. *gürülde-* "громыхать, греметь" - подраж. слово.

В приведенном ряду примеров с соноризацией анлаутного **k-* выделяются группы слов с одинаковыми комбинаторно-позиционными условиями. При их внимательном изучении можно установить специфические "правила исключения" из генеральных закономерностей. К таковым относятся:

1) соноризация **k->g-* наблюдается в исконных двусложных словах карачаево-балкарского языка перед интервокальным **-nč-*, включая случаи сохранения комбинации *-nč-* и ее упрощения; ср.: *genža* (*taʃ*) "жеребенок от трехлетней кобылы"; *ginži* "кукла"; *gažaj*, *gaži* (< **qančiq*) "сука"; *gužaj* (< **qunčaj*) "беззубый";

2) соноризация **k->g-* наблюдается также и в двусложных словах с другими этимологическими интервокальными консонантными сочетаниями, ср.: *gäbdäš* "кормушка"; *gabraj* "куртка"; *gakku* "яйцо"; *gämmäš* "буйвол"; *gamtoj* (← рус. конвой) "конвой"; *gammos* "намордник"; *gampik* "кривобокий"; *gardoš* (← картошка) "картофель"; *gatča(j)* "кокетка"; *gebxa* "штамп"; *gella* "старуха"; *getten* (← араб. *kattan*) "лен"; *gokka* "узор", *golža* "помет"; *gollu* "обрядовый круговой танец"; *golpu* "помятый", "измятый"; *golcu* "кривой"; *gonda* "дылда", увалень"; *gorpan* "чаша"; *gotman* "увалень"; *gottur* "увалень"; *guždar* "вожак"; *gulmaq* "ком", "сгусток (в изделиях из теста)"; *gummos* "бородавка"; *gumxot* "морда"; *gippur* "горб", *gippuš* "скорченный", "вмятый"; *gurgun* "ящерица"; *guržaba* (← рус. кружево) "кружево"; *gurmik* "невежливый", "грубый"; *gurnos* (← рус. курносый) "курносый"; *gurnos* "козюля"; *gutča* "собака"; *guzman* "скряга"; *gykka* "ребенок"; *gylža* "кривой"; *gylla* "с крупными рогами" *gyllu* "выгодный"; *gylmaj* "посох"; *gylytn* "косоглазый"; *gyntdy* "каприз"; *gyržyn* "чорек, лепешка"; *gyrnyk* "перевясло"; *gyrtdu* "сгусток, комок"; *gyrxu* "грубый"; *gyrtču* "сырой", "жилистый"; *gystu* "сноп"; *gujra* "закром"; *guttu* "лепешка" и т.п.

Если оставить в стороне поздние заимствования из персидского, арабского, русского и кавказских языков, то круг слов с анлаутным *g-* (< **k-*) в карачаево-балкарском языке на этом практически замыкается. При внимательном рассмотрении этого списка можно выявить некоторую закономерность - в подавляющем большинстве примеров следующий за инициальным звонким *g-* согласный также звонкий, исключением практически является только одно исконно тюркское слово *gütä* "маленький", который, кстати, чаще всего употребляется в закономерной форме *kiči* "маленький", "младший". Случаи параллельного употребления форм с анлаутным глухим *k-* и звонким *g-* ско-

рее всего могут быть объяснены как заимствования из контактировавших языков. Разумеется, в разряд тюркизмов для карачаево-балкарского скорее всего следует отнести формы со звонким анлаутом. Это предположение, правда, трудно доказуемо, но также трудно опровержимо. Принятие этого предположения осложняет вроде бы уже начавшуюся складываться достаточно стройную и простую картину. Ведь не исключено, что если не все, то хотя бы часть из приведенных слов может на самом деле явиться заимствованием из других тюркских языков, для которых более характерно озвончение анлаутных глухих смычных согласных.

Такое положение вещей вынуждает обратиться к истории развития пратюркского анлаутного **k*- в системе консонантизма других тюркских языков. В первую очередь нас заинтересовали близкородственные кыпчакские и исторически контактировавшие языки северокавказского региона.

Пратюркский анлаутный **k* двойное отражение получил в кумыкском, караимском, а также во всех огузских языках (СИГТЯ 1984:194-196; Серебренников, Гаджиева 1979: 33-34).

И.А.Керимов отмечает интенсивный характер процесса озвончения праязыкового **k* в кумыкском языке. Он приводит примеры на вибрацию звонкий ~ глухой в одних и тех же словах в рамках кайтакского диалекта, не пытаясь, к сожалению, объяснить причины озвончения пратюркского глухого смычного **k* (Керимов 1967: 87). Такое же явление для кумыкского языка отмечал Н.К.Дмитриев (Дмитриев 1949: 196-197).

Внимательное изучение всех случаев озвончения анлаутного праязыкового **k*- в кумыкском языке дает возможность проследить следующую общую картину: озвончение инициального **k*- в кумыкском языке распространено намного шире, чем в карачаево-балкарском языке, оно происходит, главным образом, перед последующими сонорными согласными: *b* (*gebek* "отруби", *geben* "стог", *göbelek* "бабочка", *göbük* "пена", *gübä* "кольчуга"), *g* (*gegewul* "овод", "слепень"), *z* (*gez* "гулять", *gezik* "очередь", "черед", *göz* "глаз", *güz* "осень", *gözen* "загон для скота", *gözet* "ночное"); *j* (*gij-* "одевать", *gijik* "волк", *gijir-* "вводить", *gijew* "зять"); *l* (*gel-* "приходить", *gelin* "невестка", *gölem* "объем", *gölentki* "тень"), *m* (*geme* "судно", *gemik* "хрящ", *gümüş* "серебро", *göm-* "закопать"), *n* (*gene* "опять", *genen-* "получать удовольствие"; *genže* "последыш", *gön* "кожа", "юфть", *göndelen* "поперек"), *ŋ* (*geŋ* "широкий", *geŋes* "совещание"), *r* (*gerek* "нужно", *geri* "назад", *gerti* "правдиво", *gör-* "видеть", *gir-* "входить"); однако имеется некоторое число слов, не вписывающееся в этот ряд.

Озвончение начального праязыкового **k*- отмечено также перед следующими глухими согласными: *s* (*ges*- “резать”); *t* (*get*- “уходить”, *göter*- “поднимать”, *götek* “плохо”); *č* (*gičči* “маленький”, *geč* “поздно”, *geč*- “переходить”, *göč*- “переезжать”, *gič* “сила”, *gičük* “щенок”); *š* (*giši* “человек”).

Такой количественный расклад примеров, скорее всего, свидетельствует о том, что толчок к озвончению анлаутного **k*- был дан последующим сонорным согласным, но в языке действовали, очевидно, и другие, пока еще не выявленные, факторы.

Озвончение праязыкового анлаутного **k* характерно также для тракайского диалекта близкородственного карачаево-балкарскому караимского языка (Мусаев 1964: 68), наблюдается оно также в луцко-галицком и крымском диалектах. Внимательно изучив лексический материал “Караимско-русско-польского словаря”, удалось выяснить, что практически все случаи озвончения инициального **k*- в караимском языке имели место перед последующими сонорными согласными.

Таким образом, выясняется общая для западных кыпчакских языков закономерность озвончения анлаутного праязыкового **k*- перед следующими за гласным сонорными согласными. Правда, эта закономерность в разных тюркских языках имеет различную интенсивность и требует более детального изучения и уточнений.

В говорах казахского языка, граничащих с узбекским, туркменским языками также обнаружено употребление *g* и *y* в анлауте: *güdük* “сомнение”, *genže* “последыш”, *güngürt* “тусклый”; *gewle*- “выколупывать”, *garry* “старый”, *jažyrlı* “энергичный” (Омарбеков 1987: 16). Озвончение глухих в этих говорах С.Омарбеков объясняет влиянием соседних огузских языков и диалектов, при этом отмечая, что “состав просмотренных пластов лексики в своей подавляющей части представляет собой слова иноязычного происхождения” (Омарбеков 1987: 16).

В исконно тюркских словах половецкого и армяно-кыпчакского языков озвончение *k* > *g* не обнаружено (Гаркавец 1987: 38-39).

Таким образом, из близкородственных кыпчакских языков переход **k* *g* обнаруживается в тракайском диалекте караимского языка, а также в диалектах кумыкского языка. Причины этого персхода можно было бы объяснить влиянием каких-то огузских или огузизированных языков и диалектов, как в случае с казахскими говорами. Таковыми для кумыкских диалектов могли быть огузские диалекты азербайджанского языка, а также северокавказские тюрки, характеризующийся преобладанием огузских черт. Для тракайского диалекта ис-

точником толчка к озвончению начального k мог быть один из диалектов крымского полуострова, а именно - южный диалект крымско-татарского языка. Однако настораживает тот факт, что переход $*k > g$ охватывает именно те же диалекты и говоры, т.е. один и тот же диалектный ареал, что и $*q > x$. Исходя из этого факта нам представляется, что при рассмотрении этих переходов целесообразно считать их результатом или рудиментами субстрата. В качестве такого языка могли быть болгарский, хазарский, а также печенежский, носители которых принимали участие в этногенезе карачаево-балкарского, кумыкского и караимского народов. К нашей точке зрения близка идея М.А.Хабичева (Хабичев 1971: 110). Он также считает возможным слова, сближающиеся по своему фонетическому оформлению с соответствующими огузскими отнести к алано-булгаро-хазаро-печенежскому периоду (Хабичев 1971: 110). Появление слов гыйы "твердый", гына "злой", "грубый" в карачаево-балкарском и в других куманских языках он также связывает с алано-булгаро-хазаро-печенежским периодом (Хабичев 1971: 111).

Наши выводы о субстратном характере процессов перехода $*k > g$ и $*q > x$ подтверждаются постулированным рядом исследователей огузским типом языка печенегов. (Баскаков 1969: 252-257; Голубовский 1884: 18-19; Расовский 1935: 251-252; Навширванов 1929: 94; Лигети 1954: 97 и др.), а также некоторых племен, входивших в состав Хазарского государства - Авыр//Авар, Авад//Абаз, Уууз, Пацинак.

Проблема озвончения анлаутного $*k- > g-$ и, шире, вообще проблема озвончения анлаутных согласных в карачаево-балкарском и других тюркских языках ждет пристального изучения с привлечением обширных диахронических и ареально-географических данных, ибо эта проблема касается многих тюркских языков обширного ареала и имеет важное значение для общетюркской компаративистики.

Подавляющее большинство слов с анлаутными $g-$ в современном карачаево-балкарском языке имеет иноязычное происхождение и появилось сравнительно поздно. Подробный анализ заимствованной лексики на инициальный $g-$ будет предварен ниже (см. раздел "Пратюркский $*g$ ").

Пратюркский инлаутный $*k-$

В пратюркском языке среднеязычный глухой смычный $*k-$ в инлаутной позиции мог выступать как в интервокальной позиции, так и в соседстве с предыдущим или последующим согласными, при чем смежные согласные могли быть как глухими, так и звонкими.

В инглаутной позиции пратюркский *-k- в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах сохраняется:

а) в интервокальном положении:

ПТ **ökül* “защитник” ~ кб. *ökül* “заступник”, ср. дт. *oklas-* “сражаться”;

ПТ **ökün-* “сожалеть, каяться” ~ кб. *ökün-*;

ПТ **ökür-* “мычать” ~ кб. *ökür-*;

ПТ **käkir-* “рыгать” ~ кб. *käkir-*;

ПТ **kökan* “куст”, **kök* “корень” ~ кб. *köken*;

ПТ **kökür-* “греметь” ~ кб. *kökür-*;

ПТ **säkir-* “прыгать” ~ кб. *sekir-*;

ПТ **täkä* “козел” ~ кб. *teke*;

ПТ **tükür-* “плевать” ~ кб. *tükür-*;

б) в положении после согласного:

ПТ **ärkä* “баловень” ~ кб. *ärkä*;

ПТ **ärkäk* “самец” ~ кб. *ärkek*;

ПТ **ärkälän-* “баловаться” ~ кб. *ärkelen*;

ПТ **ärkin* “свободный” ~ кб. *ärkin*;

ПТ **aski* “старый” ~ кб. *aski*;

ПТ **äcki* “коза” ~ кб. *äcki*;

ПТ **ilkič* “жердь” ~ кб. *ilkič ~ ilgič*;

ПТ **ički* “напитки, питье” ~ кб. *ički*;

ПТ **kärki* “топорик, кирка” ~ кб. *kärki*;

ПТ **kärkič* “намордник” ~ кб. *kerkič*;

ПТ **kärkmä/*kärtmä* “зарубка” ~ кб. *kertik*;

ПТ **käskin* “ясный”, “точный” (*<*käs-* “отрезать”) ~ кб. *keskin//kesgin*;

ПТ **kürkä* “логовище” ~ кб. *kurka*;

ПТ **külkü* “смех” ~ кб. *külkü*;

ПТ **säñkildä-* “шататься” ~ кб. *señkil // sivil*;

ПТ **säpkil* “веснушка” ~ кб. *sepkil*;

ПТ **silkä-* “кивать, махать” ~ кб. *silke*;

ПТ **sirkä* “гнида” ~ кб. *sirke*;

ПТ **sirkä* “уксус” ~ кб. *sirke*;

ПТ **säzgak* “чувственность” ~ кб. *säzgek*;

ПТ **tilkäm* “отрез(ок)”, “кусок” ~ кб. *tilkäm*;

ПТ **tülkü* “лиса” ~ кб. *tülkü*;

ПТ **ülkär* “Плеяды” ~ кб. *ülkär*;

ПТ **ürkäk* “пугливый” ~ кб. *ürkek*;

ПТ **üčkül* “треугольник” ~ кб. *üčkül // üčgöl*;

в) в положении перед согласным:

- ПТ **baklan*- “закрепиться”, “закрыться” ~ кб. *beklen*;
 ПТ **baklaš*- “спорить” ~ кб. *baklaš*;
 ПТ **büklä*- “сгибать” ~ кб. *bükle*;
 ПТ **jüklä*- “грузить” ~ кб. *žükle*;
 ПТ **köklä*- “наметывать”, “защеплять” ~ кб. *kökle*;
 ПТ **öksüz* (< **ögsüz*) “сирота” ~ кб. *öksüz*;
 ПТ **taksär*- “пересмотреть”, “переделать”;
 ПТ **tiknä* “вышивка” ~ кб. *tikme* и т.д.

Пратюркский инлаутный *-k- > кб. -g-

Вместе с тем наряду с таким устойчивым сохранением пратюркского глухого *-k- даже в весьма слабой интервокальной позиции, находим немало примеров, показывающих ослабление (= озвончение) данного звука в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах. Озвончение инлаутного *-k- наблюдается в следующих позициях:

а) в интервокальном положении:

- ПТ **äka*- “пилить”, “точить” ~ кб. *ägä*;
 ПТ **akär* “охотничья собака” ~ кб. *agär*;
 ПТ **äkiz* “двойня”, “близнецы” ~ кб. *ägiz*;
 ПТ **päkäj-t*- “крепнуть”, “крепить” ~ кб. *bägäj-t*;
 ПТ **pükül*- “гнутья, сгибаться” ~ кб. *bügül*;
 ПТ **pu kün* (> *bu gün*) “сегодня” ~ кб. *bügün*;
 ПТ **jakän* “рогоз (вид камыша)” ~ кб. *žägän*;
 ПТ **jakül*- “быть запряженным” ~ кб. *žägül*;
 ПТ **joka* “липа” ~ кб. *žögä*;
 ПТ **kökar*- “синеть, зеленеть” ~ кб. *kögär*;
 ПТ **kökürčün* “голубь” ~ кб. *kögürčün*;
 ПТ **öküz* “бык”, “вол” ~ кб. *ögüz*;
 ПТ **säkiz* “восемь” ~ кб. *sägiz*;
 ПТ **söküm, sökünč* “осуждение”, “порицание” ~ кб. *sögüm, sögünč*;
 ПТ **takänä* “корыто” ~ кб. *tagänä*;
 ПТ **tökül*- “падать”, “высыпаться” ~ кб. *tögül*;
 ПТ **tükal*- “кончаться” ~ кб. *tügäl*;
 ПТ **tükän*- “дряхлеть, слабеть” ~ кб. *tügän*;
 ПТ **čäkim* “вес” ~ кб. *čägim*;
 ПТ **čökäl*- “присесть (на колени)” ~ кб. *čögel*;
 ПТ **čökük, čöküč* “молоток” ~ кб. *čögüč*;

б) в положении после согласного (в начале аффриксальных морфем):

- ПТ *bāzgāk/*bāzkāk "малярия" ~ кб. bāzgāk;
 ПТ *bāzgi/*bāzki "петля" ~ кб. bezgi;
 ПТ *bālgī/*bālki "знак" ~ кб. belgi;
 ПТ *bilgičī/*bilkičī "знахарь", "пророк" ~ кб. bilgič;
 ПТ *birgāl/*birka "вместе" ~ кб. birge;
 ПТ *ādgū/*ādki "добрый, святой" ~ кб. igi;
 ПТ *āmgač/*āmkač "мука", "тяжесть", "труд" ~ кб. emgek;
 ПТ *āsgār-/āskār- "замечать": дт. āsirka- ~ кб. esker-;
 ПТ *ilgāk/*ilkač "петля" ~ кб. ilgik;
 ПТ *kārgič/*kārkīč "растяжка" ~ кб. kergic;
 ПТ *kōzgu/*kōzgi/*kōzka "зеркало" ~ кб. kūzgi;
 ПТ *sāzgi/*sāzki "чувство" ~ кб. sezgi;
 ПТ *sidgāl/*sidkač "не держащий мочу" ~ кб. sijgāk;
 ПТ *sūrgū/*sūzkač "шумовка" ~ кб. sūzgič;
 ПТ *tāzgač/*tāzkač "навоз" ~ кб. tezgek;
 ПТ *tārgā-/tārka- "проверять" ~ кб. terge;
 ПТ *tāšgič/*tāškič "пробойник" ~ кб. tešgič;
 ПТ *tizgin/*tizkin "пронизка" ~ кб. tizgin;
 ПТ *tikgič/*tikkič "тесма" ~ кб. tikgič;
 ПТ *tōgkūč/*tōggūč "пест", "скалка" ~ кб. tūjgič;
 ПТ *čōrgā-/čōrka- "наматывать" ~ кб. čōrge;
 ПТ *ūlgū/*ūlka "размер", "образец", "выкройка" ~ кб. ūlgū.

Все приведенные примеры, показывающие развитие пратюркского *-k- в положении после согласного, являются производными, следовательно, в данном случае мы имеем дело с особым случаем развития среднеязычного глухого смычного *k в начале аффиксальных морфем, а точнее - на стыке корневой и аффиксальной морфем. Сложность данной позиции обусловлена еще и тем фактом, что почти все аффиксы, участвующие в образовании приведенных выше форм поливариантны, уже в самых ранних древнетюркских памятниках они зафиксированы как со звонким анлаутным g, так и с глухим k, ср.: дт. *+ka-/ga-: *tārgē- "проверять", *čōrgā- "наматывать" (ДТС, 661); +kak-/gak-: *bāzgāk "малярия", *ārkak "сапец", *tāzgač "навоз" (ДТС, 653); +kar-/gar-: *kōngūlkar- "продумывать"; *kōzgar- "показывать"; *āskar- "замечать", "запоминать" (ДТС, 653); +ku/+gu: *inčkū "мир", "спокойствие"; *begigū "блаженство"; *bālgū "знак"; *kōzgi "зеркало"; *sāzgi "чувство"; -kičl-gičl-kūčl-gūčl: *kārgič "растяжка", *sūzgič "цедилка"; *tāškič "пробойник" *tikkič "тесма"

(ДТС, 661); *-kin/-gin/-kun/-kun*: **targin* “община”; **tizgin* “понизка” (ДТС, 653) и т.д.

В виду того, что практически все аффиксы представлены в двух вариантах - со звонким анлаутным *g* и с глухим *k* - трудно однозначно отдать приоритет той или иной форме, однако в последние годы мнение тюркологов все более и более склоняется в сторону принятия положения о первичности аффиксальных морфем с глухими инициалами. Следует заметить, что тюркская морфофонемика все еще остается крайне слабо исследованной в сравнительно-историческом аспекте, поэтому делать какие-либо однозначные обобщения в этом аспекте еще рано.

Случаи озвончения инлаутного **k*- перед последующим согласным в карачаево-балкарском языке не известны. В данной позиции праязыковой глухой смычный **k*, как правило, сохраняется. В некоторых словах наблюдается, наоборот, процесс вторичного оглушения звонкого **g*- (< **k*-). Показательно в этом отношении соотношение соответствующих фонем в словах *sägiz* “восемь” и *säksän/säksän* “восемьдесят” (< **sägiz on*). Правда, в последнем числительном глухой **k*-, оказавшись в сильной позиции перед следующим глухим согласным мог сохраниться в неизменном виде из праязыкового состояния.

Пратюркский инлаутный **k*- > -*x*/*h*

В цокающем диалекте “переход *k* > *x'*” происходит в тех случаях, когда в середине слова (в середине основ или на границе основы и аффикса) звуку *k* предшествует глухой согласный, а за ним следует гласный (Акбаев 1963, 112): *ески* > *есх'и* “старый”, *уничке* > *уницх'е* “тонкий”, *эничке* > *эницх'е* > *еицх'е*.

В литературном карачаево-балкарском языке *k* в этом положении является полуглухим (Акбаев 1963: 112-113). Кроме того, Ш.Х.Акбаев отмечает и другие случаи.

Звук *k*, который в этом положении (на стыке корня и аффиксавт.) заменяется на *x'*, является полуголушенным *g* в аффиксах причастия прошедшего времени на *-ген* (< *(-ken)*) (после глухих согласных) и в аффиксе дат. падежа *-ге* (также после глухих согласных). Звук *g* аффиксов *-ген*, *-ге*, присоединяемых к основам с конечным сонорным, полностью сохраняют свою звонкость.

Звук *g* указанных аффиксов после шумных согласных в основном диалекте подвергается неполному оглушению и звучит как звук средней звонкости: *корген* “надутый”.

Во всех случаях полуглухой *k* основного диалекта в малкарском диалекте переходит в *x'* (после глухих): *кетх'ен* “ушедший”, *кютх'ен*

“паспий”, *бетх'е* “лицу”, *беих'е* “к пяти”, *теих'е* “грудинке” (Акбаев 1963: 113).

Срединный *k* перед *s*, спирантизуясь, дает фарингальный *h*: *sehse*n < *sekizon*; *čehsiz* “безгранично” < *čak* и т.д. Это же явление встречается в саларском (Тенишев 1977: 79).

Прежде чем подвести итоги, следует рассмотреть случаи отражения пратюркского **-k* в абсолютном конце слова.

Пратюркский ауслатный **-k*

В абсолютном конце как односложных, так и дву- и многосложных слов пратюркский глухой смычный **-k* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах в подавляющем большинстве примеров сохраняется без особых изменений. Вместе с тем следует отметить, что при присоединении к основе с конечным *-k* аффиксов с инициальными гласными звук *-k* основы подвергается соноризации и переходит в звонкий *-g*, ср.:

- ПТ **pāk* “бек” ~ кб. *bāk/bāgi* “его бек”;
 ПТ **pāk-* “укреплять” ~ кб. *bāgi* “укрепи”;
 ПТ **pāk* “крепкий” ~ кб. *bāk* “очень”;
 ПТ **pūk-* “гнуть”, “сгибать” ~ кб. *būk-*;
 ПТ **pürük-* “брызгать” ~ кб. *bürk-*;
 ПТ **pörük* “шапка” ~ кб. *börk*;
 ПТ **pöräk* “пирожок” ~ кб. *böräk*;
 ПТ **älgāk-* “сито, решето” ~ кб. *alak*;
 ПТ **āmgāk* “мука” ~ кб. *āmgāk*;
 ПТ **amčāk* “грудь” ~ кб. *amčāk*;
 ПТ **āmizük//*āmüzük* “соска” ~ кб. *amizik*;
 ПТ **ārāk* “самец” ~ кб. *ārāk*;
 ПТ **atak* “пола” ~ кб. *atac*;
 ПТ **älčkak* “осел” ~ кб. *āšac*;
 ПТ **jāk* “демон” ~ кб. *žac*;
 ПТ **jalpāk* “парус” ~ кб. *žalpac*;
 ПТ **jarik* (< **javrik*) “ольха” ~ кб. *žaric*;
 ПТ **jišlak* “ягода” ~ кб. *žilac*;
 ПТ **jilik* “костный мозг” ~ кб. *žilik*;
 ПТ **jūk* “выюк” ~ кб. *žuc*;
 ПТ **ōzāk* “середина” ~ кб. *ōzac* “стержень”;
 ПТ **öluk* “труп” ~ кб. *öluc*;
 ПТ **örlük* “возвышенность” ~ кб. *örluc* “победа”;
 ПТ **ākmak* “хлеб” ~ кб. *ōtmac*;

- ПТ **ōčük*- “злиться” ~ кб. *ōčüg*;
 ПТ **ilgāk* “петля” ~ кб. *ilgāk*;
 ПТ **kōk* “синий”, “небо” ~ кб. *kōk*;
 ПТ **körük* “мех” ~ кб. *körük*;
 ПТ **kābik* “как”, “подобно” ~ кб. *kibik*;
 ПТ **kindik* “пуп” ~ кб. *kindik* “пуп”;
 ПТ **kürgāk* “лопата” ~ кб. *kürāk*.

В диалектах карачаево-балкарского языка инлаутный *-*k*- и ауслаутный *-*k* в аналогичных позиционных условиях ведут себя практически идентично.

Проведенный анализ фактического материала позволяет предложить некоторые выводы и дает пищу для дальнейших размышлений. Кардинальным не только для истории карачаево-балкарского, но и многих тюркских языков и всей исторической тюркологии в целом является вопрос о причине, времени и месте образования первоначальной соноризации *-*k*- > *g*- в анлауте тюркских слов. Однозначно ответить на этот весьма сложный вопрос пока нет никакой возможности. Каждый из перечисленных трех вопросов при внимательном ознакомлении с фактическим материалом и существующей специальной литературой возрастает в целую проблему.

Начнем с проблемы выяснения причины соноризации. Источников или детонаторов процесса соноризации исконного *-*k* могло быть несколько: внешние и внутреннее сандхи, иноязычное влияние - как субстратное, так и контактное, при чем как родственных, так и иносистемных языков.

М.Рясянен специально отмечает, что “уже в древнетюркском языке в ранних сложных словах глухой согласный в начале второго компонента мог стать звонким (*sandhi*): *bu-kün* “сегодня” > *bügün* > чув. *rajan*; *o-kün* “послезавтра” > тар. *ögün*, якут. *ojun*, *öjun*; *toi-kün* “свадьба” > *toj-gün* > тур. *dujun*; *ala-turur* > *aladur* > тур. *alajor*, *alyjor* “он берет” (наст. вр.)...” (Рясянен 1955: 124-125).

Явление внешнего сандхи и его участие в соноризации тюркского анлаута неоднократно отмечалось исследователями. Однако в виду малочисленности примеров, показывающих соноризацию инициального *-*k*- в карачаево-балкарском, отнести это изменение к проявлению внешнего сандхи рискованно.

Вместе с тем, с другой стороны, в современном карачаево-балкарском ауслаутный *-*k* слова, следуя непосредственно за гласным и попадая в интервокальное положение на стыке слова и последующего аффикса с начальным гласным, под влиянием внутреннего сандхи, переходит в звонкий -*g*-, ср.: кб. *čalāk* “ведро” - *čaläg-i* “его ведро”;

kōlak “рубашка” - *kōlāg-iŋ* “твоя рубашка” ; *ōtmāk* “хлеб” - *ōtmāg-im* “мой хлеб” и т.п. Конечный *-k* карачаево-балкарского языка, следуя непосредственно за последним гласным слова и попадая в интервокальное положение на стыке двух слов, при отсутствии паузы между ними, под влиянием внешнего сандхи также переходит в звонкий *g*, ср.: *žürāk awruw* > *žürāg awruw* “болезнь сердца”; *kōk at* > *kōg at* “серая лошадь”; *kārak āsa* > *kārāg āsa* “если надо” и т.п. (ГКБЯ 1976: 70-71).

В роли детонаторов процесса соноризации анлаутного **k*- в карачаево-балкарском языке претендуют как иносистемные местные, в частности - абхазско-адыгские, аланский и другие древние кавказские языки, а также субстратные тюркские - болгарский, хазарский, суварский, печенежский и другие языки. Однако, в виду недостаточной изученности субстратных влияний на карачаево-балкарский язык и его диалекты, еще преждевременно предпринимать однозначные выводы (Гаджиева 1979: 47-50, 212-244).

Толчок началу озвончения анлаутного **k* в карачаево-балкарском языке могли дать и исторически контактировавшие тюркские и иносистемные, в частности - персидский, арабский, осетинский и др., языки. Это предположение вполне вероятно, так как подавляющее большинство слов с инициальным звонким *g*- в современном карачаево-балкарском языке относится к заимствованному пласту лексики. Накопление в языке иноязычных заимствований с начальным *g*- до определенной критической единицы привело к восприятию носителями языка анлаутного *g*- как вполне нормальной рядовой фонемы, что в свою очередь устранил существовавший в языке запрет на инициальный звонкий *g*-, после чего стала возможной соноризация исконного глухого анлаутного *k*-.

До детального и разностороннего изучения всех этих и других возможных причин соноризации анлаутного **k* в карачаево-балкарском языке трудно дать предпочтение какой то одной из них. Скорее всего, в языке в разные периоды ее истории действовали то одни, то другие факторы. Тем не менее хочется указать на одну интересную закономерность. Практически все исконно тюркские слова карачаево-балкарского языка с анлаутным сонорным *g*- находят параллели в соседнем кумыкском языке, при чем в кумыкском соноризация инициального **k*-, по сравнению с карачаево-балкарским, получила на несколько порядков более широкое распространение. Такое положение вещей наводит на мысль о заимствовании карачаево-балкарских слов со звонким анлаутным *g*- из кумыкского языка. В любом случае при дальнейшем углубленном изучении явления соноризации *k*- в карачаево-балкарском языке следует привлекать и кумык-

ский материал, а исследования непременно вести в ареально-географическом аспекте с учетом количественных показателей.

На кумыкско-карачаево-балкарскую ареальную общность указывает также лабиализация *k* и *g* (см.: Дмитриев, 1940, 29, 41; Акбаев, 60) перед губными гласными. Разумеется, причина лабиализации здесь заключается не в самих согласных, а в артикуляционных особенностях последующих губных гласных.

Пратюркский **g*

Для пратюркского состояния традиционно восстанавливается пара заднеязычных звонкий смычных: задненебный или веляризованный **ɣ* и средненебный или палатализованный **g* (Рясянен 1955: 27; Серебренников, Гаджиева 1979: 28). При этом отмечается, что веляризованный **ɣ* встречается в словах с гласными заднего ряда, а палатализованный **g* - с гласными переднего ряда (Рясянен 1955: 129). Правда, в реконструкции пратюркской консонантной системы А.М.Щербак приводит только один заднеязычный (увулярный) целевой сверхслабый сонант **ɣ* (Щербак 1970: 106), однако при дальнейшем описании пратюркских фонем различает веляризованный (**v*) и палатализованный (**v'*) варианты (Щербак 1970: 171).

Авторы "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков" пошли еще дальше. Так, Н.З.Гаджиева пишет, что "по вопросу о существовании *ɣ'* (т.е. **g* в нашей транскрипции. - А.Ч.) у тюркологов нет единого мнения" (СИГТЯ 1984: 204). Нам кажется, что в данном случае нет материала для полемики. Просто мы здесь встречаемся с определенной транскрипционной условностью. Бинарную оппозицию заднеязычных звонких смычных по признаку задненебный - передненебный тюркологи традиционно транскрибируют соответственно знаками *ɣ* (веляризованный) и *g* (палатализованный). Дистрибуция и характер хронотопологических изменений пратюркских **ɣ* и **g* в известных древних и современных тюркских языках мало чем отличаются друг от друга - они как бы развиваются по смежным параллельным путям. Артикуляционные особенности обоих фонем чрезвычайно близки и нет ничего удивительного в том, что исторические пути развития одного звука очень напоминают пути развития другого. Различие между этими звуками состоит только в том, что задненебный **ɣ* встречается только в основах велярного ряда, а средненебный **g* - в основах палатального ряда. Учитывая эти особенности пары заднеязычных звонких смычных **ɣ* и **g* и, видимо, желая выразить "близнечную природу" этой пары фонем визуально, графически, А.М.Щербак предложил свою транскрипцию для пары оппозиции

веляризованный - палатализованный заднеязычный звонкий смычный. К сожалению, инерционная сила традиции столь сильна, что некоторые исследователи до сих пор не поняли практическую ценность этого нововведения и перенесли его в область теории.

Прекрасно понимая практическую значимость "щербаковской" транскрипции, мы, все же, воздерживаемся от ее использования в данной работе с одной только целью избежать недопонимания.

Итак, на основе изучения фактического материала и обширной специальной литературы, можно смело утверждать, что в пратюркском языке был представлен заднеязычный палатализованный (средненебный) звонкий смычный *g, составлявший оппозиционную пару соответствующему веляризованному (задненебному) *ɣ. Высказывание "Утверждать о наличии g в тюркском праязыке довольно трудно" (СИГТЯ 1984: 199) как не имеющее под собой фактологической основы следует считать несостоятельным.

В абсолютном начале пратюркских слов заднеязычный палатализованный звонкий смычный *g- не встречался. Обычно *g в пратюркском встречается в абсолютном исходе слова и в интервокальном положении (Серебренников, Гаджиева 1979: 35-36; СИГТЯ 1984:204-205). В языках кыпчакской группы пратюркский сонант *g развился в w, j или же совсем выпадал, оставляя о себе память в виде заместительного удлинения предшествующего гласного (Щербак 1970: 171). Особой устойчивостью сонант *g не отличался. Парадигматику чередований *g в известных древних и новых тюркских языках можно найти в специальной литературе (см.: Ряснен 1955: 124-137; Серебренников, Гаджиева 1979: 35-36; СИГТЯ: 199-200, 204-208).

Надо заметить, что в тюркском праязыке заднеязычный палатализованный спирант *g был относительно редким и имел определенные позиционные ограничения.

Пратюркский анлаутный g-

В тюркском праязыке, как мы уже отмечали, заднеязычный палатализованный звонкий спирант в начале слова вообще не встречался. В современных тюркских языках инициальный g- является вторичным. В огузских и некоторых других тюркских языках, в частности - в кумыкском, караимском, карачаево-балкарском, тувинском, тофаларском - анлаутный g- появился в результате ослабления и озвончения праязыкового *k-. Такая реминисценция инициального *k- в современных языках имела место в общем русле тенденции к озвончению тюркского анлаута и охватила и другие начальные глухие смычные.

В современном карачаево-балкарском языке процесс ослабления и соноризации инициального праязыкового **k*- охватывает ограниченное число слов. Детальный анализ этого пласта лексики позволяет однозначно утверждать о вторичном характере анлаутного *g*- (см. подробнее раздел "Пратюркский **k*"). Одним из возможных источников появления анлаутного звонкого *g*- в исконных словах карачаево-балкарского языка, на наш взгляд, является докыпчакский тюркский субстрат, состоящий из нескольких диахронических пластов - булгарской (включая его диалектные варианты: сабиро-суварский, огурский, оногурский, сарагурский, кутригурский и т.п.), хазарской и, в особенности - хронологически более близкой печенежской.

Заметную роль в появлении и количественном развитии инициального *g*- в современном карачаево-балкарском языке сыграли иноязычные заимствования и наследие местного дотюркского субстрата. Большинство слов с инициальным *g*- в исследуемом языке относится к разряду заимствованной лексики. Собственно контактные заимствования и контактно-субстратные заимствования в основном относятся к эпохе автономного развития карачаево-балкарского языка и датируются периодом не ранее XIV века.

Относительно алано-иранских и абхазско-адыгских заимствований эти хронологические рамки могут быть несколько отодвинуты, так как влившиеся в состав складывающегося карачаево-балкарского этноса различные тюркоязычные компоненты - булгары, хазары, печенеги, половцы и различные кыпчакские этнические образования имели непосредственные контакты с аборигенным населением начиная, по крайней мере, с IV в. н.э.

Есть возможность отнести часть иранских (не путать с относительно поздними персидскими и осетинскими заимствованиями) заимствований к скифо-аланскому периоду (ср., например, иранскую этимологию имени булгарского кагана Аспаруха, VI в.: скиф. *aspa* "лошадь" + *ruh* < др.-иран. *rauka* "свет", "светлый", "белый", т.е. "белый конь", ср. украинские фамилии типа *Белоконь*, *Сивоконь* и др.). В пользу такой ранней датировки, наряду с рядом исторических источников свидетельствует также довольно значительное число скифо-аланских и карачаево-балкарских лексических изоглосс и культурологических изопрагм.

В этом отношении следует согласиться с В.И.Абаевым, который писал, что "осетинские элементы в карачаево-балкарском языке - не результаты новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до Верхней Кубани" (Абаев 1949: 143).

Проникновение части иранских, а также основной массы арабских и персидских слов следует считать результатом принятия карачаевцами и балкарцами ислама. Начало этапа исламизации горских народов Кавказа историки относят к периоду первых арабских завоеваний на Кавказе к VII-VIII вв. первого тысячелетия. Самым ранним свидетельством о проникновении ислама на территории, занимаемые ныне карачаевцами и балкарцами являются надгробные каменные плиты XI-XII вв. с мусульманскими куфическими надписями (Лавров, 1966, I, 60; Кузнецов 1970, 186-189), а также о начале проникновения ислама в XI-XII вв. в половецкую среду. В половецком языке, судя по словарю "Кодекс Куманикус", было представлено довольно большое количество арабских и персидских заимствований, ср. арабские - *albet*, *alam*, *alqoran*, *amanat*, *ambar*, *aşuq*, *atar*, *aval*, *elbeti*, *yarip*, *gahalluq*, *govar*, *gurum*, *xabar*, *hajbat*, *xakim*, *xala*, *xale*, *xalal*, *xalqa*, *xalxa*, *xammal*, *xatyr*, *xaq*, *haqyl*, *aqyl*, *xaram*, *xarg*, *hava*, *xazyr*, *xaza*, *haziz*, *aziz*, *xeş*, *xormat*, *xovat*, *xöküm*, *xugra*, *israil*, *katib*, *laal*, *laxab*, *laix*, *maagun*, *maana*, *maxaq*, *maxmuoa*, *majdan*, *margand*, *medet*, *matel*, *misikin*, *mişmiş*, *miret*, *naal*, *namatlu*, *nafas*, *naqara*, *naqş*, *nizam*, *noqta*, *nur*, *qabul*, *qalaa*, *qalaj*, *qalyr*, *qazna*, *qymat*, *raxim*, *saadat*, *saat*, *sahat*, *sayat*, *sabur*, *sadaya*, *safar*, *salam*, *salamat*, *saraf*, *sebeb*, *sonbul*, *şajtan*, *şeir*, *taf*, *tafaruĉ*, *talal*, *taus*, *teksir*, *tugan*, *zafran*, *zaman*, *zangar*, *zejtin* и т.д., персидские - *badam*, *badbaqt*, *bay*, *baha*, *baqĉa*, *baxĉa*, *baxt*, *bazar*, *bazargan*, *be*, *beguda*, *brinĉ*, *bunijat*, *ĉahar*, *ĉaquĉ*, *ĉyraq*, *dary*, *dider*, *dost*, *derzi*, *dela*, *draz*, *drust*, *duşman*, *ganavar*, *gomart*, *guhut*, *gulanak*, *hafta*, *xamuş*, *hamaşa* *hanuz*, *anuz*, *xajar*, *her*, *hergiz*, *ingir*, *kamar*, *kent*, *legger*, *maĝar*, *malaham*, *margumak*, *mohor*, *nardan*, *nil*, *nisan*, *noxut*, *pijala*, *pil*, *palav*, *pajjambar*, *rajgan* *razijana*, *rusi*, *rustai*, *saraj*, *siriş*, *şahar*, *şalyam*, *şanbar*, *şeker*, *şira*, *şişe*, *taftar*, *daĉ*, *tag* *tax*, *tamaşa*, *taqta*, *tastar*, *ten*, *tez*, *top*, *zernek*, *zijan*, *izan*, *zingil* и т.д.

Вместе с тем, недостаточно оснований говорить об исламизации горских народов в XI-XII вв., т.к. имеются исторические свидетельства о популярности языческих и ортодоксальных верований у народов Кавказа.

У кыпчаков, как известно, основной формой религии был шаманизм, "основные черты которого проявлялись в поклонении вещам, волхвовании, вере в добрых и злых духов, культе предков и животных" (ИНСК 1988: II, 178). Кроме того, на территории нынешнего Карачая и Балкарии имеются христианские культовые сооружения, которые тоже свидетельствуют о позднем принятии ислама жителями этих районов. Следы раннего христианства частично прослеживаются

как в духовной культуре, так и в лексике карачаевцев и балкарцев (названия некоторых дней недели *гюрге кюн*, *барас кюн*).

Историки придерживаются, на наш взгляд, правильной точки зрения, когда пишут об усиленном проникновении ислама в конце XVII - начале XVIII вв. Об этом также свидетельствует старейший мусульманский памятник в Балкарии, время написания которого точно известно - 1734 г. (ИНСК 1988: II, 495). Таким образом, говорить об активном освоении арабских и персидских слов следует только начиная с XVII в.

Анлаутный заднеязычный звонкий палатализированный спирант *g*- представлен в следующих пластах лексики, заимствованной из иностранных языков:

- а) аланские заимствования;
- б) абхазо-адыгские заимствования;
- в) арабские заимствования;
- г) персидские заимствования;
- д) осетинские заимствования;
- е) русские заимствования.

Накопление в языке значительного пласта заимствованной лексики с инициальным *g*- устранило традиционный запрет на анлаутный звонкий *g*- и создало прецедент для появления аналогичной фонемы в исконной лексике карачаево-балкарского языка, что, по всей вероятности было и исполнено. На начальном этапе процесс озвончения **k*- > *g*- в исконной лексике исследуемого языка имел позиционно-обусловленные комбинаторные ограничения (примеры см. в разделе "Пратюркский **k*"), а в последствии расширил границы своего влияния.

Пратюркский инлаутный **-g*-

В инлаутной позиции заднеязычный средненебный звонкий спирант **-g*- был представлен относительно широко, о чем убедительно свидетельствуют его рефлексy в известных древних и современных тюркских языках. Отмеченный сравнительно слабой артикуляцией, звук **-g*- в тюркском хронотопологическом континууме не был устойчивым и поэтому чаще и сильнее других звуков подвергался различным изменениям. Благодаря ассимиляторному воздействию смежных гласных, способствовавших увеличению степени раскрытия смычки, фонема **-g*- в интервокальном положении часто преобразуется в среднеязычный *-j*-, неслоговой *-j̣*-, иногда, главным образом в окружении губных гласных, в билабиальный *-w*-, либо сливается с предыдущим

гласным, оставляя реминисценцию в виде дифтонга, долготы гласного или же исчезает полностью, а смежные гласные в результате стяжения сливаются в один долгий или даже нормальный гласный (Рясянен 1955: 99-119; СИГТЯ 1984: 204-207).

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах пратюркский инлаутный *-g- чаще всего отражается в виде среднеязычного -j-, но спорадически встречаются случаи сохранения, полного выпадения и перехода в билабиальный -w- в соседстве с губными гласными.

Пратюркский инлаутный *-g- > кб. -j-

Пратюркский заднеязычный спирант *-g- в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах в интервокальном положении чаще всего переходит в среднеязычный щелевой сонант -j-, ср.:

ПТ *āg- "гнуть"; ср.: *āγ- (~*āḡ-) "гнуть", "сгибать" (ЩФ, 193), *ēg- "гнуть" (Мудрак, 37, 163): дт. eg- "сгибать", "наклонять" (ДТС, 165; МК, I, 168; QBN, 204), eḡ- "гнуть", "сгибать" (ДТС, 174), чув. äv- ~ кб. ij- "наклонять", "сгибать" в составе ijil- "наклоняться", "нагибаться" (КБРС, 1989, 297);

ПТ *āgil- "сгибаться", "наклоняться": чув. avān- ~ кб. ijil-;

ПТ *igā "хозяин": дт. igā ~ кб. ija-;

ПТ *cāgir- "крутить", "вертеть"; ср. c'ebyr-/c'ebir- "крутить" (Мудрак, 37, 160) ~ кб. cūjür-;

ПТ *ög "разум" ~ кб. oḡum "мысль";

ПТ *tāgil- "достаться", "достигать" ~ кб. tijil- "достать, дотронуться";

ПТ *tāgira "вокруг", "кругом" "округа": дт. tegira "вокруг", чув. tavra "округа", "окружение", "вокруг" ~ кб. tijra "патронимический квартал в селе"; "округа", "соседи";

ПТ *tāgir- "доводить", "достать": дт. tegür- "доводить" ~ кб. tijir-;

ПТ *tūgmā "завязка", "пуговица": дт. tūgmā ~ чув. tüme, диал. tävme "пуговица" ~ кб. tūjmā;

ПТ *töḡü "пшено": дт. tōḡi "пшено" ~ кб. tūj-;

ПТ *jāgirmi "двадцать" ~ кб. žijirme;

ПТ *tūḡul "нет", "не": дт. tūḡul "не", "не только" ~ кб. tūjül, tül;

ПТ *ūḡür "совокупность (людей, животных)": дт. üḡür "стадо, табун, стая" ~ кб. ijür "семья" и др.

Пратюркский *-g-, как слабо артикулируемый звук, благодаря ассимилятивному воздействию окружающих гласных, в интервокальной позиции переходил в среднеязычный сонант во многих тюркских

языках. Такая линия развития интервокального *-g- отмечена в турецком (*ejir*- “прясть”, азербайджанском (*ajir*-), туркм. (*ajān* “узда”), кумыкском (*ijir*-), караимском (*ijir*- “прясть”), ногайском (*ijir*-), каракалпакском (*ijir*-), казахском (*ijir*-), киргизском (*ijir*-), алтайском (*ijir*-), уйгурском (*ijir*-), диалектах узбекского (*ijir*-) и других языках. Объем слов с переходом интервокального *-g- > -j- в разных языках различен и, как правило, не совпадает. Различные репрезентации инлаутного *-g- в современных языках прежде всего обусловлены качественными характеристиками окружающих гласных. Так, к примеру, в положении между узкими нелабиализованными гласными *-g- оказывается в наиболее сильной позиции и, как правило, сохраняется (ЩФ, 178).

Следует также отметить, что среднеязычный сонант -j-, как наиболее близкий к гласным, в карачаево-балкарском, как и во многих кыпчакских языках, вызывает сужение предыдущего широкого гласного и таким образом, этимологические *ā и *ō соответственно переходят в узкие i и y.

Патюрский инлаутный *-g- > кб. -g-

Случаев сохранения праязыкового *-g- в современном карачаево-балкарском языке относительно немного, ср.:

ПТ **ajagū* “бок”; ср. **ejaku* “ребро, бок” (Мудрак, 163): дт. *ejägü* “бок”, чув. *ajak* ~ кб. *ijagi*;

ПТ **adgū* “хороший” ~ кб. *igi*;

ПТ **amgāk* “мука”, ср.: **emgek*Л “болезнь” (Мудрак, 164): дт. *amgak* ~ чув. *amak*; чув. *iŋGek* (← тат.) ~ кб. *amgak* “мука”;

ПТ **ičagū* “внутренности”: дт. *ičägü* ~ кб. *ičagi*, *čegi*;

ПТ **bögü* “мудрый”, **bögä* “герой” ~ кб. *bögäk* “гордый”;

ПТ **ägä*- “пилить”, “точить”: дт. *ege*-, *iga*- “точить” (ДТС, 165, 204); туркм. *ige*, кир., каз., кк., ног., алт. *ege*-, саг., койб., кач. *egä*-, тув. *eγe*-, хак. *ige*-, тат., бар., тоб., саг. *igä*- тат., башк. *igä*-, тув. *oγe*-, кир. *ögö*-, чув. *jəGe*- (в составе *jaGev* “напильник”), *jāha*- (в составе верхового диал. *jāha* “пила”) ~ кб. *ägä*- “пилить”, “точить”;

ПТ **jigüt* “юноша”: ~ кб. *žigüt*;

ПТ **jögaru* “вверх”: ~ кб. *oγaru*;

ПТ **jörgä*- “обертывать”: ~ кб. *čörgä*;

ПТ **jügan* “узда”: ~ кб. *žügan*;

ПТ **ögäj* “сводный (родственник)”: ~ кб. *ögä*.

Показательно, что в большинстве примеров *-g- относится не к корневой морфеме, а к аффиксальной. На стыке корневой морфемы с

аффиксальной праязыковой *-g- в карачаево-балкарском языке сохраняется. Другие случаи требуют специального изучения.

Пратюркский инлаутный *-g- > кб. ø

В ряде слов пратюркский инлаутный заднеязычный палатализованный спирант *-g- в карачаево-балкарском языке выпадает, ср.:

ПТ *jörgäma(c) “мясное блюдо из ребрухи”: дт. *jörgamāc* “кушанье, разновидность колбасы, приготовленной из мелких кусков ребрухи”, чув. *šurme* “колбаса, сплетенная из потрохов и кишок” (Ашм., XII, 305-306) ~ кб. *žörmā*;

ПТ *jügür- “бежать”, “двигаться”: чув. *šure-* “ходить” ~ кб. *žürü-*;

ПТ *böğür(ak) “почки”; ср.: *bögrek “почка” (анат.) (Мудрак, 53, 174): дт. *bögür*, чув. *püre* ~ кб. *büräk* // *büjrek*;

ПТ *agin “плечо”; ср.: *eg(i)n “плечо” (Мудрак, 37, 163): дт. *egin* ~ кб. *in*, ср.: *inbaš*, *imbaš*, а также *ün* (RäsEWb., 37); ср. чув. *anBušši*, *amBušši* “плечо”;

ПТ *algā- “просеивать”, ср.: *elge-/egle- “просеивать” (Мудрак, 34, 164): дт. *algā*, чув. *ällä-* ~ кб. *alā-* “просеивать”, *alak* “сито”;

ПТ *alcigak > *ašgak “осел”: дт. *ašgak*, чув. *āzāk* (< *alēgak) ~ кб. *āšāk*;

ПТ *ögrān- “учиться”, ср.: *ögren-* “учиться” (Мудрак, 54, 172): дт. *ögrān-* ~ кб. *ürān-*; *üjran*;

ПТ *ögüzān > *ōzan “река”; ср.: *ōrsen “долина, ложбина” (Мудрак, 173): дт. *ögüz* “река” ~ кб. *ōzān*; ср. чув. *var* “овраг” < *âvar* < *ōgüz; *varak* “овражек, ложбина” < *ōzāk < *ōgüzāk; *vazan* “ложбина, долина” *ōzān (← тюрк.) и др.

Пратюркский ауслатный *-g

В абсолютном конце слова пратюркский заднеязычный палатализованный звонкий смычный *-g, в виду слабой своей артикуляции, в истории тюркских языков не обладал особой устойчивостью. Благодаря ассимиляции предшествующего гласного, способствовавшего большей степени раскрытия смычки, он часто переходил в среднеязычный сонант *-j*, после губных гласных также в билабиальный *w*. В некоторых языках реминисценциями пратюркского ауслатного *-g являются неслоговые *j* и *u*, образовавшиеся в результате слияния с предыдущим гласным слабых *j* и *w*. Иногда этот процесс идет еще дальше и проявляется в образовании вторичных долгих гласных или даже гласных нормальной длительности. Однако при полной вокали-

зации ауслаутного согласного реминисценции праязыкового -g проявляются в изменении качества гласного.

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах в ауслаутной позиции пратюркский *-g практически не удержался, он переходил в переднеязычный -j, реже, обычно после губных гласных, - в билиабильный -w или же вообще выпадал. Аналогичные линии развития пратюркского *-g в абсолютном исходе слова отмечены в большинстве кыпчакских, а также и в других тюркских языках.

Пратюркский ауслаутный *-g > кб. -j

Закономерным отражением пратюркского заднеязычного палатализованного звонкого спиранта *-g в ауслаутной позиции в современном карачаево-балкарском языке является среднеязычный сонант -j:

ПТ *āg- “гнуть”; ср.: *āγ- (*āγ-) “гнуть”, “сгибать” (ЩФ, 193), *eg- “гнуть” (Мудрак, 37, 163): дт. eg- “сгибать”, “наклонять” (ДТС, 165), eγ- “гнуть”, “сгибать” (ДТС, 174); туркм. ēg-, тур. ej-, ij- (в диалектах также eγ-, eñ-, ėn-, ek-, ag-, aj-, iγ-, iv-), аз. aj-, гаг. i-, кт. eg-, узб. eg- (в диалектах - āγ-, ej-, ij-), уйг. ag-, eg-, диал. ig-, хотан. ög-, лобн. eg-, сал. eg-, хак. ig-, eg-, саг., койб. ig-, eg-, кач. eg-, кюзр. āg-, чулым. āg-, тув. eγ-, тоф. eγ-, якут. iex-, алт. ij-, eγ-, тел. i-, eγ-, кир. ij-, i-, eγ-, каз. ij-, i-, кк. ij-, ног. ij-, кум. ij-, диал. ek-, кар. eg-, тат. ij-, i-, башк. ij-, чув. av- “гнуть”, “сгибать” ~ кб. ij- (в составе jil- “наклоняться”; “нагибаться”), “гнуть”, а также jile- “гнуть”;

ПТ *cīg “чий”; “цыновка из чия”: дт. cūγ “чий блестящий” ~ кб. cīj;

ПТ *cīg “сырой”; ср.: *δiγ “сырой”, “неваренный” (ЩФ, 197) ~ кб. cīj “сырой”;

ПТ *tāg- “доставать”; “дотронуться”; ср.: *tāγ- “достигать”, “касаться” (ЩФ, 197); ПТ *teg- “касаться” (Мудрак, 92, 178): дт. teg- “доходить”, “достигать”; “касаться” (ДТС, 546-547), чув. tiv- ~ кб. tij-;

ПТ *tög- “толочь” (Мудрак, 54, 180): дт. tög-, чув. tū- ~ кб. tūj-;

ПТ *tūg- “завязывать”; ср.: *tūv- “завязывать, стягивать”; “застегивать”; ПТ *tyg- (чит. tūg- А.Ч.) “завязать” (Мудрак, 65, 181): дт. tūg- “завязывать” ~ кб. tūj- и др.

Пратюркский ауслаутный *-g > кб. -w

В единичных случаях наблюдается нетривиальное соответствие праязыкового ауслаутного *-g карачаево-балкарскому билибиальному -w. Единичность примеров не позволяет вывести закон ряда, но, тем не

менее, следует отметить, что данное явление отмечено после этимологического переднерядного широкого губного δ , ср.:

ПТ **kōg* “мелодия” (см. RäsEWb, 286: *kōg* с долготой); ср.: **kōy* “мелодия”, “напев”, “звук”, “голос” (ЩФ, 195); ПТ **k'ūg*/**kōg* “мелодия” (Мудрак, 65, 171): дг. *kōg* (← кит. цюй, *khyōg*) “мелодия” (ДТС, 311-312), туркм. *kōk* “веселый”, ср. также *kōj* “думы”, *kūj* “мысли”; тур. *kōk*, аз. *kūj*, чаг. *kōk*, узб. *kūj*, уйг. *kūj*, хак. *kōg*, кыз. *kōg*, шор. *kūg*, тув. *xōg*, сой. *xōg*, койб. *kōv*, алт., тел. *kū*, каз., кк., ног. *kūj*, бар. *kūj*, *kū*, тат. *kōj*, башк. *kōj*, чув. *kəvə* ~ кб. *kūw*, балк. *kūj* “песня-плач”.

Лабиялизация конечного этимологического заднеязычного палатализованного спиранта *-g и его развитие в билабиальный -w имеет место и носит регулярный характер в составе деривационного аффикса -*Vw*, образующего субстантивную форму глаголов или ма-сдары, ср.: кб. *bilāw* “точка чего-либо”; “оселок”, “брусек”, “точило” < **bilāg* < **bilā*- “точить” + -g; кб. *biliw* “знание”, “узнавание”, “догадка”, “познавание” < **bilig* (< **bil*- “знать” + -ig); кб. *bitāw* “закрывание”, “закупорка” < **bitāg* (< **bit*- “закрывать”, “закупоривать” + -āg); кб. *bičiw* “кроение”, “кройка” < **bičig* (< **bič*- “резать” + -ig); кб. *žāgiw* “запряжка”, “впрягание” < **jāgig* < **jak*- “запрячь”, “запрягать” + -ig); кб. *žājiw* “победа” < **jāgig* (< **jāḡ*- “победить”, “побеждать” + -ig); кб. *ōkūniw* “сожаление”, “раскаяние” < **ōkūniḡ* (< **ōkūn*- “сожалеть”, “раскаиваться” + -ig) и т.д.

В ауслауте карачаево-балкарских слов билабиальный -w регулярно встречается также в составе аффикса -*Vw*, образующего собирательные числительные из порядковых; ср.: кб. *bir* “один” - *birāw* “один человек”, “некто” < **birāgū* (< *bir* “один” + -āgū); кб. *ūč* “три” - *ūčāw*, *ūčāwlan* “трос” < **ūčāgū* (< **ūč* “три” + -āgū); кб. *tōrtāw* “четверо” < **tōrtāgū* (< **tōrt* “четыре” + -āgū) и т.д.

Судя по межъязыковым соответствиям, “утрата” конечного согласного *-g имела место еще в общекипчакскую эпоху и этот процесс не является сугубо карачаево-балкарской инновацией. Можно, даже с большей уверенностью, предполагать, что формы с конечным (аффиксальным?) *-g являются вторичными, производными от более чистых корневых основ. В любом случае, формы типа **alli-k* < **kič-i-k*, **āl-ik*, *tiri-k* выглядят как производные. Надо думать, что в каждом конкретном случае мы наблюдаем здесь специфические аффиксы: собирательный (**āl* “пятьдесят” + -āgū > **alligi* “пятидесятка”), деминутивный (**āl* “рука” + -ik > **alig* “ручка”, “часть руки”, “кисть”), деривационный (**tiri* “живой” + -ig > *tirig* “живность”, “живое существо”, ср.: *ōlū* “мертвый” + -ūk > **ōlūk* “труп”, “покойник”; также: **kič-i* “маленький” + -ik > **kičig* “малец”, “младенец”, “малость”) и т.п.

Кстати, в чувашском языке довольно широко представлены подобные формы как бы с избыточной аффиксацией, ср.:

- ПТ **aj* “месяц” ~ чув. *iĵ x* < **aj* - *iq*;
 ПТ **tūs* “сновидение” ~ чув. *k* < **tul-uk*;
 ПТ **tul* “вдова” ~ чув. *tələx* < **tül-üq*;

Пратюркский ауслаутный *-g > кб. -ø

В современном карачаево-балкарском языке этимологический пратюркский заднеязычный палатализованный смычный *-g может выпадать, ср.:

ПТ **ällig* “пятьдесят”; ср. **el(l)ig* “пятьдесят” (Мудрак, 131, 164): дт. *ellig/elig/illig* “пятьдесят”, туркм. *elli*, тур. *elli*, кт. *elli*, кар.к. *elli*, кум. *elli*, ног. *elli*, кк. *elli*, аз. *älli*, гаг. *ielli*, кар. т.г. *evli*, кар.г. *enli*, кар.г. *igli*, узб. *ellik*, диал. *älli*, уйг. *ellik*, диал. *llig*, лобн. *ellik*, тар. *ellik*, чаг. *ellik*, саг., койб., кач. *elig*, кир. *elü*, алт. *elü*, *ölü*, др.-уйг. чаг. *alik*, хак. *ilig*, койб., саг., кач. *illig*, тат., башк. *illi*, каз. *elüw*, бараб. *illä*, чув. *ällä* ~ кб. *älli* “пятьдесят”; *elliw*, редко *ellik*;

ПТ **kičig* “маленький”: дт. *kičig* “маленький”, тур. *kiç(i)*, каз. *kişi*, коман. *kiči*, кум. *gičči*, уйг. *kičig*, ср.-тюрк. *kičig*, *kičüg*, чаг., тар., тел. *kičik*, тур.диал. *küçük*, хал. *kičig*, кюэр. *kižik*, саг. *kižak*, алт. *küčü*, чув. *kəžən* ~ кб. *kiči*, карач. *kiči*, *kiče*, *kičce*, балк. *kiči* “маленький”;

ПТ **al(ig)* “рука”; ср. **al* “рука, кисть руки” (ЩФ, 193); ПТ **el(ig)* “кисть руки” (Мудрак, 34, 164): дт. *älig* “кисть руки”, др.-уйг. *alik*, чаг. *alik*, лобн. *elik*, с.-юг. *eliv*, узб. *ilik*, уйг. диал. *ilik*, *ilig*, якут. *eli*, *ili*, чув. *alä* “рука”;

- туркм. *el*, тур. *el*, аз. *äl*, узб. диал. *äl*, уйг. диал. *äl*, гаг. *iel*, дт. *el*, *il*, чув. *äl* “рука”;

- кир. *eli*, ног. *eli*, кк. *eli*, чаг. *ali*, каз. *eli*, *eli*, алт. *elü*, *ölü*, тат., башк. *ili*, тат. *illi*, кюэр., куманд., шор. *älig*, саг., койб. *elig*, алт., тел. *ölü*, уйг. *elek*, др.-уйг. *alik* саг. *ilig*, тув. *iliḡ*, хак. *ilig*, якут. *ili*, бар. *ilü*, тар. *ilik*, уйг. диал. *ilig* “ширина/толщина пальца (как мера длины)”; “палец” ~ кб. *el* “ширина пальца (как мера длины)”;

ПТ **tirig* “живой”, ср.: **tirig* “живой” (Мудрак, 77, 179): дт. *tirig*, туркм. *diri*, аз. *diri*, тур. *diri*, хорезм. *diri*, уйг. *tirik*, каз. *tərä*, тат. *dere*, тюркют. *tirig*, др.-уйг. *tirig*, МК. *tirig*, *tirig*, тув. *dirig*, тоф. *diriḡ*, якут. *tirer-* “оживлять” (отыменной глагол), чув. *cārä* “живой” ~ кб. *tiri* “живой”;

ПТ **kümür* “уголь”: чув. *kämṛäk* < **kümür-ük* ~ кб. *kömür* “уголь”;

ПТ **bäl* “поясница”: чув. *pil k* < **bäl-ik* ~ кб. *bäl* “поясница”;

ПТ **bāš* "пять": чув. *pil k* < **bāl-ik* ~ кб. *bāš* "пять" и т.п. (см.: Федотов 1979: 39-40).

Факты чувашского языка дают основу для предположения о том, что в языках огузского круга мы наблюдаем явление вторичной эпентезы, поэтому говорить об апокопе в языках кыпчакского типа не приходится. Тем не менее, проблема эпентезы/апокопы в тюркском ауслaute требует специального исследования с привлечением соответствующих фактов из широкого круга известных тюркских языков. Наряду с чисто этимологическими приемами в таких изысканиях важное место должны занимать ареально-географические, хронотопологические и семантические приемы исследований.

Пратюркский *γ

Для пратюркского состояния реконструируется почти всеми исследователями заднеязычный веляризованный звонкий смычный согласный *γ. Вместе с тем все тюркологи единодушно отмечают, что в пратюркском, как и в современных тюркских языках, заднеязычный звонкий *γ в анлаутной позиции не употреблялся. Тюркская компаративистика отмечает наличие данного звука только в заднерядных словах в ауслautной (в конце корня или слова), в инлаутной (в конце закрытого слога перед согласным), в интервокальной (в пределах первого и второго слога) позициях (Ср.: Щербак 1970: 171; Рясянен 1955: 99-110; Серебrenников, Гаджиева 1979: 44-45; СИГТЯ 1984: 200-203; Гаджиева 1979: 61-62 и др.). Заднеязычный веляризованный звонкий *γ, как слабо артикулируемый, в истории тюркских языков не обладал какой-либо выраженной устойчивостью. Благодаря ассимиляторно-диссимиляторным и комбинаторным воздействиям соседствующих гласных, как правило, способствовавших большей степени раскрытия смычки, согласный *γ часто трансформировался в билабиальный звонкий w, неслоговой ɰ, иногда, в зависимости от качества окружающих гласных, в среднеязычный звонкий щелевой j, а в ряде языков исчезает полностью, иногда оставляя репрезентативную долготу предшествующего гласного. В интервокальном положении звук *γ часто выпадает, в результате чего наблюдается стяжение смежных гласных в один долгий.

Пратюркский инлаутный *-γ-

Праязыковой инлаутный *-γ- в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах сохраняется в редких случаях (которые требуют индивидуального подхода, см. ниже) и, как прави-

ло, отражается в виде билабиального звонкого щелевого и (орфографически у). В этом отношении карачаево-балкарский язык ведет себя точно так же, как и большинство кыпчакских языков, ср.:

ПТ **āyuz* “рот”; ср.: **ayurA* “rot” (Мудрак, 159): туркм. *āyuz*, аз. *ayuz*, кт., кар.к. *ayuz*, лобн. *ayuz*, дт. *ayuz* (ДТС, 21), чаг. *ayiz*, с.-юг., лобн. *ayys*, бараб. *ayys*, тур. *ayuz*, МК *ayuz* (Kašg 13), гаг. *āz*, тув. *ās*, хак. *ās*, саг., шор. *ās*, тур. диал. *ayuz*, каз. *awuz*, ног. *awuz*, кк. *awuz*, башк. *awuδ*, кар. *awuz*, кум. *awuz*, тат., кр.-тат., каз. *aiz* (Р, I, 82), кир. *ōz*, алт. *ōs*, *ūs*, тел. *ūs* (Р, I, 1741), узб. *ayiz*, уйг. *eʔiz*, др.-тюрк. *aʔaz*, лобн. *azuʔ*, якут. *uos*, чув. *šāvar* “рот” ~ кб. *awuz* “рот”;

ПТ **āyir* “тяжелый”: дт. *ayur* “тяжелый” (ДТС, 18, 19), пол. *ayur* “тяжелый” (Гр., 29), кт. *ayur* “тяжелый”, кар.к. *ayur* “тяжелый”, кар.к. *awur* “тяжелый”, кк. *awur* “тяжелый”, ног. *awur* “тяжелый” ~ кб. *awur* “тяжелый”;

ПТ **ayuru* “болезнь”: дт. *ayru*, *ayuruʔ* “болезнь” (ДТС, 22), пол. *ayru* “болезнь” (Гр., 28), кар. *awru-* “болеть”, кум. *awru-* “болеть” ~ кб. *awruw* “болезнь”;

ПТ **aytar-* “повергать”: дт. *aytar-* “повергать” (ДТС, 23) ~ кб. *awdur-* “повергать”;

ПТ **bayur* “печень”: дт. *bayur* “печень” (ДТС, 78), пол. *bayur* “печень” (Гр., 47), кум. *bawur* “печень” (РКС, 652), кк. *bawur* “печень” (РККС, 666), каз. *bawur* “печень” ~ кб. *bawur* “печень”;

ПТ **ayuz* “молозиво”: дт. *ayuz* “молозиво” (ДТС, 24), пол. *ayuz*, *ayuz* “молозиво” (Гр., 30), кум. *uwuz* “молозиво” (РКС, 412) ~ кб. *uwuz* “молозиво”;

ПТ **bayla-* “привязывать”: дт. *bayla-* “привязывать” (ДТС, 78), пол. *bayla-* “привязывать” (Гр., 47), кар.к. *bayla-* “связывать”, “завязывать”, “вязать”, “подвязывать” ~ кб. *bawla-* “связывать”, “завязывать”, “подвязывать”, “привязывать”;

ПТ **boyin* “сустав”: дт. *boyin* “сустав”, “сочленение” (ДТС, 109), пол. *boyin^* *biyin* “сустав”, кум. *biwin* “сустав” (РКС, 992) ~ кб. *biwin* “запястье”;

ПТ **ayuz* “голос” ~ кб. *awaz* “голос”.

Ср. также: ПТ **jayuq* “близко” ~ кб. *ʒiwuq*

ПТ **joʔan* “толстый” ~ кб. *ʒiwan*

ПТ **joʔurut* “ряженка”, “ряженец” ~ кб. *ʒiwurt*

ПТ **joʔurʔan* “одеяло” ~ кб. *ʒiwurʔan*

ПТ **qaduʔi* “горе, беда” ~ кб. *qajʔu*

ПТ **qayin* “дыня” ~ кб. *xiwan*

ПТ **qayiq* “мочевой пузырь” ~ кб. *quwiq*

ПТ **qayir-* “жарить” ~ кб. *quwir-*

ПТ **qayut* “толокно” ~ кб. *quwut*

ПТ **saɣu* “кожа со спины” ~ кб. *sawru*

ПТ **soɣuq* “холод” ~ кб. *suwuq*

ПТ **toɣra-* “резать, рубить” ~ кб. *tuwra-*

ПТ **toɣru* “прямой” ~ кб. *tuwra*.

В инлауте некоторых карачаево-балкарских слов встречается заднеязычный веляризованный смычный *-ɣ-*, имеющий прямые соответствия в древнетюркских памятниках, ср., например, кб. *baɣɣr* “медь” ~ дт. *baɣɣr* (ДТС, 78); кб. *ṣaɣɣr* “вино” ~ дт. *ṣaɣɣr* “виноградный сок”, “молодое вино” (ДТС, 136) и т.д. Однако, надо иметь в виду, что для подобных слов в архетипе восстанавливается не звонкий **-ɣ-*, а глухой велярный *-q-*, ср. дт. *baqɣr* “медь” (ДТС, 82), **ṣaqɣr* “вино” и т.п. Конкретный анализ межъязыковых генуинных основ также свидетельствует о том, что в пратюркском в данных словах фигурировал заднеязычный веляризованный глухой смычный **-q-*, ср.: туркм. (диал.), кт., кар.к., кир., каз., ног., кк., тат., башк., узб. (диал.) *baqyr*, тур., гаг. *bakyr*, узб. *baqir*, чаг., узб., вост.-тюрк. *bakir*, тур.д. *baxur*, аз. *raxur*, туркм. (диал.) *raqyr*, узб., уйг. *raqyr*, *raqir*, чув. *pāhār* (< **raqyr*) “медь”. Формы со звонким *-ɣ-* имеют довольно ограниченный ареал и охватывают главным образом карачаевский (*baɣɣr*), балкарский (*baɣɣr*), караимский (т., г., л. *baɣɣr*), куманский, а также некоторые древнетюркские памятники.

Такая же картина наблюдается со словом *ṣaɣɣr* “вино”, ср.: тур. *ṣakyr*, кум. *ṣaqyr*, туркм. *ṣakyr*: уйг. *ṣaqyr*, якут. *ṣuɣyr*, но, в то же время, ср.-тюрк. *ṣaɣɣr*, куман., кар.т. *ṣaɣɣr*, тар. *ṣagir*, кар.л. *ṣaɣɣr*, вост.-тюрк. *ṣeɣir*, каз. *suɣyr* “вино”, “виноградный сок”, “молодое вино”. Эти примеры показывают, как осторожно надо обращаться с межъязыковыми соответствиями при анализе фонетических процессов.

Среди слов, направляющих исследователя по ложному пути, могут быть и иноязычные лексические вкрапления. Особую опасность представляет ранние заимствования, получившие достаточно широкое распространение в современных тюркских языках. К таковым, например, относится кб. *qayut* “бумага”, “лист”, “письмо”, заимствованное из арабского языка в относительно раннюю эпоху; ср.: дт. *qayut*, *kaɣaδ*, *kaɣid*, *kagada*, *kagda*, *qayaz* “бумага” (см.: ДТС, 288, 294, 405), араб. “бумага” (Баранов 1985: 672).

Анализ фактического материала показывает, что закономерным рефлексом праязыкового **-ɣ-* в современном карачаево-балкарском языке является билабиальный *-w-*. Однако встречаются единичные примеры, когда праязыковому **-ɣ-* в современном карачаево-балкарском языке также соответствует заднеязычный веляризованный

звонкий смычный -γ-. Такое нетривиальное соответствие требует индивидуального подхода к каждому конкретному случаю. Так, например, пратюркскому **boγaz/*boγur* “горло” (ср.: **bog(u)r* “горло” [Мудрак 45: 174]) в современном карачаево-балкарском соответствует слово *boγaz* со специализированным географическим значением “пролив”, “затон”. В значении же “горло” употребляется слово *tamaq* “горло”, “глотка”, “гортань” (КБРСл. 1989: 600). В карачаево-балкарском языке закономерно ожидалась бы форма **biwaz* “горло”, но этого слова мы не находим в словарях. Очевидно, оно было вытеснено из языка синонимичным словом *tamaq* “горло”. Показательно, что омонимичное слово **boγaz* “беременная” в современном карачаево-балкарском языке отражается в закономерной форме *biwaz* “беременная”.

В связи с таким положением вещей напрашивается предположение, что слово *boγaz* “пролив”, “затон” в исследуемом нами языке является не исконным, а заимствованием из контактирующих тюркских языков. Рассмотрим это слово в историко-этимологическом и ареально-географическом аспектах. Интересующее нас слово представлено практически во всех группах тюркских языков, ср.:

огуз.: туркм. *boγaz*; тур. *boaz*, тур. (диал.) *boγaz*, *boγoz*, *biγaz*, *buaz*, *boγuz*; аз. *boγaz*, *boγas*; гаг. *biγaz*, *buaz*, кт. *boγaz*;

карл.: чаг. *boγaz*, *boγas*, *boγuz*; тар. *boγuz*, узб. *boγaʻoz*, *boγiz* (диал.) *boγaz*, *biγuz*, *buγuz*; уйг. *boγaz* (диал.) *boγaz*, *biγaz*, *boγuz*, *boγuz*, *boγuz*, *boγus*, *boγus*; хот. *boγuz*; лобн. *boγuz*;

кыпч.: кум. *biγaz* (Сатыбалов, 31), кар.к. *boγaz*, *boγoz*, *boγuz* (в составе *boγuzlan-* “быть закалываемым”); тат. *biγaz*, бапк. *biγaδ*, бар. *piʻaz*, тоб. *biγuz*, ног. *boγaz*, каз. *buaz*, *bawuz* (диал.) *biγaz*, *biγuz*; кк. *biγaz*; кир. *boγoz*, *boγuz*; якут. *buos-ax* “глотка”; тоф. *bōs*, тув. *bosta* “горло”; чув. *pyr* “горло”, “глотка”.

Исключением являются сибирские (саяно-алтайские) тюркские языки, в которых, по всей вероятности, это слово было вытеснено поздними заимствованиями, хотя его рефлексy сохранялись в тофаларском, тувинском и якутском языках.

Показательно также, что в близкородственном кумыкском языке слово *biγaz* в словарях в прямом, аналогическом значении “горло” не отмечено, А.А.Сатыбалов приводит это слово в значении “пролив”; в таком же значении отмечено это слово в ногайском языке. Отсутствие прямого анатомического значения при явно вторичном, производном географическом значении “пролив” красноречиво свидетельствует, что слово *biγaz* в карачаево-балкарском бесспорно является заимствованием.

Таким образом, конкретный углубленный анализ слов с ингервокальным *-ɣ* в современном карачаево-балкарском языке показывает, что нет никаких оснований говорить о сохранении праязыкового заднеязычного веляризованного звонкого смычного *-ɣ* в исконных словах. В данной позиции этимологический **-ɣ* в современном карачаево-балкарском языке регулярно переходит в билабиальный *-w* и, в редких случаях, обычно после *y*, в среднеязычный *-j*.

Пратюркский инлаутный **-ɣ* → кб. *-j*

В единичных словах пратюркский заднеязычный веляризованный звонкий смычный **-ɣ* в современном карачаево-балкарском языке переходит в среднеязычный звонкий щелевой *-j*, ср.:

ПТ **jɣɣ* “собирать”; ср. **ɖɣɣ* “собирать” (ЩФ, 196): дт. *jɣɣ* “собирать” (ДТС, 265), туркм. *jɣɣ*, аз. *jɣɣ*, узб. диал., уйг. диал. *jɣɣ*, с.-юг. *jɣɣ*, лобн. *jɣɣ*, чаг. *jɣɣ*, уйг. диал. *jɣq*, лобн. *jɣq*, тур. *jɣg*, гаг. *jɣɣ*, ног., башк., тат. *jɣj*, ком. тоб., кт. *jɣ*, узб., уйг., с.-юг., сал., лобн., чаг. *jɣɣ*, с.-юг. *jɣq*, алт. *jū*, *jū*, кар.к. кум., кир., тат. *žɣj*, каз., кк. *žɣj*, уйг. *žig*, алт. *dū*, хак., тув., тоф. *ɕɣɣ*, кыз. *siɣ* “собирать”, чув. *jeʃəɲ* “весенний общеродовой праздник”, букв. “собрание”, “сборище” (← тат. *jɣjɪn*) ~ кб. *žɣj* “собирать”;

ПТ **jɣɣɪl* “собираться”: дт. *jɣɣɪl* “собираться” (ДТС, 265), пол. *jɣɣɪl*, *jɣɣɪl* “собираться” (Гр., 132), кум. *žɣjɪlmaq* “собираться” (РКС, 947) ~ кб. *žɣjɪl*, *žɣjɪl*, *zɣjɪl* “собираться”;

ПТ **sɣɣɪn* “вмещаться”, ср.: дт. *sɣɣ* “вмещаться” (ДТС, 502), пол. *sɣɣɪn*, *sɣjɪn* “вмещаться”, кар.к. *sɣɣ* “помещаться” кум. *sɣj* (-*dyrmaq*) “поместить” (РКС, 713), каз. *sɣj* “поместиться”, тат. *sɣja* “помещается” ~ кб. *sɣjɪn* “вмещаться”;

ПТ **sɣɣɪr* “корова”, ср.: дт. *sɣɣɪr* “корова”, пол. *sɣɣɪr* “корова” (Гр., 227), тат. *sɣjɪr* “корова”, кум. *sɣjɪr* “корова” ~ кб. *sɣjɪr* “корова”.

Данное фонетическое чередование, как правило, наблюдается только в тех случаях, когда праязыковой **-ɣ* непосредственно следует за негубным гласным заднего ряда верхнего подъема *y*. Согласный *-ɣ* после *y* переходит в *-j* в результате прогрессивной ассимиляции, вызванной артикуляционными особенностями этого гласного. Дело в том, что при произношении гласного *y* средняя часть языка приподнимается к верхнему небу, т.е. артикуляционный аппарат настраивается почти так же, как при произношении среднеязычного щелевого *-j* в результате чего последующий согласный *ɣ* передвигается, как обычно, в лабиальную область, и вместо ожидаемого губно-губного *-w* получается среднеязычный *-j*.

Пратюркский инлаутный *-γ > кб. -Ø

В сравнительно небольшом числе слов праязыковой заднеязычный веляризованный звонкий смычный *-γ в современном карачаево-балкарском языке в инлаутной позиции подвержен практически полному выпадению, ср.:

ПТ **buɣdaj* “пшеница”, ср.: **bugdaj* “пшеница” (Мудрак, 175) ~ кб. *budaj*;

ПТ **juɣla-* “плакать” ~ кб. *ɟyla-*;

ПТ **oɣlan* “юноша” ~ кб. *ulan*;

ПТ **oɣlaq* “козленок” ~ кб. *ulaq*;

ПТ **oɣɣut-* “увеличивать” ~ кб. *ullu* (< **oɣɣut*);

ПТ **oɣɣyla-* “воровать” ~ кб. *urla-*;

ПТ **oɣul* “сын” ~ кб. *ul*;

ПТ **qaɣatyr* “мул” ~ кб. *qadyr*;

ПТ **qarɣaq* “ворота” ~ кб. *qabaq*;

ПТ **qulɣaq* “ухо” ~ кб. *qulaq*.

Выпадение инлаутного *-γ в карачаево-балкарском, как правило, имело место в случаях, когда непосредственно впереди или после -γ оказывались плавные сонорные или щелевые согласные. Стечение согласных могло быть как этимологическим, праязыковым, так и историческим, т.е. вторичным. Выпадение, по всей вероятности, происходило после перехода заднеязычного -γ в билабиальный -w-. По своим артикуляционным характеристикам билабиальный -w- приближается к сверхкратким, неслоговым гласным и в соседстве с сонорными этот специфический звук как бы проглатывается ими.

Здесь же следует отметить один уникальный случай, когда инлаутное сочетание *-nγ в современном карачаево-балкарском языке отражается в виде среднеязычного -j-, ср.:

ПТ **jānɣaq* “щека” (< **jan* “бок”, “сторона” + *-ɣaq*): туркм., тат., башк., уйг., тар., ккир., бар., коман., дт., др.-уйг., чаг., вост.-тюрк. *jaŋaq*, чаг. *jaŋaɣ*, сал. *jaŋax*, тур., гаг., кар.к., крым. *janak*, кар.т. *janax*, аз. *janaq*, узб. *jaʼnaʼq*, кар.к. *jaŋaq*, кум. *jajaq*, кар.т.г. *jajak*, кар.т. *jajax*, аз. диал. *jajax*, с.-юг. *jinaq*, *jynaq*, алт., тув.д. *jāq*, алт., леб., сой., кюэр., куманд., ком. *jāq*, узб. (диал.) *jaq*, *jaɣ*, тат. *žaŋaq*, кир. *žāq*, узб., уйг. *zaɣ*, с.-юг. *žiŋaq*, каз., кк. *žaɣ*, алт. *dʰaq*, тоб. *haŋaq*, тоф. *ṇāq*, шор., сой. *nāq*, хак., кыз. *nāx*, тув. *čāq*, якут. *suŋāx*, чув. *janaɣ* (← тат.) ~ кб. *žajaq*, балк. *žijaq* “щека”.

Очевидно, в данном слове инициальный j- вызвал палатализацию последующего согласного n (> *n' > *j > j), а также сужение гласного первого слога и его передвижение в передний ряд. В действи-

тельности здесь мы встречаемся не с рефлексом этимологического *-y*, который выпал сравнительно рано (ср. ПТ **qulɣaq* > кб. *qulaq* “ухо” и др.), а реминисценцией палатализованного *-n'*. Следовательно, развитие всего слова в карачаево-балкарском осуществлялось в следующей последовательности:

ПТ **jānɣaq* > **jaŋɣaq* > **jaŋaq* > **jaŋaq* > **jajaq* > **jijaq*; ср.: кб. *ǰajaq*, *ǰajaq*, *ǰuɣaq*, *ǰuɣaq*, *ǰijaq*, *ǰijaq* “щека”.

Следовательно, в данном случае не имеется оснований для утверждения о переходе праязыкового **-ɣ* в карачаево-балкарском языке в среднеязычный *-j*-, т.к. последний звук является непосредственной репрезентацией совершенно другого согласного - носового *-n*-, палатализованного предшествующим среднеязычным **j*- в результате прогрессивной ассимиляции.

Пратюркский ауслатный **-ɣ*

В абсолютном конце слов праязыковой заднеязычный веляризованный звонкий смычный **-ɣ* в современном карачаево-балкарском языке ведет себя совершенно аналогично инлаутному **-ɣ*, т.е. в обычных случаях этот звук трансформируется в билабиальный звонкий щелевой *-w*, позиционно обусловленной вариацией этого явления следует считать его отражение после гласной фонемы *y* в виде среднеязычного звонкого щелевого *-j*. В ряде случаев праязыковой **-ɣ* в абсолютном конце исконных тюркских слов в современном карачаево-балкарском соответствует нулю звука (**-ɣ* > *-∅*), однако следует отметить, что процесс элизии ауслатного **-ɣ* начал проявлять себя уже в позднепратюркский период и особенно усилился в древнетюркскую эпоху. Поэтому процесс элизии ауслатного **-ɣ* не следует понимать как характерное для карачаево-балкарского языка явление.

Пратюркский ауслатный **-ɣ* > кб. *-w*

Как мы уже отметили, пратюркский ауслатный **-ɣ* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах отражается как билабиальный *-w*. Переход заднеязычного веляризованного звонкого смычного **-ɣ* в билабиальный звонкий щелевой *-w* наблюдается и в истории кыпчакских тюркских языков в целом, ср.:

ПТ **āɣ* “орудие охоты”, ср.: **āɣ* “орудие охоты”; “сеть”; “загон” (ЩФ, 193): дт. *ay* “силос”, “ловушка” (ДТС, 16); *av* “сети”; “невод”; (ДТС, 69) ~ кб. *aw* “паутина”; “сеть”, “бредень”, “невод”; “бельмо”; “пелена”, “провокола”, “завеса”; “платок”;

ПТ **āy* “промежность”, ср. **ay* “переход через какой-либо предел”; “промежность” (ЩФ, 193): дг. *ay*, *ay* “ляжки” (ДТС, 16); уз. (диал.) *ay*, аз. *ay*, уйг. *а°у*, гаг. *ā*, кар.к. *aw*, каз., ног., кум., *aw* “клин между штанинами”, “мотня штанов”, “пах”, “промежуток между раздвинутыми ногами, пальцами”, “пах”; якут. *axta* “средняя часть (ширинка) штанов, портов” (Пек., I, 207) ~ кб. *aw* “мотня”, “клин в шагу брюк”;

ПТ **āy-* “подниматься”, “переваливать(ся)” (ЩФ, 193): дг. *ay-* “подниматься”; *ay-* “подниматься (вверх)”, “восходить”: “вздыматься”, “преподниматься”, “подниматься” (ДТС, 16) ~ кб. *aw-* “валиться”, “падать”; “перевалить”, “перейти”, “переехать”, “подниматься (вверх)”;

ПТ **bāy* “завязка”, “перевязь”, “веревка”; “связка” ~ кб. *baw* “завязка” (веревка, тесьма, штур, лямка и т.п.), “поводок”, “ошейник”;

ПТ **boγ-* “сдавливать”, “душить”; ср.: **roγ-* “сдавливать”, “душить” (ЩФ, 196); ПТ **bog-* “сдавить, душить” (Мудрак, 174) ~ кб. *biw-* “жать”, “давить”, “душить”, “нажимать”, “связывать”;

ПТ **jāy* “жир”, “масло”; ср.: *θay* “масло”, “жир” (ЩФ, 196); дг. *jay* ~ кб. *ḡaw*;

ПТ **jay-* “падать, ийти (об атмосферных осадках)” ~ кб. *ḡaw-*;

ПТ **qay* ? “сухое дерево”, “сухая трава”, “трут” ~ кб. *qiw* “сухой”, “высохший”; “трут”, “фитиль”;

ПТ **qoγ-* “гнать”, “преследовать” ~ кб. *qiw-*;

ПТ **saγ* “здоровый” ~ кб. *saw*;

ПТ **saγ-* “доить” ~ кб. *saw-*;

ПТ **suγ* “вода” ~ кб. *suw*;

ПТ **juγ-* “мыть” ~ кб. *ḡiw-*;

ПТ **taγ* “гора” ~ кб. *taw*;

ПТ **toγ-* “рожать” ~ кб. *tuw-*;

ПТ **uγ-* “тереть, растирать” ~ кб. *uw-*.

Необходимо отметить, что в случаях чередования **-y* ~ кб. *-w* предшествующий широкий губной гласный *o* сужается и переходит в узкий губной гласный *u*, остальные гласные в данной позиции сохраняются без изменения.

В случаях, когда праязыковому **a* в современном карачаево-балкарском соответствует узкий губной *u* (ср.: ПТ **qay* “трут” ~ кб. *qiw* “трут” и **qay* “полость”, “пустота” ~ кб. *qiw* “безплодный”), очевидно, следует восстановить архетипы **qab* или **qov*, причем первый вариант более вероятен. А.М.Щербак также предлагает две реконструированные праформы: **kaγ* и **kaβ* (Щербак 1970: 194). В карачаево-балкарском языке, очевидно, под влиянием губного согласного **b*

или (согласно А.М.Щербаку) $*\beta$ произошло огубление первоначального $*a$ и делабиализация согласного, т.е. $*ab/*a\beta > *o\gamma$, и уже затем сочетание $*o\gamma$ в карачаево-балкарском закономерно развилось в $-uw$. Предлагаемый ряд диахронических чередований, на наш взгляд, является наиболее приемлемой и близкой к реальности версией.

Пратюркский ауслаутный $*-\gamma > \text{кб. } -j$

В ауслаутной позиции праязыковой заднеязычный веляризованный звонкий $*-\gamma$ в современном карачаево-балкарском языке в положении после узкого неогубленного заднерядного гласного u , как правило, отражается в виде среднеязычного звонкого щелевого $-j$. Такое нетривиальное развитие конечного $-j$ носит комбинаторно обусловленный характер и скорее является исключением, чем правилом, однако, вместе с тем, как и любое исключение из правила, имеет свою закономерность. Дело в том, что среднеязычный j , или так называемый неслоговой j , по своим артикуляционным особенностям приближается к гласному u . Следовательно, праязыковой $*-\gamma$, попадая под ассимиляторное воздействие предыдущего гласного u , приближается по произносительному узусу к этому гласному и вместо ожидаемого билабиального $-w$ трансформируется в среднеязычный щелевой $-j$, ср.:

ПТ $*s\bar{u}\gamma$ “сухой”, “влажный”, “мокрый” ~ кб. $s\bar{ij}$ “сырой”, “недоваренный”, “влажный”, “свежий” (опереднение $*u > i$ вызвано диссимилятивным воздействием среднеязычного, т.е. палатального $-j$);

ПТ $*j\gamma\gamma$ “собирать” ~ кб. $\bar{z}uj-$

ПТ $*s\gamma\gamma$ “вмещаться” ~ кб. $syj-$;

ПТ $*t\gamma\gamma$ “сдерживать” ~ кб. $tuj-$.

Разумеется, примеров на исключение в современном карачаево-балкарском языке относительно немного.

Пратюркский ауслаутный $*-\gamma > \text{кб. } -\emptyset$

В конце многосложных слов праязыковой заднеязычный веляризованный звонкий смычный $-\gamma$ в карачаево-балкарском выпал, ср.:

ПТ $*s\bar{a}\gamma\gamma$ “желтый” ~ кб. $sary$;

ПТ $*qat\gamma\gamma$ “твердый”, “крепкий” ~ кб. $qat\gamma$;

ПТ $*a\bar{s}\gamma\gamma$ “кислый”, “горький” ~ кб. $a\bar{s}\gamma$;

ПТ $*ad\gamma\gamma$ “медведь” ~ кб. aju ;

ПТ $*j\gamma d\gamma\gamma$ “смерд”, “вонь” ~ кб. $\bar{z}uj\gamma$ “запах”;

ПТ $*j\gamma l\gamma\gamma$ “тепло”, “теплый” ~ кб. $\bar{z}yl\gamma$;

ПТ $*qud\gamma\gamma$ “колодец” ~ кб. $quji$;

ПТ $*qur\gamma\gamma$ “сухой”, “пустой” ~ кб. $quru$;

ПТ **taryɣ* “зерно”, “хлеб” ~ кб. *tary* “просо”;

ПТ **uluɣ* “большой” ~ кб. *ullu* и т.д.

Выпадение ауслautного **-ɣ*, по всей вероятности, имело место уже в позднепратюрский период. По крайней мере, уже в самых ранних памятниках древнетюркской письменности отмечены многочисленные случаи апокопы *-ɣ*. Апокопа - отпадение последнего согласного в отглагольных именах, - пишет по этому поводу А.Н.Кононов, - может служить одним из классификационных признаков огузской группы тюркских языков: *qariɣ* > *qari* “дверь”; *tarlay* (< *tariɣlay*) > *tarla* “нива”, “степь” (Кононов 1980: 72).

Апокопа конечного **-ɣ* не является специфическим карачаево-балкарским развитием, она имела место еще до выделения собственно карачаево-балкарского языка и ее хронологически можно отнести к древнетюркскому периоду. Надо при этом иметь ввиду, что явление апокопы затрагивает не только огузские языки, но и все кыпчакские, а также ряд других тюркских языков.

Закономерности развития пратюркского заднеязычного веларизованного звонкого смычного **ɣ* в современном карачаево-балкарском языке в общих чертах можно сформулировать в следующем виде.

1. В пратюркском языке заднеязычный веларизованный звонкий смычный **ɣ* в абсолютном начале слов практически не встречался. Представленные в некоторых современных тюркских языках формы с начальным *ɣ*- несомненно являются вторичными инновациями.

2. В инлаутной и ауслautной позициях пратюркский **ɣ* в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах, как правило, переходит в билабиальный звонкий щелевой *w*.

3. Исключением из этого основного правила является комбинаторно обусловленная трансформация праязыкового **ɣ* в современном карачаево-балкарском языке после предыдущего нелабиализованного узкого гласного заднего ряда *u* в среднеязычный звонкий щелевой *j*.

4. В середине слова в позициях после или перед сонорными и щелевыми согласными в современном карачаево-балкарском языке наблюдается полное исчезновение праязыкового **-ɣ*.

5. В современном карачаево-балкарском языке в абсолютном конце двухсложных и многосложных основ наблюдается апокопа праязыкового *-ɣ*, имевшая место уже в позднепратюрском и получившая широкое распространение в древнетюркскую эпоху.

Пратюркский *t

Все тюркологи для пратюркского состояния реконструируют переднеязычный зубной глухой смычный *t (Рясянен 1955: 138-140; Щербак 1970: 79; Серебренников, Гаджиева 1979: 36-38; СИГТЯ 1984: 208-211). Наличие в пратюркском языке смычного *t во всех позициях в слове ни у кого из исследователей исторической фонетики тюркских языков сомнений не вызывает.

В современных тюркских языках пратюркский *t в разных позициях в слове сохраняется в различной степени. Чаще всего наблюдается озвончение первоначально глухого смычного *t.

Пратюркский анлаутный *t-

В преобладающем большинстве тюркских языков праязыковой *t- в абсолютном начале слова сохраняется (Серебренников, Гаджиева 1979: 36; СИГТЯ 1984:208; Рясянен 1955: 138). Аналогичная картина наблюдается в карачаево-балкарском языке и его диалектах. В этом отношении карачаево-балкарский язык объединяется с большинством кыпчакских языков, ср.:

ПТ *tāš “камень” (ЩФ, 197): дт. *tas* “камень” (ДТС, 539), тат., кир., уйг., кум., башк., кир. *taš*, ног., каз., кк., хак. *tas*, якут. *taš*, узб. *toš*, тув., аз., тур. *daş*, туркм. *dāš*, чув. *čul* ~ кб. *taš* “камень”;

ПТ *taγ “гора” (ЩФ, 197) ~ кб. *taw*;

ПТ *tāǵ- “скользить” ~ кб. *taj-* “скользить” (*Аягы тайды* “Его нога поскользнулась”);

ПТ *tam “капля” (ЩФ, 197) ~ кб. *tam-* “капля”;

ПТ *tam- “загораться” ~ кб. *tam-* “загораться”, “гореть” (*Отну тамыз*) “Зажги огонь”);

ПТ *tam “крыша”, “комната”, “стена” (ЩФ, 197) ~ кб. *tam* (*tamata* < *tam* + *ata*);

ПТ *taγ “заря”, “рассвет” (ЩФ., 197) ~ кб. *tav* “рассвет”, “утро”;

ПТ *tar “тесный”, “узкий” ~ кб. *tar* “узкий”, “тесный”, “ущелье”;

ПТ *tart- “тащить” (ЩФ, 197) ~ кб. *tart-* “тянуть”, “тащить”, “расстягивать”;

ПТ *tär “пот” (ЩФ, 197) ~ кб. *ter* “пот”;

ПТ *tik- “втыкать”, “колоть”, “шить” ~ кб. *tik- “шить”;

ПТ *toγ “рожать” ~ кб. *tuw-*;

- ПТ **top* "шар" (ЩФ, 197) ~ кб. *top* "тяч", "ядра пушки";
 ПТ **toj-* "насыщаться" ~ кб. *toj-* "наестся", "насытиться";
 ПТ **tök-* "лить" (ЩФ, 197) ~ кб. *tök* "выливать";
 ПТ **tor* "гнедой" ~ кб. *tor* "гнедой";
 ПТ **tös-* "терпеть", "выносить" ~ кб. *töz-* "терпеть";
 ПТ **tös* "подъем", "склон горы" ~ кб. *tös* "гора", "холм",
 "возвышенность";
 ПТ **tös* "грудь животного" ~ кб. *tös* "грудинка";
 ПТ **tul* "вдова" (ЩФ, 198) ~ кб. *tul* "вдова";
 ПТ **tur-* "стоять" ~ кб. *tur-* "стоять", "находиться";
 ПТ **tüt* "дым" ~ кб. *tüt* "дым" (*tütün*);
 ПТ **tüj-* "завязывать", "стягивать", "застегивать"; ~ кб. *tüj-*
 "завязывать" и т.д.

Пратюркский анлаутный **t- > d-*

В диалектах карачаево-балкарского языка наблюдается озвончение первоначально глухого анлаутного переднеязычного зубного смычного **t- > d-*, ср.: кб. *dam* "вкус" (*damly* "вкусный" < **tam* "вкус" + афф. *-lyj*) < **tam* "вкус"; кб. *dayan* "подпорка" < **tajan* "подпорка", "упор", "опора" (возможно, восходит к **täj-* "трогать", "качаться" (ср. турк. *degenek*, тур., кт. *degenek*, осм. *deienek*, аз. *dejnək*, тур.д. *teynek*, тур.д. *diynek* - во всех источниках - "палка", "посох", "дубина"); кб. *doğyl* "степь", "равнина" < **tağ* "равный", "ровный"; кб. *Dolaj* миф. "покровитель, хранитель крупного рогатого скота" < **tol-* "окружить", "окружать", "обходить вокруг"; кб. *de-* "сказать", "говорить", "произносить" < **täj(-)* "сказать", "говорить", "произносить"; кб. *dymıj* "молчаливый", "глупый", "тупой", "необразованный" < **tım-* "молчать", "молчание"; кб. *dayy* - усилительная частица < **ta* "еще"; кб. *dürge* "грубый", "дерзкий", "неутиный" < **tür* "грубый", "неприличный" (?); кб. *diğil* "повозка на низких колесах", "ось" < **täğäl* "ось" (ср. венгер. *tengely* "ось", определяемое как болгарское заимствование [Немет 1985: 68]); кб. *dıppur* "холм", "бугор" < **tım* "округлый", "выпуклый", возможно, восходит к праязыковому **töpa* "вершина", "холм"; кб. *dıppıq* "тупой" < **tım* "цилиндрический", "округлый", "выпуклый" (можно допустить от **tım* "молчать", "молчание". Семантически более приемлемо первое объяснение); кб. *dıbur* "прыщ" < **tım* "округлый", "выпуклый" или, можно допустить от **töba* "холм", "вершина"; кб. *dondurerge* "переворачиваться", "опрокидываться", "опрокинутое верх ногами", "отбить охоту", "отбить желание" < **töğ-* "переворачиваться", "опрокидываться"; кб. *dudaq* "дрофа" < **toğdaq*

(М.Палло, Hungaro-Tschuwaschica, s.89); кб. *durpuq* “клок”, “кусок”, “остаток” < **tür* “дно”, “низ” и т.д. Нам представляется, что все эти слова с начальным звонким *d*, восходящим к праязыковому **t*, являются рудиментами сложной этноязыковой ситуации древнего периода истории тюркизации Кавказа. Видимо, следует допустить субстратное происхождение этих слов в карачаево-балкарском языке. Определение субстрата дело сложное. Возможно, им является печенежский язык, где анлаутный *d* употреблялся вместо праязыкового **t* (Nemeth 1915: 101-106; Баскаков 1969: 256-257; Щербак 1959: 384-387).

Историческое развитие анлаутного праязыкового глухого переднеязычного смычного **t*- в звонкий *d*- отмечено в ряде современных тюркских языков. В огузских языках наблюдается двойное отражение начального **t*: в части слов азербайджанского, турецкого, туркменского и гагаузского языков начальный праязыковой **t*- сохраняется, в части слов - озвончается и отражается как звонкий *d*-. Сходное отражение начальный **t*- имеет и в тувинском языке. Спорадически озвончение анлаутного **t*- наблюдается в кумыкском, татарском, башкирском, узбекском, каракалпакском, якутском языках (см. Рясянен 1955: 138; Щербак 1970: 90-93; Серебренников, Гаджиева 1979: 36-37; СИГТЯ 1984: 208-210; Дыбо 1991: 50-65; 1996: 36-38).

Исходя из двойного отражения тюркских согласных в анлаутной позиции по признаку звонкости-глухости, В.М.Иллич-Свитыч предлагает реконструировать для пратюркского состояния оппозицию анлаутных согласных по звонкости-глухости (Иллич-Свитыч 1963: 37-56; 1965: 338-343). По предположению В.М.Иллич-Свитыча, старые звонкие (слабые) дали бесперебойные звонкие рефлексy в огузских языках, бесперебойные слабые в саянских; старые глухие (сильные) дали перебой звонкости-глухости (= силы - слабости) в указанных группах; варьирование рефлексов второго типа не объяснялось.

Согласно более традиционной точки зрения на анлаутное противопоставление, в огузских и саянских языках оно вторично и возникло вследствие междиалектного варьирования.

В последнее время проблемой анлаутного чередования **t*- ~ **d* вплотную занималась А.В.Дыбо. В результате практически полного анализа лексического материала по начальным **t*-/**d*- она обнаружила довольно сложную систему распределения рефлексов данного явления.

А.В.Дыбо констатирует изначальную звонкость/глухость анлаутных дентальных в алтайском праязыке. В тюркских языках праалтайские анлаутные дентальные дали разнообразные рефлексy.

В огузских языках А.В.Дыбо выделяет три ряда соответствий и в новой монографии:

- а) тур., гаг., аз., туркм. *d*-;
- б) тур., гаг., аз., туркм. *t*-;
- в) тур., гаг. *t*-, аз., туркм. *d*- (только в заднерядных словах).

В азербайджанском в позиции перед последующим *-k*, отстоящим через гласный (т.е. *dVk*) регулярно происходит оглушение начального *d*- (т.е. *dVk* > *tVk*-).

В саянских языках (тувинском и тофаларском) наблюдаются вторичные перераспределения:

1) в тувинском, если последующий инлаутный согласный несет фарингализацию, при закрытом слоге выступает в анлауте глухой согласный *t*, а при открытом слоге - звонкий *d*-;

2) в случаях, когда инлаутный придыхательный (фарингализованный) согласный **k* или **p* выпадает (ср. тув. *tos* "девять" < **toquz*), в тувинской орфографии и тофаларской транскрипции В.И.Рассадины начальный согласный регулярно записывается как *t* (придыхательный).

Общетюркские типы распределений рефлексов анлаутных **t*- и **d*- по позициям, согласно исследованиям А.В.Дыбо, выглядят следующим образом:

1) если в инлаутной позиции представлен шумный звонкий, то, независимо от длительности первого гласного, в анлауте происходит нейтрализация противопоставления глухой / звонкий: огуз. *d*-, саян. *d*-; при пратюркском инлаутном **d*- (> в саянском в *-t*- с фарингализацией) в тувинском при закрытом слоге по вышеуказанному правилу происходит оглушение **d*- > *t*-. Таким образом, пратюркский звонкий **d*- может соответствовать как праалтайскому звонкому **d*-, так и глухому **t*-.

Примеры:

ПТ **Dog*- "рожать": тур. *doγ*, гаг. *doγ*, аз. *doγ*, туркм. *doγ*, хор. *doγ*, кб. *.tuw* "рожать";

ПТ **Deg*- "касаться": тур. *deg*-, гаг. *dej*-, аз. *daj*-, туркм. *deg*-, хор. *dej*-, тоф. *deγ* ~ кб. *.tjγ* "трогать";

ПТ **Dög*- "бить": тур. *döv*-, гаг. *düy*-, аз. *døj*-, туркм. *döv*-, хор. *dow*-, ~ кб. *.tjγ* "бить";

ПТ **Düg*- "застегивать": тур. *düy*-, гаг. *düy*-, аз. *düj-mä* "пуговица", туркм. *düy*-, *düg*-, хор. *düme* "пуговица", тув. *düj-l* *düy*-, тоф. *düy* ~ кб. *.tjγ* "завязывать", *tjme* "пуговица";

ПТ **Dag* "гора": тур. *daγ*, гаг. *daa*, аз. *daγ*, туркм. *dāγ*, хор. *dāγ*, тув. *daγ*, тоф. *daγ* ~ кб. *.taw* "гора";

ПТ **Doδ*- “насыщаться”: тур. *doj*-, гаг. *doj*-, аз. *doj*-, туркм. *doj*-, хор. *doj*-, тув. *to't*, тоф. *do't*-, чув. *taran* ~ кб . *toj* “насыщаться” и т.п.

2) если в инлаутной позиции представлен шумный глухой (закономерно озвончающийся в огузском после долгого гласного) перед долгим гласным пратюркский звонкий **d*- в огузском и саянском праязыках сохраняется (но оглушается в азербайджанском), а пратюркский глухой **t*- сохраняется во всех огузских языках, но в саянских озвончается.

Примеры:

ПТ **dūtak*- “губа”: тур. *dudak*, гаг. *dudak*, аз. *dodag*, туркм. *dūdak* кб . *dudaq* “губа”;

ПТ **dādy*- “привыкать”: тур. *dada*-, гаг. *dada*-, аз. *dada*-, тув. *dadyg*- ~ ?кб . *tatax* “закадычный друг”;

ПТ **Dūr*- “дно, корень”: тур. *dip*, гаг. *dip*, аз. *dib*, туркм. *düjp*, хор. *dīw*, тув. *dür*, тоф. *dür* ~ кб . *tūb* “низ, дно”;

ПТ **Dajt*- “трепать шерсть”: тур. *dit*-, гаг. *dit*-, аз. *dit*-, туркм. *tüjt*-/*düjt*-, хор. *dīt*-, тув. *dit*-, тоф. *dit*- ~ кб . *tit* “пушить, трепать”;

ПТ **tük*- “волос”: тур. *tüj*, гаг. *tüj*, аз. *tüg*, туркм. *tüj*, хор. *tīj*, тув. *dük*, тоф. *dük* ~ кб . *tük* “волос” и т.п.

3) если в инлаутной позиции представлен шумный глухой перед гласным нормальной длительности, то пратюркский звонкий **d*- в огузском сохраняется, а в саянском оглушается, но в тувинском отражается двояко (*t*-/*d*-) в соответствии с вышеприведенными правилами, а пратюркский глухой **t*- в огузском, как правило, сохраняется, но озвончается в туркменском в переднерядных словах перед инлаутным *-p*-, а перед инлаутным *-k*- в заднерядных словах дает перебой *t*-/*d*-, хотя в азербайджанском регулярно сохраняется глухой *t*-, как и в саянском, но в тувинском - с перебоем *t*-/*d*- в соответствии с приведенными выше правилами. Таким образом, в саянском начальный праалтайский **d*- оглушается перед сохранившимся после краткого гласного глухим согласным (после долгого гласного в саянском глухой согласный, очевидно, озвончался).

Примеры:

ПТ **doku*- “ткать”: тур. *doku*-, гаг. *doku*-, аз. *toci*-, туркм. *doku*-, хор. *dogy*;

ПТ **dik*- “втыкать”: тур. *dik*-, гаг. *dik*-, аз. *tik*-, туркм. *dik*-, тув. *tī'k*-/*diger* ~ кб . *tik*- “шить”;

ПТ **dök*- “пролить, просыпать”: тур. *dök*-, гаг. *dök*-, аз. *tök*-, туркм. *dök*-, тув. *tök*-, тоф. *tō'k*- ~ кб . *tök* “лить”;

ПТ **toruk* “лодыжка, коленная чашечка”: тур. *toruk*, гаг. *toruk*, аз. *torug*, туркм. *toruk*, хор. *torѡk*, тув. *do'vuk*, тоф. *to'ruk* ~ кб. *tobiq* “колено”;

ПТ **topyrak* “пыль, земля, почва”: тур. *toprak*, гаг. *toprak*, аз. *torpag*, туркм. *toprak*, хор. *topraq*, тув. *do'vurak*, тоф. *to'prak* ~ кб. *topuraq* “глина, земля”;

ПТ **tut-* “держать”: тур. *tut-*, гаг. *tut-*, аз. *tut-*, туркм. *tut-*, тув. *tu't-/du'dar*, тоф. *tut-* ~ кб. *tut-* “держать”;

ПТ **tep-* “пинать”: тур. *tep-*, гаг. *tep-*, аз. *tāp-*, туркм. *dep-*, хор. *dep-*, тув. *te'p-/de'ver*, тоф. *te'p-* ~ кб. *tep-* “пинать”;

ПТ **tepe* “холмик”, “темя”: тур. *tepe*, гаг. *tepe*, аз. *tāpa*, туркм. *depe*, хор. *depe*, тув. *tej* (< *dhej* < *de'pej*) ~ кб. *tōbe* “холм”;

ПТ **tok* “сытый”: тур. *tok*, гаг. *tok*, аз. *toc*, туркм. *dok*, хор. *doq*, тоф. *to'k* ~ кб. *toq* “полный”;

ПТ **tak-* “цеплять”: тур. *tak-*, гаг. *tak-*, аз. *tac-*, туркм. *dak-*, хор. *daq-*, тув. *ta'k-/da'γyr* ~ кб. *taq-* “привязывать”;

ПТ **tyk-* “всовывать”: тур. *tyka-*, гаг. *tyk-*, аз. *tyca-*, туркм. *dyk*, тув. *dy'gyr*, тоф. *tygy-* ~ кб. *tyq-* “вонзать, втыкать” и т.п.

4) если в инлауте наблюдается старое сочетание шумный + сонант // шумный (включая сюда и геминаты), пратюркский аналит сохраняется по всем языкам без изменений: а) пратюрк. **d-*: огуз. *d-*, саян. *d-*; б) пратюрк. **t-*: огуз. *t-*, саян. *t-*.

Примеры:

ПТ **dikk* “отвесный”: тур. *dik*, гаг. *dik*, аз. *dik*, туркм. *dik*, отымен. глагол *dikg-er-*, хор. *dik*, чув. *čēGe* ~ кб. *tik* “круча”, “обрыв”, “косогор”;

ПТ **dokkdz* “девять”: тур. *dokuz*, гаг. *dokuz*, аз. *dogguz*, туркм. *doqqyz*, хор. *toqquz*, тув. *tos* (*dhos*), тоф. *dohos* ~ кб. *toγuz* “девять”;

ПТ **depre-* “шевелить, побуждать”: тур. *depre-*, гаг. *debre-*, аз. *dābār-*, туркм. *depre-*, хор. *derpe-t*, тоф. *diri-le-* ~ кб. *tebre-* “трогаться”, “отправляться”, “начинаться”;

ПТ **takjok* “курица”: тур. *tavuk*, гаг. *tauk*, аз. *tajuk*, туркм. *tovuk*, хор. *touk*, тув. *tagaa*, тоф. *taγunaq*, чув. *cañā* ~ кб. *towuq* “курица”;

ПТ **tokku-* “бить, стучать”: тур. *tokuŝ-*, аз. *togguŝ-*, тув. *tokku-la-* ~ кб. *toq-* в составе *toqmaq* “колотушка”;

ПТ **tūpkūr-* “харкать”: тур. *tūkūr-*, гаг. *tūkūr-*, аз. *tūpūr-*, туркм. *tūjkūr-*, тув. *dūkpūr-*, тоф. *tūkkūr-* ~ кб. *tūkur-* “плевать”;

ПТ **tūitire-* “трепетать”: тур. *tître-*, гаг. *tūitire-*, аз. *tūtra-*, туркм. *tūtre-*, тув. *dītile-* ~ кб. *tūitire-* “дрожать”, “трястись” и т.п.

5) если в инлауте был представлен *-š- (как автономно, так и в сочетании с другими согласными), происходила нейтрализация противопоставления анлаутных дентальных по звонкости/глухости:

- а) в словах заднего ряда: тур., гаг. *t-*, аз., туркм. *d-*; саян. *d-* (с фарингализацией);
- б) в словах переднего ряда: огуз. *d-*, саян. *d-*.

Примеры:

ПТ **Daš* “внешний”: тур. *taš*, аз. *daš*, туркм. *daš*, тув. *da's* ~ кб. *taš* “внешний”;

ПТ **Daššak* “testiculi”: тур. *tašak*, халадж. *taššak* ~ кб. *tašak* “яичко, тестикул”;

ПТ **Dašy-* “переправляться”: тур. *tašy-*, аз. *dašy-*, туркм. *dašy-/daša-*, хор. *daša-*, тув. *da'žy-*, тоф. *da'žy-*, чув. *tul-t-* ~ кб. *tašy-* “носить, возить”;

ПТ **Dāš* “камень”: тур. *taš*, гаг. *taš*, аз. *daš*, туркм. *dāš*, хор. *dāš*, тув. *daš*, тоф. *daš*, чув. *čul* ~ кб. *taš* “камень”;

б) ПТ **Dōš-* “стелить”: тур. *dōš-*, гаг. *dōš-*, аз. *dōšā-*, туркм. *dōše-*, хор. *dōšek*, тув. *dō'žē-*, тоф. *dō'žek-* ~ кб. *tōš-* “стлать”;

ПТ **Deš-* “дырять”: тур. *deš-*, гаг. *deš-*, аз. *deš-*, туркм. *deš-*, тув. *de's-/de'žer-*, тоф. *de's-* ~ кб. *teš-* “пробивать”;

ПТ **Dīš* “зуб”: тур. *diš*, гаг. *diš*, аз. *diš*, туркм. *dīš*, хор. *dīš*, тув. *diš*, чув. *šal* ~ кб. *tiš* “зуб”;

ПТ **Düš* “сновидение”: тур. *düş*, гаг. *düş*, туркм. *düş*, хор. *düş*, тув. *düş*, тоф. *düş*, чув. *täläk* ~ кб. *tüş* “сон” и т.п.

6) если в инлауте был представлен *-z-, то при гласном нормальной длительности происходила нейтрализация противопоставления по звонкости/глухости в результате озвончения глухого: пратюрк. **d-/t-* > огуз. *d-*, саян. *d-*.

При инлаутном -z- из старого сочетания согласных при гласном нормальной длительности образовался другой ряд соответствий:

а) в словах заднего ряда: огуз. *t-/d-*, саян. *d-*;

б) в словах переднего ряда: огуз. *t-*, саян. *d-*.

При долгом гласном пратюркский звонкий **d-* в саянском, а из огузских - в туркменском и азербайджанском сохранился, а в турецком и гагаузском претерпевал оглушение, в то время как глухой *t-* в огузских сохранился.

Примеры:

ПТ **Daz* “лысый”, “лысина”: тур. *daz*, аз. *daz*, туркм. *daz*, тув. *tas/das*, тоф. *das*;

ПТ **düz* “ровный”: тур. *düz*, гаг. *düz*, аз. *düz*, туркм. *düz*, хор. *düz*, тоф. *düs* ~ кб. *tüz* “правда”, “равнина”, “ровный”;

ПТ **döz* “терпеть”: тур. *döz*-, гаг. *döz*-, аз. *döz*-, туркм. *döz*-, тув. *döz*- ~ кб. *töz*- “терпеть”;

ПТ **Duzak* “силок”: тур. *tuzak*, аз. *duzag*, туркм. *duzak*, хор. *duzaq*, тув. *duzak*, тоф. *duzak*, чув. *tāra* ~ кб. *tuzaq* “силок, тенета”;

ПТ **Düz* “соль”: тур. *tuz*, гаг. *tuz*, аз. *duz*, туркм. *düz*, хор. *düz*, тув. *duz*, тоф. *duz*, чув. *tavar* ~ кб. *tuz* “соль”;

ПТ **tōz* “пыль”: тур. *toz*, гаг. *toz*, аз. *toz*, туркм. *tōz* ~ кб. *toz* “пыль” и т.п.

7) если в инлаутной позиции в праязыке был представлен *-j-, то звонкий пратюркский *d- удерживался как в огузском, так и в саянском, а глухой *t- удерживался в огузском, но в саянском озвончался.

Примеры:

ПТ **dajan* “надеяться”: тур. *dajan*-, аз. *dajan*-, туркм. *dajan*-, тув. *dajan*-, чув. *tajan*- ~ кб. *tajan*- “прислоняться”, “опираться”;

ПТ **duj*- “чуять”: тур. *duj*-, гаг. *duj*-, аз. *duj*-, туркм. *duj*-, чув. *tuj*;

ПТ **toj* “пир”: тур. *toj*, гаг. *toj*, аз. *toj*, туркм. *toj*, тув. *doj*, тоф. *doj*, чув. *tuj* ~ кб. *toj* “свадьба”, “пир”, “веселье”;

ПТ **Daj(η)ak* “посох”: тур. *dajak*, аз. *dajag*, туркм. *dajag*, тув. *tajak*, тоф. *taĵaq* ~ кб. *tajaq* “налка”, “дубина” и т.п.

8) если в инлаутной позиции был представлен сонант после долгого гласного, то праязыковой звонкий *d- удерживался как в огузском, так и в саянском, а глухой *t- в огузском и тофаларском озвончался, но в тувинском сохранялся.

Перед инлаутным сонантом после гласного нормальной длительности праязыковое противопоставление по глухости/звонкости удерживалось в неизменном виде по всем языкам:

пратюрк. *d-: огуз. d-, саян. d-;

пратюрк. *t-: огуз. t-, саян. t- (Дыбо 1996; 1991: 50-65).

Примеры:

ПТ **dōrug* “гнедой”: тур. *doru*, туркм. *dōru*, хор. *dōry*, тув. *dorug*, тоф. *dorug*, чув. *turā* ~ кб. *toru* “гнедой”;

ПТ **dāl*- “падать в обморок”: тур. *dal*-, аз. *dal*-, хор. *dal*-, тув. *dal*-, тоф. *dal*- ~ кб. *tal*- “уствовать”;

ПТ **dālak* “селезенка”: тур. *dalak*, гаг. *dalak*, аз. *dalağ*, туркм. *dālak* ~ кб. *talaq* “селезенка”;

ПТ **tōn* “одежда”: тур. *don*, гаг. *don*, аз. *don*, туркм. *dōn*, тув. *ton*, хор. *don*, тоф. *don*, чув. *tum* ~ кб. *ton* “шуба”;

ПТ **tār* “узкий”: тур. *dar*, гаг. *dar*, аз. *dar*, туркм. *dār*, тув. *tar*, тоф. *dar* ~ кб. *tar* “узкий”, “тесный” и т.п.

Анализ соответствующих материалов, тем не менее, показывает, что слова с начальными глухими (сильными), с одной стороны, и слова с начальными звонкими (слабыми), с другой, не образуют последовательно разграниченных рядов даже внутри группы огузских языков. Такое состояние объяснимо вполне однозначно: в современных тюркских языках имело место историческое ослабление анлаутного **t-* и слабый (звонкий) дентальный *d-* был конечным результатом указанного процесса, тогда как соответствующий сильный (глухой) **t-* представлял исходную ступень. При этом развитие по линии ослабления (озвончения) происходило согласно общей закономерности развития тюркского анлаута, то сохранение глухого **t-* было обусловлено в огузских и в тувинском языках действием частных факторов (субстратных, комбинаторно-позиционных и т.п.).

Что же касается кыпчакских языков, то для них, наоборот, характерно сохранение сильного анлаутного **t-* и ослабление исходного сильного согласного в этой группе языков, в частности, в карачаево-балкарском, объясняется действием частных факторов (заимствований, субстратных проявлений, комбинаторно-позиционных изменений и т.п.).

Случай озвончения анлаутного **t-* в исконных карачаево-балкарских словах тюркского происхождения, судя по приведенному выше материалу, однозначно объясняются регрессивной ассимиляцией последующих за гласным сонорных согласных, ср.: **tam* > кб. *dam* “вкус”; **tamluɣ* > **damlu* “вкусный”; **tāj-* > кб. *dā-* “сказать”, **tiɟil* > кб. *diɟil* “повозка на низких колесах”; **tōn-* > кб. **dōndūr-* “переворачиваться”, “опрокидываться” и т.д.

Пратюркский анлаутный **t-* > кб. *č-*

В современном карачаево-балкарском языке наблюдаются единичные случаи соответствия праязыковому переднеязычному зубному смычному **t-* переднеязычной глухой аффрикаты *č-*; ср.:

ПТ **tikan* “колпочка” ~ кб. *čīɣan*, *čikānäk*, *čigāna* “колпочка”;

ПТ **tuɕ-* “испражняться” ~ кб. *čus-* “испражняться”;

ПТ **tuɣ-/tik-* “втыкать” ~ кб. *čiginži* “столб; опора”.

Переход анлаутного праторкского *t- в ċ- характерен для чувашского языка, в котором в исконных словах t перед гласными *i, *y, а также долгим *ā, исторически развивавшимся в дифтонг *ya (или даже *ia) регулярно подвергался палатализации и переходил в глухую аффрикату ċ-, ср.: ПТ *tāš “камень” > чув. ċul (< *tial < *tyal < *taal), ср. кб. ċaly qol (топоним), букв. “каменистое ущелье” - очевидно, из болгарского субстрата; ПТ *taquu “курица” > чув. ċāhā; ПТ *tiz “колени” > чув. ċar “колени”; ПТ *tirig “живой” > чув. ċarā “живой”; ПТ *tik- // *tyq- “втыкать” > чув. ċik- “сунуть”; ПТ *tikan “колючка” > чув. ċigen “колотье” и т.д.

Для карачаево-балкарского языка историческое развитие *t- > ċ- не характерно, поэтому в каждом конкретном случае подобного предполагаемого перехода требуется провести углубленное историко-этимологическое и ареально-географическое исследование.

Судя по фонетическим особенностям, карачаево-балкарские слова ċuvana ~ ċivana ~ ċikanak “колючка” и ċiginži “столб” “опора” можно отнести к болгарскому наследию, ср. ПТ *tyq- “вставлять”, “втыкать” ~ чув. ċik- “совать”, “вставлять”, хотя аналогичное чувашскому развитие инициального *t- отмечено и в монгольских языках, ср.: тюрк. *tyq- ~ монг. ċiki- “вкладывать”, “вталкивать” и т.п.

Слово ċuċ- “испражняться”, если оно действительно восходит к праторкскому *tyċ- (а не к *suċ-), обязано трансформацией анлаутного *t- в ċ- следующей за гласным переднеязычной аффрикате ċ-. В ряде тюркских языков анлаутный t- переходит в ċ- под регрессивным ассимиляторным влиянием последующих шипящих, свистящих и аффрикат, ср.:

ПТ *tīš “зуб” > аз. диал. ċiš, уйг. ċiš “зуб”;

ПТ *tūš- “спускаться” > аз. диал. ċūš- “спускаться”, “опуститься”, “слезть”;

ПТ *tūš “сон” > аз. диал. ċūš “сон”;

ПТ *tīši “самка” > уйг. ċīsi “самка” и т.д.

Следовательно, случаи соответствия праторкскому анлаутному смычному *t- глухой аффрикаты ċ- в современном карачаево-балкарском языке могут быть объяснены как: 1) иноязычные заимствования (включая субстратное древнеболгарское наследие) и 2) как результат позиционно-обусловленных комбинаторных чередований под влиянием последующих аффрикат, шипящих и свистящих.

К частному случаю проявления сложных комбинаторно-позиционных чередований относится слово ċu- “выходить”, которое, по всей вероятности, восходит к праторкскому *tašyq- “выходить” (<

**taš* “внешний”, “вне” + -yq-). В этом слове инлаутный *-š-* очень рано ассимилировал инициальный **t-* и вызвал его аффрикатизацию, а впоследствии совсем выпал из состава слова. В результате таких сложных позиционно-комбинаторных изменений первоначальный фонетический облик слова преобразовался до неузнаваемости, ср.: **taš* + -yq- > **tašyq-* (ср. дт. *tašyq-* “выходить”) > **tšyq-* > *čyq-* “выходить”. В большинстве современных тюркских языков уже встречается только глагол *čeq-* в разных фонетических модификациях. В чувашском в этом слове аффрикации начального **t-* не произошло. Дело в том, что на месте общетюркского *š* в чувашском очень рано начинает выступать плавный сонант *l* (закон ламбдаизма), который уже не обладает возможностью аффрикатизировать начальный **t-*. В тюркском праязыке чувашского типа развитие этого слова произошло по следующей линии: **talyq* > **tylyq* > **tālyq* > **tlyq-* > *tux-* “выходить”. Естественно, в чувашском языке мы не наблюдаем в анлауте ожидаемого *č-*. Этот нетривиальный пример убедительно показывает, что на развитие анлаутных согласных сильное влияние оказывали последующие за гласным согласные. К сожалению, роль ассимилятивного влияния последующих согласных на инициальные в тюркской фонологии не получила достаточного соображения.

Пратюркский анлаутный **t-* > кб. *š-*

Единичные случаи соответствия анлаутному пратюркскому **t-* переднеязычного небно-зубного глухого щелевого *š-* также объясняются ассимиляцией последующего за гласным шипящего *š-*, ср.: ПТ **tiš* “вертел” > кб. *šiš* “вертел”, ср.-тюрк. *šyš* “вертел”, тур., крым., шор., кир. *šiš*, саг., койб., хак. *šiš* “вертел”, туркм. *čiš*, кум., кир. *čis* “вилка” ~ балк., карач. *tiš* “вертел” (RäsEW, 424).

Общей закономерностью исторического пути анлаутного пратюркского **t-* в карачаево-балкарском языке является его сохранение в неизменном виде.

Пратюркский инлаутный **t-*

В пратюркском языке в инлаутной позиции переднеязычный зубной глухой смычный **t-* представлен достаточно широко, он встречается как в интервокальном положении, так и в позиции после и перед согласными, ср.: *atan* “голощенный верблюд”; *atyn-* “бросаться”; *atlyu* “именитый”; *aɣtar-* “повергать”; *baltyr* “младшая родственница”; *paštar* “серп”; *pataj* “сгорбленный”; *čatyq* “тягучий”; *čartil-*

“ускользать”; *çetgān* “узда”; *kāntū* “сам”; *kārtik* “зарубка”; *kātman* “кетмень” и т.п.

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах интервокальный пратюркский **-t-*, как правило, сохраняется без особых изменений, ср.:

ПТ **kötür-* “поднимать”: дт. *kötür-* “поднимать”, “возвышать” (ДТС, 320), туркм., кум. *götär-*, кар.к., каз., ног., кк., уйг., вост.-тюрк., чаг. *kötär-*, узб. *kötär-*, кир., алт. *kötör-*, тур., аз. *götür-*, гаг., кт. *götür-*, куман., кар.т., уйг. *kötür-*, алт., тув., пол., леб., шор, саг., койб., кач. *ködür-*, хак., кыз. *kodir-* ~ кб. *kötür-/koltür-* “поднимать”, “возвышать”, “терпеть”;

ПТ **bağatur* “богатырь” ~ кб. *batyr* “герой”;

ПТ **butaq* “ветвь”, “ветка” ~ кб. *butaq*;

ПТ **qatuy* “твердый” ~ кб. *qatuy*;

ПТ **atik* “сапог” ~ кб. *etik*;

ПТ **otuz* “тридцать” ~ кб. *otuz*;

ПТ **qatun* “женщина”, “жена” ~ кб. *qatun*;

ПТ **otun* “дрова” ~ кб. *otun*;

ПТ **tütün* “дым” ~ кб. *tutun*.

Пратюркский инлаутный **-t-* > кб. *-d-*

В единичных случаях в современном карачаево-балкарском языке наблюдается озвончение интервокального глухого смычного **-t-*, ср.:

ПТ **čatyr* “шатер, палатка”: дт. *čatyr* // *čačyr* // *časyr* “шатер, палатка” (ДТС, 135, 141, 142) ~ кб. *cadyr/catyr*

ПТ **qayatur* “мул”: дт. *qatyr*, *qayatir* “мул” ~ кб. *qadyr* “мул”, “лошак”;

кб. *qutas/qudas* “густой”;

кб. *badyr* “кочка на болоте”;

кб. *badyr-* “распускаться (о растении)”;

кб. *badyr-* “быть перед отелом”.

Рассмотрев все случаи, когда в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах отмечен переднеязычный звонкий зубной смычный *-d-* в интервокальном положении, можно с известной долей уверенности отметить, что интервокальный *-d-* обычно встречается в составе таких слов, где следующим через гласный согласным является переднеязычный дрожащий сонант *r*. Следовательно, можно смело сказать, что виновником ослабления интервокального глухого **-t-* в данных словах выступает последующий через гласный сонант. Ослабление предыдущих сильных

смычных под влиянием последующих сонантов в карачаево-балкарском языке достаточно широко распространено.

Праязыковые сочетания “сонант - глухой смычный” в диалектах карачаево-балкарского языка в неразложимых основах, как и в других тюркских языках, сохраняет глухой смычный *t*, тогда как на стыке основы и аффикса глухой смычный *t* озвончается и переходит в свой звонкий коррелят *d*: *öldü*, *qaqdy*, *bekdi*, *kuldu*, *qandy*, *kerdi*, *jylđa*, *keldi*, *urdu*, *žylđa*, *aldy*, т.е. звонкий *d* в аффиксах также носит вторичный характер. Некоторые ученые допускают возможность наличия в аффиксах праязыка *d*, объясняя нынешней вариативностью - аффиксов: *-tal-da*, *-tanl-den*, *-tyrl-dyr*, *-tagl-dag*. Нам такое допущение представляется ошибочным, поскольку все случаи вариативности *t/d* в аффиксах являются более поздними, возникшими в силу различных (ассимилятивных, диссимилятивных, морфонологических) причин.

В абсолютном конце слов в карачаево-балкарском языке *d* не употребляется.

В современном карачаево-балкарском языке наблюдается озвончение (= ослабление) инлаутного глухого смычного **-t-* после предшествующих сонорных согласных *r*, *l* и *n*, т.е. наблюдается развитие **-rt-* > *-rd-*, **-lt-* > *-ld-* и **-nt-* > *-nd-*. Такое позиционно обусловленное комбинаторное ослабление смычных в тюркских языках достаточно широко распространено и оно объясняется ассимилятивным воздействием сонорных согласных. Кстати, ассимилятивными возможностями в карачаево-балкарском языке обладают только согласные, обладающие максимумом сонорности *-r*, *l* и *n*, с ослаблением сонорности их ассимилятивная роль сходит на нет. Так, например, после сонорных *m*, *j* и *v* озвончение последующих глухих смычных в карачаево-балкарском языке не отмечается, хотя в других тюркских языках, в частности - в чувашском, это вполне возможно и даже закономерно.

Ср. примеры на озвончение **t > d* в неосредственном соседстве с предыдущими сонорными согласными:

ПТ **lt > ld*

кб. *baldyz* “свояченица” (младшая сестра жены);

кб. *baldyryan* “анис” (растение);

кб. *žaldat* “палач”;

кб. *žaldan* “вторичная буза, получаемая после вторичного процеживания хмельной массы”;

кб. *büldürgü* “скачкообразный”, “кривой”;

кб. *žulduz* “звезда”;

кб. *qaldyq* “пережиток”, “остаток прошлого”;

- кб. *duldür* "сказочный конь-богатырь" и т.п.;
 ПТ **nt* > *nd*
 кб. *andyz, undyz* "девясил" (растение);
 кб. *gonda* "дылда, увалень";
 кб. *žandyra* "выпученный, выгаращенный" (о глазах);
 кб. *žunduruq* "кулак";
 кб. *indek* "канава";
 кб. *kendir* "конопля";
 кб. *köndelen* "поперечный"; "упрямый";
 кб. *kindik* "пуп(ок)"; "центр";
 кб. *kündüz* "день";
 кб. *qandaqaj* "лось";
 кб. *qunduz* "бобр"; "выдра";
 кб. *mondaj* "глупый", "доверчивый";
 кб. *sandyraq* "бред";
 ПТ **rt* > *rd*
 кб. *bardyrjan* "ведущий";
 кб. *burdum* "метель", "вьюга", "пурга";
 кб. *gardoš* "картофель, картошка";
 кб. *dardağan* "суматоха, переполох";
 кб. *dorduq* "толстуха";
 кб. *kördemçi* "переживший эпидемию";
 кб. *qyrdys* "травя", "целина" и т.п.

Пратюркский ауслатный *-t

В ауслатном положении переднеязычный глухой смычный *-t в пратюркском языке встречался без ограничений. В абсолютном конце слова глухой смычный *-t в тюркских языках оказывается в достаточно сильной позиции и в современных языках, как правило, сохраняется без особых изменений (Рясянен 1955: 140; Щербак 1970: 100; Серебренников, Гаджиева 1979: 37-38; СИГТЯ 1984: 211). Ослабление конечного *-t спорадически наблюдается в части огузских языков - азербайджанском и, отчасти, в турецком. По мнению А.М.Щербака, это озвончение имело место после этимологического долгого гласного (Щербак 1970: 54).

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах пратюркский переднеязычный глухой смычный *-t в ауслатной позиции сохраняется весьма устойчиво.

Пратюркский ауслатный в карачаево-балкарском языке устойчив. Ср., **āt* "имя" ~ кб. *at*; **būt* "бедро" ~ кб. *but*; **pulut* / **bulut* "облако" ~ кб. *bulut*; **ōt* "огонь" ~ кб. *ot* "огонь"; **ajyt-* "говорить" ~

кб. *ajyt*-; **āt* "мясо" ~ кб. *āt*; **ort* "пылать", "огонь" ~ кб. *orten*; **bijt* "вошь" ~ кб. *bit*; **qat*- "твердеть", "застыть" ~ кб. *qat*; **qat* "ступень", "слон" ~ кб. *qat* и т.д.

Пратюркский **d*

Вопрос о реконструкции для пратюркского состояния переднеязычного звонкого зубного смычного **d* является одним из дискуссионных в тюркологии (см.: Рясянен 1955: 141-145; Щербак 1970: 89-90, 95-96; Серебренников, Гаджиева 1979: 38, 51, 60-62; СИГТЯ 1984: 211-212; 256-290).

Г.И.Рамстедт допускает, что в тюркских языках уже в пратюркский период начальные **d*-, **n*- и **ǰ*- совпали с *j*-. В тюркских языках древнейшей поры имелись диалекты, в которых после совпадения всех этих первоначально различных звуков анлаутный **j*- произносили с фрикативным оттенком в виде **dī*- или **d'* (Ramstedt 1957: 65-67).

Воззрения Г.И.Рамстедта были поддержаны и развиты далее рядом алтаистов и тюркологов. Так, по мнению Н.Н.Поппе, в пратюркском **j*- совпали анлаутные **ǰ*-, **n*-, **n*- и **d*- (Porre 1960: 32).

И.Маркварт и К.Г.Менгес допускают для тюркского инициального **j*- единственный источник в виде прототюркского начального **d*- или **ǰ*-, что, якобы, подтверждается соответствиями общетюркского анлаутного **j*- монгольскому и маньчжурскому **d*- (Marquart 1929: 81-88; Menges 1947: 34-36; Menges 1968: 87-89).

Г.Дерфер представляет свою схему развития инициального пратюркского **d*- в современных тюркских языках в следующем виде: пратюрк. **d*- > **ǰ*- > булг. *ǰ*- > *ǰ*- > чув. *ǰ*; пратюрк. **d*- > *j*- ~ *ǰ* > *ǰ*. Таким образом, схема Г.Дерфера так же близка к высказываниям его предшественников.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности этого затянувшегося спора, кстати, получившего достаточно подробное и широкое освещение в отечественной тюркологии, отметим, что реконструируемый анлаутный **d*-, **ǰ* или **d'*- всеми исследователями относится к пратюркскому, дотюркскому, прототюркскому или к еще более отдаленному алтайскому состоянию и прямого отношения к теме данного исследования не имеет.

Обобщая высказанные в разное время разные точки зрения на эту проблему необходимо сказать, что в собственно пратюркском языке (в нашем понимании этого термина) в анлаутной позиции переднеязычный звонкий зубной смычный **d*- во всяком случае не был представлен. Если даже исходить из того постулата, что в дотюркскую

эпоху в абсолютном начале слова звонкий **d-* был обычным (а это еще следует доказать), то следует признать, что в собственно праторкскую эпоху, даже в самый ранний его период, в анлауте этого звука уже не было, ибо он, по единодушному мнению исследователей и свидетельству древних и современных тюркских языков, давно уже трансформировался в **j-* и его корреляты.

Не менее проблематичен вопрос и об инлаутном **d-* в праторкском языке. Сравнительное изучение древних и современных тюркских языков выявило интересный ряд межтюркских соответствий в инлаутной позиции: дг. *-d- ~ -δ- ~ -z- ~ -j-*; ср.-тюрк. *-d- ~ -δ- ~ -z- ~ -j-*; совр.-тюрк.: якут. *-t- ~ тув., тоф., халадж. -d- ~ хак., шор., чулым., с.-юг. -z- ~ чув. -r- ~* в остальных тюркских языках *-j-*. Исходя из этого ряда соответствий, одни исследователи реконструируют для праязыкового состояния *-d-*, другие *-δ-*, третьи *-j-*. Рассмотрим эти точки зрения подробнее.

Рассматривая межтюркские колебания *-t- ~ -d- ~ -δ- ~ -z- ~ -r- ~ -j-*, В.А.Богородицкий пришел к заключению, что в этом ряду соответствий среднеязычный *-j-* является совершенно отличной фонемой, чем в других случаях, когда в аналогичной позиции *-j-* сохраняется практически во всех известных тюркских языках. Так, слово *aĵaq* "чашка" представлено во всех тюркских языках с одним и тем же инлаутным согласным *-j-*. В то же время созвучное слово *aĵaq* "нога" дает уже известное колебание инлаутного согласного по языкам, ср.: якут. *atax ~ тув. adaq ~ хак. azax, с.-юг. azaq ~ чув. ura ~ туркм., тур., кт., гаг., кар., кум. ~ кб., кир., каз., ног., тат., башк., уйг., лобн., алт. aĵaq, узб. aʃaʁq* "нога". При этом надо отметить, что в древних тюркских языках отмечены формы с инлаутными *-d- ~ -δ- ~ -z-*. Исходя из рефлексов *-d-* и *-z-*, В.А.Богородицкий в качестве исходной единицы восстанавливает межзубный звонкий щелевой **-δ-*, отражающийся в монгольских языках в виде *-d-*, а в чувашском как *-r-*. Спирант **-δ-* в некоторых диалектах мог быть палатализированным и приближался к среднеязычному *-j-*, чем и объясняется его отражение в ряде новых тюркских языков в виде *-j-* (Богородицкий 1953: 197-198).

К.Г.Менгес за исходную фонему принимает межзубный звонкий щелевой спирант *-δ-*. Он приводит следующие ряды исторического развития: *-δ- > -z- > -r-* - для чувашского; *-δ- > -z- > -t-* - для якутского и *-δ- > -j-* - для остальных тюркских языков (Menges 1968: 89-91).

Г.И.Рамстедт первичным считает общеалтайский смычный *-d-*, а межзубный спирант *-δ-* - производным от него. По его мнению, исходный тюркский *-δ-*, представленный в языке древних памятников, в древнеуйгурском и, отчасти, в чагатайском трансформировался в *-z-*,

в западных и южных тюркских языках - в *-j-*, в северных тюркских языках развился в *-d-* и *-z-*, в якутском - в *-t-*, а в чувашском довольно рано перешел в *-r-* (Ramstedt 1957: 86-87).

По предположению М.Рясянена, межзубные *d'* и *δ* были представлены еще в общеурало-алтайском праязыке, наличие этих звуков в уральских языках признается уже всеми. В алтайском праязыке этим звукам соответствовали, по его мнению, звуки *l* (*r*) или *d* (*t*) (Räsänen 1947: 173). Во всяком случае алтайский *-d-* замещается тюркским *-d'*, имевшим тенденцию к превращению в *-δ-*, о чем свидетельствуют соответствующие слова, обозначаемые в арабографичных памятниках графемой *Ā* (заль). Позднее этот межзубный звонкий щелевой *-δ-* служил связующим звеном при дальнейших звуковых перемещениях (Рясянен 1955: 141).

Развивая дальше положения Г.И.Рамстедта и М.Рясянена, Н.Н.Поппе первоначально признает переднеязычный зубной звонкий смычный *-d-*, отразившийся в современных тюркских языках в виде *-d-*, *-t-*, *-z-*, *-j-* (Porre 1960: 52-53).

Первичность *-d-* перед остальными коррелятами находит поддержку у многих последующих исследователей - Дж. Клоусона, А.Рона-Таш, Л.Лигети, Н.К.Дмитриева, Б.А.Серебренникова и др. Исходный характер *-d/-δ-* является несомненным фактом для большинства тюркологов-компаративистов. Мнение В.А.Богородицкого - Г.И. Рамстедта о первичности *-d-* или *-δ-* в цепи указанных звуковых изменений тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков является общепринятым и подтверждается все новыми и новыми языковыми материалами.

Ряд межтюркских соответствий инлаутного **-d-* в полном виде выглядит так: орх.-енис., др.-уйг., халадж., тув., тоф. *-d-*, якут.-*t-*, карах.-уйг. *-δ-*, хак., шор., чул.-тюрк., с.-юг. *-z-*, чув. *-r-* (а также *-j-* в исконных словах при наличии последующего *-r* после негубных гласных и *-v* после губных гласных) ~ кыпч., огуз., карл.-уйг. *-j-*. Весь альтернативный ряд *-d- ~ -δ- ~ -t- ~ -z- ~ -r- ~ -j-* представляет собой корреспонденции исторически засвидетельствованных начиная с VII века и до современности тюркских языков, восходящие в конечном итоге к единому праязыковому архетипу. По поводу конкретного фонетического значения архетипа, как мы убедились выше, среди компаративистов-тюркологов наблюдаются разногласия: одни исследователи исходной фонемой считают *-δ-* (см., например, Щербак, 1970 160; Серебренников, Гаджиева 1979: 63-65 и др.); Э.Ф.Тенишев предпринял попытку обосновать первичность *-j-* (см.: СИГТЯ, 279-299).

Интересные суждения по поводу истории интересующего нас ряда альтернативных межтюркских корреляций высказывался И.В. Кормушиным. В своем выступлении на II Всесоюзной тюркологической конференции в 1976 году в Алма-Ате он высказался в пользу первичности среднеязычного звонкого смычного * *ħ*. Эта фонема-архетип, по его мнению, в засвидетельствованных тюркских языках отразилась в виде указанных выше рефлексов (см.: ВЯ, 1977, № 4).

В более поздней работе "Праязык: ближняя и дальняя реконструкция" И.В. Кормушин межтюркское инлаутное соответствию *-d- // -j-* относит в праязыковую плоскость, считая, что такое распределение разделило праязыковую область на две зоны - древневосточную с *-d-* и древнезападную с *-j-* формами (Кормушин 1988: 94). От себя отметим, что распавшийся на два резко отличных друг от друга диалекта "праязык" это уже не праязык в строгом смысле слова и диахроническое состояние с противопоставлением *-d-* и *-j-* форм отстоит намного ближе к современности, чем праязыковое состояние. Поэтому вряд ли имеет смысл говорить о чередовании *-d- // -j-* в пратюркском. И.В. Кормушин далее пишет, что "существует целый ряд примет глубокой древности данного чередования; и в качестве аргументов приводит следующие положения: "...алитернации *j/d* подвергся второй согласный корня, ею не затронуты последующие корневые согласные; не говоря уже о корнях, среди производных лексем, представленных дуплетными парами с *j* и *d* и потому непосредственно "захвативших" данное чередование, много слов, обозначающих архаичные реалии, например, кыпч., огуз., *айыр*, сев.-вост., др. -тюрк. *адыр* "развилка, ответвление", "рогатина, деревянные вилы" и т.п." (Кормушин 1988: 94-95). Однако "дуплетные пары с *j* и *d*" скорее всего являются диахроническими образованиями, а внутри отдельно взятого языка параллельными гетуинными и заимствованными из родственных языков формами. То, что эти дуплетные межъязыковые формы обозначают архаичные по происхождению реалии, ни в коей мере не является свидетельством о столь же архаичности обозначающего ее слова. Реалия может продолжать существовать с незапамятных времен, а слово, ее обозначающее, за это время может неоднократно изменить свой фонетический облик. Тем не менее, ряд высказываний И.В. Кормушина имеют важное значение для хронотопологизации исследуемого альтернативного ряда фонетических чередований.

Разумеется, все исторически зафиксированные рефлексy данного ряда могут восходить к единому архетипу (возможно к **-d-*, **-*

δ- или *-h-, то есть к какому-то дентальному). Прав И.В.Кормушин в том, что чувашское -r- образовалось в результате перехода *-z- > -r-, а само предполагаемое древнечувашское (=древнебулгарское. - А.Ч.) *-z-, как и -z- в современном хакасском, шорском, сарыг-югурском, возникло из более древнего *-δ-. Очевидно, к этой же фонеме *-δ- восходит и "западнотюркский" -j-, и вряд ли правомерно говорить о первичной алтернации *-D-/*-j-, восходящей к праязыковому состоянию (см.: Кормушин 1988: 96). В любом случае в пратюркском реальнее всего реконструировать дентальный архетип *-d- (или даже *-t-), который находит поддержку со стороны ранних иранских заимствований (ср. тюрк. **qadyn ~*qadyn ~*qajyn* "родственник со стороны жены; свойственник" ← иран. *xw atēn* "госпожа", "жена").

Как свидетельствует обзор специальной литературы, большинство компаративистов-тюркологов для альтернативного ряда межтюркских чередований -d- ~ -t- ~ -δ- ~ -z- ~ -r ~ -j- реконструирует дентальный согласный.

В последнее время была предпринята попытка пересмотреть установившееся в тюркологии положение. Э.Р.Тенишев в коллективной монографии "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков" на основании анализа обширного материала тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков пришел к заключению, что j имеет не только общетюркский характер, но и данные для отнесения его к архетипу и, вместе с этим, к праязыку. Звук *j - единица, возглавляющая весь звукоряд. Остальные члены ряда - результат эволюции *j- (СИГТЯ 1984: 296).

Тем не менее, согласиться с этим мнением, нам кажется, нет никакой возможности. Весь вовлеченный в анализ огромный материал свидетельствует как раз об обратном, т.е. о примате -d- перед -j-. Анализ всего материала занял бы слишком много места и времени, да и заниматься этим практически нет необходимости, так как уже сам систематизированный Э.Р.Тенишевым материал красноречиво свидетельствует о первоначальности -d- хотя бы по следующим основным критериям:

1) формы с -d- представлены, начиная с самых ранних орхон-енисейских письменных памятников VII-IX вв.; исключения, т.е. формы с -j- в орхон-енисейских памятниках единичны; в древнеуйгурских и караханидских памятниках X-XII и X-XIV вв. исключений заметно больше;

2) формы с -d- сохранились в периферийных тюркских языках, законсервировавших наиболее архаичные фонетические черты - в

халаджском, тувинском, тофаларском, а также в якутском (якутский *-t-* явно восходит к *-d-*);

3) ранние тюркские заимствования в монгольских и (через монгольское посредство) в тунгусо-маньчжурских языках однозначно указывают на глубокую древность *-d-* (формы с *-ǰ-* в монгольских вторичны и несомненно развились из *-d-* перед *i* и *y*);

4) формы с *-d-* в определенных комбинаторных условиях в соседстве с *γ*- сохраняются даже в тех языках, где имело место тотальное развитие *-d- > -j-* (примеры см. ниже: кб. *budaj*, *dodaq* и др.);

5) формы с *-j-* начинают доминировать относительно поздно и в языках явно "нового" типа и т.д.

Число контраргументов можно продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в большей правомерности исходить из постулата о первичном характере **-d-*.

Поэтому мы убеждены, что в пратюркском достаточно широко был представлен в инлаутной позиции переднеязычный звонкий зубной смычный *-d-*.

Аналогичные рефлексы в современных тюркских языках дает и ауслаутный *-d-*, что позволяет проецировать его на пратюркский хронологический уровень. По утверждению Б.А.Серебренникова, одинаковость рефлексов интервокального и конечного **d-* в различных тюркских языках свидетельствует явно о том, что эти две позиции были подчинены действию одного и того же фонетического закона (Серебренников 1960: 68). Следовательно, исходя из выявленного по данным древних и современных тюркских языков ряда соответствия: *-t ~ -d ~ -δ ~ -z ~ -r ~ -j*, для пратюркского состояния с полной уверенностью можно реконструировать ауслаутный переднеязычный звонкий зубной спирант **-d*.

Пратюркский анлаутный **d-*

В пратюркском языке в абсолютном начале слова переднеязычный звонкий зубной спирант **d-*, судя по всему, не был представлен. Что же касается анлаутного алтайского **d-*, то он, по мнению большинства алтаистов и тюркологов, перешел в среднеязычный **j-* еще в дотюркскую эпоху.

В ряде современных тюркских языков в абсолютном начале слова переднеязычный смычный *d-* возник в результате сравнительно позднего озвончения первоначального глухого переднеязычного спиранта **t-* (ИЦербак 1970: 90; Гаджиева, Серебренников 1979: 38; СИГТЯ 1984: 211).

Случаи озвончения анлаутного праязыкового **t*- отмечены в нескольких словах современного карачаево-балкарского языка (примеры см. выше), но следует подчеркнуть, что озвончение инициального **t*- > *d*- было обусловлено действием частных позиционно-комбинаторных факторов и не является общей закономерностью.

Иногда в диалектах карачаево-балкарского языка анлаутный *d*- появляется на месте общетюркского *j*- под влиянием переднеязычных зубных спирантов *t* или *d*, представленных в последующих слогах слова. Таких примеров немного, но они весьма показательны: ПТ **jultuz* “звезда”; **ǰulduř* “звезда” (Мудрак): дт. *jultuz*, *julduz* “звезда”, “планета” ~ кб. *dulduz* “звезда”; *ǰulduz*, *zulduz*, *zulduz* “звезда”.

Появление на месте пратюркского **j*- вместо ожидаемых в карачаево-балкарских диалектах закономерных его рефлексов *ǰ*- ~ *ž*- ~ *z*- нетривиального переднеязычного звонкого зубного спiranта *d*- в данном случае объясняется дистантной ассимиляцией второго *-d*-, находящегося в инлаутной позиции.

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах имеется относительно большое число слов с анлаутным переднеязычным звонким зубным смычным *d*-. При ближайшем знакомстве с этим материалом выясняется, что абсолютное большинство карачаево-балкарских слов с анлаутным *d*- является заимствованием из иносистемных языков - арабского, персидского, кавказских, русского, а также так называемых интернационализмов, проникших через посредство главным образом русского языка, ср.:

а) арабские заимствования: кб. *daqıqa* “минута”, диал. “секунда” ← араб. *daqīqa*; *dalal* “сводник” ← араб. *dallāl*; кб. *daw* “спор”, “тяжба”, “претензия”, “иск” ← араб. *daywā*; кб. *dawlāt* “благополучие”, “счастье” ← араб. *dawlat*; кб. *dawur* “шум, гам, гомон”; “конфликт” ← араб. *daur*; кб. *dars* “урок” ← араб. *dars*; *dařtar* “тетрадь” ← араб. *daftar*; *din* “религия”, “вера” ← араб. *dīn*; кб. *dunija* “свет”, “мир” ← араб. *dunīā*; *duwa* “молитва”, “амулет” ← араб. *du'ā*; *dam* “смак”, “удовольствие” ← араб. *ta'm*; кб. *daraža* “важность”, “уровень”, “степень” ← араб. *daraža* и др.;

б) персидские заимствования: кб. *darij* “шелк” ← перс. *darai*; кб. *darman* “лекарство” ← перс. *darmān*; кб. *dabār* “авторитет” ← перс. *tabār* “происхождение”, “династия”; кб. *dart* “злоба” ← перс. *dard*; кб. *daw* “исполин”, “силач” ← перс. *diw* “демон”; кб. *dary* “лекарство” ← перс. *dāru*; кб. *dāwūr* “искупительная жертва” ← перс. *daur*; кб. *dos* “приятель”, “фаворит” ← перс. *dost*; кб. *tuqum*, *duqum* “род”, “фамилия”, “породы”, “вид” ← перс. *toxum* “семья”; “яйцо”; кб. *durus*

“справедливый”, “правильный” ← перс. *dorost* “правильный”; кб. *dušman* “враг, неприятель” ← перс. *dušmānd*; *duw* “один” ← перс. *duw* “два”; кб. *düldür* “сказочный конь-богатырь” ← перс. *düldül* и др.

в) русские заимствования: *дворник, дворян, дворец, движок, дача, дворянлы, дебер* (< *доверие*), *дебит, дебют, дебютант, девальвация, дебитор, девиз, дегенерат, дегустатор, дедукция, дежурный, дезинфекция, дека, декабрь, декадент, декларация, декорация, декрет, делегат демагог, дельфин, деланка* и т.п.

Еще одним пластом, дающим слова с инициальным переднеязычным звонким зубным спирантом *d-* в карачаево-балкарском языке является так называемая экспрессивная лексика, в разряд которой в первую очередь входят слова имитативного или подражательного характера. Озвончение анлаутных исконных глухих согласных в словах этого разряда объясняется, скорее всего, стремлением говорящего усилить экспрессивность слова путем озвончения анлаутного согласного и усиления инлаутного согласного вплоть до геминии, ср.: кб. *digil-migil* “мелочный”; *dop!* “бух!”; *dop-dop at-* “оговориться”; *dubur* “прыщ (на теле)”; *dubur-dubur bolʒan* “пупырышками”; *duvur-muvur* “неровный”; “бугристый”; *dukkul* “клочок”, *duqur* “желток”, *duqur-muqur* “неровный”, “бугристый”; *duquš* “выпуклость”, “горб”; *duquš-muquš* “неровный”; *dump bol-* “исчезнуть”, “пропасть”; *duppa-dupriq* “тупой-претупой”; *dupriq* “тупой”; *duppur* “холм”, “бугор”; *dupriš* “углубление”; *dub* - подражание звуку падающих капель”; *dub demezge* “не издать ни звука”; *dub deme!* “замолчи!”, “ни гу-гу!”; *dybylda-* “тараторить”; *dybyl-dybyl at-* “болтать, тараторить”; *dybyrda-* “топать”, “притопывать”; *dybyr-dybyr* - подражание топанию при беге; *dyʒar-duʒur* - подражание шуму, грохоту”; *dyʒyrda-* “шуметь”, “грохотать” и т.д.

Пратюркский инлаутный *-d-

Пратюркский инлаутный переднерядный звонкий зубной спирант *-d- в современных тюркских языках дает целый ряд рефлексов: *-t- ~ -d- ~ -ʒ- ~ -z- ~ -r- ~ -j-*. Закономерными для древних и современных тюркских языков являются следующие рефлексы:

древнетюркский:	-d-
древнеуйгурский:	-d-
караханидский:	-d- ~ -z-
сельджукский:	-j-
куманский:	-j-
половецкий:	-j-

халаджский:	-d-
азербайджанский:	-j-
туркменский:	-j-
турецкий:	-j-
крымскотатарский:	-j-
гагаузский:	-j-
саларский:	-j-
узбекский:	-j-
уйгурский:	-j-
кумыкский:	-j-
карачаево-балкарский:	-j-
караимский:	-j-
ногайский:	-j-
каракалпакский:	-j-
казахский:	-j-
татарский:	-j-
башкирский:	-j-
киргизский:	-j-
алтайский:	-j-
тувинский:	-d-
тофаларский:	-d-
хакасский:	-z-
шорский:	-z-
чулымский:	-z-
якутский:	-t-
чувацкий:	-r-

Из приведенного ряда закономерных и регулярных соответствий можно заключить, что в западных (огузских и кыпчакских) и южных (карлукских или чагатайских) тюркских языках представлены в основном вторичные формы со среднеязычным *-j-* на месте пратюркского **-d-*. Эта общая для огузских, кыпчакских и карлукских языков закономерность достаточно регулярно выдерживается в современном карачаево-балкарском языке, ср.:

ПТ **adyn*- "протрезветь" ~ кб. *ajyn*- "поправляться"

ПТ **adaq* "нога" ~ кб. *ajaq*

ПТ **adyr* "медведь" ~ кб. *aju*, балк. *ajuw*

ПТ **adyr*- "разделять" ~ кб. *ajyr*- (в топонимии Баксана *adyr*)

ПТ **adyran* "кислое молоко" ~ кб. *ajran*

ПТ **adla*- "выделять кожу" ~ кб. *ijla*-

- ПТ **adḡar* “седло” ~ кб. *ijār*
 ПТ **adār-* “следовать” ~ кб. *ijār-*
 ПТ **adḡu* “добрый, святой” ~ кб. *igi* < **ijgi*
 ПТ **badram* “праздник” ~ кб. *bajram*
 ПТ **bādū-* “возрастать” ~ кб. *būju-/miji-*
 ПТ **bydyq* “борода, усы” ~ кб. *myjuq*
 ПТ **bod* “рост”, “стан” ~ кб. *boj*
 ПТ **boda-* “красить” ~ кб. *boja-*
 ПТ **boduq* “краска” ~ кб. *bojaw*
 ПТ **bodtaq* “холостой” ~ кб. *bojtaq*
 ПТ **yd-* “посылать” ~ кб. *ij-*
 ПТ **ida* “хозяин” ~ кб. *ija*
 ПТ **jad-* “расстилать” ~ кб. *ǰaj-*
 ПТ **jadaq* “пеший” ~ кб. *zajaw*
 ПТ **jidlāk* “ягода” ~ кб. *ǰilak*
 ПТ **jod-* “уничтожать”, “губить” ~ кб. *ǰoj-*
 ПТ **qādun* “родственник со стороны жены” ~ кб. *qajun*
 ПТ **qadyḡ* “береза” ~ кб. *qajun*
 ПТ **qadyu* “горе”, “беда” ~ кб. *qajru*
 ПТ **qadyr-* “подвернуть” ~ кб. *qajyr-*
 ПТ **qadyš* “ремень” ~ кб. *qajš*
 ПТ **qadu-* “строчить” ~ кб. *qajyr-*
 ПТ **qada* “скала” ~ кб. *qaja*
 ПТ **kād-* “одевать” ~ кб. *kij-*
 ПТ **kādir-* “вводить” ~ кб. *kijir-*
 ПТ **kādik* “дичь”, “дикий зверь” ~ кб. *kijik*
 ПТ **qudyq* “край”, “граница”, “берег” ~ кб. *qujyr-*
 ПТ **kadiz* “войлок” ~ кб. *kijiz*
 ПТ **qod-* “класть” ~ кб. *qoj-*
 ПТ **qodan* “заяц” ~ кб. *qojan*
 ПТ **qodu* “низ”, “вниз”, “внузу” ~ кб. *qoju*
 ПТ **qud-* “лить” ~ кб. *quj-*
 ПТ **quduq* “колодец” ~ кб. *quju*
 ПТ **kūdagū* “зять” ~ кб. *kūjew*, балк. *kijew*
 ПТ **od* “мысль”, “дума” ~ кб. *oj*
 ПТ **oduḡan-* “просыпаться” ~ кб. *ujan-*
 ПТ **sydyr-* “сдирать” ~ кб. *syjyr-*, *sydyr-*
 ПТ **sid-* “мочиться” ~ кб. *sij-*
 ПТ **sīdrik* “моча” ~ кб. *sijdik*
 ПТ **sūdra-* “тащить” ~ кб. *sūjra-*
 ПТ **tyd-* “удерживать, унимать” ~ кб. *tyj-*

ПТ **tod-* “насытиться” ~ кб. *toj-*

ПТ **idu-* “спать” ~ кб. *žiqla-* (< **ijuqla-*)

ПТ **iduiqu* “сон” ~ кб. *žiqu* (< **ijuqu*)

Приведенные примеры красноречиво свидетельствуют о том, что в карачаево-балкарском языке пратюркскому переднеязычному звонкому зубному смычному **d* в инлаутной и ауслаутной позициях регулярно соответствует переднеязычный щелевой сонант *-j-*. Однако в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах можно обнаружить единичные случаи нетривиальных соответствий. Например, ПТ **adyr* “отделение, ответвление, развилина” сохранилось в этой форме (с интервокальным *-d-*) в составе гидронима *Adyr suw*, при *ajur-* “разделять”, “разъединять”, “отделять”, “выделять”, “обособлять”, “расчленять” в апеллятивной лексике.

В диалектах карачаево-балкарского языка наряду с закономерными формами с интервокальным *-j-* (ср. балк. *ajuw*, карач. *aju* “медведь”) отмечена более архаичная форма этого слова с инлаутным *-d-*: *adu* “медведь”.

Такого рода нетривиальные фонетические соответствия скорее всего объясняются иноязычными влияниями. Как представляется, что одним из источников появления форм со спирантом *-d-* мог быть древнебулгарский субстрат.

О. Прицак в своих исследованиях, посвященных болгарской проблеме пишет, что в дунайско-болгарском языке анлаутный *d-* соответствует общетюркскому *j* (Прицак 1955: 43). Кроме того, в пользу болгарского субстрата говорят факты северокавказских рунических памятников. С.Я. Байчоров, предложивший дешифровку этих памятников пришел к выводу о том, что язык этих памятников отражает диалектную расчлененность болгарского языка. Он пришел к выводу о существовании в болгарском языке трех диалектов: *d'*-, *dz*-, *dz-*. *D-* диалект, по мнению С. Байчорова, был наиболее распространенным (Байчоров 1989: 264).

Начальный *d'* отмечен в болгарском языке и другими исследователями, например, *диломтвирем* “девятый (месяц года) змеи” (Прицак 1959, 15-16; Бенцинг 1959, 688-689, Тихомиров 1946: 86-87).

Таким образом, в данном случае можно говорить с достаточной уверенностью о болгарском субстрате в карачаево-балкарском языке по отношению употребления *d* вместо праязыкового *j*.

В древнебулгарском языке, очевидно, инлаутный *-d-* сохранялся если не во всех случаях, то хотя бы в отдельных диалектах, о чем вроде бы достаточно убедительно свидетельствуют, пусть даже единичные и

фрагментарные, но трудно оспоримые факты. В венгерском языке представлено болгаро-тюркское заимствование *katáng* “цикорий” (← тюрк. **qaydan* “прошлогодня засохшая трава”, ср. кб. *qawdan* “сухая трава на корню”, “зимний выпас”, но кб. *qawra* “стебель высохший”; “стерня” ← булг., ср. чув. *xut xura* “прошлогодня засохшая трава”, зафиксированное впервые в 1395 году (Gombocz 1912: 219; A magyar... 1970, I: 405). Далее, слово *hadag* “береза” отмечено еще в 922 году Ахмедом ибн-Фадланом на территории Волжско-Камской Булгарии (Ковалевский 1956: 151-154). Другим источником для проникновения форм с инлаутным *-d-* могли быть монгольские языки и диалекты средневековья. Приведенная выше карачаево-балкарская форма *qawdan* “сухая трава на корню”, как и в остальных тюркских языках, является монгольским заимствованием (RäsEWb, 220), ср.: калм. *хягд(ан)*, х.-монг. *хагда(н)*, бур. *хагда(н)* “старая, прошлогодня трава”; п.-монг. *хагда(н)* “старая трава в степи, несожженная палами”; “старая трава среди зелени”. Монгольские формы, в свою очередь, являются ранними тюркизмами. Другой, ротацированный вариант этого слова *qawra* “высохший стебель”, “стерня” является наследием, оставшимся от древнеболгарского субстрата, о чем красноречиво свидетельствует типично болгарское развитие инлаутного **-d-* в *-r-*; к тому же балкарское *qawra* “высохший стебель”, “стерня” находит гомогенную параллель в чувашском *xura* “прошлогодня засохшая трава”, ср. *xiDə xura* “общее название сухих, засохших, жестких трав”; “цикорий”, *tâvatkâl xura*, *pəru xuri* “цикорий”, “тысячелистник” и т.п. (см. Ашмарин, XVI, 109).

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах встречаются параллельно как формы с закономерным инлаутным *-j-*, так и замещающими его *-ǰ-* ~ *-ž-* ~ *-z-*, ср.: кб. *aǰyr* “жеребец”, “богатырский конь”; “злой, сердитый (человек); “неудержимый”, “необузданный” (КБРС, 1989, 31) ~ *ažir* ~ *ažir* ~ *azir* “жеребец”, “злой” (КБРС, 1989, 25). В действительности, очевидно, форма *aǰyr* является исконной, собственно карачаево-балкарской, а формы с *ž* ~ *ž* ~ *z* - заимствованные из среднемонгольского языка, ср.: п.-монг. *ažirga* (< **adirga* ← тюрк. *adyr*), *ažirga* “жеребец”; х.-монг. *ažraga(n)*, бур. *ažarga* калм. *ažirga* “жеребец”. Показательно, что в монгольских языках это слово в сочетании с названиями животных означает “самец”; х.-монг. *ažragan taxia* “петух”, бур. *ažarga gaxai* “кабан”, *ažarga xermen* “самец белки” и т.д. В тюркских языках эта линия развития значений не отмечена, не характерна она и для исконного карачаево-балкарского *aǰyr*, но заимствованная форма *ažir* ведет себя совершенно идентично с монгольским словом, ср.: кб. *ažir it* “кобель”. Нарушение небной

гармонии (ср. *i* вместо ожидаемого *y*) наряду с семантикой также указывает на проникновение формы *ažir* ~ *ažir* ~ *azir* из монгольского языка средневековой эпохи.

В некоторых словах сохранение инлаутного *-d-* обусловлено позиционно-комбинаторными условиями: *-d-* обычно сохраняется непосредственно после соседнего предыдущего *y*, т.е. праязыковая комбинация *-yd-* в современном карачаево-балкарском языке отражается как *-d-*, ср. пратюрк. **buydaq* “пшеница” ~ кб. *budaj*, пратюрк. **toydaq* “дрофа” ~ кб. *dudaq, duwadaq* “дрофа”, “лебедь”. Видимо, сохранению *-d-* способствуют также и другие предшествующие согласные, ср. **jumduruq* “кулак” > кб. *žumduruq, žunduruq* “кулак”. Однако, ввиду малочисленности подобных примеров, проблему сохранения инлаутного *-d-* в словах подобного типа однозначно объяснить затруднительно.

В одном единственном слове на месте праязыкового интервокального *-d-* выступает билабиальный *-w-*, ср. ПТ **qudušqan* “подхвостник” ~ кб. *quwišxan*. Очевидно, в данном случае билабиальный *-w-* развился из среднеязычного *-j-* между двумя исконными губными гласными. Лабиализация *-j-* или его субституттов в положении между двумя губными гласными в тюркских языках довольно широко распространено. В положении между праязыковыми предыдущим губным и последующим негубным гласным *-j-* удерживается, ср.: ПТ **qudyq* “колодец” ~ кб. *quju*; ПТ **bodaq* “краска” ~ кб. *bojaw*; ПТ **godan* “заяц” ~ кб. *qojan* и т.д.

Пратюркский ауслатный **-d*

Пратюркский ауслатный **-d* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах, как правило, переходит в переднеязычный *-j-*. Никаких исключений в абсолютном конце слова не наблюдается, ср.:

ПТ **bod* “рост”, “стан” ~ кб. *boj*

ПТ **yd-* “посылать” ~ кб. *ij-*

ПТ **jad-* “расстилать” ~ кб. *žaj-*

ПТ **jod-* “уничтожить” ~ кб. *žoj-*

ПТ **kad-* “одевать” ~ кб. *kij-*

ПТ **qod-* “класть” ~ кб. *qoj-*

ПТ **qud-* “лить” ~ кб. *quj-*

ПТ **od* “мысль” ~ кб. *uj*

ПТ **tod-* “насытиться” ~ кб. *toj-* и т.д.

Щелевые согласные и аффрикаты

Пратюркский *s

В пратюркском языке был широко представлен переднеязычный зубной глухой фрикативный *s, который употреблялся без каких-либо особых ограничений как в анлауте, так и в инлаутной и ауслаутной позициях. Переднеязычный зубной глухой щелевой звук *s был довольно устойчивым и относительно хорошо сохранился практически во всех современных тюркских языках. Только в туркменском и башкирском языках наблюдается развитие праязыкового s в δ во всех положениях. Кроме того, в якутском во всех положениях между сонантами регулярно, а в башкирском - в начале слов и аффиксальных морфем этот звук переходил в h. В абсолютном начале исконных тюркских слов праязыковой s в якутском языке через ступень h выпал. В чувашском языке *s в положении перед *y, *i и долгим *ā палатализуется и переходит в š, а в остальных случаях, как правило, сохраняется (см. подробнее: Рясянен 1955: 150-153; Щербак 1970: 161-162; Серебренников, Гаджиева 1979: 55-56; СИГТЯ 1984: 221-229).

Карачаево-балкарский язык, включая и его диалекты, в отношении фонемы *s не проявляет каких-либо выраженных специфических эксцессов. Обычно пратюркский *s в современном карачаево-балкарском языке сохраняется без особых изменений за исключением ограниченных позиционно обусловленных комбинаторных трансформаций.

Пратюркский анлаутный *s-

Пратюркский переднеязычный зубной глухой щелевой согласный *s- в абсолютном начале слова в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах, как правило, сохраняется без изменений, ср.:

ПТ *say “здоровый”, “благополучный”, ср.: *say “здоровье”, “здоровый” (ЩФ, 196); ПТ *sagλ “здоровый” (Мудрак, 101, 175): дт. say “здоровый”, “благополучный”, “хороший” (ДТС, 480), туркм., тур., аз., уйг. say, узб. saʔ, каз., кк., ног., кум., тат. saw, кир. sō, алт. si, башк. haw, чув. suv ~ кб. saw “живой”, “невредимый”, “здоровый”, “целый”;

ПТ *say- “доить” (ЩФ, 196) ~ кб. saw;

ПТ *sal- “класть” (ЩФ, 196) “класть” ~ кб. sal- “ставить”, “класть”;

ПТ **saq* “осторожный”, “чуткий”, “охранять”, “беречь” (ЩФ, 196) ~ кб. *saq* “осторожный”, “чуткий”, “сторожить”;

ПТ **sāp-* “сеять” ~ кб. *sep-*;

ПТ **syɣ-* “вмещаться” ~ кб. *syj-*;

ПТ **syq* “давить”, “жать” ~ кб. *syq-* “выживать”;

ПТ **syr-* “шить в строчку”, “стегать” ~ кб. *syr* “строчка”;

ПТ **sōk-* “распарывать”, “рвать” (ЩФ, 196) ~ кб. *sok-* “распарывать”;

ПТ **sik-* “совокупляться” ~ кб. *sik-*;

ПТ **suy* “вода” ~ кб. *suw*;

ПТ **sūs* “цедить”, “очищать” ~ кб. *süz* “цедить”;

ПТ **sür-* “вести”, “тянуть” (ЩФ, 196) ~ кб. *sür-* “гнать”, “гонять”, “вести”;

ПТ **sūt* “молоко” (ЩФ, 196) ~ кб. *sūt*;

ПТ **syj-* “уважение”, “почитание”, “угощение”, “подарок” ~ кб. *syj-* “подарок”, “угощение”, “почитание”;

ПТ **syrt* “наружная сторона”, “поверхность”, “возвышенность” ~ кб. *syrt* “возвышенность”, “обратная сторона”, “поверхность”;

ПТ **siv-* “впитаться”, “проникнуть”, “проглотиться” ~ кб. *siv-* “впитаться”, “проникнуть”;

ПТ **sir* “краска” ~ кб. *sir* “краска”;

ПТ **syn-* “ломаться”, “разламываться” ~ кб. *syn-* “ломаться”, “разбиваться”, “разламывать”;

ПТ **sij-* // **sig-* “мочиться”, “моча” ~ кб. *sy-* “мочиться”;

ПТ **soq-* “совать” ~ кб. *suq-* “совать”, “всовывать”;

ПТ **soj-* “свежевать”, “разделявать” ~ кб. *soj-* “резать”, “свежевать”, “раздирать”;

ПТ **sor-* “спрашивать” ~ кб. *sor-*;

ПТ **soqyr* “слепой” ~ кб. *soqur* “слепой”.

Пратюркский анлаутный **s-* > кб. *š-*

В ограниченном числе слов современного карачаево-балкарского языка на месте инициального пратюркского переднеязычного зубного глухого фриктивного согласного **s-* стоит переднеязычная небно-зубная глухая аффриката *š-*, ср.:

ПТ **saŋč-* “колоть”, “втыкать”, “вонзать”, ср.: **saŋč-* “колоть”, “вонзить” (ЩФ, 196): дт. *saŋč-* “колоть”, “вонзить”, “втыкать”; “побеждать”, “поражать” (ДТС, 483-484), чаг., уйг., *saŋč*, тур. *saŋč*, аз. *saŋš*, кум. *šanč*, тат. *šanč*, *šanič*, бар. *šāč*, каз. *šanš*, тоф. *šaš*, саг., койб. *sas*-, якут. *as*-, чув. *sānā* “копье” (< **saŋčyŋ*), *šanāška* “вилка” (<

тат.) ~ кб. *čapč*- “колоть (ножом и т.п.)”; “втыкать”, “колоть”, “покалывать”;

ПТ **sač* “волосы”; ср. **sač* “волосы” (ЩФ, 196); ПТ **sač* (Старостин, 190): дт. *sač*, тур. *sač*, тат., *čač*, аз. *sač*, туркм. *sač*, хак. *saš*, чув. *šus*, якут. *as*, кир. *čač*, каз. *saš*, ног. *čač*, башк. *šaš* (< **čač*), гаг. *sač*, кр.-тат. *sač*, кк. *šaš*, сал. *sač*, *sačuv* “волосы” ~ кб. *čač* “волосы”; “коса”;

ПТ **sač*- “разбрасывать”, “рассеивать”, “рассыпать”; ср. **sač* (ЩФ, 196): дт. *sač*- “сыпать”, “посыпать, рассыпать”; “разбрасывать”, “рассеивать”, “раскидывать”, “разбрызгивать”, “кропить” (ДТС, 479), уйг., ср.-тюрк. *sač*-, тар. *čač*-, сой. *čaž*-, тоб. *čač*-, каз. *šaš*-, саг., койб. *saš*-: уйг. *šaž*-, тат. *čač*-, башк. *sāš*-, якут. *us*-, чув. *šiš*- “разбрасывать”, “рассеивать” ~ кб. *čač*- “разбрасывать”, “раскидывать”, “сеять”, “брызгать”, “распространять”;

ПТ **suč*- “испражняться”; ср. **suč* - “испражняться” (ЩФ, 197) ~ кб. *čuč*-;

ПТ **sučqan* “мышь” ~ кб. *čučxan*;

ПТ **sačaq* “кисть”, “бахрома” ~ кб. *čačaq* и т.д.

В малкарском диалекте этот вторичный *č*, как и любой другой, трансформируется в переднеязычную зубную глухую аффрикату *s*.

Внимательное рассмотрение конкретных примеров показывает, что чередование пратюркского анлаутного **s*- с аффрикаторой *č*- в карачаево-балкарском, как и в ряде других тюркских языков, вызвано дистантной регрессивной ассимиляцией второй аффрикаты *č*, представленной в данном слове. Следовательно, аффрикатизация анлаутного **s*- в тюркских языках представляется не закономерным явлением, а лишь позиционно обусловленным комбинаторным исключением из основного правила.

Показательно, что в языках огузской группы в аналогичной позиции анлаутный **s*-, как правило, сохраняется, а в кыпчакских языках регулярно подвергается диссимилиаторным изменениям; поэтому процесс ассимиляции инициального **s*- скорее всего следует датировать периодом существования единого, еще не дифференцированного пракыпчакского языка.

Пратюркский анлаутный **s*- > кб. *š*-

Аналогичное диссимилиаторное изменение наблюдается и в тех случаях, когда в слове вслед за инициальным переднеязычным зубным глухим щелевым согласным **s*- через гласный следует переднеязычный небно-зубной глухой щелевой *š*, однако в этом случае инициальный свистящий согласный **s*- закономерно переходит в шипящий *š*-, ср.:

ПТ **syʃ* “вертел”: дт. *syʃ* “вертел”; “палочка, которой едят лапшу” (МК, I, 15, 331); *ʃyʃ* “вертел” (МК, II, 129, 282; ДТС, 506, 524) ~ кб. *ʃiʃ* “вертел”;

ПТ **saʃ* “боязливый”, “пугливый”; дт. *saʃ* “боязливый”, “пугливый” (МК, III, 152; QBN, 382; ДТС, 490), *ʃaʃ* “пугливый”, “боязливый”, “трусливый” (QVK, 271; ДТС, 520); ср. также дт. *ʃaʃ* “суетиться”, “торопиться”, “спешить” (ДТС, 520-521); *ʃaʃ*- “сбиваться с пути”, “отклоняться”; “заблуждаться” (ДТС, 521) ~ кб. *ʃaʃ*- “сойти с ума”, “свихнуться”, “спатить”;

ПТ **saɣʃ* “дума”, “мысль” ~ кб. *saɣʃ/saɣʃ* “забота”, “дума”, “переживание” (Акбаев 1963: 126) и т.д.

Позиционно-комбинаторные изменения, вызванные ассимиляторно-диссимиляционными процессами, задевают только соответствующую небольшую часть слов, поэтому примеров на такие соответствия бывает немного.

Пратюркский инлаутный *-s-

Праязыковой переднеязычный зубной глухой фрикативный *-s- в инлаутной позиции в тюркских языках в основном был довольно устойчивым и, как правило, сохранился во многих современных тюркских языках. Вместе с тем наблюдается общая тенденция к озвончению праязыкового глухого *s- в интервокальной позиции и в положении после и перед сонантами. В языках Южной Сибири, а также в чувашском процесс озвончения инлаутного *-s- принял регулярный позиционно-обусловленный характер, спорадически соноризация праязыкового глухого *-s- встречается в южных, поволжских и среднеазиатских тюркских языках. Башкирский язык дает примеры перехода *-s- в интердентальный глухой -θ-, а также позиционно обусловленные чередования *-s- > -t- (перед q), *-s- > -t- (после q). В якутском отмечается регулярный переход инлаутного *-s- в -h-, который охватывает и довольно поздние иноязычные заимствования (см. Рясянен 1955: 152-153; Серебренников, Гаджиева 1979: 56; СИГТЯ 1984: 224-226).

В современном карачаево-балкарском языке пратюркский инлаутный *-s-, как правило, сохраняется без особых изменений, ср.

а) в интервокальной позиции:

ПТ **asyra*- “вскармливать”, “содержать”, “воспитывать” ~ кб. *asyra*- “хранить”, “беречь”;

ПТ **asyu* “польза” ~ кб. *asyu* “подспорье”, “поддержка”, “помощь”, “польза”;

ПТ **jasa*- “делать”, “строить”, “устраивать” ~ кб. *ǰasa*- “делать”, “мастерить”, “украшать”;

ПТ **ösüm* “рост” ~ кб. *ösüm* “рост, высота”;

ПТ **ysyq* “горячий”, “жаркий” ~ кб. *issi* “жара”, “жаркий”, “горячий”;

ПТ **käsik* “часть”, “доля” ~ кб. *käsäk*;

ПТ **küsä*- “желать”, “тосковать” ~ кб. *küsä*- “желать”, “хотеть”, “тосковать”;

ПТ **qasmaq* “пригар”, “накипь”; “пенка” ~ кб. *qasmaq*;

ПТ **qysyr* “бесплодный”, “яловый” ~ кб. *qysyr*;

ПТ **qysyq* “тесный” ~ кб. *qysyq* “плотный, сомкнутый”;

ПТ **äsän* “здоровый” ~ кб. *äsän*;

ПТ **äsirik* “пьяный” ~ кб. *äsirik*;

б) в положении после согласного:

ПТ **aqsa*- “хромать” ~ кб. *aqsa*-, *asxa*- “хромать”;

ПТ **bodsun*- “подчиниться”, “попасть в зависимость” ~ кб. *bojsun*- “подчиняться”;

ПТ **köksül* “голубоватый”, “синеватый”; “сизый” ~ кб. *koksul*;

ПТ **qursaq* “живот” ~ кб. *qursaq*;

ПТ **sarymsaq* “чеснок” ~ кб. *sarsmaq*, *sarysmaq* “чеснок”;

ПТ **subsar* “колонок”, “куница” ~ кб. *suwsar*;

ПТ **taŋsyq* “желание”, “тоска” ~ кб. *taŋsyq*;

ПТ **borsuq* “барсуk” ~ кб. *borsuq*;

в) в положении перед согласным:

ПТ **aslam* “прибыль” ~ кб. *aslam* “больше, “свыше”, “много”;

ПТ **aryslan* “лев” ~ кб. *arслан*, *aslan* “лев”;

ПТ **basma* “печать” ~ кб. *basma* “печать”, “ситец”;

ПТ **jastyq* “подушка” ~ кб. *ǰastyq*;

ПТ **qasmaq* “накипь” ~ кб. *gasmaq*;

ПТ **qysqa* “короткий” ~ кб. *qysxa*;

ПТ **qysta*- “притеснять”, “зажимать” ~ кб. *qysta*- “выгонять”, “прогонять”, ср. чув. *xiste*- “заставлять”, “вынуждать”;

ПТ **äsgär*- “замечать” ~ кб. *äsgär*-;

ПТ **äski* “старый” ~ кб. *äski*;

ПТ **äsnä*- “зевать” ~ кб. *äsnä*-;

ПТ **üstür*- “науськивать” ~ кб. *üstür*- “натравливать”.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что в карачаево-башкирском языке праязыковой инлаутный *-s- практически сохраняется независимо от фонетического окружения: в интервокальной позиции; после глухих и звонких согласных и перед глухими и звонкими согласными.

В единичных случаях наблюдается аффрикатизация праязыкового инлаутного *-s- под ассимиляторным влиянием последующей аффрикаты -č, ср.: ПТ **basquč* “лестница”, “ступень” ~ кб. *bačquč*, *bačxuč*, *bačxuč* “лестница”.

Пратюркский ауслатный *-s

В абсолютном конце слова переднеязычный зубной глухой фрикативный *-s в тюркских языках представлен относительно редко, однако в ауслатной позиции он обладает достаточной устойчивостью (см.: Рясянен 1955: 152-153; Серебренников, Гаджиева 1979: 56; СИГТЯ 1984:226).

В карачаево-балкарском языке и его диалектах праязыковой глухой щелевой *-s, как правило, сохраняется без изменений, ср.:

ПТ **ās* “вешать” (ЩФ, 193): дт. *as*- “вешать”, *as*- “повесить”; “казнить (через повешение)” (МК, I, 80, 173; ДТС, 59) ~ кб. *as*- “вешать”, “подвешивать”;

ПТ **ās* “память”, кум. *es* “память”, кт. *ās* “память”, кир. *ās* “память”, каз. *ās* “память”, кк. *ās* “память”, ног. *ās* “разум” ~ кб. *ās* “память”, “внимание”, “разум”;

ПТ **qus*- “сжимать”, “зажимать”, “давить”: дт. *qus*- “сжимать”, “сдавливать, стискивать”, “давить, подавлять”, пол. *qus*- “сжимать”, “давить” (Гр., 207), каз. *qus*- “давить”, “сжимать”, кк. *qus*- “давить”, “сжимать”, ног. *qus*- “сжимать”, кир. *qus*- “давить”, “сжимать”, кар. *qus*- “давить”, “жать”, “сминать” (КРПС, 388) ~ кб. *qus*- “давить”, “жать”, “сжимать”, “стискивать” и т.д.;

ПТ **qus*- “рвать (при тошноте)”: дт. *qus*- “рвать”, “изрыгать”, “тошнить и воротит от пищи”, пол. *qus*- “рвать (при тошноте)”, каз. *qus*- “рвать”, кк. *qus*- “рвать”, ног. *qus*- “рвать”, кум. *qus*- “изрыгать” ~ кб. *qus*- “изрыгать”, “тошнить”;

ПТ **käs*- “резать”: дт. *kes*- “резать”, “делить” (ДТС, 302), пол. *kes*- “резать”, каз. *kes*- “резать”, “делить”, кк. *kes*- “резать”, кир. *kes*- “резать” ног. *kes*- “резать”, кум. *kes*- “резать” ~ кб. *kes*- “резать”;

ПТ **pas*- “наступать”, “становиться”: дт. *bas*- “наступать”, пол. *bas*- “наступать”, “давить” (Гр., 51), каз. *bas*- “наступать”, “давить”, кк. *bas*- “наступать”, “становиться”, ног. *bas*- “наступать” ~ кб. *bas*- “наступать”, “становиться”;

ПТ **tüs* “цвет”, “вид” ~ кб. *tüs* “образ”, “вид”, “облик” и т.д.

Праязыковой глухой щелевой свистящий *-s в современном карачаево-балкарском языке сохраняется и в составе аффиксов, ср.:

к.-б. -*syz*/-*siz*/-*suz*/-*suz* - каритивный аффикс; аффикс отрицательных прилагательных;

кб. *-sy/-si* - аффикс принадлежности 3-го лица ед. и мн. числа;
 кб. *-syn/-sin/-sun/-sun* - аффикс побуд.-желат. 3 л. ед. и мн. числа;
 кб. *-syral/-sira* -- аффикс со значением лишения и т.д.

Пратюркский *z

В настоящее время для пратюркского состояния с достаточно аргументированным основанием можно реконструировать переднеязычный зубной звонкий фриктивный согласный *z. Проблема первичности ротацизма или зетацизма, судя по специальным исследованиям последних лет, решается, скорее всего в пользу первичности в тюркских языках зетацизма.

Г.И.Рамstedт и его последователи пытались решить проблему ротацизма на алтайском уровне. Обнаружив ротацированные формы сначала в чувашском, затем в монгольском и тунгусо-маньчжурских языках, Г.И.Рамstedт выдвинул гипотезу о первичности ротацизма перед зетацизмом и на этой основе построил алтайскую теорию. С тех пор проблемы ротацизма и теория о предполагаемом или, вернее, констатируемом родстве алтайских, т.е. тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также японского и корейского языков постоянно находятся в центре внимания тюркологов и алтаистов. Тщательный компаративистический анализ тюркско-монгольских лексических совпадений показал, что между тюркскими, в первую очередь - чувашским и монгольскими языками имеется не генетическое родство, как это постулировали сторонники алтайской теории, а "приобретенное" в результате долговременных исторических контактов сродство. Выяснилось также, что положенные Г.И.Рамstedтом в основу алтайской теории чувашско-монгольские лексические параллели на проверку оказались довольно разнородными. Наиболее старый пласт чувашско-монгольских языковых параллелей складывался в первой половине 1-го тысячелетия до н.э. в результате многочисленных лексических проникновений в прамонгольский из тюркского языка огуурского (или булгаро-чувашского) типа. Среди так называемых "огурских" заимствований в монгольских языках довольно много слов с ротацизмом и ламбдаизмом. Это свидетельствует о том, что в огуурской (-булгаро-чувашской) ветви тюркских языков еще в то далекое время произошел переход праязыкового z в r. Однако стандартные тюркские языки такого перехода не знали и до настоящего времени сохранили исконные формы с фриктивным z.

Исходя из этого постулата, убедительно доказанного венгерскими тюркологами-алтаистами Л.Лигети и А.Рона-Ташем, мы

исходим из положения о приоритете зетацизма перед ротацизмом и вполне уверенно реконструируем для пратюркского состояния переднеязычный зубной звонкий фриктивный *z*. Что же касается предложенных в свое время сторонниками алтайской теории всевозможных реконструкций праязыкового ротацизма (палатальный **ʃ*, по Г.И.Рамstedту и М.Рясянену, “чешский” **ʃ*, по Н.Н.Поппе, комбинация **rti*, по О.Прицаку, и др.), то в любом случае их следует относить в хронологическом аспекте в далекую дотюркскую эпоху. Дотюркские (в частности и алтайские) реконструкции остаются за пределами темы нашего исследования, посвященного изучению исторического развития фонетической системы конкретного тюркского языка.

Итак, мы исходим из бесспорного положения о бытовании в пратюркском языке звонкого свистящего щелевого **z*. Звонкий фриктивный **z* в пратюркском имел определенные позиционные ограничения - в абсолютном начале исконных тюркских слов его не было, но в инлаутном и ауслатной позициях согласный **z* был обычным звуком и употреблялся без позиционно-комбинаторных ограничений.

В современном литературном карачаево-балкарском языке в абсолютном начале слова звонкий свистящий фриктивный согласный *z*- встречается только в составе сравнительно поздних иноязычных заимствований. Эти слова в основной своей массе заимствованы из русского языка, меньшая часть из арабского, персидского, а также из кавказских языков. Все эти заимствования могут быть хронологически отнесены к разным периодам. Как уже говорилось, арабско-персидские заимствования могли начинать проникать в языки этносов, участвовавших в этногенезе карачаевцев и балкарцев, на рубеже I и II тысячелетий до нашей эры. Русские заимствования являются гораздо более поздними. Их, видимо, следует отнести в основной своей массе к заимствованиям советского периода, хотя не исключена возможность более раннего заимствования, например с середины 19 в.

Русские заимствования: завод, забастовка, завком, загс, заговор, завферма, забой, завхоз, заготовитель, заем, заказ, закон, залив, запас, замазка, залог, заметка, заместитель, замечание, замещать, замок, замполит, замыкание, записка, запонка, заправщик, заправка, запас, звукозапись, зенит, защита, заседатель, заставка и т.д.

Арабо-персидские: журна, заман, зыйна, зор, зиян, Зухра, Зейтун, закир, заука, заран, зарауат, зар, зауал, земзем, залим, зиярат, зуаму, зулкада, зукту, зыраф и т.д.

В малкарском диалекте в абсолютном начале слова звук *z*- является закономерным рефлексом праязыкового среднеязычного **j*- (см. раздел "Праязыковой **j*").

Пратюркский инлаутный *-z-

Для пратюркского состояния в инлаутной позиции с достаточной аргументированностью восстанавливается переднеязычный зубной звонкий щелевой согласный звук *-z- (см.: Рясянен, 1955: 153-154; Серебренников, Гаджиева 1979: 57-58; СИГТЯ 1984: 291). А.М.Щербак для пратюркского состояния восстанавливает только переднеязычный зубной глухой щелевой согласный **s*, что, на наш взгляд, не подтверждается фактическим материалом. Так, например, глухой *-s- в чувашском сохраняется, а звонкий *-z- в исконных словах, согласно закону ротацизма, регулярно переходит в -r-, что явно свидетельствует о четкой фонологической дифференциации глухого **s* и звонкого **z*, начиная с праязыковой эпохи.

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах праязыковой звонкий свистящий фриктивный *-z- в инлаутной позиции, как правило, сохраняется, ср.:

ПТ **azyu* "коренной зуб", "клык": дг. *azyu* "клык", "зуб" (ДТС, 72), туркм., тур. *azy*, с.-юг., хак., тув. *azyu*, койб. *azex*, салб. гов. *azyx*, караг. *aseg*, якут. *asū*, кт. *azyu*, кк. *aziw*, кир. *azī*, каз., алт. *azī*, тур. диал. *azaū*, кар. *azaū*, тат. *azaw*, башк. *aḁaw*, лобн. *azyq*, узб. *aʻziq*, чув. *vərasāl*, чув. *azaū* "клык" (← тат.) ~ кб. *azaw* "клык", "бивень";

ПТ **azqyn* "бесстыдный", "сбившийся с пути", "совращенный" ~ кб. *azyun* "заморыш";

ПТ **āzyq* "пища", "продовольствие", "провиант": кт. *azyq* "провиант", "продукты", кар. *azyq* "пища", "провиант", ног. *azyq* "провиант", "съестные запасы", каз. *azyq* "провиант", кк. *azyq* "провиант", кум. *azyq* "провизия", "провиант", "продовольствие" ~ кб. *azyq* "пища", "провиант", "съестные припасы";

ПТ **bāzgak* "лихорадка": дг. *bāzgak* "лихорадка, малярия" (ДТС, 97), кум. *bezzek* "лихорадка" (РКС, 381), кк. *bezgek* "лихорадка" (РККС, 398), каз. *bezgek*, кб. *bezgek* "лихорадка";

ПТ **boza* "бражка", "буза": тат. *buza* "бражка", "буза" ~ кб. *boza* "буза";

ПТ **būzay* "теленос": дг. *būzay* "теленос" (ДТС, 130), пол. *būzaw*, *būzow* "теленос" (Гр., 70), кум. *būzaw* "теленос" (РКС, 1006), кар. th. *būzow* "теленос" (КРПС, 137), кк. *būzaw* "теленос" (РККС, 999) ~ кб. *būzow* "теленос";

ПТ **buziq* “испорченный”: дт. *buziq* “разрушенный, разломанный” (ДТС, 131), каз. *buziq* “испорченный”, “разрушенный”, кар. h. *buzuk* “испорченный”, “разрушенный” (КРПС, 137), кк. *buzuq*, *buziq* “испорченный” (РККС, 316), кум. *buziq* “испорченный” (РКС, 313) ~ кб. *buziq* “испорченный”, “сломанный”;

ПТ **jüzük* “кольцо”, “перстень”, ср.: дт. *jüzük* “кольцо”, “перстень” (ДТС, 288), пол. *jüzük* “кольцо” (Гр., 132), кк. *žüzik* “кольцо” (РККС, 350), каз. *žüzik* “кольцо”, “перстень” ~ кб. *žüzük*, *züzük* “кольцо”, “перстень”;

ПТ **qazan* “котел”, ср.: пол. *qazan* “котел” (Гр., 197), тат. *qazan* “котел”, каз. *qazan*, кк. *qazan*, кар. k. *qazan* “кострюля”, кум. *qazan* “котел” (РКС, 356) ~ кб. *qazan* “котел”;

ПТ **qozu* “ягненок”, ср.: дт. *qozu* “ягненок” (ДТС, 462), пол. *qozu* “ягненок” (Гр., 202), кум. *qozu* (РКС, 1140), тат. *quzu* “ягненок”, кк. *qozu* “ягненок”, каз. *qozu* “ягненок” ~ кб. *qozu* “ягненок”;

ПТ **jazyq* “грех”, “зablуждение” ~ кб. *žazayq* “жалкий”, “несчастный”, “нищий”;

ПТ **özgä* “иной”, “другой” ~ кб. *özgä*;

ПТ **özak* “середина”, “долина” ~ кб. *özak*;

ПТ **özangi* “стремя” ~ кб. *özangi*;

ПТ **izlä-* “идти по следу” ~ кб. *izlä-* “искать”;

ПТ **kazik* “ряд”, “последовательность”, “очередь”, “порядок” ~ кб. *kaziw* “очередь”, “черед”;

ПТ **közgü* “зеркало” ~ кб. *küzgü* “зеркало”;

ПТ **sazan* “сазан” ~ кб. *sazan*;

ПТ **süzma* “творог” ~ кб. *süzma* (*byšlaq*) “творог”;

ПТ **uzaq* “длинный”, “долгий” ~ кб. *uzaq* “далеский”, “долгий”;

ПТ **üzüt* “виноград” ~ кб. *üzüt*;

ПТ **üzül-* “рваться” ~ кб. *üzül-* “оторваться”;

ПТ **qazan* “котел” ~ кб. *qazan*;

ПТ **qazyq* “кол” ~ кб. *qazyq*;

ПТ **qazy* “конская колбаса” ~ кб. *qazy*;

ПТ **qozyal-* “приходить в движение” ~ кб. *qozyal-* “волноваться”;

ПТ **quzyun* “ворон” ~ кб. *quzyun*;

ПТ **quzyl* “красный” ~ кб. *quzyl*;

ПТ **quzyar-* “краснеть” ~ кб. *quzar-*;

ПТ **quzyan-* “жалеть”, “жадничать” ~ *quzyan-* и т.д.

Какие-либо иные рефлексы пратюркского -z- в современном карачаево-балкарском языке не отмечены. Единичные случаи с ротацированными формами являются заимствованиями из среднемонгольского языка:

ПТ **köküz* “грудь” ~ кб. *köküräk* “грудь”; ср.: *xed kakar* “грудь”; п.-монг. *xöxön* “грудь”, “сосцы”, “соски”, х.-монг. *xöx* “женская грудь”, бур. *xöxö(n)* “грудь”, *xöxö xöxexe* “сосать грудь”, калм. *kökn* “грудь”; ср. также: туркм. *kükrek*, каз. *kökrak*, узб. *kükrak*, кк. *kökirak* “грудь” (во всех указанных языках наряду с зетацированными формами);

ПТ **boγaz* “горло” ~ кб. *boγurdaq* “трахея”, “дыхательное горло”; ср.: тур. *boγurtlak* “kehlknorpel”; монг. *boγorla-* (< **bogarla-*), ср.-монг. *bo'orla-* “перерезать шею” (Севортян ЭСТЯ, II, 168).

Пратюркский ауслаутный *-z

В пратюркском языке в ауслаутной позиции переднеязычный зубной звонкий фрикативный **z* был довольно частотным согласным. В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах в абсолютном конце слов праязыковой *z*, как правило, сохраняется без изменений, ср.:

ПТ **āz* “мало”, “немного”; ср.: **ās* “мало” (ЩФ, 193) дт. *az* “мало”, “немного”; “редко”; “немногочисленный”, “небольшой” (ДТС, 71), турк. *az*, тур. *az*, аз. *az*, кт. *az*, уйг. (диал.) *az*, кар.к. *az*, кум. *az*, каз. *az*, ног. *az*, кк. *az*, уйг. *az*, с.-юг. *az*, башк. *ao*, алт. *as*, хак. *as*, тув. *as*, узб. *a'z*, тат. *az*, башк. *aδ*, чув. *ur* (в составе гидронима *Ur Pasna* “Малая Бездна”), *ar* (верх., ← мар. *ar* ← чув. верх. **or*, ср. *Ar Sânder* “Малый Сундырь”; *Ar Jângâ* “Малая Юнга”) ~ кб. *az* “малый”, “малочисленный”, “недостаточный”; “мало”, “немного”;

ПТ **āz-* “заблуждаться”; ср. **ās-* “заблуждаться”, “сбиваться с пути” (ЩФ, 193): дт. *az-* “сбиваться с пути, заблуждаться”, “терять дорогу”; “совращаться”, “ошибаться” (ДТС, 72), чув. *ur-* “беситься” ~ кб. *az-* “худеть, тошнить”; *azarla-* “возбуждать азарт”, “натравливать”, “накидываться”, “набрасываться”;

ПТ **bāz* “железа”: дт. *bez* “железа”, “бубон”, кк. *bez* “железа”, каз. *bez* “железа”, кум. *bez*, ног. *bez* “железа” ~ кб. *bez* “лимфатическая железа”;

ПТ **bāz-* < ***paz(s)-* “испытывать отвращение”, кар.hk. *bāz-* “питать отвращение”, “пренебрегать”, “приходить в отчаяние, отчаиваться” ~ кб. *bez-* “измучиться (от чего-либо надоевшего)”, “пресытиться”;

ПТ **bāz* “бязь”, “материя”, “ткань”: дт. *bez* “материя”, “ткань”, кар.hk. *bez* “ткань” (КРПС, 147), кк. *bez* “бязь”, каз. *bez* “бязь” ~ кб. *bez* “бязь”.

Сравните еще:

ПТ **bigiz* “шило” ~ кб. *biz, miz* “шило”;

ПТ **bōz* “бурый”, “серый”, ср.: **pos* “бурый, серый” (ЩФ, 196), чув. *pur(L)*, *pāvār-lā* “серый”, “чалый”, “сивый”, “бурый” ~ кб. *boz* “серый”, “светло-пепельный”;

ПТ **būz* “лед”; ср.: **pus* “лед” (ЩФ, 196); *mūr* “лед” (Мудрак), чув. *rār* “лед” ~ кб. *buz* “лед”;

ПТ **būz(s)-* “портить”; ср.: **pōs-* “портить”, “разрушать” (ЩФ, 196), чув. *pās-* (< **pūrs-*) “портить” ~ кб. *buz-* “портить”, “ломать”, “расстраивать”; “нарушать”;

ПТ **jāz* “весна” ~ кб. *žaz* “весна”;

ПТ **jaz-* “писать” ~ кб. *žaz-* “писать”;

ПТ **jaz-* “распускать”, “распространять”: кб. *žaz-* “катать тесто”, “ковать, плющить железо”;

ПТ **jās* “латунь” ~ кб. *žāz* “медь”, “латунь”;

ПТ **jūz* “сто” ~ кб. *žūz* “сто”;

ПТ **jüz* “лицо” ~ кб. *žüz* “лицо”;

ПТ **jüz-* “плавать” ~ кб. *žüz-* “плавать”;

ПТ **ōküz* “бык” ~ кб. *ōgüz* “вол”;

ПТ **ōz* “сам”, “середина” ~ кб. *ōz* “сам”;

ПТ **iz* “след” ~ кб. *iz* “след” (в составе *izle-* “искать”);

ПТ **köz* < **közs*) “глаз” ~ кб. *kōz* “глаз”;

ПТ **küz* “осень” ~ кб. *küz* “осень”;

ПТ **qāz* “гусь” ~ кб. *qaz* “гусь”;

ПТ **qaz-* “копать, рыть” ~ кб. *qaz-* “копать, рыть”;

ПТ **qoz* “орех” ~ кб. *qoz* “гречкий орех”;

ПТ **qūz* “девушка” ~ кб. *quz* “девушка”;

ПТ **qūz-* “нагреваться” ~ кб. *quz-* “греться, нагреваться, накаляться”;

ПТ **oz-* “опережать” ~ кб. *oz-* “обгонять”, “опережать”;

ПТ **sāz* “болото” ~ кб. *saz* “глина”;

ПТ **sez-* (< ***sez(s)-*) “чувствовать” ~ кб. *sez-* “почувствовать”, “ощутить”;

ПТ **semiz* “жирный” ~ кб. *semiz* “жир”, “жирный”, “полный”, “тучный”;

ПТ **soz* “слово” ~ кб. *soz* “слово”;

ПТ **sez* “вы” ~ кб. *siz* “вы”;

ПТ **soz-* “растягивать” ~ кб. *soz-* “растягивать”;

ПТ **syz* “черта”, “линия” ~ кб. *syz* “тж”; *syz-* “чертить”;

ПТ **süz-* “цедить” ~ кб. *süz-* “цедить”, “процеживать”;

ПТ **tāz* “быстро” ~ кб. *tāz* “быстро”, “скоро”;

ПТ **tōz-* “терпеть” ~ кб. *tōz-* “терпеть”;

ПТ **tūz* “соль” ~ кб. *tuz* “соль” и т.д.

Праязыковой **-z* в современном карачаево-балкарском языке сохраняется и в конце аффиксальных морфем, ср.: аффикс 3-го л. ед.ч. отрицательной формы глагола настояще-будущего времени *-maz/-māz*; в аффиксах именного и глагольного отрицания *-syz/-siz/-suz/-sūz* и т.д.

Таким образом, внимательный анализ межъязыковых соответствий позволяет сделать однозначный вывод о том, что праязыковой переднеязычный зубной звонкий фрикативный **z* в истории карачаево-балкарского языка проявил достаточную устойчивость и, как правило, сохранялся во всех позициях в слове.

Как мы уже отметили в начале данного раздела, компаративисты алтаистического направления, опираясь на соответствие *z ~ r* между стандартными тюркскими языками и болгаро-чувашиским, для прототюркского состояния предлагают реконструировать особый звук **r* или **ʀ*, утерянный уже в пратюркский период. Однако проблема тюркского ротацизма еще далека от однозначного решения. В случае, если окажутся правы сторонники теории о первичности ротацизма перед зетацизмом, положение в принципе не меняется. В этом случае реконструируемые ротацированные формы следует отнести к прототюркскому или, скорее, даже к праалтайскому состоянию. Для пратюркского состояния в любом случае реконструируются формы с выраженным зетацизмом. Проблема ротацизма-зетацизма для истории карачаево-балкарского языка не является актуальной, ибо обозреваемые предки данного языка характеризуются явно выраженным зетацизмом, захватившим практически все слова. Даже если будет когда-либо доказан приоритет ротацизма перед зетацизмом, собственную историю карачаево-балкарского языка следует вести исходя из зетацированных форм. Поэтому в данной работе мы проблему ротацизма-зетацизма практически не затрагиваем.

Пратюркский **ɟ*

Сравнительно-историческое изучение системы консонантизма известных науке современных и древних тюркских языков показывает, что переднеязычная небно-зубная глухая аффриката **ɟ* была довольно широко представлена в пратюркском языке. Она устойчиво сохраняется во всех положениях в слове в древнетюркских письменных памятниках, начиная с орхоно-енисейских, а также в древнеуйгурских, караханидских, среднетюркских, чагатайских, куманских литературных памятниках, в юго-восточных и юго-

западных тюркских языках, в киргизском, в целом ряде кыпчакских языков и т.д. Однако надо отметить, что исконных тюркских слов с анлаутным *č- было сравнительно мало (Рясянен 1955: 156-158; Серебренников, Гаджиева 1979: 62-65; СИГТЯ 1984: 242-251).

Пратюркский анлаутный *č-

Исследователи истории звукового строя тюркских языков вопрос о возможности в пратюркском анлаутной аффрикаты *č- решают однозначно положительно (Щербак 1970: 77; 97; 105-106; Рясянен 1955: 156; Серебренников, Гаджиева 1979: 62; СИГТЯ 1984: 242).

Праязыковая анлаутная глухая аффриката *č- в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах отражается двояко: в диалектах и говорах, легших в основу литературного языка аффриката *č- практически во всех позициях сохраняется, а в малкарском диалекте отражается в виде переднеязычной зубной глухой аффрикаты с-. Явление цоканья представляет собой один из основных признаков диалектного членения карачаево-балкарского языка (Аппаев 1960: 16; Акбаев 1963: 16-18). Следовательно, литературную форму карачаево-балкарского языка и основной диалект, принятый за его основу, следует считать "чокающим", а балкарский (малкарский) диалект - "цокающим", ср.:

ПТ *čaq- "высекать огонь": дт. čaq- "высекать огонь" (ДТС, 140), кыпч. čaqtaq < *čaq (-taq) "огниво", пол. čaq- (Гр., каз. šaq- (РКС I, 139), кк. šaq- "высечь", тув. šaar- (РТС, 95), кум. čaq- (РКС, 136), кар.к. čaq- "высекать огонь кремнем" (КРПС, 621), алт. čaq- (РАС, 93) ~ кб. čaq- // малк. saq- "высекать огонь";

ПТ *čal- "ударять", "бить", "низвергать", "повергать": дт. čal- "ударять", "бить", "бросать", "опрокидывать", "повергать" (ДТС, 137), хал. čal- "бить, ударять", пол. čal-, кк. šal(-yw) "косить", каз. šal- "косить", алт. čal- (АРС, 261), кар. th. čal- "бросать", "махать", "жать", "косить" (КРПС, 622), кум. čal- (РКС, 354) ~ кб. čal-//cal- "косить", "низвергать";

ПТ *čyqys "выход": дт. čyqys "выход", пол. čyqys (Гр.,), тур. čyqys "выход", каз. syu (-u) "выход" (РКС I, 143), кк. šyу (-jw) "выход" (РККС, 145), алт. čyу (-ary) (РАС, 97), кар.т. čyтаx (КРПС, 639), кум. čyтап "выход" (РКС, 141) ~ кб. čyуys, малк. cyууџ "выход";

ПТ *čäk "граница, рубеж" (ЩФ, 198), каз. šek "граница", кк. šek "граница, рубеж", кар. t. ček "граница" (КРПС, 626), кум. ček, к.-т. čaki

чув. *ciGe*, хак. *šig-* “проводить черту”, каз. *šek* ~ кб. *šek*/малк. *sek* “граница, рубеж”;

ПТ *ciγ* “сырой, невареный”: дт. *ci* “сырой”, пол. *ciγ* (Гр.,), каз. *šiki et* “сырое мясо” (РКС, 404), кк. *šijki et* “сырое мясо” (РККС, 992), алт. *ciγ* (РАС, 745), чув. *ciγ et* “сырое мясо” (РТС, 593), кум. *ciγ* “сырое” (РКС, 999), кар. *ciγ, ciγ, ciγ, ciγ* (КРПС, 628) ~ кб. *ciγ* /малк. *ciγ* “сырой, невареный”;

ПТ **čakuk* “молоток, молот”: дт. *čekuk* (ДТС, 143), пол. *čakūs* (Гр.,), гаг. *čukūč*, осм. *čakič*, аз. *čakūč*, башк. *sukeš*, каз. *šokis*, кк. *šokkiš* (РККС, 437), кум. *čokūč* (РКС, 412), кар. *čokūč, čekič, čakuč, čokič, čokūč* “молоток” (КРПС, 627) ~ кб. *čogūč*/балк. *cogūc*.

Пратюркский анлаутный *č- > кб. z

Ш.Х.Акбаев отмечает несколько случаев озвончения исконного анлаутного č- в карачаево-балкарском языке, ср.: *čubčuyq* > *žybzyq* “птичка”; *čapraq* > *žapraq* “лист”. Далее Ш.Х.Акбаев отмечает, что “озвончение č > z... может иметь место только в основном диалекте карачаево-балкарского языка, ибо звук č не характерен для малкарского диалекта, а ž вообще чужд ему” и, вместе с тем, замечает, что немаловажно для понимания сути чередования, “ч ~ дж - явление, которое редко встречается, в языке одних и тех же лиц можно найти употребление то начального ч, то дж” в приведенных словах (Акбаев 1963: 39). Внимательное рассмотрение примеров, приведенных Ш.Х.Акбаевым, дает возможность раскрыть суть спорадического чередования č ~ ž в разговорной речи одних и тех же носителей языка. В случае со словом *čubčuyq* ~ *žybzyq* “птичка” действительно происходит озвончение анлаутной глухой аффрикаты *č-, ср.: ПТ **čurčuyq* “воробей”: дт. *čurčuyq* “воробей”, каз. *šubyšuyq* “трясогузка”, куман. *čurčuyq*, тат. *čurčuyq*, башк. *šuršuyq*, чаг. *čurčuyq*, кир. *čutčuyq*, чаг., вост.-тюрк., тур., *čimčik* “воробей” и т.д. Приведенные примеры показывают, что в начале слова в пратюркском была представлена глухая аффриката *č-. Озвончение инициального *č- в карачаево-балкарской форме **žybzyq* вызвано, скорее всего, диссимилятивным воздействием следующего за гласным звонкого -b-. Что же касается инлаутного -b- в форме *čubčuyq*, при стандартной литературной форме *čurčuyq* “птица”, то, надо полагать, что она возникла в результате озвончения в инлаутной позиции первоначально глухого -p- между двумя гласными, т.е. в истории карачаево-балкарского языка прослеживается следующая хронологическая последовательность развития форм этого слова: **čurčuyq* > **čubyšuyq* (ср. каз. *šubyšuyq*) > *čubčuyq* (~ *žybzyq*) > *čurčuyq* “птица”.

Мнение об ассимилятивном озвончении анлаутного $*\check{c} > \check{z}$ в определенной степени подтверждается и анализом приведенного Ш.Х.Акбаевым второго слова. В ряду соответствия $\check{c}apraq \sim \check{z}apraq$ никакого озвончения анлаутного $\check{c}$ не происходило; наоборот, речь может идти только об оглушении начального $\check{z}$ в карачаево-балкарском, ибо в праформе этого слова восстанавливается инициальный $*j$ -, ср.: ПТ $*jalpyrvaq$ "лист": дт. $japiryaq$, "лист" (ДТС, 228, 230, 236, 237); уйг. $japyryaq$, чاغ. $japyryaq$, $japuraq$, тур. $japraq$, каз. $\check{z}apraq$, кир. $\check{z}apraq$, якут. $sabirdax$, карач. $\check{z}apraq$, малк. $zaf(y)raq$ "лист", "листва". Оглушение закономерного карачаево-балкарского $\check{z}$ в слове $\check{z}apraq$ в речи носителей языка имеет спорадический характер и, несомненно, вызвано ассимилятивным влиянием последующего глухого согласного $-p$ -. Таким образом, выясняется некоторая частная закономерность в развитии анлаутных аффрикат в современном карачаево-балкарском языке: 1) перед последующими звонкими анлаутные глухие аффрикаты в диалектах карачаево-балкарского языка спорадически могут озвончаться, ср.: $\check{c}yby\check{c}yq \sim \check{z}yby\check{z}yq$ "птица"; 2) перед последующими глухими согласными анлаутные звонкие аффрикаты в диалектах карачаево-балкарского языка могут оглушаться, ср.: $\check{z}apraq \sim \check{c}apraq$ "лист", "листва".

Такого рода, пусть даже единичные, примеры нетривиальных чередований показывают, насколько важен учет фонетического окружения для объяснения позиционно обусловленных исключительных случаев фонетических сдвигов.

Пратюркский анлаутный $*\check{c} > \text{кб. } \check{z}$

В единичных словах праязыковой анлаутной аффрикате $*\check{c}$ в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах соответствует переднеязычный небно-зубной глухой щелевой $\check{z}$ -, ср.:

ПТ $*\check{c}aj$ "чай": тур. $\check{c}aj$, каз., шор., кач. $\check{s}aj$, бар., тоб. $caj \sim \text{кб. } \check{c}aj$, карач. $\check{s}aj$;

ПТ $*\check{c}aj$ "мелкая река" $\sim$ кб. $\check{c}aj$, карач. $\check{s}aj$.

Переход анлаутного $*\check{c}$ в $\check{z}$ характерен для восточнокыпчакских языков и носит регулярный характер в казахском, каракалпакском и ногойском языках (Рясянен 1955: 156; Серебренников, Гаджиева 1979: 63; СИГТЯ 1984: 242-243). Судя по всему, указанные выше слова в карачаево-балкарском языке являются заимствованиями из ногойского. Показательно, что слово $\check{s}aj$ "чай" в современном карачаево-балкарском языке во всех диалектах, включая и цокающий малкарский, употребляется только с начальным $\check{z}$ -. И это не случайно. Так же ведет себя явно заимствованное из русского языка слово

šajnek/šajnik “чайник” (обратите внимание на нарушение сингармонизма). Судя по всему, культура чая проникла к карачаево-балкарцам от русских через ногайское посредство.

Пратюркский инлаутный *-č-

В пратюркском языке переднеязычная небно-зубная глухая аффриката *-č- в инлауте употреблялась без каких-либо особых позиционных ограничений как в интервокальном, так и в положении перед и после согласных.

В современном карачаево-балкарском литературном языке инлаутный *-č-, как правило, сохраняется, а в малкарском цокающем диалекте регулярно переходит в переднеязычную зубную глухую аффрикату -c-, ср.,

ПТ **kōkürčkan* “голубь”: дт. *kōkürčkan* “голубь” (ДТС, 313), ног. *kōgersin* “голубь”, “голубка” (НРС, 176), кар. *kögürčün* “голубь”, кум. *gögürčün* “голубь” (РКС, 156) ~ кб. *kögürčün*, малк. *kögürčün* “голубь”;

ПТ **ačyū* “горький”, “кислый”: дт. *ačyū* “кислый”, “горький” (ДТС, 5), пол. *ačy* (Гр., 28), тур. *ačy*, турк. *ažy*, узб. *aža*, *ačy*, каз. *ačy*, кар. *ačy*, аз. *ažy*, кт. *aži*, кар.к. *ažy*, тат. *ačy*, башк. *aši*, алт. *ažy*, кум. *azzy*, узб. *azzu*, каз. *asy*, кк. *asy*, чув. *jüšē* ~ кб. *ačy* “горький”, “кислый”, малк. *aciw*;

ПТ **balčyq* “глина”: дт. *balčyq* “ил”, “грязь” (ДТС, 80), пол. *balčyq* (Гр.,), каз. *balšyq*, кк. *balšyq*, ног. *balšyq* (БРС, 1958, 78), тат. *balčyq*, кар. *balčyq*, *balčex*, *balčex*, *balček* “грязь”, “болото”, “ил”, “тина”, “слякоть” (КРПС, 101) ~ кб. *balčyq*, малк. *balcyq* “грязь”, “слякоть”, “болото”;

ПТ **učiz* “малый”, “дешевый”: дт. *učiz* “малый”, “дешевый” (ДТС, 604), пол. *učiz* “дешевый” (Гр., 263), кум. *učiz* “дешевый” (РКС, 181), каз. *užiz* “дешевый”, кк. *užiz* “дешевый”, кар. *učiz*, *učiz* “дешевый” ~ кб. *učiz*, малк. *uciz* “дешевый” и т.д.

Пратюркский инлаутный *-č- > кб. -š-

В карачаево-балкарском языке наблюдаются позиционно обусловленные случаи перехода праязыкового -č- в инлаутной позиции в переднеязычный небно-зубной глухой щелевой -s-. Чаще всего такое явление отмечается перед следующими непосредственно за аффрикатой -č- согласными *d*, *t*, *č*, *s*, *z*, *l*. Аналогичный процесс встречается и в ряде других тюркских языках (СИГТЯ 1984: 246-247). В современном карачаево-балкарском языке позиционно обусловленное чередование *-č- > -š- наиболее часто встречается на стыке

корневой морфемы или основы слова с конечным $-\tilde{c}$ и последующего аффикса с соответствующим инициальным согласным, ср.:

Пратюрский ауслаутный $*-\tilde{c}$

В пратюрском языке аффриката $*-\tilde{c}$ сохраняла свои дифференциальные признаки и в абсолютном конце слова (Серебренников, Гаджиева 1979: 64-65; СИГТЯ 1984: 249-251).

В современном карачаево-балкарском языке ауслаутный праязыковой $*-\tilde{c}$ ведет себя так же, как и в инлаутной позиции, т.е. в основном диалекте, как правило, сохраняется без изменений, а в цокающем малкарском диалекте переходит в аффрикату $-\tilde{c}$, ср.:

Пратюрский ауслаутный $*-\tilde{c} > \text{кб. } -\tilde{z}$

В абсолютном конце двусложных и многосложных слов карачаево-балкарского языка отмечен переход переднеязычной небно-зубной глухой аффрикаты $-\tilde{c}$ в переднеязычный небно-зубной глухой фрикативный $-\tilde{z}$. Этот процесс носит диалектный характер и охватывает сравнительно небольшой пласт лексики. Ш.Х.Акбаев приводит следующие примеры на чередование $-\tilde{c} \sim -\tilde{z}$ в абсолютном конце двусложных основ: кб. *tükküṣ* > *tükküs*//*dukküṣ* “пень”; *tikkiṣ* > *tikkiṣ*//*dikkiṣ* “нитка из жил”; *süzgüṣ* > *süzgüs* “дуршлаг”; *ṣamiṣ* > *ṣamiṣ* “козленок одного года”, но вместе с тем подчеркивает сохранение ауслаутной аффрикаты $-\tilde{c}$ в аналогичном положении в словах: *baṣxuṣ* “лестница”, *käsgüṣ* “зубило”, *quṣxaṣ* “щипцы” (Акбаев 1963: 109).

Цоканье $*-\tilde{c} > c$

Одним из основных признаков диалектного членения карачаево-балкарского языка является переход праязыковой аффрикаты $*\tilde{c}$ в аффрикату *ts* (*c*) (явление цокания). В цокающе-зокающем (малкарском, черенском) диалекте карачаево-балкарского языка в абсолютном большинстве случаев праязыковой $\tilde{c}$, независимо от позиции, переходит в *c*. Ср.: **būṣaq* > *būsaq* “нож”, **ṣal-* > *cal-* “косить”, **ṣaq-* > *saq-* “высекать огонь”, **ṣubṣuq* > *cuṣcuq* “воробей”, **qaṣ-* > *qac-* “убегать”, **saṣ* > *sac* “волосы”, **saṣ-* > *sac-* “рассеивать”, **ṣajqa-* > *sajqa-* “раскачивать”, **ṣiṣ* > *ciṣ* “сырой, невареный”, **ṣak* > *cek* “граница”, “рубеж”, **quṣ* > *quc* “меч”, **ṣuṣ* > *cuc* “выход”, **ṣaq* > *saq* “время”, **ṣubuq* > *cubuq* “прут”, “ветвь”, **iṣ* > *ic* “три” **saṣyl-* > *caṣyl* “вонзиться”, “втыкаться” и т.д.

Генезис карачаево-балкарского цокания, как и в некоторых других тюркских языках, своего однозначного решения до сих пор не имеет.

Следует заметить, что разброс фонемы Ц по тюркским языкам очень широк, начиная с Сибири и кончая крайне западными ареалами распространения тюркских языков (говоры турецкого, азербайджанского и караимского языков). В этом разбросе, как нам представляется, можно усматривать наследие элемента позднетюркского состояния (?). Вместе с тем, исходя из того, что цоканье охватило почти все кыпчакские языки, мы считаем цоканье явлением пракыпчакского уровня. Поддерживающими и стимулирующими цоканье факторами в каждом конкретном случае были есть реальные субстратные языки. Рассмотрим их по отдельности.

Однако внимательное изучение этого явления со сравнительно-исторической, ареально-географической, типологической и др. сторон показывает, что виновником удержания этого явления в малкарском диалекте и отчасти хуламо-безенгийском говоре безусловно является осетинский субстрат (влияние произносительного узуса осетин).

Цоканье (т.е. *C>C) характерно для верхнебалкарского цокающего диалекта карачаево-балкарского языка (Акбаев 1963: 88-95); в хуламо-безенгиевском говоре наблюдается колебание *C>C (Аппаев 1960: 28-29). В географическом отношении цоканье в карачаево-балкарском языке сгущается по мере приближения к осетиноязычной территории.

Явление цоканья встречается в ряде современных тюркских языков. Наибольшее сгущение изоглоссы цоканья наблюдается в западнокыпчакских языках, легших на иноязычный субстрат. В карачаево-балкарском языке, как мы уже сказали, цоканье поддержано осетинским языковым субстратом. Осетинский язык среди иранских языков характеризуется цоканьем, ср., авест. *cat-*, согд. **c'at* (*c't*), белудж. *caḅ*, перс. *caḥ* "колодец" - осет. *cad/cadx* "озеро"; перс. *cakar*, пехл. *cakar*, *corg.c'jr* "слуга" - осет. *cagar* "раб" (-тюрк. *cora* "раб"); др.-ир. **cahra-*, авест. *saxra-*, др.-инд. *cahra-*, перс. *carx* "колесо" - осет. *calx* "колесо"; иран. **carman-*, перс. *carm*, пехл. *carm*, др.-ир. **saxra-*, авест. *saxra-*, др.-инд. *cahra-*, перс. *carx* "колесо" - осет. *calx* "колесо"; иран. **carman-*, перс. *carm*, пехл. *carm*, др.-перс. *carman-* "шкура" - осет. *carm* "шкура", "кожа"; перс. *carb* "жирный", пехл. *carp*, белудж. *carp*, согд. *carp* (*crp*) "жир" - осет. *carv* "масло (топленое)"; иран. *casman-* "глаз", перс. *casm*, *памир. cozm*, *com*, авест. *casman-* - осет. *casm/cans* "петля", "силок", "сеть" и т.д. (Абаев, I, 285-328).

Цоканье охватило в осетинском и относительно поздние персидские, тюркские, русские и иные заимствования (Абаев 1949: 518; Основы 1987: 565).

В галицко-луцком диалекте караимского языка цоканье встречается во всех позициях в слове как в исконных словах, так и в поздних заимствованиях (Мусаев 1964: 72), что явно свидетельствует об относительно раннем появлении цоканья в данном диалекте при полном отсутствии этого явления в тракайском диалекте. Очевидно, что луцко-галицком диалекте развивавшемся в начале XV века в славянском языковом окружении, столь не типичный для тюркских языков звук *Ц (С)* мог удержаться под влиянием славянского окружения.

В мишарских говорах татарского языка (в генетически связанных между собой сергачском, чистопольском, дрожжановском, байкибашевском и т.д.) (Махмутова 1978: 63-66) цоканье безусловно поддержано влиянием мещерского субстрата. Мишарский диалект татарского языка исторически сформировался в результате ассимиляции обитавшего в бассейне Оки летописной мещеро-финно-угорского племени, родственного мордве и сверстанных на службу Русскому государству Иваном III кыпчаков (так называемых "служилых татар") и поселенных по южным границам Московской Руси вдоль реки Оки. Первоначально служивые татары занимали земли вокруг Мещерского городка (ныне г.Касимов). Цоканье широко распространено в соседних говорах мордовского и мещерских говорах русского языка. (Грамматика мордовских языков. Фонетика и Морфология. Саранск, 1962. Ч. 1. С.10, 28 и др.; Аванесов. Очерки диалектов рязанской мещеры// Материалы и исследования по русской диалектологии. М., Л., 1949, Т. 1, С. 137, 229).

Цоканье в мишарском, мордовских диалектах и мещерских говорах русского языка безусловно возникло на мещерском субстрате, т.к. мещера частично была ассимилирована мишарами. Мишарское цоканье оказало определенное влияние на произносительный узус низовых чувашей, с которыми тесно контактирует с конца ХУI века. Так, в говорах низового диалекта чувашского языка исследователи отмечают сильную зазубную артикуляцию у *С*, в связи с чем этот *С* произносится скорее как палатальный *С* и отождествляется с сильно палатализованным русским *т'* (Сергеев 1969: 46; Канюкова 1965: 128). Такое явление, по устному сообщению проф. Н.И.Егорова, наблюдается только в тех говорах низового диалекта, в которых мишарский компонент ассимилирован чувашским.

Отмеченное в анатолийско-руменийском диалекте турецкого языка, ардубадском, кедабекском и айрумском говорах азербайджанского языка (в западной части Азербайджана по соседству с Арменией), а также в языке приалетских урумов случаи цоканья исследователи также объясняют влиянием иносистемных языков - греческим, армянским, осетинским, грузинским. (Fundamenta, 253; Ширалиев, 1962: 77; Садыхов 1966: 179; СИГТЯ 1984: 244-245). В саларском цоканье развилось под влиянием китайского и тибетского языков (СИГТЯ 1984: 245), в барабинском диалекте языка сибирских татар оно вызвано местным обско-угорским субстратом и т.д.

Анализ репрезентативного эмпирического материала красноречиво свидетельствует о том, что везде, где имеет место исторический переход *С>С, цоканье вызвано иноязычным субстратным, адстратным, суперстратным или интерстратным влиянием. Древнетюркские памятники явления цоканья не знают, следовательно процесс этот везде, в том числе и в карачаево-балкарском, является относительно поздней инновацией.

В цокающих верхнебалкарском и вибрирующем хуламо-безенгиевском говорах карачаево-балкарского языка наблюдаются и другие фонетические корреляции, вызванные влиянием осетинского языка, например переход $\check{z}$ >Z (ср.: *zol*< $\check{z}ol$ <*jol* "дорога"; *zyl*< $\check{z}yl$ <*jyl* "год"; *zyr*< $\check{z}yr$ <*jyr* "песня"; *zawurun*<**ja yryn*<*cap* - "бегать"; *cefxen*<*cerken*<**cekmen* "сукно"; *hafcyx*<*qapcyg* "мешок из меха"; *zafzyc*<*jarcyg* "вьюшка", "задвижка печи" и т.д.).

Аналогичные фонетические сдвиги характерны и для истории соответствующих звуков осетинского языка (см. Основы 1987: 565-566, 568-569, 571).

Таким образом, следует считать установленным, что цоканье в карачаево-балкарском возникло под влиянием осетинского языка в постзолотоордынский период.

Вместе с тем, следует заметить, что разброс фонемы *Ц* по тюркским языкам очень широк, начиная с Сибири и кончая западом (говоры турецкого и азербайджанского языков).

В этом разбросе надо усматривать наследие элемента пратюркского состояния. Проблема цоканья требует особого монографического исследования.

Явление цоканья представлено также в халхаском и ойратском диалектах монгольского языка, но аффрикаты *Ч* и *Ц* в консонантизме монгольских языков занимают совершенно особое место и связано с судьбою гласного *i*. Классический монгольский и ордосский явления цоканья не знают. В бурятском *Ч* переходит в *Ш*, а *Ц* - соответственно

в С, ср.: классич. монг. *чаган* “белый”, *чаг* “время”, *чола* “звание”, соответственно: ордос. *чаган*, *чаг*, *чоло*, халхаск. *цаган*, *цаг*, *цоло*, ойратск. *цаган*, *цаг*, *цол*, бурят. *саган*, *саг*, *соло* и т.д.

Кроме того, в монгольских языках имеется аффриката Ч (<*tʰ-), сохраняющаяся в халхасском и ордосском в неизменном виде, в бурятском отражающаяся как Ш, ср.: классич. монг. *чида* “суметь”, *чидур* “пути”, *чигг* “роса”, “сырость”, соответственно: ордос. *чда*, *чодор*, *чг*, халхаск. *чада*, *чодор*, *чг*, ойратск. *чада*, *чодор*, *чк*, бур. *шада*, *шодор*, *шг* и т.д. В конце слога аффриката Ч в монгольских языках не встречается.

Таким образом, монгольские языки по характеру артикуляции своих аффрикат делятся на “шипящие” (монгольский, дагурский и диалекты Южной Монголии: ордосский, чахарский, харачинский и др.) и “свистящие” (халхасский, ойратский, а также, условно, бурятский; в бурятском аффрикаты Ц и Ч соответственно перешли в спиранты С и Ш. Классический монгольский язык ХП-ХШ веков был шипящим и фонемы Ц не имел, т.к. в шипящих диалектах имеется лишь одна фонема Ч, которой в шипящих языках и диалектах соответствуют две фонемы - Ч и Ц, которые имеют свои достаточно строгие законы распределения (см.: Владимирцов 1929: 405-407; Санжеев 1953: 91-98).

Поскольку распределение Ц и Ч внутри халхасского и ойратского языков в корне отличаются от природы диахронического, сравнительно нового, в ряде западных тюркских языков цоканья, вести речь о возникновении западнотюркского цоканья под влиянием монгольских языков не приходится. Однако можно предполагать, что для возникновения цоканья в западной группе кыпчакских языков в самом пратюркском языке имелись определенные предпосылки, которые были катализированы местными иносистемными субстратами. Тем не менее явление цоканья в различных тюркских языках нельзя рассматривать как некое генеральное явление и в каждом конкретном языке следует исследовать с учетом местных адстратно-субстратно-суперстратных языковых влияний и интерференций в ареально-географическом аспекте. Только после проведения такой процедуры можно предпринимать далеко идущие выводы обобщающего характера.

Пратюркский *ʃ

Для пратюркского состояния исследователями с достаточной обоснованностью реконструируется переднеязычный небно-зубной глухой щелевой согласный *ʃ, представленный во всех известных

тюркских письменных памятниках, а также в современных живых языках. Некоторые исследователи алтайских языков, опираясь на соответствие $\dot{\varsigma} \sim l$ между стандартными тюркскими языками и булгаро-чувашским, для пратюркского состояния предлагают реконструировать палатальный $*l$ (Г.И.Рамстедт, М.Рясянен), $*l$ (Н.Н.Поппе) или $*l$ (О.А.Мудрак). Исходя из периодизации истории тюркских языков подобные реконструкции, на наш взгляд, можно отнести скорее не к пратюркскому, а к прототюркскому или же к праалтайскому состоянию. Поэтому в данном исследовании мы исходим из пратюркского альвеопалатального глухого спиранта $*\dot{\varsigma}$.

В пратюркском языке в абсолютном начале слова небо-губной глухой щелевой согласный $*\dot{\varsigma}$ - был нежелательным. В памятниках тюркской письменности и в современных тюркских языках анлаутный $*\dot{\varsigma}$ - представлен в основном только в звукоподражательных словах. Кроме того в древних и новых тюркских языках встречаются единичные слова с вторичным анлаутным $*\dot{\varsigma}$ -, возникшим или в результате регрессивной ассимиляции под влиянием следующего шипящего (напр., $\dot{\varsigma}\dot{\varsigma}$ - "набухать" < $*sy\dot{\varsigma}$ - < $**syj\dot{\varsigma}$ - "опухать"), или же в результате выпадения анлаутного гласного, стоявшего в абсолютном начале слова перед вторым звуком $*\dot{\varsigma}$ - (напр., $*ol\dot{\varsigma}u > o\dot{\varsigma}u$ "этот" > $*\dot{\varsigma}u$ "этот" и т.п.). Подавляющее большинство слов с анлаутным $*\dot{\varsigma}$ - в тюркских языках относится к сравнительно поздним заимствованиям из иносистемных языков (см.: Рясянен 1955: 155; Щербак 1970: 162; Серебренников, Гаджиева 1979: 59; СИГТЯ 1984: 234-235). По этому вопросу А.М.Щербак пишет: "возможность употребления $*u_1$ в начальной позиции была ограниченной или отсутствовала вообще, поэтому о рефлексах $*u_1$ в современных тюркских языках можно говорить лишь предположительно" (Щербак 1970: 162). В его списке реконструированных слов насчитывается всего лишь три примера на анлаутный $*\dot{\varsigma}$ -, причем все они сомнительны насчет исконности инициального $*\dot{\varsigma}$ -, ср.: $*\dot{\varsigma}\dot{\varsigma}$ - "опешить, оторопеть, растеряться" (ЩФ, 198) - скорее всего восходит к праформе $*s\dot{\varsigma}$ < $**sal\dot{\varsigma}$ -; ПТ $*\dot{\varsigma}y\dot{\varsigma}$ (// $sy\dot{\varsigma}$) "опухоль" (ЩФ, 198) - несомненно из $*sy\dot{\varsigma}$ < $**sij\dot{\varsigma}$ "опухоль"; ПТ $*\dot{\varsigma}y\dot{\varsigma}$ (// $sy\dot{\varsigma}$) "вертел" (ЩФ, 198) - также несомненно из $*sy\dot{\varsigma}$ < $**syl\dot{\varsigma}$ "зуб, вертел".

Аналогичные высказывания мы находим и у других тюркологов. М.Рясянен прямо пишет: "Существование в древнетюркском языке начального $\dot{\varsigma}$ - спорно... В словах типа $\dot{\varsigma}\dot{\varsigma}$ "набухать" $\dot{\varsigma}$ - возник в следствие ассимиляции" (Рясянен 1955: 155).

Такое же положение отмечается Б.А.Серебренниковым и Н.З.Гаджиевой. Они также подчеркивают, что начальный $*\dot{\varsigma}$ в

тюркском языке встречался... очень редко... Немногочисленные примеры показывают, что в тюркских языках начальный *ǰ*- все же существовал и в некоторых тюркских языках сохранился до настоящего времени" (Серебренников, Гаджиева 1979: 1979, 61). Однако внимательный анализ фактического материала не оставляет сомнения в том, что инициальный **ǰ*- во всех тюркских языках вторичен (возможно, лишь за исключением звукоподражательных слов, хотя и в этом плане требуются дополнительные изыскания).

Показательна в этом отношении ситуация, отмечаемая в монгольских языках. По единодушному мнению монголистов, анлаутный **ǰ*- в прамонгольском, скорее всего, вторичного происхождения (см. Владимирцов 1989: 374-375; Санжеев 1953: 96; Порре 1955: 125; Рассадин 1982: 85-87 и др.).

В инлаутной и ауслаутной позиции звук **ǰ* в древних письменных памятниках и в современных живых языках и диалектах представлен достаточно широко. Правда, вопрос о первичности **ǰ* в праязыке достаточно полемичен. Так, например, О.А.Мудрак в последнее время высказал достаточно обоснованную гипотезу о вторичности **ǰ* в исконных тюркских словах как в инлаутной, так и в ауслаутной позициях. Для прототюркского состояния на месте представленного в стандартных тюркских языках *ǰ* и его рефлексов *ǰ*, *l* и *ǰ* в чувашском О.А.Мудрак всюду реконструирует латеральный глухой спирант **l* (Мудрак, 1993).

В отношении чувашского языка такая реконструкция имеет принципиально важное значение, как и для реконструкции системы консонантизма раннепратюркского состояния. Однако для истории сравнительно молодого карачаево-балкарского языка подобная отдаленная глубинная реконструкция не столь актуальна, ибо для обозреваемых исторических предков карачаево-балкарского языка на месте прототюркского **l* однозначно восстанавливается **ǰ*. Поэтому в своем исследовании истории конкретного тюркского языка мы исходим из общепринятого положения о пратюркском инлаутном и ауслаутном **ǰ*.

Пратюркский анлаутный *ǰ*-

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах представлено значительное число слов с инициальным *ǰ*-, однако при первом же подробном знакомстве со словарями данного языка искушенный исследователь заметит, что практически все они являются сравнительно поздними заимствованиями из иносистемных (кавказских, в частности - абхазо-адыгских, иранских, в основном - из

осетинского и персидского, а также из арабского и русского) языков. К исконному пласту можно отнести только единичные вкрапления, имеющие пратюркскую или общетюркскую этимологию. Во всех этих случаях анлаутный *ʃ- в современном карачаево-балкарском языке носит явно вторичный характер и образовался или в результате регрессивной ассимиляции следующего согласного, или же в анлаутном положении оказался второй ʃ в результате утраты начального гласного, ср.:

1) *s- > ʃ- : кб. *šaj/saj* “мелкая речка” < **saj* (*s- > ʃ- под влиянием среднеязычного j); кб. *šaš-* “сойти с ума”, “помешаться” < **saš-*; *šiš* “вертел” < **siš*; кб. *šislik* “пашлык” < **sišlik*; ср. также кб. *tislik* “пашлык”; *šoš* “тихий”, “смирный” < **soš* и др.

Показательны также поздние русские заимствования, в которых инициальный *s- под влиянием последующего шипящего ʃ и ʒ переходит в ʃ-, ср.: рус. “сажень” → кб. *šažna* “сажень”, “саженный” и др.

2) *č- > ʃ- : кб. *šaj* “чай” < **čaj*; переход *č- > ʃ-, видимо, под воздействием последующего среднеязычного -j; не исключено, что данное слово попало в карачаево-балкарский через посредство ногайского языка (см. раздел “Пратюркский *č”).

3) *ʎs- > ʃ- : кб. *šo* “пожалуйста!”, “ради бога!” - частица, выражающая просьбу, обращение < **oši* “этот”, “вот”.

В иноязычных заимствованиях анлаутный ʃ- в карачаево-балкарском языке и его диалектах обычно сохраняется, ср.:

1) абхазско-адыгские заимствования: *шибижси* “перец”, *шакъа* “чернила”;

2) иранские (осетинские) заимствования: *шаудан* “родник”, *шау* “мертвый”, *šaklux* “порода лошадей”, *šaxar* “город”, *šenže/šinži* “терновник”, “колючка”, *šener/ ašnyr* “жвачка”, *šete* “слюна”, *šerxe* “точильный камень” и др.;

3) персидские заимствования: *шакирд* “ученик”, *шат* “веселый, радостный”, *шабаиш* “кончать”, *шах* “шах”, *шекер* “сахар”, *шургулу* “печальный”, *шам* “священный”, *шатыр* “шатер”, *шантал* “персик”, *шай* “пятак” и др.;

4) арабские заимствования: *шимал* “север”, *шербет* “сладости” *Шагъабан* “8-ой месяц лунного календаря”, *шайтан* “черт”, *шыйых* “духовный вожь”, *шекел* “форма, вид”, “образ”, *шукур* “слава”, *шерият* “законоположение”, *шургу* “печаль”, *шамиие* “зонг” и др.;

5) русские заимствования: *шатун*, *школа*, *шахмат*, *шахтер*, *шашка*, *швабра*, *швейцар*, *шевиот*, *шедевр*, *шимпанзе*, *шестерня*, *шеренга*, *шифер*, *шифон*, *шифр*, *шкала*, *шихта*, *шахта*, *шкаф*, *шомпол*,

шнур, шляпа, шлак, шлагбаум, шорты, шпора, шпагат, шпилька, шпиль, штион и др.

Таким образом, выясняется, что в карачаево-балкарском языке инициальный *š*- носит явно вторичный характер и чаще всего как уже было подчеркнуто встречается в составе заимствований из иносистемных языков.

Пратюркский инлаутный **š*-

В пратюркском языке в инлаутной позиции достаточно широко представлен альвеопалатальный звонкий смычный **š*-, как правило, сохраняющийся как в памятниках древнетюркской письменности, так и в живых тюркских языках. Только в чувашском языке, подчиняясь закону ламбдаизма, довольно регулярно (за исключением обусловленных позиционно комбинаторных изменений) он отражается в виде дентального плавного сонанта *l* (Рясянен 1955: 155; Федотов 1980: 123-124, 158-160; Щербак 1970: 84-88; Серебренников, Гаджиева 1979: 59-60; СИГТЯ 1984: 235-238). Б.А.Щербак и Н.З.Гаджиева для пратюркского состояния реконструируют особый звук *л'*, "артикуляция которого существенно отличалась от артикуляции обычного *л*. Во всех тюркских языках, за исключением чувашского, этот слабый *л'* отразился в виде *ш*. В чувашском, а также в языке ныне исчезнувших камских булгар, он превратился в обычный *л* (Серебренников, Гаджиева 1979: 67). О.А.Мудрак для всех случаев рефлексии общетюркского *š* в чувашском - *l*, *š* и *ž* реконструирует глухой латеральный спираント **l*, при чем чувашский *š*, по его аргументированному мнению, развился из праязыковых консонантных сочетаний типа *lč* (Мудрак 1993: 27-97). В целом аргументация О.А.Мудрака выглядит достаточно убедительной, но его реконструкцию следует соотносить с прототюркским состоянием. После выделения языка булгаро-чувашского типа в стандартном тюркском праязыке на месте протоязыкового **l* везде выступал альвеопалатальный глухой спиранто **š*.

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах праязыковой переднеязычный небно-зубной глухой щелевой **š* в инлаутной позиции обычно сохраняется без изменений, ср.:

ПТ **aša*- "кушать", "есть" ~ кб. *aša*- "есть";

ПТ **ašyq*- "спешить, торопиться": дг. *ašyq*- (ДТС, 64), кар. *ašyq*-, кир. *ašyq*-, тат. *ašyq*-, башк. *ašyq*-, уйг. *ošiŋq*-, каз. *asyq*-, кк. *asyq*-, ног. *asyq*- ~ кб. *ašyq*- "торопиться, спешить";

ПТ **aşuq* “игральные кости”, “альчик”: дт. *aşuq* “лодыжка, шиколотка” (ДТС, 64), туркм. *aşuq*, кар. *aşuq*, кир. *aşuq*, башк. *aşuq*, аз. *aşuq*, каз. *asyuq*, кк. *asyuq*, ног. *asyuq*, тур. *aşuq* ~ кб. *aşuq* “альчик”, “бабка”;

ПТ **başqa* “другой, иной”: дт. *başqa*, пол. *başqa* (Гр., 52), кум. *başqa*, кт. *başqa*, кар. *başqa*, кир. *başqa*, тат. *başqa*, уйгур. *başqa*, тур. *başqa*, сал. *başqa*, каз. *başqa*, кк. *başqa*, ног. *başqa* ~ кб. *başqa* “другой, иной”;

ПТ **başik* “колыбель”: дт. *başik* (ДТС, 97), кт. *başik*, кар. *başik*, аз. *başik*, кум. *başik*, кир. *başik*, уз. *başik*, каз. *başik*, ног. *başik*, кк. *başik*, як. *bihik*, уйг. *bişik*, тат. *bişik* ~ кб. *başik* “колыбель”;

ПТ **jāša* “жить” < **jaš(+a)*, турк. *jaša*-, тур. *jaša*-, аз. *jaša*-, кар. *jaša*-, ног. *jaša*-, каз. *žasa*-, кк. *žasa*, тат. *jāša*-, башк. *jaša*-, кир. *žaša*-, алт. *daža*-, гаг. *jaša* ~ кб. *žāša*-, *žaša*-, *zaša*- “жить”;

ПТ **jāšil* “зеленый”, “молодой”, “незрелый”: дт. *jašyl* (ДТС, 247), пол. *jašyl* (Гр., 118), кум. *jašyl*, уйгур. *jāšil*, тат. *jāšil*, ног. *jašyl*, кир. *žašyl*, алт. *d'ažyl* ~ кб. *žāšil* “зеленый”, “молодой”;

ПТ **jašyn* “прятаться”, “скрываться” < **jaš(+yn)*, пол. *jašyn* (Гр., 118), турк. *jašyn*-, аз. *jašyn*-, кар. *jašyn*-, кум. *jašyn*-, уйг. *jošin*, тат. *jāšin*-, кир. *žašyn*-, алт. *d'ažyn* ~ кб. *žāšyn* “прятаться”, “скрываться”;

ПТ **išle* “работать” < ***iš(+le)*:- дт. *iš* “работа” (ДТС, 214), пол. *iš* (Гр., 107), аз. *išle*-, кт. *iš*, кум. *išle*-, кир. *išle*- ~ кб. *išle*- “работать”;

ПТ **ašik* “дверь”: дт. *išik* (ДТС, 214), кт. *ešik*, тур. *ešik*, аз. *ešik*, кар. *ešik*, кум. *ešik*, кир. *ešik*, каз. *esik*, кк. *esik*, ног. *esik* ~ кб. *ešik* “дверь”.

Ср. также:

ПТ **kiši* “человек” ~ кб. *kiši*;

ПТ **kišen* “пути” ~ кб. *kišen*;

ПТ **kišne* “ржать” ~ кб. *kišne*;

ПТ **qašqa* “лысый” ~ кб. *qašqa* “плешь”, “лысина”;

ПТ **qaşuq* “ложка” ~ кб. *qaşuq*;

ПТ **qaşu* “чесать” ~ кб. *qaşu*;

ПТ **qošut* “добавка”, “прибавка” ~ кб. *qošut*;

ПТ **başcaq* “колос” ~ кб. *taşaq* “колосья, оставшиеся на поле после жатвы”;

ПТ **tešik* “отверстие”, “дыра” ~ кб. *tešik*

ПТ **tošek* “матрос” ~ кб. *tošek*;

ПТ **tiši* “женщина”, “самка” ~ кб. *tiši* “самка”, “матка”;

ПТ **oqša* “походить”, “быть похожим” ~ кб. *uša*;

ПТ **aškak* (< ***alčkak*) “осел” ~ кб. *ašak* “и др.

Пратюркский ауслаутный *-ʃ

В пратюркском языке в ауслаутной позиции альвеопалатальный глухой спирант *ʃ встречался довольно часто. Как и интервокальный *ʃ-, в абсолютном конце слова он сохранился в большинстве древних и современных тюркских языков за исключением чувашского (см.: Рясянен 1955: 155; Щербак 1970: 163; Серебренников, Гаджиева 1979: 60; СИГТЯ 1984: 238-239). В чувашском языке, а также в прямом его предке - волжско-булгарском, равно как и в древних болгарских диалектах, ауслаутному пратюркскому *ʃ, согласно закону ламбдаизма, соответствует *l*, а инициальное сочетание *-lʃ в языках болгарской ветви отражается как переднеязычный шумный щелевой *-ʃ, ср.: ПТ *taʃ "камень" ~ чув. *çul*; ПТ *balʃ "голова" ~ чув. *puʃ* и т.п.).

В истории карачаево-балкарского языка праязыковой переднеязычный небно-зубной глухой щелевой *ʃ в абсолютном конце одно- и двусложных основ сохранился без каких-либо изменений, ср.:

ПТ *aʃ- "переваливать (через гору)", "переходить (через что-либо)"; *aʃ- "переходить, переваливать", "выдаваться", "превосходить" (ЩФ, 193): дт. aʃ- "переходить", "пересекать"; "преодолеть", "переваливать (гору)"; "увеличивать", "прибавлять", "умножать" (ДТС, 62); туркм. aʃ-, узб. (диал.) aʃ- (в составе aʃʁun < *aʃ-ʁun "высота", "гора", "возвышенность"; якут. aʃ-, тур. aʃ-, аз. aʃ, гаг. aʃ-, кт. aʃ-, кар. aʃ-, кир. aʃ-, тат. aʃ-, башк. aʃ-, уйг. aʃ-, лобн. aʃ-, алт. aʃ-, тув. aʃ-, кар.г. aʃ-, каз. as-, кк. as-, с.-юг. aʃ-, хак. aʃ-, узб. aʃ-, чув. ul- (в составе ulʃx- "подниматься"), "переваливать (через гору)", переходить (гору)", "переходить (через что-либо), "переступить"; "выходить из берегов", "превышать", "подниматься (выше чего-либо); "превосходить" и т.п. ~ кб. aʃ-.

Ср. также:

ПТ *aʃ "еда", "пища" ~ кб. aʃ;

ПТ *baʃ < **pālʃ "голова" ~ кб. baʃ;

ПТ *baʃ < **pāl "пять" ~ кб. baʃ "пять";

ПТ *biʃ- < **bilʃ- "созревать"; "свариться" ~ кб. biʃ-;

ПТ *boʃ (< **polʃ) "пустой", "свободный" ~ кб. boʃ;

ПТ *buʃ- (< **pulʃ-) "печалиться" ~ кб. buʃ-;

ПТ *aʃ- "крутить", "вить" ~ кб. aʃ- "вить", "плести", "заплетать";

ПТ *iʃ (< **ilʃ) "дело", "работа" ~ кб. iʃ "работа";

ПТ *yʃ- "тереть" ~ кб. yʃ- "тереть", "натирать";

ПТ *jaʃ (< **jāl) "молодой", "зеленый" ~ кб. jaʃ "сын", "мальчик", "парень", "молодой";

ПТ **jās* (< ***jal*) “слеза” ~ кб. *ǰaš* “слеза”;

ПТ **jāmiš* (< ***jāmīl̥*) “фрукт”, “плод” ~ кб. *ǰamiš* “ягоды”, “фрукты”;

ПТ **qās* (< ***qāl*) “бровь”, “край”, “берег” ~ кб. *qaš* “бровь”; “лука седла”;

ПТ **quš* (< ***qyl*) “зима” ~ кб. *quš* “зима”;

ПТ **qōš-* (< ***qol-*) “добавлять”, “прибавлять” ~ кб. *qoš-* “прибавлять”, “добавлять”, “наращивать”;

ПТ **qōš* (< ***qol*) “пара” ~ кб. *qoš* “пара”;

ПТ **quš* “птица” ~ кб. *quš* “птица”;

ПТ **saš-* “сбиваться с пути”, чув. *sul-*, *sulân-* ~ кб. *šaš-* “сойти с ума”, “помешаться”;

ПТ **taš* “камень” ~ кб. *taš* “камень”;

ПТ **taš-* “продырявливать, протыкать” ~ кб. *taš-*;

ПТ **tiš* “зуб” ~ кб. *tiš*;

ПТ **tōš* “грудь” ~ кб. *tōš* “грудь”;

ПТ **tūš* “сновидение, сон” ~ кб. *tūš*;

ПТ **tūš* “полдень” ~ кб. *tūš*;

ПТ **tūš-* “падать” ~ кб. *tūš-*;

ПТ **jumiš* “дела”, “работа” ~ кб. *ǰumiš*.

Детальный анализ сравнительного фактического материала показывает, что пратюркский альвеопалатальный глухой спирант **ʃ* в истории карачаево-балкарского языка обладал высокой утойчивостью и практически без каких-либо изменений сохранился до наших дней.

Пратюркский **j*

Для пратюркского состояния все исследователи констатируют наличие палатального плавного сонанта **j* в инлаутной и ауслатной позициях и это положение практически не дискутируется. Вместе с тем тюркологи и алгаисты потратили достаточно много полемического пороха по проблеме наличия или отсутствия в пратюркском языке инициального **j*-. Этот остро дискуссионный вопрос заслуживает пристального внимания и детального разбора всех существующих воззрений.

В тюркских языках наблюдается межъязыковое чередование анлаутных *j*- ~ *z*- ~ *ǰ*- ~ *č*- ~ *d'*- ~ *š*- ~ *s*- ... Число звеньев анлаутных соответствий у различных исследователей колеблется. Указанный ряд соответствий поднимает в сравнительно-исторической фонологии тюркских языков ряд остродискуссионных вопросов.

Впервые вопрос об анлаутном **j*-. затронул в начале 80- годов XIX века известный российский тюрколог В.В.Радлов в своей работе,

посвященной изучению фонетики тюркских языков. По определению В.В.Радлова, звук *j* является "гласным-согласным" звуком (т.е. так называемым "полугласным" - А.Ч.). "Это звучный спирант, который возникает при приближении середины спинки языка к твердому небу и при произношении которого мускульное усилие языка направлено вперед" (Radloff 1883: 114). По мнению В.В.Радлова, тюркский *j* не соответствует русскому *й* или звуку *i̯* в дифтонгах, обозначаемому им через *i̯*. В.В.Радлов, насколько нам известно, первым высказал мысль о первичности в тюркских языках алаутного **j-*. При этом переход праязыкового инициального **j-* в другие согласные известного ряда чередований (**j-* ~ *ǰ-* ~ *č-* ~ *ž-* ~ *š-* ~ *s-*...) В.В.Радлов объяснял как позиционно обусловленные под влиянием последующего узкого гласного основы. Историческое развитие алаутного **j-* в различных тюркских языках, по мнению В.В.Радлова, происходило по следующим основным направлениям: **j-* > *ǰ-*; **j-* > *č-*, *č-* > *ž-*; *ž-* > *s-*; *s-* > *š-* (Radloff 1883: 114). В более поздней работе В.В.Радлов предложил более уточненный вариант исторического ряда чередований: **j-* > *ž-*; **j-* > *č-*, затем *č-* > *ž-* > *š-* (Radloff 1908: 16).

В.А.Богородицкий также исходил из постулируемого им положения о первичном характере в алаутном ряду межтюркских чередований **j-* ~ якут. *s-*; тув., хак. *č-*, алт., кыз., зап.-сиб., тат., башк., уйг., узб., кир. *j-*, каз. *ž-*, орхон., пол. *j-*, чув. *š-*, монг. *ǰ-* среднеязычного **j-* (Богородицкий 1953: 106). Он прямо пишет, что *j-* сохраняется в большинстве тюркских языков, включая древнетюркский (орхонский) и половецкий. Далее он отмечает частичный переход (усиление) **j-* в шипящую звонкую аффрикату *ǰ-* в киргизском и казанско-татарском (в сочетании со следующим палатальным гласным, а у татар-кряшен и в других случаях, но в большинстве говоров - в мишарском и тептярском, как и в башкирском **j-* сохраняется). В казахском из аффрикаты *ǰ-* развился шипящий спирант *ž-*. В тувинском, карагасском (= тофаларском) и хакасском праязыковой *j-* отражается как шипящий *č*, который образовался в результате приглушения *ǰ-*. Приглушение шипящей звонкой аффрикаты *ǰ-*, развившейся из праязыкового **j-*, наблюдается также в шорском языке, при сохранении *j-* в кызыльском, чулымско-тюркском и диалектах западно-сибирских татар. В якутском на месте исконного **j-* наблюдается свистящий спирант *s-*, развившийся из *č-* (в якутском праязыковой *č* также отражается как свистящий спирант *s*). В этом отношении якутский сближается с восточно-тюркскими языками и диалектами (Богородицкий 1953: 106).

Следует обратить особое внимание на одно важное обстоятельство, метко подмеченное В.А.Богородицким. Оглушение звонкой аффрикаты *ʒ- в ряде восточно-сибирских тюркских языков этот исследователь ставит в один ряд с оглушением *b-, захватывающим подряд сибирские языки, начиная от карагасского (= тофаларского) и тувинского на востоке и кончая кюзриким и барабинским на западе. При этом В.А.Богородицкий отмечает, что приглушение *b- > p- происходило позже приглушения *ʒ- > ɟ- (Богородицкий 1953: 106). В чувашском пратюркский *j- в исконных словах отражается в виде палатального свистящего спиранта ś-.

Для чувашского рефлекса пратюркского *j- В.А.Богородицкий восстанавливает промежуточную ступень в виде звонкой шипящей аффрикаты *ʒ-, которая существовала в эпоху булгарско-венгерских языковых контактов и сохранялась в языке волжских булгар до XIV века. Об этом свидетельствуют древнебулгарские заимствования в венгерском и языке эпиграфических памятников волжских булгар. "Чувашский рефлекс ś-..., - пишет В.А.Богородицкий, - позволяет предполагать, что указанная смягченная аффриката могла представлять диалектальное чередование шипящего и свистящего типа, причем приглушение ее аналогично с общим приглушением начальных звонких согласных в чувашском" (Богородицкий 1953: 107).

Другую точку зрения на эту проблему высказал Г.И.Рамstedт. По его предположению, в претюркский период произошло слияние анлаутных *d-, *ʒ- и *n- с *j-. В тюркском языке древнейшей поры в звуке *ʒ- ослаб фрикативный элемент и образовался звук j-, утративший в некоторых случаях фрикативный элемент и превратившийся в полугласный i. По мнению Г.И.Рамstedта, начальный *j- лучше всего сохранился перед гласными заднего ряда (*ja-, *jo-, *ju-) и частично приблизился к *j- (je-, ji-, jy-, а также *jə-, *jü-), в случае, если трение не усиливалось до образования аффрикаты ʒ-. Если же трение усиливалось, то в начале слова развивался слегка слышимый взрывной элемент, т.е. *j- развивался в dj-, tj-. В тюркских языках полное совпадение *ʒ-, *n- и *j- произошло относительно рано (Ramstedt 1957: 65-66).

В тюркском праязыке имелись диалекты, в которых после совпадения всех перечисленных первоначально различных звуков в одном *j- этот среднеязычный согласный произносили с фрикативным оттенком d i или d'. От одного из таких диалектов происходит чувашский, где на месте *j- выступает ś-. В южных и юго-восточных диалектах начальный *j- существовал, по-видимому, начиная с

древнетюркской эпохи. В западных тюркских языках (в казанско-татарском, башкирском, ногайском) он отчасти сохранился, а отчасти (в киргизском и др.) превратился в *dj*-, *ǰ*- или (в казахском и др.) в *ǰ* (Ramstedt 1957: 66-67).

Точку зрения Г.И.Рамстедта поддержали и развили его последователи М.Рясянен, Н.Н.Поппе и др. Так, М.Рясянен пишет: "тюркск. *j*- восходит к алт. *j*, *d*, *ǰ* и *n*. Звук *j*- сохранился: в древних языковых памятниках, в юго-западных и юго-восточных тюркских языках (с некоторыми исключениями), в алтайских диалектах (алтайском, телеутском, лебединском, кюэрикском), в западно-сибирских диалектах (тобольском, барабинском, тюменском, тура и тарском) и из северо-западных тюркских языков в кумыкском, караимском, башкирском и частично в тюркских наречиях Поволжья" (Рясянен 1955: 160). Все остальные рефлексy, известные в современных тюркских языках, М.Рясянен выводит из среднеязычного **j*- (Рясянен 1955: 160-163).

Н.А. Баскаков в примечаниях к русскому изданию труда М. Рясянена "Материалы по исторической фонетике тюркских языков" по этому дискуссионному поводу пишет следующее: "Вопрос о хронологии *j* > *dǰ* в начале слова является спорным. Если конечный коренной *j* в слове мог быть результатом развития *d*, *t* > *z*, *s* > *j*, то *j* в начале слова мог быть результатом фонетического развития аффрикативных и фрикативных, в том числе и шипящих согласных *u*, *dǰ*, *tj*, *dj*, *ǰ*, *s* > *j* и даже выпадения, например, в карачаево-балкарском языке: *axǰu* вм. *jaxǰu* "хороший" (Рясянен 1955: 216).

Проблема первичности анлаутного среднеязычного *j* в тюркских (resp. алтайских) языках до сих пор относится к числу спорных и нерешенных проблем исторической фонетики. В отечественной тюркологии к этой проблеме не раз возвращались видные исследователи тюркской исторической фонетики Н.З.Гаджиева, Б.А.Серебrenников, Э.Р.Тенишев и др., отстаивающие гипотезу о первичности начального *j*- в пратюркском.

Н.З.Гаджиева на широком сравнительном и сопоставительно-типологическом материале рассматривает эту актуальную проблему в специальной главе "Был ли начальный в тюркских языках первичным?", помещенной в монографии "Проблемы тюркской ареальной лингвистики" (Гаджиева 1975: 261-271) и приводит ряд данных в пользу мнения об исконном характере среднеязычного *j*- в анлауте тюркских слов. После критического обзора существующих в специальной литературе точек зрения на эту проблему, она приводит ряд типологи-

ческих фреквенталий на случаи превращения начального *j* в позиции перед гласными в звонкую аффрикату *ʒ*:

- начальное латинское *j*- в положении перед гласными превращалось в аффрикату *dʒ*- в испанском, португальском, каталанском, французском, провансальском и рето-романском языках;

- древнеиндийскому начальному *j*- соответствует аффриката *ʒ* в некоторых новоиндийских языках;

- превращение *j*- в *ʒ* происходило также в иранских языках;

- известны случаи превращения начального *j*- в аффрикатоподобное *d'* в угро-финских языках.

Опираясь на эти сопоставительно-типологические данные, Н.З. Гаджиева приходит к такому логическому выводу: "Если в разных языках начальный *й* в положении перед гласными довольно часто превращается в *ж*, то это уже не случайность, а определенная типовая линия видоизменения звука в этой позиции, определенная типологическая фреквенталия, которая может быть положена в основу вероятностного обоснования гипотезы и о первичности начального *й* в тюркских языках" (Гаджиева 1975: 267).

Слабой стороной этой гипотезы, на наш взгляд, является отождествление типологических законов развития анлаута слова в двух совершенно различных типах языков - флективных (приводится в основном материал из индоевропейских языков, а в угро-финских языках, насколько нам известно, корреляция *j*- > *d'*- скорее является исключением) и агглютинативных. В языках агглютинативного строя начало слова регулируется по своим специфическим законам, отличным от языков флективного строя.

Трудно согласиться полностью и с констатацией: "Если начальные элементы слова несут основную информацию, то начало слова должно быть более слышимым. Язык стремится поместить в начало слова более слышимые звуки - свистящие спиранты, аффрикаты, звонкие согласные" (Гаджиева 1975: 268), так как именно такие звуки для тюркского анлаута являются нетипичными и именно они являются наиболее подверженными изменениям в анлаутной позиции. Тот факт, что "в уральском праязыке в начале слова были глухие согласные" (Гаджиева 1975: 268) свидетельствует как раз об обратном.

В тюркских языках, как и в других языках агглютинативного строя, наиболее сильными в слове являются анлаут (корень слова) и ауслаут (словообразовательный или словоизменятельный суффикс), так как именно они являются носителями важнейшей информации. Язык стремится поместить в эти критические точки наиболее слышимые глухие (=сильные) согласные. Поэтому тюркское слово начинает

элизироваться именно в инлауте (ср. многочисленные примеры стяжений типа тюрк. *alyr kal* > *apkel* "приносить", чув. *kajas pulat'* > *kas pat'* "надо идти" и т.п.). Не случайно глухое начало слова в урало-алтайских языках является характерным типологическим моментом.

Однако сказанное нами ни в коей мере не снимает проблему первичности тюркского анлаутного *j*- в длинном ряду соответствий *j*-*~ž*-*~z*-*~c*-*~d'*-*~s'*-*~s*-*~z* и т.д., так как благодаря своей специфике (предельной близости к гласным) этот специфический сонант вполне мог стоять в начале слова.

Б.А. Серебренников в свое время выдвинул важное в теоретическом смысле положение, убедительно показывающее, что "в тех языках, где существует абсолютно глухое начало слова, начальный *j* вообще не подвергается никаким изменениям, в том числе и аффрикации. Классическими примерами в этом отношении могут служить такие языки, как финский, хантыйский, мансийский и марийский..." (Серебренников 1964: 30). Относительно тюркских языков он подчеркивает, что "более достоверным будет предположение, что в древнетюркском языке в начале слова не было звонких согласных... При этих условиях в тюркском языке мог существовать только начальный *j*, но не аффрикаты типа *ž* и *č*, как утверждают многие тюркологи. На основании этих соображений можно даже вывести общее правило. Сохранение начального *j* возможно и при наличии звонких согласных в начале слова, но превращение *j* в аффрикату при наличии абсолютно глухого начала слова невозможно" (Серебренников 1964: 30-31).

В более поздней своей работе "Тюркоязычные ареалы Кавказа" Н.З. Гаджиева уже исходит от положения о первичности анлаутного *j*- в тюркских языках и не вступает в полемику со своими оппонентами (Гаджиева 1979: 66-69).

Б.А. Серебренников и Н.З. Гаджиева последовательно придерживаются гипотезы о существовании анлаутного *j*- в тюркском языке и в монографии "Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков" (1979: 53-57; 1986: 51-55).

Они считают вполне приемлемой точку зрения В.А. Богородицкого, подкрепляя ее типологией и психолингвистическими соображениями.

Согласно высказываниям Н.Н. Поппе, пратюркский **j*- развился из первоначальных звуков **ž*-, **n*-, **h*- и **d*- (Рорре 1960: 32).

Г.И. Рамстедт, М. Рясянен и Н.Н. Поппе в определенной степени разделяют точку зрения В.А. Богородицкого на генезис пратюркского инициального **j*-.

С.Е.Малов считал, что анлаутный *j*- в тюркских языках является вторичным и возник непосредственно из аффрикаты *ǰ*-: “Относительно *й, дж, ч, ш, ж* я могу сказать предположительно, что более древними были здесь шипящие и свистящие звуки *дж, ч, ш*, звук же *й* был в очень малом и редком употреблении в письменном языке древних тюрков и у ближайших потомков их теперь по языку - желтых уйгуров” (Малов 1952: 141).

Вывод о большей древности *ǰ*- сравнительно с *j*- на основании анализа исторических источников X-XI вв. сделал А.Н.Бернштам (1938: 22). Подобное же мнение высказал Н.А.Баскаков: “*j* в начале слова мог быть результатом фонетического развития аффрикативных и фрикативных, в том числе и шипящих согласных” (Баскаков 1955: 216).

По мнению К.Г.Менгеса тюркский **j*- развился из прототюркского анлаутного **ǰ*- (или **d*-), что вроде бы подтверждается регулярным соответствием общетюркского **j*- монгольскому *d*- и маньчжурскому *d*- (см. Menges 1947: 34-36; Menges 1968: 87-89). Аналогичной точки зрения придерживался и Й.Маркварт (см. Marquart 1929: 81-88). Близка к точке зрения предыдущих исследователей и схема развития пратюркского анлаутного **d*-, предложенная Г.Дерфером: пратюрк. **d*- > **ǰ*-, булг. *ǰ*- > *ǰ*- > *ǰ*-; пратюрк. **d*- > общетюрк. *j*- ~ *ǰ*- > *ǰ*- (см.: Doerfer 1971: 332).

Оригинальный подход к решению этой проблемы предложил Ш.Х.Акбаев. Внимательно изучив соответствия начальных согласных в связи с рефlekсами традиционно реконструируемого общетюркского инициального **j*- в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка в виде переднеязычного щелевого звонкого *z*-, он сделал заключение, что число начальных глухих для “более отдаленного времени” можно пополнить еще одним звуком - глухим *č*-, который и дал в конечном счете современные начальные, соответствия, и, таким образом, самым древним из рассмотренных согласных вернее всего признать **č*- (Акбаев 1963: 88). Иными словами, Ш.Х.Акбаев высказал одним из первых оригинальную идею, согласно которой первичным является **č*-, а постулируемый рядом исследователей в качестве праязыкового инициальный среднеязычный **j*- является результатом последующего развития праязыковой глухой аффрикаты **č*- (Акбаев 1963: 87).

В принципе аналогичную мысль высказал позднее и Ф.А.Абдуллаев. Анализируя фонетические особенности хорезмийских говоров узбекского языка, Ф.А.Абдуллаев пришел к выводу о том, что “в древнейший период развития тюркских языков для большей группы

слов в начальной позиции была глухая аффриката c (чеканье)" (Абдуллаев 1967: 201). Данное заключение основано на предположении, что тувинский, шорский, хакасский языки, северные диалекты алтайского языка, как и язык желтых уйгуров, являются "самыми древними, сохранившими до наших дней наряду с другими особенностями основные фонетические признаки, характерные для тюркских языков еще задолго до появления письменности" (Абдуллаев 1967: 201).

Оригинальную точку зрения на природу общетюркского инициального $*j$ - высказал А.М.Щербак. Позиция А.М.Щербака основана на системном подходе к тюркскому консонантизму: "Система согласных фонем и их распределение в большинстве современных тюркских языков таковы, что они исключают возможность исконного употребления j в начале слова. В начальной позиции j восходит к $*\theta$, глухому межзубному спиранту, который в наибольшей мере свое первоначальное качество сохранил в чувашском (c) и якутском (c) языках, т.е. в языках, обнаруживающих, по общему мнению, некоторое количество очень древних черт" (Щербак 1970: 79-80). Звук j - в анлаутной позиции, по мнению А.М.Щербака, самое отдаленное от праформы отражение, и естественно, что последовательно он представлен главным образом в огузских языках, которые обычно рассматриваются как "относительно новые тюркские языки" и в которых сильные согласные в анлауте подверглись ослаблению раньше, чем в других языках, и в наибольших размерах (Щербак 1970: 80).

Таким образом, по предположению А.М.Щербака, начальный $*\theta$ - в алтайском языке развился в d - в тувинском, хакасском и шорском - в ч -, в чувашском - в с -, в якутском - в с -, в малкарском диалекте балкарского языка - в з -, в балкарском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском, тофаларском и киргизском языках - в ж -, в остальных тюркских языках - в й - (Щербак 1970: 159).

Близкую к А.М.Щербаку точку зрения на природу общетюркского $*j$ - занимает О.А.Мудрак: "В анлаутной позиции традиционный тюркский $*j$ - (но у А.М.Щербака $*\theta$ -) соответствует пратюркскому $*\text{c}$ -. На то, что первоначально все же был шумный согласный, указывает, во-первых, "запрещение" сонантного начала в абсолютном большинстве тюркских основ, во-вторых, рефлексy старой аффрикаты в большинстве тюркских языков. Ср. чув. з - (< пратюрк. $*\text{c}^*$, $*\text{c}$ -), тув., тоф. c - (< пратюрк. $*\text{c}$ -), тоф. з - (< пратюрк. $*\text{c}$ -), хак. c - (< пратюрк. $*\text{c}$ -), з -/ з - (< пратюрк. $*\text{c}$ -), якут. с - (< пратюрк. $*\text{c}^*$, $*\text{c}$ -), с - (< пратюрк. $*\text{c}^*$, $*\text{c}$ -), алт. з -, кыпч. з -, уйг. з -

перед *i*, *и*, *у* /*j*-. Только в некоторых кыпчакских языках, в огузских языках и в языках центрально-азиатских памятников произошел переход пратюрк. **č*- в *j*-, что типологически целесообразней интерпретировать как ареальную инновацию, тем более в наиболее удаленных ветвях - в чувашской, якутской, тувинской, хакасской представлен аффрикатный рефлекс" (Мудрак 1993: 209).

Все существующие точки зрения время от времени остро дискутируются (см. Серебренников 1964: 30-31; Гаджиева 1975: 265), однако ни одна из сторон не в силах убедить оппонентов в своей правоте, доводы каждой из дискутирующих сторон выглядят вполне убедительными и обоснованными фактически и методически.

Наиболее полный и аргументированный критический обзор всех существующих к настоящему времени основных направлений по данному вопросу и обоснование первичности **j*- в пратюркском языке на широком репрезентативном эмпирическом материале тюркских и других языков принадлежит перу Э.Р. Тенишева (СИГТЯ 1984: 256-279, 299-303). В настоящее время в тюркологии существуют два основных направления мнений специалистов по отношению к анлаутному *j*- в пратюркском: одна группа специалистов признает анлаутный *j*- первичным, а другая группа - вторичным. Весьма показательно, что сторонники гипотезы о вторичном характере анлаутного *j*- в пратюркском в той или иной степени исходят из данных алтайских языков (направление Г.И. Рамstedта и его последователей), а их оппоненты оперируют в основном данными тюркских языков (направление В.В. Радлова, В.А. Богородицкого и их последователей). Таким образом, дискуссия о первичном или вторичном характере пратюркского анлаутного **j* упирается в пресловутую алтайскую теорию.

Вся сложность компаративистической интерпретации интересующего нас инициального звука заключается в том, что на тюркской почве в нем усматриваются конвергенции по меньшей мере пяти "праалтайских" согласных *j*-, *n*-, *n'*-, *d*-, *ž*-, причем в различных тюркских языках он может реализоваться в виде целого ряда коррелятов: зубно-альвеолярных - а) дорсальных *t*, *d*, *c*, *z*, *s*, *z*, *s'*, *n*; б) апикальных *č*, *ž*, *θ*, *v*, *t*, *l*; небоноальвеолярных - в) какуминальных *š*, *ž*, *g*; г) палатальных *t'*, *d'*, *c'*, *z'*, *s'*, *ž'*, *r* и д) среднеязычных *j*, *J*, *η* (ЯН СССР, II, 25), поэтому алтаисты-компаративисты не в состоянии констатировать, в каких случаях в тюркских языках начальные *j*-, *ž*-, *č*-, *ž*-, *s*-, *s'*-, *d'*- и т.д. восходят соответственно к алтайским **j*-, **ž*-, **d*-, **n*-, **n'*- и т.п.

А из этого вытекает, что точка зрения сторонников рамстедтовско-алтаистического направления, по крайней мере, выглядит недостаточно корректной.

Если исходить из данных тюркских языков, как показывают обстоятельные изыскания Э.Р. Тенишева, данная проблема решается однозначно в пользу примата *j- в пратюркском анлауте. Достаточно ясны направления общего хода эволюции данной фонемы в различных тюркских ареалах и зонах. Точка же зрения сторонников рамстедтовского (алтаистического) направления весьма далеко от однозначного решения и до окончательного разрешения вопроса о родстве алтайских языков неприемлема для современных тюркологических исследований.

На наш взгляд, решение этой остродискуссионной проблемы следует искать не на фонетическом и фонологическом уровнях, оно скорее лежит на хронологической плоскости. При внимательном анализе существующих точек зрения бросается в глаза практически полное отсутствие сколько-нибудь точно установленных хронологических ориентиров хотя бы относительных, не говоря уже об абсолютных. Отсутствие какой-либо общепринятой хронологической привязанности каждого из звеньев диахронического ряда реконструкций приводит к недопониманию между исследователями и вызывает бесполезную полемику там, где для этого практически нет сколько-нибудь весомой почвы.

Нам представляется, что при дальнейших исследованиях данной проблемы фонологам следует исходить из постулата о неоднородности традиционно реконструируемого для пратюркского состояния среднеязычного *j-. В настоящее время вполне очевидно, что пратюркский *j- имеет явно вторичный характер и восходит к нескольким прототипам. С наибольшей вероятностью для прототюркского состояния реконструируются по крайней мере 3 прототипа, ср.:

- 1) прототюрк. *č (по О.А.Мудраку), *č- (по Ш.Х.Акбаеву и Ф.А.Абдулаеву) или *θ (по А.М.Щербаку) > пратюрк. *j-;
- 2) прототюрк. *n-, *ñ- > пратюрк. *j-;
- 3) прототюрк. *d- или *δ- (по Й.Маркварту и К.Г.Менгесу) > пратюрк. *j- и т.п.

Надо особо подчеркнуть, что термины “прототюркский” и “пратюркский” в данном случае носят сугубо условный характер. Под термином “прототюркский” в конечном итоге могут скрываться и собственно прототюркское, и дотюркское, и алтайское состояния, однако, к сожалению, уровень изученности столь далеких

праязыковых состояний на данное время не позволяет сколько-нибудь достоверно верифицировать и хронологизировать соответствующие пласты лексики. Термин "пратюркский" в данном месте также употребляется условно, как дань традиции, ибо, как указывает А.М.Щербак, "звук j - самое отдаленное от праформы отражение" (Щербак 1970: 80).

Нам импонирует точка зрения исследователей, отстаивающих приоритет "пратюркского" (точнее - прототюркского) *глухого анлаута, ибо она более аргументирована и как нельзя лучше соответствует свидетельствам большинства тюркских языков, демонстрирующих общую тенденцию к озвончению анлаутных согласных в историческом развитии системы консонантизма. Процесс озвончения инициальных согласных, по всей вероятности, в первую очередь коснулся билабиального глухого смычного * p - и в первое время имел место в интервокальной позиции между двумя словами под влиянием внешнего сандхи. Во вторую очередь этот процесс захватил в сферу своего влияния среднеязычный смычный * $\acute{c}$ - и вызвал его переход в звонкую аффрикату $\check{z}$ - и, в последнюю очередь, трансформацию в среднеязычный плавный сонант j -. Вспомним, что еще В.А.Богородицкий отмечал определенную связь между историческим развитием анлаутных b - и j - в тюркских языках. Он предполагал, что в восточных тюркских языках анлаутный $\acute{c}$ - является приглушением $\check{z}$ - из j - и "представляет собой явление, родственное с приглушением фонемы b -, захватывающим подряд сибирские диалекты" (Богородицкий 1953: 106). Далее он пишет: "Но нужно при этом допустить, что приглушение b - происходило в Сибири позже процесса $j > \check{z}$..." (Богородицкий 1953: 106).

Новейшие исследования в области истории консонантизма тюркских языков свидетельствуют, что развитие тюркских анлаутных согласных шло в прямо противоположном, чем предложенном В.А.Богородицким, направлении, но тем не менее поражает установленное известным тюркологом параллельное развитие этих двух анлаутных согласных.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ В.А.Богородицкого в свете новейших исследований по исторической фонетике тюркских языков, с большей долей истины можно сказать, что в результате озвончения прототюркского * $\acute{c}$ - образовалась звонкая аффриката $\check{z}$ -, а из последней, в результате утраты смычки, развился палатальный плавный сонант j -. Это явление напоминает озвончение анлаутного билабиального глухого смычного * p - в языках огузского типа. Весьма

показательно при этом, что озвончение $*p- > b-$ и $*č- > ž-$ охватывают практически одни и те же языки, ср.:

1) прототюрк. $*p- >$ огуз.: туркм., тур., аз., гаг., кт. $b-$; карл.: узб., уйг., лобн., сал. $b-$; кыпч.: кар., кум. ~ $кб.$, тат., башк., ног., кк., каз. $b-$, кир. $b-$ //сибир.: алт. $b-/p-$, хак., шор., чулым., с.-юг. $p-$, но: тув., тоф. $b-$, якут. $b-$; чув. $p-$;

2) прототюрк. $*č- >$ огуз.: туркм., тур., аз., гаг., кт. $j-$; карл.: узб., уйг., лобн., сал. $j-$; кыпч.: кар., кум. башк. $j-$, тат. $j-/ž-$ ~ $кб. ž-$, ног. j , каз., кк. $ž-$, кир. $ž-$ // сибир.: алт. $d'-/č-$, с.-юг. $j-$, хак., шор., тув., тоф., чулым. $č-$, якут. $s-$; чув. $š-$.

Сравнительный анализ межъязыковых параллелей в отражении прототюркских $*p-$ и $*č-$ показывает, что в наиболее архаических и относительно свободных от поздних иноязычных влияний тюркских языках восточно-сибирского региона сохраняется глухое начало слова. Случаи озвончения $*p- > b-$, наблюдаемые в якутском, тувинском и тофаларском, а также сонантизации $*č- > d'$ и $j-$ в алтайском и сарыг-югурском языках явно вторичны и имеют свое особое объяснение. Весьма показательно, что глухой анлаут, как отголосок глубокой архаики, сохранился на крайне западной окраине тюркской ойкумены - в чувашском языке. Такое ареально-географическое распределение репрезентаций протоязыкового глухого анлаута скорее всего свидетельствует в пользу мнения о первичности глухого тюркского анлаута. Далее, предположение о примате глухого анлаута в тюркских языках подтверждается и со стороны системного анализа структуры тюркского консонантизма. В абсолютном начале тюркских слов не восстанавливается ни один другой сонант, кроме $*j-$. Такое экстраординарное поведение анлаутного пратюркского $*j-$ вызывает вполне резонные сомнения в реконструкции пратюркского звонкого анлаута. Следовательно, сам собой напрашивается вполне очевидный вывод: в абсолютном начале исконных тюркских слов сонанты были запрещены.

Однако не все сонанты обладают одинаковой степенью сонорности. Степень сонорности убывает постепенно в таком направлении: $r > l > n > m > v > w > j$, то есть наибольшей сонорностью обладают r и l , срединное положение в этом ряду занимают n и m и наименьшей сонорностью обладают w и j . Наиболее вялый из всех сонорных j , по всей вероятности, был вполне допустимым звуком в пратюркском анлауте. Показательны в этом отношении данные чувашского языка, в котором, судя по болгарским заимствованиям в венгерском языке, еще в древнеболгарский период были сняты ограничения на наиболее вялые анлаутные сонорные и развились так называемые протетические

v- (перед анлаутными губными) и j- (перед анлаутными губными) и j- (перед негубными анлаутными гласными) (Федотов, 180-184). Со временем были сняты в тюркских языках ограничения на анлаутный m- (из *b перед последующим через гласный носовыми), а в последствии стали допустимыми также n- и l- (главным образом в заимствованиях из иносистемных языков) и, наконец, в самое последнее время, даже обладающий наибольшей степенью сонорности r-. Следовательно, есть достаточно оснований считать, что в пратюркском анлауте наиболее вялый сонорный j- по своим артикуляционным особенностям приближающиеся к гласным, был вполне нормальным и допустимым.

Э.Р.Тенишев, вплотную занимавшийся этой проблемой, доказал первичность анлаутного *j- в пратюркском и выяснил направления общего хода развития эволюции этого звука в древних, средневековых и новых тюркских языках. Пути развития пратюркского начального *j- в разных тюркских языках были весьма различными, но они укладываются в единую стройную линию и вписываются в достаточно жесткие рамки законов исторических фонетических корреляций, существующих внутри отдельных языков и диалектов.

Считаем уместным привести здесь в реферированном изложении ряда выявленных Э.Р. Тенишевым основных закономерностей исторического развития пратюркского анлаутного *j в различных тюркских языках.

1. Первичный *j- наиболее полно сохранился в языках рунических, древнеуйгурских, караканидско-уйгурских, чагатайских, кыпчакских и куманских памятников.

Из современных тюркских языков *j- удержали больше всего огузские, в меньшей степени кыпчакские и карлукские языки.

2. Ближайший этап развития *j- - это превращение его в $\check{z}$ (*j- > * $\check{z}$ -). Аффриката $\check{z}$ - охватывает половину упомянутых языков, что свидетельствует об относительно древнем характере перехода *j- > * $\check{z}$ -. Аффриката $\check{z}$ представлена главным образом в тюркских языках кыпчакской группы башкирском, татарском, ногайском, каракалпакском, казахском, карачаево-балкарском, а также в языках, подверженных кыпчакскому влиянию - крымскотатарском, саларском, сарыг-югурском, киргизском, узбекском, уйгурском. В башкирском и татарском языках $\check{z}$ менее активна, чем j-, в карачаево-балкарском, казахском, каракалпакском, ногайском языках соотношение обратное - j- явно уступает место $\check{z}$ -. Начальный $\check{z}$ в крымскотатарском является следствием соседства с ногайским языком.

3. Путем ослабления и утраты смычки аффриката $\check{z}$ развилась в щелевой $\check{z}$ (*j- > $\check{z}$ - > $\check{z}$ -). Щелевой $\check{z}$ - встречается преимущественно в

кыпчакских и кыпчакизированных языках; для казахского языка это характерная черта его звуковой структуры.

4. В результате оглушения $\tilde{z}$ возник глухой смягченный $\tilde{z}'$ (*j- > * $\tilde{z}$ - > $\tilde{z}'$ - > s' -) в чулымском, хакасском и сарыг-югурском языках, что составляет признак их единства вместе с другими характерными чертами.

5. Утрата щелевого элемента аффрикатой $\tilde{z}$ привела к образованию палатализованного переднеязычного d' в алтайском языке с его глухой парой t' (*j- > $\tilde{z}$ - > d' - > t' -).

6. Непосредственным продолжением предыдущего этапа в алтайском же языке является развитие переднеязычных смычных в смычные заднеязычные и увулярные (d' - > g' - > γ' - и t' - > k' - > q' -).

7. Оглушение звонкой аффрикаты $\tilde{z}$ привело к образованию ее глухой пары $\tilde{c}$ (*j- > $\tilde{z}$ - > $\tilde{c}$ -), которая локализуется в алтайском, тувинском, тофаларском, хакасском, шорском, чулымском и сарыг-югурском, испытавших приглушение начальных смычных.

8. Свистящий звонкий z обязан своим возникновением смычному d (*j- > $\tilde{z}$ - > d - > z -). Щелевой z - обычно сопровождает d - и встречается в кыпчакских (башкирский, татарский, карачаево-балкарский) языках, а также в азербайджанском за счет кыпчакского влияния.

9. Следствием оглушения свистящего звонкого z - явилась его глухая пара - согласный s - (*j- > $\tilde{z}$ - > d - > z - > s -). Щелевой s - встречается в хакасском и якутском языках, а его палатальная разновидность s' - в чувашском.

Хакасский s - мог диалектно развиваться из $\tilde{c}$ -, подчиняясь общему сдвигу * $\tilde{c}$ - > s - (*j- > $\tilde{z}$ - > $\tilde{c}$ - > s' -). Следствием этого же процесса явился начальный s - в якутском языке, который мог развиваться двумя путями: 1) $\tilde{c}$ - > c - > s - и 2) $\tilde{c}$ - > $\tilde{s}$ - > s -.

Появление начального s' - в чувашском Л.С. Левитская связывает с процессом дифтонгизации долгих гласных: d' - > $\tilde{z}$ - > z' - > s' .

Первичный *j-, отразившийся в болгарском $\tilde{z}$ -, судя по булгаризмам венгерского языка и данным языка волжско-болгарских памятников, мог развиваться в дальнейшем, согласно разысканиям И.Г. Добродомова, в двух направлениях: 1) *j- > $\tilde{z}$ - > $\tilde{c}$ - > s' - s' ; 2) *j- > $\tilde{z}$ - > z - > z' - s' .

10. Изменение места артикуляции звонкого щелевого z - образовало звонкий интердентальный ν в туркменском языке.

11. Изолированные звенья в сарыг-югурском возникли на почве тюркско-китайского двуязычия (*j- > $\tilde{z}$ - > z - ~ $\tilde{z}$ - ~ z -) и др. (подробнее см. СИГТЯ 1984: 274-277).

Сюда же примыкают случаи назализации анлаутного праязыкового *j- под ассимиляторным воздействием следующих после них через гласный заднего ряда смежных носовых согласных n, ŋ (подробнее см. Тенишев 1978: 17-21; СИГТЯ, 1984: 299-303).

Таким образом историческая эволюция пратюркского анлаутного *j- оказывается довольно сложной и многоплановой. Тем не менее общий ход этой эволюции, благодаря исследованиям ряда отечественных и зарубежных тюркологов, достаточно хорошо выяснен. В восточной зоне тюркских языков *j представлен слабо, в центральном регионе присутствует попеременно с другими звеньями, в западной зоне j- преобладает. Такое ареально-географическое размещение j- соответствует историческому передвижению тюркских языков с востока на запад - более ранние передвижения на запад огузских языков обусловили и более архаические звенья звуковой цепи, более поздние, начиная с золотоордынской эпохи, кыпчакские передвижения занесли на запад джокающий элемент. Характерное для карачаево-балкарского языка джоканье, очевидно, свидетельствует о достаточно тесных контактах с восточнокыпчакскими языками в золотоордынский и последующий исторические периоды.

Пратюркский анлаутный j

Анлаутный палатальный плавный сонант *j- для пратюркского языка восстанавливается рядом исследователей, но эта точка зрения весьма проблематична. При реконструкции пратюркского *j- исследователи опираются в основном на данные "относительно новых тюркских языков", таких, как огузские (туркменский, турецкий, азербайджанский, гагаузский, крымско-татарский), карлукские (узбекский, уйгурский, лобнарский, саларский) и огузифицированные кыпчакские (кумыкский, караимский, северные диалекты крымско-татарского, татарский, башкирский) языки и упускают из поля зрения свидетельства наиболее архаичных и относительно свободных от иноязычных субстратных влияний тюркских языков, таких, как хакасский, шорский, тувинский, тофаларский, а также якутский и чувашский языки. Нам представляется более закономерным исходить из положения об изначальности палатального смычного *č-, а не палатального плавного сонанта *j-. Историческое развитие праязыкового *č- в современных тюркских языках нам представляется следующим образом:

- 1) пратюрк. *č- > хак., шор., тув., тоф. č-;
- 2) пратюрк. *č- > урянхай. *č- > якут. s-;
- 3) пратюрк. *č- > праалтай. *č- > алт. d'-;

4) пратюрк. *č- > чуваш. š;

5) пратюрк. *č- > раннедр.-тюрк. č- > дт. j- ~ огуз. j- ~ карлук. j-;

6) пратюрк. *č- > раннедр.-тюрк. č- - пракыпч. č- ~ огузифицированные кыпч. j-.

Закономерными рефлексам данного звука в современном карачаево-балкарском являются: č- - в стандартизированном литературном языке и в легшем в его основу карачаевском варианте, а также в говоре жителей Баксанского ущелья; ž- - в речи жителей Чегемского и Хуламо-Безенгийского ущелий; z- - в цокающем (= малкарском) диалекте балкарского языка; при этом в хуламо-безенгийском диалекте наблюдается вариация č- ~ ž- ~ z- в анлауте (Аппаев 1960: 29). Такое распределение анлаутных согласных послужило одной из основ диалектного членения карачаево-балкарского языка.

Как известно, современные тюркские языки по признаку употребления в абсолютном начале слов звуков j- и č- делятся на две группы - йокающие языки и джокающие языки. По этому характерному признаку карачаево-балкарский язык входит в группу джокающих языков и сближается с восточно-кыпчакскими, а также с татарским киргизским языками.

Джоканье в основном характерно основному, опорному диалекту карачаево-балкарского языка и базирующемуся на его основе литературному языку. В диалектах и говорах карачаево-балкарского языка выявляется варьирование инициального č- в довольно широких пределах: č- ~ č'- ~ ž- ~ z-. Этот ряд междиалектных соответствий распределяется с запада на восток в следующей последовательности: в Карачайском ущелье повсеместно распространены джокающие формы с инициальным č-; в Басханском ущелье этот звук переходит в палатализованную, мягкую аффрикату č'-; в Чегемском ущелье на месте аффрикаты регулярно выступает фрикативный ž-; в Хуламо-Безенгийском наблюдается вариация небно-губного звонкого щелевого ž- с зубным звонким щелевым z-; в Малкарском диалекте аффрикате č- основного диалекта систематически соответствует переднеязычный фрикативный свистящий звонкий z-; ср.:

карач. čaz- ~ басхан. č'az- ~ чегем. žaz- ~ холамо-безенг. čaz-/zaz-, малк. zaz- "писать";

карач. žer ~ басхан. č'er ~ чегем. žer ~ холамо-безенг. žer/zer ~ малк. zer "земля";

карач. čol ~ басхан. č'ol ~ чегем. žol ~ холамо-безенг. čol/zol ~ малк. zol "дорога";

карач. *žoge* ~ басхан. *ž'oge* ~ чегем. *žoge* ~ холамо-безенг. *žogel/zoge*, малк. *zoge* "липа";

карач. *žyl* ~ басхан. *ž'yl* ~ чегем. *žyl* ~ холамо-безенг. *žyl/zyl*, малк. *zyl* "год";

карач. *žib* ~ басхан. *ž'ib* ~ чегем. *žib* ~ холамо-безенг. *žib/zib*, малк. *zib* "нитка";

карач. *žuqa* ~ басхан. *ž'uqa* ~ чегем. *žuqa* ~ холамо-безенг. *žuqa/zuqa* ~ малк. *zuqa* "тонкий";

карач. *žuz* ~ басхан. *ž'uz* ~ чегем. *žuz* ~ холамо-безенг. *žuz/zuz* ~ малк. *zuz* "сто" и т.д.

Традиционно реконструируемому для пратюркского анлаута палатальному плавному сонанту *j- в современном карачаево-балкарском языке регулярно соответствует междialeктный ряд фонетических соответствий: карач. *ž-* ~ басхан. *ž'-* ~ чегем. *ž-* ~ холамо-безенг. *ž-/z-* ~ малк. *z-*; исключения из этого ряда соответствий сравнительно редки и объясняются, с одной стороны, позиционно-комбинаторными изменениями и, с другой - междialeктной конвергенцией; ср.:

ПТ **jar-* (< ***čar-*) "покрывать, закрывать", ср.: **θar-* "прикладывать", "покрывать" (ИЦФ, 196); дг. *jar-* "покрывать", "закрывать" (МК, III, 57, 208; QBN, 105, 238; ДТС, 235), туркм. *jar-*, аз. (диал.) *jar-* кт. *jar-*, кар. *jar-*, кумык, *jar-*, ног. *jar-*, тат. *jar-*, башк. *jar-*, уйг. *jar-*, алт. *jar-*, узб. *jar-*, кир. *žar-*, тат. (диал.) *žar-* каз. *žar-*, кк. *žar-*, алт. *d'ar-*, хак. *čar-*, саг. *čar-*, шор. *čar-*, кыз. *žar-*, тув. *sur-*, тоф. *hsy'r-*, чув. *šur-* "закрывать", "покрывать", "укрывать" ~ кб. *žar-lžab-* "закрывать", басхан. *ž'ar-*, чегем. *žar-*, холамо-безенг. *žar-/zar-*, малк. *zar-* "закрывать";

ПТ **jalqa-*, **jalɣa-* "приставлять, присоединять": ног. *jalɣa-* "присоединять", каз. *žalɣa-* "соединять", кир. *žalɣa-* "присоединять" ~ кб. *žalɣa-*, *žalɣa-*, *zalɣa-*;

ПТ **jalɑŋ* "голый": тат. *jalɑŋ* "голый", уйг. *jalɑŋ* "голый", узбек. *jalɑŋ* "голый", кир. *žalɑŋ* "голый", алт. *d'alaŋ* "голый" ~ кб. *žalan*, *žalan*, *zalan* "голый";

ПТ **jaj* "лето": дг. *jaj* "лето" (ДТС, 226), пол. *jaj* "лето" тат. *zaj* "лето", башк. *zaj* "лето", кум. *jaj* "лето", хак. *čaj* "лето", тув. *čaj* "лето", ног. *jaj* "лето" ~ кб. *žaj*, *žaj*, *zaj* "лето";

ПТ **jaɣ* "жир", "масло": дг. *jaɣ* "жир" (ДТС, 223), пол. *jaɣ* "жир" (Гр., 109), кар. *jaw* "жир", "молоко", "сало" (КРПС, 214), кум. *jaq* "масло", "жир", тур. *jaɣ* "масло", "жир" ~ кб. *žaw*, *žaw*, *zaw* "масло", "жир", "сало";

ПТ **jaδ* “расстилать”: дт. *jaj*- “расстилать”, тур. *jaj*- “расстилать”, аз. *jaj*- “расстилать”, кум. *jaj*- “расстилать”, каз. *žaj*- “расстилать”, кир. *žaj*- “расстилать”, ног. *jaj*- “расстилать”, кк. *žaj*- “расстилать”, кар. *jaj*- “расстилать”, алт. *d'aj* “расстилать”, хак. *čas*- “расстилать” ~ кб. *žaj*, *žaj*, *zaj* “расстилать”;

ПТ **jumurtqa* “яйцо”: дт. *jumurtqa*, *jumurtqa* “яйцо” (ДТС, 280), пол. *jumurtqa* “яйцо” (Гр., 129), тур. *jumurt* “яйцо”, ног. *jumyrtqa* “яйцо”, кум. *jumurtqa* “яйцо”, кар.к. *imyrta*, *jumurt*, *jumyrt*, *jumyrt*, *jumyrtka*, *jumyrtxajumertka*, *jumertka*, *umyrtka*, *jumurtxa* “яйцо”, каз. *žumyrtqa* “яйцо”, кк. *žumyrtqa* “яйцо”, сал. *jumurt*, *jumuta* “яйцо” (Тен. ССЯ 336), чув. *šamarDa* “яйцо” ~ кб. *žumurtha*, *žumurtha*, *zumurtha* “яйцо”;

ПТ **juvqa* “тонкий”: дт. *juvqa* “тонкий”, “узкий” (ДТС, 282), узб. *juvqa* “тонкий”, тур. *juka* “тонкий”, кар.к. *juvqa* “тонкий”, кир. *župqa* “тонкий”, кум. *juqqa* “тонкий”, каз. *žuqa* “тонкий”, кк. *žuqa* “тонкий” ~ кб. *žuqa*, *žuqa*, *zuqa* “тонкий” и т.п.

В ряду наблюдаемых внутри карачаево-балкарского языка междиалектных чередований *ẓ̌*- ~ *ẓ̌*- ~ *z*-, по всей вероятности, наиболее архаичной является фонема *ẓ̌*-. Переднеязычная альвеопалатальная звонкая аффриката *ẓ̌*- по своим артикуляционным характеристикам стоит наиболее близко к реконструируемой для праязыка палатальной слабой смычной **č*- или же к переднеязычной небно-зубной глухой аффрикате **č*-, предложенной в свое время в качестве пратюркского архетипа Ш.Х.Акбаевым (Акбаев 1963: 88). Следовательно, в истории карачаево-балкарского языка, очевидно, еще в общекипчакский период, произошло озвончение праязыкового авлаутного глухого **č*- и на его месте в кипчакском праязыке стала выступать звонкая переднеязычная аффриката *ẓ̌*-. В основном, опорном диалекте карачаево-балкарского языка эта фонема практически без изменений сохранилась до наших дней и лишь в говорах Басханского ущелья подверглась палатализации.

После выделения предка карачаево-балкарского языка из общекипчакского языка основы, в период самостоятельного развития в складывающихся диалектах карачаево-балкарского языка произошли дальнейшие сдвиги: в чегемском, холамо-безенгийском и малкарском говорах аффриката *ẓ̌*- потеряла смычный элемент и перешла в *ž* или *z*.

Отмеченные внутри карачаево-балкарского языка междиалектные соответствия *ẓ̌*- ~ *ẓ̌*- ~ *z*- неоднократно подвергались сравнительно-исторической интерпретации (подробнее полемику по этой проблеме см.: Акбаев 1963: 68-88; 1971: 98-101). Такое положение

вещей освобождает нас от обзора существующих точек зрения. Поэтому, не вдаваясь в историографию вопроса, ограничимся изложением своего понимания этой проблемы.

В ряду исторических междиалектных чередований $\check{z} \sim \check{z} \sim z$ особенно дискуссионным является вопрос - какая из фонем данного ряда является первичной. На наш взгляд, в данном вопросе нет особых сложностей. Если исходить из достаточно строго аргументированного постулата о сильном анлауте в пратюркском (или, в другой формулировке, из постулата о запрещенности в пратюркском языке анлаутных звонких согласных вообще), то к реконструируемому для праязыкавого состояния смычно-щелевому глухому $*\check{c}$ - наиболее близко из всех коррелятов, конечно, стоит звонкая аффриката $\check{z}$ -. Появление звонкой аффрикаты $\check{z}$ - в начальной позиции как нельзя лучше соответствует закону об общей тенденции тюркского анлаута к ослаблению (= озвончению). Процесс озвончения, по общему мнению тюркологов, имел место уже в позднепратюркский период, он охватил большинство тюркских языков (огузские, карлукские, кыпчакские), за исключением северо-восточных и, возможно, булгаро-чувакского. Таким образом, уже для общекыпчакского праязыка можно смело реконструировать в анлаутной позиции звонкую аффрикату $*\check{z}$ -. В огузированных кыпчакских языках пракыпчакский смычно-щелевой $*\check{z}$ -, в результате утраты смычки, перешел в среднеязычный звонкий щелевой j -. Тенденция к переходу смычных и особенно смычно-щелевых (= аффрикат) в щелевые (= фрикативные) также является общей закономерностью тюркских языков. В данном случае мы наблюдаем частное проявление общей закономерности ослабления анлаута, очевидно, под влиянием внешнего сандхи.

Таким образом, можно без колебаний констатировать, что представленная в современном карачаево-балкарском литературном языке в анлаутной позиции звонкая аффриката $\check{z}$ - восходит к пракыпчакскому состоянию и является самой древней в ряду междиалектных чередований.

Представленные в чегемском, холамо-безенгийском и малкарском диалектах и говорах на месте аффрикаты $\check{z}$ - щелевые $\check{z}$ - и z - являются явно вторичными, они образовались из $\check{z}$ - в результате утраты смычного элемента. Это положение наглядно прослеживается при сравнении артикуляционных характеристик данных фонем:

$\check{z}$ - переднеязычный небно-зубной звонкий смычно-щелевой согласный;

$\check{z}$ - переднеязычный небно-зубной звонкий щелевой согласный;

z - переднеязычный зубной звонкий щелевой согласный.

Таким образом, выясняется, что в диалектах и говорах карачаево-балкарского языка довольно последовательно проявляется общая для тюркских языков тенденция к утрате смычного элемента в артикуляции аффрикат. Следовательно, в ходе исторического складывания диалектов карачаево-балкарского языка старый смычно-щелевой *ʒ-*, в результате утраты смычного элемента, преобразовался в щелевой *ʒ-*.

Обратное развитие: смычный > смычно-щелевой, - невозможно, ибо оно противоречит закону экономии языковых средств. Язык развивается сообразно закону экономии произносительных усилий, от сложного к простому, более легкому для произношения.

Далее, сравнение артикуляционных характеристик пары *ʒ* (небно-зубной) и *z* (зубной) наводит на мысль о вторичном, производном характере *z* по отношению к *ʒ*. Следовательно, малкарские формы с инициальным *z-* следует считать наиболее молодыми в ряду чередования *ʒ-* > *ʒ-* > *z-*. Это положение находит подтверждение и в том факте, что в малкарском диалекте в некоторых словах сохраняется старое произношение с инициальным *ʒ-* (позиционно обусловленное?) на месте ожидаемого *z-*, ср.: кб. лит. *ʒeti* ~ малк. *ʒeti* (но не **zeti*!) "семь"; кб. лит. *ʒyʒym* ~ малк. *zyʒym* (но не **zyzym*!) "веревка"; кб. лит. *ʒylan* ~ малк. *zylan* (но не **zylan*!) "змея"; кб. лит. *ʒubran* ~ малк. *zybran* (но не *zubran*!) "суслик" и др. (Акбаев 1963: 72).

Примечательно, что наиболее архаичная форма сохранилась на западе, а по мере продвижения в восточном направлении появляются сравнительно более молодые формы. Такое географическое распределение диалектных вариантов рефлекса одного и того же звука в одной и той же позиции в составе слова, как правило, указывает на влияние иноязычного субстрата.

В специальной литературе были предприняты попытки объяснить специфические фонетические, а также иные особенности малкарского диалекта влиянием осетинского субстрата. Так, например, тонкий знаток исторического развития этнолингвистической ситуации на Северном Кавказе В.И.Абаев, между прочим, указывает: "Осетинское влияние в языке чувствовалось здесь (имеется в виду Малкарское ущелье. - А.Ч.) сильнее, чем в других ущельях. Оно сказалось не только в лексике, но и в фонетике: верхне-балкарский диалект был цокающим. Остальным балкарским говорам цоканье было чуждо, но зато оно характерно для осетинского" (Абаев 1949: 274). Далее он приводит два примера: один - иллюстрирующий цоканье (т.е. произношение *s* в малкарском диалекте на месте

литературного *č*), другой - на зоканье (т.е. произношение *z*- на месте литературного *ž*-), ср.: малк. *сит* "кизил" ~ лит. *сит*; малк. *зиур* "пестрый" ~ лит. *žiur* (Абаев 1949: 274).

Нам кажется, что для такого предположения есть все основания - как чисто фонетические, так и ареально-географические и историко-культурологические. Тем не менее, проблема алано-осетинско-балкарских языковых взаимоотношений требует более углубленного и детального исследования. Вместе с тем следует обратить внимание и на следы древнебулгарского субстрата в карачаево-балкарском языке, так как междialeктное соответствие *ž*- ~ *z*- ~ *z*- карачаево-балкарского языка напоминает аналогичное чередование **ž*- ~ **š*- ~ **z*- в древнебулгарском языке, восстанавливаемое весьма убедительно по свидетельству заимствованной из древнебулгарского лексики венгерского языка.

Пратюркский анлаутный **j*- > кб. *č*-

Традиционно реконструируемый для пратюркского состояния анлаутный палатальный плавный сонант **j*- (< ***č*-) в ограниченном количестве слов современного карачаево-балкарского языка отражается в виде переднеязычной небно-зубной глухой аффрикаты *č*-, ср.:

ПТ **japuryaq* "лист": дт. *japuryaq* "лист", "лепесток" (ДТС, 236), алт. *jalbyraq* "лист" (РАС, 278), тур. *japrak* "лист", кк. *žapuryaq* "лист" (РККС, 396), каз. *žapuryaq* "лист", кир. *žapuryaq* "лист", кум. *japuryaq* "листва" (РКС, 380), кар. hkt. *japrak, japraq, japrah* "лист" (КРПС, 229) ~ кб. *čapraq*, малк. *capraq* "лист";

ПТ **jajqa*- "качать", ср.: турк. *jajqa*- "качать, раскачивать", тур. *jajka*- "качать", каз. *žajqa*- "качать, шевелить, колебать", алт. *d'ajqa*- "колебать", шор. *čajqa*- "качать", тув. *čajja*- "качать", хак. *čajja*- "качать" ~ кб. лит. *čajqa*, малк. *cajqa* "качать";

ПТ **jyr*- "рассекать, раскалывать": каз. *žyr*-, кк. *žyr*- "рассекать", кир. *žyr*- "рассекать" ~ кб. *žyr*-, *žyr*-, *zyr*- "рассекать".

В карачаево-балкарском языке в одном производном слове начальный **j*- дает *č*, ср. *čuryaq* "нож у сохи" < (**jyr*-);

ПТ **jor*- "сворачивать", "скручивать" ~ кб. *čor*-(ge) < **jyr* + афф. *yaq* "скручивать, сворачивать".

В данном случае, очевидно, мы наблюдаем отражение прототюркского ***č*-, сохранившегося в качестве отголосков древних межъязыковых и междialeктных колебаний в ряде современных тюркских языков, в том числе и в карачаево-балкарском. По всей вероятности подобные случаи имеют весьма различное

происхождение, включая древние межъязыковые взаимные проникновения, позиционно обусловленные комбинаторные исключения из общего правила, отголоски архаической диалектной лексики и т.д. и т.п.

Пратюркский анлаутный *j- > кб. d-

В единичных словах карачаево-балкарского языка и его диалектов наблюдается нетривиальное соответствие традиционно реконструируемому для пратюркского состояния анлаутному плавному палатальному сонанту *j- (< **ċ-) переднеязычного зубного звонкого смычного d-. Данное чередование отмечено в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка в составе слова *dulduz* "звезда" при литературном *žulduz* "звезда". Не вызывает никаких сомнений, что инициальный d- в диалектном малкарском варианте *dulduz* появился в результате регрессивной ассимиляции инициального переднеязычного зубного звонкого щелевого z последующим переднеязычным зубным звонким смычным -d-. В данном случае произошел необычный переход щелевого в смычный, поэтому подобные примеры являются исключениями из общего правила, они подчиняются другому закону - закону исключения (в данном конкретном случае - закону диссимилиации).

Пратюркский анлаутный *j- > кб. Ø

В ограниченном числе слов современного карачаево-балкарского языка наблюдается выпадение анлаутного *j- (< **ċ-). Какую-нибудь общую закономерность для таких случаев вывести не удастся. Очевидно, здесь мы имеем слова и формы различного происхождения - иноязычные заимствования, междиалектные взаимоотношения, комбинаторные и позиционные чередования и т.п.

ПТ *jaqsu "хороший" ~ кб. ahsy "хороший", "хорошо";

ПТ *jaman "плохой" ~ кб. aman "плохой", "плохо";

ПТ *joŋŋary "вверх, наверх" ~ кб. oŋary "верх", "верхний".

Впервые это явление в карачаево-балкарском языке отмечено еще В.Преле (Pröhle 1909: 218).

Выпадение начального *j- встречается уже в древнетюркском языке. Спорадическое выпадение анлаутного *j- часто наблюдается в современных тюркских языках, причем особенно часто в юго-западных и юго-восточных языках и диалектах перед j, i и переднерядными гласными (Рясянен 1953: 164-165; Radloff 1883: 168; СИГТЯ 1984: 55).

Пратюркский инлаутный *-j-

Для пратюркского состояния всеми исследователями однозначно реконструируется среднеязычный плавный сонант -j- в инлаутной и аусллаутной позициях. Внутри и в конце слова палатальный плавный сонант -j- в большинстве современных тюркских языков в основном сохраняется без особых изменений. В юго-восточных и юго-западных тюркских языках, а также в чувашском отмечается лабиализация праязыкового *-j- в -w-/-v- в положении после огубленных гласных (см. Рясянен 1953: 165-166; Серебrenников, Гаджиева 1979: 55).

В карачаево-балкарском языке среднеязычный *-j- в инлауте, а также в аусллауте обладает большой устойчивостью и практически сохраняется без изменений независимо от качества окружающих гласных, ср.:

ПТ **aja* “ладонь”: дт. *aja* “ладонь” (ДТС, 25), пол. *aja* “ладонь” (Гр., 31), турк. *aja* “ладонь”, узб. *aja* “ладонь”, ног. *aja* “ладонь”, кт. *aja* “ладонь”, кум. *aja* “ладонь” ~ кб. *aja* “ладонь” (*qol ajaz*);

ПТ **aja-* “беречь”: дт. *aja-* “беречь” (ДТС, 25), пол. *aja-* “беречь” (Гр., 31), кум. *aja-* “беречь”, ног. *aja-* “беречь”, кир. *aja-* “беречь”, “жалеть”, кк. *aja-* “жалеть”, ног. *aja-* “жалеть” ~ кб. *aja-* “беречь”, “жалеть”;

ПТ **bojuŋ* (< ***poj(u)n* “шея”: алт. *tojuŋ* “шея” (РАС, 845), кум. *bojuŋ* “шея” (РКС, 1120), пол. *bojuŋ* “шея” (Гр., 63), кк. *tojuŋ* “шея”, каз. *tojuŋ* “шея”, ног. *tojuŋ* “шея” ~ кб. *bojuŋ* “шея”;

ПТ **bujuŋ-* “приказывать”: дт. *bujuŋ-* “приказывать”, “повелевать” (ДТС, 121), пол. *bujuŋ* “приказывать” (Гр., 67), тур. *bujuŋ-* “повелевать”, “приглашать”, кум. *bujuŋ-* “приказывать”, ног. *bujuŋ-* “приказывать”, каз. *bujuŋ-* “приказывать”, кк. *bujuŋ-* “приказывать” (РККС, 773) ~ кб. *bujuŋ* “приказывать”;

ПТ **ajāgū* “бок”, “ребро”: дт. *ajāgū* “бок” (ДТС, 167) ~ кб. *ijāgi* “ребро”;

ПТ **kajik* “зверь”, “дикий зверь”, “олень”, “лань”: дт. *kejik* “олень”, “лань”; зверь вообще (ДТС, 294), кум. *gijik* “дикий”, “олень” (РКС, 559), кар. thk *kijik* “дикий” (КРПС, 318) ~ кб. *kijik* “олень”;

ПТ **qaja* “скала”: дт. *qaja* “скала” (ДТС, 406), пол. *qaja* “скала” (Гр., 190), каз. *qaja*, кар.th. *kaja* “скала”, “утес” (КРПС, 282) ~ кб. *qaja* “скала” и т.п.

Пратюркский аусллаутный *-j

В пратюркском языке в абсолютном конце слова палатальный плавный сонант *-j был довольно обычным звуком. Как и

большинство сонантов в ауслатной позиции, праязыковой среднеязычной щелевой **j* в истории тюркских языков в ауслатной позиции сохранился в основном без кардинальных изменений. В юго-восточной и юго-западной группах тюркских языков отмечается позиционная лабиализация праязыкового средненебного плавного сонанта *-j* после губных гласных и переход его в билабиальный *-w*.

В карачаево-балкарском языке и в его диалектах пратюркский средненебный плавный фрикативный **j* сохраняется практически без изменений, ср.:

ПТ **aĵ* “луна, месяц”: дт. *aĵ* “луна, месяц” (ДТС, 25), пол. *aĵ* “луна” (Гр., 30), турк. *aĵ* “луна”, кум. *aĵ* “луна”, каз. *aĵ* “луна”, кк. *aĵ* “луна”, ног. *aĵ* “луна”, кар. *aĵ* “луна” ~ кб. *aĵ* “луна, месяц”;

ПТ **aĵ*- “говорить”: дт. *aĵ*- “говорить” (ДТС, 25), аз. *aĵ*- “говорить”, уйгур. *aĵ*- “говорить” ~ кб. *aĵtt* “говорить, рассказывать”;

ПТ **qaj*- “поворачиваться, возвращаться”: дт. *qaj*-(*yt*) “свернуться” (ДТС, 407), *qaj*- “поворачиваться, оборачиваться” (ДТС, 406), пол.*qaj*-*t* “поворачиваться” (Гр., 190), кар. *qaj*-(*tys*) “возвращение” (КРПС, 359), кум. *qaj*-(*taryw*) “возврат” (РКС, 96) ~ кб. *qaj*-(*yt*) “возвращаться”;

ПТ *kaj*- “гореть”: дт. *kaj*- “гореть” (ДТС, 312), пол. *kij*-(*dur*) “гореть” (Гр., 158), кар. *kij*- “гореть”, кум. *gij*- “гореть” (РКС, 157), каз. *kij*- “гореть”, кк. *kij*- “гореть” ~ кб. *kij*- “гореть”;

ПТ **oj*- “долбить”: дт. *oj* “яма”, пол. *oj*- “долбить” (Гр., 175) ~ кб. *oj*- “долбить”, “разрушать”;

ПТ **jaĵ* “лето”: дт. *jaĵ* “лето” (ДТС, 226), пол. *jaĵ* “лето” тат. *žaj* “лето”, ног. *jaĵ* “лето”, кум. *jaĵ* “лето” ~ кб. *žaj*, *žaj*, *zaj* “лето”;

ПТ **toj* “свадьба, пир”: дт. *toj* “пир, пиршество” (ДТС, 572), пол. *toj* “свадьба, пир”, каз. *toj* “пир” тат. *tuĵ* “свадьба, пир”, кум. *toj* “пир, свадьба” ~ кб. *toj* “свадьба”.

Сонанты

Пратюркский **m*

Билабиальный носовой смычный сонант **m*, употребляющийся в современных тюркских языках во всех позициях в слове, проецируется на праязыковую древность с некоторыми позиционными ограничениями. Большинство тюркологов считает, что для начала слова в пратюркском языке сонант **m* был нехарактерен или малохарактерен. Так, например, М.Рясянен довольно категорически отмечает, что “в пратюркском языке звук *m*-, как и другие носовые и плавные, в начале слова почти не встречался. Единственное употреблявшееся в

древнетюркских надписях исконно тюркское слово, которое начинается на *m-*, *men* “я”, по всей вероятности, возникло по ассимиляции из *bān* (как, например, в уйгурском языке)” (Рясянен 1955: 181). Что это действительно так, красноречиво свидетельствуют данные чувашского языка.

В современном чувашском языке личное местоимение 1-го лица представлено в форме *εβə* “я”, оно является сложным образованием и состоит из дейктического элемента *ε* (< чув. *a*, ср. *a-kə*, *a-vā* < **ā*) и собственно местоимения *pe* (< **bi*), но склоняемая основа этого местоимения представлена в форме *man* (< **bi* “я” + аффикс *-ān* > тюрк. *bān* > *mān*). Прибавление к корневому элементу аффикса, содержащего носовой сонант, вызвало ассимилятивное развитие **b-* > *m-*.

Аналогичное развитие наблюдается и в тюркских языках в форме множественного числа личного местоимения 1-го лица, ср.: *bān* ~ *man* “я”, но *biz* “мы” (< **bi* “я” + *iz* - аффикс множественности лица) ~ чув. *εBir* “мы” (< **a* - дейксис + *bi* “я” + *ir* - аффикс множественности лица). Приведенные соответствия явно указывают на вторичный характер форм с начальным *m-*, а также на его ассимилятивное происхождение под влиянием последующего носового *n* в склоняемой основе. Кстати, во всех тюркских языках, за исключением чувашского, первоначальная или основная форма личных местоимений 1-го и 2-го лица **bi* “я” и **si* “ты” вытеснены соответствующими явно вторичными склоняемыми основами **bān* ~ *mān* “я” и *sān* “ты”.

Авторы “Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков” (СИГТЯ 1984) пытаются оспорить это положение М.Рясянена и приводят еще несколько слов с начальным *m-*, ср.: *ma-/mā-* “возьми” (~ чув. *me-*); *maγ* “хвала” (~ чув. *mux-ta-* “хвалить” ← монг.); *mal* “скот” (~ чув. *mul* “богатство”), *tami* “женщина”; *man-/mal-* “окунуть” (< **bal-*, ср. чув. *puš-* “макать” < **balč-*), *man* / *maγ* “шаг” (< **baγ-*), *meji* “мозг”. (< **bajin*), которые, по их мнению, широко распространены в современных тюркских языках, а также в памятниках на тюркских языках. Однако во всех этих и подобных случаях следует подробно разобраться с каждым конкретным словом и установить, во-первых, его исконный характер и, во-вторых - первичность анялаутного сонанта *m-*. Из приведенных примеров только *ma-/mā-* “возьми” претендует на первичный *m-*, но исконность этого слова требует доказательств. Остальные случаи все вызывают сомнение.

Поэтому мы придерживаемся установившегося в тюркологии мнения о том, что "в тюркском праязыке в начале слова *m* не употреблялся" (Серебренников, Гаджиева 1979: 67).

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах "фонема *m* не имеет никакой фонетической и морфологической ограниченности и встречается во всех позициях" (ГКБЯ 1976: 55; Акбаев 1963: 64; Гузеев 1980: 77; КъМТГ 1966; Хабичев, 1966). Однако это положение является инновацией для тюркского анлаута, т.к. тюркский праязык не допускал начального **m*-. В других позициях он мог встречаться без особых ограничений (Щербак 1970: 82-83; Рясянен 1955: 181; Щербак 1961: 49; Серебренников, Гаджиева 1986: 67).

В тюркологии принято считать, что анлаутный *m*- в современных, средневековых и древних тюркских языках возник из билабиальных как следствие диссимилятивных воздействий последующих носовых (Рясянен 1955: 147; Дмитриев 1955: 271; Севортян 1955: 124; Махмутова 1969: 620; Гарипов 1979: 84; Щербак 1970: 83). Исходя из невозможности анлаутных носовых в праязыке, А.М.Щербак пишет, что "попытка восстановить общетюркский начальный **m* в словах, имеющих в анлауте соответствующий согласный (при отсутствии других носовых), не вполне удачна" (Щербак 1970: 83), несмотря на отсутствие последующих носовых в словах *miz* "острие", *muz* "лед", *mozaj* "теленки", *mujuq* "усы", *mada* "клевер", *matyr* "герой", *malty* "топор", *malčax* "грязь", *muzak* "высокий", *morsyx* "барсук" (Щербак 1970: 83).

Таким образом, в современных тюркских языках анлаутный *m*- носит явно вторичный характер.

Анлаутный кб. *m*-

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах анлаутный *m*- представлен достаточно широко. Однако углубленный историко-этимологический анализ показывает, что билабиальный смычный носовой сонант *m*- в абсолютном начале слов для карачаево-балкарского языка, как и для многих тюркских языков, является относительно поздней инновацией. В одних случаях его возникновение объясняется дистантной ассимиляцией последующих сонорных - в первую очередь - носовых, а также и других среднеязычных смычных звонких согласных, анлаутного **b*-, развившегося, в свою очередь, из праязыкового глухого смычного **p*-. Дело в том, что при произношении среднеязычных смычных и щелевых согласных полость рта сужается или же образуется смычка между средней частью языка и небом. Таким образом частично или

полностью закрывается путь для протока воздуха через ротовую полость, вследствие чего часть потока воздуха устремляется в носовую полость, что и вызывает назализацию.

При произношении слов с анлаутными губными смычными *p-/b-* образуется губная смычка и часть воздуха задерживается в ротовой полости, что мешает в дальнейшем произношении последующих среднеязычных смычных и щелевых. Для образования смычки или щели необходимо устранить излишний воздух из ротовой полости, но речевой аппарат изготавливается к произношению смычного и, естественно, излишний воздух уходит через носовую полость. Таким образом, уже при произношении начального *p-/b-* часть воздуха устремляется в носовую полость, и, следовательно, происходит назализация анлаутного *b-*. Наиболее последовательно этот процесс происходит в положении перед последующими носовыми согласными, т.к. для их произношения необходима небная смычка. Вслед за носовыми достаточно сильной назализационной активностью обладают среднеязычные смычные и в меньшей степени - щелевые.

Начальный *m-* в исконно тюркских словах современного карачаево-балкарского языка в подавляющем большинстве случаев восходит к праязыковому **p-*, подвергнувшегося озвончению в позднепратюркский и последующий периоды. Билабиальный назальный смычно-проходной сонорный *m-*, очевидно, не мог образоваться непосредственно из билабиального глухого смычного **p-*, его следует выводить через промежуточную ступень билабиального звонкого смычного **b-*. Таким образом выясняется определенная хронологическая последовательность развития билабиальных звуков в тюркском анлауте: глухой **p-* > [озвончение] > звонкий **b-* > [назализация] > назальный сонант *m-*.

Озвончение анлаутного **p-* интенсивно происходило в позднепратюркский период, начало позиционной назализации, очевидно, следует датировать раннедревнетюркской эпохой, однако процесс этот в разных тюркских языках с различной интенсивностью продолжался вплоть до новейшего времени. Очевидно, что катализатором процесса назализации послужили многочисленные иноязычные заимствования с начальным *m-*, постепенно устранившие запрет на анлаутный сонант *m-*.

После распада тюркского праязыка, в период самостоятельной жизни отдельных тюркских языков происходили встречные фонетические процессы как назализации начального *b-*, так и деназализации начального *m-* иноязычных заимствований, что вполне закономерно и

отражает естественный процесс постепенного привыкания тюркских языков к анлаутному *m*-.

В карачаево-балкарском языке можно выделить следующие обусловленные позиционно случаи развития анлаутного **b-* > *m*-ассимиляционного происхождения, ср.:

1) перед последующими назальными сонантами:

а) перед последующим переднеязычным зубным носовым смычно-проходным сонантом *n*:

ПТ **bān* “я” < **rān* “я” (ЩФ, 195): дт. *bān*, *mān*, пол. *men* (Гр., 163), Хоутсма *men* (Курышжанов 1970, 1971), АбуХ., АФ, Ибн.М., Тз., БМ, ЕФ, *Ng men* (Курышжанов 1970, 171), тур., *ben*, кт. *ben/men*, алт. *men*, каз. *men*, кк. *men*, тат., башк. *min*, кар. *men* (КРПС, 415), кум. *men*, чув. *man*- склоняемая основа (< **bi-an*), *εBā* “я” (**ā* - дейксис + **bi* “я”) ~ кб. *men* “я”;

ПТ **bīn-* “садиться верхом” < **rīn-* (ЩФ, 195): дт. *bin-/min-/mun-* “садиться верхом” (ДТС, 100-101, 344, 353), тур., аз., крым. *bin-*, ср.-тюрк. *min-*, чаг. *min-*, якут. *min-* туркм., хак., леб. *min-*, сой. *min-*, *min-* ~ кб. *min-* “влезать”, “забираться”, “подниматься”, “садиться верхом”, “ехать”;

б) перед последующим заднеязычным носовым смычно-проходным сонантом *ŋ*:

ПТ **biŋ* “тысяча” (RäsEW, 76); ПТ **ruŋ* “тысяча” (ЩФ, 195); ПТ **biŋ* “тысяча” (Мудрак, 81, 174): дт. *bin*, *bun*, *min*, *minn*, *ming* “тысяча” (ДТС, 101, 106, 344-345), тур. *bin*, крым. *bin*, кир. *mun*, чаг., вост.-тюрк., тар. *min*, якут., сой. *min*, чув. *pin* ~ кб. *min* “тысяча”;

ПТ **boŋuz* “рог” < **roŋuz* “рог”; туркм. *bujnuz*, тур. *bojnuz*, *bujnuz*, аз. *bujnuz*, гаг. *bojnuz*, *bujnuz*, кт. *bojnuz*, *būjüz*; чаг. *bunuz*, дт. *tiŋuz*, *miniz*, *münüz*, *mījüz*, узб. *mugiz*, *muguz*, уйг. *mūŋüz*, диал. *minguz*, лобн. *mügüs*, *mījüs*, *müs*, с.-юг. *moŋus*, сал. *moŋus*, *moŋas*, *tiŋas*, хак. *mūs*, тув. *myjys*, тоф. *mis*, *mūs*, якут. *müös*, *muos*, *mojuos*, алт. *mūs*, кир. *mījüz*, *müz*, *pūs*, каз. *mījüz*, кк. *mījüz* ног. *mījüz*, кар. *mūŋüz*, *müvüz*, *miviz*, тат. *mügüz*, башк. *mügüd*, чув. *mājêr(aGa)* ~ кб. *mījüz* “рог”;

ПТ **biŋ* “печаль”, “грусть” < **riŋ* “печаль, грусть” (ЩФ, 196): дт. *biŋ*, *tiŋ*, *biŋaŋ*, *tuŋ* “печаль”, “скорбь”, “страдание”, “тягость”, “забота”; *biŋad-*, *biŋaδ-*, *tiŋŋad-* “огорчаться, печалиться, быть озабоченным” (ДТС, 154) ~ кб. *tiŋŋaj-* “обижаться, дуться”;

ПТ **pajni* “мозг”, ср.: **be[ŋ]i* “мозг” (Мудрак, 91, 173): дт. *māŋi*, *māji*, туркм. *bejni*, *rejni*, тур. *bejin*, *bejni*, аз. *bejin*, чаг. *mijā*, узб. *mijā*, уйг. *māŋi*, *mājā*, *mini*, лобн. *meġā*, сал. *menze*, *meġes*, хак. *mis*, *mī*, саг., койб. *mī*, шор. *mis*, *mē*, тув. *mē*, тоф. *m'ē*, якут. *mejī*, алт. *mē*, леб. *pā*, кач.

pā/pe, кир. *mā*, каз. *tuĭ*, *mij*, кк. *mij*, ног. *туј*, кум. *mij*, кар. *mij*, тат. *mi*, *maj*, башк. *miji*, чув. *mitə*, *vitə*, *nitə*, *nite*, *vite* ~ кб. *тују*, малк. *mijis* “мозг”;

ПТ **bujɣuʃ* “угол”: чаг. *mijūʃ*, узб. *mujuʃ*, чаг. *muɣuʃ*, *muʃ*, кум. *mijūʃ*, тоб., бар. *mijūʃ*, кар.т. *mijuʃ*, *mujuʃ*, *muviʃ*, каз. *mijūʃ*, тоб. *muʃ*, тар. *mūšā*, як. *muɣnuq*, *muɣnuq* (< **muɣl-uq*) “угол” ~ кб. *mijūʃ*, *mūɣuʃ* “угол”;

в) перед последующим билабиальным носовым смычно-проходным сонорным *m*:

ПТ **rambiq* “хлопок”: дт. *ратиқ* “хлопок” (МК, I, 380; ДТС, 396); чаг., вост.-тюрк., кум. *татиқ*, чаг. *татиу*, тат. *tatiq*, каз. *татуқ*, сал. *татх*, чув. *тамăк* (← тат.), тур., крым. *ратиқ*, аз. *ратбух*, тур. *rambiq* “хлопок”, “хлопчатая бумага”, ср. рус. *бумага* (← перс. *rambe*) ~ кб. *татиқ* “хлопок”, “вата”;

2) перед последующими щелевыми согласными:

а) перед последующим звонким зубным переднеязычным щелевым *z*; ср.:

ПТ **biz* “шило”: тур., туркм., аз., крым., коман., каз. *biz* “шило” (Р, IV, 1784), тар. *bis* “острие”, тел. алт., бар. *pis* “острие (ножа)”, бар. саг., койб. *pis* “шило”, тел., куманд. *mis*, кк., ног. *biz*, кар. *biz*, кум. *biz*, тат. *biz*, башк. *bið* ~ кб. *miz* “шило”, балк. *biz* “шило”;

б) перед последующим среднеязычным звонким щелевым *j* (< пратюрк. **d*):

ПТ **bādük* “высокий”: дт. *bādük*, *hādük* “большой” (ДТС, 91), туркм. *bejik*, тур. *būjuk*, *bojuk*, аз. *bojuk*, гаг. *būdök*, кт. *būjuk*, узб. *bujuk*, уйг. *būjuk*, с.-юг. *perik*, *pezik*, *pejik*, сал. *pexi*, *peðxe*, *pīxiī*, хак. *pōzik*, койб. *būzük*, саг. *mūzik*, чулым. *pōðzük*, тув. *pedik*, тоф. *bedek*, *bōsük*, алт. *pījik*, кир. *bijik*, каз. *bijik*, кк., ног. *bijik*, кум. *bijik*, кар. *bujuk*, *bijik*, тат., башк. *būjuk*, *bijik* ~ кб. *bijik*, карач. *mijik* “высокий”;

ПТ **bydyq* “усы”: дт. *будуқ* “усы” (МК, 190; ДТС, 105), ср.-тюрк. *будуқ*, якут. *bytyq* “усы”, “борода”, тур., аз., крым. *бујуқ*, аз. *буду*, крым., тат., тел. *тујуқ*, тат. *тујуқ*, тел. *miłk*, чув. *mājāx* (← тат.) ~ кб. *тујуқ* “усы”;

в) перед последующей переднеязычной глухой аффрикатой *č*; ср.:

ПТ **buč-* “резать, кроить” < **руč-* “резать”, “кроить” (ЩФ, 195): дт. *буč-lbič* “резать”, “рубить”, “косить”; *буčaq/lbičak* “нож”, *буčru* “приспособление для резания, нож” (ДТС, 104-105) ~ кб. *буčху* (балк.), *мусху* (карач.) “пила”.

Следующим источником анлаутного *m*- в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, являются заимствования с инициальным *m*- из иносистемных различных языков.

1. Арабские заимствования: *мазаллы, Мажид, магъадан, мыскал, масхара, мал, Малик, Магъана, Мансур, машаллах, меджилис, мажюси, мадар, медет, межам, мелек, маржан, межгит, мыскал, Меулют, Майдан, Мазар, Мисир, миллет, мим* (буква араб. алф.), *Мирадж, Мискин, Мугъалим, Мухаджир, Мухадис, Мухтар, Мыпафькь, Мурат, Мубарек, муфтий, мутлу* (кб. *умутлу*), *мюлк, мюлтежи, мизам* (карач.), *магърип, молла, мужра* (<*miʒraq*>), *мытыр* (<*mu'attal*>), *misqal* > кб. *мискал, минара* и т.д.

2. Персидские заимствования: *маймул, масть, мыга, мант, мырды, мура, марда, мес, Мор, мурку, Мукур, Муснаман* (<Муслим) ~ кб. *муслиман. маѣ, мурдар* и т.д.

3. Русские заимствования: *магистр, магазин, мазма, магнезия, магнит, магний, мажор, маладес, монах, манатис* (манифест), *маникюр, марка, марийли, маркизет, марксизм, март, мартен, мартишка, мастика, масштаб, мат, металл, материк, машина, машок, медианы* (мат.), *местком, метан, метатеза, метафора, метил, метрополия, механизм, миллион, мина, министр, миномет, монастырь, монарх, мотор, мотоцикл, музыка, мясокомбинат, мятежчи, монархист, макарон, манка* и др.

Пратюркский инлаутный *-m-

В пратюркском языке достаточно широко был представлен инлаутный билабиальный смычно-проходной носовой сонант *-m-, который употреблялся практически без каких-либо специфических позиционно-комбинаторных ограничений, но чаще всего в интервокальном положении. В середине слова сонант *-m- оказывался в достаточно сильной позиции, поэтому мало подвержен изменению и выпадению и в современных тюркских языках сохранился без особых изменений (Рясянен 1955: 181; Серебренников, Гаджиева 1986: 67; СИГТЯ 1984: 317).

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах пратюркский инлаутный -m- в интервокальном положении, как правило, сохраняется без изменений; в этом отношении карачаево-балкарский язык сближается с большинством современных тюркских языков, ср.:

ПТ **kämür*- "глодать": дт. *kemür*- (ДТС, 297), пол. *kemir* (Гр., 137), кум. *gemirmek* (ЗКС, 166), ног. *kemir*- (НРС, 160), алт. *kemir*- (РАС, 119),

каз. *kemir-* (ЗКС, 171), кк. *kemir-* (РККС, 172), кар. t. *kemir-* (КРПС, 303) ~ кб. *kemir-* “глодать”;

ПТ **samiz* “жирный”: дт. *semiz* (ДТС, 495), пол. *semiz* (Гр., 216), Тз. Ибн. М., АФ. *semiz*; Абу Х. *semuz* (Курышжанов 1970, 187), алт. *semis* (РАС, 161), каз. *semiz* (РКС I, 222), кк. *semiz* (РККС, 224), ног. *semiz* (НРС, 294), кар. *semiz* (КРПС, 470), кум. *semiz* (РКС, 214), кт. *semiz* ~ кб. *semiz* “жирный”;

ПТ **jumurtka* “яйцо”: дт. *jumurtqa* / *jumurqa* (ДТС, 280), пол. *jumurtqa* (Гр., 129), Хоутсма *jumurda* (Курышжанов, 1970, 133), АФ, Ибн. М., *jumurta* (Курашжанов, 1970, 133), каз. *zumyrtka* (РКС II, 554), кум. *jumyrtka* (РКС, 1141), алт. *jumyrka* (РАС, 862), кар.к. *jumurta* (КРПС, 258) ~ кб. *zumurtxa*~*zumurtxa* “яйцо”;

ПТ **qamyš* “камыш”: дт. *qamyš* (ДТС, 415), пол. *qamyš/xamyš* (Гр., 192), алт. *qamyš* (РАС, 237), каз. *qamys* (ОКС, I, 322), ног. *qamys*, кк. *qamys*, кум. *qamiš* (РКС, 322), кар. h. *kamiš*, кар.к. *qamiš*, *kamyš* (КРПС, 288) ~ кб. *qamiš* “камыш”;

ПТ **tamyr* “корень”: дт. *tamyr* (ДТС, 530), пол. *tamar* (Гр., 233), алт. *tamyr* (РАС, 47), каз. *tamyr*, кк. *tamyr*, ног. *tamyr*, кар. thk. *tamur* (КРПС, 510), кум. *tamur* (РКС, 352) ~ кб. *tamyr* “корень” и др.

Пратюркский инлаутный *-m- > кб. -b-

В единичных случаях пратюркский инлаутный *-m- в карачаевском отражается как губно-губной звонкий смычный -b-, т.е. подвергается деназализации, ср.:

ПТ **tuman* “туман”: дт. *tuman* “туман”; “мгла”, “мрак” (ДТС, 585), туркм., тур. *duman*, леб., саг., койб. *tuban*, чаг., вост.-тюрк., алт., тел., кюзр., бар., кир., каз., тар., тоб., кар. lt., коман. *tuman*, пол. *tuman* (Гр., 253), Хоутсма, МК, Абух, Тз., БМ, *tuman* (Курышшжанов, 1970, 205), алт. *tuman* (РАС, 769), ног. *tuman* (НРСл., 365), кк. *tuman*, кум. *tuman* (РКСл., 1033), кар. *tuman* (КРПС, 546) ~ кб. *tuman*, но карач. *tuban* “туман”, “завеса”, “пелена”, “мгла”.

Вполне допустимо, что в карачаевском варианте сохранилась, как и в ряде северо-восточных языков (ср. хак. *tuban*) более архаическая форма и для пратюркского состояния следует реконструировать архетип **tuban*, как интервокальный *-b- в позиции перед последующим назальным смычно-проходным сонорным очень рано мог назализоваться и развиваться в сонант -m-. Однако это предположение требует дальнейшей верификации путем углубленного изучения историко-этимологических связей данного слова. Тем не менее, учитывая отсутствие комбинаторно-позиционных фонети-

ческих условий для развития *-m- > -b-*, есть все основания отнести чередование *-m- ~ -b-* к праязыковому состоянию.

В инлаутном положении чередование *-m- ~ -b-* встречается не так уж редко, оно зафиксировано, в частности, в диалектах турецкого, алтайского, тувинского, казахского языков (Рясянен 1955: 189; Севортян 1985: 124; Баскаков 1958: 71; СИГТЯ 1984: 318).

По мнению К.М.Мусаева, "все это по-видимому, говорит о том, что первоначально не было фонологического противопоставления *m ~ b*. В середине слова эти звуки не имели фонологического значения, как это отмечается в современных языках" (СИГТЯ 1984: 319).

Нам представляется, что соответствие *b ~ m* как в начале, так и в других положениях, скорее всего свидетельствует об отсутствии какой-либо строго установившейся закономерности в употреблении этих звуков, т.е. о спорадичности этого явления.

Пратюркский инлаутный **-m- > кб. -n-*

Иногда инлаутный **-m-* в карачаево-балкарском языке отражается как *-n*, т.е. теряет губно-губной признак. Такое явление наблюдается главным образом в тех случаях, когда за *-m-* непосредственно следует переднеязычный зубной звонкий смычный *d*. Это позиционное изменение вызвано артикуляционными особенностями зубного смычного *d*, под влиянием которого губно-губной носовой сонант *-m* переходит в зубной сонант *-n*, ср. ПТ **ām* "теперь", "сейчас" дг. *am*, *ām* "теперь" (МалПМК, 90; ДТС, 172 *emdi*), хак., тув., ат., кир., алт., тел., куманд., шор., леб. *ām*, тур. диал. *im* "сейчас"; тур. *imdi*, дг. *emti*, *āmtu*, *imdi*, алт., уйг. диал. *āmdi*, лобн. *āmde*, алт., тув. *amdy*, но туркм., аз., чаг., *indi*, кт., кар., кум., кир., ног., кк., узб. уйг. *endi*, *āndi*, чув. *ənDə ~ кб. āndi* "теперь, ныне".

Пратюркский ауслатный **-m*

В пратюркском языке в абсолютном конце слова довольно часто встречается билабиальный смычно-проходной носовой сонант **-m*. В тюркских языках ауслатный **-m* обладает устойчивостью и практически не подвергается ассимилятивным изменениям.

Пратюркский ауслатный **-m* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах сохранился до наших дней, ср.:

ПТ **ām* "лекарство" (ЩФ, 194): дг. *am* "лечебное средство, лекарство" (ДТС, 171; МК, I, 95), туркм. *ām*, тур., кум., кир., каз., ног., узб., алт., тув., як. *ām*, с.-юг. *jām*, каз. *iām*, тат., башк., хак., чув. *im ~ кб. ām* "снадобье";

ПТ **ām*- “сосать” (ЩФ, 194); ПТ **em*- “сосать” (Мудрак, 95, 164): дт. *ām*- “сосать” (МК, I, 169; ДТС, 172), туркм., тур., кт., кар., кум., кир., каз., ног., кк., узб., уйг., алт., хак., тув., якут. *ām*-, гаг. *iām*-, каз. *iām*-, тур.д. *ōm*-, кар.т. *ōm*-, тат., башк. *im*-, шор., леб. *ap*-, чув. *эм*- “сосать” ~ кб. *ām*- “сосать”;

ПТ **ċim* “кизил”, “ягода”: кум. *ċim* “кизил”, *ġaram ċim*, туркм. *ċim* “кизил”; др.-булг. **ġom* (→ венг. *som* ‘cognus mas’) ~ кб. *ċim* “кизил”;

ПТ **jum*- “закрывать, зажмуривать (глаза); ПТ **θum*- (ЩФ, 197): дт. *jum*- “закрывать, зажмуривать” (МК, III, 64; ДТС, 279), *jūm*- (МК, III, 64), туркм., тур., гаг., аз., кар., кум., ног., узб., уйг., с.-юг., сал., лобн. *jum*-, туркм.д. *jum*-, халадж. *jim*-, кир. *žum*-, каз., кк. *žum*-, алт. *d’um*- тат., *jum*-, *jom*-, як. *sim*-, чув. *jām*- (← тат.) ~ кб. *žum*-, *žum*-, *zum*- “закрывать”, “зажмуривать”;

ПТ **kim* “кто” (ЩФ, 195): дт. *kim* (МК, I, 353; QBN, 34; ДТС, 307), тур. *kim*, каз. *kim*, кк. *kim*, кум. *kim*, ног. *kim*, кар. *kim* ~ кб. *kim* “кто”;

ПТ **astlam* “прибыль”: кир., каз., алт., *astam* (*aslam*), кк., кум. *aslam*, чув. *uslam* ~ кб. *aslam* “больше”, “свыше”, “много”;

ПТ **jüzüm* “виноград”: дт. *üzüm* (ДТС, 631), туркм., тур., аз., уйг., лобн., к.тыт., чаг. *üzüm*, узб. *üzüm*, кар.г. *izim*, с.-юг. *üčüm*, *öčüm*, *özüm*, гаг. *jüzüm*, кт., кар., кум. *jüzüm*, кар., ног. *jüzim*, каз. *žüzim*, тат. *jüzim*, *üzim*, башк. *jüdim*, чув. *izəm*, *jəžəm* ~ кб. *žüzüm*, *žüzüm*, *züzüm* “виноград”;

ПТ **jaðrym* “половина”: дт. *jarym*, туркм., сал. *jarym*, тур., гаг., аз., кар., кум., ног. *jarym*, кир., с.-юг. *žarym*, алт. *d’arym*, хак. *čarym*, лобн. *jaim*, тат., башк. *jarym*, чув. *surma*, *surā* ~ кб. *žarym*, *žarym*, *zarym* “половина”;

ПТ **jālim* “клей”: дт. *jālim*, туркм., ног., узб., уйг., лобн., алт., тел., чаг., койб., кач. *jālim*, тур., уйг. *jilim*, с.-юг. *jilyum*, алт. *d’elim*, шор. *čālim*, тат. *žilim*, башк. *jilim*, чув. *šiləm* ~ кб. *žālim*, *žālim*, *zālim*, ср. тж. *jelim* (Шаум., 78) “клей” и т.д.

Следует отметить, что исконно тюркских корневых слов с ауслаутным *-m* в современном карачаево-балкарском языке сравнительно мало. В большинстве двусложных и многосложных основ финальный *-m* выступает в составе аффикса, ср.: кб. *ċudam* (< **cyt*- “терпеть” + *-ām*) “терпение”; *ölċām* (< *ölüč*- “мерить” + *-ām*) “мера”, “доля”; *ölüm* (< **öl*- “умирать” + *-ām*) “смерть”; *žawum* “атмосферные осадки” (< *žaw*- “идти, падать” (об атмосферных асадках) + *-um*) и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском, конец слова является для *-m* самой сильной позицией.

Пратюркский **n*

В пратюркском языке переднеязычный плавный сонорный согласный **n* не был экзотическим звуком, но имел позиционные ограничения. Как и большинство сонорных согласных, **n* в абсолютном начале слова был практически под запретом. В инлаутной и ауслатной позициях в праязыке носовой сонант **n* употреблялся практически без ограничений.

В современных тюркских языках назальный сонант **n* употребляется во всех позициях: в начале, середине и конце слова. Однако в абсолютном начале слова сонант **n* в древних и современных тюркских языках употребляется главным образом в составе слов, заимствованных из иносистемных языков. Обычно как на единственное исконное тюркское слово с анлаутным **n*-исследователи указывают на вопросительное местоимение **nā* "что" и его производные, однако исконная праязыковая форма данного слова и этимология еще не установлены (Рясянен 1955: 176; Щербак 1962: 86; Севортян 1955: 65; Садвакасов 1970: 44; Кононов 1960: 33; Басакаев 1952, II: 63; СИГТЯ 1984: 323; Тенишев 1976: 54 и др.).

Фонема *n* в исследованиях по фонетике и фонологии тюркских языков характеризуется как переднеязычный верхне-губной носовой смычно-щелевой сонорный согласный.

Анлаутный **n*-

Все исследователи единодушно полагают, что в пратюркском языке переднеязычный плавный сонант **n*- в абсолютном начале слова не употреблялся. Действительно, в известных древних и новых тюркских языках носовой сонант **n*- в анлауте исконных слов практически не встречается, если не считать случаев вторичного *n*-, развившегося в некоторых языках в результате диссимилиации.

Вместе с тем следует напомнить, что для праалтайского состояния компаративисты уверенно реконструируют анлаутный **n*- (Ramstedt 1915: 16, 66; Porre 1960: 36-38; Старостин 1991: 19-21; Ramstedt 1957: 73-78), однако еще М.Рясянен полагал, что данный звук в указанной позиции в тюркских языках превратился в *j*- (Рясянен 1955: 176). Н.Н.Поппе считает, что анлаутный праалтайский **n*- в раннепратюркском еще отражается как **n*-, в позднепратюркском

переходит в *j- и в древнетюркском отражается как j- (Рорре 1960: 36-38).

В ряде тюркских языков наблюдается обратная тенденция к назализации инициального *j- под влиянием последующих носовых согласных -n, -ŋ, m (СИГТЯ 1984: 299-303).

Анализ фактического материала наглядно показывает, что нет оснований реконструировать для пратюркского состояния инициального носового плавного сонанта *n.

В современном карачаево-балкарском языке инициальный n- является сравнительно частым звуком, однако, как и в большинстве современных тюркских языков, слова с начальным n-, как правило, являются относительно поздними заимствованиями из иносистемных языков.

подавляющее большинство слов с анлаутным n- в современном карачаево-балкарском языке относится к разряду заимствований из русского языка, включая и опосредованные русским так называемые "интернациональные" заимствования, ср.: *набор, набросок, навигация, наган, нагрузка, надзиратель, надзор, надомник, надомница, надстройка, наждак, наказ, наклейка, наконечник, налог, наместник, нарком, нарышка (нарочный), наследник, наставник, настой, натуралист, нацизм, недоимка, нейрон, некролог, нектар, негр, негатив, невропатолог, нейтрон, нефрит, немец, неологизм, новелла, нигилизм, ноль, номер, норд, норма, нота, нотация, нотариус, носилка, ноябрь, номенклатура, номинал* и др.

Другая группа лексики с начальным носовым сонантом n- проникла в карачаево-балкарский язык, начиная с конца XVIII - начала XIX веков в связи с распространением ислама из арабского и персидского языков. К этому пласту лексики относятся следующие слова: *nalat* < *la'nat* "проклятие", *niyet* < *niyyat* "намерение", "решение", "план", "цель", *naip* "представитель", *naquš* "узор", "вышивка", "разрисовка", *nal* "подкова", *namus* "уважение", "честь", "достоинство", *nasihat* "наставление", "совет", *nasup* "доля", "участь", "судьба", "удел", "счастье", *naz* "кокетство", "жеманство", "каприз", *nazmi* "стих", *Nazir* - имя собств., *nikaх* "брак", "бракосочетание", *nizam* "порядок", "устройство", *nur* "свет", "сияние", "луч"; *nanuq* "земляника", *nuuṣ* "место сбора для совета" (< осет. *пухас* "беседа"), *nazu* "сосна", "ель" (< осет. *næzi* / *næzy* "сосна", *nazi* "ель") и т.д.

В современном карачаево-балкарском языке выявляется небольшой пласт лексики с начальным n-, восходящий к местному дотюркскому субстрату, напр.: *nart* "нарт", "богатырь" (< осет. *nartæ* "нарт"); *nartux* "кукуруза" (< осет. *nartxor*); *naɣuzur* "щеголь", "франт",

“стиляга”; *naz* “пихта” (< осет. *næzi* “сосна”), *naltak* “украшение”, *namurūt* “преисподня”; *nanyq* “малина” (< осет. *ninæg*), *nardyw* “лепешка”, “чурек”; *narša, naša* “огурец” (< осет. *nasæ* “тыква”), *nyzu* “ель” (< осет. *nazu* “ель”) и т.п.

В лексике современного карачаево-балкарского языка выявляется сравнительно небольшое число слов с инициальным *n-*, имеющих монгольское происхождение. Надо отметить, что монгольские слова проникали в предок карачаево-балкарского языка через посредство кыпчакских диалектов золотоордынской эпохи, а не непосредственно из монгольского, поэтому их число сравнительно невелико, ср.: *narat* “сосна” (~ монг. *nars* “сосна”); *nōgār* “напарник”, “партнер” (~ монг. *nōxōr* “товарищ”, “друг”); *nōxta* “недоуздок” (~ монг. *nogt* “недоуздок”) и т.д.

Показательно, что в карачаево-балкарском языке рядом с явным монголизмом *noger* “напарник”, “партнер”, “друг”, “товарищ” имеется еще интересная форма *žōger* “товарищ”, “попутчик”, “собеседник”. Близость семантики этих двух форм позволяет сделать допущение, что форма *žōgār* отражает более раннее пратюркское состояние **jōṅār* “друг, товарищ”; в таком случае монгольская форма *nōxōr* сама восходит к этому пратюркскому первоисточнику и начальный *n-* восходит к праязыковому *j-*. Назализация анлаутного среднеязычного очевидно, произошла в результате диссимилиации второго носового согласного *-ŋ-*. В таком случае историческое развитие указанных форм представляется следующим образом: ПТ **jōṅār* (>кб. *žōṅār*) > **nōṅār* > **nōṃār* ← монг. *nōkār* “товарищ”. Возможность таких нетривиальных объяснений некоторых форм, традиционно квалифицируемых как монголизмы, указывает на непреходящую актуальность сравнительно-сопоставительных исследований тюркских и монгольских языков.

В лексике современного карачаево-балкарского языка выделяется несколько слов с инициальным *n-* явно изобразительного характера (ср.: *naj-naj* “болтовня”, “пустые разговоры”, *naqyrda* “шутка”, “прибаутка”, *nam* “еда” - детское слово) и ряд слов с неустановленной этимологией.

Пратюркский инлаутный **-n-*

В пратюркском языке в середине слова переднеязычный носовой сонорный **-n-* был употребительным звуком. В данной позиции этот звук широко представлен в языке древнетюркских памятниках, весьма часто употребляется он в середине слов и в современных тюркских языках. Сонант **-n-* употребляется как в интервокальной позиции, так

и в сочетании с согласными. Внутри слова праязыковой *-n- в современных языках обычно сохраняется без изменений (Рясянен 1955: 176; Щербак 1962: 87; Гарипов 1979: 111-112; Щербак 1970: 81-82; СИГТЯ 1986: 68 и т.д.).

Инлаутный пратюркский *-n- в современном карачаево-балкарском языке, как и в большинстве живых тюркских языков, сохраняется довольно устойчиво, ср.:

ПТ **qānat* “крыло”: дт. *qanat* (ДТС, 417), МК. *qanat* Абу Х. *qanat*, АФ. *qanat*, ТЗ. *qanat*, БМ. *qanat* Хоутсма *qanat*, АФ. *qanad* (Курышжанов), алт. *qanat* (РАС, 268), каз. *qanat*, кк. *qanat*, кум. *qanat* (РКС, 363), ног. *qanat* (НРС, 144), кар. *thk qanat* (КРПС, 2890, кт. *qanat* ~ кб. *qanat* “крыло”;

ПТ **tyrnaq* “ноготь”: дт. *tyrmaq* (ДТС, 569), каз. *tyrnaq* (ОКС, II, 508), кк. *tyrnaq*, кум. *tyrnaq* (РКС, 509), ног. *tyrnaq* (КРС, 375), кар. *tyrnaq*, *tyrnax*, *tyrnak* (КРПС, 552) ~ кб. *tyrnaq* при алтайском, половецком *tyrmaq* “ноготь”;

ПТ **sanč-* “колоть”: дт. *sanč-* (ДТС, 483), пол. *sanč-* (Гр., 213), МК *sanč-*, Тз. *sanč-*, Абу Х. *sanč-*, Ибн М. *sanč-*, АФ. *sanč-*, БМ *sanč-*, Хоутсма *sanč-* (Курышжанов, 1970, 184), ног. *šans-* (НРС, 404), каз. *šanyš-*, кар. *sanč-*, кум. *čanč-* (РКС, 341) ~ кб. *čanč-* “колоть”;

ПТ **tāna* “бычок от двух до трех лет”, ТЗ. *tana* Абу Х. *tana*, БМ *tana*, кар. *thk. tana* (КРПС, 510), ног. *tana* (НРС, 333), кк. *tana*, каз. *tana* ~ кб. *tana* “бычок”;

ПТ **qundus* “бобер”: дт. *qunduz* (ДТС, 466), ног. *qundyz* (НРС, 187), каз. *qundyz* (РКС I, 63), кк. *qundyz* (РККС, 59), кум. *xynduz* (РКС, 57) ~ кб. *qunduz* (в алтайском языке праязыковой -n- в данном слове перед последующим *d* переходит в *m*) и т.д.

В единичных словах современного карачаево-балкарского языка наблюдается позиционно обусловленное выпадение инлаутного *-n- перед последующими смычными и щелевыми согласными. Обычно это явление наблюдается в наиболее частотных словах служебного характера. Выпадение праязыкового инлаутного *-n- в карачаево-балкарском регулярный характер носит в составе возвратного местоимения **kāndi* “сам”, ср. кб. *kāsim* “я сам” (< **kāndisim*), *kāsiŋ* “ты сам” (< **kāndi-siŋ*), *kāsibiz* “мы сами” (< **kāndisibiz*), *kāsigiz* “вы сами” (< **kāndisigiz*) и т.п., а также в составе слова **sonra* “после”; ср.: кб. *sora* “после”, “кроме”, “потом” (< **sonra*).

Случаи выпадения инлаутного *-n- в карачаево-балкарском языке встречаются крайне редко. Обычно сонорный -n- в середине слова обладает высокой устойчивостью.

Вместе с тем в диалектах карачаево-балкарского языка наблюдаются ассимилятивные изменения инлаутного *-n-* на стыке корневой основы и аффиксальной морфемы. Обычно финальный согласный основы *-n-* уподобляется инициальному согласному аффикса, ср.:

а) *-nl-* > *-ll-*: при присоединении к основе с финальным *-n* аффиксов с инициальным *l-* в разговорной речи карачаевцев и балкарцев финальный *-n* основы полностью уподобляется инициальному *l-* аффикса, т.е. на стыке основы и аффикса происходит регрессивная ассимиляция: *-nl-* > *-ll-*, ср., *qan* + *-ly* (< **-lyv* < ***-lyq*) > *qally* “кровавый”; *zan* + *-ly* > *zally* “сторонник”; *kalgän* + *-lik* > *kälgalli*; ПТ **käçgän* + *-lik* > *käçgallik*; *ton* + *-lu* > *tollu* “имеющий шубу” и т.д.

Идентичная ассимиляция отмечена Н.К.Дмитриевым и в соседнем близкородственном кумыкском языке (Дмитриев 1955: 229);

б) *-nm-* > *-mm-*: при присоединении к основе слова с финальным *-n* аффиксов с инициальным *m-* в устной речи карачаевцев и балкарцев финальный *-n* основы полностью уподобляется инициальному *m-* аффикса, т.е. на стыке основы и аффиксальной морфемы происходит полная регрессивная ассимиляция: *-nm-* > *-mm-*, ср.: *tapan-my* > *tabammy* “подошва что-ли”; *qan-* + *-maz* > *qammaz* “не насытиться”; *zan-* + *-maz* > *žammaz* “не будет гореть” и т.д.;

в) *-nb-* > *-mb-*: при присоединении к основе с конечным *-n* аффиксов с начальным билабиальным смычным *b-* в разговорной речи карачаевцев и балкарцев финальный переднеязычный *-n* под влиянием инициального губного смычного аффиксальной морфемы переходит в губной плавный сонорный *-m*, т.е. на стыке основы и аффикса наблюдается регрессивная ассимиляция *-nb-* > *-mb-*, ср.: “плечо”, *in baš* (< **ägin baš*) > *imbaš* “плечо”, *on bir* > *ombir* “одиннадцать”; *žan baš* > *žambaš* “бедро” и т.д.

Аналогичное изменение **-n* > *-m* перед последующим губным согласным довольно широкое распространение получило во многих тюркских языках;

г) *-ny-* / *-nq-* > *-ŋ-*: при присоединении к основе слова с конечным *-n* аффиксов с начальными *q-*, *γ-*, *k-*, *g-* наблюдается трансформация сочетания переднеязычного сонорного с заднеязычными и веларными в единый заднеязычный главный сонорный *-v-*, ср.: *ton* + *-qa* > *toŋa*

qan + *-qa* > *qaŋa* “крови”

täğirmän + *-ka* > *tirmäŋa* “в мельницу”

zan + *-qa* > *zaŋa*

san + *-qa* > *saŋa*

qajyn + *-qa* > *qajyŋa*

tabyn- + *-yan* > *tabyŋan*

qabun- + *-an* > *qabuṇan* и т.д.

Аналогичный фонетический процесс наблюдается в устной речи и на стыке слов (т.н. внешний сандхи).

Подобные ассимиляционно-диссимиляционные процессы довольно широкое распространение получили во многих тюркских языках и являются довольно обычными (СИГТЯ 1984: 324; Акбаев 1963: 124-125; Гузеев 1980: 85-86; Киекбаев 1959: 28; Дмитриев 1955: 1962; Харитонов 1947: 78; Садвакасов 1970: 44; Джураев 1959: 12 и т.д.).

Пратюркский ауслатный *-n

В абсолютном конце слова переднеязычный плавный сонант *-n был вполне обычным звуком в пратюркском. Ауслатный -n довольно устойчиво сохранился в большинстве современных тюркских языков. Сонант -n довольно широко употребляется как в конце корневых, так и аффиксальных морфем.

В ауслатной позиции сонант *-n практически сохраняется в карачаево-балкарском языке и его диалектах в большинстве случаев, ср.: ПТ **san* "ты": дт. *sen* (ДТС, 495), *sen* (Гр., 217), МК. *sen*, Тз. *sen* Ибн М. *sen*, АФ. *sen*, БМ. *sen*, Хоутсма *sen* (Курмышжанов, 1970, 187) кар. *sen*, каз. *sen*, *sen*, ног. *sen*, кум. *sen* ~ кб. *sen*;

ПТ **jālqyn* "пламя": дт. *jalyṇ* (ДТС, 229), пол. *jalyṇ* (Гр., 112), кум. *jalyṇ* (РКС, 657), каз. *žalyṇ* (ОКС, II, 81), кк. *zalyṇ* ~ кб. *žalyṇ*;

ПТ **jaṇṇ* "лопатка": дт. *javryṇ* (ДТС, 225), кар.к. *javryṇ* (КРПС, 216), кум. *javryṇ* (КРС, 384), алт. *jaryṇ* (РАС, 281) ~ кб. *žawryṇ*;

ПТ **tütün* "дым": дт. *tütün* (ДТС, 601), алт. *tütün*, пол. *tütün* (Гр., 261), каз. *tütün*, кк. *tütün*, кар. *tütün*, кум. *tütün* ~ кб. *tütün* и т.д.

В этом отношении карачаево-балкарский язык сближается с большинством тюркских языков, в которых ауслатный -n сохраняется (Рясянен 1955: 177; Серебренников, Гаджиева 1986: 68-69; СИГТЯ 1984: 335 и др.).

В современном карачаево-балкарском языке и его диалектах наблюдаются отдельные случаи выпадения финального -n, ср.:

ПТ **üčün* "из-за" > кб. *üčü*;

ПТ **birlän* "вместе" > кб. *byla* и др. (Рясянен 1955: 177; СИГТЯ 1984: 337).

Выпадение финального -n наблюдается в аффиксах 3-го лица повелительного наклонения, ср.: *käläsin* > *kälesi* "пусть придет";

oqusun > *oqusu* "пусть читает";

qačsyn > *qačsy* "пусть убежит";
barsin > *barsi* "пусть отдает";
tursun > *tursu* "пусть стоит";
bolsun > *bolsu* "пусть будет" и т.д. (Акбаев 1963: 120).

Аналогичное явление апокопы *-n* в конечной позиции слова наблюдается в конце личных местоимений 1-го и 2-го лица в глагольных основах, ср.:

baraman > *barama* "я иду";
kalāman > *kalamā* "я прихожу";
kātamān > *kātāmā* "я ухожу";
oqujsan > *oqujsa* "ты читаешь";
kālāsān > *kālāsā* "ты придешь" и т.д. (Акбаев 1963: 114).

Обобщая исследование исторических судеб пратюркского **n* в современном карачаево-балкарском языке, следует отметить, что праязыковой **n* в данном языке был довольно устойчивым и практически сохранился без особых изменений.

Что же касается позиционно обусловленных ассимиляторных изменений на стыке основы и аффикса, то их нельзя относить к собственно историческим и следует квалифицировать как синхронно-комбинаторные.

Случаи выпадения соанта *-n* в абсолютном конце слова, как правило, имеют место в составе служебных слов (*yıci* "ради", *byla* "вместе") и словоизменительных морфем, которые развиваются по своим специфическим законам.

Следовательно, основной вывод должен быть сформулирован так: в современном карачаево-балкарском языке качественных исторических изменений пратюркского назализованного сонанта **n* не было.

Пратюркский **ŋ*

Фонема *ŋ* обычно характеризуется как заднеязычный смычно-носовой сонорный согласный. Кроме того, в зависимости от окружающих гласных, различают средненебный (палатализированный) и задненебный (веляризованный) варианты фонемы **ŋ*.

В известных древних и современных тюркских языках фонема **ŋ* представлена исключительно в середине и конце слова, причем только после гласных звуков. По мнению Н.Н.Поппе, в алтайском праязыке первоначальный носовой заднеязычный **ŋ* употреблялся лишь в конце слога или слова и в интервокальной позиции (Рорре 1960: 71).

По мнению ряда исследователей, праязыковой **ŋ* практически сохраняется во многих тюркских языках (Рясянен 1955: 168; Щербак 1970: 87; Рорре 1960: 71; Дмитриев 1948: 24; Серебренников, Гаджиева 1986: 69-70; Гарипов 1970: 163-164; СИГТЯ 1984: 338-340; Акбаев 1963: 64; Гузев 1980: 82 и др.).

Вместе с тем существуют точки зрения о том, что на праязыковом уровне еще не было специфического заднеязычного носового сонанта **ŋ*. Сторонники этой точки зрения полагают, что сонант **ŋ* появился в истории тюркских языков в сравнительно поздний период в результате слияния сочетаний **ny*, **ng*, восходящих, в свою очередь, к более архаичным комбинациям **nq*, **nk* (подробнее см.: Рясянен 1955: 168; Рамстедт 1957: 231-232 и др.).

Поддерживая идею о вторичном, производном характере фонемы **ŋ* в тюркских языках А.М.Щербак не без оснований подчеркивает, что в середине слова *ŋ* нередко разлагается на *n* и *g* и это свидетельствует о возможности его довольно позднего происхождения в этой позиции (Щербак 1962: 87). В другой своей работе, специально посвященной вопросам сравнительно-исторической фонетики тюркских языков, А.М.Щербак вообще подвергает сомнению возможность восстановления **ŋ* в тюркском праязыке. По этому поводу он пишет, что “в середине многосложных слов, в интервокальном положении, вторичность *ŋ* часто не требует никаких доказательств, ср. др.тюрк. *банга* ~ *mānḡa* “мне” (<*mānḡa*), *санга* “тебе” (<*sānḡa*) *анга* “ему” (< *anḡa*). Сложнее обстоит дело с конечной позицией. Здесь необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Для конечной позиции в тюркских языках примечательно отсутствие сочетание *n* + *γ* (< *q*) или *n* + *z* (< *k*), вполне допустимого и совершенно естественного с точки зрения общетюркских правил сочетаемости и последовательности звуков, ср. *nt*, *mt*. Отсутствие такого сочетания может служить одним из аргументов в пользу гипотезы о вторичном происхождении *ŋ* (из сочетания *ny* < *nq* или *nz* < *nk*), ср. др. т. *küŋ* “рабыня, служанка” (< **künk*), *jāŋ* “рукав” (< **ḡānk*), *biŋ* “тысяча” (< **pinq*), *tiŋ* “печаль” (< **pinq*), *tāŋ* “равный” (< **tānk*), *jūŋ* “перо птицы, шерсть” (< **ḡünk*), *soŋ* “конец” (< **sonq*), *aŋ* “щека” (< *ānk*), *aŋ* “сгибай, гни” (< **ānk*)” (Щербак 1970: 82).

Нам представляется, что отсутствие сочетания сонорный смычный в большинстве тюркских языков свидетельствует о более раннем переходе сочетаний **nq*, **nk* в заднеязычный носовой согласный. Поэтому, видимо, есть достаточные основания для

реконструкции носового, по крайней мере, для позднепратюркского состояния.

По своему генезису, фонема **ŋ*, по всей вероятности, является сложной и состоит из двух звуков - **n* и **γ* (*< *q, *γ, *k, *g*), о чем, в частности, свидетельствуют случаи спорадического чередования **ŋ* с *n* ~ *γ* ~ *g* ~ *q* ~ *k*, что, фактически является не чем иным, как переразложением фонемы **ŋ* на составляющие. При таком понимании природы фонемы **ŋ* становится понятным и ее отражение по языкам в виде рефлексов *γ* или *g* в зависимости от характера окружающих гласных. В целом же общая картина рефлексов фонемы **ŋ* в современных тюркских языках совпадает с рефлексами фонем *γ* и *g* в соответствующих позициях. Поэтому нам представляется, что в процессе исторического развития фонемы **ŋ* сначала произошло переразложение на составляющие (**ŋ > n/ŋg*), затем - утеря назального компонента и уже затем - трансформация оставшихся компонентов (*γ* и *g*) по законам их исторического развития. Однако такое развитие фонемы **ŋ* в большинстве тюркских языков носит скорее спорадический характер, так как в большинстве случаев фонема **ŋ*, благодаря соответствующему фонетическому благоприятному окружению, сохраняется без изменений.

В карачаево-балкарском языке фонема **ŋ*, в зависимости от окружающих звуков, также отражается различно.

Пратюркский инлаутный **-ŋ*

В тюркских языках фонема **ŋ* в середине слова встречается довольно часто. В инлаутной позиции она употребляется как между двумя гласными, так и, несколько реже, между гласным и согласным.

В современном карачаево-балкарском языке заднеязычный носовой сонант **ŋ* встречается в таком же фонетическом окружении, т.е. как между гласными, так и между гласным и согласным, причем после сонанта *ŋ* могут быть только следующие согласные: *b, l, m, ŋ, n, ɟ* (ГКБЯ 1976: 56).

В зависимости от фонетического окружения, фонема **ŋ* в карачаево-балкарском языке эволюционировала по-разному и дала несколько характерных рефлексов.

В интервокальной позиции фонсма **ŋ* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах сохраняется без изменений, ср.:

ПТ **syŋyr* "жила": дт. *syŋyr* (Серебренников, Гаджиева 1986: 69), ног. *siŋir*, кк. *siŋir* (РККС, 224), ног. *siŋir* (НПС, 298), кар. *siŋir* (КРПС, 474), каз. *siŋir*, кум. *siŋir* (PKC, 213), пол. *siŋir* (Гр., 220), МК. *siŋir*, Абу

Х. *sigir*, Ибн. М. *sigir*, АФ. *sygyr*, Тз. *sigir* (Курышжанов 1970, 188), тат. *seger* ~ кб. *sigir*;

ПТ **jāḡu* “новый”: дт. *jaḡu* (ДТС, 234), пол. *jaḡu* (Гр., 113), МК. *jaḡu*, АФ. *jaḡu*, *jeḡi*, Ибн М. *jaḡa*, *jeḡi*, ЕФ. *jaḡu*, Тз. *jaḡu*, *jeḡi* (Курышжанов, 1970, 127), каз. *žaḡa*, кум. *jaḡu*, тат. *jaḡa*, кк. *zaḡa*, ног. *jaḡu*, кар. *jaḡu* ~ кб. *zaḡu*;

ПТ **kāḡāš* “совет”: дт. *keḡeš*, ног. *keḡes*, каз. *keḡes/kenes*, кар.к. *keḡeš*, кк. *keḡeš*, узб. *keḡeš*, кир. *keḡeš*, тат. *kiḡeš* ~ кб. *keḡeš* “совет”;

ПТ **iḡir* “рассвет” ~ кб. *iḡir* “вечер”.

Вместе с тем в аналогичных же позициях инлаутный **ḡ* в карачаево-балкарском языке и его диалектах переходит в среднеязычный *j*, ср.:

ПТ **tagri* “бог”: дт. *tagryl/tegrī*, пол. *tegrī*, *tegeri* (Гр., 241), Тз. *teyri*, Абу Х. *tegrī*, Ибн М. *tegrī*, АФ. *tegrī*, МК. *tegrī*, БМ. *tegrī*, кум. *tegrī*, кач. *tenri*, тат. *teḡre*, каз. *teḡir*, кк. *tegrī* при карачаево-балкарском *tejri* (*ḡ* > *j*);

ПТ **poḡus* “рог”: дт. *miḡiz* (ДТС, 345), алт. *müüs* (РАС, 666), кум. *müüz* (РКС, 880), каз. *mijüz* (ОКС, II, 285), кк. *mijüz* (РККС, 887), кар. *mügüz*, *miḡiz*, *mijüs* (КРПС, 416) ~ кб. *mijüz* “рог”;

ПТ **māḡü* “мозг”: дт. *meḡi* (ДТС, 342), алт. *meje* (РАС, 301), кум. *mij*, *naj* (РКС, 410), кк. *mij* (РККС, 436), каз. *mi* ~ кб. *myju* (**ḡ* > *j*);

ПТ **jaḡaq* “щека”: дт. *jaḡaq* (ДТС, 233), пол. *jaḡaq*, *jaaq*, *jaax* (Гр., 113), алт. *jaaq* (РАС, 850), каз. *žaq* (ОКС, II, 538), кк. *žaq* (РККС, 1111), кум. *jajaq* (РКС, 1127) ~ кб. *žajaq*, *žajaq*, *zajaq/žyjaq*, *žyjaq*, *zyjaq* “щека”;

ПТ **sāḡāk* “кость”: дт. *sōḡük*, МК. *sōḡük*, *sügük*, Тз. *sügük*, *süwek*, Абу Х. *sügük*, *süwük*, Хоутема *sōḡük*, Ибн. М. *süḡek*, АФ. *süḡek*, БМ. *sōnük* ЕФ. *süwāq*, ног. *süwāk*, кач. *süwāk*, кум. *süjek* (РКС, 355), каз. *süjek* ~ кб. *süjek*;

ПТ **iḡāk* “корова”: уйгур. *ināk*, алт. *ināk* чаг. *inek*, кир. *inek*, тур. *inek*, туркм. *inek*, хак. *inek*, якут. *inak* ~ кб. *iḡek* (Щербак 1961, 97).

Очевидно, в приведенных случаях произошло переразложение *ḡ* на составляющие *n* и *ḡg*, а впоследствии, после утраты назализации заднеязычные звонкие смычные перешли в среднеязычный звонкий шелевой *j*, т.е. **ḡ* > *nḡng* > *ḡg* > *j*.

В единичных словах карачаево-балкарского языка наблюдается утрата заднеязычной смычки и в результате этого переход заднеязычного смычно-носового сонанта **ḡ* в переднеязычный смычно-носовой сонант *n*, ср.:

ПТ **jaḡša*- “болтать” ~ кб. *zanša*;

ПТ **jaḡšaq* “болтун” ~ кб. *zanšaq*.

Утрата смычки в указанных словах, по всей видимости, имеет комбинаторно-позиционный характер и обязана непосредственно следующему за **ŋ* переднеязычному небно-зубному глухому щелевому *ʃ*. В непосредственном соседстве с переднеязычным заднеязычная смычка артикуляционно затруднена и она, естественно, устраняется.

Аналогичный процесс имеет место и перед следующим непосредственно за сонантом **ŋ* переднеязычным зубным смычным *d* в слове *žumduruq* “кулак”, однако в данном случае этот процесс осложнен переходом *n* в *m*, ср., ПТ **jandruq* “кулак”: алт. *judruq*, каз. *žudyryq*, кк. *žudyryq*, кум. *jumuruq*, кар. *jumruq* ~ кб. *žumdruq* ~ *žumdruc* ~ *zumdruc* ~ *zumduruq* “кулак”.

Закономерный переход переднеязычного зубного *n* в губно-губной смычно-нововой *m* в непосредственном соседстве с последующим дентальным *d* в данном случае поддерживается ассимилятивным воздействием губных гласных.

В карачаево-балкарском языке отмечаются редкие случаи перехода заднеязычного носового смычно-проходного сонанта **ŋ* в билабиальный звонкий щелевой *w*, ср.: ПТ **saŋsar* “куница”: дт. *saŋsar*, *sansar* ~ кб. *suwsar* “куница”; ср. чув. *səzar* < **suwsar* “куница”.

В приведенном примере наблюдается следующее историческое развитие заднеязычного назализованного сонанта: **ŋ* > **nɣ* > **ɣ* > *w*. Лабиализация заднеязычного смычного, по всей вероятности, обусловлена влиянием губного гласного.

В современном карачаево-балкарском языке отмечены и случаи полного выпадения смычно-проходного сонанта **ŋ* в инлаутной позиции, ср.: ПТ **kōŋül* “грудь”, “сердце”, “душа”: дт. *kōŋül* (LNC 315) пол. *kōŋül* (Гр., 152), алт. *kūün* (РАС, 151), Хт. *kōŋül*, *kōŋül*, Абу Х. *kōŋül*, Хоутсма *kōŋül*, Еф. *kōŋül*, АФ. *kōŋül*, *gōŋül* (Курьшжанов 1970, 149), кк. *kōŋil*, каз. *kōŋil*, *kenil*, кар.к. *kōnül*, *kōŋil* (КРПС, 338) ~ кб. *köl*;

ПТ **kōŋlāk* “рубашка”: дт. *kōŋlāk* (ДТС, 315), пол. *kōnlek*, арм.-пол. *kōlmek* каз. *kōjlek*, бапк. *kūldāk*, ног. *kōjlek*, кк. *kōjlek*, кар. *kōmlek*, кум. *gōlek* (РКС, 885) ~ кб. *kōlek*.

В ряде тюркских языков главным образом северо-восточной группы в результате выпадения *-ŋ*- смежные гласные сливаются в один долгий, но карачаево-балкарский в этом направлении пошел еще дальше и долгие гласные в нем стягиваются до нормальной длительности.

В карачаево-балкарском языке наблюдается характерная для ряда тюркских языков деназализация сонанта **ŋ* в составе словоизменительных аффиксов в инлаутном положении. В таких случаях фонема **ŋ* утрачивает назальный компонент и переходит в

заднеязычные смычные *y* или *g* в зависимости от ряда окружающих гласных.

Деназализация охватывает в современном карачаево-балкарском языке аффиксы принадлежности 2-го лица множественного числа и личный аффикс **-ɣyz/-niz*, ср.:

ПТ **kaldigiz* > кб. *kaldigiz* “вы пришли”;

ПТ **bardynyz* > кб. *bardyɣyz* “все пошли”;

ПТ **atyɣyz* > кб. *atyɣyz* “ваше имя”;

ПТ **alıɣiz* > кб. *eligiz* “ваша рука” и т.д.

Этот же процесс наблюдается и в глаголах 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, ср.:

ПТ **baryɣyz* > кб. *baryɣyz* “идите”, “уходите”;

ПТ **alyɣyz* > кб. *alyɣyz* “берите”;

ПТ **kālɣiz* > кб. *kālɣiz* “приходите”;

ПТ **kōrūɣüz* > кб. *kōrūɣüz* “смотрите”;

ПТ **ölūɣüz* > кб. *ölūɣüz* “умрите”;

ПТ **kāsiɣiz* > кб. *kāsigiz* “режьте”.

Пратюркский ауслатный **-ɣ*

В абсолютном конце слова праязыковой **ɣ* в карачаево-балкарском языке и его диалектах большей частью сохраняется в первоначальном виде, ср.: ПТ **jaɣ* “рукав”; дт. *jeɣ* (ДТС, 256), пол. *jeɣ* (Гр., 122), Аф. *jeɣ*, Ибн М. *jeɣ*, Тз. *jeɣ*, Абу Х. *jeɣ*, *jin*, Хоутсма *jeɣ* (Курышжанов 1970, 127), тат. *ziɣ*, каз. *žeɣ*, кк. *žeɣ*, кум. *jeɣ* (РКС, 886), кар. th. *jeɣ* (КРПС, 271) ~ кб. *žeɣ*;

ПТ **kaɣ* “широкий”: дт. *keɣ* (ДТС, 298), пол. *keɣ* (Гр., 138), алт. *keɣ* (РАС, 846), каз. *keɣ* (РКС II, 530), кк. *keɣ*, кум. *keɣ*, ног. *keɣ*, кар.к. *ken*, тат. *kiɣ* ~ кб. *keɣ id*;

ПТ **piɣ/*biɣ* “тысяча”: дт. *biɣ* (ДТС, 101), пол. *miɣ* (Гр., 165), Ибн М. *miɣ*, Тзю *miɣ*, Еф. *miɣ*, Абу Х. *miɣ*, Хоутсма *biɣ* (Курышжанов 1970, 172), алт. *miɣ* (РАС, 771), каз. *miɣ*, кк. *miɣ*, ног. *miɣ*, кум. *miɣ*, кар.к. *bin*, *min*, *min* (КРПС, 119) ~ кб. *miɣ*;

ПТ **aɣ* “сознание”, “разум”: дт. *aɣ* “разум”, “сознание”, пол. *aɣ* “разум”, “сознание”, кар.аг “сознание”, “разум” (КРПС, 70); ног. *aɣ* “сознание”, “разум”, “ум”, кк. *aɣ* “разум” (РККС, 854), каз. *aɣ* “разум” ~ кб. *aɣ* “сознание”, “разум”, “ум”;

ПТ **taɣ* “рассвет”, “заря”: дт. *taɣ* “рассвет”, “заря”, пол. *taɣ* “утро”, “заря” (Гр., 234), кк. *taɣ* “утро” (РККС, 1060), каз. *taɣ* “утро”, “заря”, ног. *taɣ* “утро”, кир. *taɣ* “утро”, “рассвет” ~ кб. *taɣ* “утро”, “рассвет”, “заря”;

ПТ *о_л “правый”: дт. *а_л* “правый”, “правосторонний” (ДТС, 367), пол. *о_л* “правый”, “правосторонний” (Гр., 177), кк. *о_л* “правый”, каз. *о_л* “правый”, ног. *о_л* “правый”, кар. *о_л* “правый” ~ кб. *о_л* “правый”, “правосторонний”;

ПТ *о_л- “линять”: дт. *о_л*- “менять” (ДТС, 367), пол. *о_л*- “менять” (Гр., 177), кк. *о_л*-, кк. *о_л*- “менять”, каз. *о_л*- “менять” ~ кб. *о_л*- “менять”, “терять цвет”;

Праязыковой финальный **л* в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах утрачивает заднеязычную смычку и переходит в сонант *л*, ср.:

ПТ **täriḡ* “глубокий”: дт. *teräḡ* // *teriḡ* (ДТС, 553), пол. *tereḡ* (Гр., 242), Тз. *teren*, *terin*, Еф. *terān*, Абу Х. *terin*, Хоутсма *terin* (Курышжанов 1970, 195), каз. *tereḡ*, кк. *tereḡ*, ног. *teren*, башк. *tārān*, тат. *tirān*, ног. *tereḡ*, *teren* (НПС, 346), алт. *tereḡ*, кар. *t. terān* (КРПС, 522), кум. *teren* (РКС, 152) ~ кб. *teren* “глубокий”;

ПТ **jūḡ* “перо”, “шерсть”: дт. *jūḡ* (ДТС, 286), пол. *jūḡ* огт (Гр., 129), АФ. *jūḡ*, Ибн М. *jūḡ*, Тз. *jūḡ*, БМ. *yūḡ* (Курышжанов, 1970, 136), каз. *žūn*, кк. *žūn*, ног. *jūn*, кар. *jūn*, кум. *jūn* (РКС, 1120) ~ кб. *žūn*, *zūn*, *zūn* “перо”, “шерсть”;

ПТ **qaduḡ* “береза”: дт. *qaduḡ* (ДТС, 404), пол. *qajuḡ* (Гр., 191), Хоутсма *qajuḡ*, МК. *qajuḡ*, алт. *qajuḡ* (РАС, 26), каз. *qajuḡ*, кк. *qajuḡ*, кум. *qajuḡ*, ног. *qajuḡ*, башк. *qajuḡ*, тат. *qajen*, кар. *t. kajun* (КРПС, 285) ~ кб. *qajuḡ*;

ПТ **jalaḡ* “голый”, “обнаженный”: дт. *jalyn*- “раздеваться” (ДТС, 229), кум. *jalan* (РКС, 156), алт. *jylagaš*, *ajaḡ* (РАС, 111), каз. *žalagaš* (РКС I, 162), кк. *žalaḡ*- (РККС, 162), кар. *k.th. jalan* (КРПС, 220) ~ кб. *jalan* “голый”, “обнаженный”.

В одном слове заднеязычный носовой *ŋ* в конечной позиции теряет назальный элемент *п* (*ŋ* > *g*, *k*); ср. **jiliḡ* “костный мозг”: дт. *jiliḡ* (ДТС, 261), *julun* (ДТС, 278), чаг., узб. диал. *juluḡ*, алт. лебед., бар., кир. *julūn*, узб. диал. (Абдр. Хар III, 54), кюэр. *jiliḡ* (Верб., 93; Радл. III, 519), кир. *žulūn*, алт. *d’ülūḡ*, койб., кач. *jiliḡ* (Радл. III, 520), хак. *čiliḡ*, тув. *čūn*, якут. *sulūn*, мат. *jyluḡ*, *čyluḡ*, шор. *čyluḡ*, каз. *žulyn*, ног. *julyn* “костный мозг”, “спинной мозг”, пол. *jilik* (Гр., 124), алт. *jilik* (РАС, 301), кум. *jilik* (РКС, 410) ~ кб. *jilik* “костный мозг”, “спинной мозг”.

Подводя итоги к сказанному об историческом развитии праязыкового **л* в карачаево-балкарском языке, следует сказать следующее:

1. Пратюркский **ɣ* большей частью в современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах, как и в большинстве других тюркских языков, сохраняется.

2. В карачаево-балкарском языке наблюдаются случаи расщепления заднеязычного смычно-носового сонорного **ɣ* на составляющие (**ɣ* > *nɣ/ng*) с последующей утерей одного из компонентов: или назализации (*nɣ/ng* > *ɲg*), или заднеязычной смычки (*nɣ/ng* > *n*).

3. При дальнейшей эволюции языка эти составляющие развивались по законам, характерным для соответствующих фонем, т.е. *ɲg* > *wlj*; *n* > *m* (в зависимости от характера фонетического окружения).

4. В современном карачаево-балкарском языке наблюдаются и случаи полного выпадения инлаутного **ɣ*. Данный процесс, очевидно, развивался после переразложения праязыковой фонемы на составные компоненты и утраты назального элемента.

Многообразие рефлексов заднеязычного смычно-носового сонорного **ɣ* в карачаево-балкарском требует дальнейшего углубленного компаративного исследования с привлечением материалов самого широкого круга тюркских, алтайских и других языков. Уже на данном этапе исследования выясняется, что слова, содержащие фонему **ɣ*, неоднородны как в генетическом, так и в хронотопологическом аспектах. Среди них есть и разновременные заимствования из родственных и неродственных языков, и диахронические образования, возникшие внутри данного языка и его предков на разных исторических этапах их развития.

Пратюркский **l*

В пратюркском языке переднеязычный боковой сонорный **l* был обычным звуком в середине и конце слов, а в абсолютном начале слова, по всей вероятности он был под запретом, как и большинство сонорных. М.Рясянен прямо пишет, что "в начале слова звук *l*- в пратюркском языке отсутствовал" (Рясянен 1955: 182). Однако авторы "Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков" не столь категоричны. Они вполне справедливо пишут: "В пратюркском языке *l* употреблялся, по-видимому, в основном середине и конце слова, в начале слова он употреблялся в редких случаях, преимущественно в звукоподражательных словах: *lor-lor*, *lap-lap*, *lür-lür* и т.д." (СИГТЯ 1984: 345). Тем не менее, большинство слов с начальным *l*- в современных тюркских языках представляет заимствования из различных иносистемных языков, что свидетельствует о бытовании

уже в пратюркскую эпоху запрета на употребление начального согласного */-.

Данная фонема во всех тюркских языках в основном сохраняется без особых изменений и характеризуется как переднеязычный проточный, плавный тупоапикальный, латеральный ротовой согласный сонант. В некоторых тюркологических работах существует бинарное деление фонемы */ на заднерядный */ и переднерядный */ варианты. Однако такое деление не имеет фонологического значения.

Анлаутный */-

Целью ряд исследователей тюркского консонантизма исключают возможность существования в пратюркском языке анлаутного бокового сонанта / (Рясянен 1955: 182; Серебренников, Гаджиева 1986: 65, СИГТЯ 1984: 345; Левитская 1967: 135; Щербак 1964: 29; Гарипов 1979: 97-98; Порре 1960: 73 и др.). Вместе с тем исследователи живых тюркских языков отмечают, что в звукоподражательных словах начальный /- в современных тюркских языках представлен довольно широко (Севортян 1955: 65; СИГТЯ 1984: 346; Дмитриев 1962: 80-90; Рясянен 1955: 182; Хусаинов 1988; Кайдаров 1986: 257-258 и др.).

Если исходить из положения о том, что изобразительная лексика "составляет "самобытно-национальную" часть лексического фонда любого языка и относится к продуктам наиболее древнего периода его развития", то ставится под сомнение вышеупомянутое утверждение. Необходимы дальнейшие исследования по восстановлению праязыковых форм звукоизобразительных лексических единиц с анлаутным */-.

В современном карачаево-балкарском языке и в его диалектах, как и в других древних и живых тюркских языках слова с начальным /- как правило являются заимствованиями из разных иносистемных языков. Слова с анлаутным /- в карачаево-балкарском языке в своей основной массе являются заимствованиями из русского, арабского и персидского языков.

Русские заимствования: *лава, лабиринт, лаборант, лавина, ладья, лавр, лагерь, ладья, лазарет, лад, лак, лайнер, линолеум, лайка, лакей, лампа, лампас, лантан, лапсан//лавсан, ларек, латин, лафет, лебедка, легенда, леденец, ледокол, ледоруб, лейка, лесхоз, лечебница, лен, лидер, ликбез, ликер, линейка, линия, лиман, лимфа, линза, лист, литература, литр, лишок (ист. лишенец), лифчик, лобзик, логарифма, ложа, ломбард, лопасть, лот, лоцман, лоторея, лодка и т.п.*

Арабские заимствования: *лакин* “но, однако”, *локъум* “лукум” (пирожок) < ар. *lugim* (Радлов III, 751-752), *лагънат* “проклятие”, *лазим/лязим*, *лисан* “теплый дождь”, *лам* (название буквы арабского алфавита) и др.

Персидские заимствования: *лыхтын* ~ *луктук* “толстая палка, дубинка” (АОЯФ I, 279), *лыппыр* “маленькая копна” (АИЭС II, 35-36), *лыстын* “жердь”, “бечева, выполняющая функции дышла” (АИЭС II, 58), *лаган / леген* “таз” и т.д.

Адыгские заимствования: *лаудан* < *лэудан* (Абаев 1963: 118-119; АИЭС II, 37; Шагиров I, 243), *либыжа* “блюда из курятины” < *либже* (Хабичев 1980: 138).

Пратюркский инлаутный *-l-

В пратюркском языке латеральный ротовой сонант *-l- в инлаутной позиции употреблялся довольно широко. В интервокальном положении пратюркский *-l- обладал высокой устойчивостью и практически сохраняется во многих современных и древних тюркских языках без особых изменений. Менее устойчивым этот звук оказался в середине слова в сочетаниях с предшествующими и, в особенности, с последующими согласными. Надо заметить, что инлаутный -l- в большинстве случаев в современных и древних тюркских языках выступает или как заключительный звук корневой морфемы, или как инициальный звук аффиксальной морфемы, т.е. выступает как бы на стыке корневой основы и аффикса. Относительная слабость позиции -l- в инлаутных сочетаниях с согласными, очевидно, вызвана этим обстоятельством.

В карачаево-балкарском языке и в его диалектах инлаутный *-l- обладает сравнительно с другими тюркскими языками относительно высокой устойчивостью и, как правило, сохраняется без особых комбинаторных и позиционных изменений, ср.:

ПТ **qulqaq* “ухо”: дт. *qulaq*, *qulyaq* (ДТС, 465), пол. *qulaq*, *qulax* (Гр., 202), алт. *kulak* (РАС, 806), кир. *qulaq*, каз. *qulaq*, кк. *qulag*, ног. *qulaq*, кум. *qulaq*, кар. t. *kulax* (КРПС, 345), кар.к. *qulaq*, кум. *qulaq*, кум. *qulaq* ~ кб. *qulaq*;

ПТ **talaq* “селезенка”: дт. *talaq* (ДТС, 528), каз. *talaq* (РКС II, 317), кум. *talaq*, кар.к. *talaq* (КРПС, 507), кк. *talaq* ног. *talak* (НРС, 329) ~ кб. *talaq*;

ПТ **jylyu* “теплый”: дт. *jylyu* (ДТС, 266), пол. *jyly*, *jyly* (Гр., 133), алт. *jyly* (АРС, 753), каз. *žyly* (ОКС II, 416), кир. *žyly*, кк. *žyly*, ног. *jyly* (НРС, 128), кар. t. *jyly* (КРПС, 266) ~ кб. *žyly*, *žyly*, *zyly*;

ПТ **bālgü* “знак”, “примета”: дт. *belgü* (ДТС, 93), пол. *belgi* (Гр., 55), кар. t. *belgi* (КРПС, 112) ~ кб. *belgi*;

ПТ **ālik* “пятьдесят”: дт. *elig* (ДТС, 170), пол. *ellik* (Гр., 87), каз. *elü* (РКС, 221), ног. *elli* (НРС, 434), кк. *elli*, алт. *elü*, кт. *ellü*, кар. t. *enlilelli*, кум. *elli* ~ кб. *elli/elliw, ellik*;

ПТ **pulut/*bulut* “облако”: дт. *bulut/bulyt* (ДТС, 124), пол. *bulut* (Гр., 68), алт. *bulut* (РАС, 374), каз. *bult* (ОКС, I, 518), кк. *bult* (РККС, 541), ног. *bulyt* (НРС, 90), кум. *bulut*, кар. thk. *bulut* (КРПС, 139) ~ кб. *bulut*;

ПТ **palyq/*balyq* “рыба”, “вид рыбы”: дт. *balyq / balaq* (ДТС, 80), пол. *baluq* (Гр., 49), алт. *baluq* (РАС, 671), каз. *balyq* (РКС II, 292), кк. *balyq*, кум. *balyq*, ног. *balyq*, кар. th. *balyk* (КРПС, 101) ~ кб. *balyq*;

ПТ **oŷan* “сын”, “юноша”: дт. *oŷan* (ДТС, 363), пол. *oŷan* (Гр., 173), алт. *ūl* (РАС, 745), каз. *ūl* (РКС II, 404), кк. *ul* (ККРС, 992), ног. *ulan* (НРС, 382), кар. thk. *ulan* (КРПС, 576) ~ кб. *ulan*;

ПТ **oŷaq* “козленок”: дт. *oŷaq* (ДТС, 363), пол. *oŷulaq* (Гр., 174), алт. *uulaq* (РАС, 248), каз. *laq* (ОКС, I, 369), кк. *ulaq* (ККРС, 334), ног. *ulaq* (НРС, 382), кар. t. *ulax* (КРПС, 577) ~ кб. *ulaq*;

ПТ **qālyn* “толстый”, “густой”: дт. *qalyn* (ДТС, 411), пол. *qalyu* (Гр., 191), алт. *qalyu* (РАС, 758), каз. *qaliu* (КРС II, 424), кк. *qalyu* (ККРС, 1009), ног. *kalyn* (НРС, 142), кар. k. *qalyn* (КРПС, 360) ~ кб. *qalyn*;

ПТ **kālin* “невестка”: дт. *kelin* (ДТС, 296), пол. *kelin* (Гр., 137), алт. *keldi/kelin* (РАС, 338), каз. *kelin* (ОКС, I, 474), кк. *kelin* (ККРС, 491), ног. *kelin* (НРС, 159), кар. t. *kelin* (КРПС, 302) ~ кб. *kelin*;

ПТ **bilāk* “запаястье”: дт. *bilāk* (ДТС, 99), каз. *bilek* (ОКС, I, 259), кк. *bilāk* (ККРС, 263), ног. *bilek* (НРС, 81), кар. k. *bilek* (КРПС, 117) ~ кб. *bilek*;

ПТ **jālin* “вымя”: дт. *jelin* (ДТС, 254), пол. *jelin* (Гр., 121), алт. *jelin* (РАС, 88), каз. *želin* (РКС I, 134), кк. *želin* (РККС, 134), ног. *jelin*, кум. *jelin* ~ кб. *želin, želin, zelin*;

ПТ **jālka* “загривок”, кум. *jelke*, ног. *jelke* ~ кб. *želke, želke, zelke*;

ПТ **buluŷ* “угол”: дт. *buluŷ* (ДТС, 124), пол. *buluŷ* (Гр., 68), алт. *buluŷ* (РАС, 779) ~ кб. *Buluŷ* (топоним);

ПТ **jaŷluq* “платок” ~ кб. *žawuq, žawluq, zawluq*;

ПТ **bāldyz* “золовка”: дт. *baldyz* (ДТС, 80), тат. *baldyz*, кар. k. *baldyz* (КРПС, 100), кум. *baldyz*, ног. *baldyz*, каз. *baldyz* (ОКС, II, 311) ~ кб. *baldyz*;

ПТ **āly* “шесть”: дт. *aly* (ДТС, 39), пол. *aly*, алт. *aly*, каз. *aly*, ног. *aly*, кум. *aly*, кар. *aly*, кк. *aly*, тат. *aly*, кт. *aly*, башк. *aly* ~ кб. *aly* “шесть”;

ПТ **palta* (> **balta*) “топор”: дт. *baltu* (ДТС, 81), пол. *balta*, алт. *malta* (РАС, 760), каз. *balta*, ног. *balta*, кк. *balta*, кар.к. *balta*, кум. *balta* ~ кб. *balta*.

В тюркских языках довольно широко распространено выпадение инлаутного сонанта **-l-* в определенных позициях, главным образом перед непосредственно примыкающими к нему смычными и щелевыми глухими согласными (см.: Абдуллаев Ф. 1967: 189; Садвакасов 1970: 54; Ишбулатов 1972; 1979; Гарипов 1979: 96-99; Севортян 1955: 89; Омарбеков, Жунисов 1985: 190-194; Кайдаров, Садвакасов, Талипов 1963: 219; Абдулдаев, Мукамбаев 1959: 83; Дмитриев 1955: 279 и др.). Нулевое отражение инлаутного *-l-*, по мнению Т.М.Гарипова, объясняется большой близостью сонанта *l* к гласным, то есть его звонкостью-слабостью (Гарипов 1970: 97-98).

В карачаево-балкарском языке также отмечается подобное явление. Так, например, при присоединении к глагольной основе *bol-* “быть”, аффиксов, начинающихся с несонорных согласных, финальный *-l* глагольной основы выпадает, ср. ~ кб. *bosun* < *bolsun* “пусть будет”, “да будет”; кб. *bosa* < **bolsa* “если будет”; кб. *boɣandy* < **bolɣandy* “было”; *boɣatma* < **bolɣatma* “я был”; кб. *boɣaj ādigiz* < **bolvaj ādigiz* “были вы”. Такое явление преимущественно распространено в основном диалекте, встречается оно и в малкарском (ГКБЯ 1976: 72, 57; Гузев 1990: 44; Акбаев 1963: 118). Для иллюстрации этого явления приведем одно народное изречение:

*Мал керек боса, кеси элибизде табайыкъ,
Джесир керек боса, узак эллеге барайыкъ.*

“Если нужно богатство - в своей стране найдем,
Если нужен полон - в дальние страны пойдем”.

Пратюркский ауслаутный **-l*

В пратюркском языке в абсолютном конце слова переднеязычный проточный сонант **-l* употреблялся довольно широко.

В древних и современных тюркских языках сонант **-l* в ауслаутной позиции был довольно устойчивым и, как правило, сохранялся. Не является исключением и карачаево-балкарский язык, в котором праязыковой конечный *-l* вообще сохраняется без изменений, ср.:

ПТ **qol* “рука”: дт. *qol* (ДТС, 453-454), пол. *qol* (Гр., 198), алт. *qol* (РАС, 670), каз. *qol*, кир. *gol*, кк. *qol*, ног. *qol*, кум. *qol*, кар.к. *qol*, кт. *qol*, тат. *qul* ~ кб. *qol*;

ПТ **sāl*- “класть”: дт. *sal*- (ДТС, 482), пол. *sal*- (Гр., 213), алт. *sal*- (РАС, 245), каз. *sal*- (РКС I, 334), кк. *sal*-, кум. *sal*-, ног. *sal*-, кар. *sal*- ~ кб. *sal*-;

ПТ **kōñil* “сердце”, “душа”: дт. *kōñil* (ДТС, 315) пол. *kōñil* (Гр., 152), каз. *kōñil* (ОКС, I, 210), ног. *kōñill*, кк. *kōñil*, кар. *gōñil*, *kōñul*, *kōlün*, *kōñul*, *kōñil* КРПС, 313) ~ кб. *köl*;

ПТ **sāqal* “борода”: дт. *saqal* (ДТС, 486), пол. *saqal* (Гр., 214), алт. *sagal* (РАС, 34), каз. *saqal*, кк. *saqal*, ног. *saqal*, кум. *saqal*, кар. *saqal* ~ кб. *saqal* и т.д.

Высокой устойчивостью отличается фонема */ и в составе аффиксальных морфем карачаево-балкарского языка. По устойчивости сонанта */ в инициале аффиксальных морфем карачаево-балкарский язык тесно примыкает к языкам огузской и карлукской групп, ср.: *balta-la(r)* “топоры”; *qaš-la(r)* “брови”, *taš-la(r)* “камни”, *budaj-lyq* “пшеничное поле”; *xonšu-luq* “соседство”, *baš-lyq* “башлык”; *kul-lük* < **kün-lük* “однодневный”; *qyjynlyq* < *qyjyn-lyq* “трудность”, “тягость” и т.д.

В основном диалекте карачаево-балкарского языка отмечен случай позиционной ассимиляции инициального сонанта / в составе аффиксов, наблюдаемый при их присоединении к основам на финальный -*r*, ср.: кб. *qyrryq* < *qyr-lyq*; кб. *barryq* < *bar-lyq* ~ кб. *körrük* < *kör-lük*; кб. *bärrik* < *bär-lik* “долг”; кб. *kärrik* < *kär-lik*; кб. *kijärrik* < *kijär-lik*; кб. *urruk* < *ur-luk* и т.д. По свидетельству Ш.Акбаева, впервые отметившего это явление, “ассимиляции подвергается звук / под воздействием предыдущего -*r* в глагольных формах” (Акбаев 1963: 122). Подобные позиционно обусловленные комбинаторные изменения на стыке корневой и аффиксальной морфем в некоторых тюркских языках распространены довольно широко, но для карачаево-балкарского языка они не характерны и относятся к разряду исключений.

Обобщая изложенное об исторических судьбах пратюркского */ в карачаево-балкарском языке следует особо отметить большую устойчивость данного звука. Единичные случаи ассимиляторного изменения и выпадения имеют диалектный характер и не характерны для изучаемого языка.

По отражению пратюркского */ современный карачаево-балкарский сближается с западнокыпчакскими языками и проявляет относительную близость с тюркскими языками огузской и карлукской групп.

Пратюркский *r

Вопрос о наличии в пратюркском языке переднеязычного дрожащего сонанта *r ни у кого из тюркологов и, шире, алтаистов, сомнений не вызывал. Все исследователи пратюркской фонетики на праязыковую плоскость интерполировали данную фонему, широко представленную как в древних, так и новых, живых тюркских языках в инлаутной и ауслатной позициях.

Общепризнанным является также положение о запрещенности инициального *r- в пратюркском, так как практически ни в одном из живых тюркских языков и известных памятников письменности не представлены сколько-нибудь бесспорные слова с анлаутным *r-, претендующие быть отнесенными к праязыковому уровню (Рясянен 1955: 183; Кононов 1960: 34; Басимов 1952: 65; Исахов, Пальмбах 1961: 73; Щербак 1964: 29; Серебренников, Гаджиева 1986: 71; Щербак 1970: 170; Гарипов 1979: 140; СИГТЯ 1984: 360; Тенишев 1963: 14; Тенишев 1976 и др.). Исключением является точка зрения К.М.Мусаева, отметившего одну интересную закономерность. Он, в частности, пишет: "Хотя в начале корневых морфем тюркского происхождения r не употребляется, однако следует отметить, что в начале слога употребляется весьма часто. Это обстоятельство говорит, по-видимому, о том, что вообще r не чуждо началу тюркского слова" (СИГТЯ 1984: 362). Однако заметим, что законы начало слова, начала слога и начала аффикса в тюркских языках, как правило, не совпадают.

Фонема r обычно характеризуется как переднеязычный твердонебный звонкий дрожащий согласный (см.: Рясянен 1955: 183). Однако в специальных исследованиях по тюркской фонетике и фонологии есть и другие характеристики этой фонемы. Так, Р.С.Бекназарова на основе экспериментальных исследований пришла к заключению, что "сонорную дрожащую [r] каракалпакского языка следует считать глубококакуминальным веляризованным согласным, в отличие от какуминального согласного [p] русского и украинского языков" (Бекназарова 1972: 16). Разумеется, даже между однотипными звуками разных языков могут быть обнаружены экспериментальным путем те или иные особенности. Однако для изучения истории языка не всегда имеют существенное значение незначительные подробности. В любом случае фонема *r во всех известных тюркских языках представляется практически однородной и однотипной, а потому и дает в живых потомках праязыка одинаковые или весьма близкие рефлексy.

В современном карачаево-балкарском языке праязыковой **r* в инлаутной и ауслаутной позициях сохранился практически без существенных изменений. За свою обособленную историю карачаево-балкарский язык пополнил свой словарный запас определенным количеством заимствований с анлаутным **r*-, воспринятым из иносистемных языков. Таким образом, в современном карачаево-балкарском языке фонема *r* стала возможной и в абсолютном начале слова.

Анлаутный **r*-

По единодушному мнению исследователей фонетики и фонологии тюркских языков в пратюркском языке **r*- в абсолютном начале слова не встречался (Рясянен 1955: 183; Кононов 1960: 34; Щербак 1970: 170; Серебренников, Гаджиева 1986: 71; СИГТЯ 1984: 360-361).

В современном карачаево-балкарском языке встречаются слова с инициальным **r*-, но все они, как и в других тюркских языках, являются иноязычными заимствованиями. Среди этого пласта лексики выделяются заимствования из иранских, арабского, персидского и русского языков.

Весьма примечательно, что в карачаево-балкарском языке практически отсутствуют изобразительные слова с начальным *r*-. В этом плане он тесно примыкает к остальным тюркским языкам (Хусаинов 1988; Кайдаров 1986; Акбаев 1963; ГКБЯ 1976; СИГТЯ 1984: 362).

Основную массу лексики с инициальным *r* в современном карачаево-балкарском языке составляют русские и опосредованные русским так называемые "интернациональные" заимствования.

К таковым относятся следующие слова: *радиатор, радиация, радиий, радио, радикулит, радиоактив, радиовецание, радиолокатор, радиотехник, радист, радон, радиус, разведка, размер, разряд, развод, райком, район, райсовет, рак, ракета, раковина, рама, расист, растворитель, расчет, ратуша, реалист, ревматолог, резак, реклама, рельеф, ренегат, репарация, рекорд, рессора, республика, реферат, реформа, рефрен, рифма, рояль, роль, розетка, розыск, ром, роман, романс, ручка* и т.д.

Заимствования из русского языка с анлаутным *r*- хронологически относятся к первой половине 20 века, особенно к 20-40 гг.

Среди слов с начальным *r*- в современном карачаево-балкарском языке имеются также арабские и персидские заимствования. Этот

пласт лексики мог проникнуть в карачаево-балкарский язык вместе с исламом, т.е., начиная с конца XVIII - начала XIX веков. В разряд арабизмов и фарсизмов карачаево-балкарского языка относятся следующие слова: *raǰab* - название седьмого месяца мусульманского лунного календаря "раджаб", *razu* "довольный"; *rais apendi* "главный эфенди", *ramazan* - девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого мусульмане соблюдают пост, *rahat* "умиротворенный", *raxim*, *raxman* - слова из молитвенного выражения *bismillaxi raxman raxim* "во имя Аллаха Милостивого и Милосердного"; *raxun* "болезненный", "калека"; *rezik* "молодые побеги"; *rumlu* "римлянин", "грек", *rusxu* "счастье". Количество арабско-персидских заимствований с начальным *r*- весьма незначительно.

Пратюркский инлаутный *-r-

В пратюркском языке в инлаутной позиции звук *-r- был довольно обычным и употреблялся как в интервокальной позиции, так и в сочетании с согласными (Рясянен 1955: 184; Щербак 1964: 29; Щербак 1970; Серебренников, Гаджиева 1986: 71-72; Исаков, Пальмбах 1961; СИГТЯ 1984: 363). Употребление *r* в данной позиции в праязыке ничем практически не отличался от современных тюркских языков.

Дрожащий сонант *r* в истории тюркских языков был относительно устойчивым. Пратюркский *-r- в интервокальной позиции в современном карачаево-балкарском языке обычно сохраняется без изменений. Такой же устойчивостью характеризуется развитие -r- внутри слова в непосредственном соседстве с предыдущими и последующими согласными, в ср.:

ПТ **purun*/**burun* "нос", "клюв": дт. *burun* (ДТС, 126), пол. *burun* (Гр., 69), каз. *muryn* (РКС I, 509), кк. *muryn* (РККС, 503), ног. *buryn*, кум. *burun* (РКС, 511), кар. thk. *burun* (КРПС, 141), кт. *burun* ~ кб. *burun*;

ПТ **öyren*- "учиться": дт. *ögren*- (ДТС, 380), пол. *öyren*-, *üren* (Гр., 185), каз. *üren*- (РКС II, 476), кум. *üren*- (РКС, 1074), кк. *üren* (ДККС, 1063), ног. *üjren*- (НРС, 389), кар. t. *ürän*- (КРПС, 591) ~ кб. *üjren*-;

ПТ **tari* "кожа": дт. *teri* (ДТС, 554), пол. *teri* (Гр., 242), алт. *tere* (РАС, 847), каз. *teri* (РКС II, 531), кк. *teri*, ног. *teri*, кум. *teri* (РКС, 1122), кар. t. *teri* (КРПС, 522), ~ кб. *teri*;

ПТ **kükürt* "сеча", алт. *kükür* (РАС, 687), каз. *kükürt* (РКС II, 320), кк. *kükirt* (РКС, 921), кум. *kükürt* (КРС, 914), кар. k. *kügürt*, *kigirt*, *kükirt*, *kükürt*, *küvgürt*, *kügürt*, *tigirt* (КРПС, 351) ~ кб. *kükürt*;

ПТ **kārt* “зазубрина”, “делать зазубрину”: дт. *kert-* (ДТС, 3), пол. *kert-* (Гр., 140), алт. *čertik* (РАС, 190), каз. *kert*, кк. *kert*, ног. *kert-*, кум. *kert-* ~ кб. *kert-*;

ПТ **qudruq*/**quδruq* “хвост”: дт. *quδruq*, *quδruq*, *quδuruq* (ДТС, 463), пол. *qujruх* (Гр., 202), алт. *qujruq* (РАС, 816), каз. *qujryq* (РКС II, 493), кк. *qujryq* (РККС, 1076), ног. *qujryq* (НРС, 186), кум. *qujruq* (РКС, 1088), кар.к. *qujruq* (КРПС, 373) ~ кб. *qujruq*;

ПТ **topraq* “земля”, “пыль”: дт. *topraq* (ДТС, 757), каз. *topyraq* (РКС, 283), кк. *topyraq* (РККС, 283), кар.к. *topraq* / *topraq* (КРПС, 538), кар. *toprak*, *toprax* (КРПС, 538), ног. *topyraq* (НРС, 358), кум. *topuraq* (РКС, 279) ~ кб. *topraq*;

ПТ **tyrnaq* “ноготь”: дт. *tyrnaq* (ДТС, 569), пол. *tirmaq* (Гр., 263), алт. *tyrnaq* (РАС, 365), каз. *tyrnag* (РКС I, 508), кк. *tyrnaq*, кум. *tyrnaq* (РКС, 509), ног. *tyrnaq* (НРС, 375), кар. *tyrnaq*, *tyrnak*, *tyrnax* (КРПС, 558) ~ кб. *tyrnaq*;

ПТ **tirseк* “локоть”: дт. *tirseк* (ДТС, 563), кум. *tirseк* ~ кб. *tirseк*;

ПТ **qara* “черный”: дт. *qara* (ДТС, 422), пол. *qara* (Гр., 194), алт. *qara* (РАС, 834), каз. *qara*, кк. *qara*, кар. *qara*, кум. *qara* ~ кб. *qara*;

ПТ **qaryn* “живот”: дт. *qaryn* (ДТС, 427), пол. *qaryn* (Гр., 195), каз. *qaryn*, кк. *qaryn*, кум. *qaryn*, кар. *qaryn*, ног. *qaryn* ~ кб. *qaryn*.

В тюркских языках отмечены случаи выпадения инлаутного *-r- (Рясянен 1955: 184; Щербак 1970; Серебренников, Гаджиева 1986: 71; Дмитриев 1955: 275; СИГТЯ 1984: 364-372; Садвакасов 1970: 53; Покровская 1964: 72; Шерматов 1972: 29; Jarring 1933: 26; Кайдаров 1969: 169; Мирзаев 1969: 35; Насилов 1974: 19; Акбаев 1963: 119-120; Гузеев 1980: 44-45; ГКБЯ 1976: 72-73 и др.).

В карачаево-балкарском языке отмечены следующие случаи выпадения исторического -r-:

а) перед -d-, исторически восходящем к *t в служебном глаголе *edi* (**ertir* > *erdir* > *edi* “быть”, “находиться”);

б) перед s в слове *arslan* (**arslan* > кб. *aslan* “лев”);

в) в глагольных формах будущего времени на -yr/-ir, -url-ür в первом и во втором лицах ед.числа и в трех лицах мн.ч. Условием выпадения -r- “является наличие узкого гласного в аффиксе причастия” (Акбаев 1963: 119): **al* + *yr* + *ma* > *alyma* “возьму”; **bar* + *ir* + *ma* > *baryma* “пойду”, **kel* + *ir* + *me* > *kelime* “приду”, **kör* + *ür* + *me* > *körüme*; *öltür* + *ür* + *mā* > *öltürümā* “убью”; **ker* + *ir* + *se* > *kerise* “расширить” и т.д.;

г) -r- выпадает при присоединении к причастию на -yr и его вариантам аффикса дательного падежа -ya: **bar* + *yr* + *ya* > *baryya* “пойти”; **kör* + *ür* + *ge* > *körüge* “видеть”; **kel* + *ir* + *ge* > *kelige*

“прийти”; **öl* + *ür* + *ge* > *ölüge* “умирать”, *sol* + *ur* + *ya* > *soluya* “отдыхать”;

д) ауслautный *-r* глагольной основы **kir*- “входить” выпадает, если к нему присоединяется аффикс понудительности *-qyr/-yyr*, *kir/-gir*: **kir* + *gir* “вводить” > кб. *kijir*- “вводить”. Последний случай свидетельствует о составном характере ныне неразложимой основы, причем выпадение произошло по следующей схеме: **kir* + *gir* > *kigir* > *kijir*;

е) *-r*- выпадает, если к причастиям на *-er* присоединяется личные окончания во множественном числе: **al* + *yr* + *biz* > *alybyz* “возьмем”, **kel* + *ir* + *siz* > *kelisiz* “придете” **ber* + *ir* + *siz* > *berisiz*, **kel* + *ir* + *ler* > *kelile* “придут”, **ber* + *ir* + *ler* > *berile* “отдадут” и т.д.;

ж) *-r*- выпадает в предлоге *birle* “с”: *birle* > кб. *bila* > *bla* “с”;

з) *-r*- выпадает в слове **berk* “крепкий” > кб. *bek*.

Явление выпадения инлаутного *r* в позиции перед согласными К.М.Мусаев считает “одной из древних черт тюркских языков” (СИГТЯ 1984: 372). Нам представляется, что это явление возникло в начале нашего тысячелетия, о чем свидетельствуют данные средневековых письменных памятников. К примеру, в языке памятника “Codex Cumanicus (14 в.)” отмечается параллельное употребление полной и краткой форм служебного глагола *-erdi* ~ *edi*: *Ol julduz nečik bir oylan bigev edi - Men sojunup qitiz edim sizge tegri sözü*. Полная форма *erdi* встречается на стр. 139 оригинала. Параллельное употребление полных и кратких форм данного служебного глагола отмечено в кыпчакско-огузских памятниках, в языке *Kytadgu-bilig*, произведениях среднеазиатских поэтов (Наджип 1975: 70), а также в языке тюркских текстов из Восточного Туркестана (Щербак 1961: 64) и староузбекских памятников (Щербак 1962: 92).

В тюркских языках довольно широкое распространение получила общая тенденция к падению сонорных перед последующими согласными. Эта тенденция в той или иной мере проявляется на разных уровнях как в живых, так и в исторических тюркских языках.

Случаи выпадения *r* перед последующими согласными, наблюдающиеся в карачаево-балкарском языке, являются частными проявлениями этой общетюркской тенденции к экономии языковых средств. Обычно склонны к выпадению сонанты, как наиболее слабые из согласных.

Пратюркский ауслautный **-r*

Дрожащий сонант **-r* в ауслautной позиции был обычным звуком и имел довольно широкое распространение. Как показывают

материалы древних и современных тюркских языков, в абсолютном конце слова согласный *-r обладал относительной устойчивостью. Вместе с тем в тюркских языках ауслautный *-r в определенных позициях претерпевал комбинаторные изменения, в частности - выпадал. В той или иной степени эти исторические процессы прослеживаются и в карачаево-балкарском языке.

В современном карачаево-балкарском языке ауслautный *-r в составе корневых морфем проявляет большую устойчивость и мало подвергается изменениям. Как правило, пратюркский *-r в конце слов в карачаево-балкарском языке сохраняется, ср.:

ПТ *bār- "иметь", "наличие": дт. *bar* (ДТС, 83), пол. *bar* (Гр., 50), алт. *bar* (РАС, 223), каз. *bar*, кк. *bar*, ног. *bar*, кар.к. *bar* (КРПС, 103) ~ кб. *bar*;

ПТ *bār- "давать": дт. *ber-* (ДТС, 95), пол. *ber-* (Гр., 55), арм.-пол. *ber-*, алт. *ber-* (РАС, 123), каз. *ber-*, кк. *ber-*, ног. *ber-*, кум. *ber-*, кар.к. *ber-*, тат. *bir-*, башк. *bir-* ~ кб. *ber-*;

ПТ *tur- "стоять": дт. *tur* (ДТС, 586), пол. *tur-* (Гр., 254), Хойтсма *tur-* (Кур. 1970, 205), алт. *tur-* (РАС, 737), каз. *tur-*, кк. *tur-*, кум. *dur-*, ног. *tur-*, кар.к. *tur-* ~ кб. *tur-*;

ПТ *baqr "медь": дт. *baqr/bayr* (ДТС, 82), пол. *bayr* (Гр., 47), хор. *baqr* (Кур. 1970, 91), каз. *baqr*, кум. *bayr*, ног. *baqr*, башк. *baqr*, кк. *baqr*, кар.к. *baqr*, кар.х. *baqr* ~ кб. *bayr*;

ПТ *soqr "слепой": дт. *soqr* (ДТС, 509), пол. *soqr* (Гр., 222), алт. *soqr* (РАС, 700), каз. *soqr*, кк. *soqr*, ног. *soqr*, кум. *soqr* (РКС, 933), кар.к. *soqr* (КРПС, 478) ~ кб. *soqyr//soqr*;

ПТ *kör- "видеть": дт. *kör-* (ДТС, 316), пол. *kör-* (Гр., 153), хор. *kör-* (Кур. 1970, 149), алт. *kör-* (РАС, 54), каз. *kör-*, кк. *kör-*, ног. *kör-*, кум. *kör-*, кар.к. *kör-*, тат. *kür-* ~ кб. *kör-*;

ПТ *bayatur "богатырь", "герой": дт. *bayatur* (ДТС, 77), пол. *bayatur* (Гр., 47), каз. *batyr*, кк. *batyr*, ног. *batyr* (НРС, 75), кар. thk. *bayatur* ~ кб. *batyr*, кум. *batyr*;

ПТ *āgir- "прясть": дт. *egrik* "нить, образующаяся в процессе прядения" (ДТС, 166), пол. *egr(-i)* (Гр., 85), алт. *ür-* (РАС, 614), каз. *ür-* (ОКС, II, 215), кк. *ür-*, кум. *ijir-* (РКС, 813), ног. *ijir-* (НРС, 117), кар. th *ijir-* (КРПС, 196) ~ кб. *ijir-*;

ПТ *čāqr- "звать", "приглашать": дт. *čāqr-* (ДТС, 140), каз. *saqr-*, кк. *saqr-*, ног. *saqr-*, кар.к. *čāqr-* ~ кб. *čāqr-*, тат. *čāqr-*;

ПТ *āyr "тяжелый": дт. *ayr* (ДТС, 18), пол. *ayr* (Гр., 29), алт. *uur* (РАС, 773), каз. *awyr* (РКС, II, 445), кк. *awyr* (РККС, 1030), кум. *awur* (РКС, 1037), ног. *awyr* (НРС, 24), кар.к. *ayr* (КРПС, 44) ~ кб. *awur* и т.п.

В диалектах карачаево-балкарского языка имеются случаи выпадения конечного *-r*. Рассматривая данное явление в тюркских языках, Н.З.Гаджиева пришла к выводу о том, что, это фонетическое явление составляет характерную особенность карачаево-балкарского языка" (Гаджиева 1979: 65). Конечный *-r* выпадает:

а) в аффиксе множественного числа *-lar/-lar*; ср.: **atlar* > кб. *atla* "кони"; **közler* > кб. *közle*; **qarlar* > кб. *qarla* "снега"; **taşlar* > кб. *taşla* "камни"; **iğekler* > кб. *iğekle* "коровы"; **adaqlar* > кб. *ajaqla*; **artyçlar* > **article* "можжевельники"; **adyqlar* > кб. *ajygla* "трезвые"; "бодрствующие".

Выпадение конечного *-r* в аффиксе множественного числа встречается и в других тюркских языках. Это явление отмечено в кумыкском (Дмитриев 1956: 65), в южных диалектах азербайджанского языка (Рустамов 1965: 215), в языке североперсидского фольклора (Ritter 188: 190), в нокурском, геокленском, емудском, алили диалектах туркменского языка (Очерки диал. турк. 238-239), в южном диалекте гагаузского языка, в наманганском (Решетов 1967: 11), шахрисябдском (Джураев 1959: 17-18; Гулямов 1968: 20) узбекского языка, в языке кучарских уйгуров (Кайдаров 1969: 83). Аффикс *-lal/-le*, как показатель множественного числа, встречается в "Диване" Махмуда Кашгарского (*Devonu luyat-it türk*, 433, 436), а также в текстах из Турфана (*A.von Gabain*, 58). Несмотря на случаи апокопы в языке надписей из Турфана, со всей определенностью можно сказать, что для карачаево-балкарского языка выпадение *-r* в аффиксе множественного числа является новым явлением. Об этом свидетельствуют фольклорные материалы, а также языки первых газет на карачаево-балкарском языке.

б) в глагольных формах на *-ur* и их вариантах: **kelir* > кб. *keli* "он придет"; *kelirse* > кб. *kelise* "ты придешь", **kelirmen* > кб. *kelime* "приду"; *qalyr* > *qaly* "останется"; **körür* > кб. *körü* "видит"; *alyr* > кб. *aly* "берет";

в) в аффиксах сказуемости III лица *-dyr* < **turur*; **baradyr* > кб. *barady* "он идет"; **keledir* > кб. *keledi*. Это же отмечено в нахичеванской группе диалектов, кубинском диалекте, говорах Басаргечарского района азербайджанского языка (Рустамов 1961: 89; Гаджиева 1979: 65).

Сама по себе неустойчивость *-r*-, по мнению Н.З.Гаджиевой, относится к числу общих фонетических изменений и, что центром радиации этого явления на Кавказе является область распространения карачаево-балкарских диалектов, а в Средней Азии - узбекско-уйгурская общность (Гаджиева 1979: 65).

Обобщая сказанное выше об историческом развитии дрожащего сонанта **ɣ* в карачаево-балкарском языке, можно в заключение сказать следующее:

1. Фонема *ɣ* в истории карачаево-балкарского языка обладала достаточной устойчивостью и практически сохранилась в составе исконной лексики без изменений.

2. Единичные позиционно обусловленные случаи выпадения *ɣ* не меняют общей картины и должны быть квалифицированы как исключения.

3. Специфической особенностью карачаево-балкарского языка является выпадение конечного *-ɣ* в аффиксах множественного числа *-lar/-ler*, глагольных форм на *-ur/-ūr/-yrl/-ir* и *-dur/-durl/-dyrl/-dir*. Аналогичный процесс наблюдается и в соседнем близкородственном кумыкском языке. Кумыкско-карачаево-балкарская ареальная общность выпадения финального *-ɣ* в аффиксальных морфемах скорее всего свидетельствует о причастности некоторого общего, очевидно, восточноиранского* субстрата, спровоцировавшего этот процесс в указанных языках.

* На правомерность поисков в этом направлении, на наш взгляд, указывает распространение аналогичного процесса в узбекско-уйгурском ареале, сложившемся также на достаточно сильном восточноиранском (согдийско-сакско-усульском) языковом субстрате.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Карачаево-балкарский язык имеет многовековую историю, восходящую через общекыпчакское состояние к прототюркской древности. По поводу происхождения карачаевцев и балкарцев и их языка в разное время были высказаны самые различные мнения. Так, этногенез карачаевцев и балкарцев разные авторы связывали со славянами, монголо-татарами, турками, крымскими татарами, воинами Тамерлана, отореченными аборигенными кавказцами, кыпчаками, гуннами, булгарами, хазарами, ираноязычными аланами, тюркоязычными аланами и даже с шумерами.

Такое положение вещей обязывает исследователя-компаративиста самым внимательным образом рассмотреть каждую из предложенных гипотез, и, выявив в них рациональное зерно, стремиться воссоздать панорамную картину исторического пути народа и его языка. Как признано в языкознании, сравнительно-историческое изучение родственных языков и диалектов вкупе с данными письменных памятников предоставляет в распоряжение историков лингвистическую информацию об этногенезе народов, о дописьменных периодах их истории, о культуре и взаимных контактах народов в древние периоды их истории.

В настоящее время тюркская компаративистика достигла такого уровня развития, что она уже не только дает историкам лингвистический материал о дописьменных периодах истории носителей отдельных языков, но наряду с археологией, этнографией, фольклором, мифологией, палеоантропологией, палеонтологией выступает одной из равноправных компонентов истории этноса.

История языка, особенно история литературного языка, безусловно, теснейшим образом связана с историей этноса, ибо язык есть один из определяющих компонентов этноса, и развитие этноса в целом не может не сказаться на развитии и изменении его языка. Если исходить из правильных методологических установок, то в конечном счете и история формирования фонетической и грамматической структур языка должна изучаться в тесной связи с историей этноса: компаративистические штудии такого рода должны представлять историкам необходимый для воссоздания дописьменной истории этноса лингвистический материал, и в то же время проверять свои выводы, согласовывая их с выводами историков по этногенезу данного народа. В воссоздании древней истории любого этноса исследователи должны

пользоваться выводами сравнительно-исторического языкознания, этнологии, археологии, фольклористики, палеоантропологии, палеонтологии и др. смежных наук. Таким образом, история языка тесно связана с историей народа в целом, то есть между ними существует самая тесная взаимосвязь, так как история языка является составной частью истории этноса.

История языка как таковая - это еще не история народа в целом, их нельзя идентифицировать и взаимозаменять. Этногенез и лингвогенез не всегда совпадают. Если данные истории языка не согласуются с другими экстралингвистическими фактами этнической истории, то это еще не говорит о том, что какие-то материалы интерпретированы неадекватно. Вместе с тем, прежде чем предпринять общий этнолингвогенетические выводы, их целесообразно тщательно перепроверять и только после серии перекрестных верификаций фактов приступить к обобщению данных и формулировке соответствующих выводов.

Приступая к реализации этих основных научно-теоретических положений, мы в настоящей работе подвергли критическому обзору существующие в настоящее время основные положения относительно этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев. В этногенезе карачаевцев и балкарцев, как и большинства других народов, на разных этапах их этнической истории приняли самое деятельное участие многие народы аридной полосы Евразии. Поэтому практически в каждой гипотезе о происхождении карачаевцев и балкарцев и их языка заложено рациональное зерно. Однако самой серьезной ошибкой практически всех авторов является абсолютизация и генерализация какого-то одного этнического компонента и игнорирование целого ряда других, причем не менее важных, если не основных, компонентов.

Анализ существующей литературы по проблемам этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев показал его принципиальную поликомпонентность, но при этом практически все компоненты постепенно сконцентрировались вокруг кумано-половецко-кыпчакского основного ядра. Следовательно, основным выводом данного раздела является признание кумано-половецко-кыпчакского языка главным историческим предком современного карачаево-балкарского языка. Это положение находится в полном соответствии с общепризнанным в мировой науке местом карачаево-балкарского языка в классификационной системе тюркских языков. Критический хронологический анализ классификационных систем тюркских языков и места карачаево-балкарского языка в этой системе показал, что практически все авторы его относили к западнокыпчакской (кыпчакско-половецкой, кумано-кыпчакской) группе тюркских языков. Так, по самой последней

отечественной классификационной системе, предложенной А.М.Щербаком, карачаево-балкарский язык относится к куманской (понтотаспийской) подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Следовательно, в основе современного карачаево-балкарского языка лежит язык средневековых половцев, или куман (по западной терминологии). Отсюда напрашивается второй вывод более широкого плана: карачаевцы и балкарцы, наряду с кумыками, караимами и крымскими татарами, являются прямыми потомками средневековых кыпчаков (половцев, куман) южнорусских степей.

Верификации этого основополагающего положения посвящен специальный раздел, в котором рассмотрены проблемы этнолингвонеза карачаевцев и балкарцев. В конечном итоге этнолингвистические истоки современных карачаевцев и балкарцев через общекыпчакское состояние восходят к прототюркской архаике, однако обособление собственно карачаевцев и балкарцев из западнокыпчакского (кумано-половецкого) массива произошло только в позднем средневековье. Поэтому нет серьезных оснований говорить о непосредственной преемственности между древними булгарами и современными карачаевцами и балкарцами.

Однако вместе с тем нельзя исключать и наличие определенного древнебулгарского субстрата в современном карачаево-балкарском языке, который, по специфическим "булгаро-чувашским" фонетическим признакам, достаточно легко выявляется на уровне лексики. Так, нами выявлено около трех десятков лексических единиц в современном карачаево-балкарском языке, отмеченных явными булгарскими фонетическими признаками, но они, очевидно, восходят к древнебулгарскому субстрату, попавшему в карачаево-балкарский язык через посредство хазарского, печенежского или кумано-половецкого языков.

В современном карачаево-балкарском языке также можно предполагать наличие хазарского, печенежского, торкско-узского (огузского) и др. субстратных пластов, однако их количество сравнительно невелико и существенного влияния на строй современного карачаево-балкарского языка они не оказали.

Основу современного карачаево-балкарского языка заложили в середине XI века кыпчакские племена (куманы - в западных, половцы - в русских источниках) - общие предки карачаевцев, балкарцев, кумыков, караимов и крымских татар.

В степях Юго-Восточной Европы кыпчакский язык наложился на печенежский язык огузского типа и таким образом сформировался западный вариант кыпчакского языка, который мы, вслед за А.М.Щербаком, называем кумано-кыпчакским. В золотоордынскую

эпоху на язык кумано-половцев наложился пласт восточного варианта кыпчакского языка, привнесенный монголо-татарами. Таким образом, только в XIII-XIV веках окончательно сформировался западнокыпчакский язык - основа, из которого в постзолотоордынский период выделились самостоятельные карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымско-татарский языки.

Формирование собственно карачаево-балкарского народно-разговорного языка и его диалектной системы происходило уже в постзолотоордынский период непосредственно в предгорьях и отрогах Центрального Кавказа под непосредственным влиянием собственно кавказского и алано-осетинского субстрата.

Влияние алано-осетинского субстрата на фонетическую систему карачаево-балкарского языка более отчетливо прослеживается в цокающем диалекте. Однако следует особо оговорить, что воздействие алано-осетинского субстрата в общей сложности было относительно незначительным, и оно не затронуло структуры карачаево-балкарского языка в целом.

Исторические изменения в языке происходят постоянно и непрерывно; в развитии языка не бывает резких скачков, иначе язык потерял бы свое основное предназначение - быть средством общения людей данного этнического сообщества. Чтобы как-то ориентироваться в системе постоянно меняющихся языковых фактов и явлений, имеющих распределенность в достаточно широких хронологических рамках необходимо разработать практический инструмент, каковым является периодизация истории языка, основанная на диахронической стратификации языковых изменений.

Лингвистическая периодизация обычно базируется не столько на внутриязыковых фактах, а внешнеязыковые, экстралингвистические факты являются дополняющими.

Сравнительно-исторические исследования не только в карачаево-балкарском языкознании, но и в тюркологии в целом часто страдают панхроничностью. До сих пор не разработана сколько-нибудь приемлемая система периодизации карачаево-балкарского языка.

В настоящей работе впервые предпринята попытка периодизации истории карачаево-балкарского языка. Задача лингвиста-компаративиста прежде всего заключается в установлении времени и места языковых изменений, а также причин, вызвавших те или иные сдвиги на разных уровнях языка в ходе его исторического развития.

Периодизация истории языка, установление хронотопологических таксономических уровней и стратов, определение места в пространстве и во времени того или иного исторического среза в компа-

ративистической лингвистике являются важным практическим средством, позволяющим систематизировать и локализовать все важнейшие изменения в языке.

Периодизация истории карачаево-балкарского языка в сжатом виде выглядит следующим образом:

Пратюркская эпоха (500 год до н.э. - 0).

Древнетюркская эпоха (0 - начало XIII века н.э.):

раннедревнетюркский период (0 - IV век н.э.);

позднедревнетюркский период (VI - VII века);

Среднетюркская эпоха (VIII-XVI века):

кимакский период (2-я пол. VIII - X века);

кыпчакский период (1-я пол. XI века);

куманский (половецкий) период (сер. XI - нач. XIII веков);

золотоордынский период (нач. XIII - кон. XVI веков);

постзолотоордынский период (XV - XVI века).

Новотюркская эпоха (XVII - нач. XX веков):

раннекарачаево-балкарский период (XVII век - 1828 год);

позднекарачаево-балкарский период (1828-1917 годы).

Новейшая эпоха (с 1917 года)

раннесоветский период (1917-1943 годы);

период депортации (1943-1956 годы);

позднесоветский период (1957-1990 годы);

постсоветский период (с 1991 года).

Полностью осознавая, что предлагаемая нами периодизация истории карачаево-балкарского языка требует некоторых доказательств, тем не менее надеемся, что она послужит основой для дальнейших сравнительно-исторических исследований по разным уровням данного языка и позволит избежать в дальнейшем панхронизма в компаративистических штудиях.

Карачаево-балкарский язык сложился в уникальных геополитических условиях средневековой Юго-Восточной Европы, по меткому выражению Н.А.Баскакова, оказавшейся "своеобразным резервуаром, консервирующим многочисленные этнические отложения эмигрировавших с востока на запад кочевников и их языки и позволяющим благодаря этой консервации вскрыть основные черты племенных языков всей цепи племенных союзов, то есть от древних племенных союзов булгар и хазаров до современных тюркских народностей..." (Баскаков, 1969, 255). Если взглянуть на эту проблему еще шире, то этот ряд должна предварять серия ираноязычных племенных объеди-

нений, известных в истории под названиями киммерийцев, скифов, савроматов, сарматов, алан, осетинов и др. Все эти племена и народы в той или иной степени оказали действие на формирование тюркских народов Восточной Европы, в том числе - карачаевцев и балкарцев.

Как уже было подчеркнуто выше, перечисленные иранские и тюркские племена оказывали субстратное влияние на процессы исторического формирования карачаево-балкарского языка, причем эти субстраты оказывали не непосредственное воздействие, а добрались через многие и многие пласты более поздних наслоений. Поэтому перед исследователями истории тюркских языков Восточной Европы остро встает проблема стратификации и периодизации разнообразных языковых субстратов.

Относительно карачаево-балкарского языка резонно говорить о кавказском, иранском и тюркском субстратах, причем каждый из этих стратов в свою очередь является крайне разнородной, состоящей из целого ряда диахронических пластов. Все это вынуждает исследователя истории карачаево-балкарского языка обратить самое серьезное внимание к теории субстрата, а также к диахронической и диатопической стратификации и периодизации возможных субстратных отложений и воздействий. Поэтому в данной работе проблемам стратификации разновременных и разноязычных субстратов Юго-Восточной Европы и их вклада в этнолингвогенез карачаевцев и балкарцев уделен специальный раздел. В языках Юго-Восточной Европы, в том числе и в карачаево-балкарском, компаративисты могут выявить кавказские, иранские и тюркские субстратные влияния, причем иранский субстрат может быть дифференцирован на киммерийский, скифский, савроматский, сарматский, аланский, осетинский, а также сакско-масагетский, усуньский, согдийский, хорезмский и др. страты, а тюркский субстрат, в свою очередь, стратифицируется на древнебулгарский, гуннский, аварский, хазарский, печенежский, узко-тюркский (огузский) кумано-половецкий и др. пласты.

Разумеется, что на современном уровне тюркский компаративистики исследователи еще не в состоянии выделить среди генуинных (например, иранских, тюркских) многослойных субстратных отложений следы того или иного конкретного языка (например, хазарский субстрат в карачаево-балкарском), но наука не стоит на месте и важно уже сейчас подготовить необходимую для дальнейших исследований соответствующую научно-теоретическую базу и необходимый инструментарий.

Подытоживая и обобщая все сказанное выше относительно исторического развития карачаево-балкарского языка в свете данных

других тюркских и исторически контактировавших иносистемных языков, хочется особо подчеркнуть, что данная работа, предвзято собой конкретные исследования по исторической фонетике, исторической грамматике и исторической лексике, карачаево-балкарского языка, является научно-теоретической основой и необходимым инструментарием для последующих конкретных исследований по частным вопросам истории языка. Следует также сказать, что данные очерки по различным теоретическим и практическим вопросам истории карачаево-балкарского языка зародились в ходе непосредственного сравнительно-исторического исследования фонетической, грамматической и лексической систем этого весьма интересного с исторической точки зрения тюркского языка. Надеюсь, что изложенные в настоящей работе основные теоретические положения будут полезны при детальном сравнительно-историческом изучении и ряда других уровней карачаево-балкарского языка и, в особенности, его словарного состава и ономастики. В более широкой перспективе наши положения с успехом могут быть использованы и при изучении истории других близкородственных тюркских языков, в частности - кыпчакских.

Сравнительно-исторические исследования в области таких языков, как младописьменные тюркские, к каковым относится и карачаево-балкарский язык, должны опираться и на традиции исторической компаративистики, и на достижения теории языковых контактов с учетом многочисленных и разнонаправленных языковых контактов суб-, супер-, ад- и интерстратного порядков.

Кыпчакская проблема была и остается одной из важнейших задач исследования этноязыкового прошлого народов нашей страны. Общеизвестна роль кыпчаков-половцев в истории Руси и сопредельных геополитических образований. Однако кыпчакские языки и не столь уже и многочисленные памятники кыпчакских языков, оставшиеся нам в наследство от предшествующих эпох, изучены крайне неравномерно и в целом недостаточно. Причинами тому являются как сложность, запутанность и противоречивость генезиса кыпчаков, как, в общем, и происхождения многих тюркоязычных народов, так и неодинаковая по всем этапам исторического развития и ареалам распространения кыпчакских языков полнота и представительность разнообразного фактического материала.

Следует сказать, что каждый из разделов данной работы может стать темой специального исследования, а в предложенном кратком виде отражает лишь состояние рассматриваемой проблемы в науке. Охватить же все многообразие точек зрения, пересекающихся, дополняющих или отвергающих друг друга, не представляется возможным.

Вторая часть нашего исследования посвящена компаративистическому исследованию исторического развития систем вокализма и консонантизма современного карачаево-балкарского языка. Давно установлено, что фонетическая система карачаево-балкарского языка мало чем отличается от фонетической системы непосредственного своего предка - кумано-кыпчакского языка, унаследовавшего соответствующую систему звуков от общекыпчакского языка-предка и, через его посредство, от протюркского языка-основы. Системы вокализма карачаево-балкарского общенародного разговорного языка в целом и выросшего на его основе литературного языка в целом последовательно соответствует реконструируемой стандартной общетюркской фонетической системе (за исключением чувашского языка). Такое положение вещей накладывает специфический оттенок на приемы и методы сравнительно-исторического изучения близкородственных языков. Мы являемся сторонниками взглядов той группы тюркологов, которые считают возможным и вполне закономерным применение к изучению истории близкородственных тюркских языков самого обычного сравнительно-исторического метода, который уже достаточно испытан временем при изучении истории индоевропейских (индоиранских, германских, романских, балтийских, славянских), финно-угорских, семитских и, шире, алтайских и ностратических языков. Это направление в исторической тюркологии в настоящее время является самым продуктивным и результативным.

Всесторонне проанализированный в данной монографии разнородный фактический материал по фонетическим и комбинаторно-ассимилятивным изменениям гласных и согласных карачаево-балкарского языка и его диалектов позволяет прийти к некоторым общим выводам, которые так или иначе затрагивают кардинальные аспекты генезиса, ареально-территориального и диалектного членения, а также диахронических контактов описываемого языка и его диахронических исторических предков.

Сравнительно-историческое изучение системы вокализма карачаево-балкарского языка привело автора к следующим основным выводам:

1. Система вокализма современного карачаево-балкарского языка последовательно отражает систему вокализма кумано-кыпчакского, общекыпчакского и пратюркского диахронических состояний; существенных исторических изменений в системе вокализма карачаево-балкарского языка не было, что в свою очередь свидетельствует о сравнительно позднем его выделении и обособлении в самостоятельный язык.

2. Иноязычные субстратные, суперстратные, адстратные, интерстратные и т.п. воздействия практически не изменили историческую систему вокализма карачаево-балкарского языка, что свидетельствует, с одной стороны, о высокой степени устойчивости тюркской строго симметрической системы гласных, а с другой - о минимальной степени влияний на формирование карачаево-балкарского языка иносистемных языков; вокализм иноязычных заимствований, как правило, пристраивался к системе карачаево-балкарского языка, не нарушая ее структурных особенностей.

3. Пратюркские, так называемые "первичные", долгие гласные никаких специфических следов в фонетической системе современного карачаево-балкарского языка не оставили, так как они стянулись до гласных нормальной длительности в языке еще до выделения из него общекрыпчакского языка-основы.

4. В современном карачаево-балкарском языке действуют некоторые комбинаторно-ассимилятивные законы, типологического порядка, действие которых распространяется на некоторые сочетания гласных со смежными согласными, но они не имеют принципиального значения и не вносят существенных изменений в строго уравновешенную симметричную систему гласных звуков.

Случаи комбинаторно-ассимилятивных изменений описываются и подкрепляются примерами при компаративистической интерпретации истории каждого гласного по отдельности.

Система консонантизма карачаево-балкарского языка, в отличие от системы вокализма, не составляет строго симметрической системы и не обладает такой прочной устойчивостью. Если систему карачаево-балкарского и тюркского вокализма в целом можно считать замкнутой, закрытой для иноязычных влияний, то система консонантизма в определенной мере является относительно открытой и подверженной инновациям. В соответствии с этим в современном карачаево-балкарском языке достаточно легко можно реконструировать исконную систему консонантизма и выделить пристроившийся к ней пласт проникновений из иносистемных языков, причем влияние иносистемных языков затронуло и систему исконных согласных, в результате чего, например, в малкарском диалекте появились такие фонетические сдвиги: $\check{S} > C$, $\check{Z} > Z$, $Q > X$, $P > F$ и др. Существенно расширили консонантную гамму карачаево-балкарского языка заимствования из кавказских, иранских (осетинского), персидского, арабского, русского и других языков. Однако, следует подчеркнуть, что система консонантизма общекрыпчакского языка основы при этом сохранилась в обще-

национальном карачаево-балкарском языке (за исключением некоторых диалектов) практически без изменений.

В диалектах и говорах современного карачаево-балкарского языка встречаются немногочисленные случаи комбинаторно-ассимилятивных изменений согласных звуков. Эти частные случаи истории карачаево-балкарского вокализма особо объяснены при описании каждого согласного звука.

Доля исторических корреляций в фонетической системе карачаево-балкарского языка весьма и весьма незначительна и фонетические изменения, чередования и сдвиги не имеют глубокой исторической перспективы. Все это говорит о том, что карачаево-балкарский язык обособился от кумано-кыпчакского языка-основы в сравнительно недалеком прошлом. Абсолютным временем распада кумано-кыпчакского языка-основы на карачаево-балкарский, кумыкский, караимский и крымско-татарский следует признать период распада Золотой Орды в ходе опустошительных походов Тамерлана, т.е. конец XIV-начало XV веков.

Вместе с тем, надо иметь в виду, что в современном карачаево-балкарском языке, помимо многослойных ираноязычных, выделяется ряд исторически наслаивавшихся друг на друга исторически последовательно сменявших друг друга тюркоязычных субстратов, начиная от позднего золотоордынского (канглыско-кыпчакского) и кончая гуннским и древнебулгарским. Если в этногенезе карачаевцев и балкарцев булгары, по археологическим данным, и могли сыграть роль сравнительно влиятельного субстрата, то в лингвогенезе решающую роль сыграли поздние кыпчаки половецко-куманского круга.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Абу Х. - Dr. Ahmet Caferoglu. Abu-Hayyan "Kitab al-idrak Li Lisan al-Atrak" Istanbul, 1931.
- АК. - Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
- АФ. - Араб филолог о турецком языке. Арабский текст издал и снабдил переводом и введением П.М.Мелиоранский. Спб., 1900.
- Бор ЛТ - Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тифсира XII-XIII веков. М. 1963 г.
- ГКБЯ - Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика. Морфология. Синтаксис // Под общ. ред. проф. Н.А.Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. - 571с.
- Гр. - K.Grönbech. Komanisches Wörterbuch, Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942.
- ДСИКЧ - Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
- Е.Ф. - L'armeno-coman et les "Emhémérides" des Kamienec (1604-1643) par Jean Deny. Wiesbaden, 1934.
- Ибн М. - A.Battal. İbnü-Mühenna lügati (Istanbul nüshasının türkçe bölümünün endeksidir). Istanbul, 1934.
- ИКБ - История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1.
- ИНСКДВ - История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988.
- ИСО - История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.
- КБРС - Карачаево-балкарско-русский словарь. Около 30000 слов // Под ред. чл.-корр. АН СССР Э.Ф.Тенишева и канд. филол. наук Х.И.Суюнчева. М.: Рус.яз., 1989. - 832 с.
- КИВК - К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке: Документы// Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Вып. 13.
- КИД - Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.
- КИМ - Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1-2;
- КРО - Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т.1
- КРЧ - Карачаевцы. Черкесск, 1978.

- М.К. - Devonu Луготит турк. Индекс - Лугат. Т.Абдурахманов ва С.Муталлибовлар иштироки ва махрири остида. Ташкент, 1967 (отдельные примеры из: *Mitteltürkischer wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan lugât at türk.* Bearbeitet von C.Brockelmann. Budapest-Leipzig, 1928).
- МА - Н.Н.Поппе. Монгольский словарь Муккадимат ал-адаб, ч. I-III. // Труды Ин-та востоковедения, XIV. М.-Л., 1938.
- Малов ПМК - С.Е.Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.
- ОИ - Очерки истории СССР III - IX вв. М., 1958.
- ОИБН - Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.
- ОИКЧ - Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
- ОПБК - О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 года). Нальчик, 1960.
- ПОН - Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967;
- ПСРЛ1 - Полное собрание русских летописей. Пг., 1923. Т. 2. Вып. 1.
- ПСРЛ2 - Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.
- ПСТ - Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию: 1650-1652 годы// Изд. М.Полиектовым. Тифлис, 1926.
- ПШАМ - Письмо 1657 года из Шубутского джамаата царю Алексею Михайловичу/ Публикация, перевод и комментарий Е.И.Кутевой, М.А.Усманова// Сов. этнография. М., 1978. № 6.
- РКБС - Русско-карачаево-балкарский словарь. Около 35000 слов. // Под. ред. Х.И. Суюнчева и И.Х.Урусбиева. М.: Сов. Энциклопедия, 1965.- 744 с.
- СЕЧ - Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989;
- СКЯ - Современный казахский язык Алма-Ата, 1962.
- СПАЧ - Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992.
- ССП - Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
- ХП - Э.А.Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XII-XIII веков. М., 1963.
- ЩФ - А.М.Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
- ЭСТЯ - Э.В.Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.Т.1; 1978,Т.2; 1980.Т.3.

- AbuH - A.Caferoglu Abu-Hayyan Kitab al-idrak li-lisan al-Atrak. Istanbul, 1931.
- AO - Archiv Orientalni, Praha.
- AOH - Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest.
- Ateb. - Mahmud Yükeki. Atebetül - Hakaylk. Istanbul, 1959.
- Brok - C.Brockelmann. Mitteltürkischer Wortschatz nach Mahmud al-Kašgaris Divan lugat at-Turk. Budapest-Leipzig, 1928.
- CAJ - Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
- Carh. - Ahmed Fakih. çarhname. Yayimliyan ve işleyen Mecdud Mansurogly. Istanbul, 1956.
- Erg. - M.Ergin. Dede Korkut Kitabı, II. Indeks-gramer. Ankara, 1963.
- Ettyh. - Ettyhfet-üz-zekiyye fil-lugat-it-türkiyye. çeviren Besim Atalay. Istanbul. 1945.
- Houtsma - M.Th.Houtsma. Ein Türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.
- JA - Journal Asiatique, Paris.
- Kasg. - "Divanü lugat-it-Türk" tercümesi. Çeviren Besim Atalay. I-III. Ankara. 1939-1941.
- Kasg.Diz - Besim Ataly. Divanu lugat-it-Türk dizini. Endeks. Ankara. 1943.
- KCsA - Körösi Csoma - Archivum, Budapest.
- KSz - Keleti Szemle, Budapest.
- KW - K.Grönbech. Komanisches Wörterbuch. Kobenhavn. 1942.
- MSFOu - Memoires de la Societe Finno-ougrienne, Helsinki.
- Pel. - P.Pelliot. La version ouigoure de l'histoire des princes Kalyanamkara et Papamkara // Toung Pao, vol. XV. Leiden, 1914.
- PhTF - Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959. T.1.
- QB - Кытаггы Билиг.
- QBH - Гератский список "Кутаггы Билиг".
- QVK - Каирский список "Кутаггы Билиг".
- Qutb. - A.Zajackowski. Najstsrsza wersja turecka Husrav u Sirin Qutba, t.III. Slownik. Warszawa, 1961.
- Ras.EW - M.Rasanen. Versuch eines etimologisches Wörterbuchs der Turksprachen. Helsinki, 1969.
- RO - Rocznik Orientalistyczny, Lwow-Krakow.
- Ros. - E.Rossi. Il "Kitab- i Dede Qorqut". Racconti epico-cavallereschi dei Turchi Oghuz. Tradotti e annotati con "facsimile" del Ms. Vat Turco 102. Bibliotheca Apostolica Vaticana. Roma, 1952.
- StO - Studia Orientalia, Helsinki.
- Şey. - Şeyhi divani. Tarama sözlüğü ve nüsha farkları. Istanbul, 1941.

- Tel. - S.Telegdi. Eine türkische Grammatik in arabischer Sprache aus dem XV. Jhdt. // KCsA, I. Ergänzungsband, 3. Heft. Budapest-Leipzig, 1937.
- TS - Türkçe sözlük. Dördüncü baskı. Ankara, 1966.
- UAJb - Ural-Altaische Jahrbücher, Berlin-Leipzig.
- ZDMG - Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft, Berlin.

СЛОВАРИ

- APC - Алтайско-русский словарь. Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1964.
- АзРС - Азербайджанско-русский словарь. Под ред. Г.Гусейнова. Баку, 1941.
- БРС - Башкирско-русский словарь. М., 1958.
- BTS - Büyük türkçe sözlük. Ankara, 1991.
- ДТС - Древнетюркский словарь. Л. 1969.
- КБРС - Карачаево-балкарско-русский словарь. Под ред. Э.Р.Тенишева. М., 1989.
- ККРС - Каракалпакско-русский словарь. Под ред. Н.А.Баскакова. М., 1958.
- КРС - Казахско-русский словарь. Составители: Махмудов Х. Мусабаев Г. Алма-Ата, 1954.
- КРПС - Караимско-русско-польский словарь. Под ред. Н.А.Баскакова, А.Зайончковского, С.М.Шапшала. М., 1974.
- НРС - Ногайско-русский словарь. Под редакцией Н.А.Баскакова. М., 1963.
- ОКС - Орысша-казакша сөздік, I-II, Алма-Ата, 1978.
- ОРС - Ойротско-русский словарь. Составители Н.А.Баскаков, Тоцакова М., 1947.
- РКБС - Русско-карачаево-балкарский словарь. Составитель Х.И. Суюнчев. М., 1966.
- РКС - Русско-кумыкский словарь. Под ред. З.З.Бамматова. М., 1960.
- РКСЮ - Русско-киргизский словарь. Под ред. К.К.Юдахина. М., 1957.
- РТС - Русско-тувинский словарь. Под ред. Д.А.Монгуша. М., 1980.

- РТС - Русско-татарский словарь. Под редакцией Ф.А.Ганиева. М., 1991.
- РТС - Русско-туркменский словарь. Под редакцией Н.А.Баскакова, М.Я.Хамзаева. М., 1956.
- РХС - Русско-хакасский словарь. Под редакцией Д.И.Чанкова. М., 1961.
- РЯС - Русско-якутский словарь. Под редакцией П.С.Афанасьева, Л.Н.Харитоновой. М., 1968.
- ТДС - Туркмен дилинин созлуги. Ашгабат, 1962.
- ТРС - Тувинско-русский словарь. Под редакцией Э.Р.Тенишева. М., 1956.
- ТРС - Туркменско-русский словарь. Под редакцией Н.А.Баскакова, Б.А.Каррыева, М.Я.Хамзаева. М., 1956.
- УРС - Уйгурско-русский словарь. Составитель Э.Н.Наджип. М., 1968.
- ЧРС - Чувашско-русский словарь. Под редакцией М.И.Скворцова. М., 1982.

ЯЗЫКИ, ДИАЛЕКТЫ, ГОВОРЫ

аз.	- азербайджанский
алт.	- алтайский
ар.	- арабский
балк.	- балкарский
бар.	- язык барабинских татар
балш.	- балкирский
булг.	- болгарский
бур.	- бурятский
бух.	- бухарский
венг.	- венгерский
гаг.	- гагаузский
греч.	- греческий
дт.	- древнетюркский
иран.	- иранский
к.	- крымский диалект караимского языка
каз.	- казахский
камас.	- камасинский
кар.	- караимский
караг.	- карагасский
карач.	- карачаевский
кб.	- карачаево-балкарский
кир.	- киргизский
кк.	- каракалпакский
койб.	- койбалский (диалект хакасского языка)
кт.	- крымско-татарский
кум.	- кумыкский
куман.	- куманский
куманд.	- кумандинский
кыз.	- кызыльский (диалект хакасского языка)
кыпч.	- кыпчакский
кюэр.	- кюэрицкий (диалект языка чулымских татар)
лоб.	- лобнорский
миш.	- мишарский (диалект татарского языка)
монг.	- монгольский
малкар.	- малкарский (диалект карачаево-балкарского языка)

ног.	- ногойский
огуз.	- огузский
орх.-енис.	- орхоно-енисейский
осет.	- осетинский
пол.	- половецкий
сал.	- саларский
саян.	- саянский
сойон.	- сойонский
с.-юг.	- сарыг-югурский
тат.	- татарский
тел.	- телеутский
тоф.	- тофаларский
тув.	- тувинский
тунг.-маньчж.	- тунгусско-маньчжурский
тур.	- турецкий
турк.	- туркменский
уз.	- узбекский
уйг.	- уйгурский
халадж.	- халаджский
хак.	- хакассский
хорас.	- хорасанско-тюркский
чув.	- чувашский
чаг.	- чагатайский
чул.	- чулымский
шор.	- шорский
чул.-тюрк.	- чулумско-тюркский
якут.	- якутский

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958-1995. Т. 1-5.
2. Абаев В.И. О происхождении фонемы J(h) в славянском языке// Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
3. Абаев В.И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке// Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960.
4. Абаев В.И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев, карачаевцев // Язык и мышление. Л., 1933. Т. 1.
5. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1.
6. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.
7. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия// Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
8. Абдулдаев Э., Мукамбаев Ж. Кыргыз диалектологиясынын очерки. Фрунзе, 1959.
9. Абдуллаев Ф.А. Фонетика хорезмских говоров узбекского языка: Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967.
10. Абдуллин И.А. Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка// Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974. Вып. 3.
11. Абрамова М.П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа// Сов. археология. М., 1978. № 1.
12. Абрамова М.П. Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972.
13. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII веков. Ашхабад, 1969.
14. Агбунов М.В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
15. Акбаев И. Ана тили. Тифлис, 1916.
16. Акбаев И.А. Тылманч. Русско-карачаевский словарь. Баталпа-шинск, 1926.
17. Акбаев Ш.Х. Къарачай-малкъар диалектле эмда школда ана тил // Материалы научно-практической конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литератур. Нальчик, 1963.
18. Акбаев Ш.Х. О причинах редукции гласных в тюркских языках // Советская тюркология. Баку, № 3.

19. Акбаев Ш.Х. Сравнительно-исторический метод в тюркологии и генезис балкарского цокания // Сов.тюркология. Баку, 1971, № 2.
20. Акбаев Ш.Х. Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка. Опыт сравнительного и сравнительно-исторического изучения. Черкесск: Карач.-черк. кн. изд-во, 1963.
21. Ал-Бируни. Асар ал-бакийа. Лейден, 1876-1878.
22. Ал-Истахри. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1870.
23. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.
24. Алексеева Е.П. Карачаевцы и балкарцы - древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
25. Алексеева Е.П. Малоизвестные сведения автора XV века о карачасвцах и черкесах// Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983.
26. Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа. Черкесск, 1976.
27. Алиев У. Карачай: Историко-этнографический очерк. Ростов-на-Дону, 1917.
28. Алиев У.Б. Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках. Черкесск, 1959. Ч.1; Нальчик, 1959. Ч. 2.
29. Алиев У.Б. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев // Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1963. Т. 3.
30. Алиев У.Б. Залоги глагола русского и балкарского языков // Уч.зап. КБГУ. Нальчик, 1960. Вып. 9.
31. Алиев У.Б. Малкъар тил: грамматика бла тюз жазыу. Башлангган школлада малкъар тилни учебниги. Нальчик, 1942. 2-нчи кесек; 2-ое изд. Нальчик, 1957.
32. Алиев У.Б. Причастие карачаево-балкарского языка // Уч.зап. КБГУ, Нальчик, 1958. Вып. 4.
33. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
34. Алиев У.Б. Слово и части речи // Уч. зап. КБГУ, Нальчик, 1960. Вып. 7.
35. Алиев У.Д. Карачаево-балкарская грамматика: (Горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнаиздат, 1930.
36. Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
37. Антонов-Саратовский В.П. Русско-балкарский разговорный справочник. Нальчик, 1930.
38. Анчабадзе З.В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI-XIV веков// О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

39. Аппаев А.М. Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку. Нальчик, 1960.
40. Аппаев А.М. Диалекты балкарского языка в их отношении к карачаево-балкарскому литературному языку. Тезисы. Л., 1941.
41. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3-4.
42. Арсланов Л. III. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1966.
43. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
44. Артамонов М.И. Киммерийська проблема// Археологія. Київ, 1973. Вып. 9.
45. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
46. Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
47. Ахматов И.Х. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
48. Ахматов И.Х. Неполные предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник КБ НИИ. Нальчик, 1972. Вып. 7.
49. Ахматов И.Х. Основные нормы согласования сказуемого с подлежащим в карачаево-балкарском языке // Вестник КБ НИИ. Нальчик, 1970. Вып. 2.
50. Ахматов И.Х. Структурно-сематические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1980.
51. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша. Казань, 1902.
52. Байжолов А. Языковые особенности казахов Кустанайской области. Алма-Ата, 1964.
53. Байрамкулов А.М. Къарачай тилни фонетикасы (къысха очерк) // Тюркологический сборник. Нальчик, 1967.
54. Байрамкулов А.М. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. 1-чи кесек: фонетика бла морфология. Черкесск, 1965.
55. Байрамкулов У.О. Al şolla uşun qaraçaj tilde ucebник. Mikojan-Şahar. 1936. II kesek. Morfologia. Narsana, 1935; II kesek. Sintakcis. Narsana, 1931; 2-е изд. Mikojan-Şahar, 1936.
56. Байрамкулов У.О. Грамматика карачаевского языка. Кисловодск, 1931.
57. Байрамкъулланы А.М. Къарачай тилни грамматикасы. 1 кесек. Фонетика бла морфология. Черкесск, 1958.

58. Байчоров С.Я. Гунно-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
59. Байчоров С.Я. Диалекты протобулгарского языка по данным приэльбрусских рунических памятников // Лингвистическая география и проблемы истории языка. Нальчик, 1981. Ч. 2.
60. Байчоров С.Я. Древнетюркские правила правописания гласных букв и современные чтения памятников западно-тюркской руники // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1986.
61. Байчоров С.Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: отношение Северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.
62. Байчоров С.Я. К вопросу о шумеро-тюркских лексико-грамматических схождениях // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков. Черкесск, 1993.
63. Байчоров С.Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики // Проблемы истории крачаево-балкарского и ногойского языков. Черкесск, 1989.
64. Байчоров С.Я. Карачаево-балкарский арабписьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
65. Байчоров С.Я. Надписи Хумаринского городища// Советская тюркология. 1974, № 4.
66. Байчоров С.Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани// Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков (северокавказский ареал). Черкесск, 1978.
67. Байчоров С.Я. Протобулгарский субстрат в топонимике Балкарии и Дигории// Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982.
68. Байчоров С.Я. Реликтовые памятники карачаево-балкарской обрядовой поэзии как этногенетический источник // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков. Черкесск, 1993.
69. Байчоров С.Я. Термины “къарачай” и “ас” в карачаево-балкарской этнонимике // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. - Черкесск, 1987.
70. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1985.
71. Бартольд В.В. Кыпчаки // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968. Т. V.

72. Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.
73. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.
74. Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. М., 1952. Т. 2.
75. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л., 1940.
76. Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках. - ИСГТЯ. М., 1955. Ч. 1. Фонетика.
77. Баскаков Н. А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.
78. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высш. шк., 1962.
79. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия ОЛЯ АН СССР. М., 1952. Т. XI.
80. Баскаков Н. А. Структурные и смысловые модели тюркских этнонимов и их типологическая классификация // Bern, Opoma, 1977. Vol. 21.
81. Баскаков Н. А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве". М., 1985.
82. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
83. Баскаков Н. А. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М., 1964.
84. Батманов И. А. Фонетическая система современного киргизского языка. Фрунзе, 1946.
85. Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. Вып. 1.
86. Бекназарова Р. С. Консонантизм современного каракалпакского литературного языка: Автореф. канд. дис. Киев, 1972.
87. Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1.
88. Бернштам А. Н. О древнейших следах джекания в тюркских языках Средней Азии. - Сб. "Памяти акад. Н. Я. Марра (1864-1934)". М.-Л., 1938.
89. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
90. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
91. Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1984.
92. Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.
93. Биджиев Х. Х., Гадю А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.

94. Биджиев Х.Х., Раскопки городища Хумара в 1977 г. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.
95. Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934; 2-е изд., испр. и доп. Казань, 1953.
96. Богородицкий В.А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте. // Вести. Науч. об-ва татаро-ведения, Вып. 8, 1928.
97. Богородицкий В.А. Этюды по татарскому языкознанию. Казань, 1933.
98. Боровков А.К. Карачаево-балкарский язык. // Яфетический сборник. Л., 1932. Т. VII.
99. Боровков А.К. Карачаевский язык // Большая советская энциклопедия. М., 1937. Т. 31.
100. Боровков А.К. Карачаевский язык // Малая советская энциклопедия. М., 1935. Т. 5.
101. Боровков А.К. Очерк карачаево-балкарской грамматики // Языки Северного Кавказа и Дагестана: Сборник лингвистических исследований. М.: Л., 1935. Т. 1.
102. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБ НИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7.
103. Будаев А.Ж. Методика изучения балкарской фонетики. Нальчик, 1964.
104. Будаев А.Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.
105. Будаев А.Ж. Скифо-балкарские лексические схождения // Вестник КБ НИИ. Нальчик, 1970. Вып. 2.
106. Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. М., Наука, 1987.
107. Бурганова Н. Б. Особенности говора татар нагорной стороны ТАССР // Материалы по диалектологии. Казань, 1955.
108. Бутков П. О имени казак // Вестник Европы. М., 1822. № 1. Ч. 1.
109. Виноградов В.Б. Аланы в Европе // Вопросы истории. М., 1974, № 8.
110. Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа // Труды ЧИНИИ. Грозный, 1963. Т. 6.
111. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV века до н.э.). Грозный, 1972.

112. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. М., 1989.
113. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929.
114. Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н. Из области вокализма монгольского-турецкого праязыка // ДАН, сер.В, 1924.
115. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.
116. Гаджиева Н.З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
117. Гаджиева Н.З. К истории анлаута в тюркских языках // Тюркологические исследования. М., 1976.
118. Гаджиева Н.З. Некоторые тенденции в развитии строя тюркских языков // Советская тюркология, 1976, №2.
119. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М., 1975.
120. Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
121. Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV-X веков. Л., 1979.
122. Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.
123. Гарипов Т.М. Структурно-стереометрические таблицы: Приложение к "Фонемике Урало-Поволжских языков". Уфа, 1979.
124. Гарипов Т.М. Фонемика Урало-Поволжских языков. Уфа, 1979.
125. Гаркавец А.Н. Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XIV - XVII вв. Киев, 1979.
126. Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата: Наука, 1987.
127. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. М., Наука, 1976, т. I,
128. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. Вып. VIII.
129. Голубовский П.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар// Университетские известия: год 23. Киев, 1883. № 1.
130. Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976
131. Греков Б.Д. Волжские болгары в IX-X веках//Исторические записки. М., 1945. Вып. 14.

132. Греков Б.Н. Скѣфи. Київ, 1947.
133. Грунин Т.И. Документы на половецком языке XVI век. М., 1967.
134. Гузеев Дж. М. Основы карачаево-балкарской орфографии. Н., 1980.
135. Гузеев Ж.М. Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка. // Советская тюркология, № 5, 1974
136. Гузеев М.Ж. О правописании узких гласных (и, і, у) в карачаево-балкарском языке // Сов. тюркология. Баку, 1975, № 2.
137. Гузеев М.Ж. О составе фонем карачаево-балкарского языка // Советская тюркология. Баку, 1973, № 4.
138. Гузеев М.Ж. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984.
139. Гузеев М.Ж. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик, 1985.
140. Гузеев М.Ж. Сочетания согласных в русском и карачаево-балкарском языках // Сборник трудов аспирантов и соискателей: Сер. гуман. наук. Фрунзе, 1972. Вып. 8.
141. Гузеев М.Ж. Фонетические и морфологические особенности чокающего диалекта карачаево-балкарского языка // Сов. тюркология. Баку, 1986. № 3. с. 34-36.
142. Гузеев М.Ж. Фонетические особенности балкарского диалекта карачаево-балкарского языка // Сов. тюркология. Баку, 1974. № 5.
143. Гулямов Я.Г. Грамматика ташкентского говора. Ташкент. 1968.
144. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967.
145. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
146. Гутнов Ф.Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.
147. Данияров Х.Д. Бахмалский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
148. Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык ХУ-ХУП вв. в освещении современников (Об использовании экстралингвистических данных для истории тюркских языков).// Вопросы языкознания. М., 1981, № 5.
149. Дашкевич Я.Р. Армяно-кыпчакский язык: этапы истории.// Вопросы языкознания. М., 1983, № 1.
150. Дерфер Г.О. О языке гуннов//Зарубежная тюркология. М., 1986. Вып. 1.
151. Джанибеков Х.С., Чеченов А.А. О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего

- времени индикатива карачаево-балкарского глагола // Сов. тюркология. Баку, 1987, № 5.
152. Джанибеков Х.С., Чеченов А.А. О темпоральных, аспектологических и модальных признаках форм прошедшего неочевидного времени индикативы карачаево-балкарского глагола (форма типа келгенди). // Сов. тюркология. Баку, 1988, № 1.
153. Джураев Б. Шахрисябзский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1959.
154. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие: (Към въпроса за тяхното присъствие и история в днешните руски земи и ролята им при образуването на българската държава). Варна, 1987.
155. Дмитриев Н.К. Вводная статья и прим. к кн.: Туркменские народные сказки Марыйского района. М.-Л., 1954.
156. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.; Л., 1940.
157. Дмитриев Н.К. Материалы по истории кумыкского языка. // Языки Северного Кавказа и Дагестана, вып. 2, М.-Л., 1949.
158. Дмитриев Н.К. Соответствие Р//Д//Т//З//Й // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т.1. Фонетика. М., 1955.
159. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962.
160. Дмитриев Н.К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1955. Ч. 1. Фонетика.
161. Добродомов И.Г. Из половецкой ономастики. Боняк// Известия ОЛЯ АН СССР. 1964. Т. 23. Вып. 3.
162. Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе// Тюркологический сборник: 1975. М., 1978.
163. Добродомов И.Т., Романова Г.Я. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках// Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979.
164. Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982.
165. Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. М., 1996.
166. Дыбо А.В. Тюрк. *t-, *d-//Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. Тезисы докладов. М., 1991
167. Дьяконов И.М. История Мидии. Л., 1956.

168. Дьячков-Тарасов А.Н. О происхождении карачаевцев// Записки Северо-Кавказского КГНИИ. Ростов /Дон, 1929. Т. 2.
169. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. ч. I. Вокализм. Якутск, 1971.
170. Дюмезиль М. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
171. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV веках. М., 1985.
172. Егоров Н.И. Историческое развитие чувашской лексики// Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1990. Т. 1.
173. Егоров Н.И. Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория болгаро-чувашской этноязыковой преемственности. Алма-Ата, 1992.
174. Егоров Н.И. Проблемы периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа, 1991.
175. Егоров Н.И., Петров П.П. Этимология некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология. Баку, 1982, № 6.
176. Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961.
177. Ельницкий Л.А. Киммерийцы и киммерийская культура// Вестник древней истории. М., 1949. № 3.
178. Ельницкий Л.А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977.
179. Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.
180. Жабелова Л.Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1986.
181. Жарахин А.Д., Байрамкулов У.Ш., Чанкаев А.К. Учебник по изучению карачаевского языка. Микоян-Шахар, 1941.
182. Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.
183. Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. // Сборник статей по проблемам лингвоэтноистории, возрождения и развития татарской нации. Казань, 1995.
184. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
185. Ибн-ал-Асир. Тарих ал-Камиль/ Пер. с араб. П.К.Жузе. Баку, 1940.
186. Ибн-Хаукаль. Китаб ал-масалик ва-л-мамалик. Лейден, 1939. Т. 2.

187. Ибн-Хаукаль. Китаб сурат ал-ард. Лейден, 1838-1839. Т. 1-2. На араб. яз.
188. Иессен А.А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. М.: Л., 1941 (МИА, № 3) с. 30.
189. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские гуттуральные: *k, *k, *g. // Этимология: 1964. М., 1965,
190. Иллич-Свитыч В.М. Алтайские дентальные: *t, d, δ. // Вопросы языкознания. 1963, № 6.
191. Ильинская В.А. Тереножкин А.И. Скифия VII-IV веков до н.э. Киев, 1983.
192. Исаев М.И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974.
193. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1.
194. История народов Северного Кавказа (конец 18 в. - 1917 г.), М., Наука, 1988.
195. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1988.
196. История Северо-Осетинской АССР. М., 1959.
197. Исхаков Ф.Г. Характеристика отдельных гласных в современных тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков", т. 1, М., 1955
198. Исхаков Ф.Г., Пальмбаха А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
199. Ишбулатов Н.З. Диалекты и говоры башкирского языка: Краткие очерки//Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1972.
200. К истории взаимоотношений между Кабардой и другими народами Кавказа в XVII веке: Документы// Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1957. Вып. 13.
201. Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т.1.
202. Кавказ и Дон в произведениях античных авторов. Ростов н/Д, 1990.
203. Кажибеков Е.З. Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках. Алма-Ата, 1986.
204. Кайдаров А.Т. Развитие современного уйгурского литературного языка. А.-А., 1969.
205. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986.
206. Калмыкова С.А. Акногайский диалект ногойского языка. Автореф. канд. дисс., М., 1965.

207. Караулов Н.А. Болкары на Кавказе // Сборник материалов по изучению местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38.
208. Караулов Н.А. Краткий очерк грамматики горского языка болкар// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1912. Вып. 42. Ч. 3.
209. Карачаево-балкарско-русский словарь. Около 30000 слов // Под ред. чл.-корр. АН СССР Э.Ф.Тенишева и канд. филол. наук Х.И.Суюнчева. М.: Рус.яз., 1989. - 832 с.
210. Карачаевцы. Черкесск, 1978.
211. Карпини, Плано. История монголов. СПб., 1911.
212. Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.
213. Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен, прочитанная в Императорском Университете 29 января 1894 года // Ученые записки Императорского Казанского университета, год LXI, книга 3. Май-июнь. Казань, 1894. S. 186-206.
214. Керимов И.А. Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
215. Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка: (опыт сравнительного и сравнительно-исторического исследования). М., 1959.
216. Киммерийцы и скифы. Кировоград, 1987. Ч. 1-2.
217. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
218. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 годах// Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1967.
219. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
220. Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984.
221. Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье. Северо-западный Кавказ// Степи Евразии в эпоху раннего средневековья. М., 1981.
222. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во ХГУ, 1956.- 348с.
223. Кокиев Г.К. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и карачаевцев на нынешней территории // Соц. Кабардино-Балкария. 1941. № 28-30.
224. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). Л., 1980.

225. Кононов Н.А. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
226. Кормушин И.В. Праязык: Ближняя и дальняя реконструкция // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. М., 1988.
227. Корш Ф.Е. Классификация турецких племен по языкам // Этнографическое обозрение. М., 1910. № 1-2.
228. Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве" // Известия отделения русского языка и словесности АН М., 1903. Т. 8. Кн. 4; 1906. Т. 11. Кн. 1.
229. Крупнов В.И. Киммерийцы на Северном Кавказе. М.; Л., 1958 (МИА. Т. 68).
230. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
231. Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении города Деякова// Славяне и Русь: Сб. статей. М., 1968.
232. Крупнов Е.И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа// Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.
233. Крымський А.Е. Тюрки, їх мови та літератури. І. Тюркські мови. Київ, 1930. Вып. 2.
234. Кудряшов В.К. Половецкая степь. М., 1948.
235. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
236. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII веках Орджоникидзе, 1971 с. 32.
237. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1992.
238. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-VIII веках// Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3.
239. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII веках// Сов. археология. М., 1973. № 2.
240. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962 (МИА, № 106).
241. Кузнецов В.А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани: (О новой концепции истории алан Северного Кавказа)// Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.
242. Кузнецов В.А. Надписи Хумаринского городища // Сов. археология. М., 1963. № 1.
243. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984; 2-е изд. Владикавказ, 1992.
244. Куклина И.В. Ранние известия о скифах и киммерийцах// Вестник древней истории. М., 1981. № 2.

245. Куклина И.В. Этнография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
246. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1889.
247. Куликовский Ю. К истории Боспора Киммерийского в конце VI в.: (По поводу объяснения надписи Евпатория) // Византийский временник. СПб., 1896. Т. 3.
248. Кумекон Б.Е. Государство кимаков IX-X века по арабским источникам. Алма-Ата, 1978.
249. Куник А.А. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам// Учен. зап. Академии наук. 1885. Т.3.
250. Курышжанов А.К. Арабо-персидские элементы в куманском языке (на материале лексики) // Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1964. Вып.4.
251. Курышжанов А.К. К вопросу об "уйгурской" графике письменности куманов // Изв. АН Каз. ССР. Сер. яз. и лит-ры, № 2. Алма-Ата, 1962.
252. Курышжанов А.К. К истории изучения языка древнекыпчакских памятников // Изв. АН Каз. ССР. Сер. обществ. наук, № 4. Алма-Ата, 1966.
253. Курышжанов А.К. К характеристике первичных глагольных основ в языке древнекыпчакских памятников// Вестник АН Каз. ССР, № 6. Алма-Ата, 1967 и др.
254. Курышжанов А.К. Формы и значения падежей в Codex Cumanicus: АКД. Алма-Ата, 1956.
255. Къарачай-малкъар тилни грамматикасы. Фонетика, морфология, синтаксис 1. Под ред. И. А. Баскакова. Нальчик, 1966
256. Лавров Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Вып. 4.
257. Лавров Л.И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев.// О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
258. Лавров Л.И. О происхождении балкарцев и карачаевцев// Краткие сообщения Института этнографии. М., 1959. Вып. 31.
259. Лавров Л.И. Происхождение балкарцев и карачаевцев// Краткие сообщения института этнографии. М., 1959. Т. 32.
260. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1-П. М., 1966; 1968.
261. Лайпанов К.Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

262. Лайпанов Х.О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
263. Лайпанов Х.О. Русско-карачаевский словарь для начальной школы. Микоян-Шахар, 1941.
264. Ламберти А. Описание Колхиды. 1654// Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1913. Т. 42.
265. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Спб., 1893-1906. Т. 1-2.
266. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе// Вестник древней истории. М., 1947-1949. № 1-4.
267. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
268. Леонтович Ф. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882.
269. Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
270. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
271. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952
272. Малов С.Е. Древние и новые тюркские языки // Известия ОЛЯ АН СССР. 1952. М., XI. 2.
273. Малов С.Е. Тюркизмы в языке "Слова о полку Игореве"// Известия АН ОЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 2.
274. Марр Н.Я. Балкаро-сванское скрещение // Доклады АН СССР. Л., 1929. Сер. В. № 3.
275. Марр Н.Я. Балкаро-сванское скрещение // Марр Н. Избранные работы. Л., 1937. Т. IV.
276. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору, Н., 1962.
277. Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мншарский диалект татарского языка. М., 1978.
278. Махмутова Л.Т. Фонетика//Современный татарский литературный язык. М., 1969.
279. Машкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
280. Мелиоранский П. Турецкие элементы в языке "Слова о полку Игореве"// Известия отделения русского языка и словесности АН. М., 1902. Т.7. Кн. 2; 1905. Т. 10. Кн. 4.
281. Мельников Г.П. Некоторые способы описания и анализа гармонии гласных в современных тюркских языках // Вопросы языкознания. М., 1962, № 6.
282. Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.

283. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979.
284. Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших булгарских племенах. Казань, 1957.
285. Мерцбах Г. К этнографии обитателей Кавказских Альп// Известия Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1905. Т. 18. Вып. 2.
286. Мизиев И.М. История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России// История и духовная культура карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994.
287. Мизиев И.М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик. 1970.
288. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
289. Мизиев И.М., Джуртубаев М.Ч. История и духовная культура карачаево-балкарского народа // Минги Тау. 1994. № 1 (53).
290. Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1953
291. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1837. Ч. 3.
292. Миллер В. Осетинские этюды. СПб., 1887. Ч. 3.
293. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1881-1887. Ч. 1-3.
294. Миллер В. Кавказские языки: Энциклопедический словарь. 1894.
295. Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным// Материалы по истории Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 11.
296. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
297. Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1975.
298. Мирзаев М. М. Узбек тилининг бухоро группа шевалари. Топкент, 1969
299. Москов М. Към въпроса печенежско-куманския суперстрат в български език//Известия на Института за български език. София, 1962. Кн. 8.
300. Мудрак О.А. Исторические соответствия тюркских и чувашских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993.
301. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. М., 1964.
302. Навширванов З.Ш. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в

- Крым. // "Известия таврического общества истории, археологии и этнографии", Т. III (60), Симферополь, 1929.
303. Наджип Э.Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале "Хосрау и Ширин" Кутба. М.: Вост. лит., 1979. Кн. 1.
304. Наджип Э.Н. Мухаббат-наме. М., 1961.
305. Наджип Э.Н. Тюркоязычный памятник XIV века "Гулистан" Сейфа Сарай и его язык. Алма-Ата, 1975. Ч. 1-2.
306. Найлебеков О. Языковые особенности казахов Чуйской долины. А.-А., 1963.
307. Насилов В. М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. М., 1974.
308. Насыров Д.С. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус - Казань, 1976.
309. Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
310. Новгородова Э.А. Древняя Монголия: (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1980.
311. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
312. Нурмагомбетов А. Западная группа говоров казахского языка. А.-А., 1974.
313. О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 года). Нальчик, 1960.
314. Оболенский М.А. Половецкие слова// Москвитянин. 1850. № 5. Кн. 1.
315. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка: (на материале названий одежды и обуви). Нальчик, 1978.
316. Отаров Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик, 1979.
317. Очерк диалектов туркменского языка. Ашхабад, 1970.
318. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.
319. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1967. Т. 1.
320. Очерки истории СССР III - IX вв. М., 1958.
321. Петеножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
322. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
323. Плетнева С.А. От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М., 1967.

324. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. М., 1958 (МИА, № 62).
325. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния //САИ. Е 4-2. М., 1974.
326. Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
327. Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.
328. Покровская Л. А Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
329. Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и "алтайского" языков. - В кн.: Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
330. Поливанов Е.Д. Образцы несингармонических (иранизированных) говоров узбекского языка. Ч.1. Вокализм говора гор. Самарканда (глава из описания двуязычной системы) // ДАН, сер.8, 1928, № 141.
331. Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1.
332. Полное собрание русских летописей. Пг., 1923. Т. 2. Вып. 1.
333. Пономарев А. Кумано-половцы// Вопросы древней истории. М., 1940. № 3-4.
334. Поппе Н.Н. Чувацкий язык и его отношение к монгольскому и турецкому языкам, IV. Гласные// Изв. АН., VI серия, XIX, 1925.
335. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию: 1650-1652 годы// Изд. М.Полиектовым. Тифлис, 1926.
336. Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
337. Пьянков И.В. Массagetы Геродота// Вестник древней истории. М., 1975. № 2.
338. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893-191.
339. Радлов В.В. О языке куманов: По поводу издания куманского словаря// Записки Императорской Академии наук, СПб., 1884. Т. 48 № 4, приложение.
340. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
341. Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
342. Расовский Д. Половцы// Seminarium Kondakovianum. Praha, 1937-1938. IX-X.
343. Расовский Д.А. К вопросу о происхождении Codex Cumanicus// Seminarium Kondakovianum. Praha, 1929. Т. III.
344. Расовский Д.А. Печенеги, торки и берендеи на руси и в Угрии//Seminarium Kondakovianum. Praha, 1933. Вып. VI.
345. Расовский Д.А. Половцы// Seminarium Kondakovianum. Praga, 1935-1938. Т. VII-X.

346. Расовский Д.А. Половцы//Seminarium Kondakovianum. Praga, 1935. Вып. VII-X.
347. Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М., 1982.
348. Рашид ад-Дин. Сборник летописей/ Пер. с перс. А.А.Хетагуровой и О.И.Смирновой. М.; Л., 1960. Т. 2.
349. Робакидзе А.И., Харадзе Р.Л. К вопросу о сванско-балкарских этнокультурных взаимоотношениях// Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22-26 июня 1959 года). Нальчик, 1960.
350. Рона-Таш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка// Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980.
351. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
352. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979.
353. Ряснен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков /Пер. с нем. А. А. Юлдашева. М., 1955.
354. Садвакасов Г. Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата, 1970. Ч. I. Очерк фонетики, тексты и словарь.
355. Самойлович А. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926.
356. Самойлович А.Н. К вопросу о классификации турецких языков // Бюллетень организационной комиссии по созыву I Всесоюзного Тюркологического съезда. Баку, 1926. № 2.
357. Самойлович А.Н. К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка// Мир-Али-Шир: Сборник статей. Л., 1928.
358. Самойлович А.Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.
359. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. Т. 1.
360. Севортян Э. В. Фонетика литературного турецкого языка. М., 1955.
361. Севортян Э.В. Рецензия на кн.: Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970 // Вопросы языкознания, М., 1973, № 5
362. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. т. 1. М., 1974
363. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
364. Серебренников Б.А. К проблеме классификации тюркских языков // Вопросы языкознания, 1961, № 4.

365. Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков// Вопросы языкознания. М., 1960, № 4.
366. Серебренников Б.А. О причинах устойчивости агглютинативного строя. // Вопросы языкознания. М., 1963, № 1.
367. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, Баку, 1979.
368. Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков, М., 1986.
369. Смирнов А. Очерки по истории древних булгар//Труды ГИМ. М., 1940. Т.11.
370. Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.
371. Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию// Проблемы скифской археологии. М., 1971 (МИА. № 177).
372. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов// Советская археология, 1957. № 3.
373. Смирнов К.Ф. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
374. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
375. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
376. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963 (САИ. Д 1-9).
377. Смирнова О.И. Карта верховий Зеравшана по мугским документам. М., 1960.
378. Соттаев А.Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
379. Соттаев А.Х. К вопросу преподавания русского языка в балкарской национальной школе. Нальчик, 1960.
380. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984
381. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
382. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
383. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.
384. Сулейменов О. Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.
385. Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.

386. Талипов Т. Описание гласных фонем и их оттенков в современном уйгурском литературном языке// Труды ИЯ АН Казахской ССР. 3. Алма-Ата, 1963.
387. Талипов Т.Т. Фонетика уйгурского языка. Алма-Ата, 1987.
388. Тамбиев И. Заметки по истории Балкарии // Революция и горец. Ростов-на-Дону, 1928. № 1-2.
389. Текуев М.М. Некоторые табу и эвфемизмы в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языкознания. Вып. 1. Нальчик, 1979.
390. Текуев М.М. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке: (В сравнении с другими тюркскими языками) . Нальчик, 1979.
391. Текуев М.М. Теонимы в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.
392. Тенишев Э.Р. К пониманию "общетюркское состояние" // Советская тюркология. 1973, № 2.
393. Тенишев Э.Р. Место кыпчакского (половецкого, куманского) и печенежского языков среди современных тюркских языков // Изв. АН Каз. ССР. Сер. общ., № 5, Алма-Ата, 1970.
394. Тенишев Э.Р. О построении истории народно-разговорного и литературного языков// Тюркологические исследования. М., 1976.
395. Тенишев Э.Р. Саларский язык. М., 1963.
396. Тенишев Э.Р. Строй саларского языка. М., 1976.
397. Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
398. Тенишев Э.Р. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашкарский// Советская тюркология. 1973, № 6.
399. Техов В.В. Осетины - древний народ Кавказа: Истоки, культура, этнос. Цхинвал, 1993.
400. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1941. Т. 2.
401. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. Т. 1.
402. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2.
403. Тихомиров М.Н. Именник болгарских князей//Вопросы древней истории. 1946, № 3.
404. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

405. Толстов С.П. Огузы, печенеги, море Даукара//Сов.этнография. 1950. № 4.
406. Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
407. Трубаев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
408. Трубаев О.Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Вопросы языкознания. № 4, 1982.
409. Улаков М.З. Названия болезней животных в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.
410. Улаков М.З. Названия частей снаряжения верхового коня в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1.
411. Улаков М.З. О некоторых животноводческих терминах в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1.
412. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1994.
413. Улаков М.З. Термины коневодства в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.
414. Урусбиев И.Х. Категория времени глагола в современном карачаево-балкарском языке // Тюркологический сборник. Нальчик, 1967.
415. Урусбиев И.Х. Къарачай-малкъар тилде грамматикалыкъ сюзюню юсюнден // Материалы научно-практической конференции преподавателей русского, кабардинского, балкарского языков и литератур. Нальчик, 1963.
416. Урусбиев И.Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964.
417. Фалев П.А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. Ташкент, 1922.
418. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
419. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
420. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1974.
421. Федотов М.Р. История чувашского языка. Чебоксары, 1979

422. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары, 1980.
423. Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары, 1996.
424. Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка: фонетика и морфология. Нальчик, 1940.
425. Филоненко В.И., Сухотин В.П., Аппаев А.М. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору. Нальчик, 1962.
426. Хабишев М.А. Венгеризмы в карачаево-балкарском языке // Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Ставрополь, 1978.
427. Хабишев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980.
428. Хабишев М.А. К вопросу о карачаево-балкарских и чувашских лексических схождениях // К вопросам русской и национальной филологий: лингвистика. Ставрополь, 1975. Вып. 7.
429. Хабишев М.А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик. 1982.
430. Хабишев М.А. К структуре корней в урало-алтайских языках// Вопросы изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967.
431. Хабишев М.А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
432. Хабишев М.А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение. Черкесск, 1977.
433. Хабишев М.А. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961.
434. Хабишев М.А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах// Советская тюркология. 1970, № 2.
435. Хабишев М.А. О чем говорят лексические заимствования// Тюркологический сборник. Черкесск, 1967.
436. Хабишев М.А. Об этнонимах "алан", "безынгылы", "малкъарлы", "карачайлы", "тегейли" // Советская тюркология. Баку, 1971, № 2.
437. Хабишев М.А. Памятник куманских языков - Советская тюркология. Баку, 1974, № 2; 1975, № 4.
438. Хабишев М.А. Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные

- проблемы карачаево-балкарского и ногойского языков. Ставрополь, 1981.
439. Хаджилаев Х.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
440. Хаджилаев Х.М. К вопросу исследования истории карачаево-балкарского языка // Уч. зап. Азербайджанского Гос. ун-та. Сер. обществ. наук, Баку, 1961, № 1.
441. Хаджилаев Х.М. О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка // Сов. тюркология. Баку, 1979, № 2.
442. Хаджилаев Х.М. Послелогии и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962.
443. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
444. Хакимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М., 1987.
445. Хакимзянов Ф.С. Язык эпитафий волжских болгар. М. 1978.
446. Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947.
447. Ходнев Н. Заметки о древних названиях кавказских народов // Кавказ, 1867.
448. Хоренаци Мовсес. История Армении Моисея Хоренского. М., 1893.
449. Хусаинов К.Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата, 1988.
450. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
451. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.
452. Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наук. думка, 1984.
453. Чеченов И.М. Археологические работы на городищах Карабдино-Балкарии в 1965 году// Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1967. Т. 25.
454. Чеченов И.М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.
455. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
456. Чобан-заде Б. Краткий обзор сведений о карачаево-балкарском языке. Баку, 1931.
457. Чобан-заде Б. Предварительные сообщения о кумыкском языке. Баку, 1926.
458. Чобан-заде Б. Тюрко-татарская диалектология: Введение. Баку, 1927. .

459. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. I.-П. М., 1977.
460. Шараф Г. Сонорная длительность татарских гласных// Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1928, № 8.
461. Шарден Ж. Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672-1673 годах. // Кавказский вестник. Тифлис, 1900. № 8.
462. Шаумян Р. Балкарская лексика: Материалы для балкарского словаря // Языки Северного Кавказа и Дагестана. М.-Л., 1935. Т. 1.
463. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., Вост. лит., 1980.
464. Шерматов А. Каршинский говор узбекского языка. Ташкент, 1960.
465. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
466. Шор Р.О. К вопросу о яфетическо-турском языковом смешении. М., 1930.
467. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.
468. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. Л., 1994.
469. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб., 1994.
470. Щербак А.М. Выражение грамматических значений в тюркских языках // Вопросы языкознания, № 1, 1957.
471. Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962.
472. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л. 1961.
473. Щербак А.М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи: (К вопросу о языке и письменности печенегов)// МИА, 1959. Вып. 75.
474. Щербак А.М. К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989.
475. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках// Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
476. Щербак А.М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону// Советская археология, 1954. Вып. XIX.
477. Щербак А.М. О тюркском вокализме. Тюркологические исследования, М.-Л., 1963.

478. Щербак А.М. Об алтайской гипотезе в языкознании// Восточное языкознание, 1959, № 6.
479. Щербак А.М. Огуз-наме. Мухббатнаме. М., 1959.
480. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
481. Яковлев Н.Ф. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930.
482. A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára/ Masodik kotet. Budapest, 1967-1976, I-III.
483. Adelung Fr. Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachkunde. St.-Pb., 1815.
484. Adelung J. Chr. Mitridates. 1806. T. 1.
485. Arat R.R. Makaleler. Ankara, 1987. I. S. 69-149.
486. Arat R.R. Türk şivelerinin tasnifi // Türkiyat Mecmuası (1951-1953). İstanbul, 1953. X.
487. Arat R.R. Zur Klassifikation der Türkssprachen // Ungarische Jahrbücher. Berlin; Leipzig, 1929. IX.
488. Bajramqullanь U. Qaracay tilni grammatikası. Narsana, 1930.
489. Balbi A. Atlas ethnographique du globe. Paris, 1826.
490. Bang W. (ber den Volksnamen bessenyö // Turan. Budapest. 1918, № 6-7.
491. Bang W. Turkisches Lehngut im Mandschurischen.// Ungarische Jahrbücher. Berlin - Leipzig. IV, 1, 1924.
492. Bang W. Zu der Moskauer polowzischen Wörterliste// Bulletin de L'Académie de Belgique. Classe der lettres. Bruxelles, 1911. № 4.
493. Bazin L. Structures et tendances communes des lanques turques (Sprachbau) // PhTF, I, Wiesbaden, 1959
494. Benzing J. Classification of the Turkic languages // Philologiae Turcica Fundamenta. Wiesbaden, 1959. I.
495. Benzing J. Einführung in das Studium der altaischen Philologiae und der Turkologie. Wiesbaden, 1953.
496. Benzing J., Menges K. Classification of the Turkic languages // Philologiae Turcicae Fundamenta, I. Wiesbaden, 1959.
497. Berezin E. Recherches sur les dialectes musulmans. I. Systeme des dialectes turcs. Kazan // Ученые записки, издаваемые Императорским Казанским университетом. Казань, 1849. II.
498. Berezin I.N. Reschersches sur les dialectes musulmans // Ученые записки Казанского университета (1849). Казань, 1848. II.
499. Caferoglu A. Abu-Hayyan Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak. İstanbul, 1931.
500. Caferoglu A. Turk dili tarihi notları. İstanbul, 1943-1947. T. I - II.

501. Cahun L. Introduction a l'histoire de l'Asie. Paris, 1896.
502. Clauson G. An Etimological Dictionary of Pre-thirteenth century Turkish. London, 1979.
503. Clauson G. An Etimological Dictionary Pre - thirteenth - century Turkish. Oxford, 1972.
504. Clauson G. The earlist Turkish loan words in Mongolian// Central Asiatic Journal. 1959. IV. 3.
505. Clauson G. Turkish and Mongolian Studies. London, 1962.
506. Çağatay S. Karağaya birkaç metin // Ankara universitesi. Dil ve tarih-cografiya fakültesi dergisi. Ankara 1951. IX. 3.
507. Dabrowski K., Nagrodzka-Majchrzyk T., Tryjarski E. Hunowie Europejscy, protobulgarzy, chazarowie, pieczyngowie. Wroclaw, Warszawa, Krakow, Gdansk, 1975.
508. Deny J. Langues turques, langues mongoles et langues toungouses // Les langues du monde. Paris, 1924; 2-е изд. Paris, 1952.
509. Deny J. Principes de grammaire turque ("turk" de Turquie). Paris, 1955,
510. Dilaçar A. Türk diline genel bir bakış. Ankara, 1964.
511. Dirr A. Caucasian folk tales. London, Toronto, 1925. T. XIII.
512. Dirr A. Kaukasische Märchen, Ausgewähl und übersetzt von A. Dirr., Jena, 1920. T. XI.
513. Distel L. Die Bergtataren des Baksantales im Zentralen Kaukasus. Geist des Ostens, 1914, Bd. I.
514. Doerfer G. Bemerkungen zur lingustischen klassifikation // Indogermanische Forschungen. 1971. T. 6 .
515. Doerfer G. Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre//Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig, 1971 Bd. 66.
516. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963-1967. Bd. I-IV.
517. Doerfer G. Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türkssprachen // Rocznik orientalistyczny. Lwow; Krakow, 1978. XXXIX. 2.
518. Emre A.C. Türkçenin yapılısı. Istanbul, 1942.
519. Emre C. Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme), I kitap. Fonetik. Istanbul, 1949.
520. Encyclopedie de l'Islam. Leyde; Paris, 1934. IV.
521. Erckert R.V. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1888.
522. Eren H. Anadolu'da Kafkasya türkleri // Türk dili araştırmaları yillığı. Belleten, 1961. Ankara, 1962.
523. Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.
524. Gabain A. Eski türkçenin grameri. Ankara, 1988.
525. Gabain A. von. Alttürkische Grammatik. Wiesbaden, 1974.

526. Golden P. *Khazar Studies: The historico-philological inquiry into the Origins of Khazars*. Budapest, 1980. Vol. 1-2.
527. Gombocz Z. *Über den Volksnamen bessenyö // Turan*. Budapest, 1918, № 4.
528. Gombocz Z. *Arpadkori torok szemelmercink// Magyar nyelv*. Budapest, 1915. T. II.
529. Gombocz Z. *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, MSFO u, 1912, Bd. 30.
530. Grönbech K. *Codex Cumanicus: Faximile*. Kopenhagen, 1936.
531. Grönbech V. *Forstudier til tyrkisk lidhistorie*. Kobenhavn. 1902.
532. Hammer J. von. *Bibliotheca italiana*. Roma, 1825 (Decembara).
533. Hammer J. von. *Wiener Jahrbücher den Literatur*. 1827. T. 38.
534. Houtsma M.Th. *Ein türkisch-arabisches Glossar*. Leiden, 1894.
535. Izbudak V. *El-Idrak hasiesi*. Istanbul, 1936.
536. Kantemir A. *The Caucasus*. München, 1951.
537. Karça P., Kosay H.Z. *Karaçay-Malkar Türklerinde hayvançılık ve bununla ilgili gelenekler // Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Cografya Fakültesi yayınlarından*. 101. Ankara, 1954. VIII - 150.
538. Karamanlıoğlu A. *Türk dili nereden geliyor, nereye gidiyor?* Istanbul, 1972.
539. Kilisli Rifat. *Al Qawanim al Kuliyah lidabt al-lugat at-turkiyat*. Istanbul, 1928.
540. Klaproth H.J. *Asia Poliglotta*. Paris, 1823.
541. Klaproth J. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien in den Jahren 1807 und 1808 auf Veranstaltung der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg*, Bd. 2. Berlin, 1814; перевод на французский язык: *Voyage au Caucase et en Georgie*. Paris, 1832.
542. Kuun G. *Codex Cumanicus*. Budapest, 1880.
543. Laszlo R.N. *Torok eredetu magyar tulajdonnevek// Körösi Czoma Archiv*, 1922. I. 3.
544. Legeti L. *Les anciens elements mongols dans le mandchour // Acta Orient. Hung.*, t.x,3. 1960.
545. Ligeti L. *Les voyelles longues en turc// Jornal Asiatique*, Paris, 1938, CC XXX.
546. Marquart J. *Kultur= und sprachgeschichthiche Analekten//Uralische Jahrbücher*. 1929.-IX.-
547. Melioranskiy P. Пер. на: Grönbech V. *Forstudier til tyrkisk Lydhistorie*. Kobenhavn, 1902, Aus den Gottingischen gelehrten Anzeigen, 1904, N 6.
548. Menges K. *Qaraqalpaq Grammar*. N.4. N.Y. 1947.

-
549. Menges K. The Turkic languages and peoples. An Introduction to Turkic studies. Wiesbaden, 1968.
550. Menges K.H. Clasification of the Turkic languages // *Philologiae Turcicae Fundamenta*, Wiesbaden, 1959. I.
551. Menges K.H. The turkic languages and peoples. Wiesbaden, 1968.
552. Mirza Bala. Karacay ve Balkar // *Islam Ansiklopedisi*. Istanbul, 1952.
553. Mommsen Th. Über der Chronographen vom j. 354 // *Abhandlungen der philologische-historischen Klasse der Koning. suchsischen Gesellschaft der Wissenschaften*. Leipzig, 1850. Bd. 1.
554. Munkacsi B. Beitrage zu den alten arischen Jehnwörtern im Türkischen // *Keleti Szemle*. Budapest, 1905. VI. 2-3.
555. Nemeth Gy. Kumük tanulmányok: Kumük es Balkár szójegyzek // *Keleti Szemle*. Budapest, 1911. Bd. XII.
556. Nemeth J. Türkische Grammatik // *Sammlung G(schen)*. Berlin; Leipzig, 1917.
557. Nemeth J. Zuden E-Lauten im Türkischen//*STO*, XXVIII, 14, 1964.
558. Nemeth J. Zur Kenntnis des geschlossen e im Türkischen// *KCsA*, I, Ergesbd, 5, 1939.
559. Németh J. Zu den E-Lauten im Türkischen// *StO*, XXVIII, 14, 1964.
560. Pallo M.K. Die mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandels d-б-ч. - *HAJb*, 1971, t. 43.
561. Pallo M.K. Die Vertreitung ung. SZ-(S)<türk. j- in den alten türkischen Lehnwörtern der ungarischen Sprache. - *UAJb*, XXXIII, 1961.
562. Pallo M.K. Zur Frage der tschuwaschischen V-Prothese.- *AOH*, 1961, t. 12, N 1-3.
563. Palmblad W.Fr. Geographische und statistische Ephemenden. 1827. XIX. 9.
564. Pedersen H. Türkische Lautgesetze // *Zeitsrift der Deutschen Morgenlandischen Gezallschaft*. Leipzig - Wiesbaden, 1903. LVIII.
565. Pedersen H. Türkische Lautgesetze.//*Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gezelschaft* - Leipzig, 1903, Bd. 57.
566. Poppe N. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
567. Poppe N. Introduction to Mongolian comparative studies.- *MSFOu*, t. 110. Helsinki, 1955.
568. Poppe N. Türkisch-tschuvassische vergleichende Studien // *Islamica*, I, Leipzig, 1925
569. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen, I. Wiesbaden, 1960.
570. Pröhle W. Balkarische Studien.II. // *Keleti Szemle*. Bd.XVI. Budapest, 1915-1916.

-
571. Pröhle W. Balkarische Studien//Keleti Szemle. Budapest, 1914-1915, T.XV.
572. Pröhle W. Balkarische Studien: I // Keleti Szemle. Budapest, 1914-1915. Bd. XV.
573. Pröhle W. Karatschaische Studien // Keleti Szemle. Budapest, 1909. Bd. V.
574. Pröhle W. Karatschaische Studien//Keleti Szemle. Budapest, 1909, T.V.
575. Pröhle W. Karatschaisches Worterverzeichnis // Keleti Szemle. Budapest, 1909, Bd. X.
576. Pritsak J. Das Karatschaische und Balkar'ische // Philologiae Turcicae Fundamenta. I. Wiesbaden, 1959.
577. Pritsak O. Das Karatschaische und Balkarische// Philologiae Turcicae Fundamenta. Wiesbaden, 1959.
578. Räsänen M. Contributions au classement des langues turques // Rocznik Orientalistyczny (1951-1952). Lwow; Krakow, 1953. XVII.
579. Räsänen M. Materialien zur Morfologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957.
580. Räsänen M. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen // Studia Orientalia. Helsinki, 1949. XV.
581. Radloff W. Alttürkische Studien, V.//Известия АН, У1 серия, № 6, Спб., 1911.
582. Radloff W. Das türkische Sprachmaterial des Codex Cumanicus. SPb., 1887.
583. Radloff W. Geschichte der türkischen Vokalsystems // Известия Императорской Академии наук. Спб., 1901, т. XIV, N 4.
584. Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882-1883. T. 1-2.
585. Radloff W. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, I. Phonetik. Leipzig, 1882.
586. Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre. Helsinki, 1957.
587. Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft//Beard. und herausgevon. P.Aalto. Helsinki, 1957. Bd. 1.
588. Ramstedt G.J. Turkkilais-tataarilaiset kielet // Tietosanakirja. Helsinki, 1938. XIV.
589. Ramstedt G.J. Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte. III. Der J-Laut und damit zusammenhängende Fragen.//Keleti Szemle, 1915, k. 16.
590. Ritter R.-P. Bemerkungen zur "Jassischen Worterliste"//Acta Orientalia Hungarica. 1976. Bd. XXX.

-
591. Rona-Tas A. The periodization and sources of Chuwash linguistic history// Chuvash studies. Budapest, 1982.
 592. Rona-Tas A. Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker. Berlin, 1974.
 593. Sinor D. On Turkish buddhism in Central Asia // Körösi Csoma-Archivum. Budapest, 1939.
 594. Tekin T. A new classification of the Turkic languages // Türk dilleri araştırmaları. Ankara, 1991.
 595. Tekin T. Türk dillerinin tasnif tablosu (таблица с пояснениями к тексту доклада на II Всесоюзной тюркологической конференции в Алма-Ате. 1976 г.)
 596. Tobtchibachi A. Les Balkars et les Karatschais // Actes du Congress International des orientalistes. Paris, 1948. XXI.
 597. Vamberi H. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.
 598. Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923.
 599. Yusti F. Iranischen Namenbuch. Marburg, 1895.
 600. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ГЛАВА I. Общетеоретические вопросы истории карачаево-балкарского языка	11
§ 1. Историография изучения карачаево-балкарского языка	11
§ 2. Место карачаево-балкарского языка в системе тюркских языков	17
§ 3. Проблемы этно- и лингвогенеза карачаевцев и балкарцев	28
§ 4. Прототюрки и прототюркский язык	32
§ 5. Древние булгары и древне-булгарский язык	34
§ 6. Хазары и хазарский язык	37
§ 7. Печенеги и печенежский язык	39
§ 8. Кыпчаки и кыпчакские языки	42
§ 9. Формирование карачаево-балкарского языка и его диалектных особенностей	48
§ 10. Периодизация истории карачаево-балкарского языка	53
§ 11. Проблемы стратификации этноязыковых субстратов Юго-Восточной Европы и этнолингвогенеза карачаевцев и балкарцев.	75
1. Иранские субстратные пласты	75
2. Тюркские субстратные языковые пласты в карачаево-балкарском языке	87
ГЛАВА II. Репрезентация пратюркских гласных в современном карачаево-балкарском языке и его диалектах	94
§ 1. Система вокализма современного карачаево-балкарского языка	94
§ 2. Отражение пратюркского вокализма в современном карачаево-балкарском языке	97

Пратюркский	* <i>a</i>	98
Пратюркский	* <i>ā</i>	108
Пратюркский	* <i>ä</i>	109
Пратюркский	* <i>ḍ</i>	112
Пратюркский	* <i>o</i>	117
Пратюркский	* <i>ō</i>	119
Пратюркский	* <i>ö</i>	122
Пратюркский	* <i>ḡ</i>	123
Пратюркский	* <i>y</i>	125
Пратюркский	* <i>ȳ</i>	138
Пратюркский	* <i>i</i>	140
Пратюркский	* <i>ī</i>	141
Пратюркский	* <i>u</i>	143
Пратюркский	* <i>ū</i>	144
Пратюркский	* <i>ü</i>	146
Пратюркский	* <i>ũ</i>	150

ГЛАВА III. Реперезентация прататюркского консонантизма в современном карачаево-балкарском языке

152

Состав согласных фонем карачаево-балкарского языка

152

Описание согласных фонем

154

Система консонантизма пратюркского языка

168

1. Пратюркские смычные согласные спиранты

169

Пратюркский **p*

169

Пратюркский **b*

176

Пратюркский **q*

181

Пратюркский **k*

194

Пратюркский **g*

208

Пратюркский **ɣ*

219

Пратюркский **t*

229

Пратюркский **d*

243

2. Щелевые согласные и аффрикаты

256

Пратюркский **s*

256

Пратюркский **z*

262

Пратюркский **š*

268

Пратюркский **ṣ*

277

Пратюркский **j*

284

3. Сонанты.....	307
Пратюрский * <i>m</i>	307
Пратюрский * <i>n</i>	317
Пратюрский * <i>ŋ</i>	327
Пратюрский * <i>l</i>	330
Пратюрский * <i>r</i>	336
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	344
Условные сокращения и обозначения. Словари.....	354
Языки, диалекты, говоры.....	359
БИБЛИОГРАФИЯ	361

АЛИЙ АХМАТОВИЧ ЧЕЧЕНОВ

**Историческая фонетика
карачаево-балкарского языка**

НАУЧНОЕ-ИЗДАНИЕ

Редактор Э.И.Сахабутдинова

Подписано в печать 15.10.96

Формат 70х100 1/16. Уч.-изд.л. 24,3.

Тираж 500 экз. Зак.№ 17.

РИЦ ИСПИ РАН

121069, Москва, Борисоглебский пер., 13, 3

Лицензия на издательскую деятельность № 020913

от 23.09.94